

АС-АЛАН

1[6] 2002

"Преклоняюсь перед мудростью и мужеством Руслана Аушева, который делает все возможное и невозможное, чтобы сохранить целостность и единство Российской Федерации и благополучную Ингушетию в ее составе..."

... Он единственный Президент в России, который носит усы".

Председатель демократической организации "Джамагъат"
карачаевского народа Азрет-Али Кечеруков

Президент Ингушетии Руслан Аушев

«Не совершайте насилия над другими и не допускайте насилия над собой»

Пророк Мухаммед

АС-АЛАН

№1(6)

Ежеквартальный массовый журнал, освещающий историю и
сегодняшнюю жизнь карачаево-балкарского и других народов
Российской Федерации

Издается с 17 ноября 1998 года на карачаево-балкарском,
русском, английском, турецком, арабском, немецком,
французском языках.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Книжное издательство «Мир дому твоему»

Главный редактор:

Билал Лайпанов

Редакционная коллегия:

Алий Тоторкулов, Марьям Яндиева, Аслан Агабиев,
Расул Джалпуев, Энвер Токаев, Hacı-Murat Hubey

Общественный совет:

Дахир Семенов, Азрет-Али Кечеруков, Борис Батчаев,
Рамазан Джукчаев, Zubeyir Korkmaz, Abdullah Yücesan,
Atilla Şimşek, Бахаутдин Этезов, Юлий Костинский, Alan Layran,
Адам Мальсагов, Yaşar Kalafat, Радос Кулиев, Надир Бекиров,
Mustafa Dommaıcı, Борис Лайпанов, Нюр-Магомед Лайпанов

"МИР ДОМУ ТВОЕМУ"

Москва

2002

ББК 84Р7

АІ

**АІ АС-АЛАН №1(6): Журнал.-М.:
Мир дому твоему, 2002. 576 с., илл.**

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов ответственность несут авторы. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Перепечатка материалов (фото и текстов) без разрешения редакции запрещена.

Тел. для справок: (095) 177-99-20,

E-mail: bilallaypan@mtu-net.ru

Почтовый адрес: 109518, Москва,
ул.Грайвороновская, 21-110

**ББК 84Р7
АІ**

ISBN 5-87553-034-0

© "Мир дому твоему", 2002 г.

© "Ас-Алан", 2002 г.

*Главному редактору журнала
«Ас-Алан» Билалу Лайпанову*

Уважаемый главный редактор!

Горячо приветствую и поздравляю редакционную коллегию, общественный совет и читателей журнала «Ас-Алан» с выходом очередного номера издания.

Всего три года выходит ваш журнал, но он уже успел завоевать авторитет в читательских кругах. Поднимая животрепещущие проблемы народов Кавказа, умело и доходчиво освещая их историю и сегодняшнюю жизнь, журнал сумел донести до российского и зарубежного читателя богатое разнообразие кавказского мира, его самобытность и оригинальность, его насыщенную одновременно трагедией и созидательной деятельностью жизнь.

Республика Ингушетия и ингушский народ, непосредственно на себе и сполна испытавший горечь исторической несправедливости, и с достоинством прошедший через ряд сложных и трагических страниц истории Северного Кавказа, по-особому трепетно и заинтересованно относится к каждому благородному делу, направленному на восстановление мира и справедливости в регионе и Российском государстве в целом.

Северный Кавказ сегодня - это в первую очередь проблема репрессированных народов, права которых еще не восстановлены в полном объеме. Но не только это является предметом нашей нынешней заботы и государственных интересов. Только созидательная жизнь, направленная на построение нового общества, обеспечивающего выравнивание исторических диспропорций, а затем и обеспечение равных возможностей для дальнейшего развития каждого субъекта, каждого народа могут гарантировать нам всем свободное развитие.

Уверен, что на Северный Кавказ вернутся мир и благоденствие, все его братские народы будут жить во имя светлого будущего.

Желаю вашему журналу долгой жизни, неизменного читательского интереса и новых перспектив!

Мира и благополучия каждой нашей семье, каждому народу!

*С уважением,
Президент
Республики Ингушетия*

Ноябрь 2001 г.

Р. Аушев

Главному редактору журнала «Ас-Алан»
Билалу Лайпанову

Уважаемый главный редактор!

Я с интересом ознакомился с номером Вашего журнала за 2001 год. По роду своей деятельности я занимаюсь поддержанием языков, находящихся в опасности, которых в России большинство. В течение более трех десятков лет я изучаю со своими студентами и коллегами малые языки бывшего СССР, в частности на Кавказе и в Закавказье. Особенно хорошо я знаю языковую и культурную ситуацию Дагестана, который я изъездил вдоль и поперек. Мною и моими коллегами изучено и описано более 20 дагестанских языков. Как лингвист я привержен идее сохранения всех языков планеты как величайшего гуманитарного достояния человечества. Поэтому мне небезразличны любые инициативы, направленные на поддержание "малых" языков, культуры и обычаев их народов, на развитие этнического самосознания и стремления к этническому самосохранению, на обеспечение равных прав для всех народов. В этом плане я горячо приветствую Ваше начинание, которое может иметь исключительно большое значение для балкарского и карачаевского народов. Они должны знать свою историю, развивать литературные нормы языка в процессе литературного процесса, ценить и уважать своих предков, свой язык, свои обычаи. Необходимо преодолеть последствия их репрессивного прошлого.

Вместе с тем национальное самосознание не должно быть объектом политических манипуляций. Имеется очень существенная грань между идеей поддержания языковой и культурной самобытности народа и стремлением обособить

народ в правовом, государственном и экономическом отношении. К сожалению, значение этой грани в современном многонациональном мире осознается далеко не всеми. Часто возрождение этнического самосознания связывается с иллюзией простейшего пути к его достижению — с административно-территориальным обособлением этноса. Однако это слишком дорогая и в то же время бесперспективная цена для достижения этнического благополучия. Такого рода популистские движения превращают благородную идею в ее противоположность и являются для этносов величайшим злом. Последние годы показали губительность попыток отделения отдельных народностей на административном и государственном уровнях. Особенно это опасно в таком многонациональном регионе как Кавказ. Не может быть никаких оправданий подталкивания народностей к таким идеям.

С этой точки зрения в публикуемых Вами материалах кое-что настораживает. Указанная грань не проводится в журнале четко. Авторы отдельных статей стоят явно на различных позициях по отношению к национальному вопросу. Наряду с очень близкими мне идеями в публикациях имеются и прямо противоположные. Например, говорится об образовании Балкарской республики и республики Карачай. К чему это может привести, все мы хорошо знаем. Никаких моноэтнических образований в регионе, да практически и во всем мире, быть не может. Не в них надо искать пути достижения гармоничного национального сосуществования. Надо не подогревать межэтнические конфликты, а гасить их. На фоне же таких публикаций меркнет гуманитарное предназначение Вашего журнала.

В журнале также просматривается идея объединения тюркских народов. Я также глубоко убежден, что сплачивание народностей на принципе родственности (языковой, этнической) неизбежно ведет к противопоставлению народов и делению их на своих и чужих, то есть опять же к ущемлению прав одних народов за счет прав других. Единственное этническое право,

которое безусловно должен иметь каждый этнос — это право сохранения своих традиций и своих человеческих ценностей, включая язык, национальное самосознание и культуру, но ни грамма больше. Во всех других отношениях нет никаких различий между балкарцами, кабардинцами, карачаевцами, черкесами, русскими и др. народами: они не более чем равноправные жители планеты Земля. Об этом надо бить в набат.

Хотелось бы надеяться, что Вы разделяете эту точку зрения, и в меру этого я желаю Вашему журналу процветания на ниве облагораживания национальной идеи в Вашем регионе.

Доктор филол. наук, профессор,

зав. кафедрой теоретической

и прикладной лингвистики

филологического факультета МГУ А.Е.Кибрик

1.07.01

*Профессору, доктору филологических наук,
Зав. кафедрой теоретической и прикладной
лингвистики филологического факультета МГУ
А.Е. Кибрику*

Глубокоуважаемый Александр Евгеньевич!

Публикуя Ваше письмо, редакция журнала "Ас Алан" выражает этим свое уважение к Вашему мнению и свою готовность вести открытую дискуссию по вопросам, которые Вы затронули и которые имеют первостепенное значение для всех народов России.

Мы хотели бы особо подчеркнуть, что мы высоко ценим Ваше внимание и научный интерес к языкам и культурам народов Северного Кавказа, Ваше доброе отношение к нашим дагестанским братьям и искреннее стремление внести свой вклад - ученого и гражданина - в решение сложных проблем межнационального мира и согласия, демократического государственного устройства. Светлый ореол имени Вашего отца - замечательного художника, на произведениях которого, иллюстрациях к шедеврам мировой литературы, нравственно и эстетически воспитывалось не одно поколение наших соотечественников,- заставляет нас с особенным вниманием отнестись к каждому Вашему слову и с благодарностью отметить Ваш интерес к нашему журналу и Ваше обращение к нам.

Тем не менее, мы никак не можем обойти стороной те положения Вашего письма, которые вызывают у нас сомнения в Вашей правоте, а в некоторых случаях и глубокое, основанное на наших убеждениях, решительное несогласие и требуют принципиальных возражений.

Нам хотелось бы начать с формального, может быть, даже чисто случайного момента, которому не стоило бы придавать серьезного значения, если с Вашей стороны это простая оговорка, лексическая неточность, дань жаргону или "новоязу". Но с этого, к сожалению, начинается та линия размежевания между Вашим подходом к проблемам народов Кавказа и позицией нашего журнала. Пока это

только маленькая трещинка, или, если будет уместно другое сравнение, только вершина айсберга, под которой мы ощущаем, однако, мощную ледяную глыбу холодного непонимания и пренебрежения. В своем письме, говоря о языках народов Кавказа, Вы используете и повторяете выражение "малые языки". Нам не приходилось сталкиваться с такой дефиницией в языкознании, и трудно поверить, что она существует на легитимном уровне. Но даже если в каких-либо бюрократических системах классификации допускается членение на "малые" и "большие" (или "великие"?) языки, мы не можем представить себе, как филолог, профессионально обязанный проявлять слух и чуткость к звучанию слова, может без стеснения пользоваться этим термином, тем более в прямом обращении к людям, которых представляет и наша редакция, и значительная часть нашей читательской аудитории и которые, видимо, и считаются по такой бюрократической классификации носителями "малых языков".

Наше национальное достоинство, уважение к языку своих предков, умение ценить красоту и богатство родной речи обязывает нас сказать Вам, что у нас, на Кавказе, - как, наверно, и нигде в мире, - нет "малых языков", даже в том случае если малочисленными являются (или становятся не по своей доброй воле) народы - носители этих языков. Мы никогда не посмеем назвать "малым" ни аварский язык, на котором звучит поэзия Расула Гамзатова, ни даргинский, ни лакский, ни один иной язык народов Дагестана. Мы считаем великим, обреченный еще сталинским режимом на уничтожение, но не исчезнувший, не забытый, не побежденный язык наших чеченских братьев и других народов вайнахской семьи. И карачаево-балкарский язык, сохранивший древнейшие основы, богатейшие лексические пласты и мелодичный фонетический строй тюркского лингвистического комплекса, мы никогда не считали "малым", беспомощным или несовершенным. Читая стихи Исмаила Семенова или Кайсына Кулиева, мы не подсчитываем, во сколько раз карачаевцы и балкарцы уступают по численности своим многомиллионным

северным или восточным соседям. У нас иной критерий величия, иное понимание больших и "малых" культур.

Не будем, однако, долго останавливаться на этом вопросе. Допустим, что это всего лишь недоразумение, и Вам, авторитетному специалисту и известному российскому ученому, на самом деле вовсе и не кажутся "малыми" языки, которые Вы изучаете в Ваших кавказских экспедициях. Впереди у нас с Вами более серьезные вопросы и разногласия.

Вас тревожит опасность государственных "переделов", манипуляций национальными чувствами, сепаратистских тенденций, попыток расчленения существующих республик и образования новых, - не будем пересказывать Ваше письмо: оно у всех читателей перед глазами. К сожалению, Вы не одиноки в этих тревогах и подозрениях. Сотни политиков, управляющих механизмами федеральной исполнительной и законодательной власти, тысячи дипломированных ученых, разрабатывающих концепции российской национальной политики, миллионы российских обывателей, напуганных фантомами "кавказского сепаратизма", думают так же, как Вы. И отвечая Вам, мы отвечаем всем, кто искренне заблуждается, и всем, кто сознательно вводит в заблуждение своих соотечественников.

Мы были бы рады принять Вашу прекрасную и утопическую, как все "города Солнца", программу внегосударственного прогресса. Пусть не будет никаких проблем с образованием республик и автономий, с "перекройкой" политических карт, пусть не будет сецессий, пусть, вообще, не будет никаких государств, границ, "титulyных наций", пусть живут свободно и счастливо не озабоченные никакими государственными преобразованиями народы на общей для всех земле, соревнуясь своими талантами и интегрируя свои достижения в общечеловеческую культуру - вне политики, вне политической суеты и борьбы за никому не нужные новые или старые административно-государственные структуры и призрачные идеалы обманчивой "независимости". Но пусть *так* это будет для всех, и

давайте начнем строить этот общечеловеческий "город Солнца" не с тех встревоженных регионов, которые вряд ли благоприятны для прочного фундамента, и не с тех несчастных, по многим параметрам угнетенных (репрессированных, депортированных, далеко еще не реабилитированных) народов, у которых нет ни своих государств, ни своих столиц, ни знамен, гордо реющих над Организацией Объединенных Наций, ни национальных парламентов, ни национальных школ, да нет элементарного радиовещания на родном языке - хотя бы полный час в неделю. Давайте начнем с "больших", счастливых и сильных, у которых все это есть, давайте спросим французов "Зачем вам Франция?", немцев "Зачем вам Германия, да еще вот объединенная с таким сорокалетним трудом и таким осенним чудом 1989 года?" Не будем даже провоцировать особенно сильную бурю страстей, обращаясь к русским с вопросом "Зачем вам Россия (великая, с сильной государственной вертикалью)?" или к сербам с вопросом "Зачем вам Сербия?" Спросим у венгров "Зачем вам Венгрия (а не благополучная провинция Австро-Венгерской империи)?", у поляков - "Зачем вам Польша?" или у литовцев "Зачем вам Литва?". Не забудем и о еврейском народе, который в силу своих исключительных способностей и исторических традиций всегда имел и ныне имеет прекрасные шансы для интеграции в любую государственную систему Европы или Америки, спросим и его: "Зачем вам государство Израиль, которое Вам пришлось создавать после Второй мировой войны практически заново, а ныне приходится защищать такой дорогой ценой?".

Понимаете, у каждого народа есть ответ на этот вопрос, и никто никогда не убедит поляков, что им лучше жить под верховным правлением соседней империи или соседнего рейха, что независимое государство - это выдумка "манипуляторов", главное - язык и культура, которую, в общем-то, можно сохранить и в оккупации, и на Голгофе "разделов".

Мы хорошо помним популярный (не популистский!) лозунг демократических демонстраций и митингов конца

1980-х годов, в пламени которых догорал тоталитарный режим: "Литва без государственности - Литва без будущего". Мы и сегодня верим в священную справедливость этих слов, гордимся освобождением Литвы, всей Прибалтики, как нашей общей победой, с неутоленной жадью пьем этот глоток "нашей и вашей свободы". Но как же нам понять, как объяснить нашим читателям, почему Литва (Латвия, Грузия, Украина, Азербайджан - Вы знаете весь этот ряд) без собственной государственности и независимости не могут и не будут существовать, а Татарстан, а Чечня, а Тува?... А наследник блистательной культуры Крымского ханства, многострадальный татарский Крым вечно будет едва заметным хвостиком Украинской рады, крошечным винтиком в машине украинской государственности, почему?... Или одним можно, другим нельзя, ибо у этих "других" кровь или кожа другого цвета, глаза другого разреза, земля менее богата нефтью, алмазами, целебными источниками, или менее согрета любовью своего народа, менее полита кровью героев национально-освободительной борьбы?

Кстати о национально-освободительной борьбе, под знаменем которой проходит через конец 19-го и через весь 20-й век история народов Африканского, Азиатского, да отчасти и Европейского континентов. Вы, может быть, гоже считаете ее "опасной выдумкой политических манипуляторов", ловко "натравливающих" бывших рабов на их хозяев. Так, во всяком случае, представляли дело все колонизаторы, уверявшие мир, что народы (Индии, Алжира, Крыма, Кавказа, далекой тропической Африки или просто соседней, ближайшей к метрополии Венгрии, Галиции, Словакии, Польши) просто счастливы под их господством (на современном языке - должны "интегрироваться"), и если бы не отдельные "смутьяны" ("этнические предприниматели", "политические манипуляторы"), не было бы проблем и бед. Но вот несостоятельным оказывается такое толкование истории перед могучим антиколониальным движением, практически уже очистившем к началу 21 века нашу планету от позорных пятен - остались самые последние...

Не кажутся ли Вам обреченными попытки и напрасными усилия остановить колесницу истории?

Оставим, однако, в стороне проблемы мировой истории. Читая наш журнал, Вы знаете, что мы ограничиваем себя более узким полем - культурного наследия, этнического развития, насущных проблем народов центральной части Северного Кавказа, прежде всего его тюркского мира (к вопросу о тюркской солидарности или изоляции, "обособленности", как Вам она представляется, мы еще вернемся). Мы не поддерживаем сепаратистских тенденций, не рассматриваем перспективы "выхода" из состава Российской Федерации данных территорий, просто потому, что у проживающих на этой земле народов нет таких стремлений и таких проблем.

У наших народов - другие проблемы, сегодня никак не связанные с сепаратистским движением, не нацеленные на отделение от России ни Карачая, ни Балкарии, ни Ногайской Степи. Перед этими народами стоят задачи реализации суверенитета и права на самоопределение, развития и укрепления собственной государственности в формах республик и автономий, являющихся составной частью - субъектами Российской Федерации. Во многих случаях речь идет даже не о создании новых республик и автономий, а о восстановлении того, что было до сталинских депортаций, причем о восстановлении *на законной основе* - в соответствии с действующим Законом Российской Федерации от 26 апреля 1991 года "О реабилитации репрессированных народов", включающем статью о территориальной реабилитации (все сроки временного моратория на приведение этой статьи в исполнение давно истекли). Именно согласно этому Закону должна быть восстановлена существовавшая до депортации нашего народа в 1943 году Карачаевская автономия, должны быть восстановлены произвольно ликвидированные после депортации балкарского народа районы, должна быть объединена с Республикой Ингушетия отторгнутая у ингушского народа территория, произвольно включенная в состав нынешнего

Пригородного района Северной Осетии. И если уж вести речь об опасностях, то нам представляется опасным (в том числе и для российской государственности в целом) стремление определенных политических сил и чиновников игнорировать, торпедировать, не выполнять, саботировать действующий Закон, в то время как наши действия, направленные против саботажа, и нашу пропаганду за последовательное и неуклонное выполнение этого Закона мы считаем проявлением самой высокой лояльности по отношению к российскому государству и федеральной системе.

Безусловно, не во всех случаях речь идет о точном восстановлении того, что было. Не было Балкарской АССР в составе РСФСР, не было Ногайской автономии ни в 1930-е, ни в 40-е годы. Но почему же не сделать шаг навстречу новым инициативам, не поддержать новое начинание, если оно соответствует интересам народа и опирается на народную волю?

Поддерживая такие начинания, мы исходим из следующих убеждений.

Существует право народа на самоопределение, провозглашенное и признанное на уровне высоких международных соглашений и конвенций (в том числе подписанных Советским Союзом и его правопреемником - Российской Федерацией), реализованное еще на заре 20 века во многих исторических решениях Версальской конференции, давшей "путевку в жизнь" новым восточно-европейским государствам, и частично использованное и претворенное в жизнь в ленинской политике "автономизации" ("предоставления автономий всем народам на территории России", как формулировал содержание этой политики сам В.И. Ленин в своей известной телеграмме турецкому лидеру Мустафе Кемалю), а также в союзном устройстве СССР и его многоступенчатой системе автономий, отнюдь не исчезнувшей, не "отмененной", а вошедшей и в ныне действующую Конституцию Российской Федерации, в составе которой есть и суверенные республики, и автономная область, и автономные национальные округа.

Сегодня мы понимаем, что эта "автономизация", как современного образца, так и в политической практике 1920-30-х годов, далеко не совершенна, что провозглашенная американским Президентом Вильсоном максима "права народов на самоопределение" во многом "урезана", извращена, искажена в национальной политике большевиков, использовавших этот лозунг для привлечения на свою сторону нерусских народов бывшей Российской империи в ходе гражданской войны и в конечном итоге обманувших ожидания и надежды этих народов. Мы ясно видим, что реализация этого принципа и права в той форме и на том пути, по какому пошли народы, сумевшие еще в 1917-1918 годах провозгласить и отстоять впоследствии свою государственную независимость (Польша, Финляндия) или продержаться в качестве независимых государств хотя бы несколько десятилетий или лет (Литва, Латвия, Эстония до 1940 года, Грузия до 1921 года, Украина до 1919 года и так далее), дала этим народам гораздо больше и в моральном, политическом, и в экономическом, и в этнокультурном отношении, чем советская "автономизация". Но даже та неполная (жестко контролируемая "Центром"), та несовершенная (неизбежно деформируемая в общей уродливой системе тоталитарного режима), относительная самостоятельность, которую получили десятки угнетенных народов бывшей Российской империи при советской власти в форме таких структур, как союзная, автономная республика, автономная область, автономный округ, национальный район, дала этим народам чрезвычайно много, стимулируя и обеспечивая реально действующими механизмами то самое развитие культуры, этнической идентичности, духовной самобытности, которое Вы так высоко цените и считаете нужным поддерживать и защищать. Но без государственных механизмов поддержки (создания школ, университетов, издательской базы, национальных театров и многого, много другого) в российских условиях фактического неравенства (даже при конституционном декларировании равноправия) разных народов это просто немыслимо. Поэтому так многого добились в исторически

короткий срок (и в очень непростое время социальных экспериментов и политического террора) те народы России, которые обрели свои автономии, а уж тем более те, которые получили статус союзных республик (хотя в распределении этих "статусов" было много случайного и несправедливого: почему, к примеру, существовала Таджикская ССР, но всего лишь Тувинская АССР и Горно-Алтайская АО?), и по сравнению с ними так отстали, так много потеряли в своем культурном наследии и развитии те народы, у которых не было никакой автономии (например, сибирские татары, ногайцы, греки Юга России). Отказываясь от прошлого тоталитарного режима, проклиная его преступления, мы вовсе не хотим выплеснуть с грязной водой и ребенка, тем более понимая, что это детище мировой цивилизации, гуманитарного прогресса, толерантности и уважения к правам меньшинств - принцип самоопределения, принцип формирования республик и автономий - вовсе не является собственным продуктом большевистской системы, а лишь заимствован и использован ею в собственных интересах. Мы ни в коем случае не можем отказаться сегодня от самого принципа формирования республик и автономий, понимая, что возвращение к имперской структуре губерний, отказ от федерализма, от права народов на самоопределение в формах республик, входящих в состав Российской Федерации, будет означать полный крах демократической России.

Формирование таких республик вовсе не означает создания "моноэтнических" структур и не влечет за собой никаких "этнических чисток", никаких депортаций. Мы прекрасно понимаем, что в силу постоянных миграций и сложных, длительных демографических процессов ни в одном регионе, во всяком случае, в пространстве бывшего СССР, не могут быть "моноэтническими" в чистом виде ни новые независимые государства, ни республики и автономии Российской Федерации. В каждой из них должны быть обеспечены права человека, права граждан любой национальности, права национальных меньшинств и диаспор, оказавшихся на этой территории. Но забота об

этих правах вовсе не снимает важнейшей государственной задачи создания "национальных" республик и автономий на основе реализации права народов на самоопределение. Может быть, название "национальные республики" неточно, может быть, эта практика несовершенна, может быть, сама эта парадигма не идеальна, но ничего лучшего человечество не придумало (мы сознательно перефразируем крылатое высказывание Черчилля о демократии). Назовите эту систему как угодно, но поймите, что татарский народ хочет жить в суверенном Татарстане, а не в Казанской губернии, осетинский - в республике Северная Осетия - Алания, а не во Владикавказской губернии, карачаевский народ - в Карачае, а не в Карачаево-Черкесии, балкарцы - в Балкарии, а не в Кабардино-Балкарии... И это не формальный вопрос терминов, наименований, а глубинная суть дела, выражение принципа и реализация права народа на самоопределение.

Здесь мы подходим к самому главному пункту наших возможных разногласий - к проблеме народной воли. Вам, может быть, кажется, что из Москвы, с профессорской кафедры, с думской трибуны, в каком-нибудь министерском кабинете Вы (мы не имеем в виду Вас лично) лучше видите, правильнее понимаете, что нужно тому или иному народу, и Вы будете за него решать, жить ли ему дальше в своей республике, объединиться или разъединиться с соседями, заменить территориальную автономию "национально-культурной" или каким-либо еще, Вами изобретенным способом определить свою судьбу. Мы убеждены в том, что свою судьбу каждый (даже по Вашей терминологии "малый") народ должен решать сам, и воля его священна. И напрасно чиновники и идеологи имперской системы уверяют нас в том, что никто не ведает, какова "воля народа", что этим фетишом манипулируют политики, что измерить "волю народа" невозможно. Существуют апробированные механизмы народного волеизъявления - референдумы, плебисциты, опросы на основе представительных социологических выборов, решения легитимных органов народного

представительства, например, национальных съездов и курултаев. Если балкарский народ на референдуме, проведенном 29 декабря 1991 года, в котором приняло участие 85 % всех имеющих право голоса проживающих в Кабардино-Балкарии балкарцев, ответил "да" на вопрос "Поддерживаете ли Вы провозглашение национального суверенитета балкарского народа и Республики Балкария как субъекта РСФСР?" (из 38411 граждан, пришедших к урнам, положительный ответ дали 36404 человек, то есть 94,8 % принявших участие в референдуме) и если 17 ноября 1996 года Первый Съезд балкарского народа, обеспеченный кворумом и утвержденными мандатами всенародно избранных делегатов, *единогласно* принял Постановление, провозглашающее создание Республики Балкария в составе Российской Федерации на территории компактного проживания балкарцев на их исторической родине, у нас нет никаких сомнений в том, какова реальная воля балкарского народа, и никому, ни в каких президентских, министерских кабинетах, ни в каких московских институтах и инстанциях, не дано права поправлять, блокировать эту волю и не может быть "виднее", как этому народу "лучше и правильнее" жить. Во всяком случае мы именно так понимаем демократию.

И еще мы понимаем, что жизнь не стоит на месте, что на исторические процессы распространяются законы диалектики, что движение народной инициативы, в том числе движение, приводящее к формированию новых республик, нельзя остановить, даже если из самых внушительных силовых инстанций дать на Кавказ (и любой другой регион) команду "Замри!" До 1992 года не было на Северном Кавказе Республики Ингушетия, с 1936 года существовала объединенная Чечено-Ингушская АССР, но изменились обстоятельства, возникла потребность, была проявлена воля ингушского народа, и возникла Республика Ингушетия, причем формирование ее протекало в очень трудных и политических, и социально-экономических условиях. И не к беде вайнахских народов, а к спасению многих жизней (и беженцев из Пригородного района, и нынешних беженцев из Чечни) привело создание этой

республики. Почему бы не допустить, что и новые республики появятся на Северном Кавказе в соответствии с волеизъявлением его народов и во благо всех живущих на Кавказе людей?

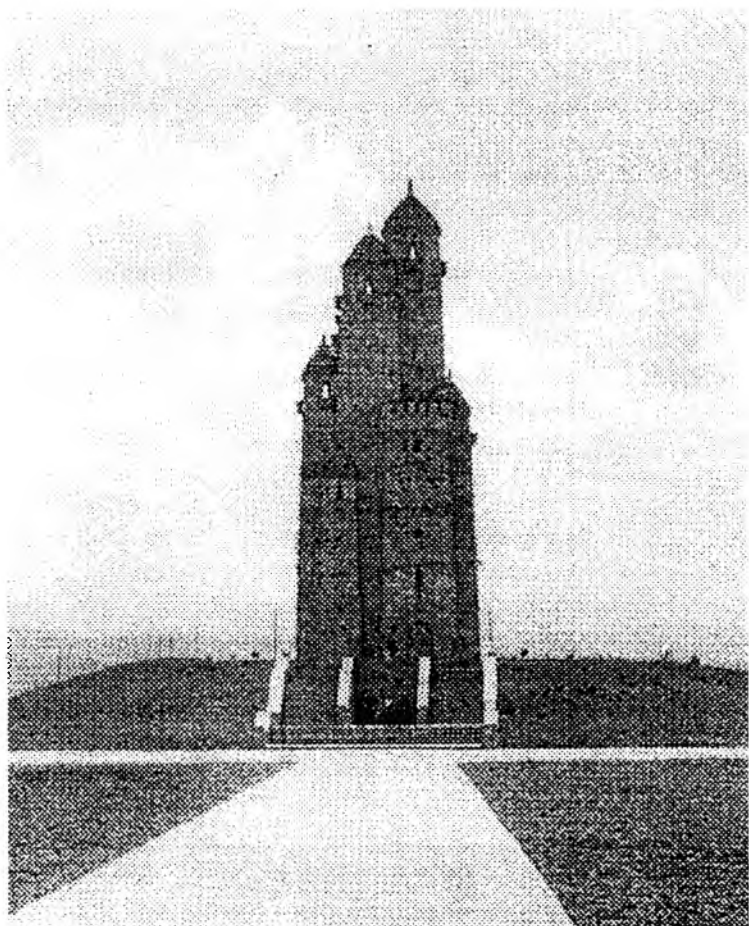
И, наконец, последний вопрос, к которому мы обещали вернуться в ответе на Ваше письмо. Да, наш журнал проявляет последовательный интерес к движению тюркизма, которое стимулирует духовное сближение, культурное взаимодействие и тесное взаимопонимание народов Евразии, принадлежащих к тюркской лингвокультурной общности. Поскольку такое движение существует, в частности, реализуется в регулярных съездах и других формах довольно активной деятельности Ассамблеи Тюркских Народов (АТН), мы просто не вправе не знакомить наших читателей с этим явлением, скрывать от них реальные факты современной истории. Мы стараемся освещать это явление объективно, не избегая анализа его слабых сторон и противоречий, его сложной истории. Но в общей оценке возрождающегося тюркизма мы никак не можем согласиться с Вами в том, будто это движение ведет к "изоляции" тюркских народов от остального мира. Напротив, мы рассматриваем его как важную ступень последовательной интеграции тюркских народов в общечеловеческую культуру и цивилизацию. Вы прекрасно знаете, что во многих этнокультурных регионах планеты такая интеграция проходит через предварительную стадию, через важный и необходимый подготовительный этап сближения (иногда организованного союза, иногда стихийного оживления контактов и укрепления связей) народов одной языковой группы или семьи - славян, народов финно-угорской общности, народов "Латинской" Америки и других групп, и очень серьезные современные науки (славяноведение, тюркология, финно-угроведение, американистика) изучают в своих современных исследованиях и на своих международных конгрессах процессы самого разнообразного (и языкового, и культурного, и политического взаимодействия) внутри таких больших групп. Вряд ли Вы допускаете мысль, что укрепление

контактов между славянскими государствами и народами (например, между Россией, Белоруссией, Украиной) ведет к их "обособлению" от мирового сообщества, что взаимодействие между латиноамериканскими народами, культурами, государствами ослабляет или изолирует их, что ощутившие свою причастность к большому культурному финно-угорскому миру наши российские ханты, манси, удмурты, марийцы или карелы что-то проигрывают и теряют от этой консолидации. Почему же надо поставить заградительный знак на пути движения тюркизма, у истоков которого стояли такие светлые личности, как Исмаил Гаспринский (в нынешнем году, когда весь мир отмечает его 150-летие, хочется подчеркнуть это особо), да и ныне далеко не худшие представители научной, творческой интеллигенции и политической элиты тюркских народов и государств отдают ему свой энтузиазм и свои силы?

Мы благодарим Вас, Александр Евгеньевич, за то, что Ваше письмо стало серьезным поводом для возможно более полного раскрытия и обоснования программы журнала "Ас-Алан".

*По поручению редколлегии и авторского актива
Главный редактор журнала "Ас-Алан" **Билал Лайпанов**
Москва, осень 2001 года*

P.S. Думается, публикуемые в этом номере ингушские материалы могут служить конкретным подтверждением сказанного нами выше. И в следующих номерах мы намерены продолжить этот разговор.

**Ингушетия.
Мемориал жертвам репрессий**

Республика Ингушетия: начало пути

История ингушского народа, одного из автохтонных народов Кавказа, уходит своими корнями, по крайней мере, к 1-ой половине I тысячелетия до нашей эры. Археологические изыскания в горах Центрального Кавказа и на равнинах Предкавказья выявили огромное количество бронзовых изделий, керамики, погребений и остатков городищ так называемой Кобанской культуры. Бесспорно, правы многие исследователи, которые видят в кобанцах Центрального Кавказа предков ингушей.

Ингуши являются представителями кавкасионского антропологического типа балкано-кавказской семьи большой европеоидной расы.

Самоназвание ингушей “*ḡalḡlay*” большинством ученых этимологизируется как “обитатели, жители башен”, по другим версиям этноним “*ḡalḡlay*” восходит к имени “Гела”, “Гала” - имени божества древнеингушского языческого пантеона. Русское название народа - “ингуши” впервые появилось в письменных источниках в XVIII веке и происходит от названия основанного ингушами в конце XVII века селения “Ангушт”. Сегодня древний Ангушт (с.Тарское), как и многие другие населенные пункты ингушского народа, входит в состав Северной Осетии.

В XVII веке ингуши становятся объектом русской политики и “издавна находились в миролюбивых отношениях к русским”. Относительно же “чуждых народов галгаевцы держали себя совершенно независимо”.

Упоминания о предках ингушей - “гаргарях”, “дурдзуках”, “глигвах”, “хамекитах” и т.п. - встречаются в трудах античных, армянских и грузинских авторов: Страбона, Плутарха, Гая Плиния Секунда (Старшего), Моисея Хоренского, Леонтия Мровели, Вахушти

Багратиони и других.

Древние армянские источники сообщают о существовании во второй половине I тыс. до н. э. на Центральном Кавказе крупного политического объединения нахских племен, простиравшегося от Приэльбрусья и течения реки Малка на западе до р. Аргун на востоке, от реки Терек на севере до Главного Кавказского хребта на юге.

Предки ингушей входили составной частью в Аланское государство, начавшего формироваться на Центральном Кавказе в конце IX в. и рухнувшего под натиском монголо-татар в XIII в. В это же время отмечены попытки миссионеров из Византии и позже Грузии привить ингушам христианство.

Христианский период духовного развития ингушей оставил после себя несколько крупных христианских храмов, сохранившихся в горной части Ингушетии. Таких, как, например, храм Тхаба-Ерды и другие.

Согласно классификации Н.Я. Марра, родственные ингушский, чеченский и цова-тушинский (бацбийский) языки относятся к нахской группе срединной ветви яфетических языков Кавказа, восходящей к древнему общекавказскому языку – основе. Учеными на примерах прослежены языковые параллели нахской группы с хуррито-урартской группой языков, с баскским и этрусским языками.

Распад Аланского государства привел к массовому исходу ингушского населения в горы.

Условия малоземелья, в которых оказались ингуши, серьезно ограничивали развитие их хозяйства. Тем не менее, предками ингушей было создано развитое горное так называемое террасное земледелие. Террасное земледелие подразделялось на естественные и искусственные наделы. Последние, создаваемые трудом нескольких поколений, ценились очень высоко.

К концу XVI в. весь пригодный для окультуривания земельный фонд горной Ингушетии был исчерпан. Малоземелье, рост народонаселения стимулировали возвращение ингушей на предгорную равнину. Этому

процессу благоприятствовала и изменившаяся политическая ситуация на Кавказе.

В 1770 году кизлярский комендант принял ингушское посольство, изъявившее желание “поступить в вечное Ее Императорского величества подданство”, и просьба эта была удовлетворена. Соперничество кабардинских и кумыкских владетелей в предгорьях Центрального Кавказа в этот период и связанные с этим бесконечные междоусобицы побудили ингушей в 1771 году вновь обратиться к русскому корпусному генералу де Меду с просьбой взять их под покровительство и оградить от притеснений соседних феодалов. Но российское владычество еще не укрепилось на Северном Кавказе, и потому принятие ингушей в подданство России не носило всеобъемлющего характера.

Однако, необходимость принятия в подданство и защиты ингушей находили понимание у многих. “Если теперь не приласкать ингушевский бедный народ в теперешнем их крайнем положении, то потерять их должны и отвратить от себя”, - убеждал генерал-майор Ивелич генерала Тормасова в своем донесении, датированном июнем 1810 года.

В августе того же года в местечке Бартабос близ с. Ангушт (ныне с. Тарское Пригородного района Северной Осетии) и был подписан договор между российской администрацией и представителями ингушских фамилий о переходе Ингушетии в подданство Российского государства. Соглашение закрепляло за ингушами земли по правому берегу р. Терек и до “хребта Кабардинских гор”, то есть по сути очерчивало ареал тогдашнего расселения ингушей. Стороны приняли на себя обязательство оказывать взаимную помощь в случае нападения недружественных соседних народов.

Процесс возвращения ингушей на плоскость в XVI-XVII веках привел к появлению на берегах Сунжи и Камбилеевки десятков небольших сел и хуторов. Ученные и исследователи уже во второй половине XVIII века фиксируют здесь большое количество ингушских селений, объединенных под названием Большие Ингуши вокруг

с.Ангушт и Малые Ингуши вокруг с.Шолхи (ныне с. Октябрьское Пригородного района Северной Осетии).

В округ Малые Ингуши входит и с.Заурово, на землях которого в 1784 году русские войска закладывают крепость Владикавказ, ставшую впоследствии в полном соответствии со своим названием и в силу стратегического расположения одним из самых важных городов Северного Кавказа.

Заинтересованность русской администрации в мирных отношениях с ингушами обуславливалась тем, что по их землям, через Дарьяльское ущелье, пролегал кратчайший путь, связывавший Россию с Грузией и всем Закавказьем.

Однако, уже в середине XIX в., ввиду скорого окончания военных действий на Кавказе, "замирения Чечни и Дагестана", царизм приступает к масштабной колонизации Ингушетии. Казачьи станицы образуются на землях разоренных ингушских сел в современных Пригородном и Сунженском районах (Ангушт, Ахки-Юрт, Товзен-Юрт, Шолхи, Берд-Юрт, Ахборз, Эбарг-Юрт, Элдарга-гал и др.). Цепь казачьих станиц отделяет горную Ингушетию от ее плоскостной части. Чересполосица горских и казачьих земель на долгие годы стала источником напряжения в отношениях народов края. На это же время приходится и массовое переселение ингушского населения, обманутого царскими наместниками и коллаборационистами из среды своего и соседнего, осетинского, народов, в Турцию и другие страны мусульманского Востока.

Существенное изменение в социально-экономическое и общественно-политическое состояние ингушского общества внесло окончание Кавказской войны 1834-1869 годов.

В 1868 году открывается Назрановская горская школа, вводится гражданское управление, ингуши, осетины и казаки вместе вошли в состав Владикавказского округа.

Оканчивают Ставропольскую мужскую гимназию и возвращаются в родной край будущие ингушские

просветители и общественные деятели - Чах и Саадул Ахриевы, Асланбек Базоркин и Адиль-Гирей Долгиев, Кураз Мальсагов, Тонт Укуров и некоторые другие.

Начало XX в. ознаменовалось появлением целой плеяды ингушей, офицеров и генералов российской армии, полных Георгиевских кавалеров (получивших по 4 Георгиевских креста), управленцев, публицистов. Многие из них позже приняли активное участие в революции и гражданской войне на Северном Кавказе.

Со второй половины XIX в. территория Ингушетии входила последовательно в Военно-Осетинский округ, Западный военный отдел и Владикавказский округ.

В 1888 г. существовавшее до этого Ингушское Окружное Управление в составе Терской области было упразднено, и ингушская территория вошла в состав Сунженского отдела Терского казачьего войска. С момента этой административно-территориальной реформы представители ингушского народа обращались к властям с настойчивой просьбой о восстановлении собственного национально-административного образования. И это была не прихоть. Как отмечало само Главное Управление казачьих войск Военного Министерства России в письме в Государственную Думу России 18 октября 1908 г., "семнадцатилетнее существование объединенного управления казаками и ингушами доказало с полной очевидностью, что администрация Сунженского отдела, имея на своем попечении многотысячное казачье население, не в состоянии управлять шестидесятитысячным ингушским племенем и в результате вся функция власти атамана отдела по отношению к ингушам сводилась лишь к ограждению казаков от преступлений со стороны их соседей. ...Администрация отдела, состоящая почти исключительно из казаков, естественно, больше заботилась и вникала в нужды станиц, чем ингушей". Далее в том же письме отмечалось: "... в отношении же поднятия культурно-экономического состояния этого народа за истекшие 17 лет ничего не сделано, вследствие чего ингуши сравнительно сильно отстали от своих соседей: осетин, чеченцев и

кабардинцев”.

О необходимости учреждения отдельного национально-административного образования на имя начальника Терской области писали в 1905 году доверенные от Базоркинского, Насыр-Кортского, Средне- и Верхне-Ачалукского, Плиевского и Яндырского сельских обществ 2-го участка Сунженского отдела. Авторы обращения говорили о “...вопиющих нуждах ингушского народа, которое ставят его в слишком тяжелое экономическое и правовое положение, а следовательно, препятствуют правильному развитию среди него культурной жизни и гражданственности, в отдельных же случаях создают такую удушливую атмосферу зла и насилия, в которой человек буквально задыхается, а не живет жизнью разумного существа”.

20 июня 1905 г. делегация ингушских представителей была принята во Владикавказе представителем наместника Е.И.В. на Кавказе генералом Михайловым. По этому поводу газета “Санкт-Петербургские ведомости” сообщала, что ингуши вновь главным вопросом своей жизни заявляют “выделение их в отдельный округ, потому что совместная жизнь с казаками под тяжелой рукой узкосословной администрации им стала неважноту”.

Фактически образованный 25 ноября 1905 г., но Высочайше утвержденный только 19 октября 1907 г., Назрановский округ буквально через три года подтвердил правильность принятого решения. По донесению начальника Терской области в 1908 г. “...со времени учреждения Назрановского округа (1905 г. - Я.П.) положение вещей резко изменилось: так, например, среди ингушей заметно сократилось число преступлений, ...ингушский народ ...выказывает явное стремление идти на пути к прогрессу и мирной культуры, ...учреждение Назрановского округа возымело на ингушей весьма благотворное влияние в смысле введения среди них гражданственности”.

Образованный по настоятельной просьбе самих ингушей Назрановский округ Терской области просуществовал до начала 20-х гг. XX в.

Всплеск национального сознания народа вызвали годы борьбы за советскую власть и гражданская война. В начале 20-х гг. ингуши - на основе решения съезда народов Терека - возвращаются в свои села, отнятые у них царизмом в ходе русской колонизации края.

С установлением Советской власти, преследовавшей собственные цели, ингушская государственность получила специфическое развитие: в январе 1921 г. была провозглашена Горская АССР. В ее состав, наряду с Кабардино-Балкарским, Северо-Осетинским, Чеченским, Карачаевским и Сунженским казачьим, вошли Ингушский (Назрановский) автономный округ и города Грозный и Владикавказ. К 1923 г. из Горской АССР вышли все округа, кроме Северной Осетии и Ингушетии.

Декретом ВЦИК СССР от 7 июля 1924 г. Горская АССР упраздняется, а Ингушетия и Северная Осетия получают статус автономных областей в составе Российской Федерации. Город Владикавказ остается административным центром обеих автономий и непосредственно подчиняется федеральному центру. Будучи административным, географическим, культурным и политическим центром ингушского народа и образованный на месте ингушского селения Заурово, город Владикавказ по праву являлся и столицей Ингушской автономной области.

26 февраля 1925 г. постановлением президиума ВЦИК Ингушская АО включена в состав Северо-Кавказского края.

Но ингушская государственность в таком виде просуществовала только около 10 лет. В 1928 г. Северо-Кавказский крайком ВКП (б) и крайисполком с подачи северо-осетинских властей предпринимают первую попытку передать Владикавказ в ведение исключительно Северной Осетии. С этой целью была предпринята попытка объединения Чечни и Ингушетии.

Твердая принципиальная позиция, занятая Ингушским обкомом ВКП(б), ее первым секретарем

Идрисом Зязиковым и широкой общественностью, помешала осуществить эти планы. В то время Сталин еще не имел той безграничной власти, и потому был взят курс поэтапного “решения” вопроса. В 1929 году к Чечне присоединяют Сунженский казачий округ, разделявший территории Ингушетии и Чечни.

19 декабря 1933 г., без согласования с народом и обсуждения на съездах советов обеих автономных областей. ВЦИК СССР решает судьбу целых народов: - “Вследствие невозможности созыва районных Съездов Советов Чеченской и Ингушской автономных областей в короткий срок, разрешить **в изъятие действующего законодательства** (выделено мной. - Я.П.) созыв Чрезвычайных Съездов Чеченской и Ингушской автономных областей Северо-Кавказского края провести непосредственно от расширенных пленумов сельсоветов...”.

15 января 1934 г. это было представлено “волей трудящегося населения Чеченской и Ингушской автономных областей”, и ВЦИК СССР постановил: “Автономную область Ингушетии объединить с Чеченской автономной областью, образовав объединенную Чечено-Ингушскую автономную область с центром в городе Грозном...”. Ради последнего и была образована эта автономная область. Город Владикавказ уже перешел исключительно в ведение Северной Осетии.

Так создавались предпосылки для дальнейшего вытеснения ингушей из Владикавказа и его пригородов. На протяжении последующего времени четыре раза - в 1944, 1957, 1981 и 1992 гг. - федеральным центром и северо-осетинскими властями предпринимались удачные и неудачные попытки в этом направлении.

В декабре 1936 г. Чечено-Ингушская автономная область была преобразована в Чечено-Ингушскую АССР.

“Объединение с Чечней, к сожалению, принесло Ингушетии не развитие, а утрату тех достижений и завоеваний, которые она приобрела в период самостоятельного существования до 1934 г., - отмечали авторы письма в ЦК КПСС “О судьбе ингушского народа” в декабре 1972 г., - Объединение Ингушетии и Чечни

фактически сковало творческую инициативу ингушского народа во всех областях экономического, социально-политического и культурного строительства”.

В письме давались многочисленные примеры ущемления прав ингушского народа в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. Приехавшая из Москвы комиссия ЦК КПСС вынуждена была признать правдивость изложенной позиции. Но кардинальных мер не было принято: по мнению руководства компартии, в Советском Союзе не могли ущемляться права граждан по национальному признаку.

С объединением с Чечней ингушские заводы и фабрики, предприятия и организации, здания культурных, просветительских и иных учреждений, находившиеся в г.Владикавказе, автоматически перешли под юрисдикцию Северной Осетии. Национальная интеллигенция очень долго не хотела перебираться в чужой для нее город Грозный. Лишь к концу 30-х гг. ученые и писатели, артисты и художники перебрались в новую столицу новообразованной “объединенной” республики.

Было это связано с тем, что на протяжении всего периода существования города Владикавказа вся история ингушского народа была связана именно с этим городом.

Но даже в составе новой республики ингушская государственность просуществовала недолго.

23 февраля 1944 г. в результате грубых нарушений Конституции страны и норм международного права Чечено-Ингушская АССР была ликвидирована, а ингушский и чеченский народы депортированы в Казахстан и Среднюю Азию.

Абсурдность обвинений ингушского народа в коллаборационизме была очевидна даже потому, что территория расселения ингушей практически не была оккупирована немецко-фашистскими захватчиками, и потому ингуши никак не могли сотрудничать с гитлеровцами. Нельзя отрицать наличие здесь и стремления соседних республик в расширении своего жизненного пространства. Это прослеживается и в том факте, когда в ходе восстановления Чечено-Ингушетии в 1957 г.

значительная часть территории исторического расселения ингушского народа - Пригородный район и часть Малгобекского района - была оставлена в составе Северной Осетии. Массовые протесты ингушей, их непосредственное обращение в самые высокие инстанции с просьбой восстановить республику в полном объеме не были услышаны. Этим самым была заложена мина замедленного действия, самые тяжелые последствия которой народ испытал в октябре-ноябре 1992 г.

Ценой огромных страданий и лишений, ломая сопротивление местных властей, ингуши с 1957 г. возвращаются на свою родину в Пригородный район, на территории которого до депортации проживало больше 40% ингушей.

Более 20 тысяч депортированных в 1944 г. ингушей до сих пор не смогли вернуться домой и проживают в Казахстане и Средней Азии. После этнической чистки 1992 г. в Северной Осетии туда же выехало еще более 10 тысяч граждан этой республики ингушской национальности.

С 1957 г. ингушский народ жил разделенным между двумя республиками: Северной Осетией и Чечено-Ингушетией.

Места традиционного проживания ингушей — Назрановский, Малгобекский и Сунженский районы Чечено-Ингушетии оставались периферийными в социально-экономическом и культурно-бытовом отношении.

Выделение финансовых средств на развитие этих районов проходило по остаточному принципу. Для наглядности сошлемся на такой пример. За все годы существования Чечено-Ингушской АССР на территории этих трех районов было построено только два промышленных предприятия - завод "Электроинструмент" и трикотажная фабрика в г. Назрани.

Основная масса трудоспособного ингушского населения Чечено-Ингушетии работала на сельскохозяйственных предприятиях, другая же часть выезжала на сезонные работы в различные регионы Советского Союза.

Те, кто не имел возможности выехать за пределы региона или не мог трудоустроиться на месте, вынужден были работать на заводах, фабриках и стройках г. Орджоникидзе (Владикавказ). Ежедневно практически из всех населенных пунктов Ингушетии и обратно курсировали десятки автобусов, тысячами развозивших дешевую рабочую силу для предприятий столицы Северной Осетии.

По остаточному принципу выделялись средства и на развитие в социальной, культурной и образовательной сферах. На территории трех районов функционировало только одно среднее учебное заведение - Назрановский совхоз-техникум.

Непропорционально были представлены ингуши и в органах государственной власти Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. Годами они были обречены занимать третьи и ниже места в иерархии власти Чечено-Ингушетии, а в Северной Осетии и этого не было.

Подобное состояние дел и вынудило передовую часть интеллигенции, представителей народа в 1972 г. обратиться к центральным органам власти СССР с большим письмом "О судьбе ингушского народа", уже цитировавшееся нами выше.

16-19 января 1973 г. в Грозном состоялся многотысячный митинг ингушского народа, с требованием восстановить справедливость и вернуть Пригородный район в состав Чечено-Ингушетии.

Последовавшее жестокое преследование непосредственных и косвенных участников митинга и авторов обращения на время заставили замолчать о проблеме разделенного народа и мечте иметь свою государственность.

Начало перестройки возродила надежды народа. В 1989 г. в Грозном проходит II Съезд ингушского народа. Съезд избирает Оргкомитет по восстановлению ингушской автономии. Вопрос о восстановлении исторической справедливости находит поддержку в Верховном Совете ЧИ АССР.

В 1991 г. Верховный Совет Российской Федерации

принимает, поистине исторический, Закон “О реабилитации репрессированных народов”. В том же году Чеченская Республика заявляет о своем выходе из состава Российской Федерации. Ингушетия оказывается в “подвешенном состоянии”. В этих условиях Верховный Совет России 4 июня 1992 г. принимает Закон “Об образовании Ингушской Республики”.

В течение 5 месяцев после принятия закона федеральный центр не предпринимал никаких действий по образованию органов государственной власти созданной республики, определению ее границ и по другим организационным мероприятиям.

Политико-правовая коллизия (определение статуса Пригородного района) была использована федеральным центром и властями Северной Осетии для решения собственных задач. Как отмечают исследователи (В.А.Тишков, И.А.Дементьева), развязав конфликт в октябре - ноябре 1992 г. руководство Северной Осетии попыталось с помощью этнической чистки изгнать ингушей из Северной Осетии и снять вопрос о территориальной реабилитации ингушского народа. Федеральный центр предполагал втянуть в вооруженное противостояние в Северной Осетии мятежного Дудаева и таким образом решить проблему Чеченской Республики, заявившей о своем выходе из состава России.

В ходе так называемого “осетино-ингушского конфликта” около 600 мирных граждан были убиты и пропали без вести, более 3 тысяч домовладений было разрушено, имущество разграблено или уничтожено. Некоторые населенные пункты Пригородного района Северной Осетии были буквально стерты с лица земли.

65 тысяч граждан Северной Осетии ингушской национальности, изгнанные из родных мест по признаку этнической принадлежности, оказались на территории Республики Ингушетия, не имеющей никаких органов власти.

В начале ноября 1992 г. Герой Советского Союза, боевой генерал Руслан Султанович Аушев назначается главой Временной администрации Ингушской Республики.

Энергичные действия Р.Аушева позволили остановить массовое уничтожение мирного ингушского населения Пригородного района и г.Владикавказа: вывезти людей, остановить расстрел населенных пунктов огнем артиллерии и танками. Однако, уже 20 декабря 1992 г. он вынужден подать в отставку в знак протеста против несогласованных с ним действий федеральных войск на территории Ингушетии,

В декабре 1992 г. решением Съезда народа Ингушетии был учрежден пост президента Ингушской Республики. В этот период в Ингушетии было собрано более 100 тысяч подписей в поддержку возвращения в Республику Р.Аушева.

На выборах первого президента Республики 28 февраля 1993 г. за Р.Аушева проголосовало более 99 процентов избирателей, принимавших участие в голосовании.

В марте 1993 г. началось формирование первых органов исполнительной власти Ингушской Республики - Совета Министров и других ведомств.

Весь народ с энтузиазмом включился в работу по становлению собственной Республики. Все, что создавалось с 30-х гг.: объекты социально-культурной сферы, дороги, заводы, фабрики, в строительство которых ингуши внесли весомый вклад, фактически создавались для Северной Осетии или Чечни. Теперь появилась возможность создавать свою собственную Республику.

В 1994 г. всенародным голосованием принимается Конституция Республики, избирается Народное Собрание - Парламент. На их основе сформированы органы государственной власти и управления Республики. Утверждены и атрибуты государственности - Герб, Гимн и Флаг Республики. Конституция Республики Ингушетия определила президентскую форму правления, провозгласила Республику Ингушетия демократическим, правовым, светским государством, образованным на основе реализации народом Ингушетии своего права на национально-государственное самоопределение.

Будучи аграрным придатком бывшей Чечено-

Ингушетии, Ингушетия не имела своей промышленности, если не считать уже дышащих на ладан - завода "Электроинструмент", трикотажной фабрики и завода химреагентов.

До 1933 г. столицей ингушей был Владикавказ, до 1991 г. - Грозный, таким образом к моменту образования республика осталась и без столицы в ее классическом значении. Пришлось объявить небольшой город Назрань в качестве временного административного центра. В 1994 г., по инициативе Р.Аушева, юго-западнее Назрани закладывается новая столица Ингушетии. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 15 апреля 1994 г. и Федеральным Законом от 28 декабря 1995 г. строительство столицы Ингушетии объявляется "объектом федерального значения, важным фактором становления государственности ингушского народа и стабилизации социально-политической обстановки на Северном Кавказе".

Через два года, в декабре 1994 г., Москва вернулась к своей провалившейся попытке "замирить" Чечню.

Десятки тысяч беженцев из Чеченской Республики оказались в заполненной депортированными из Северной Осетии Ингушетии. В пик боев в Чечне количество беженцев оттуда достигало 250-300 тысяч. В это время в Ингушетии на одного местного жителя приходилось по одному беженцу!

К общей беде, связанной с массовым наплывом беженцев из зоны военных действий, которым необходимо было выделить на время хотя бы временное жилье, добавилось открытое недоверие со стороны федеральных органов власти. Источником этого недоверия являлась бескомпромиссная позиция Президента Ингушетии Р.Аушева, с самого начала военной операции в Чечне заявившего о невозможности решения чеченской проблемы военными методами. Подозрительность федерального центра была ответом на высказываемую открыто правду и нежелание потакать тем, кто уничтожает мирное население собственной страны, бомбит свои же города и села! В то же время посреднический потенциал

Ингушетии сыграл неоценимую роль, как в период самой военной операции, так и в процессе подготовки и организации переговоров по мирному урегулированию российско-чеченских отношений.

Выверенная политика руководства Ингушетии позволила Республике не быть втянутой в театр военных действий. Но близость к Чечне и наличие огромного количества беженцев из Чечни не могли не сказаться негативно на процессе становления Республики.

Тем не менее, Республика развивается и строится, становится на ноги, доказывает свое стремление созидать, быть равной среди равных.

Республика Ингушетия расположена в зоне благоприятных природных и климатических условий. Плодородная земля, девственные леса, насыщенная флора и фауна, минерально-сырьевая база, залежи редких металлов и нерудных материалов создают хорошую основу для экономического развития. Уникальные памятники природы, альпийские луга, многочисленные средневековые оригинальные памятники архитектуры прошлого дают благоприятные возможности для организации массового туризма.

Главное природное богатство Ингушети - нефть. Экономическое развитие Республики также связано с агропромышленным комплексом, который является сегодня одним из основных в материальном производстве. Сельхозугодья занимают 60 процентов всей территории.

Неоценимую роль в социально-экономическом становлении Республики сыграла образованная в июне 1994 г. Постановлением Правительства Российской Федерации Зона экономического благоприятствования "Ингушетия", правопреемником которой затем стал Центр развития предпринимательства "Ингушетия".

Главная цель, к которой стремится руководство Ингушетии, - это создание экономического потенциала, позволившего бы Республике самостоятельно, без больших дотаций, решать проблемы социально-экономического

развития, ускорить рыночные преобразования, создать развитую социально-бытовую инфраструктуру городов и районов.

За несколько последних лет в Республике построены и действуют десятки объектов промышленности и социально-бытовой сферы. Среди них - школа-лицей и гимназии, полтора десятка новых школ, два больших коттеджных городка, полиграфический и домостроительный комбинаты, кирпичный завод и завод легких сплавов ВИЛС, завод маломощных двигателей, кондитерская, мебельная и табачная фабрики, гостиница "Асса", здания Горского кадетского корпуса и Государственного университета, железнодорожный вокзал, магистральный водовод протяженностью 130 км., аппаратно-студийный комплекс Гостелерадио, лечебно-оздоровительный комплекс "Армхи", административные здания столицы Республики - г. Магас, физкультурно-оздоровительные комплексы, стадионы.

Наследием прошлого является напряженная ситуация в социальной сфере. Наиболее слабы позиции в здравоохранении, образовании, культуре. Отсюда приоритетное внимание, уделяемое руководством Ингушетии этим направлениям в своей деятельности.

Открыты и успешно действуют Ингушский государственный университет, школа-лицей, колледж искусств, Горский кадетский корпус, медицинский колледж, музыкальные и спортивные школы, музеи краеведения и изобразительных искусств, музей-заповедник. Действуют два государственных драматических театра, ТЮЗ, государственные ансамбли народного танца, работает телевидение и радио, выходят газеты, газифицированы села в горной зоне Республики, проложены десятки километров дорог, введен в строй новый аэропорт. Строятся газотурбинная электростанция, жилые кварталы столицы, строятся и модернизируются медицинские и культурные учреждения и многое другое.

В Республике зарегистрировано более 70 местных и региональных общественных движений и партий, творческие союзы. Десятки спортсменов из Ингушетии

стали победителями международных, российских и региональных спортивных соревнований, в том числе и чемпионами мира.

Параллельно с налаживанием нормальной жизни внутри Республики идет и активизация внешнеполитической деятельности. Договоры и соглашения о социально-экономическом, культурном и техническом сотрудничестве заключены с десятками субъектов Российской Федерации и СНГ.

Набирает темпы и совершенствуется законодотворческая деятельность Народного Собрания-Парламента Республики Ингушетия. Приняты десятки законов, регламентирующие деятельность органов государственной власти и управления по многим направлениям социально-экономического развития Республики.

Строительство молодой ингушской государственности опирается на многовековое наследие ингушского народа, его богатую материальную и духовную культуру, героические страницы его истории и реалии сегодняшнего дня.

В день годовщины образования Республики Ингушетия - 4 июня 1999 г. - в той же местности, где до нашествия монголо-татар находился древний город Магас, открывается столица Республики Ингушетия с тем же названием, в переводе с древнеингушского означающим "город Солнца".

Сегодня сюда уже переехали администрация Президента, Правительство и Парламент, некоторые министерства и ведомства, вводятся в строй жилые дома, школа-гимназия, корпус государственного университета, стадион, ведется строительство десятков объектов социально-бытового назначения, административных зданий, жилых кварталов и коммуникаций.

Сегодняшняя Ингушетия - это небольшая по территории республика в 3,6 тыс. кв. км. - состоит из 4-х районов и 3-х городов республиканского подчинения.

Коренное население - 315 тысяч человек. На территории республики находятся около 35 тысяч вынужденных переселенцев из Северной Осетии и 150 тысяч беженцев из Чеченской Республики. Такого удельного веса беженцев по отношению к коренному населению не знает ни один субъект России. Тем не менее, Республика Ингушетия строится, живет, учится и созидает свое будущее.

Именно наличие собственной государственности позволило и позволяет сегодня ингушскому народу достичь столь разительных перемен.

Сделанное за 9 лет вселяет уверенность, что Республика Ингушетия как современное и развитое государство будет занимать свое достойное место в числе других государственных образований Российской Федерации.

Исропил Сампиев,
кандидат философских наук

**Социологический опрос
жителей Республики Ингушетия
о возможности объединения
Ингушетии и Чечни
в Чечено-Ингушскую Республику**

С 10 по 25 мая 2000 года на территории Республики Ингушетия нами был проведен социологический опрос населения по поводу муссируемой в некоторых СМИ идеи о возможном объединении Ингушетии и Чечни в Чечено-Ингушскую или Вайнахскую Республику. Анкета, предложенная жителям Республики, содержала единственный вопрос: «Как Вы относитесь к идее объединения Республики Ингушетия с Чеченской Республикой в Чечено-Ингушскую или Вайнахскую Республику?» и пять вариантов ответов на него.

Всего было опрошено 200 респондентов (100 мужчин и 100 женщин) во всех районах и городах республиканского подчинения, опросом охвачено 18 населенных пунктов. В анкетировании приняли участие 63 человека в возрасте до 30 лет, 103 человека в возрасте от 30 до 60 лет и 34 человека старше 60 лет. По уровню образования респондентов можно распределить на три группы: с высшим и средним специальным образованием 84 человек, со средним образованием 88 человек и 28 человек (в основном люди преклонного возраста), не имеющих среднего образования или неграмотные.

Необходимо отметить, что еще в ноябре 1999 года отделом научных исследований Государственной Архивной службы Республики Ингушетия (бывший отдел социологии Ингушского НИИ гуманитарных наук) под руководством к.ф.н. Б.А. Акиева был проведен опрос с аналогичным вопросом, что позволяет проследить динамику настроений населения, если таковая имеет место. Исходя из его результатов, предполагалось, что

подавляющее большинство населения Ингушетии не приемлет объединения в любой форме и воспринимает его как ликвидацию ингушской национальной государственности. Помимо проверки этой основной гипотезы исследования, интересно было проследить зависимость предпочтений граждан Ингушетии от возраста и уровня образования, а также влияние присутствия около 200 тысяч беженцев из Чечни.

С целью получения наиболее объективной картины мы предложили респондентам только один отрицательный ответ: «Решительно против объединения», чтобы выявить тот минимальный процент населения, который безоговорочно и безусловно привержен идее ингушской государственности. Напротив, для ужесточения условий опроса, мы сознательно расширили возможности положительного отношения к интеграции, даже через включение чисто гипотетических ответов «За». С этой целью единственному негативному варианту ответа «Решительно против» мы противопоставили четыре ответа «За»: 1) «За, без всяких условий»; 2) «За, если Чечено-Ингушетия будет в составе Российской Федерации»; 3) «За, но при условии полной независимости Чечено-Ингушского (Вайнахского) государства»; 4) «За, если Чечено-Ингушетия будет исламским государством».

Каковы же полученные в ходе опроса результаты? Решительно против объединения двух народов в любой форме и при любых условиях высказалось 170 респондентов, или 85% от всех опрошенных. Для сравнения: в прошлогоднем опросе отдела научных исследований против объединения высказались 72,8% опрошенных и 9,2% посчитали тезис об объединении провокацией (итого негативно отнеслись к этой идее 82% опрошенных). Среди респондентов, высказавшихся решительно против объединения, в нашем опросе оказалось 87% мужчин и 83% женщин. По возрастам и по образованию противники интеграции распределились следующим образом. Среди молодых людей до 30 лет – 92%, в возрасте от 30 до 60 лет – 83,5% и среди респондентов старше 60 лет – 76,4%. Из имеющих высшее образование 85,7% против объединения двух народов. Среди лиц со средним образованием эта категория

составляет 88,63%, а среди необразованных – 71,42%. Как видим, имеется определенная закономерность роста числа противников объединения в связи с повышением уровня образования, хотя и среди необразованных он весьма высок.

За безусловное объединение высказались всего 3 человека или 1,5%, причем все они женщины, в т.ч. одна с высшим образованием в возрасте до 30 лет и две необразованные старше 60 лет.

За объединение ингушей и чеченцев в составе Российской Федерации высказалось 13 респондентов или 6,5% от числа опрошенных, в т.ч. 7 женщин и 6 мужчин. Доля лиц, допускающих создание Чечено-Ингушетии в составе России, среди молодежи до 30 лет составила всего 1,58%; среди респондентов в возрасте от 30 до 60 лет – 10,67%; среди пожилых людей – 94% (все они мужчины). Среди лиц с высшим образованием, как это не странно, процент допускающих объединение в составе России выше, чем среди имеющих среднее образование и среди необразованных – соответственно 7,12%; 6,81% и 3,57%.

За объединение Ингушетии и Чечни при условии независимости Чечено-Ингушской (Вайнахской) республики высказалось 7 человек или 3,5%, в т.ч. 2 мужчин (1%) и 5 женщин (2,5%). Среди возрастных категорий этот ответ выбрали: среди молодежи до 30 лет – 1,58%, среди респондентов среднего возраста – 4,14%, среди лиц старше 60 лет – 8,8%. Как видим, идея объединения с Чечней в независимое государство более приемлема для людей старшего возраста, очевидно, в силу исторической памяти о репрессиях, перенесенных народами совместно. Причем, процент необразованных респондентов, выбравших этот ответ (7,1% - все женщины), выше, чем среди респондентов с высшим образованием (4,72%).

Вариант ответа «За» при условии, что Чечено-Ингушетия будет исламским государством, выбрало также 7 человек, среди них 5 мужчин (2,5%) и 2 женщины (1%). По возрастам сторонники исламской Чечено-Ингушетии распределились следующим образом. Среди молодежи эту идею поддержало бы 3,17% (все они мужчины); среди

респондентов в возрасте от 30 до 60 лет – 2,91%; среди респондентов преклонного возраста 5,88% (только мужчины). По уровню образования сторонников исламской Вайнахской республики оказалось: из имеющих высшее образование 1,19% (все мужчины); из имеющих среднее образование 3,37%; из необразованных идею исламской республики поддержало 10,71% респондентов, причем все они мужчины. Здесь также можно констатировать зависимость большей относительной популярности идеи объединения на условиях исламской республики у менее образованных групп.

Таковы основные результаты проведенного нами социологического опроса. Он демонстрирует решительную приверженность подавляющего большинства граждан Республики Ингушетия национальной государственности, причем процент сторонников этой идеи наиболее высок среди молодежи 92%.

О непопулярности всяких вариантов и форм интеграции, Ингушетии и Чечни, свидетельствуют не только малый процент их сторонников, но и их качественный состав: склонность к интеграции проявляют, как правило, более старые и менее образованные люди. Результаты уже второго опроса на тему идеи объединения наглядно демонстрируют также, что, несмотря на усилия определенных кругов, как в Ингушетии, так и за ее пределами, по конструированию «вайнахской» идентичности, подавляющее большинство граждан Республики Ингушетия однозначно и решительно высказывается против разделения своего национально-государственного суверенитета с кем-либо и на каких бы то ни было условиях.

В исторической памяти ингушей сохраняются события 20-30-х годов XX века, когда в результате политических интриг Кремля ингуши лишились своей автономии и своей столицы - г. Владикавказа, а истинные патриоты своего народа, отстаивавшие ингушскую государственность и территории подвергались репрессиям. Дальнейшие события - драма депортации и превращение Ингушетии из динамично развивающейся северокавказской

автономии в аграрно-сырьевой придаток г. Грозного, оторванность политической и творческой элит от народа, следование в форватере чуждых интересов и целей с потрясающей ясностью подтвердили историческую правоту и политическую прозорливость противников сталинского конструктивизма в национальном вопросе.

Результаты этой преступной политики сказывались на ингушах долгие десятилетия. Особенно остро эта ущемленность проявилась в экономической и социально-политической сферах.

Крупных промышленных предприятий на территории республики, где компактно проживают ингуши, практически не было, если не считать Назрановский завод "Электроинструмент" и трикотажную фабрику. Общий объем промышленного производства предприятий в районах Ингушетии на 1987 год по сравнению с общим объемом промышленного производства ЧИ АССР составлял 5,56%. Всего в Ингушетии насчитывалось 13 предприятий районного значения из 120 предприятий республиканского масштаба. Прибыль от предприятий, расположенных в Ингушетии, составляла 4,17%. Вся промышленность Чечено-Ингушетии была сосредоточена в Чечне - в гг. Грозном, Аргуне, Гудермесе.

Самыми отсталыми районами в Чечено-Ингушетии в социально-экономическом развитии являлись ингушские - Назрановский, Малгобекский, Сунженский и в Северной Осетии - Пригородный.

Если провести небольшой анализ кадровой политики на январь 1990 г. в бывшей Чечено-Ингушской АССР, то, пожалуй, можно и не удивляться таким социально-экономическим развитием Ингушетии. Так, из 73 ответственных работников бывшего рескома КПСС ингушей работало: секретари рескома - 1, зав. отделом - 1, зам. зав. отделом - 2. Из 19 секретарей горкомов, райкомов КПСС ЧИ АССР ингушей было: первым секретарем - 1, вторым секретарем - 1, секретарями - 3. В аппарате Совета Министров ЧИ АССР из 56 руководящих работников ингушей было 4 человека или 7,12%, из 10 министров республики - 2 ингуша, из 11 председателей госкомитетов

ингушей - 1, из 19 председателей Комитетов народного контроля ингушей - 1, во всех трех ВУЗах среди руководящего звена ингушей вообще не было.

Плачевное состояние в социальном развитии имели ингушские районы в бывшей ЧИ АССР. Так, по данным 1988 г. в Назрановском районе обеспеченность дошкольными учреждениями 7,6%, обучались во вторую смену 41%, обеспеченность на 10 тысяч жителей больничными койками 81 (коек), поликлиниками - 133 посещений в смену, на 1000 жителей обеспеченность клубами и домами культуры 34 места, обеспеченность жильем 10 кв. м на одного жителя. Эти же показатели в СО АССР - 25,8%, 40%, 104,7 (коек). 172,6 посещений в смену, 71 место, 12,5 кв. м в РСФСР - 71,3%, 22%, 137 коек, 207,7 посещений в смену, 93 места, 15,5 кв. м (Эти данные составлены бывшим председателем Госплана ЧИ АССР Мальсаговым А.А. в 1990 г.).

Поэтому закономерно, что ингуши во все времена боролись за национальную и политическую самостоятельность. Достаточно вспомнить ингушский митинг в январе 1973 г. в Грозном с требованием воссоздания ингушской автономии, объявленный советскими властями "националистическим сборищем". Перед тем, в 1972 г., ингуши обратились в ЦК КПСС с письмом "О судьбе ингушского народа", в котором основным требованием было восстановление национально-государственного суверенитета.

Собственная национальная государственность как национальная идея была провозглашена и на историческом II съезде ингушского народа в 1989 г. Эта же идея, как показывают наши опросы, владеет умами современного поколения ингушской нации. Таким образом, исторические факты и социологический анализ позволяют сделать вывод о том, что идея самостоятельной государственности на основе национальной идентичности является доминирующей компонентой национального сознания ингушского народа.

Ингуши во Второй мировой войне

Ингуши приняли участие в составе Красной Армии и Военно-морского флота на всех полях сражений и морских театрах Второй мировой войны наряду с другими представителями народов, народностей и наций бывшего Советского Союза. Из 32-х¹ тысяч воинов тогдашней Чечено-Ингушетии около семи тысяч составляли ингуши.

Уже в самом начале войны в ЧИАССР «были сформированы 242-я горнострелковая и 317-я стрелковая дивизии, в 1942 году - 255-й отдельный чечено-ингушский кавалерийский полк и чечено-ингушский кавалерийский дивизион, состоявший только из добровольцев».² Кроме того, «на многих фронтах войны успешно громили врага 110-я, 114 Чечено-Ингушская кавалерийские дивизии...»³.

С первого дня войны вся армия и страна бесперебойно снабжались горючим, военным снаряжением, боеприпасами и продовольствием из Грозного и сел Республики. Предприятия Грозного производили до 90 наименований военной продукции, ремонтировали военную технику. Из всех организаций ЧИАССР в фонд фронта передавались денежные сбережения, драгоценные украшения, лошади, теплая одежда, продукты и т.д.

¹ Ибрагимбейли Х-М. Сказать правду о трагедии народов // Политическое образование, 1989, №4. С.62.

² Подвиг народа Чечено-Ингушетии в Великой Отечественной войне // Зов времени, 2000, №7.

³ Ибрагимбейли Х-М. Северный Кавказ: геноцид, депортации и ЧП // Независимая газета, 1994. 12 июля.

Согласно советской историографии¹, с января 1943 года 242-я горнострелковая дивизия, как и другие части, участвовала в наступлении на Кубани, одолела знаменитую «Голубую линию», освобождала Тамань. За эти бои ей присвоили имя Таманской. Позже дивизия воевала в составе Отдельной Приморской армии. За освобождение Керчи была награждена орденом Красного Знамени. В 1944 году 242-я дивизия принимала участие в боях по освобождению Севастополя и Крыма.

Дивизия прошла путь от Северного Кавказа в Западную Европу через Карпаты и Чехословакию. За бои на этих территориях она была награждена орденом Кутузова II степени. Таманская горнострелковая дивизия встретила победу в мае 1945 года в Праге.

В фундаментальном исследовании о Великой Отечественной войне историка Х-М. Ибрагимбеили «Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток» о начальном периоде войны в тогдашней Чечено-Ингушетии сказано следующее: «В Чечено-Ингушской АССР повсеместно прошли митинги, на которых выступали ветераны революционных боев за установление Советской власти на Тереке, почетные старцы, участники гражданской войны, бывшие красные партизаны. Все они призывали горцев дать отпор фашистским захватчикам. Чечено-Ингушетия направила на фронт, в район боевых действий Северной группы войск Закавказского фронта, несколько тысяч добровольцев, проявивших в Нальчикско-Орджоникидзевской операции массовый героизм. Чечено-Ингушский обком ВКП (б) и Совет народных комиссаров республики в своем обращении к народу подчеркивали: «добровольцы чеченцы и ингуши, призванные в ряды Красной Армии в сентябре 1942 г., в борьбе с немецкими захватчиками проявляют стойкость, мужество и бесстрашие. По отзывам Военного

¹ Абазатов М. Чечено-Ингушская АССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Грозный, 1973.

совета Северной группы войск Закавказского фронта, добровольцы-красноармейцы **чеченцы и ингуши являются лучшими конноразведчиками Н-ской дивизии»**¹ (Выделено нами. - М.Я.).

На весь фронт прославился в эти тяжелые дни и в последующих боях 588-й (с 8 февраля 1943 г. - 46-й гвардейский) ночной бомбардировочный женский авиационный полк... Будучи в составе 4-й Воздушной армии и базируясь в сентябре 1942 г. в районе Сунженского хребта, в тяжелых метеорологических условиях горной местности, полк регулярно наносил мощные бомбовые удары по живой силе, технике и коммуникациям фашистов под Орджоникидзе, Моздоком, в районах Эльхотово, Екатериноградская, Терская, Адагум, Дигора и др. (Выделено нами. - М.Я.).

... Воинское мастерство и храбрость проявили в этих боях отважные сыны гор - чеченцы и ингуши из отдельного Чечено-Ингушского кавалерийского дивизиона... Этот дивизион, входивший в состав 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса, своими лихими налетами на коммуникации и тылы противника наносил ему существенный ущерб, приводя немецко-фашистских солдат и офицеров в ужас и сея среди них панику.»²

Ингуши сражались во всех родах войск - на суше, в воздухе, на море. Воевали и погибали во всех знаменитых боях этой страшной войны: под Брестом и Малгобеком, под Москвой и Ленинградом, в Сталинградской битве, в лесах Белоруссии, под Смоленском и Киевом, на Курской дуге и при штурме Берлина, в Италии и Австрии, в Польше, Франции и т.д.

¹ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Ф.17, оп. 43, д. 2450, л. 4.

² Ибрагимбейли Х-М. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. М., «Наука», 1977. СС. 177-178.

Более или менее в советской идеологически заштампованной историографии разработан образ ингушей - участников Великой Отечественной войны и защитников коммунистической Родины. Лучше или хуже эксплуатируемый несколько десятилетий, этот образ как бы частично компенсировал комплекс неполноценности ингушского народа, «оступившегося» и милостиво прощенного. Постоянно оправдывающиеся национальные историки, обществоведы и др. деятели идеологического ряда вынуждены были акцентировать мотив «мужественного сопротивления фашистским оккупантам и предательства группы национальных отщепенцев».

Объясняя депортацию «нарушением ленинских норм и социалистической законности» (как пишет С. Червонная по аналогичной проблематике в военной истории крымских татар):

«Последователи этой исторической версии до сих пор прилагают максимум усилий, чтобы подсчитать, сколько... сражалось и пало смертью героев в рядах Советской Армии, в партизанских отрядах, в антифашистском подполье..., и стараются подключить и задействовать все возможные исторические и моральные аргументы для того, чтобы доказать полную «невиновность»... народа»¹...

Думается, что правда действительно заключается в том, что «война раскаленным мечом рассекла «малочисленные народы Советского Союза на две части, в каждой из которых были люди, до конца испившие горькую чашу национальной трагедии. Одни встали на защиту Советской Родины в рядах Красной Армии. Другая же часть людей попыталась использовать возникший при военных потрясениях шанс освободиться от имперской и советской тирании. Они

¹ Червонная С. Татарский Крым в пламени Второй мировой войны // Ас-Алан, М., 2000, №1(3). С. 260.

тоже сражались мужественно...»¹ (Выделено нами.-М.Я.).

Ингуши (и чеченцы) оказались еще большими жертвами этой войны, во-первых, потому что никакой коллаборации (как в Крыму, Карачае, в Северной Осетии) в 1941-1944 годах не было (не принимать же всерьез одни и те же гэбистские заготовки, цитируемые в работах одних и тех же «историков» одной и той же «исторической школы»), ибо немцы не смогли оккупировать этнические территории ингушей и чеченцев. Во-вторых, потому, что около 500 военнопленных ингушей (за всю войну) лишь в людоедской стране могли стать причиной для осуществления государственного этногеноцида!

В этом разделе мы приводим перечень только основных фактов героического участия ингушей в защите коммунистического режима, судьба которых столь же трагична, как и их земляков, оказавшихся по другую сторону баррикад.

Ингуши воевали² в 170-й стрелковой дивизии (717-ый полк) в 113-ой стрелковой дивизии 33-ей армии (1290-ый полк), в 31-ой стрелковой дивизии 56-ой армии (отдельный кавалерийский эскадрон) в 343-ей стрелковой дивизии (115-ый полк), в 9-ой Кавказской дивизии (136-ой кавалерийский полк), в 133-ей дивизии (521-ый полк), в 30-й гвардейской танковой бригаде (549-ый танковый батальон), в 276-ой Темрюкской дважды орденоносной дивизии (876-ой полк, 1-ый стрелковый батальон), в 666-ом гвардейском мотострелковом полку (2-ой батальон), в 131-ом артиллерийском полку на 10-ом Белорусском фронте (45-ый гвардейский бомбардировочный авиаполк 9-ой гвардейской авиадивизии), в 311-ой штурмовой

¹ Червонная С. Татарский Крым в пламени Второй мировой войны // Ас-Алан, М., 2000, №1(3). С.268.

² По материалам научной конференции «Ингушский народ в годы войны 1941-1945 гг.» // Вестник научного общества учащихся школы-гимназии. Выпуск 3. Назрань, 2000.

авиадивизии Первой воздушной армии, в Четвертой воздушной армии (288-ой бомбардировочный авиаполк), на Северо-Западном фронте (253-ий стрелковый кавалерийский дивизион) в 3-ей штурмовой авиадивизии (71-ый гвардейский штурмовой авиаполк), в 242-ой ночной бомбардировочной авиадивизии (717-ый Харьковский бомбардировочный авиаполк), в 315-ой истребительной авиационной Рижской дивизии (431-ый истребительный авиационный Краснознаменный полк), на Брянском, на 1-ом Белорусском и Северо-Западном фронтах, 1-ом и 2-ом Прибалтийских фронтах, на 1-ом Украинском, Южном и др. фронтах.

Почти одна тысяча ингушей не вернулись домой, 46 человек было представлено к званию Героя Советского Союза¹. Лишь трое из них получили это звание через 50 лет после войны: Мальсагов А.Т. (посмертно, в 1995 г.), Оздоев М.А. (в 1995 г.), Костоев Ш.У. (посмертно, в 1995 г.).

Перечень самых знаменательных сражений Второй мировой войны, в которых участвовали ингушские воины (солдаты и офицеры), занимает немало места. Назовем лишь самые важные.

В обороне Брестской крепости (1941 г.) участвовало сорок этнических ингушей. Одним из выдающихся воинов, чьи подвиги в боях за крепость документально засвидетельствованы, был уроженец села Экажево Арсанов М.А. (1925 г.р.)².

Обороняли Москву и Ленинград ингушские юноши, призванные на фронт в первые дни войны. Медалью «За оборону Москвы» были награждены: Тангиев А.С., Хаштыров Х.Х., Парижев А.Г., Мальсагов Г.А., Эгиев,

¹ Амирханов А.Б. (1917 г.р.), Арчаков Д.С. (1916 г.р.), Бузуртанов М.А. (1919 г.р.), Гудантов Р.Б., Добриев Ю.У. (1917 г.р.), Евлоев М.А. (1922 г.р.), Мальсагов А.-Г.З. (1923 г.р.), Эсмурзиев М.А. (1916 г.р.), Хамхоев М.М. (1910 г.р.) и др. - Авт.

² Шахов Н.А. «Казахстанцы - защитники Брестской крепости» и др.

Могушков М.Б., Шаухалов А.Д., Имагожев А.Т., Гелисханов М.Т., Даурбеков Д.Н., Шибиллов Б.И.

Под Ленинградом воевали (и погибали) в период обороны города Гетагазов И.З., Дакаев О.Х., Матиев Х.М., Дидигов И.С., Богатырев А.Х., Куркиев Х.И., Чумаков Х.У., Хаматханов Х.Х., Тутаева А.И., Хаматханов М., Албаков А.И., Гудантов Р.Б., Цуров С.Т. и другие.

При обороне Одессы военные подвиги совершил уроженец с. Альтиево летчик Мальсагов Д.Х. (1911 г.р.). За что был награжден орденом Славы 2-ой степени, медалями «За оборону Одессы», «За отвагу», «За боевые заслуги».

Другой выдающийся летчик - бомбардировщик (тоже уроженец с. Альтиево) Мальсагов А.Т. (1912 г.р.) в боях на Украине в 1942 году уничтожил 5 зенитных орудий, 27 автомашин, 10 танков. За что был награжден орденом Боевого Красного Знамени. Дважды во время войны он представлялся к награждению Золотой Звездой Героя Советского Союза, но вычеркивался из списков лично Сталиным. Награжден, как указывалось ранее, посмертно - 6 июля 1995 года.

Возвращаясь с боевого задания, смертью героя погиб в 1942 г. Ахриев Р.Ч., ставший профессиональным летчиком еще в годы Первой мировой войны.

В ноябрьских боях 1942 г. под Сталинградом мужественно сражались Шахмурзиев Т.А. (1922 г.р.), Имагожев А., Абадиев Я.А. (1904 г.р.), Джантамиров С., Мархиев Х., Костоев Я.Я. (1918 г.р.), Цечоев А., Костоев Т.У. (1923 г.р.), Галаев Ю.М. (1919 г.р.) и другие ингуши.

В январе 1943 г. в кровопролитных боях за г. Малгобек сражались ингуши-солдаты и офицеры: Цороев С., Аушев Х.К., Маматиев Б.Э., Бадаев Х.Г., Долаков С.У., Албагачиева Т.И., Чаплов С.Г., Экажев М.З., Мальсагов М.Х., Оздоев Ю.М., Мальсагов Х.М., Абадиев Я.В., Торшхоев С.А. и многие другие.

В битве за освобождение г. Севска на Курской дуге

27 августа 1943 г. погиб командир танкового экипажа помкомвзвода старший сержант А.-Г. Мальсагов (сын ингушского ученого Заурбека Мальсагова).

По всем фронтам Европы прошли (а многие погибли смертью храбрых) уроженцы горных и равнинных сел Ингушетии. Албаков И.А. (1916 г.р.) был награжден Орденом Красной Звезды за бои при взятии Кенигсберга (в котором был комендантом вплоть до 1947 г.), медалями «За освобождение Праги», «За взятие Берлина». И.А. Албаков дважды в годы войны был представлен к присвоению звания Героя Советского Союза, но как ингуш (представитель репрессированного народа) не получил этого звания.

Выдающийся летчик Арчаков Х.К. (1922 г.р.) за успешные воздушные бои в Белоруссии, Польше, Германии был награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Славы 3-ей степени, медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

В августе 1944 г. в боях Ясско-Кишиневской операции особо отличился Султыгов А.О. (1917 г.р.), за что был награжден Орденом Ленина, двумя орденами Отечественной войны 1941-1945 гг. Он был также, как и многие ингуши, представлен к званию Героя Советского Союза и также не получил его как этнический ингуш, приговоренный Сталиным к депортации, а потому не могущий быть героем страны, за которую с доблестью сражался.

Талантливейшими воинами это кровавой бойни XX века были Оздоев М.А. (1922 г.р.), Кортеев Д.Д. (1907 г.р.) и Костоев Ш.У. (1923 г.р.).

Командир звена Рижской истребительной дивизии М. Оздоев провел в воздушных схватках 158 часов! Был награжден орденами Боевого Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны 2-ой степени, а также

Золотой Звездой Героя России.

Полковник разведки Д. Кортюев после обороны Сталинграда, форсирования Сиваша освобождал Литву, Кенигсберг. Был дважды награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды, орденом Отечественной войны 1-ой и 2-ой степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией».

Командир звена штурмовой авиации Ш. Костюев совершил сотни боевых вылетов, разбомбил немецкий военный корабль в Балтийском море. За что был награжден орденом Боевого Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1-ой и 2-ой степени, орденом Красной Звезды, медалями «За взятие Берлина». Посмертно получил звание Героя России.

При взятии Берлина особо отличились ингуши Балкюев У.С., Кодзюев Р.Б., Дидигов А.М., Котиев Х.Б., Костюев С.А., Барахюев А.Б., Кациев С.И., Атыгов М.С., Декажов Д.Х. и многие другие.

С декабря 1941 г. по 1943 г. в Пригородном районе Чечено-Ингушетии действовал ингушский партизанский отряд, совершивший десятки рейдов во вражеский тыл, за что был накануне депортации ингушей расформирован, а его командир - легендарный Хизир Орцханов, герой гражданской войны - арестован Владикавказским НКВД как «изменник родины»...

Полная и объективная история Второй мировой войны во всех драматических перипетиях, катастрофах и противоречиях еще не написана, но тенденции правдивого и многомерного осмысления ее, наметившиеся в последние несколько лет, только создают благоприятную почву для будущих полноценных и свободных от лжи и фальсификаций исследований.

Сейчас постепенно снимаются многие ограничения, которые требовали видеть все факты войны только лишь с позиций официально-заданных «судьбоносных решений». В историко-архивной и мемуарной литературе раскрывается множество важных, неизвестных (либо априори искаженных) ранее событий, цифр и конкретных документов.

Мы считаем более чем скромными (почти умолченными) ранее опубликованные сведения о событиях и именах, связанных с участием большого количества (в соотношении с общей численностью) ингушей в таких знаковых для истории войны сражениях, как, например, оборона Брестской крепости.

Своевременно писать и говорить об этом запрещалось, потому что «добрая» сталинская имперская традиция отношения к вайнахам, как к вечным врагам, была и остается нормой. Самым ярким подтверждением этому является и преступное изъятие из советской военной истории 60-х - 80-х годов подробного описания, анализа и значения Малгобекской операции 1942 года, когда у ингушского города Малгобека на Терском хребте захлебнулось победное наступление захватчиков по Северному Кавказу.

Только в Большой Советской Энциклопедии 1954 года единожды была опубликована весьма скромная справка об этом сражении, определившем судьбу всей обороны Кавказа и хода войны в целом: «В ходе Малгобекской операции войска Закавказского фронта активной и упорной обороной не только сорвали захватнические планы врага на Кавказе, но и не позволили ему осуществить переброску сил с Кавказа под Сталинград, что явилось одним из условий для последующего полного разгрома немецко-фашистских войск в Сталинградской битве».¹

¹ Боков А. Операция, преданная забвению // Зов времени, 2000, № 7.

Немецкий военный историк Вильгельм Тик в своей фундаментальной работе 1970 года «Кавказ и нефть. Немецко-советская война на Кавказе 1942-43» (до сих пор не переведенной с немецкого, а потому не ставшей достоянием большого круга читателей и специалистов) посвятил сражению под Малгобеком целый раздел, описав сражение по дням и дав соответствующую оценку в целом этого стратегического по значимости во Второй мировой войне театра боевых действий: «Малгобекский нефтяной район поставляет лучший авиационный бензин... Малгобек является ключом, и что без взятия этого господствующего на высотах города, нельзя будет держать эшелонированную оборону в долине»² (Алханчурская долина, по которой немцы планировали выйти к Грозному, а затем к Баку. - Авт.).

По-новому освещенные и многомерно представленные в документах, справках, личных воспоминаниях и свидетельствах, эти героические сражения (за Брестскую крепость и Малгобек) через призму человеческих судеб, т.е. конкретных ингушей, обогативших и загнанных сталинским террором 1944 года в депортацию и концлагеря, безусловно, будут осмыслены и проанализированы историками следующего поколения...

Мы также почти ничего не знаем о том, что в начале войны «советское правительство не разрешило ингушам и чеченцам создать свои национальные формирования. Призываемые поодиночке, где они, не владея языком (русским языком. - Авт.) несли службу «немых солдат», а командиры частей заставляли их есть общую пищу со свининой, что было противно их религиозному чувству и всему образу воспитания. Это обстоятельство, помимо всех прочих политических условий, служило немаловажной

² Wilhelm Tieke. Der Kaukasus und das Öl. Der deutsch-sowjetische Krieg in Kaukasien 1942/43. MuninVerlag GmbH. Osnabruck, 1970, 223-234. (Отрывки из данной работы перевел с немецкого Б.Газинов. - Авт.).

причиной массового дезертирства чеченцев и ингушей из Красной Армии»¹.

Был даже специальный указ об отказе призыва ингушей и чеченцев в армию, а уже находившихся в ней - освобождать от службы. Т.е. действия негласных тайных указов, как всегда, ставили вайнахов в особые условия в этот период. Офицеры Красной Армии из ингушей и чеченцев: полковник Абадиев, майор Висаитов, и др. - вызвались набрать добровольцев и очень быстро организовали две дивизии (одна из них та, о которой говорилось ранее, действовавшая при армии Южного фронта).

Как пишет в упомянутой работе А. Авторханов, дивизия была сформирована после эвакуации Красной Армии из Керчи. «Командующий Южным фронтом маршал Буденный, делавший осмотр беспорядочно отступавшим частям из Керчи и Крыма, выставив в Краснодаре две дивизии друг против друга, одну только что прибывшую из Керчи сюда, говорил, обращаясь к русской дивизии:

«Вот, смотрите на них, горцев, их отцы и деды под руководством великого Шамиля 25 лет храбро дрались и отстаивали свою независимость против целой царской России. Берите с них пример, как надо защищать Родину!». Но ни действующая, ни запасная чечено-ингушские дивизии не были приняты на снабжение Красной Армии и даже не имели своего номера. Они на этот раз действительно были «дикими дивизиями». Обмундированы они были самой Чечено-Ингушской республикой, оттуда же получали провиант. (Выделено нами. - М.Я.) Ободренные лстивыми словами маршала, офицеры попросили Буденного принять чечено-ингушские дивизии в армию и, следовательно, вооружить их по-армейски (все вооружение этих дивизий состояло из одних шашек и из случайных винтовок самых разных систем).

¹ Александр Уралов (А. Авторханов). Убийство чечено-ингушского

Многие из бойцов были босыми, так как домашние горские чуваки давно износились. Буденный обещал подумать. Пока Буденный думал, немцы перешли Дон, и чечено-ингушская дивизия была в том же виде, без танковой или артиллерийской поддержки, брошена буквально под ураганный огонь немецких танков, стремительно рвущихся к Сталинграду. Под Котельниковом 4 августа 1942 года немецкие танки и перешагнули через трупы многих бойцов этой дивизии. Маленькая же часть попала в плен, другая, во главе со штабом, сумела вырваться из окружения и отступила. Но разгром этой дивизии вместе с разгромом целых корпусов и армий Южного фронта явился плохой аттестацией для всего чечено-ингушского народа».¹

Государственные преступные просчеты и непрофессионализм в обеспечении и поддержании в должном состоянии своей собственной армии в самом начале войны были переложены в сталинский имперской военно-политической душегубке на несколько народов (ингушский в том числе) и по существу явились приговором на их тотальное уничтожение.

Эта «героическая» правда о войне во всех советских исследованиях, статьях, книгах и т.д. всячески утаивалась, либо искажалась так, что несколько поколений людей боялись и до сих пор боятся думать иначе и знать правду. Правда, которая, помимо прочего, заключалась в том, что основной причиной колоссального числа советских пленных и перешедших на сторону противника в 1941 году было то, что сталинская Красная Армия в целом оказалась не готовой к оборонительной войне.

Из недавно рассекреченных документов становится понятным, почему на стороне противника в 1941 году

народа. Народоубийство в СССР. Мюнхен, 1952. С.55-56

¹ Уралов А. (А. Авторханов). Убийство чечено-ингушского народа. Народоубийство в СССР. Мюнхен, 1952. СС. 55-56.

оказалось столь большое количество советских граждан. Потому, что «главный упреждающий удар со стороны СССР должны были нанести войска Юго-Западного фронта (т.е. бывшего Киевского Особого военного округа) и отчасти войска Западного фронта. Планировалось уже в первой фазе наступательной операции ликвидировать всю приграничную группировку вермахта, изготовившуюся к прыжку на СССР. Мало того, Красная армия должна была с боями выйти к границам Германии... Однако, теперь мы знаем, что по плану «Барбаросса» наступательная группировка гитлеровской Германии сосредоточена была не на левом нашем фланге (юго-западное направление), а в Центре!... Западному военному округу действительно было отпущено (как и отпартовал командующим округом) все потребное количество горючего. Но хранилось оно «во внутренних округах» - в Майкопе, на Северном Кавказе, т.е. за несколько тысяч километров от «красных стрел» превентивного удара Красной Армии!»¹.

Все дороги летом 1941 года были забиты массами беспорядочно отступавших красноармейцев. Немецкие танковые соединения при поддержке мотопехоты продвигались по 50-60 км в день, отрезали советским войскам путь к отступлению, создавая небывалые в истории войн окружения - «котлы»².

В общей сложности в первый год войны на территории СССР в немецком плену оказалось 2285000 человек (позже эта цифра дошла до 5160000 человек).³

Самое страшное, что советские военнопленные, не защищенные Международной конвенцией по обращению с

¹ «План стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками» (публикация В. Сергеева «У нас была своя «Барбаросса». Рассекреченный «план Жукова». // Литературная газета, 2000, № 25).

² Андреев В. Все круги ада. Советские военнопленные во Второй мировой войне // Независимая газета, 1999, 7 мая.

³ Там же.

военнопленными*, в немецких концлагерях и многочисленных лагерях для военнопленных погибали косяками, как от жестокого обращения, голода, так и от страшных эпидемий. Смертность их составляла до 57%, а позже до 87,5% в год!

Лишь недавно стали появляться первые и весьма робкие попытки объективного понимания самой сути проблемы: ее причин, последствий, неискаженной картины этой человеческой трагедии и т. д.

* * *

После 50-ти лет абсолютного официального неприятия любых попыток объективного осмысления трагедии военнопленных, а особенно ингушей, чеченцев, балкарцев, карачаевцев**, только теперь стало возможным

* Советский Союз не подписал Женевскую Конвенцию по обращению с военнопленными от 27 июля 1929 г. - Авт.

** «Тотальная депортация физически уничтожила более 30-50% численности каждого депортированного в 1941-1944 гг. народа, причем среди погибших от морозов, голода и террора войск НКВД - более 60% - были дети от грудного возраста до 16 лет... В период Великой Отечественной войны имели место и предательство, и враждебные действия против советской власти и Красной Армии со стороны отдельных лиц, или групп населения оккупированных немецко-фашистскими войсками, или имели место пособничества со стороны некоторых враждебно настроенных к советской власти элементов в различных регионах России, Украины, Дона, Кубани и Северного Кавказа. Комплектовались воинские формирования в основном из советских военнопленных и недовольных советской властью представителей всех национальностей, в том числе, главным образом из русских и украинцев РОА (армия генерала Власова), Украинская повстанческая армия (УПА), 14 дивизия СС «Галичина», организация украинских националистов (ОУН), кавказский батальон «Бергман», состоявший из кабардинцев, балкарцев и терских казаков, грузинский, армянский, туркестанский легионы, казачий карательный батальон 91-го горнострелкового полка, 49-го горнострелкового корпуса немецко-фашистской армии, действовавшей в Карачае и Черкессии в 1942-43 гг. В начале 1943 г. в составе немецко-фашистской армии насчитывалось 176 батальонов и 38 рот из советских граждан, сформированных германским командованием. Общая численность их - до 150000,

обсуждение глубинных причин участия в немецких легионах советских военнопленных. А именно: количество попавших в плен в 1941 году говорит прежде всего о нравственной катастрофе и провале коммунизма как идеологии и об усталости от террора сталинского режима. Во-вторых, человеконенавистническая энкаведистская практика заградотрядов была для десятков тысяч солдат страшнее фашистов. И, наконец, самое главное и трагичное для советских людей (всех национальностей), уже вкусивших досыта «прелестей» коммунистического «рая», было то, что, попав в плен, и воюя на стороне немцев, они на самом деле попадали «из огня в`полымя». **Потому что звериная сущность фашизма оказалась такой же, как и коммунистическая** (Выделено нами. - М.Я.). Можно согласиться с мнением, согласно которому, советские солдаты, оказавшись в 1941-1945 годах по разные стороны баррикад, как бы продолжили гражданскую войну 1918-1922 годов.

большинство из них образовали «Русскую освободительную армию» (РОА) под командованием бывшего командующего 2-ой Ударной армией РККА генерал-лейтенанта А.А. Власова. К концу войны РОА насчитывала 300 тысяч человек. Еще в конце 1941 г. германским командованием была сформирована казачья карательная дивизия СС в составе пяти полков. После захвата Ростова-на-Дону и всей Ростовской области в г. Новочеркасске германское командование создало «Донской казачий комитет», в состав которого вошли белоэмигранты и недовольные советским тоталитарным режимом советские граждане... В Польше была сформирована в 1943 г. «Добровольческая» казачья дивизия под командованием кавалеристского генерала вермахта эсэсовца фон Панвица, зондеркоманда СС - ЮА в Краснодарском крае, карательные отряды «группы Шмидта» и восточные батальоны, действовавшие на Смоленщине. В 1944 г., летом, «Добровольческая» казачья дивизия вошла в личное подчинение рейхсфюрера СС Гимmlера и была переименована в корпус СС, который вместе с германскими войсками и четниками Драже Михайлова сражался против югославских партизан и против Красной Армии... Общее количество советских граждан, с оружием в руках сражавшихся на стороне Германии, достигло 1 миллиона человек!»... (Ибрагимбеи Х.-М. Северный Кавказ: геноцид, депортации и ЧП // Независимая газета, 1994, 12 июля).

Совершенно очевидно, что обстоятельства, непосредственно повлиявшие на то, что в вермахте были образованы национальные легионы (северокавказский в том числе),* имели объективный (внешний) и внутренний характер.

Под внешними обстоятельствами следует понимать сам характер политики нацистской Германии, намечавшей создание «на развалинах СССР геополитического наследника Российской империи - ...ряда национально-государственных образований, которые стали бы проводниками германской политики, способствуя распространению ее влияния на Ближний и Средний Восток, и далее - в Индию»¹.

Непосредственным обстоятельством, заставившим военно-политическое руководство Германии приступить к формированию этих частей, явился провал блицкрига осенью 1941 года, «повлекший за собой перспективу затяжной войны, к которой Германия была не готова. В этих условиях восточные легионы и казачьи части, наряду с другими национальными формированиями, были призваны хотя бы отчасти возместить понесенные вермахтом потери и покрыть дефицит живой силы»...²

Другой автор это второе, как бы практическое обстоятельство ставит на первое место: «...наличие огромной массы советских военнопленных летом 1941 г., возможность отбора среди них, а также проблема содержания их без значительных затрат (только в течение 1941 г. в плену от болезней, ранений и целенаправленного уничтожения со стороны охранного персонала, погибло до 2-х миллионов советских военнопленных) - все это вместе, а также остановка наступления германской армии зимой

* См. Приложение I.

¹ Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939-1945. Восточные легионы и казачьи части в вермахте. М., «Издательство АСТ», 1999. С.3.

² Там же.

1941/42 гг. привели к пересмотру высшим германским руководством отношения к иностранным формированиям в германских вооруженных силах.

В результате к середине 1942 г. сложилось совершенно иное отношение к иностранным войскам. Их создание стали форсировать и поощрять. Под факт формирования таких частей и соединений стали подводить идеологическую и политическую базу: во-первых, общая борьба против коммунизма важнее национальных различий; во-вторых, развалить Советский Союз самым надежным способом можно, разжигая национальную рознь между русскими в целом с нерусскими национальностями.»¹

Последнее кажется спорным, ибо среди более 180-ти отдельных частей и соединений из военнопленных советских солдат и офицеров (общее число доходило до 2-х млн. человека), созданных германским командованием, 75 частей было чисто русскими*. То есть русские и нерусские военнопленные, собранные строго по национальному признаку, все вместе воевали против общего врага - коммунистического Союза.

Огромное же количество военнопленных стало возможным потому, что сталинская Красная Армия в целом оказалась не готовой к оборонительной войне. И это есть внутреннее обстоятельство, собственно и приведшее к трагедии военнопленных.

По большому и горькому счету желание победить

¹ Похлебкин В.В. Великая война и несостоявшийся мир 1941-1945-1994. Военный и внешнеполитический справочник по истории Великой Отечественной войны и ее международно-правовым последствиям с 22 июня 1941 г. по 31 августа 1994 г. М., Арт-Бизнес-Центр, 1997. С. 127.

* Казачьих частей (из донских, кубанских и терских казаков) было 21, мусульманских (татары, башкиры, крымские татары, казахи и узбеки) - 42 части, азербайджанских - 13, **северокавказских** -12, грузинских - 11 частей и армянских - 8. При этом формирования из трех прибалтийских народов (как арийцев) входили в систему ведения войск СС (сведения из вышеуказанной книги В.Похлебкина). - Авт.

сталинский режим, воюя в немецком стане, было трагическим самообманом. Потому что сталинский СССР и нацистская Германия были две страны с искаженной нравственной сутью, это были две одинаково ненормальные страны. И люди всех национальностей, попавшие в страшные исторические жернова, оказались жертвами этой вселенской военной и политической трагедии XX века.

В цитируемой выше работе А. Андреева есть весьма важная информация (которую мы ранее естественно не могли знать) о том, что немцы уже с сентября 1941 года "освобождали националов", за которых хлопотали члены различных украинских комитетов - как эмигрантских, так и создаваемых на Украине по мере ее оккупации. За военнопленных тюркских национальностей в декабре 1941 года заступался перед Гитлером турецкий генерал Эркилет, прибывший с визитом в Берлин. Но так как отпускать военнопленных-мусульман было некуда (в местах их проживания оставалась советская власть), то их переводили в формирующиеся "остлегионы", либо же немцы просто старались улучшить их условия жизни".¹

Как стало известно из недавно рассекреченных документов МГБ СССР, в 1942 году бывший командир Дикой дивизии легендарный Клыч Султан-Гирей (активнейший борец с большевиками на Кавказе в 1917-1922 годы), белый генерал-эмигрант, один из руководителей антисоветского северокавказского национального комитета при министерстве восточных областей Германии, лично участвовал в формировании национальных легионов из северокавказцев для борьбы со сталинским коммунизмом.

Впоследствии он был выдан англичанами Сталину и казнен вместе с атаманом Красновым, генералом Шкуро, генерал-лейтенантом фон Панвицем и др. в 1947 году во

¹ Андреев В. Все круги ада...

внутренней тюрьме МГБ СССР.*

Как справедливо пишет об этих людях историк Н.Петров: «Можно по-разному оценивать их службу немцам, но своим идеалам они не изменяли - продолжали бороться с большевиками, где и как только было возможно.»¹. То же самое относится и ко многим другим активным и убежденным борцам с Советской властью из числа кадровых офицеров царской армии, уроженцев Северного Кавказа, вынужденных эмигрировать из России после гражданской войны.

Из зарубежной военной историографии и эмигрантской прессы, ставшими доступными нам лишь недавно,² известно о том, что общее количество северокавказцев, попавших из плена в вооруженные силы Германии в 1941 году, составляло около 28000 человек, офицеров - 175. Они воевали сначала в девяти этнических пехотных батальонах Северокавказского легиона.

Ингушей-легионеров в них было около 150-ти человек.** Участие столь незначительного количества

* См. документ «Доклад министра госбезопасности СССР генерал-полковника Виктора Абакумова Сталину. 7 января 1947 года.» // Коммерсант Власть. 2001, 4 сентября. С.61.

¹ Петров Н. Чем Шкуро хуже Судоплатова. Архив // Коммерсант Власть. 2001, 4 сентября. С.61.

² Joachim Hoffman. Kaukasien 1942/43. Das deutsche Heer und die Orientvolker der Sowjetunion. Rombach Gmb H-, 1991. Журналы: "Свободный Кавказ", "Кавказ", "Часовой" и др., издававшиеся в 50—70-е годы в Западной Европе.

** Ингушская рота в 836-ом батальоне Северокавказского легиона была создана наряду с другими и более многочисленными этническими ротами: осетинской, кабардинской, дагестанской и чеченской. Приводим неполный список ингушей-легионеров: Мальсагов Ахмет, Мальсагов Умат-гирей, Мальсагов Хаматхан, Ярижев Умар, Караджев Магомет-гирей, Яндиев Усман, Хамхоев Висан-гирей, Додов Амарал, Муцольгов Уматгирей, Аушев Яхья, Хасиев Халид, Дакиев Умар, Амирханов Исмаил, Евлоев Исмаил, Кодзоев Бейсултан, Кодзоев Ахмет, Мурзабеков Юсуп, Цечоев Абу, Хулохоев Усман, Костоев Уматгирей, Кузигов Хажмурад, Бичиев Израил, Дзауров Магомет, Дударов Умар, Цицкиев Висангирей, Льянов Абу, Хутиев Дауд, Джаниев Абдул-Вагап,

ингушей в немецких вооруженных силах в годы войны фатальным образом определило трагическую судьбу всего народа в течение последующих десятилетий XX века!..

Военнопленных ингушей из концлагерей на территории Польши и Германии спасали В.-Г. Джабагиев, генерал Сафарбек Мальсагов и Созерко Мальсагов. Эти люди, имея высокий авторитет в эмиграции, зная о нечеловеческих условиях содержания советских военнопленных и пользуясь своим особым статусом (например, В.-Г. Джабагиев являлся в годы Второй мировой войны уполномоченным турецкого Красного Креста и Полумесяца), специально искали по концлагерям ингушей, чеченцев и других северокавказцев. **Спасая их прежде всего от физического уничтожения, а уже после призывали воевать за освобождение своей родины от большевизма на стороне вермахта.*** (Выделено нами. - М.Я.)

Определенно можно говорить о том, что ингушская (как и вся кавказская) эмиграция в лице ее лучших и политически опытных представителей действительно предполагала использовать немецкое нашествие в заветном деле национального освобождения от советской империи своей истерзанной энкаведистским террором родины. Но **«нацизм оказался несостоятельным союзником, а точнее, не менее жестоким врагом... чем**

Дзейгов Абдул-Хамит, Дзортон Наиб, Яндиев Ибрагим, Тангиев Абукар, Аушев Хажмурат, Чумаков Ибрагим, Котиев Магомед, Манкиев Усман, Богатырев Мовсар, Муталиев Саварбек, Куриев Туган, Дугиев Магомед-марза, Льянов Хаджи-Бекар, Матиев Али, Мальсагов Созерко, Сагов Исса, Халухаев Сакоп, Аджигов Дауд, Арчаков Яхья, Албаков Идрис, Тебоев Беслан, Далиев, Котиев Висха, Евлоев Орцха, Дарсигов Иса, Саутиев, Чапанов Бисолт, Чапанов Алхаст, Акиев Курейш, Атыгов Хасан, Хучиев Израил, Цароев Ахмед, Келигов Магомед, Анцидоев Джебраил, Котиев Ахмед. Список составил по памяти бывший легионер Али Матиев, воспоминания которого мы приводим в Приложении 3. — М.Я.

* См. Приложение 2.

большевистский режим».¹ (Выделено нами. - М.Я.)

Эмиграция была вовлечена в многоходовые и обреченные на исторический провал игры, в которых по существу оказалась пешкой.²

Увы, никакие надежды на освобождение не могли осуществиться в силу исторической и военно-политической предопределенности: **сталинский монстр оказался сильнее нацистского** (Выделено нами. - М.Я.). И к концу войны ингуши, прошедшие все муки ада на полях сражений, в немецких концлагерях, в легионе, попадали в сталинские лагеря и депортацию...

Приложение 1

Восточные легионы 1941-1943 гг.

Тюркотатары, кавказцы и финно-угры Поволжья на стороне Германии

..."В октябре 1941 руководством отдела Абвер II, входившего в структуру Верховного Главнокомандования вермахта, для специальных защитных целей было создано соединение из тюркотатарских и кавказских военнопленных, которое было подчинено двум офицерам вермахта. Туркестанское соединение возглавил майор Майер-Мадер, кавказское - оберлейтенант запаса профессор Оберлендер...

...Оберлендер хотел создать возможность кавказцам для освобождения своих родных мест... Собранное из большого числа кавказских добровольцев численностью до полка (2300 человек) кавказское спецсоединение "Бергман"

¹ Предисловие к статье С. Червонной «Татарский Крым в пламени Второй Мировой войны» // Ас-Алан, М, 2000, №1 (3). С.258.

² Подробно об этом в кн.: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в 3-х томах. Т.2, М., «Юридическая литература», 1966. СС. 220-226.

зимой 1942-43 гг. состояло из пяти рот: армянской, азербайджанской, грузинской, северокавказской и дагестанской. В северокавказской роте служили ингуши, чеченцы, кабардинцы, балкарцы, осетины и др.* После специального обучения в высокогорье в Миттенвальде в начале августа 1942 года «Бергман» участвовал в боевых действиях на передней линии фронта на Северном Кавказе...

...8 февраля 1942 года был создан грузинский и армянский легионы. Первый, кроме грузин, включил в себя представителей горских народов - осетин, абхазов, адыгов, черкесов, кабардинцев, балкарцев и карачаевцев...

...Из III батальона выделился в Папротне кавказско-магометанский легион во главе с майором Риделем. Грузинский легион под командованием капитана Хуселля и армянский под командованием капитана Кучера получили в Весоле для своего расположения тренировочный армейский лагерь Рембертов. Чтобы избежать возможных противоречий между представителями различных национальностей грузинского легиона, представители всех северокавказских народов и племен были включены 2 августа 1942 г. в Весоле в собственный северокавказский легион во главе с капитаном Хуселлем...

...После формирования и получения мест дислокации в августе 1942 г. в подчинении у командования восточных легионов в Рембертове состояло 6 национальных легионов из представителей народов Средней Азии, Кавказа и Верхней Волги:

1. Туркестанский легион в Легионово...
2. Кавказско-магометанский (азербайджанский) легион в Йедельне для азербайджанцев.
3. Северокавказский легион в Весоле из

* По имеющимся сведениям общее количество ингушей, воевавших в "Бергмане", составляло 8 человек. - М.Я.

представителей народов и племен Северного Кавказа состоящий из трех условных групп: народы западного и центрального Кавказа - абхазы, адыги, черкесы, кабардинцы, балкарцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши, кумыки, ногайцы; народы Дагестана - аварцы, ахвахцы, андийцы, багулалыцы, ботлихцы, хваршинцы, дидойцы, годоберинцы, каратинцы, тиндальцы, чамалалыцы, даргинцы, кайтагцы, кубачинцы, лакцы, лезгины, агулы, цахуры, рутульцы, табасараны, удины; третью группу составляли - курды, талыши, таты и северные осетины.

4. Грузинский легион в Крушине для всех грузин, включая аджарцев, гурийцев, имеретинцев, кахетинцев, лазов, мингрелов, сванов и южных осетин.

5. Армянский легион в Пулави для всех армян, включая карабахцев.

6. Волготатарский легион в Йедельне для уфимских и казанских татар, башкир, мари, мордвин, татаро-говорящих чувашей и удмуртов.

Перед вступлением в легионы все будущие легионеры должны были пройти через предварительный или специальный лагерь в Беньяминове для туркестанцев и северокавказцев...

...Полевые батальоны 1-ой волны, которые к осени 1942 г. были в более или менее готовом состоянии, ушли на фронт: 6 туркестанских батальонов - 450, 452, 781, 782, 783, 784; два азербайджанских - 804, 805; три северокавказских пехотных батальона - 800 (черкесы), 801 (дагестанцы), 802 (осетины)...

...В 1943 г. под командованием штаба восточных легионов состояло 53 полевых батальонов численностью 53 тыс. человек.

...В качестве национальных лагерей были предусмотрены: промежуточный лагерь (Dulag 112) в Гадьяче для грузин, Dulag 120 в Миргороде для северокавказцев, Dulag 127 в Лохвице для армян, Dulag 200 в Примукке для азербайджанцев и Dulag 137 в Ромны для

туркестанцев...

...162 пехотная дивизия разделилась на 5 национальных легионов:

Туркестанский легион во главе с подполковником Ристовым, Азербайджанский легион подполковника Рилленбанда, Грузинский легион подполковника Гейне, затем подполковника Линде, Армянский легион подполковника Энгхольма.

Служащих северокавказского легиона майор Майер-Мадер, следуя пожеланию оберлейтенанта запаса Герхарда фон Биттенфельда, поделил по национальной принадлежности, так что весь этот легион составил из четырех различных групп народов:

1. Абхазы, адыги, черкесы, кабардинцы, балкарцы, карачаевцы.

2. Осетины.

3. Ингуши, чеченцы.

4. Аварцы, даргинцы, лакцы, лезгины со своими подгруппами, далее нагайцы, кумыки.

...Была возможность образовать северокавказское полевое соединение: из 1-ой и 2-ой группы полубатальон (842 и 843), из 3-ей группы - усиленную роту (1/844) и из 4-ой группы - взвод (2/844). Число бывших в распоряжении германского командования северокавказцев было так незначительно, что Штауффенберг 15 августа 1942 г. приказал прервать формирование северокавказского легиона при 162 пехотной дивизии. Все пребывавшие северокавказцы должны были поступать в северокавказский легион при штабе восточных легионов, а сооружения, в которых располагался северокавказский легион в Миргороде, были переданы в распоряжение 2-го Туркестанского легиона...

Вербовка советских военнопленных

До сих пор остались неразработанными вопросы, как могло случиться, что военнопленные красноармейцы стали солдатами немецкого вермахта. Советская публицистика, как только начинает говорить об этих процессах, считает всех без исключения советских граждан, которые сотрудничали с немцами, изменниками и предателями родины, несмотря на мотивы, которые могли быть различными, по собственной воле или нет, "Служить в фашистской армии - величайшее преступление"... Участие военнопленных солдат и особенно тех, которые считают себя представителями угнетаемого меньшинства, ведущих из политических и религиозных соображений борьбу против правительства своей страны, - распространенное явление новейшего времени...

Обучение легионеров

...В штабе 162 пехотной дивизии была создана специальная библиотека с публикациями и изданиями о Переднем Востоке, доступная для всех интересующихся. Приказом по дивизии от 12 августа 1942 года в каждом легионе еженедельно офицер читал лекцию о соответствующей народности...

...Как в общем и русские солдаты, так и легионеры при атаке показывали небольшое стремление к самоотверженному поединку. При соприкосновении друг с другом, особенно если противостоящая часть была той же национальности, они оказывались удивительно бездеятельными. В этом отношении подтверждалось исключение из правил, особенно северокавказцами, сродненными с горной страной, как например ингушами, о которых отзываются как о хороших, отважных бойцах...

Пропаганда в восточных легионах

...Существовал "пропагандистской взвод восточного легиона" под руководством гауптманна Мронговиуса, в котором прошедшие обучение легионеры с помощью громкоговорителя обращались на родном языке (русском, туркестанском, узбекском, азербайджанском, кумыкском, черкесском, чеченском, осетинском, грузинском и армянском) к своим землякам в легионах. Эти передачи могли сопровождаться музыкой, так как отдел пропаганды вермахта в Верховном командовании, а также Министерство рейхс-пропаганды (служба "Винета") предоставили в распоряжение этого взвода большое количество пластинок и магнитофонных лент с записями русской, туркестанской и кавказской инструментальной и вокальной музыки. Фильмы также были поставлены на службу пропаганды. И легионеры по меньшей мере раз в неделю могли участвовать в просмотре фильма...

Печатная пропаганда состояла в планомерной поставке в легионы газет, журналов и прочих материалов, которые большинством легионеров могли быть прочитаны, благодаря тому, что число неграмотных в восточных легионах было незначительно. Распространялись иллюстрированный журнал "Сигнал" и газеты:

"Новый путь", "Новое слово", "Доброволец", позднее газета "Кавказ", издававшаяся Северо-Кавказским национально-освободительным движением. Редактором ее был Маниус Мансур (Авторханов. – М.Я.).

...Распространялись также газета "Газават", которая выходила на русском языке с приложениями на северокавказских языках (карачаево-балкарском, чечено-ингушском, кумыкском, осетинском, адыгейском и лезгинском).

...Образованная в рамках 162-ой пехотной дивизии штабная певческая капелла, грузинский хор, а также грузинский, азербайджанский и туркестанский театральные и игровые ансамбли дали много представлений при

принятии присяги, праздниках независимости.

...На конференции 26-27 августа 1942 г. было принято решение, обратить внимание на религиозные обычаи легионеров, насколько это позволяют требования службы. Так, во время ежедневных молитв военная служба не проходила. Также должно было быть уделено внимание религиозным праздникам. В каждую пятницу мусульмане освобождались от службы с 16-ти часов. Во время Рамазана 9 октября с обеда и до 10 октября до обеда, было также свободно от службы для того, чтобы легионеры могли принять участие в большой молитве под руководством муллы легиона.

...По решению конференции от 26-27 августа 1942 г. было разрешено осуществлять погребение умерших легионеров мусульманской веры по ритуалу своей религии. Лицо и ноги умерших покрывались белой материей, гробы с флагом легиона покрывались предварительно белой тканью, гробы с помощью компаса ориентировались на Мекку, а вместо крестов ставились надгробные камни и доски с полумесяцем...

По предложению генерала от кавалерии Кёстринга в каждую роту был введен мулла в ранге группенфюрера...

..."Сегодня мы взяли за оружие, чтобы добиться независимости... Наша цель: разрушение большевизма, построение независимого государства, создание вечного союза с Германией", - так описывал северокавказский оберлейтенант Сосырко смысл своей борьбы...."

Из книги: *Joachim Hoffmann. Die Ostlegionen 1941-1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutschen Heer. Verlag Rombach Freiburg, 1976.* Приведенный отрывок из книги перевел с немецкого Б. Газиков.

* Речь идет о Созерко Мальсагове - идейном и убежденном враге советской власти, оказавшемся в немецком плену 1939 г. Надеясь на помощь немцев в создании независимой кавказской Конфедерации, он воевал в Северокавказском легионе с 1942 по 1944 гг. В одно время был командиром ингушской (штабной) роты в 836-ом батальоне. - М.Я.

Приложение 2

Кавказ 1942-1943 гг.

Народы советского Востока на стороне немцев

«...Когда немецкие войска в июле-августе 1942 гг. наступали на Кавказ, аварец Шамиль (Внук имама Шамиля. - М.Я.), постоянно проживающий в Турции, вместе с жившим там же ингушом В.-Г. Джабаги, бывшим президентом парламента Республики Союза горцев Северного Кавказа, и приехавшим из Швейцарии кумыком Бамматом, бывшим министром иностранных дел этой республики, настояли на проведении в Берлине переговоров о политическом будущем своей родины с Министерством иностранных дел и Восточным министерством. Переговоры не принесли удовлетворения кавказской стороне.

Шамиль, желавший поставить освободительное движение под знамя легендарного имама, отошел от сотрудничества и возвратился назад в Турцию. Его доверенное лицо, осетин генерал Бичерахов, был временно еще членом "Северокавказского особого корпуса", образованного при немецком содействии из авторитетных личностей разных народов, который в заключении был незаконно лишен обещанных политических полномочий.

В свое время Бичерахов, награжденный высокими британскими орденами, в 1918 г. оказал существенное помощь в захвате пресловуто знаменитых 26-ти большевистских комиссаров во главе с Шаумяном, которые "осуществляли в Баку жестокий террор", и, как указано в советских публикациях "в сентябре 1918 г. они были убиты английскими интервентами зверским образом".

После выхода Бичерахова из организации в "Северокавказском особом корпусе" состояли следующие

лица: черкесский генерал, князь Клыч-Гирей (Клыч Султан-Гирей. - М.Я.), командир полка в состоящей из северокавказцев так называемой "Дикой дивизии", в период Гражданской войны, служивший в армии генерала Деникина, чеченец Тукаев, затем осетины Байтуган и инженер Кулатти.

В Ставрополе из других представителей кавказских народов в ноябре 1942 г. также образуется "Особый штаб Кавказа", которому, вопреки обещаниям, данным ранее германскими спецслужбами, предоставляются только лишь ограниченные возможности деятельности, не оправдывающие ожиданий членов штаба.

После этой двойной игры немцев представление интересов северокавказцев взяла на себя «Северокавказская национальная комиссия» (в 1944 г. излишне поспешно переименованная в "Национальный комитет Северного Кавказа"). Северокавказская национальная комиссия стремилась достичь признания независимости Северного Кавказа более гибкой политикой с немцами и, разумеется, хотела остаться в хороших отношениях с командованием Восточных легионов.

После возвращения президента Джабаги обратно в Турцию, а также отхода от дел Баммата и черкеса Намитока*, фактически делами стал управлять осетин Кантемир, соиздатель ежемесячного журнала "Кавказ", выходившего на нескольких языках в Париже.

Действительным председателем и представителем Северокавказской национальной комиссии был аварец, инженер Магома. Руководителем военного штаба, после смерти осетина Кулатти в 1944 г., стал осетин, майор Дударов, который окончил военную академию им. Фрунзе

* В.-Г. Джабагиев, Г. Баммат и др. представители горской эмиграции первой волны, осознав тупиковость и историческую бесперспективность союза с немцами, раньше других разорвали все отношения с последними. - М.Я.

и в 1942 г. был взят немцами в плен. Офицером для связи с Северокавказским легионом был аббат, офицером связи с немецкой стороны - лейтенант Хуммель.

В Национальную комиссию, помимо аварца Мусайясула, кабардинца Жакана, осетина Элегкоти, входили еще некоторые лица, которые, однако, были приняты только из уважения к их происхождению.

Несмотря на разнородный состав, Северокавказская комиссия работала, тем не менее, удовлетворительно, хотя возникали едва ли достойные упоминания трения, за исключением конфликта с национальными представительствами карачаевцев, кабардинцев, балкарцев, осетин, которые образовались в оккупированных кавказских областях или среди беженцев.**

Названные лица получили подтверждение в качестве членов образованного в 1943 году Северокавказского Объединенного штаба, в который также вступили генерал, князь Клыч-Гирей, Тукаев, дагестанец, лейтенант Калмыков и некоторые другие.

Северокавказский Объединенный штаб в 1943 году выпускает под редакцией Кантемира собственный ежемесячный журнал "Северный Кавказ", который рассматривает не только военно-политические вопросы современности, но и темы из истории северокавказских народов. Еще большее значение приобретает еженедельник Северокавказского национального освободительного движения - "Газават", формально контролируемый Отделом военной пропаганды Главного штаба вооруженных сил Германии, а фактически редактируемый - под личную ответственность - советским профессором, чеченцем Мансуром (Авторхановым. - М.Я.).

** Характерно, что подобных представительств ингушских и чеченских не было, что объясняется следующими обстоятельствами: 1) немцы не оккупировали Ингушетию и Чечню, 2) отсутствием беженцев из числа ингушей и чеченцев. - М.Я.

Этот журнал, эффектно оформленный и написанный в традициях освободительной войны XIX в. имама Шамиля, издавался на русском языке (редактор Гобашев). Было и национальное издание (редактор Султанов) со статьями на адыгейском, аварском, кумыкском, осетинском, чеченском и иногда на дагестанских языках, которое пользовалось большой популярностью у легионеров.

"Газават" 19 мая 1944 г. от имени Северокавказского национально освободительного движения протестовал против проводимой советским правительством нечеловеческими методами депортации карачаевцев, балкарцев, чеченцев, ингушей и других народов в необжитые области Сибири, указывал на чудовищные жертвы среди людей и называла этот факт геноцидом.

Под этим впечатлением северокавказцы, как и перед войной, сплотились для совместных действий с закавказскими народами: азербайджанцами, грузинами и армянами. Идея создать единый, свободный, независимый Кавказ, т.е. объединиться с остальными кавказскими народами в рамках Конфедерации, возникшей уже в 1918 г., стала новым стимулом, когда осенью 1944 г. организовался Комитет освобождения народов России (КОНР) под командованием русского генерала Власова.

Единодушие среди представителей кавказских народов, включая северокавказцев, заключалось в том, что необходимо было в противовес КОНРу создать общий орган в виде "Кавказского Совета". По инициативе азербайджанской стороны президентом должен был стать северокавказец, ибо таким путем надеялись избежать возможной мелочной ревности среди азербайджанцев, грузин и армян.

Кавказским Советом, учрежденным еще в октябре 1944 г., где северокавказцев представлял Кантемир, двигала идея объединения и сотрудничества кавказских народов, после освобождения от советского режима должна была

стать государственно-правовой реальностью Конфедерация четырех национальных государств -Северного Кавказа, Азербайджана, Грузии и Армении.

Восточное министерство Германии и Главное управление СС проявили большую готовность признать политические цели кавказцев на этой основе. Хотя национальные представительства кавказских народов получили признание в качестве национальных комитетов, тем не менее, они должны были продемонстрировать, что собственные национальные устремления отстаивают на стороне немцев. Между тем, о признании Кавказской конфедерации рейхсминистр Розенберг официально высказался лишь в марте 1945 г.

Если Кавказский Совет (Кавказский Комитет) стремился к политическому сотрудничеству разных народов, то целью созданного в это же время Кавказского военного совета было объединение национальных легионов в единую кавказскую освободительную армию под командованием северокавказского генерала Бичерахова в качестве генерального инспектора. Он крайне долго задерживал на этом этапе войны данное предприятие и отклонил предложение.

Восточные легионы, фактически не подчиненные генералу добровольческих частей в Главном командовании сухопутных сил (ОКН), а также еще не переставшие действовать их полевые части, подчинялись немецкому военному командованию. Тем не менее, Главное управление СС, в конкуренцию легионам сухопутной армии, аналогично Восточнотурецкой войсковой части СС, приступило в сентябре 1944 года к формированию Кавказской войсковой части, включающей несколько войсковых групп (полков).

Так как СС сама не располагала достаточными личными резервами, то Северокавказская войсковая часть формировалась на севере Италии из добровольческой

бригады "Северный Кавказ". Беженцы с Кавказа имели здесь, в Палуце, собственное поселение с автономным управлением и находились под военной защитой добровольческой бригады, пополняемой из их рядов.

Руководство Северокавказской войсковой частью, в которой все офицерские места занимали бывшие офицеры царской армии северокавказского происхождения, взял на себя, по желанию северокавказцев, черкес, полковник Улагай..."*

Из книги: *Joachim Hoffman. Kaukasien 1942-43. Das deutsche Herr und dee Orientfolker der Sowjetunion. Rombach Verlag. Freiburg, 1991, 184-211. Перевод с немецкого А. Москаленко.*

Приложение 3

Из воспоминаний легионера

...Наша рота создавалась в городе Весела, в Польше, в самом конце 1942 г. Я оказался в плену в середине того года.

Собралось около полутораста человек ингушей, освобожденных из немецких лагерей для военнопленных. Освобождали нас члены Международного Красного Креста, а координировал эту работу по северокавказцам Вассан-Гирей Джабаги. В некоторые лагеря приезжали сами Вассан-Гирей и Сафарбек Мальсагов, живший в Польше.

Наша рота занималась охраной гражданских и военных объектов в Веселе и в других местах. Позже

* Судьба этих северокавказцев трагична: все они (военные и гражданские лица, независимо от пола и возраста) были выданы в 1945 году англичанами Сталину и погибли в концлагерях, либо казнены. - М.Я.

охрана была основной службой нашей роты. В Веселе дислоцировалась не только наша рота, но весь 836-й батальон Северокавказского легиона под командованием капитана вермахта Ланге, который впоследствии погиб на Украине в танковом бою.

В 836-й батальон входили также адыгейская (кабардинцы, черкесы, собственно адыгейцы, абазины), осетинская (около 400 чел.) и чеченская (около 300 чел) роты. Они служили рядом с нами. Командиром нашей роты был Созерко Мальсагов, а у чеченцев - Ади Умаров. Рота делилась на четыре взвода.

Простояли мы в Польше около года, учились воевать. Потом черкесскую, чеченскую и осетинскую роты направили на фронт, под Моздок и Малгобек.

В 1942 г. в Берлине Северокавказским комитетом стала выпускаться газета «Газават», редактором которой был Абдурахман Авторханов. Он подписывался как Маниус Мансур. «Газават» выходила один раз в неделю на русском языке с вкладышами-приложениями на осетинском, чеченском и ингушском, кумыкском языках. Ингушским отделом редакции заведовал Сагов Иса, свои материалы в газете он подписывал псевдонимом «Назранин», редактором осетинского отдела был Александр Баев (он остался в Европе после окончания войны). Сагов Иса живет в Турции.

В каждой роте (и в нашей тоже) существовало специальное помещение, в котором legionеры могли читать «Газават» и другие газеты и журналы на русском языке. Там же слушали национальную музыку. Пластинки привозили из Парижа. Legionеры писали в «Газават» статьи и письма, кто-то сочинял и печатал стихи на ингушском и русском языках.

В роте был свой мулла и муэдзин. Совместный намаз совершали все в пятницу в отдельном помещении, летом это был навес огражденный брезентом. Во время

намаза немецкие военнослужащие следили, чтобы никто не мешал молитве. Вообще, немцы с уважением относились к нашим религиозным чувствам.

Наша рота на смотре строевой подготовки заняла первое место по легиону, после этого ей было присвоено почетное звание штабной. В легионе это было очень престижно: элитное подразделение. Легионеры в нашей роте были одеты в немецкую военную форму, в отличие от других национальных рот.

Во время строевых занятий и походов наша рота исполняла свой марш, пели его на ингушском и на русском языках. Пели мы и религиозные песни - назмы.

В 1943 г. нас направили во Францию, в Леон и Пуатье. Там мы несли охрану различных объектов.

В Париже жила семья эмигранта полковника Куриева, был он достаточно состоятельным человеком, владел каким-то магазином, но и военную службу не оставлял, служил в немецкой комендатуре Парижа. Он бывал у нас, и некоторые легионеры ездили к нему домой. Говорили, что Ибрагим Гелисханов должен жениться на его дочери, что-то помешало осуществиться этому. Ибрагим остался в Германии, и после войны долго работал на радио «Свобода».

Во Франции мы узнали, что в Польше скончался Сафарбек Мальсагов. Он долго до смерти болел, но слег и больше не поднялся, после того, как пришла весть, что всех ингушей и чеченцев выселили с Кавказа. Отходную молитву Сафарбеку читал мулла, осетин из Беслана, он был ингушский племянник, его мать ингушка. Похоронили Сафарбека на Татарском кладбище Варшавы. Все мы очень переживали по этому поводу, устроили тязет.

В 1944 г. наш батальон был передислоцирован на Украину в Кировоградскую область для охраны гражданских объектов. Перед отправкой разговоры были, что отправляют в Карпаты. Мы организовали прощальный

вечер с застольем. Зарезали корову, приготовили дулхалтам, другие блюда, купили разные напитки. Вечер проходил по ингушским традициям: во главе стола сидели старшие по возрасту, уважаемые люди. Кто-то из них спросил у нас, откуда такой щедрый стол. На что один из младших легионеров ответил, что, мол, корова не с Кавказа...

Когда мы еще находились в Польше, к нам в гости приходила дочь Вассан-Гирея – Джанет (Зейнаб). Была она тогда совсем молоденькая и с очень большой любовью, как к родственникам, относилась к нам. Все старались оказать ей внимание, дарили конфеты, и кто что мог... У нее уже был сын, и она часто просила нас учить иностранные языки.

...Большинство ингушей, оказавшихся в легионе, попали в плен после обороны Брестской крепости. Среди легионеров даже говорили, что Гитлер, удивленный долгой обороной крепости, послал в Брест Отто Скорцени для выяснения того, кто так удерживает крепость. Как рассказывали офицеры легиона, после поездки Отто Скорцени доложил Гитлеру, что наиболее ожесточенное сопротивление оказывают обороняющие крепость ингуши и чеченцы...

Надо сказать, что в Бресте до войны служило много призывников из Чечни и Ингушетии, и уже перед самым началом наступления немцев в Брест привезли целый эшелон из Грозного с вайнахами...

Однажды заместитель командира батальона оберлейтенант Гельде, желая указать на его место, допустил в отношении ингуша-легионера некорректную реплику. Оскорбленный легионер, не раздумывая, избил офицера. Это было серьезное происшествие, и легионеру грозил расстрел. Однако, нам удалось отстоять своего товарища. Он избежал наказания. Вообще легионеры-ингуши никогда и никому не позволяли оскорблять себя -

вели себя, как подобает ингушам. Немецкое командование относилось к нам поэтому с уважением...

В конце войны, в 1945 г., мы были в Дании, там и сложили оружие. Нас этапировали в Германию. В то время она уже была разделена на четыре сектора оккупации. Мы попали в американский сектор...

Али Матиев^{*}
август 2000 года

^{*} А. Матиев умер в декабре 2000 г. Пусть земля будет ему пухом... - М.Я.

Уважаемый читатель!

В первом номере журнала «Ас-Алан» мы опубликовали фундаментальную работу Исмаила Мизиева «История Карачаево-Балкарского народа с древнейших времен до присоединения к России» и глубокое исследование Махти Джуртубаева «Духовная культура Карачаево-Балкарского народа». Завершала книгу статья проф. Светланы Червонной «Карачаево-Балкарское искусство перед лицом национальных потрясений и трагедий далекого и близкого прошлого». Во втором номере мы дали работу И. Мизиева «Из истории поземельных споров между Балкарией и Кабардой» и исследование С. Червонной «Карачаево-Балкарский мир Северного Кавказа: современная этнополитическая ситуация». В третьей книге «Ас-Алан» увидела свет работа проф. Казия Лайпанова «О государственности карачаевцев и черкесов». В пятом номере мы опубликовали две книги Махмуда Дудова: «Животноводство у карачаево-балкарцев и связанное с ним обычаи и традиции»; «Трагедия карачаево-балкарского народа».

В шестом номере, в основном завершая публикацию материалов по истории карачаево-балкарцев, публикуем скрупулезное исследование В.П. Невской «Карачай в XIX веке», и работу турецкого автора Йылмаза Науруза «Об узденах и кулах». Эти ученые в своих исследованиях приходят совершенно к противоположным выводам. Труд Невской — это не только взгляд со стороны, но и марксистско-ленинский подход к развитию общества. Труд Йылмаза — взгляд изнутри и антиленинца. Кто прав, судить читателю.

Труд американского ученого Вальтера Коминса Ричмонда - о последепортационной борьбе карачаевцев за свою реабилитацию.

Мы сочли также нужным в этом номере дать карачаевские тамги, собранные профессором К. Т. Лайпановым. Если по этой теме у Вас возникнут вопросы, просьба обращаться к Казию Танаевичу.

Профессор Валтер Коминс-Ричмонд
(Соединенные Штаты Америки)

Ранние его работы о лингвистических экспериментах русских поэтов-модернистов. В 1995 преподавал теорию перевода в Литературном институте А.М.Горького. Опубликовал много статей на тему русского модернизма.

Занимается исследованием депортации тюркских народов Кавказского региона в 1940 годах и их борьбой за реабилитацию в последепортационный период.

В настоящее время работает над всеобъемлющей историей карачаево-балкарского народа.

Языки, которыми владеет: русский, турецкий, узбекский, арабский, литовский, французский, сербо-хорватский.

Практикует ислам суннитского толка.

Walter Comins-Richmond
Ph.D. University of Southern California, Los Angeles 1994
Assistant Professor, Diplomacy and World Affairs Program
Occidental College, Los Angeles CA

My earliest work concerned linguistic experiments by Russian Modernist poets. In 1995 I lived in Moscow for six months, where I taught translation theory at the A. M. Gorky Literary Institute. While there I participated in an international conference on Russian and Ukrainian theater in Kiev. I have published several articles on Russian Modernism in journals in the United States and Ukraine. I have received two grants from the International Research and Exchanges Board to conduct research on the subject in Russia.

I have publications on Karachaevo-Cherkessia forthcoming in *The Journal of Genocide Research*, *the Journal of Muslim Minority Affairs*, and *Analysis of Current Events*. Currently, I am working on a comprehensive history of the Karachay-Balkar people.

I am fluent in Russian and a frequent visitor to the Russian Federation. Besides Russian, I have reading knowledge of Turkish, Uzbek, Arabic, Lithuanian, French, and Serbo-Croatian.

At Occidental College, besides teaching courses in the Russian language, I teach courses on environmental issues and political processes connected with petroleum reserves in the former Soviet Union.

I am a practicing Sunni Muslim.

The Karachay Struggle After the Deportation

Bismillah ir-Rahman ir-Rahim

During World War Two, the Soviet government deported selected ethnic groups from the North Caucasus and dispersed them in labor camps throughout Kazakhstan and Central Asia. A good deal of scholarship now exists concerning the methods of deportation and the conditions under which the deported peoples lived,¹ but the difficulties they faced, and continue to encounter, after their return in the late 1950s has received considerably less attention.² The Karachays, a Turkic Muslim people whose homeland lies in the northwest Caucasus mountains, were the first people to be deported and one of the last to be granted permission to return. In the post-deportation period they have perceived themselves as uniquely singled out by the Soviet government for cultural, linguistic, and economic discrimination, and in fact have considered the act of genocide against their people to be an ongoing process continuing to the present.³ In this paper I will provide an outline of these events and their relationship to the political turmoil that has engulfed the republic of Karachaevo-Cherkessia since the establishment of the Russian Federation.

The Karachays have a long and complex history in the North Caucasus region. To date all that has been definitively established is that they are among the most ancient of the Caucasian peoples. Quite probably they are the survivors of a much larger Turkic group that was conquered by the Mongols in the 1200s, and then by Timur the following century. As a result, their territory and numbers were greatly reduced, but they emerged as a distinct ethnocultural unit by 1400. Russian attempts to create a link with Georgia via the Caucasus began in 1594, but were confined to the Caspian coast until the late 1700s, when the Russians sought control of the entire Caucasus region. By 1864 the conquest was complete, and over one million Caucasians were expelled into Turkey.⁴ There were two waves of emigration from Karachay to Turkey: 1850-85, when Russian settlers began seizing Karachay lands, and again in 1905.⁵ Early in the Soviet period the central authorities became aware of the difficulty and potential danger of delimiting regions in the North Caucasus. In September 1923, A. Mikoian reported that "all the mountain oblasts⁶ are comprised of numerous peoples and tribes with mutual

hostilities, based on territorial and other social conflicts and traditional animosities. There is a struggle amongst them over control of administrative Soviet organs."⁷ One year later M. Malysenko noted that "there is hostility between the mountaineers, but it is particularly noticeable in regard to the question of participation in organs of self-government."⁸ Despite these observations, in 1924 the Soviets created two national oblasts, Karachaevo-Cherkessia and Kabardino-Balkaria, that contradicted all logic. The Karachays and Balkars are the same people; the distinction between the two was first drawn by Russian Imperial administration.⁹ The Cherkess and Kabardinians share ethnic ties, and speak languages completely unrelated to Karachay/Balkar. In addition, there was a small group of Nogays, another Turkic people, who had their own territorial grievances. In 1926, the oblast was separated into Karachay and Cherkess oblasts, but conflicts were still frequent, reflecting long-standing territorial disputes; in September 1928, a report issued by the Secretary of the Organizational Bureau stated that "great hostility exists between the nationalities of Karachaevo-Cherkessia; this is particularly acute between the Karachays and the Nogays. This becomes particularly noticeable during the settlement of territorial questions . . ."¹⁰ No serious effort to address these problems was made, although the Karachays were able to develop a national literature and identity which they previously lacked. During this same period they, like many other groups in the Soviet Union, actively resisted collectivization in the early 1930s. However, these developments were short lived. The Soviets used the Great Terror of 1936-38 to end not only resistance to collectivization, but also Karachay national culture. The entire intelligentsia, all rural officials and at least 8000 ordinary farmers were arrested, including 875 women. Most were executed, but many were sent to prison camps throughout the Caucasus.¹¹ All Karachay officials were purged by early 1938, and the entire nation was administered by NKVD¹² officers, none of whom were Karachay.¹³

The German Army arrived in Karachay in August 1942 and were repelled in early 1943. It is true that some Karachays did collaborate with the Nazis, although Slavs in the region also took up arms against the Soviets.¹⁴ Immediately after the Red Army liberated Karachay, all suspected collaborators, which meant entire villages that happened to be in areas of separatist resistance, were arrested, never to return. In September 1943 60,000 NKVD troops appeared throughout Karachay, posing as Soviet soldiers on leave from combat.¹⁵ On the morning of

November 2, NKVD soldiers surrounded the Karachay villages and forced all the residents into Studebaker trucks at machine gun point. 68,938 Karachays were deported in the operation.¹⁶ As the majority of the men (approximately 15,000) were at the front, 82 percent were women and children.¹⁷ The Karachays were relocated in 550 settlements in Kazhakhstan and Central Asia.¹⁸ None of the republics were economically prepared to absorb the new arrivals; the region was already overloaded with evacuees from European Russia, and as a result there was no available housing.¹⁹ Dysentery outbreaks were frequent, particularly among the children, and malaria affected nearly all the deportees. Mass starvation also occurred, and the deportees often resorted to eating grass, grain husks, frozen potatoes, seeds, alfalfa, nettles, and shoe leather.²⁰ One particularly harsh settlement was the state farm "Pakhta-Aral" in Uzbekistan. An eyewitness states that "very few survived, and only those who had managed to hide away objects of value which could be used to bribe managers and guards to let them leave for other areas where Karachays were resettled. Whole families died out, and often the corpses were left rotting in the dug-outs and mud huts since there [was] nobody left to bury them."²¹

The natives, who were told that the deportees were Nazi collaborators, regularly referred to the Karachays as bandits, cutthroats, and cannibals.²² The Kazakhs were particularly inhospitable.²³ Male and female deportees alike were subjected to the whip, and there were many reports of rapes.²⁴ Often the authorities would not even allow the Karachays to take time off from work to bury their compatriots, and so they buried as many as they could at night. Deportees were required to report to the commandant twice a week (gradually this was reduced to once a month), and were not to stray beyond a specific perimeter from the settlement.²⁵ Svetlana Alieva has uncovered documents concerning a married couple settled in different villages, who had to receive written three day passes to visit one another. As a result of this arbitrary resettlement process many, particularly Karachay soldiers who were sent from the front directly into exile, searched for years for their families. As a result, the Karachay population increased from 78,827 in 1943 to only 81,000 by 1959.²⁶ Assuming a conservative two percent annual population increase, the 1959 population should have been 108,212. Thus, as a result of the deportation, the Karachays lost 25.15 percent of their potential population.

After Stalin's death, the Soviet government began taking steps to improve the living conditions of the deported peoples. At the XX Party Congress Nikita Krushchev denounced the deportations in no uncertain terms:

The Soviet Union justly considers itself an example of a multinational state, because we guarantee in practice the equality and friendship of all peoples living in our great homeland.

This makes certain acts, initiated by Stalin, and which represent a base violation of the fundamental Leninist principles of the politics of the Soviet state, even more appalling. I am referring to the mass deportation of entire peoples from their homelands, including Communists and Comsomol²⁷ members, without any exceptions whatsoever. This deportation was not dictated by and military considerations.

So, already by the end of 1943, when continual breakthroughs at the front during the Great Patriotic War determined its conclusion to the benefit of the Soviet Union, the decision to deport all the Karachay people from the lands where they lived was made and executed.²⁸

The wording of this statement is indicative of the subsequent attitude of the Soviet government to all the deported peoples: Krushchev never admitted that the charges of collaboration with the Nazis were false, only that deportation of entire peoples was a violation of Soviet principles. This was to become a major point of contention for the Karachays, as well as the other deported peoples. At this time, however, Krushchev's proclamation was greeted with great enthusiasm. The special restrictions on the Balkars and Kalmyks were reinstated between July 1954 and March 1956, and the Balkars were even given the right of return in November of that year, most restrictions still remained on the Karachays, Chechens and Ingush.²⁹ The Karachays' initial requests for the right of return were rejected by their local directors on the grounds that their departure would cause severe economic hardship on the regions in which they now lived.³⁰ On May 11, 1956 a Karachay delegation wrote Krushchev complaining that since the XX Party Congress declaration no action had been taken to restore the Karachays' rights, and requesting the right to return and the restoration of the Karachay Autonomous Oblast. The letter particularly emphasized the moral degradation they faced in Central Asia: the natives consistently referred to them as traitors and bandits, the MVD³¹ still oversaw all their activities, and travel restrictions still remained. The letter also

warned that this discrimination was causing a reactionary nationalist movement among the people: "the infringement of national rights and the abasement of national dignity have pushed the people into the reactionary customs of the past, into religious bigotry and fanaticism."³² To what degree this is exaggeration we cannot say, but the letter achieved its aim. The delegation was invited to Moscow and met with Soviet officials on June 2. Their requests were: the rehabilitation of the Karachay people and the revocation of all decrees concerning their deportation and restriction of movement, the right to return to Karachay, complete restoration of their autonomous oblast, property, and the establishment of a institutions and a housing fund.³³ A second group met with Krushchev On July 4. Krushchev reinforced their suspicions that the liquidation of Karachay was proposed by NKVD Chief Lavrenty Beria to enlarge Georgia at the expense of the North Caucasus republics. The meeting ended inconclusively, with Krushchev's primary concern being the conflicts that might arise between the returning deportees and the people that were settled in Karachay during the interim period.³⁴ On July 16, an order of the Supreme Soviet declared that the special status of the Karachays, Chechens, and Ingush was "no longer necessary," with no mention of the falsity of the collaboration charges. The order further stated that the peoples mentioned were not given the right to return to their homelands nor the right to reclaim property lost during the deportation.³⁵ A commission from Moscow toured Kazakhstan in August, and on the 15th Karachay representatives gave the commission a 15 point plan to return the deportees to their homeland "without affecting in any way the interests of the current inhabitants of Karachay territory."³⁶ A representative of the Karachays was verbally informed of the decision to allow the deportees to return home on November 26.³⁷ On December 26 a protocol was issued by the Karl Marx Collective Farm in Kyrgyzstan, with 12 specific questions concerning the return, the status of the new oblast, necessary material assistance, the return of property, and the departure of the Georgian people settled in Karachay. On January 9, 1957, the RSFSR³⁸ Supreme Soviet issued Order 149/12, "On the Transformation of Cherkess Autonomous Oblast into Karachaevo-Cherkess Autonomous Oblast":

With a view to the creation of conditions necessary for the national development of the Karachay people the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR resolves:

1. To recognize the necessity of the re-establishment of the national autonomy of the Karachay people.
2. To recommend that the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR consider the question of the transformation of Cherkess Autonomous Oblast into Karachaevo-Cherkess Autonomous Oblast within the structure of Stavropol Krai³⁹ RSFSR, having established borders and the administrative-territorial organization of the autonomous oblast.
3. To consider the Order of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 12 October 1943 "On the Liquidation of Karachay Autonomous Oblast and the Administrative Organization of its Territory" and Article Two of the Order of 16 July 1956 concerning the prohibition of the Karachay people from returning to their former places of residence to be no longer valid.⁴⁰

The Karachays found the order deficient on three counts. First, the order was never published, which caused suspicion and apprehension on the part of the peoples currently living in Karachaevo-Cherkessia. Second, no mention of the falsity of the charges of Nazi collaboration was made in this or any other document. The phraseology of Article Three, declaring Order 115/13b and Article Two of the July 16, 1956 order "no longer valid" implied that the deportation was at one time a legitimate measure. Third, the establishment of Karachaevo-Cherkess Autonomous Oblast by Article Two (which included Russian, Nogay, Abazin, and other ethnic groups) contradicted Article One's declaration of the necessity of establishing Karachay autonomy. In fact, the Karachays were the only deported North Caucasus people whose pre-deportation situation was not re-established. Instead, the multiethnic oblast which failed in the 1920s was recreated. None of the other peoples of the Oblast had suffered deportation, which engendered resentment on the part of the Karachays. As ethnic tensions were always present, the unexplained return of the Karachays led to animosity and mutual fear. MVD Order 055, issued on January 25, 1957, allowed the deported peoples to return to their homelands, and on April 12 Soviet Ministry Resolution 205 promised material assistance to the returnees.⁴¹ The newly created Karachaevo-Cherkess Autonomous Oblast was promised 375 million rubles. Resolution 1038, issued in September 1957, and Resolution 1123, issued one year later, assigned 65.3 million rubles for domestic construction and 65.6 million for industrial construction. However, 53.7 percent of the funds were dispersed in Cherkessk, Khabezsky and Adyge-Khabl'sky Raions,⁴² where less than one percent of the Karachays settled.

Karachayevsky, Malokarachayevsky, and Ust-Dzhegutinsky Raions, where 67.5 percent of Karachays did settle, received a total of only 31 percent of the funds.⁴³ According to the Republican Commission for the Rehabilitation of the Karachay People, the authorities in non-Karachay raions placed numerous obstacles to Karachay immigration, and took advantage of a lack of oversight mechanisms to exploit the funds for unauthorized projects that did not benefit the Karachays.⁴⁴ The misappropriation of government funds affected not only housing in Karachay raions, but also transportation, electrical generation, health care, and cultural life.⁴⁵

Furthermore, the government offered no compensation for property lost during the deportation.⁴⁶ Like all the deported peoples, upon their return the Karachays found their archives, museum holdings, and national monuments had been taken. Likewise, their family knives, belts, rings, bracelets, many of which had been passed from generation to generation and represented an irreplaceable piece of their cultural heritage, were also missing. During the diaspora across Central Asia many legends and folk tales were forever lost as elders passed away in rapid order.⁴⁷ After their return, the Karachays received less assistance in reclaiming their cultural heritage than any other of the deported peoples, despite the promise of Central Committee Protocol No. 60 of January 24, 1956 that "the re-establishment of national autonomy to the repressed peoples will stimulate the rise of their political and industrial activity, and will further the development of their economies and national cultures [. . .]."⁴⁸ By the fall of the Soviet Union, there was still no Karachay song and dance ensemble, publishing house, writers' union, theatrical collective, or folk museum. There was a Writers' Union for the entire Oblast, but none of the seven Karachay members were given apartments or studios, as the eight other non-Karachay members were. In nearly every category of higher education, Karachays were consistently proportionally less represented than any of the other north Caucasus peoples.⁴⁹

The absence in all resolutions or subsequent literature of any reference to the falsity of the charges of Nazi collaboration perpetuated Karachay disillusionment. None of the organizers of the deportation were tried or even called to answer for their actions. M. Suslov, the overseer of the deportation who announced in 1944, "We have driven the Karachays out of the mountain canyons; Now we must drive out their soul,"⁵⁰ remained in the administration of the oblast.

The clear impression was that the deportees were "forgiven," but not "rehabilitated." This in turn was reflected in the attitudes of the Russians and Georgians who were settled in Karachay after the deportation; one returnee recalls hearing, "look, the bandits have returned" upon his arrival home.⁵¹ The presence of these settlers caused an extreme housing shortage as well. Returnees who could work were settled in barracks in various industrial and agricultural facilities, while the remainder were forced to find their own accommodations. In some cases the Karachays were able to buy back their former homes from families who had been settled in Karachay. However, they were required to allow the former owners to live on the property rent-free. Others were forced to construct mud huts and live under the most primitive of conditions.⁵² As Oblast Committee Secretary V. I. Antonov reported on August 4, 1958:

The last time I was in Khabezsky Raion was on July 23, 1958 [. . .] and I consider it necessary to inform you that the situation of the Karachays who have been settled in Khabezsky Raion is that of extreme poverty, and is completely intolerable. [. . .]

The Karachays live in extraordinarily unsanitary conditions. There are no medical services whatsoever. Recently there were three deaths. The bodies were buried without medical examination, and during their illness no medical assistance was available. Privately owned livestock have hoof and mouth disease, and no veterinary treatment is forthcoming.⁵³

Many, finding that their livestock had either starved or been appropriated in their absence, chose to settle in urban areas rather than the mountains where they had lived prior to the deportation. This alteration of the traditional demographics of Karachaevo-Cherkessia has had long-term effects upon the stability of the region. Formerly a segregated republic, particularly for the mountain dwelling Karachays, the oblast has become a complex and inextricable patchwork of Russians, Cossacks, Karachays, Cherkess, Abazins, Nogays, Ossetians, Greeks, and other groups.⁵⁴ For example, Russians found themselves outnumbered by Karachays in the city of Karachaevsk, where they formerly represented 90 percent of the population there.⁵⁵ This forced integration aggravated old hostilities and rendered any sort of separation into ethnic enclaves impossible. The Soviet government seemed indifferent at best and actively antagonistic at worst: nationalist aspirations were thwarted by the separation of the Karachays from their close relatives the Balkars, and the Cherkess and

Abazins from the Ossetians and Adygs, with whom they would have preferred ties. Nogay aspirations for a untied Nogay republic, incorporating sections of five separate regions, were also frustrated. In addition, the relegation of much of Karachay to Georgia after the deportation resulted in particularly heightened tensions between the two groups. This problem was foreseen by many officials, including CPSU⁵⁶ member M. Gadzhiev in May 1956, who wrote to the Central Committee that

Finally, in connection with the deportation of Karachay Autonomous Oblast we would like to underscore once more the geographically absurd and historically contradictory border adjustment at the expense of the traditional territory of the Karachays.⁵⁷

The widespread belief among the Karachays that the annexation of Karachay to Georgia was planned long before World War Two was reinforced by the discovery of a map prepared by the Soviet Academy of Sciences and published in 1942. On this map Karachay Autonomous Oblast was absent, divided between Stavropolsky, Krasnodarsky Krai and Georgia precisely in the manner that was described in Supreme Soviet Order abolishing the oblast, issued only in October of the following year.⁵⁸

After their return, Karachays found it extremely difficult to advance to positions of authority in the oblast. From the reformation of Karachaevo-Cherkessia until the end of 1991, the First Secretary of the Oblast Committee was a Russian.⁵⁹ Likewise, of the 150 members of the committee, there were no more the seven Karachay members at any one time. Karachays were excluded from the oblast Procurator's office, courts, military enlistment offices, and all positions of authority on the regional and municipal levels. Instead, officials from other areas of the Soviet Union were brought to Karachaevo-Cherkessia to fill these positions.⁶⁰ Before they assumed their duties, these officials were often subjected to anti-Karachay propaganda that predisposed them to treat the Karachays as a problematic and uncooperative element. A. V. Buturlin, former procurator of Karachaevo-Cherkessia, recalls that on his appointment in 1972 "one of the first meetings with the former First Secretary of the Karachaevo-Cherkess Oblast Committee [. . .] and his warning of the need to pay especially close attention to crimes committed by the Karachays [. . .]."⁶¹ The one noteworthy exception to this trend was Vladimir Khubiev, a Karachay, who was First Secretary of the

Karachaevo-Cherkess Raion Committee from 1971 to 1979, and president of the Oblast Executive Committee until the fall of the Soviet Union. However, Khubiev assumed a decisive role in Karachay politics only after the fall of the Soviet Union, as we shall see below.

This general exclusion of the Karachays from positions of authority was repeatedly justified in the press, where the Karachays were described as presenting special problems owing to their uncivilized state.⁶² A falsified version of Karachay history was promulgated by the Soviet government from the Karachays' return until the early 1980s, which painted them as a distinctly anti-Soviet faction. To give just one example, between 1974 and 1981 the newspaper *Leninskoe znamia* published 110 articles that negatively described the Karachay people. Such depictions were repeated in other newspapers, as well as in radio broadcasts and speeches at party conferences.⁶³ Even Karachays, seeking favors from Moscow, contributed to the propaganda against their people. In December 1974, the Fourth Plenum of the Karachaevo-Cherkess Oblast Committee of the Communist Party, convened on the initiative of oblast Procurator Mikhail Gorbachev, was dedicated to a redefinition and revision of the directives of the XX Party Congress. At this plenum a Karachay school teacher, Kurman Kipkeev, claimed that "the rise of nationalism, national chauvinism and egoism, and contempt towards the peoples of other nationalities is found among the Karachay population more frequently and at a higher level of intensity [than any other people]." Kipkeev further asserted that, although the deportation of the Karachays was illegal, "the majority of the Karachay people supplied the grounds for such an act," and that the Karachays should be grateful to the Soviet Government for being allowed to return.⁶⁴ Karachays who dared to speak out against this propaganda, such as war veteran A. Kubanov, teacher A. Aliev, and journalist L. Leontev, were expelled from the Party, demoted, or relieved of their duties.⁶⁵ The most disturbing symbol of this historical falsification was a monument erected in 1979 along a road that lay on a tourist route near the town of Nizhnyaya Teberda. The monument was in memory of a story originally propagated in the award winning book *Imenem VChK*, which claimed that the Karachays massacred a group of hospitalized children in 1942 (the book also claims that the Karachays organized 65 pro-Nazi militia groups and made a gift of a horse to Hitler.)⁶⁶ Tourist buses regularly stopped at the monument while the tour guide

recounted this unsubstantiated story, which was also published twice in 1983 on the pages of *Pravda*.⁶⁷

In 1970 Mikhail Gorbachev was given the stewardship of Stavropol Region, and the administrative experiments conducted by him and the entire Oblast Committee were viewed by the Karachays as a concerted effort to demoralize them: "From the frequent installment of incompetent, but omnipotent, "Varangians" to key administrative posts, to the publication of books that slandered the native peoples, to the open provocation of one people against another in the oblast--such were the forms and methods in which their national politics manifested themselves."⁶⁸ In his address to the Fourth Plenum of the Karachaevo-Cherkess Oblast Committee, where Kipkeev made his remarks, Gorbachev further aggravated the Karachays by complaining of the "displays of nationalism and nationalist narrow-mindedness" found among the Karachay population:

Specifically, we have been informed that one of the workers [in Cherkessk] of Karachay nationality permits judgments of a nationalist character directed toward Russians, has gathered around him a group of Karachays, urges them to cause damage by any and all means, to interrupt the plan and eject Ivan, who heads the organization, from the job.

We are told that this worker frequently conducts himself arrogantly, insults Russians with profanities, and allows the expression of statements that only Karachays can and should be in authority, since the Karachays are a superior race, and Ivan is simply Ivan.⁶⁹

In his address he blamed the rise of nationalism on the Karachay intelligentsia, who "do not have clear ideological and class positions in the evaluation of isolated historical facts from the history of the peoples of the autonomous oblast." Gorbachev blamed the Karachay intelligentsia for the "concealment of negative historical events, first of all, such events as the traitorous behavior of various renegades during the German-Fascist occupation, the brutal actions of the kulaks and other anti-Soviet elements in the 20s, 30s, and the beginning of the 1940s." Concerning the "baseless deportation of the Karachay population," Gorbachev called for a concerted effort to remind the people that "after the XX Congress of the Central Committee, the party corrected the admitted excesses, established justice and returned the Karachay population to their homeland."⁷⁰

On April 22, 1981 Suslov issued a secret directive, which nevertheless became public knowledge to the Karachays, that the economy in the oblast was lagging as a result of Karachay intransigence, religiosity, and criminal acts. In actual fact, in 1980 the oblast received two awards for fulfilling animal husbandry quotas, and in 1981 the oblast was given its fourth consecutive award for fulfilling all economic and social quotas.⁷¹ A popular joke among the Karachays at the time told that Suslov's directive and the awards were brought to the oblast in the same train car, but in different coupes.⁷² Nevertheless, the Third Plenum of the Oblast Committee Central Committee was convened on June 17, 1981, to address the directive. Kipkeev, the former school teacher and now a Deputy of the Supreme Soviet and member of the Oblast Committee, condemned his own people in standard Soviet defamatory language:

We admit openly that a significant portion [of the Karachay people] are disposed to nationalistic conceit, chauvinism, greed, and petty bourgeois manners. The word "Karachay" is becoming more and more often associated with speculation and parasitism . . . It is very important for the Karachays to understand that their deportation was caused not only by a violation of socialist law during the period of the Cult of Personality, but also because the majority of the Karachay people did in fact defect to the enemy and thus supplied a reason for the deportation.⁷³

At the same plenum V. Murakhovsky blamed the rise of nationalism, crime, and sabotage on an "ineffective suppress[ion] of illegal religious activities of Muslim communities, Orthodox churches and other sects. Little has been done to liberate folk rituals from their religious overtones. For example, in the aul Kart-Jurt, in the Osman Kasaev collective farm religious holidays are widely celebrated, particularly Kurman-Bairam."⁷⁴ Murakhovsky's comments echoed those of A. Inzhievsky made a year earlier at an oblast party meeting:

Among certain groups of youths and particularly among the native nationalities there have been instances of criminal-nationalist activities. For example, in Teberda, Dombay, Adyge-Khablsky Raion and the Chapaev Farm certain young men have been expressing anti-Russian sentiments. Instances of women being harassed by groups of Karachay youths are well known. [. . .]

At the root of many of these negative displays, including parasitism, speculation, nationalist statements and criminal activities lie religious and familial remnants. Owing to this, the oblast party organization has persistently carried out the work of atheist education of the workers. The Oblast Committee of the CPSU has developed concrete measures to address this question.

All the same, certain party committees are not giving adequate consideration to the improvement of atheist propaganda. For example, over half of all the registered mosques in the entire oblast are located in Adyge-Khablesky Raion. Most of the funerals are conducted by effendis. In the Ikon-Khalksky agricultural commune 24 of the 48 weddings that took place last year were conducted according to religious rituals. [. . .]

Party and Komsomol committees must radically improve atheist education, in order to fulfill the demands for increased responsibility among Communists and Komsomol members in the fight against religious prejudices.⁷⁵

Harassment of Karachays was increased, including house searches and arbitrary arrests. Non-Karachays were also intimidated wherever Karachays lived, which fueled resentment and increased ethnic tensions further.⁷⁶ Hostility between Cossacks and Karachays was particularly fierce, as an incident shortly after the Third Plenum demonstrated. A Cossack motorcyclist named Stepanov hit and killed a Karachay boy in the village of Pregradnaya. An angry mob gathered, and ultimately Stepanov was found hanged in a nearby grove. The Karachays claimed that Stepanov hanged himself in a drunken fit of passion. The Cossacks drew their own conclusions and organized a mass demonstration. A military unit was sent in from Ordzhonikidze, which the Karachays perceived as a repeat of the events of November 1943. The village spiraled toward violent conflict, which was only averted after an MVD Commission was sent from Moscow. However, no explanation was given in the press, and underlying tensions remained.⁷⁷

Beginning in the 1980s, a new portrait of the Karachays was begun, primarily through a series of publications by the Stavropol Publishing House, although the older image of Karachay as barbarian and traitor was still propagated. According to these books, the relationship between the Russians and Karachays had always been and continued to be one of peaceful, patriotic cooperation. The horrific conditions of the exile period were either ignored or minimized; instead, these texts emphasized the contributions of the Karachay people, who never blamed the Soviet government

for their deportation. The Stavropol Publishing House promulgated this line of propaganda even after the collapse of the Soviet Union. One excerpt, from *Nadezhda i poverie: Iz istorii druzhestvennykh svyazei narodov Karachaevo-Cherkessii s russkim narodom* (*Hope and Faith: From the History of the Friendly Ties of the Peoples of Karachaevo-Cherkessia with the Russian People*), published in 1993, serves as a good example of this type of propaganda:

"If we were to say that the Karachays were received [by the natives of Central Asia] with outstretched arms, we would be violating historical fact. But if we were to ignore the humane attention, understanding and help the people of these republics offered, that would also be unjust. During the war all the peoples suffered, particularly those who were arbitrarily deported from their homelands. [. . .] But even in the most difficult times [the Karachay people] never lost their faith in the friendship of peoples, Soviet power, and the re-establishment of justice."⁷⁸

As the Karachays already distrusted Gorbachev, they explained the publication of such works during the *Glasnost'* period as part of his own self-promotion. Gorbachev was currently promoting a reorganization of the Central Asian Republics according to the model he had established during his tenure in Stavropol Krai. He therefore needed to present this model as a complete success. Portraits of Karachays in the Stavropol Publishing House series were tailored to suit this end.⁷⁹

Glasnost' had the same effect in Karachaevo-Cherkessia as in most other non-Russian areas: an increased awareness of cultural identity and a renewed interest in ethnic preservation. Discussion of the Karachay deportation remained out of bounds, however. In October 1988 a group of war veterans requested that the Executive Committee of Karachaevsk grant permission for a memorial meeting dedicated to the 45th anniversary of the deportation. The local authorities, aware that the purpose of the meeting was to discuss the establishment of a monument to the deportees, did everything within their power to prohibit it. All roads leading into the city were blockaded by military units, martial law was declared, and cement blockades were placed around the House of the Soviets.⁸⁰ This was to be the last such display by the authorities, however. As the Soviet economy faltered and the standard of living fell, the four native peoples of Karachaevo-Cherkessia--Karachay, Cherkess, Abazin, and Nogay--each found new self-interest in ethnic consolidation, and organized

nationalist groups began to appear. In 1989 historian Ismail Aliev warned that nationalist activity had already begun and would escalate in the future if the Karachay people were not fully rehabilitated and compensated for losses suffered during the deportation.⁸¹ During 1989-90, activists of the Karachay nationalist organization "Jamagat" gathered more than 70,000 signatures on a petition to declare Karachay's autonomy.⁸² At this same time the Karachay establishment began to exert pressure on the Soviet government to fulfill two major demands: a full disclosure of the deportation process, including a public statement vindicating the Karachay people of any crimes, and the creation of an autonomous Karachay Republic. On October 8, 1989, the Congress of the People of Karachay passed a resolution calling for full political, legal and moral rehabilitation of the Karachay nation. On October 29, a meeting in Karachaevsk to honor the deportees resulted in a similar resolution, requesting the formation of several commissions to correct the political, economic, and cultural discrimination the Karachays had under gone since their return. In addition, the resolution demanded the trial of Stalin, Beria, Molotov, Suslov and others for their roles in the deportation, and the opening of all archives relating to the deportation.⁸³

On November 14 the Soviet government published a declaration entitled "Concerning the Recognition of Illegal and Criminal Acts of Repression against the Peoples Subjected to Forced Migration and the Guarantee of their Rights." The one-page statement fell short of the Karachay's hopes. Rather than address the specific circumstances of the deportations, it began with an admission that Stalin's repressive regime "did not exempt a single republic, a single people." While the Karachays were mentioned, along with the other deported peoples, there was no reference to their innocence of the charges of treason, only a general statement that "The Supreme Soviet [. . .] unconditionally condemns the practice of forced deportation of entire peoples as a most serious crime, a violation of the fundamentals of international law, and the humanitarian nature of the socialist system."⁸⁴ In other words, the government admitted that deportation was an inappropriate action, but nowhere admitted that the deported peoples were innocent of crimes that might have been dealt with through other methods. The Karachays responded at the Second Congress of the Peoples of Karachay on June 9, 1990, at which Chechen General Dudaev was the guest of honor, by declaring the creation of the Karachay Republic.⁸⁵

On August 13, 1990, Presidential Order 34 declared the full and equal rights of all peoples who suffered repression during the Stalinist era. The order neither mentioned any ethnic group by name nor repealed any prior orders. On November 17, four Peoples' Deputies from Karachaevo-Cherkessia responded with an appeal to the Supreme Soviet, which stated that

The Karachay people, our electorate, expected that all the illegal acts concerning our people would be completely and totally repealed, that all charges would be stricken, and the filthy stigma of lies and slander would be cleansed, and then could we acquire equal rights with all the peoples of the USSR. However, this was not done.⁸⁶

The appeal requested that Supreme Soviet Order 115/36b, concerning the liquidation of the Karachay Autonomous Oblast, and all related orders, be rescinded. No response was made on any level, and although many further meetings were held, the local authorities decided against taking any direct action.⁸⁷ On March 7, 1991, a Supreme Soviet Declaration rescinded two declarations, six orders, and eight articles pertaining to the deportations, but made no mention of Order 115/13b. Furthermore, the Declaration abstained from the resolution of territorial disputes, suggesting that the local authorities investigate these problems and settle them fairly.⁸⁸

The first proactive measure concerning rehabilitation was the RSFSR Law "On the Rehabilitation of Repressed Peoples," passed on April 26, 1991. This 13 point document laid out the groundwork for the political, territorial, social, and cultural rehabilitation of all repressed peoples.⁸⁹ The document was received by the Karachays as a momentous victory. A holiday was declared, followed by a month of festivities and organizational meetings.⁹⁰ However, the inherent difficulty of the settlement of territorial disputes immediately became obvious. As Bugay and Mikhailov have observed, Article Three of the Rehabilitation Law was self-contradictory: it called for the re-establishment of national-state structures as they existed prior to the deportations, but also prohibited the infringement of the rights and interests of non-repressed peoples currently living in those territories.⁹¹ Rather than stabilize the situation in Karachaevo-Cherkessia, the law aggravated interethnic tensions while the standard of living plummeted. The fragmentation of the oblast seemed imminent: at the November Congress the People's Deputies declared the sovereignty of the Karachay Soviet Socialist Republic, which prompted the Cossacks and Abazins to announce their desires for

independent territories. The local administration of Karachaevo-Cherkessia outmaneuvered the separatists by seceding from Stavropol Krai on July 3 and transforming the Autonomous Oblast into the Karachaevo-Cherkess Republic. "Jamagat" representatives appealed to the First Congress of the Confederation of Repressed Peoples, which had begun in Moscow on July 1, accusing the local government of anti-Karachay discrimination. On July 13, the Karachay Peoples' Deputies convened an extraordinary Congress and announced their intention to have governmental organs of the Karachay Republic in place no later than October 1.⁹² The Cossacks responded by declaring the creation of the Batalpashinskaya and Zelenchuksko-Urupsкая Republics in November and December, respectively. This brought the Cossacks into direct conflict with both the Cherkess and the Karachays, who constituted significant minorities in these regions.⁹³ At the same time, extremists on all sides fomented ethnic animosities.⁹⁴ The Karachay secession movement reached a climax in November, when a gathering on Freedom Square in Karachaevsk to mark the 48th anniversary of the deportation was attended by practically the entire Karachay nation.⁹⁵

Russian President Yeltsin responded on February 5, 1992, by presenting legislation before the Supreme Soviet that would partition Karachaevo-Cherkessia into three autonomous regions: Karachay, Cherkessia, and Batalpashinsk. The authorities in Karachaevo-Cherkessia, fearing that they would lose their power if the republic were partitioned, vigorously opposed the legislation. Drawing upon allies at various administrative levels, they were able to defeat Yeltsin's plan in favor of a general referendum on the question of Karachay autonomy, to be held March 28. The question was then transformed into one of the unity of Karachaevo-Cherkessia, so that non-Karachay groups could participate. Before the referendum, the local administration conducted a propaganda campaign among these groups that would assure the desired result, including rumors that the Karachays intended to seek unification with Turkey and expel the Cossacks. On the day of the referendum, soldiers were sent to polling places in predominantly Karachay districts, and there were widespread reports of vote tampering.⁹⁶ In addition, the question itself was phrased in a deliberately equivocal manner:

Do you agree: "According to the condition of the realization of the Law "On the Rehabilitation of Repressed Peoples" on the

principles of the equal rights of all peoples to preserve the unity of the Karachaevo-Cherkess Republic?"⁹⁷

Thus, as Natalya Chervonnaya has observed, a voter could perceive a negative answer as disagreement with the Rehabilitation Law and the principle of equal rights for all peoples. Large sections of the population in primarily Karachay raions boycotted the referendum,⁹⁸ which was approved by 78.5 percent of the voters.⁹⁹ However, as Smirnova has noted, if one excludes the raions where Karachays boycotted the election, the approval margin falls to 58 percent.¹⁰⁰ The entire process further destabilized the republic, and heightened nationalist sentiments, although the majority of the population appeared satisfied with the results, fearing the instability that would arise from partition and the potentially explosive issue of territorial assignment (for example, both the Cherkess and the Cossacks claimed Cherkessk as their capital city). Yeltsin withdrew his partition plan, and the local authorities conducted a governmental restructuring designed to remove all supporters of partition. The subsequent parliamentary elections further heightened tensions, as two opposing camps emerged: the Abazins, Nogays, and Cherkess, and the Karachays and Russians, including the Cossacks. Khubiev convinced Yeltsin that a presidential election would cause too much tension, and Yeltsin issued a presidential decree assigning executive power to Khubiev.¹⁰¹ Khubiev's governmental appointments were met with widespread disapproval and charges of Karachay protectionism, while the Karachays accused Khubiev of not working to improve the Karachays' status in the republic.¹⁰² The press took a decidedly anti-Karachay stance: newspapers published fabricated stories of Karachay criminal gangs, a new book was released justifying the deportation and recirculating the story of the massacred children near Nizhnyaya Teberda.¹⁰³ The majority of the population on all sides remained calm, but extremist groups began to grow and multiply.

The year 1993 began in an atmosphere of subdued panic. Owing to the years of government propaganda, anti-Karachay sentiment was on the increase.¹⁰⁴ The Republican Commission for the Rehabilitation of the Karachay People published an Act demanding a full rehabilitation of their history and material compensation totaling 4,177,610,000 rubles.¹⁰⁵ Open conflict seemed imminent, but Khubiev was able to consolidate his rule by playing one ethnic group off another and generating fears of chaos should a presidential election take place. "Jamagat" lost its widespread support, and

the Karachay separatist movement dwindled. A new group of political organizations, whose objective was the election of a president who would place Karachay interests first in the Republic.¹⁰⁶ As central authorities in Moscow became preoccupied first with widespread economic collapse and then with the Chechen separatist movement, the Karachays, in an uneasy alliance with the Russian population, gained political control of Karachaevo-Cherkessia.

The Soviet government's treatment of the Karachays after the XX Party Congress has had a lasting effect on the character of the Karachay people and their relationship with other indigenous ethnic groups. Once a people with only the most abstract concepts of nationhood, the Karachays have become nationalist as a matter of self-defense, using the issue of rehabilitation as their rallying point. Their neighbors, subjected to anti-Karachay propaganda for decades, have developed a deep suspicion of Karachay motives. The outbreak and rapid escalation of violence in the wake of the 1999 election of General Vladimir Semenov is a direct result of this unfortunate situation. When and how it will be resolved we cannot say; but we can say that all the peoples of Karachaevo-Cherkessia are now suffering as a result of the deportation of the Karachays and its aftermath.

NOTES

¹Alieva, Svetlana, ed. **Tak eto bylo: Natsional'nye repressii v SSSR 1919-1952 gody.** 3 vols. Moscow: Rossiiskii mezhdunarodnyi fond kul'tury, 1993. Bacon, Edwin. **The Gulag at War: Stalin's Forced Labour System in the Light of the Archives.** New York: New York University Press, 1994. Campbell, Michael A. "Removal From the Borderlands: An Interpretation of the 1943-44 Deportations of Ethnic Turkic Nationalities From the Crimea, North Caucasus and Soviet-Turkish Border." Thesis, Ohio University, 1994. Conquest, Robert. **The Nation Killers: The Soviet Deportation of Nationalities.** New York: MacMillan, 1960. Dekker, Nikolai K. and Andrei Lebed, eds. **Genocide in the USSR: Studies in Group Destruction.** New York: The Scarecrow Press, 1958. Kul'baev, T. A. Khagai. **Deportatsiia.** Almaty: Daneker, 2000. Nekrich, Aleksandr. **The Punished Peoples: The Deportation and Fate of Soviet Minorities at the End of the Second World War.** Tr. George Saunders. New York: Norton and Company, 1978. Pohl, J. Otto. **Ethnic Cleansing in the USSR, 1937-1949.** Westport, CN: Greenwood Press, 1999.

²For a comprehensive overview of the return process, albeit from an exclusively administrative point of view, see Bugai, N. F. and A. M. Gonov. **Kavkaz: Narody v eshelonakh (20-60-e gody)**. Moscow: INSAN, 1998.

³Shamanov, I. M. et al. **Karachaevtsy: Vyselenie i vozvrashchenie (1943-1957). Materialy i dokumenty**. Cherkessk: PUL, 1993, pp. 21-43. Chervonnaya, Svetlana Mikhailovna. "Etnicheskie vyvody i tupiki federal'noi politiki na Severnom Kavkaze", **The Ethnic Factor in the Federalization of Russia**, Soros Conference, Kazan, 18 January 2000.

<http://federalism.soros.ksu.ru/conference/seminar3/chervonnaja.htm>

⁴Djabagui, Vassan-Ghiray. "Soviet Colonialism in the Caucasus", **Caucasian Review**, Vol. 2, 1956, pp. 55-56.

⁵Aslanbek, Mahmut. **Karaçay ve Malkar Türklerinin Faciasi**. Ankara: Çankaya Matbaası, 1952. p. 12.

⁶A large territorial-administrative unit in the Soviet Union.

⁷Khmara, N. Zh. Golotvin. "O natsional'nom raionirovanii na Severnom Kavkaze v 20-30-e gody", **Obozrevatel'**, No. 7, August 1995. http://www.nasledie.ru/oboz/NO7-08_95/7-8_13.htm.

⁸Ibid.

⁹Aslanbek, **Karaçay**, op. cit., p. 7.

¹⁰Khmara, Golotvin, "O natsional'nom raionirovanii," op. cit.

¹¹Karcha, Ramazan. "The Peoples of the North Caucasus", in Dekker, **Genocide**, op. cit., pp. 39-40. For a list of some of the more notable Karachays and Balkars deported at this time, see Aslanbek, **Karaçay**, op. cit., pp. 39-42.

¹²People's Commissariat for Internal Affairs, predecessor to the KGB.

¹³Aslanbek, **Karaçay**, op. cit., p. 11.

¹⁴Grannes, "The Soviet Deportation in 1943 of the Karachays: A Turkic Muslim People of the North Caucasus", **Journal Institute of Muslim Minority Affairs**, Vol. 12, No. 1, January 1991, p. p 56. Malyshev, Aleksei. "Izgnanniki", Alieva, **Tak eto bylo**, op. cit., Vol. 1, p. 283.

¹⁵Figure supplied by Shamanov et al., **Karachaevtsy**, op. cit., pp. 15-16.

¹⁶Pohl, **Ethnic Cleansing**, op. cit., p. 77.

¹⁷Shamanov, **Karachaevtsy**, op. cit., p. 16.

¹⁸ibid, pp. 169-74.

¹⁹Nekrich, **The Punished Peoples**, op. cit., pp. 120-21. Bugai, Nikolai. "Deportatsiia: Beriia dokladivayut Stalinu", **Kommunist**, Vol. 3, 1991, pp. 101-12., 105.

²⁰Shamanov, **Karachaevtsy**, op. cit., p. 18.

²¹Quoted in Grannes, "The Soviet Deportation", op. cit., pp. 60-61.

²²Karachailiy, Ia. "Pamiat' o 'chernom noiabre'", **Vechernii Bishkek**, Nov. 30, p. 7; Malyshev, "Izgnanniki", op. cit., p. 288.

²³Grannes, "The Soviet Deportation", op. cit., p. 62.

²⁴ibid.

²⁵Malyshev, "Izgnanniki", op. cit., p. 289.

²⁶Shamanov, **Karachaevtsy**, op. cit., p. 20.

- ²⁷Communist Union of Youth.
- ²⁸Serebrennikov, A., ed. *Khrushchev o Staline*. New York: Telex, 1988, p. 49.
- ²⁹Bugai, Gonov, *Kavkaz*, op. cit., p. 287.
- ³⁰Shamanov, *Karachaevtsy*, op. cit., p. 112.
- ³¹Ministry of Internal Affairs.
- ³²Shamanov, *Karachaevtsy*, op. cit., p. 108.
- ³³ibid., p. 100.
- ³⁴ibid., pp. 120-26.
- ³⁵ibid., p. 126.
- ³⁶ibid., p. 114.
- ³⁷ibid., pp. 100-3.
- ³⁸Russian Soviet Federated Socialist Republic.
- ³⁹An administrative unit somewhat larger than an oblast.
- ⁴⁰Shamanov, *Karachaevtsy*, op. cit., pp. 127-28.
- ⁴¹Bugai, Gonov, *Kavkaz*, op. cit., pp. 285-88.
- ⁴²An administrative unit within an oblast.
- ⁴³Shamanov, *Karachaevtsy*, op. cit., p. 34.
- ⁴⁴ibid., p. 35.
- ⁴⁵See the comparative statistics in ibid., pp. 34-43.
- ⁴⁶Karcha, "The Peoples of the North Caucasus", op. cit., p. 47.
- ⁴⁷Shamanov, *Karachaevtsy*, op. cit., p. 40.
- ⁴⁸Bugai, Gonov, *Kavkaz*, op. cit., pp. 298-99.
- ⁴⁹Shamanov, *Karachaevtsy*, op. cit., pp. 39-42.
- ⁵⁰Aliev, Ismail. "Shleif bed i stradanii", in Alieva, *Tak eto bylo*, op. cit., v. 2, p. 20.
- ⁵¹ibid.
- ⁵²Karcha, Ramazan. "Soviet Propaganda Concerning the Rehabilitated Peoples of the Northern Caucasus". *Caucasian Review*, No. 8, 1959, pp. 5-6.
- ⁵³Shamanov, *Karachaevtsy*, op. cit., pp. 141-42.
- ⁵⁴See Appendix A.
- ⁵⁵Smirnova, Ia. S. *Karachaevo-Cherkesiia: etnopoliticheskaia i etnokul'turnaia situatsiia*. Moscow: Rossiiskaia akademiia nauk, Institut etnologii i antropologii, Document 48, 1993, p. 28.
- ⁵⁶Communist Party of the Soviet Union.
- ⁵⁷Bugai, Gonov, *Kavkaz*, op. cit., p. 289.
- ⁵⁸Aliev, "Shleif bed i stradanii", op. cit., p. 17. Alieva, Svetlana. "Krasnorechivaia detal'", in Alieva, *Tak eto bylo*, op. cit., Vol. 1, pp. 260-62. Shamanov, *Karachaevtsy*, op. cit., pp. 80-81.
- ⁵⁹Smirnova, *Karachaevo-Cherkesiia*, op. cit., p. 23.
- ⁶⁰Shamanov, *Karachaevtsy*, op. cit., p. 31.
- ⁶¹*Sovetskaia Rossiia*, October 11, 1989.
- ⁶²See, for example, the June 6, 1981, edition of *Sovetskaia Rossiia*. For details on the organization of an anti-Karachay publicity campaign see Gosudarstvennyi Arkhiv KChSSR, f. 1, op. 40, d. 42.
- ⁶³Shamanov, *Karachaevtsy*, op. cit., p. 27.
- ⁶⁴Cited in Aliev, "Shleif bed i stradanii", op. cit., p. 26.
- ⁶⁵Shamanov, *Karachaevtsy*, op. cit., p. 33.

- ⁶⁶ibid., 24.
- ⁶⁷March 9, 1983, "Odna rodnia". May 24, 1983, "Pamiat' serdtsa".
- ⁶⁸Shamanov, **Karachaevtsy**, op. cit., p. 23.
- ⁶⁹ibid., p. 149.
- ⁷⁰ibid., p. 149-51.
- ⁷¹ibid., p. 28-29.
- ⁷²Aliev, "Shleif bed i stradanii", op. cit., p. 27.
- ⁷³Cited in ibid.
- ⁷⁴Shamanov, **Karachaevtsy**, op. cit., p. 153.
- ⁷⁵ibid., pp. 151-52.
- ⁷⁶ibid., p. 25.
- ⁷⁷Aliev, "Shleif bed i stradanii", op. cit., pp. 28-29.
- ⁷⁸Napso, D. A. and S. A. Chekmenov. **Nadezhda i poverie: Iz istorii druzhestvennykh svyazi narodov Karachaevo-Cherkessii s russkim narodom**. Cherkessk: Stella, 1993, pp. 260-61.
- ⁷⁹Aliev, "Shleif bed i stradanii", op. cit., pp. 29-30.
- ⁸⁰ibid., 35.
- ⁸¹ibid., 31.
- ⁸²Chervonnaya, "Etnicheskie vyvody", op. cit.
- ⁸³Shamanov, **Karachaevtsy**, op. cit., pp. 154-58.
- ⁸⁴Bugai, N. F., V. A. Mikhailov, eds. **Reabilitatsiia narodov Rossii: Sbornik dokumentov**. Moscow: INSAN, 2000, p. 42.
- ⁸⁵Chervonnaya "Etnicheskie vyvody", op. cit.
- ⁸⁶Shamanov, **Karachaevtsy**, op. cit., p. 159.
- ⁸⁷Smirnova, **Karachaevo-Cherkessiia**, op. cit., p. 18.
- ⁸⁸Bugai, Mikhailov, **Reabilitatsiia narodov Rossii**, op. cit., pp. 59-61.
- ⁸⁹ibid., pp. 74-76.
- ⁹⁰Shamanov, **Karachaevtsy**, op. cit., p. 3.
- ⁹¹Bugai, Mikhailov, **Reabilitatsiia narodov Rossii**, op. cit., p. 324.
- ⁹²Chervonnaya, "Etnicheskie vyvody", op. cit.
- ⁹³Smirnova, **Karachaevo-Cherkessiia**, op. cit., pp. 19-20.
- ⁹⁴One typical provocation was the rumor, spread by the Cherkess nationalist group "Adyge Khase" in November 1991, that a group of Karachays had attempted to rape a Cherkess college student (Smirnova, **Karachaevo-Cherkessiia**, op. cit., p. 7).
- ⁹⁵Chervonnaya, "Etnicheskie vyvody", op. cit.
- ⁹⁶ibid.
- ⁹⁷Cited in ibid.
- ⁹⁸Smirnova, **Karachaevo-Cherkessiia**, op. cit., p. 22.
- ⁹⁹ibid., p. 21. Chervonnaya states the referendum was approved by 78.5 percent.
- ¹⁰⁰ibid.
- ¹⁰¹ibid., p. 23..
- ¹⁰²ibid.
- ¹⁰³ibid., p. 24.
- ¹⁰⁴ibid., p. 25.
- ¹⁰⁵Shamanov, **Karachaevtsy**, op. cit., p. 49.

¹⁰⁶Chervonnaya, S. M. **Karachaevo-Cherkesiia 1999: Vybory glavy respubliki**. Moscow: Rossiiskaia akademiia nauk, Institut etnologii i antropologii, Document 129, 1999, 3-4.

BREAKDOWN OF REFERENDUM, MARCH 28, 1992

RAION	ETHNIC COMPOSITI ON BY PERCENT	% OF ELECTORA TE VOTING	% OF AFFIRMATI VE VOTES
Cherkessk	Russian: 67.8 Karachay: 7.8 Cherkess: 9.0 Abazin: 6.5 Nogai: 1.2 Other: 7.7	59.47	89.9
Adyge- Khabl'skii	Russian: 18.9 Karachay: 3.3 Cherkess: 19.1 Abazin: 12.9 Nogai: 37.8 Other: 8.0	92.96	96.0
Zelenchuk'skii	Russian: 66.5 Karachay: 27.8 Cherkess: 0.4 Other: 5.3	84.1	29.0
Karachaevskii	Russian: 10.5 Karachay: 73.9 Cherkess: 4.5 Other: 11.1	69.48	95.3

Malo-Karachaevskii	Russian: 8.3 Karachay: 75.2 Cherkess: 0.4 Abazin: 9.4 Other: 6.7	52.01	95.4
Prikubanskii*	Russian: 24.7 Karachay: 49.7 Cherkess: 2.4 Abazin: 16.2 Other: 8.6	94.14	95.2
Urupskii	Russian: 34.3 Karachay: 51.8 Cherkess: 1.2 Abazin: 6.8 Other: 5.9	81.45	23.0
Ust'-Dzhegutinskii	Russian: 76.6 Karachay: 15.9 Cherkess: 0.5 Other: 7.0	86.25	92.7
Khabezskii	Russian: 2.3 Karachay: 0.5 Cherkess: 78.3 Abazin: 15.3 Other: 3.6	98.0	97.5

Source: Shamanov, 22, 29.

*Total equals 101.6 percent.

Къарачай-Малкъар халкъда «бий-ёзден-къул» къауумла болгъанмыдыла?

"Ёзденлик — къуллукъ" джорютюуню Къарачай-Малкъар халкъга салгъан къыйынлыгъын, тыш душманла да, империалист колониячыла да салмагъандыла. Бу затны керти бетин, бюгюннге дери тинтиб, излем этиб, киши да ортагъа салмагъанды. Тарыхчыла да, сосио-антропологла да, бир-бирлеринден кёргенлерин-эшитенлерин айтыб, джазыб тургъан болмаса, ишни керти болумун кюн джарыкъга чыгъарыргъа эс бёлюб кюрешмегендиле. Тыш алимлени къоюгъуз, кеси алимлерибиз да бу джангылыч джорукъда джорюб тургъандыла. Бурундан бери айтылыб келген айтыуланы, таурухланы кертиге санагъандыла.

Бир джамагъатны ичине экилик кирсе, ол айрылыкъны думп этиб къойгъан бир да къыйынды. Тюрлю-тюрлю душманлыкъла, зарлыкъла, къургъакъ махтанчакълыкъ эм да субъектив айтыула бла бу оюмсуз айырымчылыкъ амандан аманнга барыб тургъанды. Былайлыкъ бла бир миллетни адамлары зки душман джамагъатха (фронтха) бёлюннгендиле. Мындан да тыш душманла, колониячы империалистле артыгъы бла хайырланнгандыла. Эм ахырында "бири - бирин сюймеген, барын да Аллах сюймеген"ле болуб къалгъанбыз. Бир миллетге мындан уллу, мындан бек хариблик джетерми?

Бу ёмюрню ал сюремлеринде Къарачай-Малкъар халкъ окъуутга тырмашыб, мектабла-окъулла къураб, джарыкъ джашаугъа оза тебреген заманда, "Большевик Революсийон" келеди да, хар нени башы тюбюне айландырыб къояды. Марксчы-ленинчи идеологияны биринчи джоругъу - "класс кюреш" да, Къарачай-Малкъарда «ёзден — къул кюреш" болуб къалады. Муну бла халкъыбызны иги мурадлары

джокъ этилиб, мал байлыгы да таркъайыб, "ич душманлыкъ" кесине орун табады. Тил этиб, бир-бирин гутдурган ашхылыкъгъа саналады. Империалистле Къарачай-Малкъар халкъны миллет бирлиги болалмагъанындан суйгенлерича хайырланадыла. Алай а, класс кюрешчиле бютеу халкъыбызны Орта Азиягъа ашырган кюнлеринде, кеслерине халал къуллукъ этгенлени да айырыб кюрешмейдиле, барын да биргелей сюредице-кёчюредице.

Дуня башында кёрюлмеген бу уллу къыйынлыкъдан сора халкъыбыз, хар неден да тергеу алыб, ойлашыб, этген терсликлерине сокъураныб, эсин башына джыяр орнуна, аман ишин бурундан да бек бардырады: ёмюрледен бери айтылыб келген джалган хапарла, «керти, алапат документле!» болуб, китаб бетлеге салыналла. Алийланы Умарны джашлыкъда билимсизлик бла этген джангъылыч ишин, бусагъатдагы алимлирибиз илму-излем ишле(!) этиб, «къул-ёзден» кюрешни керти тарыхын(!) джазадыла.

Тохчукъланы Уфук Таукъулну китабын ("Кафкасия Дагълыларында Хайат ве Кюлтюр", Истанбул, 1993) окъугъанымда дуу джандым, кёзлерим къарангы этди, неми да тас этгенча бир болдум. Уфук Таукъул, халкъына халал къуллукъ этерге тырмашхан, миллетин суйген, джарыкъ кёллю, махтаулыкъ бир авторубуэду. Алай а бу затны юсюнде джангылгъанды. Класс кюрешни кесине биринчи джорукъ этген бир режимни кюнюнде, буйрукъ бла джазылган китаблада айтылынганланы тюзге санагъанды. Ол хайырланган джазыучула (Лавров, Мусукаев, Шаманов, Байрамукова, Текеев, Беслемеев...) бары да - марксизм-ленинизм джюреги болган Совет Властха халал къуллукъ эттен, аны буйругъуна кёре къалам джюрютген джазыучуладыла. Сёзню былайында бир башха кертини да чертерге керекди: Советледе китаб басма ишлеге къараган цензура комителе бардыла. Былагъа чексиз эркинлик берилгенди. Авторла джазган китабларын суйгенлерича басмалатыргъа эркин тюлдюле. Аны къой, къайсы теманы юсюнден джазарыкъларына да партия буйрукъ береди. Джазган затлары режим бла келишмей эсе, цензурадан ётерик тюлдю. Огъарыда сагъы- нылган

авторла тюз кѳуллукъ этерге кюрешген эселе да (артыкъсыз да кѳарачайлы джазыучула), "редаксийон комителе" аланы китабларын режимге келиширча тюрлендиргенлерине ишек джокъду. Болум былай болгъанына кѳре, объективлик - тюзлюк кюн джарыкъгъа кѳалай чыгъарыкъды! Уфук Таукѳул муну билирге, окѳугъан китабларын иги тинтиб, керти болгъанына ишеги болмагъан затланы алыргъа керек эди. Бу, илму-излем ишни биринчи джоругъуду. Эркин дунияны адамлары марксчы-ленинчи совет режимни айгъакълай, айтадыла: неси да алдауукъ.

Энди, Совет джазыучуланы буйрукъ бла джазылгъан китабларында биз тюбеген жангылычланы тюзелтгенден алгъа, "кѳул — ѳзден" деген хадауус ишни керти бетин кюн джарыкъгъа чыгъарыргъа излейме.

Кѳарачай-Малкарда Америкадача, Эресеидеча; Индиядача, кѳайдам, аны кибик бурунгу Арабиядача, Акътенгиз кѳралладача, — "кѳуллукъ, кѳул тутуу" деген зат ѳмюрде да болмагъанды. Кѳуш учмагъан, кериуан озмагъан таулагъа кѳысылыб джашагъан бурху бир халкъчыкыгъа, «кѳулма» дегенни джыйыб, сауут-аскер кюч бла аланы тыйыб, джегиб тургъан бек кѳыйын ишди. Кѳарачай-Малкѳар бийлеге бла байлагъа кѳулларын бойсундуруб турсунла деб, кѳайсы кѳрал аскерин бергенди? Кѳайсы джанындан саннга салсанг да, талай джюз адамдан артыкъ болмагъан бийле бла байла, мингле бла саналгъан кѳул джыйынны кѳалай бойсундуруб, джегиб тураллыкъ эдиле? Сора, Кѳарачай-Малкѳар бийле бла байла джесирле-кѳулла сатылыб алыннган узакъ базарлагъа барыб ненча джолда кѳулла, кѳарауашла алыб келгендиле? Бу затны юсюнден шагъатлыкъ этерик кѳайсы документле табылгъандыла? Кетген ѳмюрде талай супу кѳарачайлыны-малкѳарлыны хаджи болургъа деб, Меккагъа барыб келгенинден ары, кѳаллай бир адамыбыз узакъ джолоучулукъгъа бара-келе тургъанды? "Урушлада джесир алыннганла" деген сѳз да, айтыудан ары озмагъан алдауукъ хапарды. Кѳарачай-Малкѳарлыланы хоншуларыны адам санлары кѳуру да аладан кѳб бола келгенди. Кѳайсы урушлада Кѳарачайлыла бла Малкѳарлыла хоншу халкъланы, не да, узакъдан келиб уруш башлатхан аскерни ууадых этиб, "джесирле"

алгъанды? Бурунгу джырларыбызда да, хоншу халкъланы этиб тургъан артыкълыкъларындан тарыгъу болмаса, бизни алагъа салгъан кыйынлыкъларыбызны юсюнден джукъ айтыламыды? "Урланган сабийле" деген таурух да миллетибизни бетин джойгъан джийиргеншли бир айтыду. Хоншу халкъла аллай бир тумакъмы эдиле, тасларын излемезча, не уа, тахсачыла тутуб, аланы табмазча?!

Огъарыда айтылгъаныча, Къарачай-Малкъарда джюзле бла, мингле бла саналгъан бир къул сыныфны джюрютюр чакълы бий да, байда болмагъанды. Аллай бир киши адамны джуртубузгъа келтириб, къул-къарауаш этиб джегерге мадар да, амал да джокъду. "Къулла- къарауашла" деб, энгишге кёрюлюб тургъан инсанларыбызны бары да, къалгъан халкъыбызча, аланланы, хазарланы, сабарланы, къыфчакъланы... юзюклеринден келген керти къарачайлыладыла, малкъарлыладыла. Бир бирибизден башхалыгъыбыз, айрылыгъыбыз джокъду.

Да, алай эсе, къайдан тюшюб къалдыла бу мингле бла саналгъан къулла?

Бир джерден да тюшмегендиле, сатылыб да алынмагъандыла, урланган сабийле да тюлдюле, урушлада джесир этилгенлени уланлары-къызлары да тюлдюле. Бурундан бери ичибизде джашагъан къарнашларыбыздыла, эгечлерибиздиле; бир халкъны, бир миллетни балаларыдыла.

Былагъа "къул" деб, нек айтылгъанды?

Адам улу биригиб, джамагъат болуб джашаргъа юреннгенден бери, ишлей билгенле, насыблары джёнегенле, ырысхылары аллына айланганла, юй иеси да, мал, джер иеси да болгъандыла. Ишлеринде кеслери да ишлегендиле, башхаланы да ишлетгендиле. Ишни эбин билмеген, насыбы джёнемеген, артыкъсыз да малкёз болмагъан адамла уа, кюнде табханларын кюнде къаба, иш иеси да болалмай, къарыусуз джашаугъа тюшгендиле. Ишинг болмаса, малынг болмаса, нени ашаб джашарыкъса? Юйюнг-юйдегинг да сени къолунга къараб тура эсе, къабарынгы, киеринги табар амалтын, эл къабагына бойсунуб ишлегенден ары амал бармыды да? Бу затны

айыбы да, гюнахы да джокъду. Ишлемеген ашамайды, ашамагъан а джашамайды.

Бурунгу Къарачай-Малкъарда ата-бабаларыбызны биригиб, таулагъа кысылыб, къургъакъ джашауну бардырыргъа башлагъан кюнлеринден бери, къаты ишлеб онганла да болгъандыла, аны кибик ишлеселе да, насыблары джёнемей, ырысхы тутмай къалгъанла да болгъандыла. Айтылгъан болум, дунияны башында биригиб джашагъан бютеу халкълада да, джамагъатлада да бола келген затды.

Мал-джер ырысхысы кёб, адам джетишими аз болгъан юйле кеслерине ишчи мадар этерге керек болгъандыла. Бу себебден, алгъы бурун тийрелеринде джашагъан джарлы адамладан, джарлы джууукъларындан хайырланнгандыла. Ишни юсюнден къачан да "кесамат этерге" ёч болгъандыла: анча малны кютсенг, мынча малны джалгъа алырса; аллай бир гардош бачха бая кюрешсенг, быллай бир гардош юлюш алырса... дегенча. Заман бла иш кёбейе тебрегенинде, атаны ишлегенине юйдегини къалгъаны да къошула тебрегенди. Былай бла, бусагъатдагъы "иш иелери" бла "ишчиле"ча, эки джыйын ортагъа чыкыгъанды. Алай а джашау, шохлукъ бла, разылыкъ бла бардырылыб тургъанды. Бу шохлукъ бла, разылыкъ бла къуралмаса, бурху Къарачай-Малкъар халкъчыкъ ёмюрлени артда къоюб, бюгюннге джеталмаз эди. Эски эресейчи авторла бла, марксчы-ленинчи джазыучула айтханча, онглула онгсузланы терисин союб, аланы хайуандан знгйишге кёрюб джашасала эди, бурху Къарачай-Малкъар халкъчыкъ дженгил огуна тарыхдан думп болуб кетер эди. Тёб-тёгереги душманла бла къуршаланыб тургъан кесек халкъны малын-мюлкюн, юйюн-юйдегисин киши да къорууламаз эди. Къарчала, Боташла, Дебошла, Татаркъанла, Джандарла, Къанаматла, Абрек уланла... джетишмез эдиле. «Къулла» деб айтылгъан инсанла, аланы этлерин ашаб, терилерин кийиб тургъан бийле бла байланы ырысхыларын, сыйларын да джанлары-къанлары бла не ючюн къорууларгъа керек эдиле? Не уа, кёрген къыйынлыкъларына чыдаялмай, таулагъа чегетлеге

ташайыб кетселе, къайсы кюч аланы ызларына къайтарыр эди?

Керти магъанада "къул" джюрютген халкъланы девлетлери, патчахлары, ханлары болургъа керекди. Къралны мизамын, джоругъун танытыргъа, инсанланы бойсундургъа аскер кюч болмай амал бармыды? Ол кючню болушлутъу болмаса адамланы алыб-сатыб, къул-къарауаш этиб джегерге кимни къолундан келир эди? Сёз ючюн, эски Эресейде "къул сыныф /класс/" болгъанды. Князла, боярла, ылыхтын байла джюзле бла, мингле бла къул джюрютгендиле. Кесек князла бла боярла къралны аскер болушлугъу болмаса, аллай бир адамны къалай бойсундуруб къолда туталлыкъ эдиле? Патчахны закону, аскери баш кёлтюргенни башын эзгенди. Къарачай-Малкъарда быллай джийиргеншли ишле ёмюрде да болмагъанла. Ангылашынганына кёре, орусла джазыучула кеслеринде болгъан затланы бизге да тедеб кёйгъандыла.

Адам улуну, биригиб, джамагъат болуб джашагъан джеринде, иги, аман да болады. Къуллукъчуларыны (ишчилерини) джалын-хакъын оздуруб бергенле болгъаны киби, аз бергенле, бермей артыкълыкъ этгенле да, кёрюле келген затды. Алай а, аманыракъла аз болгъандыла.

Айтханларынг керти эсе, Къарачай-Малкъарда склаве (невольникле) болмагъан эсе, "къул-ёзден" айыргъан оюм къайдан чыкългъанды деге боллукъсуз.

Биригиб, джамагъат болуб джашагъан инсанланы, этген ишлери, джорукълары, баргъанлары-келгенлери, алгъанлары-бергенлери, къайдам, аны киби къалгъан затлары, бара-баргъан заманны ичинде халкъны адетлери, төрелери болуб къалгъандыла. Ырысхы насыблары дже-неб, мал-джер байлыкълары ёсген адамланы ишлеринде "джал бла къуллукъ этген" инсанлагъа "къуллукъчу" не да кысхасы бла "къул" деб айтылгъанына ишек джокъду. Невольниклик (керти къул) болмагъаны себебли, ишлегенле да, ишлетгенле да бу затны юсюнден къайгъы чыгъарыб ксорешигендиле. Алай а, ырысхыны кючю бла улуу кёллюкъ этгенле, зсирикле, джерге-кёкге сыйынмагъанла да болгъандыла. Меджису динни

заманында быллай эсирикле онгсузланы, джарлыланы энгишге кёрюрге да ёч болгъандыла. Былайлыкъ бла эки джыйынны арасына сууукълукъ, фитна да киргенди. Бу кёзюуде Азау Тенгизни шималындан къобуб келиб, Къарачай-Малкъаргъа хоншу джерледе орналгъан къабартыланы аман юлгю болгъанларына ишек джокъду. Билингени кирик, къабарты черкесле "пшы, пшытлы, уорк" деб айтылгъан сыныфлагъа бёлюнуб, джешагъандыла. Мени оюмуна кёре, Къарачай-Мал—къарны эсирик къаууму, бийлени-байланы ишлеринде "джал бла", просенталык-ортакчылыкъ бла ишлеген кеси инсанларына, къабартылылача "пшытлы — къул" деген атны джюрюте тебрегендиле. Заман бла бу айтыу адет болуб къалгъанды. Меджусу динни кюнюнде уллу кёллюлюк, бир-бирине турсунмагъанлыкъ чыкыгъанды, ол огъай эсенг, кыыз алгъан — кыыз берген адет да таркыайгъанды. Бирн бирин энгишге кёрген, бири биринден джийиргеннген "хадауус знцилик", эм ахырында халктыбызны экиге бёлгенди: бир джанында бийле-ёзденле, бир джанында да — къулла. Иш аманнга кете тебрегенинде, ырысхы болумлары такыл болгъанла джал бла ишлегенни да, ортакчылыкъны да къоюб, "тузсуз ашым, кыайгысыз башым" деген оюм бла, кеси энчи ишлерин къурагъандыла. Быланы ичинде бек кёбле урунуу кючю бла байыныб, алапат юйле болгъандыла. Азатла деб былагъа айтылгъанына мени ишегим джокъду. Мадарсызла уа не этсинле — эски ишлерин — "джал бла ишлени" бардыргъандыла. 17-чи ёмюрге муслиман диннге киргенден сора, Къарачай-Малкъар джамагъатда эсириклик-уллукёллюлюк бир кесек шош болгъанды. Бу кёзюуде да къуллукъчу-ишчи къауумдан кёбле энчи ишлерин къураб, энчи джашаугъа озгъандыла.

Эресейчи колониячыла Къарачай-Малкъарны кючлеген заманда, бай къауумну ишинде просентачылыкъ бла ишлегенлени саны танг кесек болса да, "джал бла" ишлегенлени санлары бек азалыб тургъанды. Бурунгу къартларыбызны айтханларына кёре, "марксчы-ленинчи класс кюрешчиле" оноуну къолгъа алгъынчыннга дери,

Къарачай-Малкъар халкъны джашауу огъарыда айтылгъаныча болгъанды.

Ишни кертисин ары-бери бурдуруб, экиликни-душманлыкъны амандан аманнга бардырыб турмакълыкъ, бизни кеси аѳторларыбыз иш тюлдю. Ол затны тыш душманларыбыз къуру да этиб келгендиле, мындан ары да этериклерине ишек джокъду.

Мени оюмуна кёре, Къарачай-Малкъар халкъ муслиман диннге бек алгъа — Хазар Даулетни кюнюнде къайталгъан болса эди, бу джийиргеншли адет тумаланыб къаллыкъ эди. Не келсин, меджусу динни кёб бардырылгъаны, халкъыбызны не джаны бла да артха игендн.

Къарачай-Малкъарда керти магъанада «къул-къарауаш» болгъанмыды?

Тамыры, юзюгю, неси да белгили болмагъан, баш эркинлигин тас этген харибле бизде да болгъандыла. Алай а санлары бек азды, халкъыбызгъа къалай къошулгъанлары да белгилиди: Къарачай-Малкъарны бир къауум эсирик бийлери, кеси халкъындан, кишини тенгсинмей джашагъан заманлада, тыш миллетледен (Къабартыдан, Ногъайдан, Къырымдан...) къыз алгъанны-бергенни алапатлыкъгъа санагъандыла. Къабартыдан, Ногъайдан, Къырымдан... келген келинлени харекетлери-хадеклери бла биргелей, къуллары-къарауашлары да болгъанды. Бу хариблени сабанда, биченде, малчы къошлада ишлетиб кюрешмендиле, бийни юйюнде, энчи ишинде джюрютгендиле. Юйлениб, юйдеги къуругъа эркинлик да бермегендиле. Джашай барыб, ёмюрлерин тауусуб, артларында джукъ да къоймай, тюб болуб кетгендиле. Башха халкъланы ханлары, бийлери да "къул саутъа" бергендиле Къарачай-Малкъарны бийлерине, шохлукъ джюрютюрге деб. Алай а, бу харибледен да артда джукъ къалмагъанды, тауусулуб кетгендиле.

«сыйлы тукъум», «учуз тукъум» деу, кертимиди?

Аллах бютеу инсанланы тенг джаратханды. "Ёргелик" тукъумда тюлдю, адамлыкъдады. Аллахха тюз къуллукъ этиб "такъуа" дараджасына ёген, инсанлагъа джарыкъ кёл бла къарагъан, къарыусуэлагъа аркъа болуб, залимлеге къаршчы тургъан адамладыла сыйлы адамла. Ансы, сыйлы тукъум деб бир зат да джокъду. Бир тукъумдан иги да, аман да чыгъады. Иги адам тукъумуну сыйын ёсдюреди, аман адам а энишге этеди.

Адам улу къачан да кесине табны суйгенди, кесин ёрге тутдурургъа тырмашханды. Мени оюмуна кёре, сыйлы тукъум джокъду. Алай а игиле-ашхыла халкъларына халал къуллукъ этиб, разылыкъ табыб, кеслерин да, тукъумларын да бет джарыкълы этгендиле. Заманны ичинде, быллай ашхы уланла ёсдюрген тукъумланы сыйлыгъа санагъандыла. Халкълары ючюн ашхы къуллукъ этген тауушлукъ адамла бла тукъумлары да махтаннганды. Сёз ючюн, Сылпагъарлары Дебош бла; Багъатырлары Татаркъан бла, Умар бла, Харун бла; Къарабашлары Гадро бла; Аджилары Таумырза бла; Семенлары Бексултан бла; Кечерукълары Къара Мусса бла; Эбзелары Къанамат бла; Байрамукълары Дебу бла, Джатдай бла; Хачирлары Юсуф бла; Акъбайлары Чокуна Эфенди бла; Сюйюнчлары Абрек Уланла (Туугъа, Тууду, Джарашды, Джараслан) бла; Алийлары Умар бла; Хасанлары Абдулкерим бла; Аппалары Хасан бла; Къасайлары Осман бла...махтансала махтанырча тюлмюдю?). Быллай джигит адамланы, алимлини тукъумларыны сыйын ёсдюргенлерине кимни не айтыр къарыуу барды? Ала къуру тукъумларын тюл, халкъыбызны да бетин джарытхандыла. Сёзню къысхасы: тукъумла адамлагъа сый бермейдиле, ашхы адамла тукъумларына сый табдырадыла. Бу затланы тюзю кибик, чюйреси да болуб келгенди. Сёз ючюн, сыйлы тукъумгъа саналгъан Дудаланы джашлары Амантиш, тукъумуну да, халкъыны да бетин джойгъан адамды... Башха юлгюле берирге кереги джокъду, халкъыбыз игилени-ашхыланы билгени кибик, аманланы, бет джойгъанланы да биледи.

тукъум атла...

Къарачай-Малкъарда "къул сыныф" джокъ эсе, кеслерине 'къул деб айтылгъанла да ёзден эселе, тукъум атлары къалай болургъа керекди?

Бу затны юсюнден манга, Тюркде джашагъан къарачайлыла да соргъандыла. Кертисин айтырыкъ эсек, бу соруугъа джууаб берир кереги джокъду. Алай а, къысхасы бла бир-эки сёз айтайым: кеслерине "къул" деб айтылгъан къарачайлыланы-малкъарлыланы барыны да бурундан бери джорютюб келген тукъум атлары барды. Ала бу тукъум атларын мындан ары да джорютюрюкдюле. Хар ким да кесин, кеси тукъумун ёрге этерге, сыйларгъа эркинди. Мынга кишини да джукъ айтыр къарыуу джокъду. Махтанчакълыкъ, уллукёллююк муслиман динде да игиге саналмайды, кертиси да буду. Инсанларыбызны бары да бир-бирлерини къачын этерге, бир бири тукъумларына сый кёргюзюрге керекдиле. Сый кёргюзмеген сый табмайды, джакъламагъан джакълан-майды.

"Бир къауум къул юйдегиле кеси тукъум атларын билалмай, иелерини тукъум атларын алыб къойгъандыла" деген чурум да керти тюлдю. Башсыз къулла юленирге, юйдеги къуаргъа зркин болмагъанлары себебли, иелерини энчи ишлеринде ишлеб, хариб джашауларын толтуруб, бу дуниядан ауушхандыла. Артларында джукълары да къалмагъанды. Болум былай болгъанына кёре, иелерини тукъум атларын джорютгенле кимледиле? Муну юсюнден алгъаракъда эки сёзчюк айтхан эдим, энди чертиб айтайым: мал ырысхысы кёб, адам дкетишими аз болгъан юйле "джал бла" не да ортакълыкъ кесамат бла адам джарашдыргъан заманда, бир къауумла кеслерини джарлы джууукъларындан хайырланнгандыла. Арадан кёб джылла озгъанды, джангы тёлюле къошулгъанды. Ортакъчы ишлегенледен кёбю байыныб, энчи ишлерин къурагъандыла, ёмюрден бери да билиб тургъан тукъум атларын джорютгендиле. Ары деричин аланы сан этмей джашатгъан эсирikle "эскиден ала немелени къуллукъчулары-джалчылары эдиле, энди бай болгъанларында тукъум атларын да алгъандыла" деб, сёз джорютгендиле. Алай а бу зат билмегенликден эди. Джарлы адам тукъум джууугъуна къуллукъчулукъ этген

эсе, тукъум атын тас этергеми керекди! Быллай юлгюле кёб болгъанды. Сёзню къысхасы, кеслерине "къул" деб айтылгъан инсанларыбызны тукъумлары да къалгъан къарачай-малкъарлылача бир миллетни ёзегинден келгендиле. Дудалары, Сылпагъарлары, Байчоралары, Шаманлары, Байрамукълары, Текелары... къаллай бир къарачайлы эселе, ала да аллай бир къарачайлыдыла. Бир тукъумну ёргелиги бла энгишгелиги деген оюм, субъектив бир оюмду, рёлатив бир ёлчеде. Тюненени сыйлысы бюгюнню энишгеси болуб къалаллыкъды. Аны кибик, бюгюнню энишгесини тамбла ёрге болуб болмазын киши да билаллыкъ тюлдю. Алгъаракъда да чертгенимча, сыйлылыкъ, ёргелик тукъумда тюлдю, адамны кесиндеди. Ашхы уланла къуру да тукъумланы ёсдюрюб, ёрге этиб тургъандыла. Мындан ары да болуру алайды.

класс кюреши совет властны кюнюнде ёзденлик-къуллукъ

Большевикле Къарачай-Малкъарны кючлегенден сора, халкъыбызны "лишонла, кулакла, беднякла, середнякла" деб, сыныфлагъа бёлюнгенин, инсанларыбызны бир-бирине къырдыргъанын; Сибирлеге, Юзбекни мамукъ совхозларына ашырылгъанын, бусагъатдагъы джаш тёлюле билмей эселе да, къартларыбыз унутхан болмазла.

Муслиман динни "бютеу муслиманла къарнашдыла" деген джоругъуну кючу бла бай-джарлы, ёзден-къул айырымчылыкъ шош болуб, джамагъат джашау шохлукъкъа бурулуб, тургъан заманда, Эресейчи колониячы империалистле келиб джуртубузну маджал джерлерин кючлегендиле. Тюз халкъны кёюгъуз, бийлеге да къалмагъанды эски тирлик. Артыкъсыз да мал отлагъан джерле бла биченликлени маджалларыны кюлдан ычхыннганы малчылыкъ бла кечиннген Къарачай-Малкъарны бек тарбуууннга джыйгъанды. Эм ахырында, халкъыбыз бурунгу джерлерин джангы иелеринден

джыллык джал бла тутуб урунурга кюрешигенди. Байла бла бийлени кюллукучу джюрютюулери да бек таркыйганды. Къарачай-Малкъарлылага танымагъан адамлары бла кеси ёз джуртларын юлешиб джашагъан бек кыйын келгенди. Бир джанындан тирликни-джашауну таркыйганы, бир джанындан да Эресейни зорлугу халкыбызны тёрт этиб бирин Тюркге кечерча этгенди. Совет джазыучула айтханча, Эресей къралны джерсизлеге джер чачханы. кюллагъа азатлыкъларын алыр ючюн ачха болушлук этгени, — дуняны башында кёрюлмеген бир алдауукъду. Дуняга къан салыб тургъан Эресей къралны кюллагъа азатлыкъларын алырга деб ачха бергенине ким ийнаныр. Алай бир мураты бар эсе, аты айтылгъан къарыусуз бийчиклени прауленнге чакыртиб, аскер башчысына буйрукъ бердирир эди: "Бюгюнден ары кюлкъарауаш джюрютюрге эркин тюлсюз, барын да башларына бош этигиз, дыф десегиз сизни кыйнарма!".

Джерсизлеге джер чачылгъаны кертти эсе, джерлени мюлк иелигин бегитген къагъытладан джангызын документге, шагъатлыккъа деб, кёргюзаллык бармыды? Ишни кертиси былайды: Эресей кърал, Имам Шамилни азатлык кюреши бошалгъандан сора, Кавказ халкъланы таулада джашагъан къауумун тюз джерлеге, кёз туурагъа эндирирге излегенди. Муну бла кърал кючюн бегитирге излегени кибики, киши да хайырланмагъан джерледе таууланы ишлетиб, аладан джасакъ алырга мурат этгенди. Алайлада да, огъарлакълада да маджал джерлени мюлк иелигин колониячы оруслула бла къазакълага бергенди. Къарачай-Малкъарлыла да, не этсинле, айтылгъан джерлени джыллык джал бла тутуб, ишлеб, кеслерин да асрагъандыла, колониячыланы да асрагъандыла. Ол кёзюде Къарачайны адам саны отуз мингден артык болмагъанды. Айтылгъаны кибики, Теберди ёзен да, Архыз да, Джаланджик да, Мара да Къарачайлылага мал ёсдюрюрге, сабан этерге деб, адамла арасында юлешинсе эди, ким да зауукълу болур эди. Джарлы да, къарыусуз да кълмаз эди. Джаш тёлюле бу затланы кертисин билмегенлери себебли китаблада буйрукъ берилиб джазылгъан хапарлагъа ийнаныб тура болурла, кеслерин

Орта Азиягъа кърал тюл да, Сталин сюргенине ийнаныб тургъанча...

Къарачай-Малкъар халкъ къабар къабыныны джартысын колониячылагъа бериб, джартысын да кеси къабаргъа кюреше, алай а джарыкъ джашаугъа къошулургъа талпыб, мектабла къураб, окъуугъа тырмашыб, джашау кюрешни бардыра тургъан заманында, чакъырылмагъан къонакъ — большевиклик — келеди да къалады.

Большевикле марксчы-ленинчи идеологияны биринчи джоругъу - "класс кюрешни" Къарачай-Малкъарда ёзден-къул кюрешге тюрлендириб, къарнашны къарнашха урдургъандыла. Айтханларыча, байланы малларын-джерлерин къолларындан алыб, джарлылагъа бермегендиле, алай а барын да тенг къул этгендиле. Иш муну бла да къалмагъанды. Он джылны ичинде (1927-1937) Къарачай-Малкъарны алчы адамларын, интеллигенсиясын, дин къуллукъчуларын джик деригин къоймай тауусхандыла. Бу бандитликнн этген заманда къул-ёзден деб да кишини айырмагъандыла. Хачирланы Джагъафар Эфенди, Алийланы Умар, Аппаланы Хасан, Акъбайланы Исмайыл, Хубийланы Таубий, Къуатланы Рамазан, Ёртенланы Азрет, Гюрджюланы Къурман, Халкъчланы Абдулкерим, Гербекланы Али-Солтан, Созарукъланы Махмут, Тамбийланы Ислам, дагъы да башхала... бу кёзюуде джокъ этилгендиле. Эм ахырында, этерлерин этиб бошагъандан сора, къул-ёзден айырмай, бютеу халкъыбызны Ата джуртундан зор бла юзюб, Орта Азиягъа ашыргъандыла. Алайлада уа бары да тин джаны бла, къалгъан энчиликле бла кеслеринден энгишге адамлагъа, джамагъатлагъа къуллукъ этгендиле. Бу бийди, бу ёзденди, бу къулду деб, киши да тергеуге алынмагъанды.

Бу къара къыйынлыкъ, Минги Тауну кёкюрегинде — сыйлы Ата джуртда — къарнаш болуб, эт-джен болуб, бир бирине таза иннетле джюрютюб джашай билмеген халкъыбызгъа Аллахны бир азабы, чамланмакълыгъы болурму эди? Быллай оюм этерге да нзлемейме. Алай а, Ата джуртха къайытхандан сора, кёб къыйынлыкъла

сынагъан халкъыбыз дагъыда ойлашмагъанды, тергеу алмагъанды. Биягъы ёргелик-энишгелик, ёзденлик-къуллукъ деген джийиргеншли айырымчылыкъ, бурундан да бек бардырылыб тебрегенди. Керти къуллукъ-иелик джюрютген америкалыла, аурупалыла, эресейлиле, Акътенгиз халкъла, дагъыда башхала, бу джаман затны думп этиб, унутуб къойгъандыла. Биз а, тилибизден да, динибизден да, адамлыгъыбыздан да бек аны къоруулайбыз. Муну себебин бюгюннге дери не кюрешиб да ангылаялмагъанма. Бу джангылыч джол, халкъыбызны, ким биледи, къайры элтирикди. Чууутлуланы Ата джуртларындан эки айланыб сюрюлгенлери эсима тюшеди да, аркъа джиклерим къалтырейды...

АХЫР СЁЗ

Къарачай-Малкъар халкъда «ёзденлик-къуллукъ» айырымчылыкъны юсюнден билгенлерими джаздым. Энди къысхасы бла ахыр сёзюмю айтайым:

1. Къарачай-Малкъарда керти магъанада «къул сыныф» болмагъанды.

2. "Къул" деб айтылгъанла – ортакъчылыкъ-просентачылыкъ бла ишлеб, мангылай тери бла юдегилерин асырагъан хур инсанладыла, таза Къарачайлыла-Малкъарлыладыла, ажымсыз ала да ездендиле.

3. Бу затны юсюнден киши авторланы, артыкъсыз да совет джазыучуланы джазгъанлары не билмегенликден, не да «класс кюрешни» къызыудан къызыугъа бардырыр иннет джюрютмекликденди. Буруннгу тарихибизни да, бюгюннгю джашауубузну да тинтиб, керти болумну кюн

джарыкыгъа чыгъарыу - Къарачай-Малкъар алимлени миллет борчларыды.

Бютеу дуния «Илму эрагъа» кирирге хазырлана тургъан бир заманда, Ата джуртда джашагъан халкъыбызны инсанлары, Аллах къаргъагъан бу аман ишни ёмюрлюкге думп этмей, учуз махтанчакълыкъны, къарнаш душманлыкъны, экиликни къуру да джюрютюб турур иннетли эселе, келлик джашауну къаралыб-къармалыб тургъанын ишексиз-шубхасыз билирге керекдиле. Тин да, тил да, адет да, төре да кёб бармай тумаланныкъды.

Къарачай-Малкъар халкъны къалгъан хурттакчыгъы да, Сибирни бурху санлы меджусу халкъчыкъларыча, несин да тас этиб, тюб боллукъду. Дуния джандети Ата джуртубуз, Минги Тауубуз, Къобаныбыз киши халкълагъа къаллыкъды.

Узакъ бармай, арлакъда кёрюнюб тургъан бу къара палахны къыйынлыгъындан къоркъуб, илгениб, къалтыраб, эсибизни джыярга, ойлашырга керекбиз.

Черекчиле, Чегемчиле, Бызынгычыла, Басханчыла, Тебердичиле, Марачыла, Уллу Къарачайчыла, Архызчыла, Джёгетейчиле... — сизге айтама бютеу Къарачайлыла-Малкъарлыла! Эндилеге дери, бир биригизге салгъан къыйынлыгъыгъызгъа бушуу этиб, кёзлеригизден къан джыламукъла чача, таза джюрекле бла къучакъ-ийнакъ болугъуз...

Келигиз, биз асылыкъдан къачайыкъ,
Джюреклени Уллу Аллахха ачайыкъ,
Кёзюбюзден къан джыламукъ чачайыкъ,
Алданмайыкъ ахырзаман дуниягъа.

Совет джазыучуланы джангылычлары не да аман иннетлери

Советлени кёзюуюнде Къарачай-Малкъарны джамагъат джашаууну юсюнден джазылгъан китаблада "ёзден-къул айырымчылыкъ" класс кюрешни джорукъларына келиширча джазылгъандыла. Социологиягъа, тарыхха

келишмеген джалгъан хапарланы, авторлары китабларына салмагъан эселе да, "редакссион комителе" сыйгенлерича тюрлендирген да болурла, деб оюм этеме. Алай эсе да, тюл эсе да, халккыбызгъа уллу аманлыкъ этгендиле.

Уфукъ Таукъул "Кафказ таулада Джашау эм Кюлтюр" атлы китабында И. Лавровдан алыб, былай джазады: "1851 джыл Хурзукда къулла бла ёзденлени-бийлени арасында уллу Уруш этилгенди..." Мунуча, А.Мокаевден алыб, "1755 джыл Чегемде, Холамда злчиле, телеген джасакъларыны кёблюгюнден къозгъалыб, баш кёлтюрдюле. 1862 джылда да Гирходжанда элчиле къозгъалыб, мындан ары къул—лукъ этмезликлерин билдирдиле" деб джазады.

Бу айтылгъанла керти эселе, Къарачай-Малкъарда "къул класс" болмагъанды. 1851 джыл Хурзукда злчиле (къулла) бийле бла ёзденлеге къаршчы къозгъалыб Уруш башла—тыргъа эркинлик табханларына кёре, невольникле-къулла тюлдюле. Ала да къалгъан Къарачайлылача "хур" ёзденледиле. Башхалыкълары - джарлылыкълары бла джер иеси болмагъанлыкъларыды. 1855-1862 джыллада Малкъарда элчиле (къулла деген магыанада, *Й.С.*) "...мындан ары къуллукъ этмезликлерин ачыкълагъанларына кёре, аланы да невольник-къул болмагъанлары, джарлы ёзденле болгъанлары, не да бурундан бери "джал бла ишлеб баш асырагъан" джерсиз Малкъарлыла болгъанлары белгилиди. Керти болум быллай бир ачыкъ бола тургъанлай, "къулла" деб кёлтюртюб, алдаб джазаргъа не кереклисиди бар эди? Сагъынылгъан авторланы иннетлери аманды, "сыныф кюрешни" къозгъар мурат бла джазгъанларына ишек джокъду.

"Къулла эки бёлек эдиле: 1.Юлгюлю (джоллу) къулла; 2.Башсыз къулла. Башсыз къулла хоншу халкъладан сатылыб алыннган не да джесир этилген къулла эдиле. Бий быланы ёлтюрюрге да, сатаргъа да эркин эди...Юлгюлю къулланы энчи юйлери, бурху джерлери, юйдегилери бар эди. Башсыз къулланы уа джукълары да джокъ эди. Была бийни бауларында джатыб къоба эдиле. Юйленирге, юйдеги къуараргъа, юй-джер иеси болургъа эркинликлери джокъ эди". (Лавров, 1978).

Былайда "юлгюлю кьул" деб айтылгъанла, мен оғъарлакьда айтханча, "джал бла" не да "ортакьчылыкь-просентачылыкь" бла байланы ишлерин этген джарлы ёзденледиле. Башхача айтсакь, быланы этген ишлери кьуллукьчулукь болгъаны себебли, тышындан кьарагъанла бу адамлагъа, ишни керти болумун билмегенлери ючюн, кьысхасы бла «кьул» деб, кьойгъандыла. Аз болса да, джери, малы, юйю, юйдегиси болгъан адамлагъа «кьул» атны теджемеклик джангылычды, аман иннетлиликни кёргюзтеди. Лавровну юлгюлю кьулла деген адамлары, мен айтханча джарлы ишчи кьарачайлыла бла малкьарлыладыла. Бары да ажымсыз ёздендиле.

"Башсыз кьуллагъа" бир айтыуум джокьду, джангыз, санлары бек аз болгъанды Мен айтханча, саугъагъа келген харибледиле. Алай а юйленирге, юйдеги кьурагъа эркинликлери болмагъаны себебли, тьоб болуб кетгендиле. Кьарачай-Малкьарда аладан келген сынгар бир тукьум да джокьду. Эс бёлюб кьарасакь, Лавров (сюйюб-суймей этген эсе да) бу ахыр сёзю бла керти болумну чертиб кьойгъанды. "Бийни джашы-кьызы юйленсе, кьулла анга бирер кьойну саугъа этерге керек эдиле. Кеси кьызын эрге берген бир кьул а, бийге юч кьойну саугъа этмей мадары джокь эди. Бу кьойланы, кьызына алгъан кьалынындан бере эди. (Лавров,1978).

Бу параграфны ичинде керти болгъан джангыз бир сёз джокьду. Кьулланы-джарлыланы бийни юйленнген сабийине бирер кьойну, кеслерини юйленнген кьызлары ючюн да ючюшер кьойну бийге саугъагъа берирге борчлу болгъанлары деген айтыу,- Кьарачай адетге да, тёреге да келишмейди. Быллай затла Эресейде кьуру да кёрюле келгенле. Алай а, Кьарачай-Малкьарда ёмюрде да болмагъанды. Бу сёзлеге башхса джаны бла кьарасакь, акьылгъа да, мантыкькъа да келишмеген затла кёребиз: джарлыдан аузуна чибин кьозлай, ачдан ёле тургъан, баш эркинлиги болмагъан кьулла(!) айтылгъан кьойланы кьайдан табыб берлик эдиле! Была бары да селекеге алынныкь джалгъан сёзледиле, керти болумну кьатындан да озмайдыла, илму-излемге уа — бет кьарасыдыла. Лавров дагъыда алай джаады: "Юйюнде мал кесген кьул,

джауорунну бийге юлюшге иерге керек эди." Байлыгы бла да, сыйы бла да, джерге-кёкге сыйынмагъан бир бий, ыйлыкмай, уялмай, бир къулну юдегисине кесген малыны джауорун сюегин нечик ашарыкъ эди! Джалгъанны быллай джийргеншлисине киши да тюбеген болмаз. Уфук Таукъул къарнашыбыз бу къюлкюлюк затлагъа эс бёлмегенин аман этгенди. Алапат китабыны бу бёлмююн узуну бла кенгине тинтиб джазса эди, халкъына ёмюрлюкге дери унутулмазлыкъ бир къуллукъ зтерик эди.

Лавров совет джазыучу болгъанлыкъга, Эски Эресейни режимин махтарга да унутмайды: "Къарачай-Малкъарда Эресей режим къуралгъандан сора, къулларын ёлтюрген бийлеге махкеме этиле эди. Къулланы башха джуртлагъа, тыш къраллагъа сатарга эркинлик берилмей эди". Бу сёзлеге кимни ийнандырлыкъды, билмейме. Эресей патчах алай джигит эсе, элчилерини бютеюю невольник-къул болуб джашагъан кеси къралын тюзетсе эди.

Къарачайны тауушлукъ автору Байрамукъланы Халимат да ма былай джазгъанды: "1868 джылда Къарачайда къулла баш эркинлик алыр ючюн бийлерине (иелерине) тёлерге ке рекли болгъан джулуулары былай эди: 30 джылдагы къатын къул - 150 рубле; 35 джылдагы къатын къул - 100 рубле; 35 джылдагы эркиши къул - 95 рубле; 40 джылдагы эркиши къул - 150 рубле. (Гюрбеджи, Черкесск; 1987).

Муну ызындан биягы Лавров да: "Башсыз къулла азат лыкъларын алыр ючюн, 200 рубле тёлерге керек эдиле. Малы-джериде болгъан къулла уа бу джулууну тышында, ырысхыларыны джартысын бийлеге бермей амаллары джокъ эди",- деб джазады.

Бир башха совет джазыучу А.Мокаев да алай айтады: "Тёлеуге берилген бир къойну багъасы 1 рубле болгъа нына кёре, бир къулну азатлыкъ алыр ючюн иесине къаллай бир мал берирге керекли болгъаны белгиледи. Ол кёзюуде Малкъарда джашагъан къулла, баш эркинликлерин алыргъа деб, 76 бий юйге 1,5 миллион тёлеуню зорлукъ кёрген эдиле."

Огъарыда айтылынган сёзлени акъылга да, эсебге да келишмегенин ангылар ючюн терен эс бёлюрге кереги

джокъду. Уфукну китабыны бир башха бѣлюмюнде (175 бет) Грабовскийни китабындан алыннганы, чертилиб алай джазылады: "1870 джылда бютеу Къарачайда 178.296 ууакъ аякълы, Малкъарда да 106.041 ууакъ аякълы мал болганды".

Айтылынган кѣзюуде къулла азатлыкъ алыр ючюн бийлеге 1.500.000 рубле тѣлеген эселе, аллай бир (1.500.000) ууакъ аякълыны джулуугъа бергенлери белгили болады (Къарачай-Малкъарда ачха бек джюрютюлмегенди, кереклилерин мал бла, джюн бла, джау бла, бышлакъ бла... ауушдуруб тургандыла). Бютеу Малкъарда 106.041 ууакъ аякълы саналганы белгили болганына кѣре, къулла джулуугъа берген миллион бла джарым ууакъ аякълы къайдады, къайры думп болганды? Кеслерине "къул" деб айтылган хадауусла азатлыкъ алыр ючюн 100-юшер, 300-юшер къойну джулуугъа берирлей ырысхыдан толуга эселе, къаллай къулладыла ала! Бу ылыхтын алдауну (джалганны) магъанасын ангылаган бар эсе, бизге да бир ангылатсын.

Илму-излем этген бир автор, хайырланган документлерин иги тинтиб, халатларын чыгъарыб, кертилерин алыргъа керекди. Артыкъсыз да белгили бир идеологияны (марксчы-ленинчи класс кюрешчи джазыучулары) китабларындан хайырланган заманда, бу затлагъа иги эс бѣлмеклик шартды. Уфук Таукъул китабыны зкинчи басмасын этдирген кѣзюуде "Къарачай - Малкъарда Сосиал Табакъалашма" деген бѣлюмю джангыдан къолгъа аллыкъ болур деб умут этеме. Мен этген критикаланы да хатагъа санамасын. Китабны къалган бѣлюмлери алакат джазылганды, ким да хайырланыб окъурчады. Барыбызны да иннетибиз, талпыуубуз, миллетибизни бирлигиди. Муну да биринчи шарты, инсанларыбызны арасында джюрютюлюб турган хадауус айырымчылыкъны-айрылыкъны думп этюдю. Мындан ары бютеу къарачай-малкъарлыла "къул — ѳзден" деген джийиргеншли менталитетден арыгылсынла. Бир бирлерине халал джюрек бла къарасынла. Къыз алыб, къыз бериб, шохлукъ джашауну айнытсынла. Аллах бир адамны сыйлы ѳе да сыйсыз джаратмаганды. Муслиман динни

джорукъларын терени бла юрениб, джашауубузгъа кирген терсликлени тюзетирге керекбиз. Барыбызны да миллетибиз, динибиз, тинибиз, тилибиз, төребиз бирди. Экономика байлыгыбызны, тин байлыгыбызны да ёсдюрюб, зауукълу бир миллет болуб ёмюрлюкге джашаргъа талпый эсек, мындан башха этер затыбыз да джокъду.

Аллах, джюреклерибизге салыныб тургъан къара мухурну тазаласын, барыбызгъа суюмекликни, шохлукъну, миллет къарнашлыкъны джарыкъ джолун ачсын.

**КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ ОРДЕНА
«ЗНАК ПОЧЕТА» ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

В.П. НЕВСКАЯ

**КАРАЧАЙ
В XIX ВЕКЕ**

Под общей редакцией И.М. Шаманова

Редакционная коллегия:

**З.П.Кипкеева,
А.В.Шишканова,
С.М.Яковлева,
Р.Х.Керейтов,
Р.С.Тебуев,
Р.Т.Хатуев**

Ответственные за выпуск:

**К.С-Б.Урусов,
Б.А.Лайпанов**

Художественное оформление:

А.И.Колесников

**© В.П.Невская
© Карачаево-Черкесский
ордена «Знак Почета»
институт гуманитарных
исследований
© «Ас-Алан»**

ВВЕДЕНИЕ

Издревле, у истоков бурной Кубани раскинулись древние карачаевские селения. В них жили в течение долгих веков трудолюбивые и добрые люди, отвоевавшие у суровых гор свои участки пахотных и сенокосных земель. О далеком прошлом, когда приходилось этим свободолюбивым людям отстаивать свои дома от набегов врагов, рассказывают древние башни в горах и самобытная архитектура построек, напоминавших крепость.

Долгие годы жизни в горах привели карачаевцев к выработке определенных приемов ведения сельского хозяйства, приспособленного к горным условиям полукочевого скотоводства и орошаемого земледелия на узких речных долинах. То и другое требовало тесного сплочения населения и прочных общинных связей.

Изучение методов ведения хозяйства, особенностей социальных отношений и глубокой национальной культуры являются на современном этапе одной из важнейших задач исторической науки. Особое значение имеет изучение жизни народа в XIX веке - переломном периоде в истории карачаевского народа. В первой половине века господствовало натуральное хозяйство, внеэкономическое принуждение зависимого крестьянства, пережитки патриархальных отношений, а с другой стороны, росла феодальная собственность на землю и закрепощение крестьян. А во второй половине века бурно вторгались в патриархальные отношения черты новых капиталистических отношений.

Для того, чтобы понять специфику общественного строя Карачая надо было решить проблему сельской общины, ее трансформации в новых политических и экономических условиях, особенности аграрных отношений, имущественного расслоения крестьян. Экономическое «завоевание» Кавказа российским капитализмом превращало Карачай, как одну из колоний Российской империи, в рынок сырья и сбыта для промышленности центральных районов страны. Как отразилось это на самом хозяйстве населения? Как менялся

характер крестьянского хозяйства? Как приспосабливались к новым условиям разбогатевшие уздени и бии? Каковы были изменения в культуре народа, что дала им российская культура, чем обогатила и чему научилась сама?

Все эти задачи ставил перед собой автор в далекие 60-е годы, когда народ только вернулся из тяжелой ссылки-депортации и все надо было начинать с начала: и обживать опустевшие селения и писать историю народа.

Дореволюционные издания были запрещены после репрессии 30-х годов, архивные пласты еще не подняты.

Источниковой базой для написания данной работы послужили архивные документы, обнаруженные в Москве и Ленинграде, Тбилиси и Владикавказе, Нальчике и Майкопе, Ставрополе и Краснодаре. В центральном военно-историческом архиве в Москве хранятся донесения и рапорты военных лиц, прошения крестьян, журналы боевых действий, характеризующие колониальную политику царизма и происки местных владельцев. Военно-статистические описания Кавказской губернии и соседствующих с ней горских народов дают этнографический материал (ЦГВИА, ф. ВУА, ф. 114, 400 и др.).

Из фондов Центрального исторического архива в Ленинграде особый интерес представляет ф.1268-Кавказский комитет. Тысячи единиц этого фонда рассказывают о работе Комитета по освобождению рабов, крестьян и зависимых сословий на Кавказе, о поземельных спорах и торговых связях. Отчеты начальников губерний и областей дают обильный цифровой и фактический материал об экономическом развитии народов Северного Кавказа, о межведомственных спорах по поводу проектов проведения железной дороги на Кавказ.

Очень богат материалами о народах Кавказа, в том числе о карачаевцах, Центральный государственный исторический архив Грузии. Там фонды и Кавказской археографической комиссии (ф. 416), и Департамента главного управления главноначальствующего гражданской частью на Кавказе (ф. 7), и Штаба командующего войсками Кубанской области (ф. 1080).

В государственном архиве Ставропольского края - документы о торговых связях карачаевцев на меновых дворах (ф. 20 и 72), рапорты приставов (ф. 249). Еще больше материалов в Краснодарском архиве: секретная переписка о подготовке крестьянской реформы (ф. 452) и множество дел канцелярии помощника начальника Кубанской области по управлению горцами (ф. 774). Интересен материал и Кабардино-Балкарского архива (ф. 16, 22 и др.). Сведения о поземельных и сословных спорах имеются также в Северо-Осетинском архиве (ф. 268).

Лучшей публикацией документов по истории Кавказских войн является многотомное издание *Актов Кавказской археографической комиссии*.¹ Часть документов опубликована позже в сборнике „Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии“, изданном в 1985 г. в Ростове. Важным документом также являются *Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения карачаевского народа Кубанской области, Владикавказ, 1908 г. и заявления карачаевского народа к комиссии*.

Литературные источники по истории Карачая относятся главным образом ко второй половине XIX в., когда изучением быта и поземельных отношений у карачаевцев занимались члены Общества любителей изучения Кубанской области и Русского географического общества, учителя гимназии А.Н. Дьячков-Тарасов,² В.М. Сисоев³ и др. Ими было положено начало экспедиционного изучения Карачая. Н. Иваненкова⁴ и М.В. Орлова⁵ интересовали поземельные отношения у карачаевцев.

¹ *Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1862-1904.*

² *Дьячков-Тарасов. Заметки о Карачае и карачаевцах. СМОМПК, вып. XXV, 1898.*

³ *В.М. Сисоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношениях. СМОМПК, вып. XIII, 1913.*

⁴ *Иваненков Н. Карачаевцы. // ИОЛИКО. Вып. 5, Екатеринодар, 1912.*

⁵ *М.В. Орлов. Возможна ли частная земельная собственность в Карачае. Там же. Вып. 3, Екатеринодар, 1902.*

Отдельные правовые вопросы рассматривал Н. Петрусевич,¹ а материалы по обычному праву опубликованы Ф.И. Леонтовичем.² Много деталей быта содержатся в путевых заметках В.Я. Тепцова³ и Г. Петрова, а так же Г. Чурсина.⁴ Работа его явилась отчетом о поездке в Карачай в 1914 г. членов Русского географического общества. Некоторые авторы не смогли правильно оценить уровень развития феодальных отношений в Карачае, считая, что к началу XIX в. Карачай представлял собой „союз родов для достижения сильной самозащиты от внешних врагов“.⁵

Попытки более глубоко вскрыть сущность социальных отношений в Карачае была сделана в первые годы Советской власти. Первыми историками, вложившими большой вклад в изучение истории не только карачаевского, но и других народов Северного Кавказа, были Умар Алиев и Ислам Тамбиев.

Умар Алиев возглавлял лингвистические экспедиции, участвовал в разработке нового алфавита, способствовал развитию национальной культуры, занимаясь, кроме того, большой политической деятельностью. Им был написан историко-этнологический и культурно-экономический очерк „Карачай“⁶ и монография „Кара-Халк“, с подробным описанием положения крестьянства горских народов.⁷ Он

¹ Н. Петрусевич. Заметка о карачаевских адатах по долговым обязательствам. // ССКГ, Вып. 4, Т., 1870.

² Ф.И. Леонтович. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882.

³ В.Я. Тепцов. По истокам Кубани и Терека. // СМОМПК, Вып. XIV, Тифлис, 1892.

⁴ Чурсин Г.Ф. Поездка в Карачай. // ИКОРГО, т. 23, 1915, № 3.

⁵ Иваненков Н. Карачаевцы // ИОЛИКО, Вып. 5, Екатеринодар, 1912.

⁶ Алиев У. Карачай (Карачаевская автономная область). Ростов-на-Дону, 1927.

⁷ Алиев У. Кара-Халк (черный народ). Очерки исторического развития горцев Северного Кавказа и чужеземного влияния на них ислама, царизма и пр. Ростов-на-Дону, 1927.

рассматривал проблемы национальных отношений, развития национальной культуры.¹

Ислам Тамбиев попытался разрешить методологические проблемы истории карачаевцев, рассматривая уровень развития рабовладельческих и феодальных отношений в Карачае. Им же была написана история карачаевцев в досоветское и советское время.²

Однако судьба этих талантливых исследователей трагически оборвалась в годы тоталитаризма, когда они были репрессированы и уничтожены, а их книги изъяты из библиотек и заперты в спецхранах.

Небольшое, но глубокое исследование социального строя карачаевцев было написано ленинградским этнографом Е.Н. Студенецкой.³ Это была последняя страница в истории карачаеведения в довоенные годы. С началом войны прекратились экспедиции, закрыты были научно-исследовательские институты, вскоре последовала страшная трагедия выселения карачаевского народа.

В течение 13 лет, с 1943 по 1957г. история карачаевского народа не изучалась, первые статьи появились только после возвращения народа на Кавказ. Публикуемая книга выходит вторым изданием на основании книги „Социально-экономическое развитие Карачая в дореформенный период“, изданной в 1960 г. и „Карачай в пореформенный период“, 1964 г. издания. В последующие годы было написано и издано несколько новых солидных трудов по истории Карачая. Особенно интересен историко-этнографический очерк „Карачаевцы“, труды Е.П. Алексеевой, статьи И.М. Шаманова, очерки истории Карачаево-Черкесии. Но все они появились позже

¹ Алиев У. *Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае*. Ростов-на-Дону, 1926.

² Тамбиев И. *Рабство и феодализм в дореволюционном Карачае*. // „Революция и горец“, 1932, № 4. *О родах и сословно-феодальных отношениях в дореволюционном Карачае и об их фальсификации*. // „Революция и горец“, 1931, № 12. Тамбиев И. *Карачай прежде и теперь*. Ростов-на-Дону, 1931.

³ Студенецкая Е.Н. *К вопросу о феодализме и рабстве в Карачае XIX века*. // „Советская этнография“, 1937, № 2-3.

названных книг о Карачае в XIX веке, поэтому автором не могли быть использованы.

В сборе полевого материала в селениях Карачая автору оказали помощь Х.И. Суюнчев и Р.Т. Алиев, поделился своим материалом С.Ч. Алиев, за что автор приносит им глубокую благодарность. А также тем многим мудрым долгожителям, которые поделились своими знаниями.

Часть I

РАЗВИТИЕ КАРАЧАЯ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Глава I. ЭКОНОМИКА КАРАЧАЯ

1. ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ. НАСЕЛЕНИЕ

Высоко в горах Кавказа, у снежных отрогов Главного Кавказского хребта и вершины его – Эльбруса, расположились карачаевские селения: Карт-Джурт на р. Кубани, Учкулан на р. Учкулан, Хурзук на реке Хурзук, Дуут и Джазлык на реке Дуут. В течение первой половины XIX века возникли также поселения на Маре и Каменного моста на Кубани.¹

У европейских авторов название „карачаевцы“ впервые встречается в литературе в XVII в. Итальянский миссионер Ламберти перечисляет их (карачиоли) среди других народов, живших к северо-востоку от Мингрелии.² Более точное местоположение Карачая дает И.А. Гильденштедт посетивший Кавказ в 70-х годах XVIII века. Карачай „лежит около вершины Кубани и смежен к западу абазинским округом Башильбаем, а к югу со Сванетией. С восточной стороны отделяет его горный хребет Джалпак от кабардинцев, живущих на реке Баксане“.³ Еще подробнее описывает территорию Карачая Платон Зубов: „Карачаевцы обитают у северных предгорий Эльбрусского кряжа и по трем отрогам оного, простирающимся в виде ветви. Горный хребет, из которого истекает река Баксан, отделяет карачаевцев от Большой Кабарды; на полдень сопредельны им суаны, а на север алты-кисеки.

¹ ГАКК, ф.452, оп. 1, ед. Хр. 605, л. 4.

² Ламберти. Описание Колхиды или Мингрелии // ЗООИД, т. X, Одесса, 1877, С. 210.

³ И.А. Гильденштедт. Ук. соч. С. 148.

Главнейшие их аулы расположены по правому берегу Кубани, которую окружает плодоносная равнина.¹

Точные географические координаты Карачая указывает Н. Петрусеви́ч - начальник Эльборусского округа, в который входил Карачай. Он писал, что в первой половине XIX века Карачай был ограничен с юга Главным Кавказским хребтом, с северо-востока - рекой Худес и с запада - водораздельным хребтом, между реками Тебердой и Дуутом, и граничил с юга со сванами, цебельдинцами, медовеевцами, с севера - с кабардинцами, ногайцами и абазинами.²

На месте слияния Худеса с Кубанью еще и сейчас лежит черный камень, который карачаевцы называли неприступным камнем-замком Карачая - Къарачайны Къадау Ташы.

Высокие горы Карачая прорезаны узкими речными долинами Кубани и ее притоков. С ледников Эльбруса - Битюк-Тюбю и Кюкюртлю берет начало Уллу-Хурзук, с ледников Главного Кавказского хребта - Уллу-Кам с притоками Чири-Кол и Гаралы-Кол. Слияние Уллу-Хурзука и Уллу-Кама образует реку Хурзук - один из истоков Кубани. Другой исток Кубани - Учкулан также начинается в горах Большого Кавказа речушками Махар, Гондарай и Эндрю-Кол, принимая в себя притоки Кичкине-Кол, Карасуу, Кертмели, Кызыл-Кол. У аула Учкулан реки Учкулан и Хурзук, сливаясь, образуют Кубань.

Штабс-капитан Петухов так описывал в 1841 году верховья Кубани: „Кубань вытекает из снежных вершин Кавказских гор немного южнее Эльбруса, двумя истоками Учкулан и Хурзук, кои по соединении ниже г. Шулап в карачаевском обществе образуют настоящее ее русло, отсель она протекает северным направлением весьма крутым, узким, глубоким и скалистым ущельем, на пути своем до Каменного моста имеет множество порогов и водопадов, от коего вырывается на долину с чрезвычайным

¹ Платон Зубов Ук. Соч. С. 133.

² Н. Петрусеви́ч. Заметка о карачаевских аятах по долговым обязательствам // Сборник сведений о карачаевских горах, вып. 4, С. 45.

стремлением, через весьма узкий проход, образовавшийся природою между двумя гранитными скалами и извивается по оной в том же направлении до ст. Николаевской".¹

В пределах Карачая Кубань принимает в себя целый ряд притоков: с правой стороны - Худес, Джалан-Кол, Аман-Кол, Индиш, Отлу-Кол, Ташлы-Кол, Кара-Сырт, Мара, Шупшурук, а с левой - Дууут, Гиляч и Теберда с притоками Уллу-Муруджу, Джамагат и др. Реки эти, мелководные в сухую погоду, после дождей превращаются в бурные потоки, часто сметающие на своем пути деревья, камни и жилые постройки.

Территория Карачая имеет сильный подъем к югу. В северной части склоны более пологи, покрыты лесами, которые сменяются цветущими лугами; долины рек несколько шире. Чем ближе к Эльбрусу, тем суровее и суше климат, беднее растительность. Высоко в небо уходят скалистые горы, покрытые вечными снегами. На много километров растянулись ледники Эльбруса.

Ледники и безжизненные скалы занимают значительную часть карачаевской территории. В начале XIX века большая площадь (значительно большая, чем в конце века) была покрыта лесами; долины рек были покрыты зарослями дуба, чинаря, клена, ильма, ясеня, липы, осины, вербы, березы, яблони, груши, а выше на склонах гор - зарослями ели и сосны.

Испытывая острую нужду в земле, карачаевцы систематически вырубали леса на горных склонах. Это привело к тому, что почва с них легко смывалась частыми дождями, и склоны оголялись. Дожди не только смывали почву, но несли с собой потоки камней. Такой поток, образующийся в горах во время ливней и несущий с собой камни, гальку, глину и песок, карачаевцы называют ырхы, а образующиеся после сухие осыпи - оюлгъан джер (обрушившееся место). Эти потоки земли и камней засоряли поля и реки, а иногда разрушали дома.²

¹ ГАКК, ф. 347, оп. 1, ед. хр. 3, л. 5

² Г.Ф. Чурсин. *Поездка в Карачай* С.256.

Вырубка лесов продолжалась и в XIX веке. Лес был для карачаевцев одним из предметов, на который они выменивали недостающий им хлеб и необходимые вещи. Лес вывозился на меновые дворы и ярмарки, устраиваемые в казачьих станицах.

Кроме того, лес был в Карачае главным строительным материалом. Из него строились дома и надворные постройки, изготовлялись орудия труда, арбы, мебель и посуда.

Богатые альпийские и субальпийские луга, лесные поляны, заросшие травой, крутые склоны гор позволяли выпасать значительное количество скота. Особенно богат Карачай летними пастбищами; в зимних же чувствовался недостаток уже в начале XIX века. Летом горные пастбища простирались до самых ледников. Под выпас скота использовались также высокие кручи по ущельям Учкулана и Хурзука, зимой эти кручи были покрыты глубоким снегом.

Ветеринарный врач С. Ваганов считал лучшими летними пастбищами Карачая плоскогорье Бийчесын, расположенное на границе Карачая и Балкарии, и балки, расположенные по притокам Кубани: Баулу-Кол, Ташлы-Кол, Кюзлюк-Орунла, Джер-Оюлган, Баба, Мурдух, Маматай, Чикга улу ну кышлыгы, Оба-Сырт, Ак-Джар, Башлана-ёзен, Отлук-Таш, Аргы-Тохана, Берги-Тохана, Боркълудуукъ, Кызыл-Кол. Вот так он описывает летние пастбища карачаевцев: „Отказываешься подчас понять, каким способом пользуется карачаевец, чтобы подняться на страшилище, стоящее перед Вами; мало того, он перебирается сюда с целым богатством: рогатым скотом, овцами и бесстрашными козами”.¹

В поисках пастбищ, пригодных для зимних кочевков, карачаевцы уходили далеко на запад, до Большого Зеленчука с истоком Псыж, и на восток, на земли Большой Кабарды.

¹ С В. Ваганов. Заключение охранно-карантинной линии по границе Кубанской области с Закавказьем, в связи с условиями животноводства в нагорной полосе. // ИОЛИКО, вып. I, 1899, С. 22.

Горы Карачая богаты ископаемыми. Уже в самом начале XIX века русское командование интересовалось здесь рудными богатствами. Еще в 1812 году указывалось, что в горах Карачая находится свинцовая и железная руда, и серная зола.¹ Позже были открыты залежи каменного угля около аула Хумара и в других местах, магнитного железняка и медной руды у Клухорского перевала, мрамора и т.д.

Однако эксплуатация естественных богатств Карачая в первой половине XIX века была почти невозможной из-за полного бездорожья. Карачай был оторван от внешнего мира, так как до 60-х годов XIX в. не было ни одной колесной дороги; лишь верховая тропа вдоль Кубани соединяла карачаевские аулы с казачьими станицами и Закавказьем.

Малодоступность и изолированность Карачая - одна из причин того, что русские источники значительно меньше знали и сообщили в первой половине XIX века о карачаевцах, чем о других народах Северного Кавказа.

Разноречивы сообщения и о численности карачаевцев в это время. Наиболее ранние сведения, относящиеся к началу XIX в., дают лишь примерную численность населения, выраженную в количестве семей или воинов, которое народ мог выставить. В Историографической записке о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским, выпущенной в 1810 году, указано, что карачаевский народ состоял всего из 200 семей, а в Военно-топографическом и статистическом описании кавказской губернии и соседствующих ей горских областей, составленном подполковником Буцковским в 1812 году, - из 600 дворов.²

Платон Зубов, явно преуменьшая численность карачаевцев, считает, что их было всего 1000 душ.³ В отношении графа Паскевича министру иностранных дел

¹ *Историографические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским СПб, 1810.*

² ЦГВИА, ф. 414, ед. хр. 300

³ Платон Зубов Ук. Соч. С. 133

Нессельроде от 5 июня 1831 года указано, что 800 карачаевских дворов могли выставить 600 воинов.¹ Близкую цифру называет и Шаховской - 700 домов и 800 вооруженных воинов.²

Генерал-майор Менед в отчете о политическом состоянии кавказских народов, за 1840 год приводит цифру 8800 человек жителей Карачая.³ Эта же цифра указана на карте Кавказского края 1842 года⁴ и в статистическом описании Кавказа за этот же период.⁵ Совершенно другая цифра дается в архивном документе за 30-е годы - 24000 чел.⁶

Остальные источники называют примерно ту же цифру — от 8 тысяч человек в первой четверти XIX в. и до 13 тысяч человек - к концу второй четверти. Более или менее точными можно назвать данные о народонаселении в карачаевских селениях от 1865 года:

В Карт-Джурте и Дуууте - 4429 человек,

в Учкулане - 4216 человек,

в Хурзуке - 4816 человек.⁷

Итого 13461 человек.

Образ жизни карачаевцев-скотоводов почти всеми источниками рисуется как полукочевой - с оседлыми селениями, летними и зимними перекочевками скота. Только отдельные авторы (например, итальянский путешественник Соммьер) называют карачаевцев кочевым народом. Соммьер писал, что карачаевские селения представляются станом кочевого народа, прибывающего туда на короткое время, готовые в случае надобности увести в другое место родные пенаты.

Один внешний вид карачаевского села с приземистыми, чрезвычайно прочными домами сделанными из огромных бревен, свидетельствует о

¹ АКАК, т. VIII, С 906

² ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 19247, л. 1-33

³ ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 6382, л. 6-7

⁴ ЦГВИА, ф. 414, ед. хр. 300

⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 6164, л. 10

⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 6288, л. 360-361

⁷ ЦГВИА, ф. 545, оп. 1, ед. хр. 107, 43-44

многолетнем пребывании поселения на одном месте, о том, что для карачаевских селений характерна очень прочная оседлость. Основные карачаевские села уже много веков находятся на одном месте, и в каждом из них есть дома, которые стоят там несколько сот лет.

Основным материалом для постройки домов служил лес. Огромные сосновые бревна клались целиком одно на другое, причем торчащие концы обычно не отпиливались и не обрубывались, выступая на различную длину.

Самые древние дома совсем не имели окон; свет проникал в них только через дверь и широкое дымовое отверстие. Позже делались небольшие окошечки, которые закрывались ставнями. Дверь была небольшая, двухстворчатая, позднее - одностворчатая с высоким порогом.

У стены, а в более древних домах — в центре комнаты находился очаг - отджагъа, над которым висела цепь - сынджыр, прикрепленная к балке. К сынджыру подвешивался котел - къазан. Дымарь имел форму четырехугольника закругленного и суживающегося кверху. Делался он из хвороста и обмазывался глиной. Когда вырастали и женились сыновья, к дому пристраивались новые комнаты.

Все постройки - были обращены наружу глухой стеной, окна и двери выходили внутрь двора. Так же располагались и хозяйственные постройки: конюшни, кладовые и др.

Археологические раскопки также подтверждают очень прочную оседлость карачаевцев. Карачаевские кладбища в течение нескольких веков неизменно находятся на одном и том же месте.

Соседями карачаевцев с востока были балкарцы и кабардинцы, с юга - сваны и абхазцы, с запада и севера - абазины, черкесы и ногайцы, а после основания в верховьях Кубани и на Зеленчуках казачьих станиц - и русские.

Многие нити связывали карачаевцев с их соседями.

Соседи охотно покупали у карачаевцев их скот и особенно барашков, славящихся вкусным мясом. Легко находили сбыт изделия карачаевского ремесла: бурки, горское сукно, войлоки. Карачаевцы выменивали и

покупали у абазин мед, у сванов - сушеные фрукты, у кабардинцев - соль и ткани, у грузин - ткани и другие изделия.

Даже с более далекими соседями-дагестанцами карачаевцы поддерживали постоянные связи, покупая у них оружие, медную посуду, серебряные украшения.

Торговые связи часто подкреплялись личной дружбой. Подтверждением дружественных связей были взаимные браки. Карачаевские бии Крымшамхаловы часто рождались путем браков со сванами и абхазцами. Так, Давлет Гирей Крымшамхалов был женат на сванке Дадишкилиани, а после смерти жены взял ее родственницу.¹ Кеминат Дудова была отдана замуж за свана Левона Отарова.² И таких примеров немало.

Охотно рождались карачаевцы и с ногайцами. Так, Крымшамхаловы отдавали своих дочерей за Тугановых и Карамурзиных. Бывали такие браки и у простого народа. Кроме кровного родства, карачаевцев связывали с соседями случаи молочного родства-аталычества. Карачаевец Каншаубий, герой одноименной песни, был воспитан в семье кабардинских феодалов Атажукиных, Алиев Тогузак воспитывал девочку кабардинку из аула Атажукиных³ и т.д. Карачаевцев объединяла с соседями и ратная дружба.

В рапорте генерала Глазенапа за 1804 год говорилось о совместной борьбе против царских войск кабардинцев, чеченцев, балкарцев, карачаевцев и осетин.⁴ Карачаевцы сочувственно относились к борьбе других народов против колониального гнета. Но в то же время карачаевцы давали отпор и кабардинским феодалам, которые пытались навязать им свою власть, пользуясь их малоземельем. В легенде о Карче рассказывается о том, что помощь карачаевскому народу в его борьбе с кабардинскими феодалами оказывал сванский народ.

¹ Полевой материал 1958 г. (Крымшамхалова Л.К.)

² ГАКК, ф. 774 оп. 1, ед. хр. 564, л. 1.

³ Полевой материал 1958 г.

⁴ АКАК, т. II, стр. 940

Феодалные набеги, которые совершали князья соседних народов на Карачай, а карачаевские бии - на эти народы, наносили большой ущерб трудовому населению. Так, феодалные владельцы соседнего абазинского племени кизылбеков часто совершали хищнические набеги на карачаевские коши и угоняли скот. Такие же набеги совершали и сванские владельцы.

Борьба карачаевцев с кабардинскими феодалами, с набегами кизылбековцев и сванов нашла яркое отражение в фольклоре. В песне „Татархан" рассказывается о том, как карачаевцу Татархану удалось вернуть угнанный кизылбеками скот и людей.

В народных песнях осуждались не только нападения феодалов соседних племен на Карачай, но и набеги своих князей на другие народы. Мирный и трудолюбивый карачаевский народ желал жить в дружбе и добром соседстве с окружающими народами.

В песне „Азнауур" описана грустная судьба карачаевского юноши, который не хотел идти проводником к князю во время одного из грабительских набегов, но вынужден был подчиниться по требованию отца и в результате погиб.

Близкое соседство и связи в течение многих веков привели к взаимному влиянию быта, культуры и социального строя народов Северо-Западного Кавказа. Это влияние можно проследить во многих чертах быта - в одежде, пище, в приемах труда. Оно прослеживается также в искусстве карачаевцев и адыгских народов, в мелодии их песен, в танцах.

2. СКОТОВОДСТВО

Скотоводство было основным занятием карачаевцев. Это подтверждается всей их материальной и духовной культурой. Скот кормил и одевал карачаевца. „У кого нет скота, над тем нет солнца, над кем нет солнца, тому нет света", — гласила карачаевская пословица.

В пище карачаевца почти отсутствовали растительные продукты. Основным напитком на кошу и дома был айран -

особо заквашенное кислое молоко. В жару его пили, разбавив водой - сусаб. Посоленное кислое молоко-тузлук - заготавливали впрок на зиму. Самым распространенным видом пирогов был - (от хычин) - пирог, начиненный сыром или брынзой.

Карачаевцы раньше других народов научились готовить кефир - гыпы при помощи особых кефирных грибков.

Мясные блюда также были довольно разнообразны. Из мяса барашка готовился шашлык (тишлик), из баранины и говядины - мясной пирог (эт хычин), а также род колбасы - кыйма. Особое блюдо - сохта, приготавливалось из желудка, начиненного печенью, а из требухи, начиненной салом и кишками - джёрме. Ели и просто вареное мясо - бишген эт.

Разделка туши производилась определенным образом. Самые престижные лакомые куски полагались наиболее почетным людям. Самому почетному человеку давали полголовы и лопатку. Лакомыми блюдами считались также конец курдюка с печенью, джерме и сохта. Непочетными кусками было мясо от ноги, позвонки и черная кишка. Ноги обычно давали детям.

Продукты скотоводства были основным сырьем для ремесла. Из шерсти овец изготавливались славящиеся далеко за пределами Карачая карачаевские бурки, сукна, из которых шили черкески, знаменитые карачаевские войлоки - кийизы, которые имелись в каждом доме, служили и подстилкой на кроватях и ковром на полу. Из войлока делали горские шляпы - кийиз бёрк, очень удобные для лета, и бурочки на ноги. Из шерсти же изготавливались тканые ковры-кюйюзы, украшавшие стены дома. Овечьи и козьи кожи шли на изготовление женской и мужской обуви, главным образом нарядной, и шаровар-шалбар. Из грубых бычьих кож делалась рабочая обувь - чабыр, подошва, длинные ремни для хозяйственных нужд, конная упряжь.

Скот был основным продуктом обмена и торговли карачаевцев. На барашек и продукты скотоводства они выменивали хлеб, хлопчатобумажные, шелковые ткани и

другие изделия. Скот был основным мерилем богатства, он же долгое время являлся и основным эквивалентом стоимости. Скотом уплачивался калым при заключении браков: за бийскую дочь - скотом и деньгами, за дочь узденя - баранами, быками, и коровами.¹ Скотом обычно давалась ссуда беднякам и, исходя из естественного прироста скота, вычислялись проценты. Скотом платили за труд и одаривали за услуги.

Занятие скотоводством отразилось на языке народа. Терминология по животноводству отличается исключительным богатством. Имеется очень много специфических животноводческих терминов. Ярким примером этого может служить разнообразие названий мастей лошадей. В то время как все остальные цвета различаются очень мало, без всяких оттенков, масть животных различается очень тонко. Так, цвет голубого неба и серых туч назывался одним словом - кёк, а масти лошадей подразделялись почти на 40 оттенков. Нам удалось выяснить следующие названия мастей: (перевод дословный) акь - белая; чыммакь - снежно-белая; кёк - серая; кёк-кюрен - светло-бурая; сары - рыжая; саргъыл - дым-буланая; ачы-сары - ярко-рыжая; саппа-сары или сап-сары - очень желтая; тору - гнедая; къан-тору - кроваво-гнедая; къара-тору - темно-гнедая; къара - вороная; къал-къара - вороная с отливом; тум-къара - тускло-вороная; къолан - пегая; къара-къолан - черно-пегая; акь-къолан — бело-пегая; сары-къолан — рыже-пегая; бурус - саврасая; чал - дымчатая; акьсылдым-кёк - светло-серая; акьсылдым-сары - светло-рыжая; каралдым-сары - темно-рыжая; кёксюлдум-акь - сизо-белая; суу-кёк - водянисто-серая или жидко-серая; мутхуз-кёк - мутно-серая; темир-бетли - тускло-серая (цвета железа).²

Герои народных песен и сказок в основном также скотоводы. Любимым занятием пастушонка Аймуша был уход за овцами, которые понимали его мысли. Овцы дали

¹ Ф. И. Леонтович. *Адамы кавказских горцев*// *Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа*, т. 1, Одесса, 1882, С.275.

² Полевой материал 1958 г.

ему богатство, они же отняли его, когда он перестал быть ласковым с ними (сказка „Аймуш“). В сказке „Каракуш“ говорится о том, как бедняк Каракуш пас чужих баранов; а в сказке „Ахмат и Байдымат“ - о том, как пострадавший от злой мачехи-людоедки сирота Ахмат ухаживал за коровами. В сказке „Два брата“ слепой пастух награждает доброго брата баранами за совет, как вылечить глаза.

Среди языческих божеств карачаевцев большое место занимали покровители скота и диких животных. Апсаты, который принимал образ козла или оленя, а иногда мифического животного с тремя ногами, считался богом охоты. Долай был покровителем крупного рогатого скота, Аймуш - овец.¹

В добрых здравицах (алгыш), которые произносились при поднятии чаши, человеку желали счастья в семье, хорошей невестки и добрых внучат, а также богатства, глубокого, как Соляное озеро. А богатство заключалось прежде всего в том, чтобы у него были овцы шерстистые и коровы молочные, чтобы достаток в его доме был так же обилён, как шерсть на жертвенном животном.

Любовь к скоту отражалась в нежных и ласковых словах, с которыми обращались карачаевцы к животным. „Душа моя“, „око мое“ (джаным, кёзюм), обращается карачаевец к быкам в трудовой песне „Эрирей“.

Преобладание скотоводства над другими отраслями хозяйства отмечалось всеми побывавшими в Карачае лицами. Первые же известия русских офицеров и историков о карачаевцах содержат указание на то, что главной отраслью их экономики было скотоводство. „Главное богатство народа состоит в рогатом скоте и баранах хорошей доброты“,² — писал в 1834 Шаховской. „Они большей частью занимаются скотоводством, имеют значительные табуны превосходной породы лошадей. Хлебопашество у них неважно, недостаточно для их нужд“,³ - говорил Платон Зубов. „Но зато скотоводство

¹ Х.О. Лайпанов. *К истории карачаевцев и балкарцев*. С. 31-33

² ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 19247, л. 1-33

³ Платон Зубов *Ук. соч.* С. 133

развито довольно хорошо и составляет все их богатство",¹ - сообщалось о карачаевцах в Военно-статистическом описании Ставропольской губернии.

В этих и других описаниях подчеркивается, что особенно развито было у карачаевцев овцеводство. Буцковский (1812 г.) называл его главным их промыслом и отмечал высокие качества карачаевских овец, которые обладали „весьма длинной и мягкой шерстью, из коей выделывают сукна, кошмы и особенно славящиеся бурки".²

В Военно-статистическом обозрении говорится: „Известны всем на Кавказе их знаменитые карачаевские бараны, которых насчитывают до 100000 голов, т.е. по 50 на каждый двор".³

Г. Гречишкин так описывал карачаевских овец: „Среднего роста, на коротких ножках, длиннотелые, длиннее даже волошской породы, карачаевские овцы отличаются белым длинным глянцевидным руном, считающимся нежнее лейгестерского; у баранов висит из-за щек почти до самых колен густая шерсть, что придает им очень красивый вид".⁴

Цвет карачаевских овец был обычно черным или бурым, белые попадались довольно редко. По адатам, шерсть от белых овец шла обычно владельцу, темная - крестьянам.

Наряду с шерстью, карачаевские овцы славилась очень вкусным и нежным мясом. Овцы имели большой курдюк, весивший до полпуда и больше. Иногда курдюк был так велик, что овце приходилось приделывать маленькую тележку, чтобы курдюк не мешал ей передвигаться.

Карачаевские овцы славилась и мясом и шерстью далеко за пределами Карачая. Когда в 40-е годы XIX в. для Луганской фермы потребовались хорошие овцы, то решили завезти туда именно карачаевскую породу. Кавказская

¹ Военно-статистическое обозрение Ставропольской губернии. СПб, 1851, С. 133.

² ЦГВИА, ф. 414, ед. хр. 300, л. 78.

³ Военно-статистическое обозрение С. 133.

⁴ Гречишкин. Теберда. Горная климатическая станция и дачная местность. Ст. Лабинская 1912, С. 106.

палата государственных имуществ обратилась к новому приставу магометанских народов с запросом, как и где можно достать овец „чистой карачаевской породы“.

Главный пристав разослал запросы во все подведомственные ему приставства о том, имеются ли у них овцы карачаевской породы.¹ Пристав калаусо-саблинских и бешту-кумских народов ответил, что в подведомственном ему народе „чистой породы карачаевских овец не имеется; но приобрести таковых покупкой по сходной цене можно у самих карачаевцев, и потому, как народ этот состоит в ведомстве начальника кордона Кисловодской линии, то посредством его приглашения карачаевским жителям на продажу лучшей породы овец, можно иметь вернейшие сведения как о ценности, так и о способах доставления их“.²

Точного учета количества скота в Карачае в первой половине XIX в. не велось. Большинство источников, как указывалось, насчитывало до ста тысяч голов мелкого скота и 10-12 тысяч крупного.³

Первые точные цифры относятся к 60-м годам XIX в. По отчету начальника Эльбрусского округа за 1867 год у карачаевцев было: овец - 186471, крупного рогатого скота - 30150.⁴

В этом же отчете подчеркивается экстенсивный характер скотоводства: „Вместо того, чтобы большим и лучшим уходом за ним (скотом) извлекать большие выгоды, каждый заботится только о том, чтобы с меньшими трудами и жертвованиями добиться большего числа голов скота и в большинстве случаев достигают желаемого, хотя ежегодная убыль от болезней, пропаж и волков составляет значительную цифру. Об улучшении же пород и помину нет“.

¹ ГАСК, ф. 249, оп. 3, ед. хр. 3854, л. 1

² ГАСК, ф. 249, оп. 3, ед. хр. 3854, л. 6.

³ Военно-статистическое обозрение С. 133.

⁴ ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605. л. С 18-20

Падеж от болезней, бескормицы и волков у овец достигал 1/15 всего поголовья, а крупного рогатого скота – 1/20.¹

Породу карачаевского рогатого скота называют горной. Это был некрупный скот с широкой и короткой головой, небольшими рогами и длинной шерстью, обычно черного или рыжего цвета. Скот отличался исключительной выносливостью и нетребовательностью к пище, приноровившись к жизни в горах. Большую часть года скот, особенно мелкий, проводил на подножном корму, поэтому научился добывать корм из-под снега, лазить по самым отвесным кручам, добираясь до ледников.

Коровы доились недолго: Различают два периода доения: летний - с первых чисел мая до начала августа и осенний - с начала августа до половины октября.² Поздней осенью, зимой и ранней весной коровы совсем не доились; молочные продукты на этот период запасали заранее: готовили тузлук, сыр и т.д.

Быки использовались в качестве основной тягловой силы. На них производили пахоту, впрягая по паре в примитивную соху - кьаладжюк. Для молотьбы пускали на ток шесть быков, привязанных к столбу. На быках перевозили и тяжести, запрягая их в двухколесную арбу. Запрягать быков начинали обычно с трех лет. Самыми работоспособными считались быки в возрасте 4-7 лет.

Уже в первой половине XIX в., в целях улучшения породности скота, карачаевцы начали покупать производителей в русских станицах. Во второй половине XIX в., в результате более тесного знакомства с русскими, карачаевцы чаще стали ввозить производителей и разводить скот других пород, в частности, - черноморской или серой украинской. Крупные, настолько высокие быки, что трудно было воткнуть занозу в ярмо, имелись у Тамбиевых, Урусовых и некоторых других хозяев. Запряжка таких быков могла поднять целый стог сена. Привозные коровы давали значительно больше молока,

¹ ГАКК, ф.452, оп. 1, ед. хр. 605. л. С.18-19

² Петрусевиц. Указ соч., С.48

притом более жирного. Кроме того, скот черноморской породы был менее подвержен заболеваниям.

Абайхановы вывели новую породу овец, более крупных с длинными конечностями. Если простые бараны давали до 25 кг чистого мяса, то абайхановские — 30-35 кг. Шерсти они также давали значительно больше.¹ Некоторые хозяйства имели буйволов. Быков использовали как тягловую силу, а буйволиц доили и молоко их употребляли в пищу. Для перевозки небольших тяжестей применяли ослов, которых в 1867 году было: в Карт-Джурте - 540, в Учкулане - 463, в Хурзуке - 490.²

Большую роль в жизни карачаевцев играло коневодство. „Карачай издавна славился своей прекрасной, выносливой карачаевской лошадейю“,³ - писал знаток карачаевской лошади, автор ряда статей по коневодству Л.А. Ковтун.

По своему физическому типу карачаевская лошадь ближе всего стояла к кабардинской. Но, как доказал упомянутый уже П.А. Ковтун, ошибочно было бы „считать, что карачаевская лошадь не самостоятельная порода лошадей, а отродье кабардинской породы“. ⁴ Такого неправильного взгляда придерживались многие авторы XIX в., считавшие, что лучшие породы карачаевских лошадей происходили от смеси кабардинских лошадей с местной породой. На деле же карачаевская лошадь представляет собой самостоятельную породу, образовавшуюся от лошади монгольского корня. Бывали, конечно, случаи, когда карачаевцы держали кабардинских лошадей, однако, по утверждению специалистов, влияние других пород на карачаевскую лошадь было незначительным.⁵

„Единичные попытки некоторых крупных коневодов метизировать свою лошадь культурными верховыми и даже

¹ Полевой материал 1958 г Учкулан, Урусов Магомет

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 650. л. 5-6

³ П.А.Ковтун, П.Драгилев. Лошадь карачаевской породы ГПР "Коневодство", 1939 №10, 11 с. 17

⁴ П.А.Ковтун, Мишин Г.М. Государственный племенной рассадник карачаевской лошади Микоян-Шахар, 1940 С. 14.

⁵ П.А.Ковтун, Мишин Г.М. Ук. Соч., С.18

рысистыми жеребцами не отразились сколько-нибудь серьезно на физиономии породы", - писал о карачаевской лошади другой специалист по коневодству, Б.П. Войтяцкий.

Выносливая, неприхотливая в содержании, подвижная в езде, она широко использовалась и под седлом и как вьючное животное в горных условиях Карачая, где до середины XIX в. не было ни одной колесной дороги.

Наиболее ценным качеством карачаевской лошади была ее исключительная выносливость, способность к длительным переходам по труднодоступным горным тропам. Несмотря на каменистый грунт, лошадей не подковывали. Выносливость горских лошадей отмечена и в документах 1812 г.: "Горские лошади легки на ходу, способны ко всем лишениям, привычны к продолжительным трудам и крепки на ноги".¹

Лошадей не запрягали, а использовали под вьюк или верховую езду. „Конь - крылья мужчины", - говорили карачаевцы. Позже в Карачае славились лошади Алиева Тембота, Джараштиевых (красивы по статям, гнедые, со звездочкой на лбу) и производители Абуковых.² Больше всего лошади ценились в возрасте от 7 до 10 лет.

Особенно больших, тысячных табунов в Карачае не было, да и всего в первой половине XIX в. лошадей насчитывалось примерно 6500 голов,³ а к 1867 году их было 13625.⁴

В одно время самыми крупными табунами владели Крымшамхаловы. Так, Каншаубий Крымшамхалов имел 400 лошадей, Хаджи Мурза - 200, Тау Султан и Магомет Крымшамхаловы - по 100 лошадей, Бебра Крымшамхалов - 60, Абдурзак - 50, Паша - 30. Карабашевы имели: Адамит — 100 лошадей, Мусост - 20.

Разбогатевший уздень Ожай Байчоров имел 200 лошадей. Наны Хубиев - 160, эфенди Магомет Хубиев —

¹ Военно-статистическое обозрение С. 93.

² Полевой материал 1958 г. Учкулан

³ Военно-статистическое обозрение С. 133.

⁴ ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605. л. 19

100. У Пшемахо Дудова имелось 40 лошадей, у Ачахмата Дудова - 40, у Магомеда Боташева - 40 и т.д.

К началу XIX века только отдельные пережитки, как, например, родовые тавра, говорили о том, что некогда и скот был собственностью целого рода.

В XIX веке наряду с родовыми таврами существовали и фамильные. Родовыми таврами метили скот все фамилии, входящие в группы адурхаевцев, будияновцев, наурузовцев и трамовцев, фамильными - только члены данной фамилии.

Таврение скота проводилось весной, когда подрастал молодняк. Лошадям тавро ставилось, как правило, на левую ляжку, крупному рогатому скоту - на спину. Мелкий рогатый скот таврению не подвергали, а делали вырез на ушах, лишь изредка ставили тавро на щеке.

Распределение скота было крайне неравномерным. Фамилии биев и разбогатевших узденей владели сотнями голов крупного рогатого скота и тысячами голов овец, а бедные уздени, не говоря уже о кулах, имели одну-две, а часто не имели ни одной скотины.

Так, например, Каншаубий Крымшамхалов имел 400 лошадей, 75 голов крупного рогатого скота и 2500 овец; Давлет-Гирей Крымшамхалов - 500 овец; Абдурзак Крымшамхалов - 100 голов крупного рогатого скота и 600 овец; Абдурзак Боташев - 160 голов крупного рогатого скота и 700 овец; Ахмат Боташев - 500 овец; Тавгу Боташев - 700 овец;¹ Джанибек Салпагаров - 120 коров и 1900 овец; вдова Кучука Байчорова - 2000 овец; Чубур Байчоров - 1000 овец;² эфенди Магомед Хубиев - 2200 овец (данные 1868 года).

3. ОРГАНИЗАЦИЯ СКОТОВОДЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Скотоводство у карачаевцев носило полукочевой характер. Только незначительная часть скота зимовала в селениях, весь же остальной скот с летних пастбищ -

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 129. л. 80

² Там же, л. 81.

джайлыков перекочевывал на зимние - кышлыки. Вызывалось это недостатком сенокосных угодий и выгонов вблизи селений.

Под сенокосные участки – биченлик - использовали все подходящие кусочки земли. За ними тщательно ухаживали: очищали от камней, огораживали каменным забором (хуна), проводили к ним оросительные каналы и два-три раза в течение лета поливали.

Биченлики были очень невелики - половина, четверть десятины и даже меньше. Средним биченликом считался такой, который давал две-три копны в год.¹ Скошенного с биченликов сена едва хватало на прокорм дойных коров, рабочих быков и лошадей, которые содержались в хозяйстве на селе.

Весь остальной скот зимовал на кышлыках, которые располагались частью на тех же склонах, где и джайлыки, но значительно ниже (в глубоких балках или на южных склонах, где больше солнца и раньше появляется трава), а в основном - на арендованных землях вне Карачая.

Недостаток зимних пастбищ начал ощущаться уже в начале XIX века и еще острее - в последующие годы в связи с увеличением количества скота и ростом феодальной собственности на землю.

Лучшие зимние пастбища к началу XIX века были захвачены в частные владения. Внутри Карачая кышлыки хотя и считались принадлежащими всему народу, фактически же находились во владении бийских и богатых узденских фамилий. Им принадлежали целые урочища в десятки, сотни, а иногда и тысячи десятин.

Крестьянским массам приходилось с большим трудом и за высокую плату арендовать себе земли под кышлыки.

Поземельную зависимость карачаевцев от кабардинских феодалов отмечал еще в начале XIX в. и Платон Зубов: „Обитая в местах гористых и бесплодных, они должны для содержания многочисленных стад своих

¹ Полевой материал 1958 г. с. Терезе.

пользоваться пастбищными местами в землях кабардинских и платить за сие подать".¹

Определенных правил аренды земли в эти годы не существовало. Карачаевские скотоводы, обычно из более зажиточных фамилий, договаривались с князьями, делали им подарки скотом и оружием и пользовались за это правом пасти свой скот на абазинских землях.

Значительная часть земель, которыми пользовались карачаевцы под зимние пастбища, была отдана казачьим станицам, основанным в первой половине XIX в., и карачаевцам приходилось арендовать эти земли у казаков станиц Боргустанской, Кисловодской, Ессентукской, Суворовской, Баталпашинской, Усть-Джегутинской, Верхне-Николаевской, Кардоникской, Зеленчукской и Исправной. Всего на арендованных землях к 60-м годам у карачаевцев находилось до трехсот кошей.²

В 60-е годы часть свободных казенных земель была передана из ведения Верхне-Кубанского приставства Кабардинскому округу,³ и карачаевцы снова вынуждены были идти к кабардинским феодалам, которые получили предпочтительное право на аренду этих земель.

На зимних пастбищах скот находился с октября по май месяц. На них же проводился окот овец, который старались провести с таким расчетом, чтобы молодые животные прожили до зимы по меньшей мере полгода. На зимние пастбища карачаевцы обычно перекочевывали без жен и детей, оставляя семьи в аулах.

Зимние коши всецело напоминали дома в селениях, строились из больших бревен, с земляной крышей. Обычно в доме был дымарь над очагом, но окна бывали не всегда. Очаг чаще располагался в центре постройки, а по бокам были отгорожены места для сна. Такое ложе с соломенной подстилкой называлось - мурджар.

Н. Иваненков так описывал зимний кош: „В лучшем виде - это деревянный сруб из неотесанных бревен с таким

¹ Платон Zubov. Ук. Соч., С. 136.

² ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 235, л. 42

³ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 235, л. 41

же двухскатным потолком-крышей, ширина 4-5 аршин, длина 5-8 аршин, высота около 3-4 аршин. На двухскатную крышу насыпана толстым слоем земля. Пол в кочевке земляной, потолка нет, кочевка внутри и снаружи необмазанная".¹

Рядом с домом строились помещения для скота: конюшни для лошадей - ат орун, помещения для овец и коров - джатма, круглые плетеные загоны для доения овец - юзгере. Конюшни и коровники строились обычно из дерева, реже из камня или плетня. Наряду с закрытыми помещениями были полузакрытые.

Большой интерес представляет сохранившийся до наших дней кош Бегеуловых, расположенный на берегу реки Уллу-Кама в пяти километрах от аула Хурзук. По словам жителей аула, этому кошу не менее 150 или даже 200 лет. В центре коша находился большой крытый двор - башы джабылгъан арбаз. К толстому бревну, врытому в землю в середине двора, прикреплялись большие бревна, концы которых поддерживались специальными опорами. Поверх крыши насыпался толстый слой земли.

К двору примыкали три дома, срубленные из массивных бревен. Каждый дом состоял из трех отделений: уллу юй - большой комнаты или от юй - комнаты с очагом, кунацкой и кладовой - гёзен. Окна были маленькие, незастекленные. Низкие двери выходили на крытый двор. Дома эти давно нежилые. Последние годы они использовались как помещения для скота.

Недалеко от домов были расположены помещения для скота - бау, также деревянные. Рядом с ними стоит небольшой домик с дверью и двумя окнами, сложенный из белого камня, под земляной крышей. Это - отоу - дом для молодоженов.

Местность, в которой расположен кош Бегеуловых, чрезвычайно камениста. Рядом с домами высятся огромные кучи камня, которые были собраны с земли, чтобы сделать ее пригодной для посева и построек.

¹ Н. Иваненков. Ук. Соч. С.53-59

В снежные и холодные зимы много скота погибало от морозов и бескормицы. Заготовленного сена обычно хватало только для кормления коров с телятами и слабого скота, остальной же скот должен был добывать себе пищу сам.

В одну очень тяжелую зиму 1879-80 гг., прозванную аманкыш - плохая зима - погиб почти весь карачаевский скот. Снег шел почти каждый день и покрыл землю толстым покровом. К тому же свирепствовали метели и бураны. Многие хозяйства лишились в эту зиму всего скота. У Байчорова Джамбулата, например, погибло все стадо вместе с пастухом: в глубоком снегу не могли найти ни его, ни отары. Только весной, когда растаял снег, нашли их трупы. У Салпагаровых из десяти тысяч овец и коз остался один козленок.

Эта зима настолько памятна народу, что в течение многих лет она служила исходным пунктом для летоисчисления. Рассказывая о событиях последующих лет, карачаевцы обычно говорили, что оно произошло через столько-то лет после аманкыша.¹

Такой же тяжелой, холодной и снежной была зима 1844-45 годов. Главный пристав магометанских народов доносил в августе 1845 г. о бедственном положении народов, „потерявших от необыкновенной суровости зимы и недостатка кормов много скота”.²

Но и в обычные зимы к весне скот находился в плохом состоянии. „Высохшая на корню трава не содержит в себе никакой питательности, а потому к весне обыкновенно бараны, скот и лошади до того худеют, что если только трава весной показывается немногим позже обыкновенного, то начинается падеж от голода и после уже наступления весны самые незначительные болезни убивают худой бессильный скот, ослабленный еще более свежей травой”, - писал в отчете начальник Эльборусского округа.

¹ Полевой материал 1958 г. с. Учкулан. Коркмазов Э. говорит, что он родился в год аманкыша т.е. в 1879/86 году.

² ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, ед. хр. 822, л. 3.

По материалам, помещенным в этом же отчете, для прокормления скота, имевшегося у карачаевцев к 1867 году, необходимо было 2 миллиона 859 тысяч пудов сена. Карачаевцы же со всех сенокосных угодий - и арендованных и своих - собирали едва 2 миллиона пудов.¹ Вот почему скот ежегодно недоедал, а весной часто голодал.

Необходимым продуктом для питания скота является также соль. Отчасти ее можно было заменить использованием воды из минеральных источников. Н. Иваненков пишет, что если поить скот минеральной водой, то можно не давать ему соли.² Но минеральные источники использовали редко. Обычно соль для скота привозили с соляных озер, расположенных южнее Карачая, в частности — с Соляного озера, находящегося недалеко от ст. Баталпашинской (Тамбий кель).

С 20-х чисел мая скот начинали перегонять на летние пастбища: вначале гулевой, затем овец и лошадей и позже всех - овец с ягнятами и коров с телятами. Летние пастбища дольше, чем кышлыки, оставались в общем владении.

Население пользовалось летними пастбищами прежде всего в прилегающих к селу ущельях. Земли Уччулан, например, были расположены вверх по долине р. Уччулан и его притоков: Кичкине-Кол, Эндрю-Кол, Ак-тюбю, Гондарай, Махар и др.; земли аула Хурзук - по Уллу-Каму с притоками Хурзук, Гаралы-Кол, Узун-Кол, Кичкине-Кол до подошвы ледников Уллу-ёзен, Къаты-тау и др.

Жители Карт-Джурта пасли скот по реке Худес и обеим сторонам реки Кубани. Наиболее близкие к Карт-Джурту джайлыки были расположены по Сесколу и на Большой поляне Уллу-Тюз. Жители Дууута и Джазлыка пасли скот по ущелью Дууута и Гиляча.

Кроме этих мест, закрепленных обычаем, скот гонялся и на летние пастбища далеко за пределы Карачая - на плоскогорье Бийчесын на востоке и до Б. Зеленчука - на западе. Ветеринар С. Ваганов пишет, что издавна

¹ ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 21-22

² Н. Иваненков. Ук. Соч., С. 52-53

сложившейся границей между пастбищами карачаевцев и абазин была река Большой Зеленчук с истоком своим Псыжом. На такое разделение указывают и названия местностей - карачаевские с правой стороны Большого Зеленчука и абазинские - с левой.¹

Трава на летних пастбищах была густая, но мелкая. Чем выше был расположен джайлык, тем беднее и хуже была растительность на нем. У линии скал и ледников рос мох да совсем чахлая трава.

Лучшие пастбища, покрытые богатыми альпийскими лугами, были на возвышенности Бийчесын. Там имелись удобный водопой для скота и лес для построек и топлива.

На самых высоких пастбищах скот мог пастись очень недолго - с середины июля до середины августа, ниже - с июля по октябрь. Для охраны скота от набегов соседних народов выставляли караулы. Особенно охранялись горные перевалы, по которым скот мог быть угнан в Закавказье: Чипер-азау, Кичкине-Кол, Махар, Гондарайский, Гоначкир. Кроме специальных лиц, за безопасностью горных дорог должны были следить все пастухи и, в случае нападения неприятеля, сообщать об этом на ближайший кош, откуда скакали верховые на соседние коши или в аулы, чтобы собрать народ.

Более зажиточные карачаевцы имели на джайлыках постоянные коши - иногда закрытые со всех четырех сторон, иногда только с трех. Дымаря, как правило, в летнем коше не было: когда разводили огонь в очаге, то дым выходил через дверь. Нередко для коша использовали естественные пещеры и навесы скал. Наиболее бедные, вынужденные часто перегонять свой скот с одного клочка пастбища на другой, вместо коша ограничивались легким прикрытием, а иногда „кошем" для них служила простая бурка.²

Н. Иваненков приводит описание летнего коша Джауба Текеева: „Сруб сделан на скорую руку из сосновых брусков, щели между ними в вершок шириною ничем не

¹ С. Ваганов. Ук. Соч., С. 38

² С. Ган Ук. Соч. С. 69

заложены. Крыша состоит из положенных в ряд на два ската расколотых пополам брусков для защиты от дождя. На крышу не посыпана даже земля, дождь капает во все щели между пластинами. Вход в это жилище ничем не закрывается. Пол в нем, конечно, земляной. Налево от входа на земле находится место для сна; оно отгорожено от остальной части жилища сосновым брусом, земля на постели едва прикрыта сеном". Очаг в этом коше находился прямо посредине пола, дымая не было вовсе.

Что же касается тех бедняков, которые перегоняли скот каждые два-три дня и совсем не имели кошей, то они представляли совсем жалкое зрелище: „Бурки у них мокрые, обуты на босу ногу. Сидя вокруг едва горевшего огня из сырой березы, они провели холодную ночь".¹

На летние коши карачаевцы обычно брали с собой женщин и детей. Скарб: кадушки, деревянные корыта и ведра, тазы и кумганы перевозили на ослах и лошадях, а детей обычно переносили на себе женщины.

„Собрав свои скудные и неприхотливые пожитки, семья навьючивает их на ишаков и лошадей. Тут же, где-либо сбоку, прикрепляется колыбель с грудным ребенком, а с другого в корзинах козлята или ягнята, появившиеся на свет перед выступлением в путь", - писал Г. Петров. Далее он сообщает: „Уход за скотом, приискание пастбищ, выбор места для коша принадлежат главе семейства, а младшие его члены пасут стадо и исполняют домашние работы; доение коров, приготовление сыра, айрана, вытапливание жира, стрижку овец, соление и копчение мяса для годовой пропорции".²

Участки с хорошей травой на джайлыках использовались под сенокосы, а те, что похуже (на каменистых скалах, по старым руслам, на лесных полянах) - под выгоны. Почва на выгонах была каменистая, трава мелкая, но тем не менее питательная. Многие выгоны были покрыты камнями, а некоторые, кроме того, - кустарником.

¹ Н. Иваненков. Ук. Соч. С. 53, 57.

² Г. Петров Ук. Соч. С. 142-143

Одним из самых важных моментов в экономике карачаевца был покос. От того, насколько удавалось обеспечить скот сеном, зависела жизнь скота и благосостояние его владельцев.

Под сенокосы старались использовать все более или менее пригодные участки земли - и около селений и далеко от них - на арендованных казачьих, кабардинских, абазинских или казенных землях по течению рек Кумы, Подкумка,¹ Эшкакона, Кич-Малки, Джегуте, Эль-таркачу, Хасауту, Хумаре и др.

Урожайность трав на поливных сенокосах по берегам рек и на склонах гор была совершенно различной. В один и тот же год на биченликах с десятины собирали до 200 пудов сена, на лесных полянах - от 100 до 120 пудов, а на возвышенных местах - не более 50,² а иногда всего 20-30 пудов.³

Сенокос продолжался 2-2,5 месяца - с конца июля или начала августа и до конца сентября. „В горах ближе к самому Карачаю это самое удобное время для покоса, потому что там травы только в конце августа достигают необходимой зрелости“,⁴ - писал начальник Эльборусского округа Н. Петрусевич.

В середине июля, к началу сенокоса, некоторую часть скота (рабочий скот, дойных коров и овец) перегоняли на места будущих зимовок. Его использовали для работы и питания косарей. Остальной скот оставался пока на джайлыках.

В организации покоса в течение всего XIX века, а особенно первой половины века, сохранялись традиции общинных отношений и совместного труда. К началу покоса население села разбивалось на несколько групп для совместной работы. Объединение это, называемое джыйын - группа, выделяло старшего, которому подчинялись все остальные косари и который при косье шел впереди.

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 235, л. 42; ф. 774 оп. 1, ед. хр. 194, л. 43

² Труды Абрамской комиссии С. 21

³ Н. Иваненков. Ук. Соч. С. 57.

⁴ ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 21

Каждый косарь являлся со своей косой и пригонял для питания в период сенокоса дойных коров, а также баранов, валухов или бычков. Питание косарей было общим. В джийын объединялось 15-20 дворов. Каждая семья выделяла столько косарей, сколько могла. На покос ехали и взрослые и подростки. При учете того, сколько скошено, подростка или слабого косаря считали за половину работника — джарымчалкычы, а особенно хорошего косаря - за 1,5 чалкычы.

Норму устанавливал тамада джийына. Обычно косарь должен был выкосить за день полдесятины или сложить 2,5-3 копны.¹ Самый веселый и остроумный из косарей избирался аксакалом. Он веселил и развлекал людей во время работы, подбадривал их веселой шуткой. В карачаевском фольклоре существует шуточная песня аксакала. С тех, кто нарушил общепринятые правила, аксакал, ради шутки, взимал штраф барашком, который шел в общий котел.

Рабочий день косарей длился от зари до зари. Завтракали в 9-10 часов утра, обедали в 3-4 часа, а ужинали после окончания работы. Во время коротких перерывов пили сусаб или айран, направляли косы. Если неподалеку друг от друга работали две партии косарей, между ними возникало соревнование - кто больше накосит. Если одна из партий отставала, другая помогала ей.

Окончив покос, приступали к дележу сена. Делили по количеству имевшегося скота, а тем, у кого скота было немного и требовалось меньше сена, приплачивали за труд скотом (позже - деньгами).

Считалось, что один косарь за время покоса может накосить сена для 30 коров, то есть 150-200 копен (из расчета 5-7 копен на корову). При этом для удобства расчета весь скот приравнивался в определенной пропорции к крупному рогатому скоту. Тем же количеством сена, которое требовалось для одной коровы, можно было прокормить или 10 баранов, или 20 ягнят (при

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 646, л. 3

наличии и подножного корма), или 5 телят, или лошади.

Сено, скошенное с ближних покосов, привозили в аулы. Для доставки его использовали особое приспособление - балас. При помощи длинного ремня к ярму привязывали одну или две жерди с рогатинами, на них укладывали сено и волоком тащили. Зимой сено перевозили на санях - чана. На кышлыках сено укладывали в скирды. Там же строили сараи, после чего пригоняли скот.

С окончанием покоса джыйын распадался.

Но были и более прочные объединения - так называемые кошевые товарищества — кьош-нёгерлик. Каждое товарищество состояло из пяти или шести хозяйств для совместной зимовки. Товарищи-нёгеры вместе заготавливали сено, строили помещения для зимовки, вместе перегоняли скот и ухаживали за ним всю зиму.

Когда стал остро ощущаться недостаток земель под зимние пастбища, члены товарищества начали сообща арендовать их. Договор о взаимных отношениях членов товарищества заключался словесно на одну зимовку или на несколько лет. Кош-нёгерлик возник в период общинного строя как объединение равных членов с равными обязанностями и правами. Народ и позже боролся за сохранение этого равенства. В народной пословице говорится: „Если хочешь идти в нёгер, то будь равным, а не хочешь быть равным, лучше и не ходи в нёгер".¹

Но по мере разложения общинных отношений и феодализации карачаевского общества, джыйын и кош-нёгерлик изменили свой первоначальный характер. Наряду с равноправными товариществами, в которых карачаевцы - скотоводы дружно работали для общей пользы, поровну делили тяготы и доходы, появились другие объединения, основанные на эксплуатации одних членов объединения другими. Разбогатевшие уздени старались использовать товарищества в своих корыстных целях. Они подбирали в джыйын или кош-нёгерлик малоимущих крестьян, которые

¹ Из собрания пословиц С. Ч. Алиева.

должны были половину своего труда отдавать организатору товарищества. Использование джыйына и кош-нёгерлика, как формы эксплуатации, облегчалось для разбогатевших общинников тем, что в их руках сосредотачивались земельные богатства и им легче было арендовать недостающую землю.

И для покоса и для кошевого товарищества требовалась земля, которой у бедняков не было. Богатые лица собирали товарищество и вместе арендовали землю, но с таким расчетом, чтобы вся тяжесть аренды падала на бедняков. В середине XIX века во главе товариществ стояли такие зажиточные члены общества как Ожай Байчоров, Джамбулат Байчоров и др.

Они арендовали у кабардинского князя Магомета Наурузова большой участок земли, который не только сами использовали для своего скотоводства, но и сдавали в аренду мелким арендаторам.¹

Б. Миллер писал о товариществах для совместного содержания лошадей: „Первенство среди сотоварищей принадлежит владельцу наибольшего числа лошадей, он лично дает согласие на принятие чужих косяков в общий табун и заключает условия с новыми компаньонами”.²

Так же, как и кош-нёгерлик, в форму эксплуатации превратился ортак - обычай сдачи скота в аренду для прокорма и ухода. Упоминания об ортаке у карачаевцев имеются у многих авторов XIX века и в архивных документах.³ Исследованию этого вопроса посвящены также работы: А. Терентьева „Ортачное право в Карачае”⁴ и Е.Н. Студенецкой „Ортак - одна из форм эксплуатации в Карачае и Балкарии (конец XIX- начало XX в.)”.⁵

Ортачные отношения существовали главным образом между родственниками. Разбогатевшие члены фамилий

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 235, л. 43

² Миллер. Из области обычного права карачаевцев//Этнографическое обоз. 1902 №3 М..С.77

³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 129, л. 53

⁴ “Революционный Восток”. 1929. № 7.

⁵ Сборник трудов Карачаево-Черкесского государственного пед. инст., вып. 1, Нальчик 1958.

отдавали часть своего скота более бедным родственникам, которые кормили его и ухаживали за ним за определенную плату натурой - скотом. Иногда к ортаку прибегали и бедные семьи, в которых не было рабочих рук для ухода за скотом: вдовы с малолетними детьми, престарелые люди. В ортак отдавался в основном мелкий рогатый скот, реже - коровы и совсем редко лошади.¹

А. Терентьев подчеркивает неразработанность, нечеткость, „домашний” характер ортачного права, выразившийся в натуральной оплате и в различных взысканиях в случае нарушения ортака, зависимость от степени родства.²

По мере разложения общинных отношений родственные связи играли все меньшую роль при заключении ортака, в то же время ярче становилась эксплуататорская сущность этого института. Недаром в народе сложилась пословица: „Пусть солнце и луна будут ортачными, но пусть скот не будет ортачным”, показывающая отрицательное отношение народа к ортаку. Принявший на ортак скот не только экономически зависел от его владельца, но и юридически попадал в зависимое положение. Он обязан был оказывать владельцу полнейшее уважение, исполнять во всем его волю, отчитываться перед ним.

Договор о сдаче скота в ортак обычно был односторонним. Он оговаривал, в первую очередь, обязанности берущего скот на ортак. Нарушение условий договора лишало взявшего скот в ортак всякого вознаграждения. Хозяин мог даже отобрать у него весь скот раньше срока.³

Среди многообразия форм ортака выделяются три основные формы: 1. Чегем-ортакъ (по названию одного из ущелий Балкарии). 2. Къошхан-ортакъ - присоединительный ортак. 3. Къошмагъан-ортакъ - не присоединительный ортак.

¹ Труды Абрамовской комиссии С. 31.

² "Революционный Восток". 1929, № 7. С. 332.

³ В.М. Сысоев ук. соч. С. 83.

Чегем-ортакъ являлся наиболее выгодной формой ортака. Скот брался на пять лет с условием возвращения такого же количества голов. Берущему скот на ортак оставались весь приплод и молоко овец. Шерсть от основного скота отдавалась хозяину, а от приплода - тому, кто ухаживал за скотом. Кроме того, пасущий давал хозяину ежегодно 2 барана и летом 2 ягненка.¹ К этой форме прибегали обычно родственники или лица с примерно равным имущественным положением, когда не имели возможности сами ухаживать за скотом.

Къошхан-ортакъ - ортак с прибавкой применялся в том случае, если обе стороны владели скотом. Взявший в ортак определенное количество скота должен был добавить от себя половинное количество, а по истечении пяти лет весь скот вместе с приплодом делился пополам между хозяином и ортакчиком. Шерсть также делилась пополам, а молоко целиком шло взявшему скот. Овец на зарез хозяин и пасущий брали в равной доле. За пропавших овец отвечал ортакчик.

Къошмагъан-ортакъ - ортак без прибавки применялся при отдаче скота беднякам, не имевшим своего скота. В течение пяти лет взявший на ортак скот ухаживал за ним, изыскивал средства для прокормления, часто вступая и кош-нёгерлик, а по истечении срока получал 1/3 или в лучшем случае - 2/3 скота. Наиболее распространенным вариантом было деление скота и шерсти в пропорции: 1/3 ортакчику и 2/3 хозяину. Реже применялся второй вариант - раздел скота пополам.

Ийнек-ортакъ или туар-ортакъ (коровий или скотский ортак) имел примерно те же условия. Летний удой молока подлежал разделу в такой же пропорции: при кошмагане 1/3 ортакчику и 2/3 хозяину, при кошгане - пополам. Осенний и зимний удои целиком поступали взявшему скот.

Лошадей очень редко сдавали в ортак и, кроме обычной платы натурой, владелец лошадей ежегодно

¹ "Революционный Восток". 1929, № 7. С. 333.

приплачивал ортакчику определенную сумму в виде вознаграждения.¹

Многовековой опыт обращения со скотом выработал у карачаевцев определенные навыки в лечении заболеваний скота. При ящуре протирали рот и копыта заболевшего скота тряпкой, смоченной в соленом растворе, давали нюхать серу. При воспалении легких пускали кровь. От чесотки лечили особым растением - андыз, от червей - смесью, состоящей из смолы, сметаны и меда.

Интересно, что задолго до того, как в Карачае появилось оспопрививание, карачаевцы практиковали его на скоте. От заболевшей овцы брали кровь или сукровицу, перемешивали в ведре и потом этой жидкостью обрызгивали здоровых овец. Овцы заболевали в легкой форме и быстро поправлялись. Умели лечить также переломы у скота: вправляли поломанную кость, обматывали тряпкой и привязывали дощечки.

Наряду с народной медициной еще большую роль играло знахарство. Чтобы корова не заболела, на рога и хвост ей вешали красный лоскут. Когда у скота заводились черви, на хвост вешали ременные чувяки - чабыр. При приготовлении раствора для оспопрививания кровь в ведре размешивали прутиками, привезенными из Стамбула.

Жизнь карачаевца-скотовода сопровождалась множеством обрядов. Начало или благополучное завершение тех или иных работ сопровождалось обычно курманлыком — жертвенным угощением.

В период осенней стрижки каждый хозяин старался пригласить побольше родственников и соседей на помочи-мамнат. С этой целью он резал самых жирных баранов или бычков и щедро угощал всех присутствующих. Такой же курманлык устраивался после благополучного перегона скота на зимние или летние пастбища, при таврении или кастрации скота и т.д.

Курманлыком же отмечали первый приезд мальчика на кош в возрасте 7-8 лет и первое участие юноши в покосе (с 13-15 лет).¹

¹ Труды Абрамовской комиссии... С.31.

Охота в XIX веке уже не играла большой роли в хозяйственной жизни карачаевцев, хотя леса и горы Карачая были очень богаты дичью.

Частое упоминание охоты в народных песнях и сказках, а также наличие в языческом пантеоне карачаевцев бога охоты Апсаты свидетельствуют о том, что прежде охота, наряду со скотоводством, была одним из основных занятий мужчины.

4. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Земледелие играло значительно меньшую, чем скотоводство, роль в экономике карачаевцев, но, тем не менее, они относились к обработке земли с исключительной тщательностью.

В Карачае, который представлял собой „крутонаклонный массив с непрерывной цепью хребтов отрогов“, ² очень мало было земель, пригодных для пашни. Лишь в некоторых местах речных долин, где у подошв гор приютились карачаевские селения, можно было заниматься земледелием.

Пахотные земли в основном группировались вокруг селений. Каждое село представляло собой группу беспорядочно расположенных усадеб с довольно далеко отстоящими друг от друга домами. Между домами тянулись усадьбы, сабаны, биченлики, покрытые сетью оросительных канав.

Каждый хоть немного пригодный для земледелия участок земли очищали от многочисленных камней, которыми покрыты долины рек, окружали его каменным забором - хуна, удобряли, поливали и только при самом старательном уходе получали сносный урожай.

„Каждый вершок земли добыт потом и кровью человека“, ³ - писал о карачаевцах Г. Чурсин. Слой „плодородной земли, очищенной от массы покрывавших ее

¹ Полевой материал 1958г. с. Учкулан

² Труды Абрамовской комиссии... С.46

³ Г. Чурсин. Экономическая жизнь Карачая// "Кавказ", 1900, №332

камней, был очень тонок. Южные ветры иссушали почву, способствовали еще большему ее выветриванию.

Почвы были истощены непрерывными посевами в течение многих-многих лет. Говоря о скудности карачаевского земледелия, начальник Эльборусского округа Н. Петрусеви́ч писал: „Главная причина этому, конечно, в суровости климата и бедности почвы, но не менее важно и то обстоятельство, что земли в середине Карачая, бедные, по содержанию необходимых для произрастания хлебов веществ, запахиваются из года в год без всяких перерывов по крайней мере 300 лет”.¹

Обвалы и горные потоки часто в течение нескольких минут уничтожали работу многих лет по очистке сабана или биченлика. Посевы страдали от весенних заморозков и порою рано наступивших осенних холодов. Но и в таких неблагоприятных условиях карачаевцы продолжали упорно и терпеливо отвоевывать у природы пригодные для земледелия участки и возделывать их.

В карачаевских пословицах отражено то уважение, с которым относился народ к земледелию: „Богатство - в земле, кто не пашет, богатым не будет”; „Ячмень и пшеница - это главное, а золото и серебро - пустое”.²

Будучи уже много лет мусульманами, карачаевцы не забывали и языческого бога земледелия - Эрирея. Ему были посвящены песни, которые пелись во время сельскохозяйственных работ, в частности во время молотбы хлеба.

В добрых пожеланиях хорошей жизни и богатства, среди прочих благ, упоминается и сабан, дающий большой урожай: „Пусть урожай будет так хорош, что четвертью не измерить колос, пусть хлеба будут так густы, чтобы между ними змея не могла проползти”.

Но эти пожелания, к сожалению, редко осуществлялись. Обычно урожаи были очень невелики -

¹ ГАКК. ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 11

² Из собрания карачаевских пословиц С. Ч. Алиева: "Байлыкь - джердеди, джер сюрмеген байырмаз. Арпа, будай - аш кибик, алтын, кюмюш - таш кибик.

сам 2 или сам 3, а иногда и меньше. «В других же местах хотя и производится посев, но урожай настолько мал, что едва вознаграждает труды»,¹ - писал Н. Петрусевиич. „Стебель хлебный бывает самый маленький, не более 6 вершков вышиною”.²

При таких небольших урожаях, собранных с крошечных сабанов, карачаевцы, разумеется, не могли обеспечить себя хлебом. Только 1/8 часть хлеба необходимого для прокормления народа, собиралась со своих полей. остальные же 7/8 вынуждены были приобретать на стороне.³

Несмотря на упорный труд и борьбу за каждый клочок земли, пахотных земель в горных карачаевских селениях собиралось: в Карт-Джурте - 450 десятин (вместе с усадьбами), в Учкулане - 568 десятин, в Хурзуке - 382 десятины, в Дуууте - 249 десятин и в Джазлыке - 873 десятины.⁴

Учитывая данные о населении этих сел в 60-е годы (за неимением более ранних) - 5640 человек в Карт-Джурте, 4617 человек в Учкулане и 4729 человека⁵ в Хурзуке, - мы можем вычислить, каким ничтожным был душевой надел пахотной земли. В Карт-Джурте в среднем на одного человека приходилось 0,08 десятины, в Учкулане - 0,12 десятины, в Хурзуке - 0,08 десятины (по Дуууту и Джазлыку данных о населении нет).

В земледелии не так ярко бросалась в глаза имущественная дифференциация населения, как в скотоводстве, но, тем не менее, и от малоземелья страдало больше всего беднейшее крестьянство.

По сведениям Абрамовской комиссии пахотные земли „распределялись крайне неравномерно: встречаются дворовые земельные участки в 5 и более десятин,

¹ ГАКК. ф. 774, оп. 1, ед. хр. 144, л. 2

² ГАКК. ф. 774, оп. 1, ед. хр. 466, л. 45

³ Труды Абрамовской комиссии... С. 26

⁴ ГАКК. ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 8

⁵ Труды Абрамовской комиссии... С. 26

некоторые не превышают четверти десятины, но много и таких, которые ничего не имеют".¹

С увеличением числа населения все острее становился вопрос о земле. Внутри карачаевских гор некуда было расширять запашку; единственным выходом было производство посевов вне Карачая, на арендованных землях. В 60-е годы начальник Эльборусского округа писал: „В последнее время каждый стал считать необходимостью запахать земли в середине зимовки, нанимаемой на казенных или казачьих землях".²

Передача Эшкаконского участка казенных земель из ведения Верхне-Кубанского приставства Кабардинскому округу в 1864 году ограничила увеличение посевной площади на этих землях, так как начальство Кабардинского округа возражало против распашки земли.³

Пахота производилась грубым деревянным плугом - каладжюк, с металлическим лемехом (сабан-темир). Главными частями каладжюка были: деревянное оснрвание из толстой доски - къанга, на заостренный конец которой одевался лемех (сабан-темир); коленообразное основание - луккур - с ручкой, за которую держался пахарь при пахоте; жердь (ылысхын) и ремень (чынды), соединяющие соху с ярмом (боюнсха).

Деревянную часть каладжюка каждый крестьянин делал сам из березы или клена. Она служила 5-6 лет. Железный лемех изготовлялся в кузнице, он изнашивался быстрее и его меняли через 2-3 года, а иногда и ежегодно.

За день каладжюком, в который впрягали пару быков, можно было вспахать средний сабан - до 600 кв. сажен. Глубину вспашки можно было регулировать. Если ремень привязывался ближе к плугу - пахота была мельче, а если дальше от плуга - пахота производилась глубже.⁴ Но глубокая вспашка почти не применялась, так как плуг выворачивал камни из нижнего слоя земли. Борона -

¹ Труды Абрамовской комиссии... С. 26

² ГАКК. ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 11

³ ГАКК. ф. 774, оп. 2, ед. хр. 235, л. 53

⁴ Н. Иваненков. Ук. соч.; С. 65

сибиртги — была еще примитивнее. Между двух досок зажимался пук хвороста (чаще от березы), а на доски клалась небольшая тяжесть (обычно камни), чтобы не вытащить зерен из земли.

Уборку хлеба производили серпами, которые или делали в своих кузницах, или покупали у соседей. С середины XIX в. серпы стали покупать у русских.

Сено косили косами своего производства, которые по форме напоминали кинжал. Коса имела обоюдоострое лезвие и косить ею можно было в обе стороны. Чтобы прикрепить ручку к лезвию, использовали рога козы или барана. Позже стали применяться покупные русские косы.

При молотье применяли деревянные вилы, на зубья которых для прочности одевали козы рога. Зерно веяли легкими деревянными лопатами.

Обмолоченное зерно ссыпали в деревянные ящики (гюрбе), вмещавшие по 20 пудов. Для очистки зерна делали специальный венчик из трёх веток барбариса (аулау) и им сметали полову.¹

Помол зерна производился на водяных мельницах (тирмен). Ручей, проведенный от реки, вращал вал с укрепленными на нем жерновами. Сверху, на жернова сыпалось зерно, которое, попадая между двумя жерновами, перетиралось в муку или крупу. Крупу приготавливали также дома в деревянной ступе - кели.

Рано стали карачаевцы высевать яровую пшеницу. Полковник Буцковский еще в 1812 году в своем описании Карачая упоминает о том, что жители его сеют яровую пшеницу и ячмень.² Шаховской в 1834 году писал, что карачаевцы „засевают пшеницу, ячмень и частью овес”.³ Те же культуры названы в Военно-статистическом описании: „Земледелие у них скудное, сеют хлеба самое малое количество. Посев заключается в кубанке (род пшеницы), ячмене и овсе”.⁴

¹ Полевой материал 1958 г. с. Учкулан

² ЦГВИА, ф. 414, ед. хр. 300, л. 78.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 19247, л. 1-33

⁴ Военно-статистическое обозрение. С. 133.

Кукурузы в первой половине XIX в. сеяли очень мало. В отчете начальника Эльборусского округа Н. Петрусевича за 1867 год указано, что карачаевцы „ни проса, ни кукурузы не сеют, потому что ни то, ни другое не вызревает в Карачае, и слишком долгая жизнь внутри гор заставила их довольствоваться только ячменем, овсом, пшеницей и только в последнее время они стали обращать внимание на картофель".¹

Первые цифровые данные о посеве хлебов относятся к 1867 году. В этом году было посеяно и собрано (в четвертях):

Название аула	Ячмень			
	В Карачае		Вне Карачая	
	посеяно	собрано	посеяно	собрано
Карт-Джурт	2805	8196 1/2	1141	3107
Учкулан	1527	6970	650	1333
Хурзук	3111	12524	—	—
Итого:	7443	27690 1/2	1791	4440

Название аула	Пшеница			
	В Карачае		Вне Карачая	
	посеяно	собрано	посеяно	собрано
Карт-Джурт	100	290	68	121
Учкулан	125	187	194	446
Хурзук	89	122	—	—
Итого:	314	599	262	567

Название аула	Овес			
	В Карачае		Вне Карачая	
	посеяно	собрано	посеяно	собрано
Карт-Джурт	181	396	17	35 ½
Учкулан	239	708	50	140
Хурзук	294	896	—	—
Итого:	714	2000	67	175 ½ ²

¹ ГАКК ф.452, оп.1, ед. хр. 605, л. 16

² ГАКК ф.452, оп. 1, ед. хр. 605, л.12-13

Из таблицы видно, что самые большие посевы ячменя внутри Карачая были у жителей Хурзука, поэтому посевов вне Карачая они не производили совсем. Самый высокий урожай давал ячмень, причем в Учкулане и Хурзуке урожай был выше (сам 4),¹ чем в Карт-Джурте (сам 2). Средний урожай этой культуры был несколько меньше, чем сам 3. На посевах вне Карачая ячменя собирали еще меньше - сам 2. Пшеница лучше всего родилась в Карт-Джурте (немногим больше сам 2). В целом же урожай ее как в Карачае, так и вне его, был меньше, чем сам 2. Овес, посевы которого были невелики, давал урожай сам 3 на территории Карачая и сам 2 вне его.

Таким образом, если учесть, что население Карачая в этот период превышало 15 тысяч человек, то станет ясно, что собранных трех с половиной тысяч четвертей хлеба было совершенно недостаточно.

Подготовка к весенним полевым работам начиналась ранней весной с очистки участков от камней. Каждую весну и осень производили эту работу трудолюбивые карачаевцы, и каждый год, когда таяли снега, ручьи с гор снова заносили участки камнями.

Из убранных камней складывали стены - хуна, которыми защищали сабаны от скота. Очистив сабан, приступали к удобрению. Всю зиму собирали скотоводы навоз, складывали его в кучки, а затем в большую плетенку (ишкиль), которую можно было поставить на арбу и перевезти в поле.

В конце февраля или в начале марта, когда выпадал легкий снежок, навоз вывозили на поля и тонким слоем разбрасывали. Там он лежал до середины апреля. Весенние дожди размывали его по всему полю. Потому навоз и вывозили заранее, чтобы он успел до пахоты войти в почву.²

Иногда навоз вывозили на поля с осени, и он всю зиму лежал под снегом в скирдах, а весной его рассыпали по

¹ Сам - во столько-то раз больше посеянного.

² Полевой материал 1958 г. с. Учкулан

сабану. В целях удобрения производилась также осенняя пахота.

„Если бы не сильное уваживание и поливки, то эти земли сами по себе не дали бы никакого урожая, до того они истощены“, - писал о карачаевских землях Н. Петрусевич.¹ Кроме того, горное солнце, нагревая окружающие аул каменистые склоны, так сильно согревало почву, что без орошения здесь ничего не могло расти. Карачаевцы были большими мастерами строительства оросительных сооружений. Издавна поселения были перерезаны целым рядом оросительных канав, которые всегда поддерживались в исправности.

„Часть пахотных земель, с которых карачаевцы получают свое небольшое количество хлеба, лежит при слиянии истоков р. Кубани - Учкулана и Хурзука. Все эти земли сильно уваживаются и орошаются целой системой водопроводных каналов, проведенных часто за 7 и 8 верст, и, конечно, работы эти и на плоскости, по ровным местам, заслуживали бы внимания и в Карачае тем более потому, что канавы проходят часто по скалам, через которые вода передается целой системой полутруб, так как на пробитие скал у проводивших воду не доставало средств и, может быть, знания“, - писал Н. Петрусевич.² Отсутствие орошения понижало стоимость земли "чуть ли не в 8 раз", так как без поливки в Карачае ничего не родилось.

Через каждое село поверх сабанов и биченликов шла главная оросительная канава - уллу илипин (большая канава). От нее отходили средние канавы - орта илипин, проходящие между кварталами. Ответвления от средних канав, идущие непосредственно на сабаны, назывались гитче илипин - маленькая канава.

В Учкулане было шесть больших канав, из них пять отводили воду из р. Учкулан (четыре справа и одна слева) и одна из р. Хурзук. Последняя канава была проведена в первой половине XIX в. 51 домохозяином, поэтому только их потомки получили право пользования водой.

¹ ГАКК. ф-452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 11

² ГАКК. ф. 774, оп. 1, ед. хр. 144, л. 1-2

В 60-е годы встал вопрос о проведении новой оросительной канавы в той части Карт-Джурта, которая лежала на левом берегу Кубани. Сельское общество вынесло специальный приговор, чтобы все жители приняли участие в этом деле.¹ Проведение этой канавы сделало бы плодородной долину в 4-5 верст в длину и 200-500 сажен в ширину.

За оросительной сетью тщательно следили. Головные канавы очищали всем селением, средние - кварталом, а маленькие по очереди. Каждая семья выделяла для очистки канав по одному человеку. Во второй половине XIX в. за состоянием оросительных канав следили нанятые обществом лица - илипинчи.

Воду пускали по очереди то на один сабан, то на другой, следуя определенным правилам, сложившимся в течение многих лет поливного земледелия. За очередностью следил специальный выборный - суучу.

В Большом Карачае воды было достаточно, поэтому споры из-за нее были редким случаем. Чаше ссорились из-за земли,² которой было так мало.

Орошать поля начинали не сразу после пахоты, а только тогда, когда взошедший ячмень давал третий листок и когда выпускал метелку. Полив производили в течение лета 3-4 раза, в дождливое лето - 2 раза. Биченлики поливали чаще, чем сабаны.

Пахота начиналась в первой половине апреля, не позже 20 числа. Пахали каладжюком, в который запрягали быков, специально пригнанных с зимних кошей. Чтобы скорее обработать участок, устраивали маммат-помочи. Соседи и родственники приходили помогать со своими быками и плугом. По окончании пахоты устраивался курманлык - жертвенное угощение. Бороновали сразу же после пахоты.

Севооборот в Карачае совершенно отсутствовал. Из года в год в течение десятков и сотен лет на сабанах сеялся ячмень и изредка — пшеница. Только обильное орошение и удобрение помогали избежать неурожаев.

¹ ГАКК ф.774, оп. 1, ед. хр. 144, л. 5

² ГАКК ф.452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 7

Ячмень поспевал в первой половине августа, пшеница - немного позже. Жали в основном женщины, иногда помогали и мужчины. Если посе́вы были значительны, созывали также маммат. Сжатый хлеб связывали в снопы и складывали по 20 снопов в крестцы - беджен. Там он стоял дней 6-7, пока не высыхал, затем его собирали в скирды - антау. В антау, чтобы хлеб доспел, его держали полтора-два месяца. Вокруг антау, во избежание порчи хлеба скотом, ставили изгородь. После жатвы на стерню пускали скот.

Характерно, что сабаны, которые к XIX в. стали безусловной частной собственностью, после уборки урожая превращались в общее пастбище, на которое пускали весь скот без разбора. Это лишний раз подчеркивает, что в истории Карачая был период, когда и пахотная земля находилась в общинной собственности.

Хлеб в скирдах лежал до конца сенокоса. Когда мужчины возвращались с покоса в аул, тогда начиналась молотьба. Производилась она на токах, сделанных на краю сабана.¹ Для этого отводилась круглая площадка такого размера, чтобы по ней могли ходить вокруг столба шесть быков. Она тщательно расчищалась, поливалась водой, утаптывалась ослами, а затем выравнивалась бороной и смазывалась коровьим навозом. Получался хорошо утрамбованный ток. В центре его заранее вкапывался столб (перед тем, как пустить ослов).

Для молотбы отбирали хороших быков. Чтобы они не ели ячмень, на морды им одевали намордники из хвороста. Быков связывали длинным сыромятным ремнем из бычьей кожи (манс) привязывали к столбу и гоняли вокруг него по уложенным на току снопам. Обмолоченное зерно провеивали и убирали, а солому употребляли на корм скоту. Обычно ее смешивали с сеном.

При молотьбе пели песню „Эрирей". В ней призывали народ быть щедрым и добрым. В песне поется, что Эрирей произносится всем селом и тем ветром, которым веяли зерно. Поюшие обращались к быкам, уговаривая их

¹ Полевой материал 1958 г. С.Терезе

работать и обещаю отдых после всех трудов и хорошую жизнь на летних пастбищах.

„Вставайте, уже заря засветилась!

Разложим снопы на току.

До полдня дважды уберем солому,

А они (быки) все обмолят".

Глава II. РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ

1. РЕМЕСЛО

Недостаток земель и скудность почвы, с одной стороны, а с другой — наличие большого количества шерсти - этого основного сырья для валяния бурок и войлоков, для тканья горских сукон и т. д. - привели к тому, что ремесло в Карачае получило довольно большое развитие. Оно стало дополнительным источником существования, подспорьем в хозяйстве карачаевца. Первые же путешественники, писавшие о Карачае, подчеркивали высокое развитие ремесла, особенно бурочного и ткацкого.¹

Несмотря на то, что хозяйство карачаевцев носило натуральный характер и ремесло не отделилось еще от сельского хозяйства, налицо были некоторые элементы товарного производства. Каждая семья изготовляла для собственного потребления все: одежду, обувь, орудия труда. Но часть изделий предназначалась и для обмена.

Профессиональная специализация в ремесле была незначительной. Только кузнечное ремесло да частично деревоотделочное выделились, как особые профессии. Всеми остальными видами ремесел, занимались одновременно одни и те же лица. Разделение труда было незначительным. Сегодня карачаевка валяла бурку, завтра она же шила обувь себе и детям или варила мыло, а на следующий день садилась за ткацкий станок.

Женщины были главными труженицами в ремесленном производстве Карачая. „Женщины бесспорно, главные деятельницы местного кустарно-промышленного дела: на них лежит наибольшая и самая тяжелая часть труда“, —

¹ ЦГВИА, ф. 414, ед. хр. 300, л. 78 Карачаевцы "занимаются более скотоводством и выделением сукон и бурок, которыми торгуют" - Торнау (ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 1854, л. 1-18)

писал знаток кустарных промыслов Северного Кавказа О.В. Маргграф".¹

Специфически женскими промыслами были: шерстобитье, изготовление бурок, валянье мелких изделий (чулок, шляп, а также полстей), ткачество, плетение из шерсти, окраска сукон, металлическое плетение, шитье золотом и серебром. Кроме того, женщины занимались скорняжным и сапожным ремеслами, обрабатывая овечьи и козьи кожи и обувая детей и себя.

Мужчины занимались кузнечным и деревообделочным промыслом, делали седла, ремни, обрабатывали кожи крупного рогатого скота, шили грубую рабочую обувь.

Ремесло было в основном ручным, почти без применения станков.

Так, для изготовления карачаевских бурок, которые славились своей прочностью и удобством, применяли простой плетень - джамчы четен, грубый гребень - таракъ да щетку для поднятия ворса - джамчы таракъ.

Кожи обрабатывали деревянным вальком - джатхан талкъы. Сукно ткали на самом примитивном станке. А тончайшую художественную резьбу на деревянной мебели и посуде делали простым ножом.

Ножи, мотыги (чага), кувалды (салта), лемех для плуга (сабан темир), ножницы для стрижки овец (къой къыбты), различные инструменты для обработки дерева (аталгы, юнъюч) и другие изделия из железа делали кузнецы.

Территория Карачая богата природными ископаемыми: серебряной, свинцовой и железной рудой, медным колчеданом, каменным углем и т.д. В основном эти богатства до второй половины XIX века не использовались.

В пещере на речушке Сескол около Карт-Джурта и сейчас лежат целые горы шлака. По преданиям, здесь несколько веков назад добывал железо еще Боташ. Разработки продолжались и позже. Железо изготавливали при помощи сырого дутья, доводили металл до мягкого состояния, а затем ковали.

¹ О.В. Маргграф. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. Москва 1882 г., С. XXXI

В описании Карачая, сделанном Буцковским в 1812 году, указывалось, что „карачаевцы выделывают пули и плавят железо".¹ Из железа изготавливали боевое оружие, орудия сельского хозяйства и ремесла, предметы домашнего обихода.

Конкурентами карачаевских мастеров по обработке металла являлись дагестанские мастера. Они привозили в Карачай ружья, кинжалы, медную посуду: тазы, казаны, кумганы, серебряные пояса и украшения.

Дагестанцы привозили с собой не только готовые изделия, но и изготавливали их на месте. Часть кумыков оседала в Карачае продолжая там жить и ремесленничать.

Кумыки работали в основном по серебру, золоту и меди. Ремесло свое они держали в секрете, стараясь, чтобы карачаевцы не переняли их искусства. Медные изделия не отливали, а ковали (например, большие тазы с низкими бортами, казаны и т.д.).

Из серебра делались различные украшения к женскому костюму: пояса, нагрудники, серьги, браслеты, брошки, наперстки, а также украшения для конской сбруи: уздечек, подпруг и т.д. Серебро украшали чернью. Особо хорошо красиво умели дагестанские мастера отделывать оружие - кинжалы, ружья.

Только охотники в Карачае продолжали сами делать охотничьи ружья.² Железные орудия труда по-прежнему делали кузнецы-карачаевцы. Большие кварталы - тийре имели своих кузнецов, которым платили не поштучно, а за всю работу сразу. Каждый дом данного тийре должен был дать кузнецу по одному барану в год.

Немногочисленные тийре объединялись для содержания кузнеца.

Кузнец считался почетной фигурой в карачаевском обществе. Лучшие из них старались обучить своему ремеслу других и славились на весь Карачай. Такие кузнецы пользовались от общества различными льготами и

¹ ЦГВИА, ф. 414, ед.хр. 300, л. 78

² Полевой материал 1958 г. с.Хурзук

преимуществами, например, им отводились дополнительные оросительные канавки.

Со второй четверти XIX века, после того как карачаевцы получили доступ на меновые дворы и ярмарки в русских станицах, в Карачае начали проникать русские фабричные товары, в том числе и металлические изделия. Заводские косы оказались более прочными, дешевыми и начали вытеснять местные. То же произошло и с другими орудиями труда.

Кузнечное ремесло начало понемногу падать. Во второй половине XIX века на долю кузнецов остались лишь ремонт и починка старых орудий. Добыча железа совершенно прекратилась.

Тысячные стада овец, покрывавшие склоны гор, давали большое количество шерсти, которая была основным сырьем карачаевского ремесла. Из шерсти валяли бурки и войлоки, шляпы и ноговицы, ткали сукно и кийизы. Шерсть осенней стрижки, как лучшая шла обычно на сукна и бурки, весенняя - на войлоки, а совсем плохая, слеглая - на тюфяки. На рабочие бурки отбирали черную шерсть, а для знати валяли нарядные бурки из белой шерсти. Для пастухов шили из бурочника пальто с рукавами - гебенек.

Главным предметом войлочного производства была бурка, спасавшая карачаевца-скотовода от зимних буранов и летних дождей, служившая ему и одеждой и постелью.

Буцковским в описании карачаевцев сказано, что они делали „сукна, кошмы и особенно славящиеся бурки“.¹

Материал для бурки приготавливали заранее. Для этого женщины тщательно перемывали с мылом шерсть, просушивали ее, перебирали руками, отделяя длинную шерсть от мягкого подшерстка. Перебрав, расчесывали специальной чесалкой - таракъ и взбивали луком-джая (отсюда процесс взбивания получил название джаялау). После этого шерсть считалась готовой для валяния.

Выбрав теплый солнечный день, карачаевка звала соседок на маммат (обычно бурки валяли во дворе, лишь, когда не позволяла погода, работали в доме). Изготовление

¹ ЦГВИА, ф. 414, ед.хр. 300, л. 78

бурки требует одновременного труда нескольких женщин, поэтому и принято было в этот день собирать на помощь соседок — человек пять или шесть.

Женщины укладывали приготовленную шерсть ровным слоем на циновку из камыша - чий, мочили ее горячей водой, скатывали в трубку и катали. Развернув, накладывали второй слой - ворс - и снова сворачивали и катали. Приготовленный таким образом материал - джамчылыкъ - мыли, сушили, снова мыли в горячей воде и катали уже не на циновке, а на плетне - джамчи четен.

До того, как джамчылыкъ высохнет, поднимали на нем ворс при помощи особой щетки - джамчи таракъ. Высушенный материал опускали в большой казан с горячей водой, затем вынимали и вновь катали на плетне. Эта процедура замачивания и катания, повторявшаяся три раза, требовала труда шести-восьми женщин. Щеткой - джамчи таракъ - снова поднимали ворс, густо смазывали материал мылом и били палками. Для определения прочности материала на него с размаху выливали ведро воды и, если она не просачивалась, джамчылыкъ считался готовым.

Следующей процедурой была окраска. Краску изготавливали из коры ольхи, березы и дуба с добавлением березовой золы.¹ В сваренную краску добавляли медный купорос. После окраски материал несли на речку. Обычно это поручалось девушкам. Группой в 9-10 человек они клали материал, завернутый ворсом вниз, в воду, потом вынимали и расстилали на траве (ворсом вниз), чтобы стекла вода.

Чтобы ворс был кудрявым, материал несколько раз заворачивали. Для просушки его складывали вдвое, в середину клали жердь, вокруг которой заворачивали материал, после чего туго связывали его ремнем.

На изготовление бурки достаточно было одного дня. После этого материал складывали, выкраивали ворот и плечи, обшивали края галуном и пришивали застежку.

¹ Промысловые занятия в некоторых населенных пунктах Терской и Кубанской областей // СМОМПК в. 8, Тифлис, 1889, С. 221

Обрезки войлока шли на обувь, шляпы и другие хозяйственные нужды.

Шляпы и бурочки - кийиз уюкэла - специально валялись, а бедняки делали их также из старых кийизов. Шерсть для них отбиралась очень тщательно: промывалась, подрезалась, чтобы не торчали волоски.

Для изготовления войлочных шляп куски шерстяного войлока натягивали на деревянную болванку, затем обрезали края, кантовали их шнуром и прикрепляли шнур по радиусам дна шляпы.

Бурок, бурочников и ноговиц в Карачае производилось много больше, чем требовалось для собственного потребления. Поэтому значительная часть их шла на обмен к соседним народам, в Закавказье, а также через меновые дворы и на ярмарки в казачьих станицах.

Наиболее ранние, статистические сведения о производстве бурок относятся к 1867 году. За этот год, сказано в отчете начальника Эльборусского округа Н. Петрусевича жителями Карт-Джурта было сделано бурок для дома - 355, для продажи - 831; жителями Учкулана соответственно: 51 и 73 бурки, Хурзука - 102 и 104.

Однако по словам самого же Петрусевича, „собрать сведения пришлось от женщин, которые или вовсе ничего не показывали, или объявляли только о самых незначительных количествах, так что прилагаемая ниже сего таблица выражает далеко не действительную цифру”.¹

Из этого же отчета видно, что полстей сделано было для дома - 88, для продажи - 153; шерсти собрано для дома - 91612 рун, для продажи - 10833 руна.² Следовательно, в 60-е годы шерсть в основном перерабатывалась на месте: в продажу поступали уже готовые изделия. Позже вывоз шерсти значительно увеличился.

¹ ГАКК. ф.452, оп. 1, ед. хр. 605, л.24-25

² Там же, л.24. Руно — настриг шерсти с одной овцы.

По данным 1878 года, из трех карачаевских аулов было вывезено: бурок 16075 штук, полстей 3470 штук. Кроме того, купцам было продано довольно много шерсти.¹

Процесс изготовления кошм-кийизов был схож с бурочным производством, с той лишь разницей, что шерсть не расчесывали и красили заранее. Чтобы получить рисунок, на основу укладывали уголками или квадратиками шерсть другого цвета.

Из кошмы же делали небольшие коврики для молитвы - намазлыки (они бывали также тканые, как коврики, или выделялись из козьих шкур).

Тканые изделия: сукно, ковры - кюйюзы делались из лучших сортов шерсти, тщательно перебранной и отсортированной. Длинная шерсть шла на основу ткани, а короткая - на поперечную нить.

Разобранную шерсть пряли с помощью веретена, которое было неотъемлемой принадлежностью карачаевки. Она бралась за него каждую минуту, свободную от других домашних дел. Даже отправляясь в путь, несла его с собой, на ходу продолжая сучить нитку. „Пусть веретено будет толстым, как нога“, - желают карачаевке в здравнице „Алгыш“ („Добрые пожелания“).

Горское сукно шло в основном на шитье мужской одежды - черкесок и башлыков. Такое назначение сукна определяло и размер куска — 18 аршин, необходимых для пошивки одной черкески.

Тонкие сукна для нарядной одежды, которую носили представители господствующих классов, делали из белой шерсти, а простые сукна для широких масс - из серой и черной.

Сукна ткали на примитивном деревянном станке - чепкен-агъач, который делали сами. Большого искусства требовало изготовление челнока, гребня и веретена, поэтому их делали специальные ремесленники.²

Процесс ткачества начинался с того, что пряжу наматывали на вбитые в землю колышки в 240 ниток,

¹ Г. Петров. Ук. соч. С. 146

² О. В. Маргграф. Указ. Соч. Стр. 91

перевязывали узелками и переносили на станок. Ткали с помощью челнока - чоллак чюйке. Снятое со станка сукно мыли, катали на плетне (джамчи четен), топтали ногами, снова мочили теплой водой. Высушенное сукно красили самодельными красителями, приготовленными из коры деревьев (чаще ольхи).

Сукно шло больше на внутреннее потребление, но немало и продавалось. В 1867 году для себя было соткано 1568 локтей сукна, для продажи - 1364 локтя.¹

Ковры - кюйюзы - ткали на особом станке - кергич. Нитки для этого делали более толстыми (часто ссучивали несколько ниток) и заранее красили в разные цвета. Основу делали из черных ниток, а затем выводили на ней узоры.

Изготовление кюйюзов было трудоемким делом. Больше месяца уходило у мастерицы на то, чтобы вы ткать ковер. Делали их с ворсом (кьатапа кюйюз) и без ворса (кьаты кюйюз).

Кошмы, сукна и бурки, как говорилось, были одним из основных предметов обмена на ярмарках и меновых дворах. Спрос на них, по мере укрепления торговых связей между горцами и казачеством, возрастал. Однако вскоре обнаружилась другая сторона этого процесса. Фабричные сукна, которые привозились на меновые дворы и ярмарки из Центральной России, оказались более дешевыми и красивыми и постепенно стали вытеснять местное производство.

Черкески и другие принадлежности мужского костюма стали изготавливаться из покупного сукна, в результате выделка сукон значительно сократилась.

Металлическое плетение, шитье серебром и золотом считались девичьим ремеслом. Девушки вышивали украшения для своей одежды, а по просьбе родственников и знакомых и подарки к свадьбе.

Принадлежностями девичьего костюма были: расшитый кафтанчик – кюбе туб, рукава к выходному платью, украшенная галуном или шитая по бархату серебром шапочка - окья бёрк. Нарядные платья с

¹ ГАКК ф.452, оп. 1, ед. хр. 605, л.24

нагрудниками и длинными вышитыми рукавами женщины продолжали носить и после свадьбы, а шапочку девичью дарили своей золовке или другой родственнице после рождения первого ребенка.

Кроме того, девушки вышивали украшения для мужской одежды - галуны на бешмет и черкеску, шнурки для шаровар - тартма.

Для металлического плетения применялись особые дощечки с отверстиями, в которые продевались нитки. Для сложных узоров требовалась целая система дощечек (до 150 штук), каждый поворот которых менял рисунок.¹

Металлическое плетение, шитье золотом и серебром требовали большого умения и искусства. Однако эти виды ремесла не выделились в особый промысел, а оставались домашним женским рукоделием, удовлетворявшим только собственные потребности.

Распространенными ремеслами были скорняжное и шорное. Обширное скотоводство давало достаточно сырья (шкур), из которого можно было изготавливать теплые шубы - тон, шапки - бёрк, теплые меховые штаны - тери кёнчек (последние носили только старики), делать бурдюки для перевозки и хранения айрана и сбивания масла, кожаные сумки для муки и соли - кьапчыкъ. Изделия скорняжного и шорного ремесла шли и на продажу. Большим успехом пользовались на меновых дворах кюрпе - мех горского барашка, а также овчины.

Шубы делались не только из овчин, но и из шкур диких зверей: бёрю тон - шуба из волчьей шкуры, айю тон - медвежья шуба и т.д. Меховую одежду, как правило, изготавливали сами члены семьи. Только нарядные каракулевые шапки делали особые мастера, обычно из дагестанцев.

Женскую обувь и кожаные чулки - месиле - шили из овечьих кож, а рабочую мужскую обувь - чабыр - из бычьих. Последние шли также на подошвы к чувякам - чарыкъ. Обработкой бычьих кож занимались мужчины, а овечьих и козьих - женщины.

¹ О.В. Марзграф. Указ. Соч. Стр. XXXII

Делали это так. Из воды, соли и муки приготавливали особый раствор и опускали в него сырую шкуру, снятую с животного. В растворе она мокла в течение недели. Затем раскладывали на солнце шерстью вниз. После того, как она подсыхала, счищали лопаткой шерсть, мяти руками или ногами, а потом покрывали навозом или куриным пометом. В дальнейшем, отмыв шкуру от навоза, дубили. Для этого кипятили кору дубовых деревьев и в отвар опускали шкуру. После дубления кожу обрабатывали особым инструментом - джатхан талкьы. Это род деревянного валька, состоящего из двух частей. В нижней части, имеющей желоб, укладывалась свернутая кожа, а верхней реберчатой частью ее мяти, время от времени поворачивая.

Распрямление и разглаживание кожи производили на стоячем вальке - ёре талкьы. Для этого к горизонтальной доске неподвижно прикрепляли стоячий брусок с реберчатой поверхностью. Кожу брали за два конца и, натягивая, водили по вальку, распрямляя и растягивая ее и счищая остатки мездры.

Высушенную кожу красили,¹ затем смазывали бараньим жиром. Краски приготавливали сами из коры деревьев и минералов. Черную краску делали из коры ольхи и березы, добавляя туда медный купорос (кёрдеуюк). Без медного купороса цвет получался красноватый.

Обувь из кожи шили тоненькими козьими ремешками, нарезанными при помощи особого приспособления - сыбабха.

Сапожным ремеслом у карачаевцев занимались также в основном женщины. Только грубую рабочую обувь - чабыр - шили сами мужчины.

Богатство кавказских гор лесом привело к большому развитию в Карачае деревообделочного ремесла. Из дерева делались дома, мельницы, надворные постройки, повозки (арбы), мебель, орудия сельскохозяйственного труда, домашняя утварь, посуда и многое другое.

Деревянные изделия обычно изготавливались мужчинами в каждой семье для собственного потребления. Только

¹ Полевой материал 1958 г. а. Учкулан

некоторые виды изделий (арбы, ярма для быков - боюнсха, челноки для ткацкого станка и т.д.) требовали большого ремесла и делались специалистами.

Сырьем для арбяного производства служила древесина карагача, дуба, бука, ясеня или вербы. В старину арбы делались без единого гвоздя, лишь в XIX в. стали применяться металлические части.

Для сохи - каладжюк - наиболее пригодной считалась древесина клена или березы, а для домашней утвари - липы и березы. Лучшими чашками являлись такие, которые выдалбливались в наплыве дерева, так как они не раскалывались. Техника приготовления утвари и посуды была очень примитивной. Каждая вещь делалась из целого куска дерева путем выдалбливания вручную. Так делались кадушки - джыккыр, корыта для теста - тегене, ступки, кадки для тузлука, деревянные ведра для доения - агач челек, различные чашки - табакъ, гоппан аяк, ложки и т.д.

Вещи крупного размера выдалбливались особым поперечным топориком - аталгы, который состоял из треугольного лезвия, прикрепленного к рукоятке под прямым углом. Для выделки мелких изделия (ложек, чашечек) употреблялся более тонкий инструмент - юнгюч, который походил на изогнутый обоюдоострый нож.

Резьба на мебели: кроватях с тремя спинками, украшенных шариками, детских люльках, маленьких трехногих столиках-подносах - тепси и подносах с бортиком и углублением для тузлука-ашлау делалась простым ножом.

Обычным орнаментом, который применялся при резьбе по дереву, был растительный геометрический орнамент. Кроме того, в качестве украшения применялись изображения бараньих рогов и рыбы. В частности, ручки ложек украшали путем изображения рыбьего хвоста или вытачивали тонкую деревянную цепочку. Деревянные изделия иногда отделявали рогом - одевали роговые наконечники на деревянные вилы, роговую ручку на нож и т.д.

Прутья использовались в ремесле для плетения корзин, намордников для рабочего скота, плетеных амбаров и

сапеток для пчел (хотя сапетки чаще вырубались из дерева).

В небольших размерах для домашних нужд производились и такие предметы, как гончарная посуда, самодельное мыло и т.д. Мыло варили из пережженных стеблей лебеды с говяжьим жиром. Позже вместо лебеды пережигали картофельную ботву.

В период Кавказской войны, в связи с запрещением продавать горцам свинец и порох,¹ широко было распространено производство пороха. В народной песне о Хасауке даже описан сам процесс его изготовления. В день битвы карачаевец Эбеккуев отправился на поиски сырья для пороха. Горный оползень затянул жилу породы, которая применялась для пороха. Только одну пригоршню нашел Эбеккуев (очевидно, речь идет о селитре) и бросился на поиски других веществ. Он нашел азалию, растер ее, добавил серы. Полученный порох рассыпал по меркам. Можно было продолжать бой „...без промедления полетели свинцовые пули“, - поется в песне.

Из всего сказанного о ремесле видно, что оно не отделилось еще от сельского хозяйства. Каждая семья изготавливала для собственного потребления все: одежду, обувь, орудия труда, домашнюю утварь. Профессиональная специализация также была незначительной. Только кузнечное и частично деревообделочное ремесла выделились как особые профессии.

2. ТОРГОВЛЯ

Несмотря на натуральный характер хозяйства, обмен у карачаевцев получил довольно большое развитие. Обилие скота и продуктов скотоводства, а также ремесленных изделий давало возможность выменивать их на недостающие продукты земледелия, ткани, соль. Уже в XVIII веке карачаевцы имели довольно широкие торговые связи с соседними народами: черкесами, ногайцами, сванами, грузинами, кабардинцами, а с конца века и с русскими.

¹ ГАКК. ф. 774, оп. 1, ед. хр. 46, л. 104

Автор конца XVIII века Гильденштедт рассказывает о торговых связях карачаевцев и балкарцев с Грузией. Несмотря на трудности горного пути, они пересекали Главный Кавказский хребет и доставляли свои товары в селение Они в Имеретин и участвовали там в ярмарках. Толстые сукна и войлоки они выменивали на бумажные материи и другие товары.¹

Из Кабарды карачаевцы и балкарцы привозили соль, бумажные ткани, холст и сафьян, выменивая это на шерсть, сукна, войлоки и меха.

Платон Зубов также пишет о торговых связях карачаевцев с грузинами, о поездках в местечко Они. „Карачаевцы, балкары и чегемы отвозят туда свои домашние и грубые изделия: толстые сукна, войлоки, бурки, чекмени, равномерно пушной товар, приобретая взамен оных соль, бумажные изделия и мелочные вещи, необходимые для домашнего употребления”.²

Торговля с грузинами не ограничивалась участием карачаевцев в грузинских ярмарках. Грузинские торговцы сами приезжали в карачаевские аулы и выменивали свои товары на скот и продукты скотоводства.

Кроме грузин, мелкой розничной торговлей в аулах занимались горские евреи и армяне. „Карачаевцы приготавливают хорошие сукна, бурки, полсти из овечьей шерсти и меняют их на красный товар евреям, приезжающим к ним для торговли” - говорится в Военно-статистическом обозрении Ставропольской губернии.³

Торговля со сванами велась также главным образом скотом. Штабс-капитан князь Шаховской, проехавший по поручению командования Отдельного Кавказского корпуса из Мингрелии через Сванетию в Кабарду и обратно, писал в 1834 году, что сваны получают скот у карачаевцев.⁴ В обмен сваны привозили сушеные яблоки, груши и другие товары.

¹ И.А.Гильденштедт. Ук.соч. С. 149 66

² Платон Зубов Ук.соч С. 136

³ Военно-статистическое обозрение, С. 133

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, ед.хр. 1924 “ + 1-33

Особенно славились на Кавказе карачаевские бараны, поэтому они имели и наибольший сбыт. Даже довольно далеко от Карачая кумыки специально приезжали за карачаевскими баранами.

Соседние с карачаевцами абазины выменивали карачаевских баранов на мед.¹

„В скоте заключается вся их промышленность и торговля“, - говорится о карачаевцах в Военно-статистическом обозрении. - „Лошадей они в продажу сбывают весьма мало, но зато бараны и овцы у них продаются всем окружающим народам: закубанцам на Кисловодской линии и грузинам в Рачинский участок, куда также отправляют крупный рогатый скот“.²

Торговые связи карачаевцев с другими народами были использованы феодалами для собственного обогащения, так как все торговые пошлины шли в их пользу.

По сложившемуся обычаю каждый торговец, приехавший в Карачай „из Кумыка, Грузин, Ахалцыха и других мест“, должен был заплатить биям один рубль, а при работорговле - одного быка за каждого проданного в Карачае холопа.³

После поселения хоперских казаков на правобережье Кубани карачаевцы завязали и с ними торговые связи. Они снабжали казаков скотом, продуктами скотоводства и ремесленными изделиями, а в обмен получали хлеб, соль, ткани и металлические изделия.

Для урегулирования торговых связей, а главное - для использования торговли в своих военно-колонизаторских целях, русское правительство открывало при укреплениях меновые дворы и карантинные заставы.

Несмотря на ограниченность меновой торговли, на подчинение ее политическим и стратегическим целям, открытие меновых дворов способствовало установлению более регулярных торговых связей народов Северного Кавказа с русским населением.

¹ Военно-статистическое обозрение, С. 132

² Военно-статистическое обозрение, С. 132

³ ГАКК, ф. 348, оп. 1, ед. хр. 9, л. 43

Кавказская администрация, стремясь использовать торговые связи с горцами в интересах своей колониальной политики, открывала меновые дворы в целях поощрения местных жителей, а когда хотела наказать горцев, - закрывала меновые дворы. Так в 1828 году в прошении на имя генерала Емануэля карачаевцы просили учредить для торговли меновой двор „на коем они могли бы получать хлеб, соль, железо и другие нужные им товары”.¹

Существовавшие в 20-е годы XIX в. меновые дворы были удалены от карачаевских аулов, поэтому они просили открыть новый меновой двор ближе к ним, в укреплении Хахандуковском. Командование обещало выполнить просьбу, но слово не сдержало.

Только в 40-е годы были открыты меновые дворы для торговли с карачаевцами в станицах Боргустанской и Баталпашинской,² где до 1846 года была лишь карантинная застава.

Боргустанский меновой двор посещался почти исключительно карачаевцами, а Баталпашинский - карачаевцами, ногойцами, черкесами и абазинами.³

Среди товаров, привозимых горцами на Баталпашинскую карантинную заставу, а затем на меновой двор, главное место занимали изделия горского ремесла: овчины (в 1846 году было привезено 196 штук,⁴ а в 1853 году - 4155 штук), бурки (140 штук в 1846 году и 501 штука в 1853 году), полсти, воловьей кожи, сукна. Наряду с ремесленными изделиями привозилось много сельскохозяйственных продуктов: коровьего масла, сала и т.д. и пригонялся скот: лошади, крупный рогатый скот.⁵

На вырученные от продажи товаров деньги горцы покупали хлеб, мануфактуру (главным образом хлопчатобумажные ткани), медную посуду, чугунные котлы и т.д.⁶

¹ АКАК, том VII, С.881

² ГАСК, ф. 20, оп. 1, ед.хр. 1, л. 21

³ ГАСК, ф. 20, оп. 1, ед.хр. 435, л. 330

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 2, ед.хр. 267, л. 103

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 8, ед.хр. 159, л. 96

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 2, ед.хр. 977, л. 88

Торговые связи карачаевцев с русским населением еще более возросли после того, как им было разрешено посещать ярмарки в русских городах и станицах. Крупные ярмарки были в Георгиевске, Пятигорске, Ставрополе и в ст. Баталпашинской. В 1847 г. ярмарки в Пятигорске и Георгиевске посетило 4445 человек, которые привезли на 40 тысяч рублей товаров. В ст. Баталпашинскую съезжались на ярмарку до полутора тысяч человек с сотнями бурок, войлоков, тысячами овчин.

"Из Эльборусского округа ежегодно выходило значительное количество шерсти, бурок, полстей, кож, овчин и других предметов, получаемых от скотоводства. Все это продается на деньги или меняется на хлеб в станицах и красный товар торгующих в Карачае армян и евреев",¹ - писал начальник Эльборусского округа в 1867 году. Хлеб, получаемый в соседних казачьих станицах, был одним из основных предметов ввоза в Карачай.

Поездка в станицы разрешалась по особым билетам, которые давали возможность приблизительно учитывать количество купленного хлеба.

Хлеб в станицах покупали на деньги, а также выменивали на масло, ремни, чашки, корыта² и другие изделия.

В 1867 году карачаевцами было продано скота и различных изделий на 74602 рубля, в том числе: лошадей 942 голов, рогатого скота 843, овец 10212, кож 170, овчин 3759, шерсти 10933 руна, шуб 433, бурок 1021, полстей 153, сукна 1924 локтя, башлыков 1203.³

Важным предметом вывоза в XIX в. становится лес. Дело в том, что казачьи станицы и укрепления были расположены на правой, безлесной стороне Кубани, и лес для построек казаки должны были покупать у горцев, особенно у карачаевцев, земля которых была богата прекрасным строевым лесом.

¹ ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед.хр. 605, л. 25

² ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед.хр. 605, л. 26

³ ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед.хр. 605, л. 26

Продажа леса была затруднена отсутствием дорог в Карачае. Поэтому карачаевцы предпочитали продавать лес на корню, чтобы казаки сами сплавляли его. Перевозка обходилась значительно дороже самой древесины. На корню лес продавали за бесценок. Большая сосна, например, стоила 30 копеек, с доставкой же брус обходился в 7-9 рублей.¹ В течение 1847 года карачаевцы продали леса на 22 тысячи рублей.²

Расширение торговых связей отражалось на экономике карачаевского аула. С одной стороны, оно стимулировало развитие товарного производства, так как многие изделия карачаевского ремесла и, прежде всего, бурки производились специально для продажи. Но процесс имел и другую сторону. Привоз более дешевых фабричных изделий вытеснял с рынка местную продукцию. Так, карачаевцам выгоднее стало продавать свою шерсть, цены на которую поднялись, русским фабрикантам, а самим покупать готовые фабричные сукна. „С другой стороны, шло вытеснение туземных вековых „кустарных“ промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикатов“, - писал В.И. Ленин.³

¹ Военно-статистическое обозрение. Ук.соч. стр.133

² АКАК, т.Х, С.864

³ В.И.Ленин, соч.т.III, стр.521

Глава III. ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ

Одним из важнейших вопросов социально-экономического развития Карачая является проблема землевладения, землепользования. Были к началу XIX в. земли в Карачае в собственности родовых или соседских общин, или принадлежали феодальным владельцам, узурпировавшим общинные земли? От решения этого вопроса зависит определение социально-экономической формации Карачая. Таким образом, нужно выяснить: оставалось ли карачаевское общество родовым или стало уже феодальным?

Решение этого вопроса осложняется тем, что, с одной стороны, складывающаяся в Карачае феодальная собственность на землю была завуалирована общинными пережитками, а с другой стороны, рядом с частной собственностью продолжала сохраняться и общинная.

Феодализм в Карачае развивался непосредственно из общинного строя,¹ минуя рабовладельческую формацию. Поэтому вопрос об общине и ее роли в развитии карачаевского общества представляет особенный интерес.

Уровень развития производительных сил и специфика хозяйства обуславливали прочность общинных связей в Карачае. Полукочевое скотоводство с далекими перегонами скота, необходимость охранять стада и пастбища, совместная работа по заготовке сена - все это требовало тесных связей населения.

Даже то небольшое земледельческое хозяйство было возможно только при помощи искусственного орошения, что также требовало тесного сплочения жителей аула.

Тесную связь и большую дружбу с соседями отражают и карачаевские пословицы: „Прежде, чем купить дом, узнай соседа". Некоторые пословицы напрямую отражали связь

¹ Точная дата возникновения феодальных отношений в Карачае пока не установлена. Однако и сейчас можно сказать, что на рубеже XIII-XIV вв. эти отношения уже имелись, так как у предков карачаевцев элементы феодальных отношений прочно зафиксированы.

общинных отношений с ирригационным хозяйством: "Когда хочешь купить лошадь, советуйся с семьей, когда хочешь копать илипин, то советуйся с селом".¹

Отличительной особенностью соседской или сельской общины от родовой было прежде всего то, что сельская или, как ее ещё называют „земледельческая община", была первым социальным объединением свободных людей, не связанных кровными узами. Дом и двор находились в частном владении члена общины, пахотная земля, считаясь общинной, фактически была в частном владении, так как разделена между общинниками и обрабатывалась индивидуальным трудом, а лес, пастбища и пустоши были общинными.

Следовательно, в сельской общине, наряду с частно-собственническим, сосуществовало общинное начало.

Сочетание в общественных отношениях карачаевцев родовых и феодальных отношений объяснялось тем, что сама сельская община была переходной формой.

1. ОБЩИННОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ. ТРУДОВАЯ ЗАИМКА

Первой формой собственности на землю в Карачае была общинная собственность. „В действительности общинная собственность на землю представляет собой такой институт, который мы находим на низкой ступени развития у всех индоевропейских народов от Индии до Ирландии",² - писал Ф. Энгельс.

К началу XIX в. общинное землепользование претерпело в Карачае большие изменения, но и в более поздних формах землевладения видны следы родовой собственности. Родовая собственность на землю, как и родовой строй, были несовместимы с имущественным неравенством, с накоплением движимого имущества и, в

¹ Юй алгынычы хоншунъу таны; Ат аллыкъ болсанг юйюнг бла кенгеш , илипин къазарыкъ болсанг, элинг бла кенгеш. Из собрания пословиц С. Ч. Алиева.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. Том II, М, 1948, С. 45-46

первую очередь, скота. Развитие в карачаевском обществе скотоводства, превращение стад в частную собственность разрушало родовую общину.

Процесс распада родовых общин, затянувшийся в Карачае на несколько веков, не был завершен и в XVIII в., а отдельные пережитки родового строя сохранились и в XIX. веке.

Упоминания о родовых землях и их разделе (о переходе от общинного к семейному владению) содержатся в „Списке лиц свободных сословий бий, чанка и узден в карачаевском обществе Баталпашинского уезда" Н. Петрусевича.

Так, говоря о равенстве верхних (хурзукских) и нижних (карт-джуртских) Боташевых, автор списка доказывает это тем, что „родовые земли поделены поровну между верхними и нижними Боташевыми". Там же упоминается о выделении участка земли Чотчаевым из будияновских земель,¹ а из чотчаевских земель - Болуровым, так как их фамилия отделилась от Чотчаевых. Таким образом, при отделении атаула от тукума новая фамилия получала часть родовой земли.

Право на родовые земли имели не только кровные родственники, но и усыновленные члены рода. В этом же Списке рассказывается, как „лет 200 тому назад (то есть во второй половине XVII века) во время эпидемии чумы род Бостановых очень пострадал от болезни, поэтому охотно принял в число своих членов женщину Аппачи с сыном". Принятие в род сопровождалось наделением землей: „дали сыну небольшой клочок пахотной земли лишь в одном месте, а в других местах земля не была дана". Потомки усыновленного мальчика, хотя и приняты были в род Бостановых, носили фамилию Аппачаевых.²

В Карачае был целый ряд фамилий, которые или совсем не имели земли, или приобретали ее позже покупкой и другими способами.³

¹ ЦГА СО АССР, ф. 262, ед. хр. 23, л. 50-86

² ЦГА СО АССР, ф. 262, ед. хр. 23, л. 50-86

³ ЦГА СО АССР, ф. 262, ед. хр. 23, л. 50-86

При распадении родовой общины на семейные именно эти пахотные и сенокосные земли, расположенные на территории села прежде всего перешли в частную собственность (ата джер). В Карачае к приусадебным землям можно отнести и пахотные участки - сабаны и сенокосы - биченлики, даже если они не были расположены в непосредственной близости к дому. Под сабаны и биченлики использовали каждый клочок земли, который можно было отвоевать у суровой природы Карачая.

Поколение за поколением трудилось на каменистых сухих склонах, очищая терраски от камней и проводя к ним оросительные канавки. Таким образом, семейно-индивидуальная собственность на землю возникла в результате трудовой заимки и индивидуального труда семьи по ежегодной очистке участков.

Хотя сабаны и поливные биченлики находились в безусловной собственности семьи, и их можно было продать, отдать в калым, за кровь, заложить, подарить и т.д., но и в то же время существовал целый ряд ограничений, указывавший на то, что первоначально эти земли были в общей собственности всего рода. Как правило, сабаны и биченлики располагались внутри родового квартала - тийре, и при продаже их преимущественное право покупки имели родственники.

После уборки урожая в оградах, которые устраивались вокруг сабанов и биченликов, делали проходы и таким образом они превращались в общее пастбище всего тийре, а позже - и села.

При разложении родовых отношений место родовой общины заняла соседская, к которой перешли многие функции прежней общины, в том числе и верховная собственность на землю селения (эль). Сельская община распоряжалась не только теми землями, которые в этот период были еще в общинной собственности (лес, пустоши, пастбища), но отчасти сабанами и биченликам. Так, при продаже земельного участка преимущественное право покупки его имел уже не только родственник, но и сосед.

Г.Петров писал об этом следующее: „Владелец, желающий продать землю, должен об этом прежде всего

объявить своим ближайшим родственникам, а если в числе их не окажется охотников, то вызываются желающие из смежных владельцев и только, когда и в числе этих последних не найдется покупателей, владелец имеет право продать землю кому заблагорассудится".¹

М. Орлов сообщает, что если несколько родственников или соседей захотят купить продаваемую землю, они делят ее между собой так, чтобы каждому досталось по половине, трети или четверти участка, смотря по тому, сколько соседей.² Если же сделка была совершена без согласия родичей и соседей, они могли опротестовать ее и даже принудительно выкупить землю у покупателя. Также и право пасти скот на полях после уборки урожая распространялось с жителей тийре на всех членов соседской общины.

В случае, если какая-либо семья покидала Карачай, земли этой семьи переходили в общинную собственность.

Когда в 1869 году Эльборусский окружной народный суд должен был решить вопрос о принадлежности земли тех карачаевцев, которые переселились из Карачая в Кабарду, он оказался в затруднительном положении. С одной стороны, суд ссылался на старый обычай, по которому „земли выселившихся из Карачая поступали в общественную собственность", с другой — тут же оговаривал, что даже „в прежнее время постановления эти не всегда исполнялись".³

В результате длительного разбирательства, решено было оставить земли собственностью владельца. Но при этом была сделана оговорка, о том, что „суд находит необходимым установить, чтобы переселенцы из Карачая дарили или отчуждали другим каким-либо образом принадлежащие им земли только карачаевцам, живущим в Карачае".⁴

¹ Г. Петров. Ук.соч. С. 138

² М.В. Орлов. Ук.соч. С. 187

³ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 130, л. 122-129

⁴ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 593, л. 10

Владельцами земель были, как правило, члены соседской общины - бии и уздени, но иногда кулы. Бии и уздени владели и наследственными (ата джер) и благоприобретенными (мюлк джер) землями, а кулы - только приобретенными путем покупки, дарения или иным способом.

При освобождении кулов от крепостной зависимости в 1868 году земля крестьян, как все другое имущество, подлежала разделу, между крестьянином и владельцем. Если освобождаемый, имел свой сабан или биченлик, то одна половина его оставалась у освобожденного, другая переходила к его бывшему владельцу.¹ Сабаны и биченлики после смерти их владельцев переходили по наследству к сыновьям или другим ближайшим родственникам по мужской линии. Дочери по адату земли не наследовали. С введением шариатского права, женщина, также получила возможность наследовать землю, но в половинном размере по сравнению с мужчиной. Доля сестры равнялась половине доли брата.

Если братья продолжали жить вместе, то земли оставались в их совместном владении, если же делились — разделу подлежали и сабаны и биченлики. Бесконечное дробление участков привело к тому, что размеры их были очень невелики. Редким исключением был сабан или биченлик в целую десятину. Обычно участок земли состоял из нескольких десятков, в лучшем случае - из нескольких сотен квадратных сажен.

Биченлики измерялись по количеству снятого с них сена. Средний биченлик давал 2-3 копны сена.

Огромный труд нескольких поколений, вложенный в земли, и острая земельная нужда делали эти участки очень дорогими. Сабаны и биченлики на орошаемых землях продавались из расчета 400-500 рублей за десятину.²

В 60-е годы XIX века приставы доносили, что земли у горцев Кубанской области не является предметом продажи и цен на нее не существует, „исключая Карачай, где

¹ ГАКК, ф. 452, оп. 2, ед. хр. 593, л. 10

² ЦГИА, Гр. ф. 545, оп. 1, ед. хр. 86, л. 8

усадебные места, как в местности весьма тесной и гористой, на незначительных площадях, удобных для застройки, продаются среднюю цену до 400 рублей за десятину, для посевов же внутри Карачая, при искусственных орошениях, до 500 рублей за десятину".¹

Наряду с малоземельными, в Карачае было много и совсем безземельных крестьян. В Записке о распределении между карачаевцами земель, составленной в 60-х годах XIX в., перечислены все карачаевские семьи, имеющие и не имеющие землю. По этому списку собственными землями в значительном количестве владели 54 фамилии, небольшими участками пахотных земель - 74 фамилии и совсем безземельными было 96 фамилий.

В список вошли только свободные и вольноотпущенники. Как сказано в примечании к записке, "в числе крестьян не помещены унауты, но с освобождением составят не менее 150 дворов".²

По сведениям М.В. Орлова, относящимся к концу XIX века, в трех старых селениях Карачая: Карт-Джурте, Учкулане и Хурзуке было 450 семейств, не имевших сабанов и усадебных участков.³

Абрамовская комиссия также констатировала, что в старом Карачае образовался „громадный контингент малоземельных и безземельных, в смысле не имения последними усадебных пахотных и покосных земель".⁴

Ценность земли делала ее самым надежным залогом, самой дорогой платой за кровь и самым желанным калымом. Но так как карачаевцы неохотно расставались со своими землями и предпочитали расплачиваться скотом и другим имуществом, то землю отдавали только в крайних случаях: если ссора двух семей принимала угрожающие размеры или очень желанной была невестка и т.д.

Случаи отдачи земли за убийство упоминаются в списке лиц свободного сословия: „Болуровы отделились от

¹ ЦГИА. Гр. ф. 544, оп. 1, ед. хр. 86, л. 8

² ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 130, л. 126

³ ГАКК, ф. 574, ед. хр. 507, л. 22-37

⁴ М.В. Орлов. Ук. соч. С. 188.

Чотчаевых, с которыми поделили и родовую землю, но землю эту впоследствии за убийство одним из Болуровых одного из Чотчаевых отдали Чотчаевым в уплату крови. Земля эта лежит по берегу реки Хурзук". Харапов убил одного из Карабашевых. Вся семья их переселилась после этого в Карт-Джурт на земли Крымшамхаловых, „а их землею завладели в уплату за кровь, Карабашевы". «Кёчерук убил своего брата Доттая, после чего ушел в Учкулан, а Доттаевы в уплату за кровь забрали его землю».¹

Отдача земли в калым упоминается в адатах только в одном случае, когда речь идет о калыме за девушку бийского происхождения. Жених должен был дать отцу девушки 5 крепостных крестьян, 5 железных предметов и „сенокосной земли, которая бы стоила одной служанки, двух быков и двух лошадей". Интересно здесь и другое — мерой для оценки земли служили не деньги, а определенное количество голов скота. Это еще раз подтверждает тот факт, что собственность на скот возникла значительно раньше, чем на землю.

Бывали и такие случаи, когда уплата калыма задерживалась по каким-либо причинам на год или два. Тогда семья жениха отдавала часть своей земли семье невесты во временное пользование. Те пользовались снятым урожаем или скошенным сеном, но права собственности на эту землю не получали. После уплаты калыма земля возвращалась в семью жениха.²

Все остальные земли, кроме сабанов и биченликов, к началу XIX века юридически считались общинными. „Пахотные, покосные земли и хуторные участки составляли частную собственность, лес же и пастбищные земли находились в общественном владении всех карачаевцев",³ - сказано в записке о личных правах горского населения Кубанской области.

¹ Труды Абрамовской комиссии С. 71.

² Полевой материал 1958 г. с. Карт-Джурт.

³ ГАКК, ф. 348, оп. 1, ед. хр. 9 л. 44

Общине принадлежало право распоряжаться этими землями, отдавать участки земли отдельным лицам. Н. Иваненков приводит рассказ стариков из фамилии Биджиевых о том, что „кышлык Каншаубиева дан предку его единогласно всеми карачаевцами за то, что он за все общество заплатил „дугжам“, т.е. выкупил деньгами кровную месть кабардинцев за убийство карачаевцами кого-то из кабардинцев".¹

Формально считалось, что каждый карачаевец мог пасти на общинных землях свой скот и косить сено. Право свободной заимки земли осталось в виде сохранившихся обычаев: если скотовод-карачаевец находил подходящее свободное место для коша, то достаточно было оставить на этом месте бурку, чтобы закрепить его за собой.

В конце XIX века М. Орлову путем опроса населения удалось выяснить, „что в прежнее время каждый пользовался покосной и пастбищной землей по количеству скота настолько, насколько это было ему нужно, — земля же была общая всего племени".

Сам принцип распределения общинных земель по количеству скота способствовал захвату ее сильными и богатыми фамилиями, владевшими огромными стадами скота. М. Орлов выяснил у карачаевцев, „что богатые люди, пользуясь своей силой, влиянием и темнотой большинства брали себе всегда больше земли и в лучших местах, которую сыздавна, относя к сороковым годам истекшего столетия, держат и поныне, как родовую".²

Урусов Магомет из Учкулана рассказывал, что когда некий Джанкезов хотел огородить себе участок на летних пастбищах, карачаевцы поломали ограду, разбросали все камни, из которых она была сложена, и потоптали участок скотом.³

К началу XX века только высокогорные пастбища у границ ледников, да на крутых склонах гор оставались не захваченными. Так у жителей Учкулана свободной была

¹ Н. Иваненков. Ук. соч. С. 36

² М. В. Орлов. Ук. соч., С. 181

³ Полевой материал 1958 г. с. Учкулан

земля только в одном месте, при слиянии рек Гондарая и Махара,¹ у самых снежных гор. Место это называлось айрымканла - острова. Таким образом, в Карачае происходил процесс уменьшения роли общинной собственности на землю и превращения ее в общинный придаток частной собственности.

2. РОСТ ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

Наряду с индивидуальной собственностью, основанной на личном труде, в карачаевском обществе складывалась феодальная собственность на землю, основанная на насилии, на захвате общинных земель.

Сам принцип распределения общинных земель по количеству имеющегося скота открывал путь к узурпации общинных земель. Родовая аристократия, владевшая сотнями, а иногда и тысячами голов скота, захватывала все лучшие земли под сенокосы и пастбища для своего скота и постепенно превращала эти земли в частную собственность.

В отличие от земледельческих обществ, где в феодальную собственность прежде всего переходили пахотные земли, а пастбища еще долго оставались в общем владении, у карачаевцев-скотоводов раньше всего феодальной собственностью стали именно сенокосы и пастбища.

Владение пастбищами, которые, были одним из основных средств производства скотоводческого хозяйства, давало возможность складывающемуся классу феодалов эксплуатировать общинников, которые, нуждались в пастбищах для своего скота, вынуждены были вступать в поземельную зависимость от владельцев земли.

Лишение крестьянства общинных сенокосов и пастбищ тяжело отражалось на крестьянском хозяйстве и вело к еще большей имущественной и социальной дифференциации внутри карачаевского общества.

¹ Н. Иваненков. Ук.соч. С.35

В „Трудах Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения карачаевского народа Кубанской области" так сказано о феодальных владениях: „Владения эти, как установлено исследованиями образовались путем захватов сильных фамилий. Захваты производились в то время, когда карачаевское племя управлялось старшинами и узденями, которые, пользуясь своим влиянием, стояли во главе народа, распоряжались земельными имуществами, захватывали лучшие земли, беспрепятственно пользовались ими и присваивали их впоследствии себе, как собственность; народ же, находясь в полной зависимости от этих лиц, подчинялся этим земельным распоряжкам".¹

Даже сами феодалы в своем прошении Комиссии не отрицали, что „более сильные фамилии и отдельные лица, именующие себя высшим сословием", действительно „захватывали лучшие земли, а впоследствии присвоили их на праве собственности".²

Процесс образования крупной земельной собственности в Карачае и ее юридическое оформление тормозились наличием довольно сильной сельской общины. Владельцы вынуждены были, с одной стороны, считаться с общиной и ее противодействием к монополизации земли, а с другой - сами использовали старинные общинные обычаи и институты для маскировки своих захватов. Поэтому феодальная собственность на землю даже в первой половине XIX века не получила юридического оформления, и формально все пастбища и сенокосы считались общинными.

В 1864 году в Карачае работала временная посредническая комиссия „О поземельных правах туземцев". Она опрашивала жителей Карачая о формах землевладения и землепользования, и все представители сословия биев и узденей заявили, что, за исключением сабанов и биченликов, все земли в Карачае общинные. Ни

¹ *Труды Абрамовской комиссии... С.36*

² *Письменное заявление карачаевского народа и объяснение комиссии. Екатеринодар, 1911, С.16*

один владелец кышлыка в то время не выставил требования на юридическое признание его собственности.

Лишь позже, когда в Карачае вошло в силу русское законодательство о земле, владельцы сочли более выгодным для себя не прикрываться общинными формами землепользования, а добиваться закрепления за ними этих земель на правах частной собственности.

При этом владельцы прибегали к любым хитростям и ухищрениям, чтобы доказать свои исконные права на землю. Абрамовская комиссия сочла возможным признать собственными землями только трудовые участки, т.е. земли, для приведения которых в культурное состояние потребовался большой труд нескольких поколений, но владельцы стали доказывать, что истинно трудовыми участками являются не сабаны и биченлики, а именно кышлыки, так как на них происходит вся трудовая жизнь карачаевцев.

Другим доказательством своих прав на землю владельцы выставляли давность владения этими землями: „Они наша собственность вследствие того, что мы владели ими, в виде собственности, нескольких земских давностей”.¹

Адаты балкарцев и карачаевцев никаких указаний на права феодалов на землю не содержат, сослаться на обычай владельцы не могли, поэтому они и прибегали к таким маловеским доказательствам, как давность владения и якобы "трудовой" характер их собственности.

Народ же „издревле считает все занимаемые ими земли народным достоянием и никакой частной поземельной собственности не признает”,² - писал врач Г.М. Гречишкин.

В прошении народа в ту же Абрамовскую комиссию сказано, что „земельные участки (кышлыки) захвачены их владельцами по праву сильного" и что „все земли Старого Карачая есть достояние всего карачаевского народа”.³

¹ Письменные заявления карачаевского народа, С.4, 11-17

² Г. М. Гречишкин. Ук.соч., С.110

³ Письменные заявления карачаевского народа... С. 18

Между феодалами и общинами возникали постоянные споры из-за земельных владений. Такие споры были у карачаевцев не только со своими, но и с абазинскими князьями. Так, урочище Таллык было спорным участком, на который претендовали и карачаевцы и абазинские князья Лоовы. Карачаевцы издавна пользовались землей в этом урочище и поэтому считали ее своею, тем более, что она находилась в пределах тех земель, которые карачаевцы должны были охранять, так как они несли кордонную службу по охране правого берега Кубани - от своих аулов до реки Мары.

Князья Лоовы утверждали, что земля эта является их собственностью, хотя последние годы они действительно не использовали ее, так как „имели в земле избыток в других местах“.¹

Для разбора этого спора начальник Правого крыла Кавказской линии предписал выделить посредников как со стороны князей Лоовых, так и со стороны карачаевцев.² Но посредники не могли ни о чем договориться, „ибо ни одна из спорящих сторон не склоняется к уступке земли“.³

Дело было улажено тем, что спорный участок земли на урочище Таллык был взят в казну и предоставлен карачаевцам в пользование, а князья Лоовы были вознаграждены таким же количеством земли в других местах.

Таким образом, захват земель феодалами и образование феодальной собственности на землю не получили признания со стороны народных масс, которые продолжали считать пастбища и выгоны общенародным достоянием. Это противоречие между фактическим состоянием землевладения и землепользования в Карачае и юридическими нормами старых адатных отношений смазывало наличие феодальной собственности на землю, которая большинством авторов не признавалась.

¹ ЦГА КБ АССР, ф. 16, оп. 1, ед.хр. 448, л.11

² Там же, л. 5.

³ ЦГА КБ АССР, ф. 16, оп. 1, ед.хр. 448, л.11

Феодализм в Карачае вызревал и развивался под завесой общинных отношений. Но и сами феодальные отношения были опутаны массой общинных пережитков. Так, феодальная собственность на землю складывалась не как индивидуальная, а как фамильная собственность.

Захваченные крупными бийскими и узденскими фамилиями кышлыки не делились между семьями, по примеру сабанов и биченликов, а оставались в нераздельном пользовании всей фамилии.

В этом отношении большой интерес представляют сведения, собранные Абрамовской комиссией и приложенные к Трудам комиссии как статистическая ведомость.

В ведомости перечислено 126 участков частных владельцев, из которых в индивидуальном владении было только 12, причем самых небольших - по 4-10, 15-25 десятин. Остальные 114 участков принадлежали фамилиям в целом (сразу двум-трем фамилиям).¹

Такое фамильное владение тем или иным урочищем отнюдь не означало равного права всех членов фамилии на землю. Внутри фамилий сильно было имущественное расслоение и неравенство, при котором одни семьи владели сотнями голов скота и фактически захватили все фамильные земли, а другие, бедные родственники не имевшие скота, потеряли на деле и право на земли.

При сдаче кышлыков в аренду полученный доход делился не поровну между семьями, а по паям, причём пай богатых семей был значительно выше, чем бедных. Совместное владение нескольких фамилий кышлыками Е.Н. Студенецкая объясняла тем, что две фамилии происходили от общего корня и считались ветвями одного более древнего рода или тем, что владельцы их находились в вассальных отношениях.²

К середине XIX века лучшие земли Карачая были сконцентрированы в руках бийских и крупных узденских фамилий. Начальником Эльборуского округа Н.

¹ Труды Абрамовской комиссии. Статистическая ведомость.

² Е.Н. Студенецкая. К вопросу о феодализме... С.49

Петрусеви́чем был сделан в 60-х годах XIX века подсчет земель Карачая (кто и в каком количестве владел ими).

Оказалось, что 54 наиболее богатых фамилии владели 26 тысячами десятин „самой лучшей земли“; 73 фамилии средних слоев имели 3300 десятин земли; 294 двора имели в селениях при усадьбах „лишь незначительные участки“; 451 семейство и до 150 несемейных совсем не имели земли и жили на чужих усадьбах.

Умар Алиев в своей работе „Кара-халк“ приводит выдержки из сборника адатов карачаевцев и балкарцев 1864 года, обнаруженного им в архиве Владикавказа. Из статей адатов следует, что крестьяне, желавшие продать свою землю, в первую очередь должны предложить её своему бию, и только если тот откажется, можно было продавать её другим лицам.¹ Это предпочтительное право покупки земли бием противоречило исконным адатам карачаевцев, по которым преимущества отдавались родственникам и соседям.

Складывающаяся в Карачае феодальная земельная собственность часто выступала в завуалированном виде. Прежде всего она носила условный характер. Только бии были полными владельцами земли и раздавали ее своим подвластным узденям. За это уздени должны были нести определенные обязанности, т.е. становились вассалами феодалов.

Таковыми феодальными владельцами Карачая были три бийские фамилии: Крымшамхаловы, Дудовы и Карабашевы. Начальник Эльборусского округа Н. Петрусеви́ч писал о них в 1870 году: „Фамилии эти завладели большими землями как внутри самого Карачая, так и по окраинам его, и потом значительную часть из этих земель поотдавали в разное время тем из узденей, которые наиболее заслужили этого своею приверженностью к ним или же тем, от которых сами получили немало подарков“.

Пожалованный надел не становился собственностью узденей, а давался ему на время и мог быть обратно отобран феодалом. Лишение узденя земли, которой он

¹ Умар Алиев „Кара-халк“. Ростов-на-Дону.

пользовался, означало разрыв вассальных отношений, а так как феодалы были заинтересованы в прочности этих отношений, то данную землю никогда не отбирали.

Обладание наделом накладывало на узденя целый ряд обязанностей. „Земля была дана в вознаграждение услуг в бессрочное пользование, взамен чего уздень, получивший землю, должен был исполнять разные поручения давшего ему эту землю и помогать ему имуществом или деньгами (делать подарки)".¹

Таким образом, данные узденям земли имели все черты лена - наследственного земельного владения, связанного с несением определенной службы своему владельцу.

По смерти узденя земля переходила к его наследникам. Вместе с землей переходили к наследникам и вассальные обязанности за нее. Если сыновей было несколько, участок мог быть поделен между ними. Такое дробление не ущемляло интересов феодала, так как вассальные обязанности несли все мужчины, получившие землю. Передача лена по женской линии запрещалась, так как некому было бы нести эти обязанности. „Поэтому", - пишет Н. Петрусевич, - „иногда бывали случаи, что за неимением наследников мужского пола дарённые земли возвращались обратно подарившим". Следовательно, феодал сохранял верховное право на узденские земли, в том числе и право на получение выморочного имущества. Продажа ленов не допускалась на том же основании - купивший ее не нес бы вассальной службы.²

Феодал, давший узденю землю, тем самым брал его под покровительство, оказывал ему защиту и заступничество. В условиях беззакония и произвола феодального общества такое заступничество было очень важно.

Обычай не устанавливал размера повинностей и приношений, которые нес уздень в пользу своего бия, и они выступали под видом добровольных приношений: „всякий что хотел, то и давал". Но так как земля была очень дорога

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 512, л. 9-10

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 512, л. 10

в Карачае, то и ответный подарок узденя бию за землю был не маленьким. Он делался обычно „скотом или лошадьми на значительную сумму".¹

Ещё более прочными были вассальные отношения, скрепленные молочным родством - аталычеством. Уздени, бравшие на воспитание бийских детей, получали участки земли в наследственное пользование, которые назывались емчеклик-джер - земля за кормление грудью, молочное братство.

Так, Аджиев Солагай, переселившийся в Дууут из Учкулана, взял на воспитание двухмесячного сына Апсуа Крымшамхалова - Мурзакула и воспитывал его до 10 лет. За это Апсуа Крымшамхалов дал Солагаю три земельных участка: Тейри-кол, Кол-тюбю и Шиякы-сырты. Часть этих земель была пригодна для кышлыков, часть - для джайлыков, а остальная находилась под лесом. Эти и подобные им участки старики и сейчас называют емчек-джер.²

Развитие ленных отношений не получило в Карачае большого развития, так как процесс этот был прерван присоединением Карачая к России.

По словам Н. Петрусевича, раздача земель узденям прекратилась примерно с конца 20-х-начала 30-х годов XIX века, а принесение подарков за эти земли - с 50-х годов.³

Распоряжением командующего войсками Кубанской области генерал-адъютанта Евдокимова от 19 января 1863 года вассальные отношения узденей к своим владельцам считались упраздненными.⁴

Дальнейшее утверждение частнособственнических отношений и юридическое оформление поземельной собственности произошло во второй половине XIX века.

Решающую роль в этом сыграло влияние русского права.

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 512, л. 9-12

² Полевой материал 1958 г. с. Карт - Джурт.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 512, л. 11.

⁴ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 512, л. 14.

Рост крупного землевладения в Карачае вел к обезземеливанию народных масс. Наряду с прямыми захватами общинных земель, лишавшими крестьян сенокосов и пастбищ для скота, крупные землевладельцы не гнушались и мелкими крестьянскими участками, чтобы увеличить свои владения. Одним из средств, при помощи которого можно было завладеть крестьянской землей, была бегенда. Бегенда, или бессрочный залог земли, имела в Карачае довольно значительное распространение в первой половине XIX века. Во второй половине века она была постепенно вытеснена новыми формами земельных и денежных отношений: арендой земли на длительный срок, ростовщическими процентами и т.д.

Как уже говорилось, земля в Карачае была самым ценным залогом. Поэтому деньги, скот или другое имущество охотнее всего давали в долг под залог земли. Обедневшие крестьяне нуждались в средствах для поправки своего хозяйства, для покупки скота или хлеба, для аренды земли и других нужд, поэтому они вынуждены были обращаться к более богатым узденям или биям с просьбой о ссужении им некоторой суммы. В залог крестьянин отдавал свой участок земли, часто последний. Вместо процентов на данную в долг сумму кредитор получал право пользоваться урожаем или сеном с заложенного участка. Такой залог земли назывался по карачаевски - джерин джюкге салгъан, а сама заложенная земля - джюк джер.

Кредитор пользовался доходами с земли до тех пор, пока заимодавец не возвращал долг, и имел право, если долг не возвращался вовремя, совсем оставить себе заложенную землю. Если кредитор был честным человеком и стремился помочь обедневшему должнику, он мог разрешить ему продать заложенную землю и из полученной суммы уплатить долг. В таком случае часть суммы от продажи земли все же оставалась должнику, так как землю закладывали обычно значительно ниже ее действительной стоимости.

Но были и такие кредиторы, которые стремились использовать бегенду для захвата чужой земли. Обычай

давал им право разрешать или не разрешать продажу заложенной земли. В последнем случае земля оставалась им в компенсацию за невозвращенный долг.

На землях крупных владельцев ухаживали за скотом, работали на сенокосах и т.д. крепостные крестьяне, находившиеся в различных степенях зависимости от владельца. А в горячую пору, путем помочей-маммата - привлекались и юридически свободные крестьяне-уздени. Другую часть земли владельцы отдавали своим крепостным, которые вели на ней свое хозяйство. За это, в виде натуральной ренты, они отдавали владельцу часть продуктов.

Нуждающиеся в земле крестьяне брали у богатых землевладельцев участки под пахоту или покос, а за пользование землей или отработывали на владельца, или отдавали ему часть урожая. С пахотных земель обычно отдавалась половина урожая, с сенокосных – 2/3 скошенного сена, иногда половина.¹ Исполщик, взяв землю, должен был вспахивать ее своими орудиями и своим скотом, засеять своими семенами и все лето ухаживать за посевом, а получал жалкие крохи.

Аренда пастбищ производилась на других условиях: там расплата производилась не по количеству земли, а по количеству выпасываемого на ней скота.² Но и в этом случае все выгоды аренды доставались землевладельцу.

Сложность поземельных и, в частности, арендных отношений в Карачае заключалась в том, что малоземелье вынуждало карачаевцев арендовать земли не только внутри Карачая, но и за его пределами: у соседних народов, а позже и у жителей казачьих станиц.

Начиная с XVII в. (Карачай - со второй половины XVIII в.) горские общества Нагорной полосы и Кабарда находились в отношениях, которые можно условно назвать военно-политической конфедерацией. Необходимость в таком союзе была взаимной. С одной стороны, горцы с их традиционным отгонным скотоводством нуждались в

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед.хр. 130, л. 58.

² ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед.хр. 71, л. 4.

зимних плоскостных пастбищах Кабарды, особенно в засушливые годы. Кроме того, правящей верхушке был выгоден союз с влиятельными кабардинскими князьями перед лицом внешних опасностей и внутренней крестьянской оппозиции. С другой стороны, сами князья Кабарды, вынужденные вести отчаянную борьбу с крымскими ханами, были крайне заинтересованы в поддержке со стороны горских обществ. Взаимоотношения горских обществ и Кабарды Б.В. Скитский справедливо назвал „союзом социальных верхов". При этом каждая из сторон сохраняла свободу во внутреннем управлении. Как отмечал Г.А. Кокиев, „кабардинские князья не вмешивались во внутреннюю жизнь горцев", точно так же горцы „не вмешивались во внутренние распри кабардинских князей"¹. Помимо этого, как указывал Л. И. Лавров, горские общества сохраняли независимость и во внешней политике.²

Упоминаемая в разных источниках так называемая "дань", в действительности была платежом за пользование кабардинскими пастбищами и никоим образом не свидетельствовало о какой-либо политической зависимости Карачая от кабардинских князей. Не случайно Г.Ю. Клапрот отмечал, что в урожайные годы карачаевцы не только не гнали скот на кабардинскую территорию, но и не пускали кабардинцев на свои земли. Последнее, естественно, вряд ли было возможным, если бы Карачай был политически зависим от Кабарды.

Одним из самых главных вопросов, по которому в течение многих лет продолжались столкновения между карачаевцами и кабардинскими князьями, были поземельные споры.

„С давнего времени между карачаевцами и кабардинцами происходили постоянные споры за принадлежность некоторых пограничных между ними

¹ А. К. Джанаев, Б. В. Скитский - *Известия СОНИИ*, т. XXV, *Орджоникидзе*, 1966, с. 145-146.

² Лавров Л.И., *Карачай и Балкария до 30-х годов XIX века*. — *Кавказский этнографический сборник*. — М., 1969. — Т. IV.

земель",¹ доносил в 1859 году командующий Кавказской армией военному министру. Для разбора этих споров была назначена комиссия, на основании заключения которой проведена граница между Карачаем и Кабардой. Граница проходила от Эльбруса по водораздельному хребту между притоками Кубани и Терека до реки Эшкакон и затем по этой реке.

Такое разграничение лишало карачаевцев части пастбищ, которые они снова, теперь уже на иных основаниях, должны были арендовать у кабардинцев.

Глава IV. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА КАРАЧАЕВСКОГО ОБЩЕСТВА

Незавершенность процесса феодализации и стойкость общинных отношений в Карачае наложили свой отпечаток на социальную структуру карачаевского общества. Социальные деления переплетались с родовыми, что смазывало порой их классовую сущность.

При изучении проблемы разложения родового строя и становления феодальных отношений в Карачае надо учесть то, что процессы эти возникли еще у их предков – алан, болгар и кипчаков. В одном из древнетюркских письменных памятников 1303 года (Кодекс куманикус) упоминаются рабыни - карауаш, уздени и бии. Этот же термин - карауаш встречается в исторических песнях карачаевцев „Гошаях" и „Орусбийлары".

В первых же русских документах о карачаевцах упоминаются князья. В статейном списке посольства Елчина и Захарьева в 1639 году говорится, что Елчин дал карачаевским князьям, двум братьям Ельбуздуку и Галистану, 4 аршина красного английского сукна.

Однако развитие феодальных отношений в Карачае тормозилось наличием сильной общины. Собственность на землю долгое время продолжала считаться общинной. Феодальные владельцы - бии - доказывали свои права на

¹ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 868.ед.хр. 24, л. 1-4

землю и власть над народом своими родовыми преимуществами. Феодальная рента взималась под видом добровольных приношений и помочей.

Источники по-разному рисуют классовый состав карачаевского общества в первой половине XIX в., насчитывая в нем то 2, то 5¹ и даже 7 социальных групп.*²

Но все авторы, даже те из них, которые считали карачаевское общество родовым, не могли не отметить в нем двух противоположных полюсов: владельцев и крестьян.³

Взаимоотношения карачаевских сословий многие авторы идеализировали. Так, Г. Петров писал: „В крепостном праве у карачаевцев нельзя не отметить одной особенности, которой у других горских племен вовсе не

¹ Ф.И. Леонтович (*Адаты кавказских горцев... С. 273-274*) насчитывал в карачаевском обществе пять сословий: старшины, каракиши, кулы, казаки и караваш

*² В рапорте начальника Эльборусского округа от 1867 года (ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 650, л. 1-3) перечислены семь социальных групп:

1. бий (ак сюек — белая кость);

2. чанка — полукнязья;

3. кара киши - черный народ;

4. муллы - духовенство;

5. азаты - вольноотпущенники;

6. правные крестьяне — джоллу кулы;

7. бесправные крестьяне — джолсуз кулы или башсыз кулы.

³ Письменные и фольклорные данные, собранные к настоящему времени исследователями, позволяют реконструировать сословную структуру карачаевского общества: имелось три сословия (аристократы - "акъсюек", свободные общинники - "ёзден" и лично зависимые - "къул"), каждое из которых имело свои категории:

Аристократы — "акъсюек" ("белая кость"):

1) бий

2) чанка;

Свободные общинники - "ёзден" (уздени), "къаракиши":

1) сырма - или улуу-ёзден ("почетные" или "большие уздени")

2) къара - или тюз-ёзден ("простые уздени")

3) сарайма - ёзден (военно-служилые уздени)

4) тебен - или сыйсыз-ёзден ("непочетные уздени", "нижние уздени") назывались еще "азат";

Лично зависимые (къул):

1) джоллу кул и юлгюлю кул (крепостные крестьяне)

2) джолсуз кул и башсыз кул (патриархальные рабы).

существовало - это отсутствие высокомерия других сословий к сословию рабов. Крестьяне не подвергались презрению и унижению".

Дальше он описывал совместную работу и дружбу „господ с рабами, совместные трапезы и усыновление биями сирот - кулов", любовь кулов к своим господам, в случае смерти которых они „обрезали себе носы, уши, царапали лицо, кусали руки и проч."¹

А.Н. Дьячков-Тарасов, описывая патриархальные отношения между владельцами и кулами, берет под защиту биев, утверждая, что карачаевский бий - это не феодал, а „главный старшина"; что мы „не должны придавать ему традиционного значения князя, феодального владельца", и что „народные предания относятся к общине Крымшамхаловых положительно".

Рассмотрев взаимоотношения владельцев с крестьянами, он находил „культурную близость" сторон. „Это не русские помещики и крепостные крестьяне, это не немецкие бароны и их вассалы, - это горные скотоводы, имевшие когда-то первобытную клановую формацию, объединявшую и родоначальника, и членов рода, и усыновленных родов, и потомство батраков для упорной борьбы с тяжелыми географическими условиями страны, а участие в общей борьбе сближает всех ее участников, несмотря на их расслоение. И в прошлом мы находили нередкие факты браков караузденой с дочерью кула, а также обратное".²

В этой противоречивой характеристике, с одной стороны, признается расслоение, а с другой - оно сводится на нет общей борьбой с природой. При этом автор делает вывод, что, если в Карачае и было угнетение, то только „бытовое". Трудно сказать, откуда почерпнули Г. Петров и А. Н. Дьячков-Тарасов такие сведения. Их не мог дать ни этнографический, ни фольклорный, ни тем более архивный материал.

¹ Г.Петров. *Верховья Кубани - Карачай*... С.133

² *Записка Северо-кавказского горского научно-исследовательского института. Том 1, Ростов-на-Дону. 1928, С.141.*

Пословицы карачаевского народа говорят именно об угнетенном положении кулов: „Пусть не будет у тебя свойственником раб, пусть не будет удачи у того, кто в свойственники возьмет раба“; о тяжелом положении кула: „Пища раба в золе“, „Кто убьет кула, тому нет мести“. Жизнь раба была так тяжела, что трудно было выжить: „Раб, который не умрет, будет пить воду из золотой чаши“.¹ Пословицы отражали вражду сословий: „Если чешется спина, иди к бийским дверям“² и т.д.

В песнях карачаевского народа также показаны угнетение крестьянства и резкая сословная рознь. Песни „Барак“, „Кубанов Эльмурза“, „Джагаев Маил“ показывают тяжелую долю бедняков, вынужденных наниматься в батраки, обман их биями и богачами и борьбу против этого таких смельчаков, как Барак Салпагаров и др.

Не только между биями и кулами - двумя полюсами карачаевского общества, - но и между узденями и кулами стояло много сословных перегородок.

Песня „Акбийче и Рамазан“ рассказывает о горестной доле девушки-узденки, осмелившейся полюбить кула. Зная, что родители никогда не согласятся на такой брак, Акбийче бежала, но родственники догнали ее. Девушку безжалостно избили и вернули к родным. „От плетей побагровело мое тело и горит, как в огне. Мне говорят, что я опозорила род, бесстыжая, и бьют плетью“, — плачет Акбийче.

Архивные материалы сухо и бесстрастно повествуют о нищенском положении кулов (см. списки бедных владельцев и крестьян, из которых видно, что основная масса кулов вообще не имела ни скота, ни земли), о презрительных кличках, которыми называли кулов, о случаях убийства кулов владельцами, о побегах тех из них, кто не мог вынести долгие тяжелого гнета.³

Таким же конкретным материалом о резком имущественном неравенстве среди узденей доказывается

¹ Къул джжуууъунг болмасын, къулну джжууукъ этген онгмасын. Къулну ашы къолде. Къулну ёлтюргеннге къан джжокъ. Ёлмеген къул алтын аякъ бла суу ичер. Къумдан юй болмаз, къулдан бий болмаз.

² Сырты кичиген бий эшигине.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 129, л. 53-85

расслоение этого сословия, выделение верхушки, которая отличалась не только в экономическом, но и в политическом отношении от остальной массы и вместе с биями решала важнейшие дела карачаевского общества (например, участие в переговорах с генералом Емануэлем в 1828 году).¹

В процессе классовообразования и феодализации карачаевского общества узденство переживало процесс распада, выделения, с одной стороны, феодализирующейся верхушки, с другой - трудового узденства, которое постепенно становилось зависимым сословием. Таким образом, юридическое и фактическое положение узденства к XIX веку уже значительно отличалось.

Сословия отличались друг от друга не только экономическим, но и правовым положением, что характерно для сословий феодального или феодализирующегося общества. За ними были закреплены определенные права и обязанности, зафиксированные, за неимением писаных законов, в адатах.

Сословия были замкнутыми. Как бы ни разбогател уздень, он оставался по своему правовому положению узденем и не мог претендовать на бийское достоинство, так же как разорившийся бий оставался бием или чанка (разновидность сословия биев). „Бедный может стать богатым, а кул узденем никогда" (Джарлы бай болур, кьул ёзден болмаз) - гласит карачаевская пословица.

Сословная принадлежность передавалась только родом или браком. Причем браки заключались также преимущественно между лицами одного сословия. Эти черты сословного строя, так же как и завуалированные формы эксплуатации, часто затемняли сущность классовых отношений в Карачае.

Картина социального строя Карачая осложнялась еще наличием в нем рабовладельческих отношений. В процессе возникновения и становления классового общества в нем возникла и рабовладельческая форма эксплуатации.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, ед.хр. 6231, л. 126.

Однако развитие элементов рабовладения происходило в Карачае в тот период, когда уровень развития производительных сил был выше, чем возможный при рабском труде, а кроме того, слишком сильны были общинные связи и традиции, что также препятствовало широкому развитию рабовладельческих отношений. Поэтому рабский труд в Карачае не стал господствующим, а играл подсобную роль в хозяйстве владельцев.

Развитие карачаевского общества пошло в основном по пути феодализации, а не рабовладения. Рабство же, носившее патриархальный или домашний характер, осталось одним из укладов феодализирующегося карачаевского общества.

Незавершенность процесса феодализации выражалась и в том, что и к середине XIX в. различные категории крестьянства (юлгюлю кулы, патриархальные рабы башсыз кулы и трудовое узденство), попадавшие все в большую зависимость от владельцев, еще не слились в единую массу, не превратились в единый класс крепостных крестьян.

С середины XIX века развитие феодальных отношений в карачаевском обществе происходило уже под непосредственным воздействием русского государства, поддерживающего местную знать. Это ускоряло процесс феодализации и придавало своеобразный характер всем социальным отношениям.

Ко времени отмены крепостного права социальный состав карачаевского общества характеризовался следующими цифрами:

Князей и старшин	284 чел.	3,7%
Чанка	255 чел.	
Азатов	1801 чел.	80,6%
Узденей	9978 чел.	
Юлгюлю кулов	1825 чел.	12,4%
Башсыз кулов	582 чел.	3,3%
Всего	14725 чел.	100,0%

Как видим основную массу населения Карачая составляли уздени, а патриархальные рабы – башсыз кулы

составляли только 3,3%, т.е. меньшую часть населения и не могли поэтому быть основными производителями.

1. УЗДЕНИ

Термин „уздени“ имеет у карачаевцев иное значение, чем у соседних адыгских народов. Там узденями называли дворян в отличие от крестьян - тльфокотлей. У карачаевцев же узденское сословие включало в себя и основную массу трудового населения - юридически свободных, но фактически все более закрепощаемых крестьян-общинников и разбогатевшую верхушку этого сословия, которая по своему экономическому положению приближалась к феодалам.

Карачаевское узденство по своему экономическому и политическому положению стояло ближе всего к балкарским кара киши или кара узденям, к черкесским тльфокотлям и абазинским анхаю, а верхушка узденства - к уоркам и агмиста.

Но именно благодаря тому, что сословие узденей включало в себя и трудовое население и разбогатевшую неродовитую верхушку, социальное положение этого сословия было особенно противоречивым, а разница между юридическим и фактическим положением членов сословия особенно значительной.

Юридически узденство считалось и в XIX в. сословием свободных крестьян, никому не подвластных и ни от кого не зависимых. Фактически же большую или меньшую зависимость удалось сохранить только незначительной части наиболее богатых и влиятельных узденских фамилий, которые сами обладали тысячами голов скота, а главное - сотнями десятин земли. Трудовое же узденство все больше и больше попадало в зависимое положение. Однако эта зависимость еще не носила формы ярко выраженного крепостного права, как при развитом феодализме.

Сословная неполноправность кара узденей проявлялась во многих сторонах жизни карачаевского общества: и в том, что сословие узденей считалось низшим, черным, по сравнению с благородными биями — белой костью — акъ

сюек; и в том, что уздени были фактически устранены от рассмотрения политических и других важнейших вопросов жизни общества, которые решались биями да членами отдельных, наиболее значительных, узденских фамилий. Так все послания русскому командованию писались от имени карачаевских старшин, они же вели все переговоры с русским правительством. В переговорах с генералом Емануэлем в 1828 году участвовали: Ислам Крымшамхалов, Аслан-Мурза Дудов, Наны Дудов, Темирчок Карабашев и другие бии и только один узден - Хаджи Ибрагим Боташев.¹

Выражением сословной неполноправности был разный размер платы за кровь, увечье и воровство у биев и узденей, разный калым за дочерей. 600-800 рублей деньгами или скотом на эту сумму платили за бийскую девушку и вдвое меньше - 300 рублей - за дочь узденя.²

Уздени обязаны были оказывать биям различные знаки внимания: стоять в их присутствии, сопровождать в поездках, подсаживать на лошадь и т.д. Вот почему Г. Петров, идеализировавший взаимоотношения карачаевских сословий, вынужден был признать, что кара уздени, „хотя пользовались личной свободой, но должны были всюду следовать за своими старшинами, исполнять беспрекословно их волю и оказывать материальную поддержку“.³

Противоречивость положения узденского сословия выражалась также в том, что юридически оно составляло одно сословие, члены которого обладали одинаковыми правами. Разбогатевшая узденская верхушка еще не успела выделиться в особое сословие. Это подтверждается и тем, что она не имела даже четкого названия. По одним источникам, верхушку узденей называли уллу ёзден - большие уздени, по другим - сырма ёзден - безусловные уздени или сыйлы ёзден - почетные уздени в отличие от

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, ед.хр. 6231, л. 126.

² Ф. И. Леонтович. Ук.соч., С. 274.

³ Г. Петров. Верховья Кубани - Карачай... С. 132.

основной массы - сыйсыз ёзден - непочетных узденей или къара ёзден - черных узденей.

Расслоение узденства сопровождалось обезземеливанием и обнищанием трудового узденства, его политическим закабалением. Экономическое положение узденства к началу и особенно к середине XIX в. представляло собой картину далеко зашедшего имущественного неравенства. Причем это неравенство наблюдалось не только между отдельными узденскими фамилиями, но и внутри этих семей - между разбогатевшими и разорившимися семьями. Так, к 1867 году Абдурахман Боташев имел 160 голов крупного рогатого скота и 700 овец, Ахмат Боташев - 500 овец, Тавгуз Боташев - 700 овец.¹ Два других Боташева: Магомет и Юсуп были владельцами небольших конских заводов по несколько десятков лошадей.² А семья Шемахо Боташева не имела ни одной головы скота.

Еще больше скота было у Байчоровых. Вдова Кучука Байчорова - Апак имела 40 лошадей, 80 голов крупного рогатого скота и 2000 овец; Чубур Байчоров - 60 лошадей, 80 голов крупного рогатого скота и 1000 овец; Машумат Байчоров — 500 овец.³ Большими табунами лошадей владели Ожай Байчоров (200 голов), Бачак Байчоров (100 голов), Джембулат Байчоров (80 голов).⁴ Джанибек Салпагаров имел 120 голов крупного рогатого скота и 1200 овец.

В хозяйстве всех этих лиц использовался труд крепостных крестьян. На Аслана Чотчаева, владельца 200 голов крупного рогатого скота и 1300 овец, работали четыре семьи крепостных крестьян, насчитывавших 20 человек.⁵

Другие узденские семьи владели одной-двумя семьями крепостных, а иногда и всего одной женщиной-рабыней - карауаш. Всего в Эльборусском округе к середине XIX века

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 129, л. 80.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 194, л. 43.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 129, л. 81.

⁴ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 194, л. 43.

⁵ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 129, л. 81.

крепостными крестьянами владели 634 семьи, в распоряжении которых находилось около полутора тысяч крепостных и кулов (меньше трех человек на семью).

Верхушка узденей по своему экономическому положению действительно скорее напоминала дворянство типа уорков и агмиста черкесского и абазинского народов, чем рядовых крестьян - тльфокотлей и анхаю.

Узденская верхушка вместе с биями заседала в суде и народном собрании, участвовала в решении важнейших дел.

Но и разбогатевшие узденские фамилии оставались в вассальных отношениях к биям и несли, как вассалы, целый ряд соответствующих обязанностей. Они сопровождали биев во всех их поездках, участвовали в советах, выезжали для них лошадей, воспитывали их детей. Последнее - аталычество - делало вассальные связи особенно прочными, так как семья бия и воспитавшего его детей узденя скреплялась молочным родством.

Комиссия для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей, учрежденная в 60-х годах XIX века, отнесла уллу узденей, как биев, к привилегированным сословиям Карачая. „Кроме сословия бий, существовало еще благородное сословие уллу-уздень, но оно не имело существенных сословных преимуществ перед простым народом, за исключением участия в народном суде (мех-кеме)", - говорится в Записке канцелярии главноначальствующего гражданской части о правах высших горских сословий в Кубанской и Терской областях.

Этот вывод комиссии еще раз подтверждает противоречие между юридическим и фактическим положением лиц, принадлежащих к узденской верхушке, которая по своему богатству приближалась к господствующему классу, вместе с ним эксплуатировала трудовое население Карачая — кара узденей и кулов, а по своим сословным правам и обязанностям продолжала считаться узденями.

Такой же противоречивой и относительной была и юридическая независимость узденского сословия. Так,

статья четвертая адатов гласит: „Для произведения хлебопашества и сенокоса в пользу старшин, эти (т.е. уздени и кулы) должны дать землю и быков на время”.

Статьи 11, 15 и 16 определяли обязанности кара киши по отношению к своим владельцам в случаях женитьбы, смерти старшин и выдачи замуж дочерей.

„Женившийся старшина имеет право жену свою отправить и оставить ее в доме кара киши, если захочет этого, в продолжение одного года”. Весь этот год семья кара киши должна была кормить княжескую невестку и ухаживать за ней.

В случае смерти бия, каждый кара киши должен был доставить на поминки одного барана зарезанным и трех живыми и по одному торсуку бузы.

При выдаче замуж дочери, каракиши должен был часть калыма также отдать владельцу: „при выдаче дочерей, каракиши дают из калыма своему старшине две скотины (подарок этот называется емчеклик, т.е. аталыкский подарок) и другому старшине, которому он не принадлежит, пару быков, также в виде аталыкского подарка”.

Повинности узденей выражались как в натуральной, так и в отработочной ренте. В период покоса каракиши, имеющий не менее 60 баранов, давал одного барана для питания косарей бия. Зимой каждый узденский двор обязан был кормить одну скотину бия, отвечая за ее жизнь. Если скотина падала от плохого питания или ухода, узден обязан был возместить убыток. Когда к бию приезжали гости, состоятельные каракиши обязаны были кормить их лошадей (по одной лошади на двор). Если у бия не было служанки, уздени помогали ему купить ее, давая с каждого двора по одной голове скота.

Когда крестьяне резали откормленный скот, то лучшую часть мяса (грудинку) посылали бию; если варили бузу, то посылали кувшин ее бию.

Еще многочисленнее были виды отработочной ренты. Во время сенокоса каждый узденский двор давал бию одного косаря на один день. Кроме того, давался один

человек для сбора сена и поставки копен и один человек с парой быков для его перевозки.

В период пахоты каждая узденская семья выделяла одного человека с парой быков и орудиями труда для работы в течение одного дня по удобрению полей, в течение одного дня на пахоте и в период уборки - на жатве. Перевозка хлеба также производилась при помощи узденей, выделенных для этого по одному человеку из каждой семьи.

Если бий строил дом, каждый двор каракиши давал работника с парой быков для перевозки заготовленного леса. Каракиши же доставляли биям сосновые лучины для освещения.¹

Но и эти перечисленные обязанности не исчерпывали всего того, что делали каракиши для биев. По обычаю уздени не смели отказать бию ни в какой его просьбе, безропотно должны были выполнять любую работу, если бий устраивал маммат, дарить ему любую вещь, если она приглянулась ему.

В случае несчастья в бийской семье, все уздени, а не только подвластные ему, оказывали помощь. Так, когда был украден мальчик из семьи Крымшамхаловых, то все уздени дали по одной овчине, чтобы выкупить его из плена.

Наступление феодалов на узденство задерживалось наличием крепкой соседской общины. Она помогла узденям отстоять хотя бы формальную свободу вплоть до середины XIX в. Бии вынуждены были все же считаться с общинными порядками и сдерживать свой натиск на крестьян. Обычай накладывал и на биев некоторые обязанности по отношению к покровительствуемым узденям, которые они должны были выполнять, чтобы не потерять уважения народа. Так, получая от узденей часть платы за кровь, бий в свою очередь отдавали узденям часть того, что получали сами за кровь родственника. Если бий платил пеню за убийство, уздени помогали ему собрать требуемую сумму, но и он сам должен был помогать в таких же случаях узденям не меньшей суммой. Получив от

¹ Умар Алиев. *Кара-Халк*. С.45-49.

узденья часть калыма или иной подарок, бий брал тем самым его под свое покровительство, как сеньёр вассала. „Получающий его старшина должен всегда помогать каракиши в делах его. Во всяком случае, он остается тому каракиши настоящим помощником, и никто не в праве устранить старшину от дел, касающихся до взятого им под покровительство".¹ Бий выступал ходатаем за узденя, если у того возникало какое-либо спорное дело.

Обычай защищал каракиши от посягательства биев на его жизнь или честь. „Если старшина ударит каракиши или нанесет ему рану, то обиженному за честь должен отдать одну лошадь и сварить пива",² - говорится в адатах. Но этот же обычай значительно больше защищал жизнь и имущество биев и давал им право карать узденей за неповиновение. Если штраф за ранение каракиши равнялся стоимости лошади (20-30 руб.), то „за драки, удары и раны обиженный старшина за честь получает одну душу крестьян, росту 6 четвертей" (цена крестьянина доходила до 300 рублей).

Глава XI адатов — „Мера наказаний за неповиновение старшинам" — давала биям право штрафовать узденей за посягательство не только на их жизнь, но и на имущество: "Каракиши, по сомнению в воровстве, позволивший себе посмотреть в доме или в кошу у старшины, штрафуются парой быков, за что осмелился учинить такой обидный поступок".³

Эти статьи показывают, что феодалы обладали уже значительной административной властью над узденским населением.

Кроме эксплуатации в виде натуральной и отработочной ренты, в карачаевском обществе уже в первой половине XIX в. получило довольно большое развитие применение наемного труда. Однако это были не обычные формы найма, а специфические для скотоводческого хозяйства карачаевцев.

¹ Ф. И. Леонтович. Ук. соч. С. 277

² Ф. И. Леонтович. Ук. соч. С. 285.

³ Ф. И. Леонтович. Ук. соч. С. 284.

Наем производился обычно на какую-нибудь определенную работу. От вида работы зависел и срок найма. Косарей нанимали на период покоса, обычно на два месяца, работников для ухода за скотом на летних пастбищах - на полгода, овечьих пастухов - на пять лет. Плата за труд в XIX в. производилась главным образом натурой - скотом.

Нанимателями были бии и богатые уздени. „С открытия весны каждый из зажиточных людей, нуждаясь в лишнем работнике, приискивает себе по возможности полугодовых работников, назначая конечным сроком обыкновенно окончание покоса в конце октября месяца",¹ — писал в своем рапорте начальнику области капитан Петрусевиц.

В наем шли самые бедные крестьяне за нищенскую плату. Начальник Эльборусского округа писал о мизерной плате карачаевским батракам. В то время, как в казачьей станине в страдную пору наемный работник мог заработать до 2 руб. 50 коп. в день, в Карачае он получал не больше 3 рублей в месяц.²

Еще меньше была фактическая плата при натуральном расчете. Кьой джалчы мог заработать до 40 баранов. При найме хозяин выделял ему 30, иногда 40 баранов, которых пастух метил своей меткой. Через пять лет помеченный скот и приплод от него (примерно 80-100 голов), а также шерсть и шкуры убитых животных делились пополам между хозяином и пастухом. Убыток шел только за счет пастуха.³

Иногда условия найма кой джалчи были иными - пополам делился весь приплод.

На поденную работу нанимались и женщины и даже дети. "Почти каждый член семьи зарабатывает что-либо и, где работает, там и кормится",⁴ - писал в 60-х годах Петрусевиц. Дети пасли скот, следили за поливкой сабанов

¹ ГАКК, ф. 574, оп. 1, ед.хр. 653, л. 849-853

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 653, л. 849-853

³ Полевой материал 1958 г. С. Карт-Джурт.

⁴ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 653, л. 849-853

и биченликов, прочищали канавки, обрабатывали огороды, женщины жали хлеб, пряли, валяли бурки и т.д.

При расчете хозяева очень часто обманывали батраков, не отдавали им условленной платы, а были случаи, когда убивали их самих. Тяжелая доля работников нашла отражение в песнях и сказках народа. В работники ушел сын Дебоша Салпагарова - Барак, нанявшись табунщиком. А когда пришел срок расплаты, Абуковы выгнали его, ничего не заплатив („Барак"). Не получил вознаграждения за свою работу и Эльмурза Кубанов, убивший за это хозяина („Къобанланы Эльмурза"). Батраку Хасану хозяин заплатил обещанное, а потом пожалел об этом и, чтобы вернуть отданный скот, убил его („Хасанны Джыры").

2. КУЛЫ

В отличие от других горских народов Кубанской области, имевших три формы зависимости несвободного населения, у карачаевцев их было две: крепостная зависимость юлгюлю кулов и рабская – башсыз кулов. Юлгюлю кулы или джоллу кулы в русских источниках названы "правными" или „обрядными холопами", патриархальные рабы - башсыз кулы или джолсыз кулы, - безобрядными или бесправными. Первые были аналогичны балкарским чагарам и черкесским пшитлям, вторые - балкарским казакам и карауаш или черкесским унаутам. Прослойки феодальнозависимых крестьян типа ясакчи у балкарцев и огов - у черкесов в Карачае не было.

Выделение в особое сословие женщин-рабынь - карауаш, как это сделано в адатах, собранных князем Голицыным, неправомерно, так как положение и мужчин и женщин этого сословия было одинаково бесправным. Ни те, ни другие „не имеют ни личных, ни имущественных прав".¹ В других источниках они рассматриваются как одно сословие. Термин „юлгюлю кулы" означает - примерные, имеющие определенное происхождение, семью, свое хозяйство; „джоллу кулы" - дословно - имеющие путь. Это

¹ В.М. Сысоев. Ук. соч. С.94.

были крепостные крестьяне, жившие семьей и имевшие свое хозяйство. Их называли правными крестьянами, так как они, "оставаясь в личной зависимости от владельца, несут последним службу в известных, обычаем установленных, размерах; за лицами этого сословия признаются права, как личные, так и имущественные и семейные",¹ - говорится в Записке начальника Кавказского горского управления о зависимых сословиях. Однако это юридическое признание прав крестьян совсем не обеспечивало им этих прав на деле.

Личные права юльгюлю кулов заключались в том, что при передаче их от одного владельца к другому заключался словесный договор в присутствии свидетелей, который определял их права и повинности. Юльгюлю кулы считались в какой-то степени юридически правомочными и в случае нарушения договора могли обращаться за помощью к свидетелям, при которых совершался обряд отчуждения.

„Эти свидетели делались впоследствии блюстителями адата (обычая), установленного при покупке, и которым владельцы и крестьяне руководствовались во взаимных отношениях".²

В отличие от этого, имущество, права и сама жизнь башсыз кулов, или безобрядных крестьян, ничем не защищалась. Но фактически и юльгюлю кулы были полной и неотъемлемой собственностью феодалов, и никакие посторонние лица в их взаимоотношения не вмешивались.

Адат разрешал юльгюлю кулам иметь семью. Они сами выбирали себе невест и, если были в состоянии, то сами вносили калым за них. Чаще всего уплата калыма производилась скотом (баранами, коровами и бычками), медной посудой, иногда оружием. Вырастив дочь, крестьянин выдавал ее замуж и получал калым, но три головы скота из калыма он должен был отдать владельцу.³ Неимущим юльгюлю кулам в уплате калыма помогали

¹ ЦГИА. Гр. Ф. 416, оп. 3, ед. хр. 287, л. 2.

² ЦГИА. Гр. ф. 545, оп. 1, ед. хр. 86, л. 119.

³ В.И. Леонтович. Ук. соч. С. 175, 227

владельцы. Но в таком случае в пользу владельца шел и калым, получаемый при выдаче замуж дочерей крестьянина. Отцу из этого калыма выделялось обычно не более 50 рублей.

При продаже юлгюлю кулов владелец не имел права разбивать семью и должен был продавать всех вместе.

Основным источником приобретения имущества было наделение их скотом и орудиями труда со стороны владельца. Поэтому собственником всего имущества крепостных крестьян, как действительно полученного от владельца, так и унаследованного от родителей и приобретенного своим трудом, считался феодал. Крестьянин мог только пользоваться этим имуществом.

В случае смерти бездетного крестьянина наследником выморочного имущества считался владелец. При продаже крестьянина другому владельцу имущество его оставалось у прежнего хозяина или же должно было быть „выкуплено у него за особую плату”.¹

Даже заработанное самим крестьянином имущество „считалось (у карачаевцев) неотъемлемой собственностью владельца”, в то время как у черкесов и абазин такое имущество делилось пополам между крестьянином и владельцем. Так же претендовали карачаевские феодалы и на личную собственность крепостных крестьянок, на их свадебные подарки, имущество, доставшееся по некаях,² составляет их неотъемлемую собственность.³

В основе эксплуатации юлгюлю кулов лежала как поземельная, так и личная зависимость - внеэкономическое принуждение. „Кулы и казаки за получаемую от старшины землю должны обрабатывать поля, косить и свозить в дом старшины на своих ишаках”,⁴ - говорится в адатах. В Карачае, в отличие от других районов Закубанья, крепостные владели небольшими участками собственной

¹ ЦГИА. Гр. ф. 545, оп. 1, ед. хр. 86, л. 120-121.

² Неках - брачный договор.

³ ЦГИА. Гр. ф. 545, оп. 1, ед. хр. 86, л. 124.

⁴ В.И. Леонтович. Ук. соч. С. 277.

земли. При освобождении крестьян эти участки делились пополам между крестьянином и владельцем.¹

Обязанности крепостных крестьян по отношению к своим владельцам выражались как в отработочной, так и в натуральной ренте. Отработочная рента заключалась в обработке земли феодала, в уходе за его скотом, в постройке домов и кошей, заготовке дров и т.д. Таким образом, все основные работы в хозяйстве биев выполнялись руками крепостных крестьян.

Свою землю крестьянин мог обрабатывать только после того, как покончит с пахотой земли владельца. В жатве владельческого хлеба в Карачае участвовали только женщины, так как мужчины в это время были заняты другой работой.

Из убранный хлеба юльгюлюкулы не получали никакой доли, в отличие от черкесских пшитлей и абазинских лыгов, получавших около половины урожая. Это объяснялось спецификой скотоводческого хозяйства карачаевцев, при котором земледелие играло подсобную роль и расплата за все виды работ велась скотом, а не хлебом.

Юльгюлюкулы следили за исправностью имеющихся оросительных канав и рыли новые каналы. Но главной их работой был уход за скотом и обеспечение его кормами. Весь период сенокоса крепостные почти непрерывно работали на владельца. „В Карачае во время покоса крестьянин обязан 6 дней в неделю косить для владельца, а седьмой лишь может косить для себя лично“,² - сказано в записке „О зависимых сословиях в горском населении Кубанской области“.

Работа кулов на сенокосе вообще не регламентирована, „кулы по очереди привозят дрова на старшинских ишаках и косят сено, сколько старшине угодно“. ³ Владелец обязан был только позаботиться о питании косарей, давая коров для подоя, „барана с барашком на зарез и не меньше двух

¹ ГАКК, ф. 452, оп. 2, ед.хр. 593, л. 10.

² ЦГИА. Гр. ф. 545, оп. 1, ед. хр. 86, л. 126-130.

³ В.И. Леонтович. Ук. соч. С. 277.

мер хлеба". Но зато „из накопленного сена ничего не выделяется для косцов”.¹ Сено для своего скота юльгюлюкулы должны были запасать как-то сами, несмотря на то, что почти круглые сутки работали на владельца.

На крепостных же лежал уход за скотом владельца: „Старшина имеет право для себя назначить табунщика и баранщика из кулов”,² - говорится в адатах.

Кроме того, юльгюлюкулы должны были строить для владельцев дома и хозяйственные постройки, коши и загоны для скота, обеспечивать владельца дровами, ухаживать за его пчелами и делать многое другое.

Жены юльгюлюкулов должны были „доить коров, готовить масло, носить воду (по два раза в день)”, обмазывать сакли владельца, стирать два раза в год к праздникам белье „и в случае надобности помогать жене владельца в приготовлении из шерсти разных изделий”.³ Если жена бия ехала в гости к своим родным, ее сопровождала жена юльгюлюкула.

Отработочная рента была основной в Карачае, и юльгюлюкулы были главной рабочей силой в хозяйстве владельцев. Свое хозяйство у них было небольшое, поэтому и натуральную ренту они несли незначительную: к свадьбе бия давали по одной голове скота, а когда сам кул женился, то должен был отдать владельцу три головы скота из калыма, полученного за жену; от каждой зарезанной скотины лучшую часть - грудинку полагалось относить владельцу.⁴

Еще меньше была распространена в Карачае денежная рента. Только во второй четверти XIX в., после того как карачаевцы ближе познакомились с меновой торговлей появилась новая форма эксплуатации крепостных крестьян — отдача их в работники. При этом все, что крестьянин зарабатывал на стороне, он должен был отдать владельцу.⁵

¹ ЦГИА. Гр. ф. 545, оп. 1, ед. хр. 86, л. 130.

² В.И. Леонтович. Ук. соч. С. 277.

³ ЦГИА. Гр. ф. 545, оп. 1, ед. хр. 86, л. 131-132.

⁴ В.И. Леонтович. Ук. соч. С. 277.

⁵ ЦГИА. Гр. ф. 545, оп. 1, ед. хр. 86, л. 136.

Если же крестьянин сам уходил в работники на то время, когда он не нужен в хозяйстве владельца, то он отдавал своему феодалу 2/3 заработанных денег, а себе оставлял 1/3. „Ушедший же в пахотное время, которое продолжается в Карачае 15 дней, должен принести своему господину 2 рубля или двух баранов". Крестьянин ушедший во время покоса, должен был или „выставить своему господину такого работника, как сам, или же заплатить цену, по которой в Карачае на это время нанимаются работники, а именно: корову, трехгодовалую телку и барана с барашком, что оценивается обыкновенно в 20 рублей".¹

К середине XIX в. среди крепостных крестьян заметно было довольно значительное имущественное расслоение. Разбогатевшие крестьяне имели не только свой скот и землю, но даже своих крепостных, которые назывались кульские кулы - кьулну кьулу.

Самой низшей, бедной и бесправной частью населения Карачая были патриархальные рабы. Источники именовали их по-разному, чаще всего башсызкулы² (башсыз кьул) - люди без головы или джолсузкулы³ (джолсуз кьул) - бездорожные, реже - джудузсуз кулы (джудузсуз кьул) - беззвездные, т.е. не знающие семьи, или юлгюсюз кулы (юлгюсюз кьул) - не примерные и джалсыз кулы⁴ (джалсыз кьул) - без заработка. Несмотря на разнообразие названий, смысл у всех один - люди без пути, без семьи, без хозяйства, лишённые всяких человеческих прав. В адатах патриархальные рабы разделены на две группы - казак и карауаш. На деле же это было одно сословие, так как казак означает просто одинокий, а карауаш (карауаш) — название женщин-рабынь. Положение их было аналогичным черкесским унаутам. В Записке начальника Кавказского горского управления о зависимых сословиях так сказано об этой категории: за кулами „не признается

¹ ЦГИА. Гр. ф. 545, оп. 1, ед. хр. 86, л. 136.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 650, л. 1-3.

³ ЦГИА. Гр. ф. 545, оп. 1, ед. хр. 86, л. 116.

⁴ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 650, л. 1-3.

никаких семейных и имущественных прав, это суть в полном смысле слова рабы. По коренному обычаю они сами признаются как имущество своего господина, живут в доме владельца, который располагает неограниченно трудами их, за убийство и нанесение обид этим лицам получают вознаграждение владельцы, как за вред, нанесенный их имуществу".¹

Адаты ни в какой степени не защищали ни личных, ни имущественных, ни семейных прав башсызкулов. Да у них и не было ни имущества, ни законной семьи. „Старшины могут продавать и дарить кулов, кому заблагорассудится“, - гласит адат. „За кровь кулов или казаков должно уплачивать по оценке, чего стоил убитый“; „Карауаш же есть совершенный раб во всем своего господина“,² - говорится в других статьях.

Башсызкулы не имели своего хозяйства и жили при доме владельца. В списках, составленных накануне отмены крепостного права, ни у одного из 314 перечисленных лиц этого сословия не было ни одной головы скота, ни одного клочка земли и ни одной сапетки пчел.³

Все их время и весь их труд принадлежали владельцу, который мог располагать ими по своему усмотрению. Он мог подарить или продать своего раба, а рабыню, кроме того, отдать в пользование постороннему мужчине.

Женщины - карауаш, которые преобладали в этом сословии (184 из 314 человек, перечисленных в списке), были служанками в доме владельца, исполняя все домашние работы: приготовление пищи, мытье полов и т.д. „Господину никто не мешает продавать такую служанку, кому он захочет; она служит безотлучно в доме при госпожах, получает одежду от господ; законного мужа не имеет“, - сказано в адатах.

Если владелец и разрешал карауаш жить с мужчиной, это не считалось законной семьей. Дети, рожденные от таких браков, не считались законными, а рассматривались

¹ ЦГИА Гр. ф. 416, оп. 3, ед. хр. 287, л. 1.

² В.И. Леонтович. Ук. соч. С. 277, 284.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 650, л. 1-3.

как приплод, которым владелец распоряжался по своему усмотрению. Он мог разлучить детей с матерью, продать их вместе и порознь на территории Карачая и вне его.

В списке бесправных крестьян, которые в документе названы черкесским термином унауты, в основном перечислены одинокие женщины с малолетними детьми, реже - одинокие мужчины или целые семьи.¹

Некоторые кулы были лишены даже человеческого имени. Их звали кличками или по этническому признаку, например Черкезкыз - черкешенка, Кизылбек - кизылбековец или по роду деятельности: Сабанчи - пахарь, Туарчы - скотник или просто Казак - одинокий, Хайыркыз, Хайырхан - полезная девушка и т.д.

Источниками приобретения башсызкулов были набеги, совершаемые карачаевскими феодалами на соседские народы с последующим порабощением пленных, покупка рабов и закрепощение разорившихся соплеменников.

„Каждый, попавший в плен, кто бы он ни был, закрепощался и составлял один из главных предметов меновой торговли“, - писал М.В. Орлов в начале XX века. Захваченный в плен мог сделаться снова свободным, если родные внесут за него назначенный выкуп. Если в плен был захвачен человек бийского сословия, то выкуп платил весь народ.

В том случае, если выкуп не был внесен или родные не знали о судьбе пропавшего, пленный превращался в раба, который „ценился не более, как вещь, подвергаемая мене и уничтожению по произволу хозяина“.²

Не только приобретенные покупкой или захватом, но и выросшие в Карачае рабы считались чужеродными членами общества. Они не входили в состав соседских, а тем более семейных общин. Это лишало кулов той защиты, которую оказывала община своим членам из узденского сословия, и делало их еще более беззащитными перед лицом феодалов.

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 129, л. 80-85.

² М. В. Орлов. Ук.соч., С. 182.

Покупка рабов производилась как за пределами Карачая (в Абхазии, Цебельде и других областях), так и в самом Карачае, куда привозили их купцы-работорговцы.

Продавший в Карачае привезенных рабов, должен был уплачивать в пользу биев пошлину по одному быку за каждого проданного кула.¹

Среди захваченных и проданных в Карачай кулов были черкесы, кабардинцы, абазины, сваны, цебельдинцы, дагестанцы и другие народности.

В 1866 году в ст. Ессентукскую явился кул Салпагаров Вахты по имени Огурлы, назвавшийся русским, и рассказал свою историю. По происхождению он был сыном казака Зассовской станицы Дмитрия Бабенко и звали его Семеном. В детстве он был захвачен горцами и увезен в Абхазию. Там его купил карачаевец Вахты Салпагаров, у которого он прожил 14 лет. За это время он несколько раз намеревался бежать, но случая не представлялось.

Вахты Салпагаров использовал его для пастьбы скота, отдавал в работники к своему родственнику Магомету Салпагарову, а в 1866 году послал на работы по прокладке дороги в Большой Карачай. С этих-то работ и удалось Семену Бабенко бежать к русским.

Русская администрация пыталась привлечь Вахты Салпагарова к ответственности за порабощение русского, но тот сумел доказать, что и не знал о русском происхождении своего кула, так как купил его как цебельдинца.²

Цены на крепостных и рабов в Карачае были выше, чем у соседних черкесских народов. Если у черкесов стоимость „правного крестьянина" была 150 рублей, а раба — 200 рублей, то у карачаевцев юлгюлюкулы ценились в 200-300 рублей,³ а башсызкулы - 300-400 рублей.⁴

¹ ГАКК, ф. 348, оп. 1, ед.хр. 9, л. 44

² ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед.хр. 229.

³ ЦГИА Гр., ф. 545, оп. 1, ед.хр. 86, л. 140.

⁴ Там же, л. 118

Побеги рабов были одной из форм протеста кулов против угнетения и бесчеловечного обращения с ними. Кулы убегали к соседним народам: черкесам, абазинам, кабардинцам так же, как кулы этих народов - в Карачай или на линию к русским. Командующий Баталпашинским участком доносил в 1834 году о случаях побегов горцев от их владельцев в укрепление Хумаринское.¹

Бегство кулов не освобождало их от крепостной зависимости. Срок сыска не был ограничен. Владелец, найдя своего крестьянина и через 10 лет, мог принудительно вернуть его, да еще потребовать уплаты своих убытков. В 1864 году Таусултан Крымшамхалов обнаружил в Кабарде у узденя Умара Шовгенова своего бывшего кула, который бежал от него 9 лет назад, — Милухо Безрюкова. Крымшамхалов подал прошение начальнику Кабардинского округа „О взыскании понесенных им через отсутствие холопа убытков с лиц, которые скрывали его".²

Целый ряд мероприятий русского правительства во второй четверти XIX в. ограничивал произвол и жестокость владельцев. Убийство раба приравнивалось к уголовному преступлению, за которое владелец нес ответственность.

Ограничена была работорговля. Запрещена была продажа людей на ярмарках и базарах, продажа за границу и в чужое племя. Но в виде исключения торговля людьми все же разрешалась, на что давались даже специальные билеты.³

Несколько позже была запрещена продажа кулов из одной области в другую: „В видах ограничения холопов и рабов от произвола их владельцев, я признал справедливым воспретить продажу, дар и отчуждение их всяким иным способом из пределов одной области в другую",- писал

¹ ЦГИА Гр., ф. 1083, оп. 2, ед.хр. 214, л. 1.

² ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед.хр. 391, л. 2.

³ В. Шамрай. Краткий очерк меновых (торговых) сношений на Черноморской кордонной и береговой линии с закубанскими горскими народами с 1792 по 1864 год. // Кубанский сборник, т. 8, Екатеринодар, 1902, С. 498.

главнокомандующий Кавказской армией в начале 60-х годов.¹

Кроме побегов, борьба карачаевских кулов против их владельцев проявлялась в отдельных столкновениях между крестьянами и владельцами. Так крестьянин владельца Гюргёко Кипкеева - Тохтар, не выдержав издевательства хозяина, поднял на него руку, за что был безжалостно зарезан Кипкеевым.² С установлением приставств, владельцы несли ответственность за дурное обращение с кулами. Кипкеев был приговорен к уплате трехсот рублей штрафа в пользу брата убитого.³

Одной из форм протеста против социальной несправедливости был уход в абреки, широко распространенный и у других горских народов. Первоначально абреками считались изгнанники из рода, а позже стали уходить все недовольные. Селясь в недоступных горных теснинах, они вели отважную одиночную борьбу с феодалами, а во время наступления царизма на горцев - и с царской администрацией. В абреки ушли герои песен „Кара-Мусса“, „Канамат“ и другие.

Борьба русского крестьянства против крепостного гнета активизировала и народные массы окраин Российской империи. Поэтому более активный характер борьба горского крестьянства и, в частности, кулов против феодалов стало принимать в 60-е годы.

3. БИИ

К привилегированным сословиям у карачаевцев относились бии. Бии, по характеристике литературных источников, „были полные господа и от них зависели все внутренние распоряжки общины“.⁴ В отличие от черного

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 653, л. 1.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 250.

³ Там же, л. 16.

⁴ В.М. Сысоев. УК.СОЧ., С. 95.

народа (къара киши) они считались людьми белой кости¹ (акъ сюек).

Сословная комиссия, которая рассматривала права горских сословий, приравнивала сословие биев по своему значению к кабардинским князьям пши или ногойским мурзам.² В Балкарии они назывались таубии - горские князья. В официальных источниках XIX в. карачаевских биев часто называли старшинами "по примеру других горцев, с которыми у них много общего".³ Однако это отождествление неправомерно, т.к. старшинами принято называть феодализирующуюся верхушку так называемых „демократических племен", новые феодалы которых не успели получить юридического признания. Карачаевские же бии были бесспорными феодальными владельцами, права и преимущества которых были узаконены адатом.

Жизнь и имущество биев охранялись повышенной платой за кровь и штрафом. Калым за девушек бийского сословия в несколько раз превышал калым за дочь узденя: „По древнему обряду калым заключался в 15 предметах: 5 крестьянах, 5 штуках железными вещами и на 5 остальных предметов сенокосной земли, которая бы стоила одной служанки, 2-х быков и 2-х лошадей".⁴

Эта статья адатов еще раз подчеркивает феодальную основу власти биев, которые владели основными средствами производства — землей и скотом, а также крепостными крестьянами, которых могли продавать, дарить, отдавать в калым.

К бийским фамилиям в Карачае относились Крымшамхаловы, Дудовы и Карабашевы. К моменту работы сословной комиссии (60-70-е годы XIX в.) насчитывалось 35 бийских семей, в которых было 93 мужчины.⁵

Одной из разновидностей биев были чанка. Первоначально к чанка относились дети от неравных

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 650, л. 1.

² ГАКК, ф. 348, оп. 1, ед.хр. 9, л. 43.

³ ГАКК, ф. 348, оп. 1, ед.хр. 650, л. 1.

⁴ Ф. И. Леонтович. Ук.соч., С.274-279.

⁵ Записка... С.84.

браков биев с женщинами низших сословий. Позже чанка называли всех обедневших и разорившихся биев, которые потеряли свое значение. К сословию чанка были отнесены Магометовы, Коджаковы, Темирбулатовы, Шахановы, Минкоевы, (Айсандыровы), Магаяевы, Калахановы и другие.¹

Начальник Эльборусского округа Петрусевич в своем рапорте о сословном строе Карачая сравнивал биев с потомственным дворянством, а чанка — с личным. О последних он писал: „В народе живут предания о их происхождении и прежнем влиянии; сами они женятся на дочерях простых узденей и выдают за них своих дочерей”.² В 70-е годы в сословии чанка было 26 семей, мужчин в них - 40.³

Комиссия для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей сочла возможным "утвердить в потомственном дворянском сословии ... карачаевского племени: бии с видом его чанка",⁴ рассматривая чанка не как отдельное сословие, а как разновидность бийского сословия.

Бии владели лучшими землями: сенокосами и кышлыками. Так, Крымшамхаловы имели урочища: Суулу-Кол - 365 дес., Джазлык - 237 дес., Кюзлюк-Орунла - 691 дес., Чикга улуну-Кышлыгы - 394 дес., Ак-Джартюбю - 864 дес. и др. Дудовы владели урочищами Джалан-Кол - 763 дес., Ташлы-Кол - 543 дес., Борсуклу - 683 дес.⁵ и т.д.

На этих фамильных землях паслись тысячные стада скота, находившегося в индивидуальной собственности бийских семей. Каншаубий Крымшамхалов, например, к 1864 году имел 400 лошадей, а к 1867 году - 340 лошадей, 75 голов крупного рогатого скота и 2500 овец;⁶ Асланбек и

¹ ЦГА СО АССР, ф. 262, оп. 1, ед.хр. 23, стр. 50-86.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 650, л. 1-3.

³ Записка... С. 84.

⁴ Записка... С. 120.

⁵ Труды комиссии... С. 42-44

⁶ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 194, л. 43.

Хаджи-Мурза Крымшамхаловы имели 200 лошадей, 80 голов рогатого скота и 2400 овец.¹

Эти же лица были главными крепостниками. На Асланбека Крымшамхалова работало 10 семей (более 70 человек),² из них 3 семьи (18 человек) - башсызкулов.³ Каншаубий Крымшамхалов владел двумя семьями юльгюлюкулов (15 человек) и двумя семьями башсызкулов.⁴ Давлет Гирей Крымшамхалов - двумя семьями (6 человек) юльгюлюкулов и четырьмя семьями башсызкулов⁵ и т.д.

Под видом покровительства жителям бии захватили в свои руки административную и политическую власть. „Управление внутренними и внешними делами находилось в руках сословия бии“, - говорится в Пояснительной записке о личных правах туземного населения Кубанской области. И дальше перечисляются те дела, которые были в их руках.

Биям принадлежали суд и расправа. Не только при суде по адату, но даже и в шариатском суде „с непременным участием народного эфенди, первое место в суде всегда принадлежало сословию бий.

В пользу биев шли штрафы и торговые пошлины. „Бии пользовались правами взимания торговых пошлин с приходящих в Карачай из Кумыка, Грузии, Ахалцыха и других мест торговцев по 1 руб. и за продажу холопей, продаваемых в Карачае, брали с продавцов одного быка; кроме того, с карачаевцев, оказавшихся виновными в краже, драке, обнажении оружия и т.п. проступках и преступлениях, бии взыскивали в свою пользу по 50 рублей“,⁶ - говорится в Пояснительной записке.

Строгий этикет определил отношение других сословий к биям. Куда бы ни пришел бий, ему везде принадлежало первое место.

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 129, л. 80.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 653, л. 663-682.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 129, л. 80.

⁴ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 653, л. 676.

⁵ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 129, л. 80.

⁶ ГАКК, ф. 348, оп. 1, ед.хр. 9, л. 44

Бии строго следили за чистотой своего сословия, запрещая своим сыновьям жениться на женщинах низших сословий. Браки заключались между лицами своего сословия или аналогичных сословий соседних народов. Нередки были браки карачаевских биев с женщинами из семей ногайских мурз, абазинских и абхазских князей, владельческих фамилий Сванетии и черкесских племен. Карачаевские княжны в свою очередь выходили замуж за знать других народов.

Принцип равенства по крови считался настолько важным, что ради него нарушали иногда строжайшую экзогамию карачаевских родов. В фамилии Крымшамхаловых даже были случаи браков между родственниками, лишь бы не унизить себя браком с лицом иного сословия.¹ Правда, это было редким исключением. Если же не равный брак все же совершался, дети не могли считаться чистокровными биями, а назывались чанка.

Наиболее значительной из бийских фамилий в Карачае была фамилия Крымшамхаловых. Они обладали самым большим количеством земли, скота и крепостных крестьян, у них же была и самая большая политическая власть. Между Крымшамхаловыми и другой княжеской фамилией - Дудовыми - происходили частые распри, типичные для каждого феодального общества. И русское правительство и турецкая агентура на Кавказе стремились прежде всего привлечь на свою сторону феодальную знать кавказских народов. В 1826 году в Анапу прибыл новый турецкий паша - Гасан-паша, наделенный чрезвычайными полномочиями. Влияние турок в Закубанье в это время значительно усилилось. В течение 1826 года многие горские народы, до этого державшиеся русской ориентации, согласились принести присягу Турции и выдать аманатов.

Присягнувшие народы обязывались принять духовных судей (кадиев) и платить подати в размере десятой части урожая. Гасан-паша опирался на феодальную знать, значительно увеличив ее права. По словам Хан-Гирея,

¹ Полевой материал 1958 г. Г. Карачаевск.

Гасан-паша „наименовал старших князей валиями и поручил им верховную власть“.¹

Опорой Гасан-паши в Карачае были Крымшамхаловы. Они и получили титул вали, который сохранялся за ними в течение многих лет.

После 1828 года, убедившись в силе русских, Крымшамхаловы очень быстро переменили свою политическую ориентацию и стали столь же горячими приверженцами русского правительства, как до этого - турецкого.

Царизм щедро отблагодарил их за это. Крымшамхаловым были пожалованы титулы и земли. Их дети получили право бесплатного обучения в учебных заведениях Кавказа² и столицы, а их вдовам назначались большие пенсии.³

Мало того, в течение всей первой половины XIX в. за Крымшамхаловыми была сохранена в какой-то степени административная власть над народом. А в 60-е годы XIX в., когда царизм вынужден был ограничить эту власть, в компенсацию за это Крымшамхаловым были даны новые земельные пожалования „во внимание к утрате исключительного положения их, которым они пользовались прежде в среде горского населения“.⁴

К привилегированным сословиям относилось и духовенство. „Из всего избытка хлеба и скота ежегодно отделяется десятая часть по закону Магомета и разделяется на три части: одна - аульному эфенди, другая всем муллам, а третья нищим“, - сказано в адатах. Кроме этого, "с каждого дома отдается зимой аульному эфенди по барану и по одному стогу сена (стог или копна состоит из двух выюков на лошадь), дров по одному выюку на ишаке и

¹ Князь Пишской Аходжагоко. Из сочинения под загл. "Биографии знаменитых черкесов и очерки черкесских нравов" покойного флигель-адъютанта Хан-Гирея. СМОМПК, вп. 17, Тифлис, 1893, С. 21

² ГАКК, ф. 249, оп. 1, ед.хр. 2604, л. 5.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 43, л. 49.

⁴ ЦГИА Гр., ф. 545, оп. 1, ед.хр. 3230, л. 13.

летом по барану".¹ Причем от дани в пользу духовенства не освобождались даже кулы.

В пользу священнослужителя шла и часть духовного завещания после смерти карачаевца - "от 10 до 300 рублей серебра, судя по богатству его".

Мусульманское духовенство в течение всей первой и отчасти второй половины XIX в. было проводником турецкого влияния в Карачае. Эфенди Мухаммед Хубиев в 1855 году поднял в Карачае мятеж против российского правительства.

Итак, в карачаевском обществе к началу XIX в. процесс классового образования не был завершен.

Основная масса крестьян - кара-уздени - юридически еще не была закрепощена, хотя фактически уже находилась в зависимости от феодалов. Уздени являлись основными производителями карачаевского общества, кулы играли второстепенную роль.

Узденство не представляло собой однородной массы. Далеко идущее имущественное расслоение привело к выделению узденской верхушки - уллу узденей или сыйлы узденей, владевшей крупной земельной собственностью, большими стадами скота и эксплуатировавшей крепостных крестьян. Основная масса узденей несла целый ряд повинностей в пользу феодальных владельцев, заключавшихся как в отработочной, так и натуральной ренте. Часто феодальная рента выступала в завуалированном виде, как добровольные приношения или помощь.

Уже в первой половине XIX в. в Карачае большое распространение получило применение наемного труда с тяжелыми условиями найма и преимущественно натуральной расплатой.

Крепостные крестьяне имели свое небольшое хозяйство, собственником которого считался их владелец, так как он наделял крестьян землей и скотом. Они несли за это различные повинности. Преобладающим видом ренты

¹ Ф. И. Леонтович. Ук соч., С 279.

была отработочная. С начала XIX века, наряду с отработочной и натуральной, появилась денежная рента.

Патриархальные рабы, жившие при дворе владельцев, лишены были всяких имущественных, семейных и человеческих прав. Они не входили в состав сельских общин, что определяло их полное бесправие. Недовольство кулов своим тяжелым положением выражалось в побегах от владельцев, в открытых столкновениях между кулами и владельцами.

Бии были феодальными владельцами, обладавшими как экономическим могуществом, так и политической и административной властью.

Глава V. ПЕРЕЖИТКИ ОБЩИННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Карачаевское общество к началу XIX в. было феодально-патриархальным.

Формы внеэкономической зависимости крестьян от феодалов были различными - от полного закрепощения кулов до сословной неполноправности караузденой. Наряду с этим общественный строй Карачая был опутан массой дофеодальных пережитков. Налицо были пережитки общинно-родовых отношений. Родовая организация карачаевцев в XIX в. уже не существовала в чистом виде, так как основной единицей общества была уже не родовая, а соседская, территориальная община. Но внутри соседской общины продолжали существовать родовые деления и связи.

Всем приезжающим в Карачай бросались в глаза такие пережитки родового быта, как поселение родовыми кварталами (тийре), наличие родовых кладбищ, взаимопомощь членов рода, строгая экзогамия и т.д.

Тот факт, что родовые черты были выражены у карачаевцев ярче чем у некоторых соседних народов, в частности, у кабардинцев,¹ приводил авторов к ошибочному выводу о наличии в Карачае родового строя и в XIX в. Даже Борис Миллер, написавший лучшую работу об общине у карачаевцев² принижал уровень общественного развития Карачая. Он последовательно разобрал две формы общины у карачаевцев: родовую и семейную, а основной формы общественных отношений - соседской общины - не заметил.

Для родовой общины характерны были коллективный труд, общественная собственность на средства

¹ А. И. Першиц (фамилья - лъэпкъ у кабардинцев в XIX в.), "Советская этнография", 1951, № 1), процитировав Леонтовича, пишет: "Других, более определенных данных о родовом делении кабардинцев нет ни в литературе, ни в воспоминаниях старейших из наших информаторов", стр. 177.

² Б. Миллер. Из области обычного права карачаевцев.

производства и уравнительное распределение. Ни одной из этих черт мы не найдем в карачаевском обществе XIX в. Коллективный труд давно уже заменился индивидуальным трудом отдельных малых семей. Лишь как пережиток далекого прошлого сохранился совместный покос — джыйын, который объединял в XIX в. не родственников, а посторонних людей — членов соседской общины.

Общественная собственность на средства производства, также почти перестала существовать. Скот находился в безусловной частной собственности малых семей. В земельных отношениях все большую роль играла крупная собственность, носившая феодальный характер, и лишь часть пастбищ и лесов оставалась еще в общем владении.

Родовой тукум к началу XIX в. давно уже утратил свои первоначальные черты, свое бывшее единство. Внутри тукумов наблюдалось резкое имущественное неравенство. К 60 годам XIX в., не только в незначительных, но и в богатых узденских тукумах, таких как Боташевы, Хубиевы, Байрамкуловы, Чотчаевы и др., наблюдалось резкое имущественное неравенство.

Шемахе Боташев с семьей из 6 человек не имел ни одной головы скота,¹ а у его родственника Абдурахмана Боташева насчитывалось 700 овец и 160 голов крупного рогатого скота; у Конали Чотчаева с женой и детьми не было ни одной головы скота, а у Аслана Чотчаева — 1300 овец и 200 голов рогатого скота; у Сокура Хубиева не имелось ни одной головы скота, а у Сосрана Хубиева было 9 лошадей, 40 голов рогатого скота, 400 овец,² и т.д.

Пастбища, считавшиеся собственностью всего тукума, фактически были захвачены разбогатевшими членами рода, которые строили на них постоянные коши и из года в год занимали своими стадами.

Бедные родственники были первыми батраками своих разбогатевших родичей, которые под видом участия и помощи безжалостно эксплуатировали их. Крупные

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 129, л. 87.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 129, л. 80-88.

скотоводы отдавали родственникам часть своего скота в ортак на самых кабальных условиях или нанимали их в качестве пастухов для пастьбы овец - кьой-джалчы. Об этом писал и В.М. Сысоев: „в пастухи нанимают большей частью своих же родственников”.¹ Имущественное неравенство подорвало основы родового строя; на смену родовой общине пришла соседская.

Для карачаевского общества, в которое постоянно вливались инородные элементы из соседних областей - эта сторона была особенно важна. Пришельцы уже не принимались в род путем усыновления, как в родовом обществе, а образовывали самостоятельные фамилии. Их не принимали в состав основных групп ("кьаум") карачаевского общества (наурузовцы, трамовцы, адурхаевцы и будияновцы). Однако родовые традиции были еще так сильны, что и новые тукумы стремились объединиться в группы, якобы имевшие общего предка.

„Изучение адатов кавказских горцев показывает, что у них до сих пор не исчезли старые родовые формы и вместе с тем более или менее прочно утвердились и развились все типические явления быта оседлой территориальной общины („джамаата"), резко отличающейся от их родового союза („тохума")",² - сказано в одном из архивных документов конца XIX в.

Для карачаевской сельской общины (эль) было типичным сочетание архаических черт (сохранение части земли в общинном пользовании) с новыми чертами - индивидуальным трудом и индивидуальным потреблением.

Переход от общинного строя к феодальному в Карачае растянулся на длительный срок, так как уровень развития производительных сил обуславливал необходимость поддержания в какой-то мере хозяйственного единства.

Методы ведения хозяйства в высокогорной местности (полукучевое скотоводство, земледелие, основанное на искусственном орошении) требовали тесного сплочения

¹ В.М. Сысоев. Ук. соч., С.83.

² ЦГВИА, ф. 400, оп. Аз. ч., д. 11, л. 6-9

жителей гор, поэтому наиболее прочными общинные связи были именно в горных местностях.

Вот почему в общественном строе Карачая в XIX в. так причудливо переплетались черты феодализма с сохранением соседской, а в пережиточных формах - и родовой общины.

Наряду с делением общества на антагонистические классы - феодалов и крестьян - внеэкономическим принуждением и другими чертами феодального общества, в Карачае прослеживаются и такие пережитки, как деление общества по родовому признаку на тукумы, атаулы и более крупные группы - къяуум, которые в русской историографии обычно переводят как клан (Дьячков-Тарасов)¹ или поколение, а Ислам Тамбиев предлагает называть фратрией.² Лица, входившие в один къяуум, считали себя происходящими от общего предка - одного из сподвижников Карчи. По имени товарищей Карчи - Науруза, Будияна, Адурхая и Трама члены групп назывались: наурузовцы, будияновцы, адурхаевцы и трамовцы.

К будияновцам относились Акбаевы (Кызылалиевы), Байрамуковы, Боташевы, Батчаевы (Караевы), Чотчаевы (Болуровы), Деккушевы, Джанкезовы, Текеевы (Магулаевы), Элькановы. К адурхаевцам: Байчоровы, Долаевы, Лайпановы, Урусовы, Шидаковы, Эркеновы, Чомаевы (Болатовы). К наурузовцам: Аджиевы, Байрамкуловы, Кочкаровы, Каппушевы, Кубаевы, Салпагаровы и др.³

Кроме этих основных поколений были и другие. Так Хубиевы, Хасановы, Бытдаевы, Хачиловы, Биджиевы, Кечеруковы, Джуккаевы, составили поколение Шатбеклеров; Хосуевы, Бостановы, Алботовы - поколение

¹ А. Н. Дьячков-Тарасов. Социальные формации Карачая... С. 137

² Ислам Тамбиев. О родах и сословно-феодальных отношениях в дореволюционном Карачае и об их фальсификации// "Революция и горец", 1931, № 12/38.

³ ЦГА СО, ф. 262, оп. 1, ед.хр. 23, л. 50-85. Список лиифм свободных сословий бий, чанка и узден в карачаевском обществе Баталпашинского уезда.

Хустосов; Каитовы, Каракетовы, Кипкеевы, Дотдуевы, Гебенева, Джанибековы, Семеновы, Коркмазовы - поколение Чибишлеры (трамовцы).

Целый ряд фамилий не объединён в поколения (Алиевы, Тохчуковы, Тамбиевы и др.)

Члены одного кѡаума считали себя родственниками. Они имели одно тавро, которым метили свой скот. Браки между членами одного поколения были запрещены.

Б. Миллер приводит пример, как старики наурузовского общества боролись за экзогамию. Некий Салпагаров Али женился на Мариам Байрамкуловой, фамилия которой относилась также к наурузовцам. Родичи возмутились и вынесли постановление выселить Салпагарова Али, а Мариам проклясть.¹ Дело было передано в горский суд. До рассмотрения дела Али был посажен в тюрьму, а Мариам привязана к позорному столбу "кѡара багъана".

Еще ближе было родство внутри фамилии - тукума (тукъум). В течение всего XIX в. в соседской общине сохранилось поселение по родственному признаку, при котором каждая фамилия занимала отдельный квартал, а большие фамилии даже несколько кварталов — тийре.

Однако локализация тукумов в XIX в. была уже не столь строгой, и часто одна и та же фамилия жила в разных селениях (Алиевы, Салпагаровы, Узденовы, Боташевы, Шамановы).

Квартал, насчитывающий иногда до сотни дворов, назывался по фамилии живущих в нем семей. Так, в Карт-Джурте были расположены тийре Боташевых, Хубиевых, Узденовых, Крымшамхаловых, Бердиевых, Алиевых, Гочияевых, Каракотовых, Эбзеевых и многих других. В Учкулане были тийре Аджиевых, Акбаевых, Байрамкуловых, Алботовых, Коркмазовых, Байчоровых, Кубаевых, Каитовых, Джанибековых, Долаевых, Кочкаровых, Голаевых, Богатыревых, Абаевых, Текеевых, Эркеновых, Семеновых и др.; в Верхнем Учкулане - Урусовых, Айбазовых, Биджиевых, Бостановых,

¹ Б. Миллер. Ук. соч., С. 11.

Каппушевых, Семеновых, Шамановых, Батдыевых, Салпагаровых и др. В Хурзуке жили Алиевы, Дудовы, Хасановы, Чотчаевы, Джуккаевы, Кубановы, Тохчуковы, Лайпановы, Борлаковы, Байрамуковы, Узденовы, Хапаевы и др. Большие фамилии даже в одном селении занимали несколько тийре: Узденовы - два квартала, Хубиевы - три, Батчаевы - четыре и т.д.

Каждый тукум имел свое кладбище, на котором хоронили только членов данной фамилии. Внутри тукума нередко кладбища разбивались на атаульные захоронения.

Членов тукума, умерших вне Карачая, привозили домой, чтобы похоронить на родовом кладбище. Крупные тийре имели даже своего муллу,¹ который исполнял религиозные обряды.

Тукум был строго экзогамен. Каким бы далеким ни было родство, браки между членами одной фамилии категорически запрещались.

Тукум имел право усыновления. Для этого существовала особая процедура - „прохождение под палкой“. В XIX в. эта процедура применялась лишь как пережиток. Щукин отмечает, что обычай этот иногда встречался до 80-х годов XIX в.² Человек, желавший быть принятым в род, проходил вместе с членами рода под палкой, которую держали старейшие представители рода. Люди, принятые таким образом в род, назывались „братьями из-под палки“ — таяк-къарнаш.

При разрастании тукума в нем образовывалось несколько групп - атаулов, которые позже могли отпочковаться и дать начало новой фамилии. Но при этом связи со старой фамилией не прерывались. Атаулы получали новое имя по имени члена тукума или в честь какого-нибудь события. Так, один из шести атаулов Кубановых - Джинли назван по прозвищу одного из сыновей Кубанова Магомета Джинли, первым прискакавшим на необузданном жеребце Джинли.

¹ Ган. Ук. соч., С.83.

² И. Щукин. Ук. соч., С. 41. 132

В тукуме Алиевых было 7 атаулов: Хончалары, Мужулары, Чоралары, Умарлары и др. Хончалары прозваны так от прозвища матери одной из семей - Хонча, которая после смерти мужа сама вела хозяйство.

У Биджиевых среди 17 атаулов был атаул Гюрджюлары, т.е. „грузиновы“. Родоначальник этого атаула был таким сильным, что вынес с пашни на руках четырехлетнего быка, за что его прозвали грузинский бык, откуда весь аул получил прозвище "грузинский".¹ У родственных фамилий Биджиевых, Хубиевых выделяются атаулы Ташалдарлары, т.е. камнелгуны.

Родственники по атаулу называли друг друга атаул-кярнаш - брат по атаулу, и это считалось близким родством, чем по тукуму. Члены одного атаула селились обычно рядом и охотнее помогали друг другу, чем члены тукума. Атаул-карнаш готовили калым для того, кто собирался жениться, помогали бедным и одиноким вдовам и сиротам.

В каждом атауле выделялся свой глава - атаул-тамада. Он улаживал все спорные дела, мирил супругов или поссорившиеся семьи, присутствовал при разделе имущества в случае раздела семьи. В период расцвета родового строя тамадой бывал обычно самый мудрый и авторитетный из стариков.

Родовые и племенные связи карачаевцев особенно ярко выступали в экстраординарных и торжественных случаях. Так, при смерти одного из членов тукума близкие родственники приносили шелковые ткани, а более дальние — куски простой белой материи. Все родственники помогали собрать калым для свадьбы и плату за кровь в случае убийства.

При земельных спорах также все родственники должны были защитить члена своего тукума. Во время суда по адату при спорном деле все члены тукума должны были принести присягу.

Б. Миллер приводит в качестве примера судебное дело из Хумаринского судебного архива от 1879 года. Таусултан

¹ Полевой материал 1958 г.

Голаев принес жалобу на Чотчаевых, занявших всю землю. Свои права на землю он подтверждал тем, что ею владели его родственники от дедов и прадедов. Чотчаевы же насильно заняли эту землю в 40-х годах XIX в. и вспахали ее. Суд предложил обеим сторонам принести присягу в том, что земля является их собственностью. Чотчаевы отказались от присяги, и земля была присуждена Голаевым.¹

Для решения важных вопросов собирались общие сходки родичей. По словам Б. Миллера, такие сходки иногда бывали и во второй половине XIX в., но решали уже не коренные вопросы жизни карачаевцев, а лишь семейные. Так, летом 1898 года собрались родичи из поколения Шатбеклеров для обсуждения вопроса о брачных связях и подтвердили запрещение браков внутри поколения: „Чтобы не брать и не выдавать друг за друга девушек“.²

Прежде на таких сходках решали дела об убийстве и других преступлениях. Кровная месть в Карачае встречалась очень редко: конфликт, как правило, улаживали миром, путем платы за кровь. Сумма платы зависела от сословия убитого³ и от того, преднамеренным ли было убийство. Выкуп собирали родственники: вначале наиболее близкие (сын, братья и т.д.), затем дальние. Внутри одной семьи кровной мести не бывало: сына за убийство отца только лишали наследства.

За увечья выкупа не брали, а только обязывали обидчика лечить пострадавшего за свой счет, а потом устроить пир и щедро одарить его. Если обидчик успевал прикоснуться к груди матери своего противника, то он считался усыновленным, и тем всякая вражда прекращалась.

Одним из методов прекращения вражды между тукумами была также женитьба молодых людей из враждующих семей. Так, например, вражда между Кубановыми и Гочияевыми прекратилась только тогда,

¹ Б Миллер. Ук. соч., С.19.

² Б Миллер. Ук. соч., С.12.

³ Ф.И. Леонтович. Ук. соч., С. 284-285.

когда Гочияевы отдали красивую девушку из своей фамилии за одного из Кубановых.¹

При прелюбодеянии, которое считалось одним из самых страшных преступлений, долгое время единственным способом избегнуть мести было вступление в тукум потерпевшей. Позже, с середины XIX в., дело стало улаживаться также путем денежного выкупа.

С введением русской администрацией словесных горских судов, все уголовные и имущественные споры стали решаться этими судами, и лишь семейные дела продолжали оставаться в ведении духовного суда. Но и в этих судах, созданных по примеру русского судопроизводства, в течение длительного времени сохранялись отдельные черты древнего, родового судопроизводства. Например, одним из основных доказательств карачаевцы считали присягу — ант. Обвиняемый в торжественной обстановке, поклявшись на Коране и выслушав речь муллы, клялся в своей невинности. Это считалось достаточно веским доказательством для оправдания его. Наряду с личной клятвой применялась присяга соприсяжников, которых обвиняемый выбирал по своему желанию.

После включения Карачая в Эльборусский округ Кубанской области, русская администрация запретила такой вид доказательств. Вместо этого все шире стали применяться свидетельские показания. Женщины в свидетели не допускались, а если по ходу дела их показания были необходимы, они должны были подтверждаться родственниками-мужчинами.

При разложении родового строя многие функции рода перешли к соседской общине. Принадлежность к общине давала человеку права на пользование общинными землями: выгоном, выпасом, лесом и т.д. Эта же принадлежность накладывала на него целый ряд обязательств по защите аула, земель и скота.

Коллективный труд членов рода также перестал существовать в чистом виде, зато остался как общинный

¹ Полевой материал 1958 г.

обычай совместного сенокоса — наиболее важной работы в скотоводческом обществе (джыйын).

Если раньше в джыйыне участвовали в основном родичи, то в XIX в. джыйын потерял свой родственный характер. В джыйын объединялись любые члены соседской общины.

Как уже говорилось, при продаже земли предпочтительное право на покупку имели не только родичи, но и соседи. Сосед стал считаться таким же близким человеком, как и родич. „И на том свете соседа спрашивай“,¹ - гласит карачаевская пословица.

Общинники возражали против захватов общинных земель представителями знатных фамилий. Даже если знати удавалось захватить участок земли, община не признавала этого захвата, и он считался незаконным. Н. Иваненков пишет, что собственность на мелкие участки внутри поселений (то есть сабаны и биченлики) признавалась народом, а собственность на большие сенокосные и пастбищные участки считалась незаконной, так как земли были общими.²

„Ни в одном из соседних, как из русских, так и горских обществ, интересы общественные не ставятся на такую высокую степень уважения и так ревниво не охраняются, как здесь“,³ - отмечал Г. Петров.

Наиболее важные дела, касающиеся всего селения, решались на общих сходках мужчин всех семей, живших в ауле. Чаше собирались только старики — главы фамилий - тукъум-тамада, а из более многочисленных тукумов - по два-три старика. Собрание это называлось джамагъат или эль джыйылыу, что аналогично русскому „мир“, „сход“.

Причем, чем дольше разлагался родовой строй, тем реже собирались общие собрания, а вся власть переходила к старейшинам - тукъум-тамада, среди которых главную роль играли представители бийских фамилий.

¹ *Ахыратда да хоншуну сорадыла.*

² *Н. Иваненков. Ук. С. 40.*

³ *Г. Петров. Ук. соч., С. 146.*

На собраниях решались дела о землепользовании, о поддержании оросительной системы в хорошем состоянии и постройке новых канав, дорог, дела об организации джыйынов. Об изгнании провинившихся членов общества и о согласии вновь принять их в члены общества,¹ о розыске краденного скота,² о постройке домов по русскому³ образцу и т.д.

Если дело касалось не всего села, а части его, то собирались не все члены общества, а только заинтересованные лица. Так, например, когда встал вопрос о проведении оросительной канавы через скалу Ныхыт, находящуюся с левой стороны слияния истоков Кубани, Хурзука и Учкулана, собрались не все жители Карт-Джурта, а только „живущие по левую сторону Кубани“, в числе 188 домов и „с общего согласия постановили отвести воду от горы Ныхыт для орошения наших пахотных и сенокосных полей“.⁴

К началу XIX в., а тем более к середине века, карачаевская община уже потеряла былую демократичность, свойственную общине в период ее расцвета. Общинные отношения разрушались, и главную роль всех делах стали играть феодальные владельцы - бии и феодализирующаяся верхушка узденей. Бии имели первый голос на народных собраниях и, несмотря на свою малочисленность, часто определяли решение схода.

В 60-е годы XIX в., с введением русской администрацией в карачаевских аулах нового военно-народного, а позже - гражданского управления, власть биев и мусульманского духовенства была несколько ограничена. Выборы на все должности в аульном правлении стали проводиться путем общенародного голосования.⁵ Наряду с феодальными владельцами туда стали попадать и уважаемые лица из бедных фамилий.

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 144.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 531.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед.хр. 464.

⁴ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 144, л. 5.

⁵ ГАКК, ф. 452, оп. 2, ед.хр. 593, л. 5.

Но так как царизм искал опору прежде всего в феодальной знати, то и в выборных органах главную роль продолжали играть все те же представители бийских фамилий. Так, аульным старшиной Карт-Джурта был избран Абдурзак Крымшамхалов,¹ который продолжал смотреть на членов аульного общества как на своих подданных.

Необходимо отметить, что, подобно другим горским обществам, Карачай имел свои традиционные институты управления.

Высшим органом общественного самоуправления в масштабах всего Карачая был общенародный Тёре - Халк Тёре, в который избирались по три человека от каждой аульской общины (Карт-Джуртской, Хурзукской, Учкуланской). Председательствовал на нем старший князь или верховный правитель - олий, которому подчинялись дружина муртазаков. Определенные управленческие функции осуществляли и сословно-корпоративные органы - княжеский тёре (Бий Тёре), который в расширенном составе — участии в нем представителей узденства носил наименование Бий Кенгеш - княжеский совет.

На уровне аульного общества (эль) высшим органом управления являлось народное собрание — джамагат, который избирал старшину аула (эл тамада или эл башчы), аульного муллу (эль эфенди) и аульный тёре (эль тёре).

Важно отметить, что тёре - древнейший институт у тюркских народов - являлся не только управленческим, но и судебным органом.

К XIX в. ведущую роль во всех общественных органах управления играла аристократия. Бии имели решающий голос на тёре всех уровней, они же становились аульными старшинами, командовали дружиной и народным ополчением, сосредотачивали в руках общественные платежи и распоряжались ими.

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 577.

Основной хозяйственной единицей карачаевского общества к началу XIX в. была семья — юйдеги.

Многие авторы считали, что карачаевцы к началу и в течение первой половины XIX в. продолжали жить семейными общинами или большими семьями. Каждая община, по мнению Б. Миллера, насчитывала в среднем 20-25 человек,¹ которые жили в одном дворе, часто под одной крышей и вели общее хозяйство. Все доходы в такой семье поступали в общую казну, и потребление было общим — общий стол и равные траты на покупки предметов обихода.

Однако, как показывают архивные документы середины XIX в. (более ранних посемейных списков нет), к этому времени господствующей уже стала малая моногамная семья. Среднее число членов семьи было 6-8-10 человек, особенно среди бедных слоев населения.²

Большие семьи обычно встречались среди более зажиточных семей. Им легче было в большой усадьбе

¹ Б. Миллер. Ук. соч., С.3.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед.хр. 129, л. 87-88

пристроить новое помещение при женитьбе сына, легче вести совместное хозяйство. Бедняки же, ютящиеся в маленьких хижинах, на крошечных кусочках земли, вынуждены были при женитьбе сына выделить его, так как жить и кормиться вместе было негде и нечем.

К концу XIX в. большие семьи стали редким явлением в карачаевских аулах. „Состав семей вообще не велик“, - писал В.М. Сысоев по материалам 1898 года. „Больше 20 человек в семье я мог отметить у Султана Гочияева (19 мужчин и 15 женщин) и у Султана-Али Гочияева (11 мужчин и 12 женщин) в Карт-Джурте, у Акай Аджиева (9 мужчин и 11 женщин) в Дуууте, у Батчаева в Теберде“.¹

Б. Миллер самой многочисленной семьей в Карачае считал одну из семей Байчоровых, насчитывавшую 53 человека. „Байчоровы считаются самыми богатыми скотоводами, обладателями двух десятков тысяч овец и табунов в несколько тысяч голов“,² - пишет он. Однако фактически эти тысячи голов находились не в коллективной собственности всей большой семьи, а принадлежали отдельным ее членам, совместно ведущим хозяйство.

В больших семьях вся власть принадлежала главе семьи - отцу или старшему брату. Он распоряжался не только всем семейным имуществом, но и судьбою своих родичей. Все наследственное и нажитое семьей имущество считалось принадлежащим главе семьи. Собственностью остальных членов могло быть только подаренное им имущество.

Патриархальные отношения в семье были настолько развиты, что даже когда отец становился старым, не мог фактически управлять хозяйством и бразды правления переходили к сыновьям, формально главой семьи продолжал считаться отец.

Однако, когда (после смерти отца) главой семьи становился старший брат, его власть уже была несколько ограничена. Он не мог без согласия братьев распоряжаться

¹ В. М. Сысоев. Ук.соч., С.53

² Б. Миллер. Ук. соч., С.21.

общим имуществом, при несогласии обязан был выделить братьям их долю.¹

Домашним хозяйством в большой семье ведала свекровь. Она выдавала невесткам продукты, распределяла одежду и работы по дому и т.д.

Раздел больших семей, который, по мере распада семейных общин, становился все более частым явлением, производился в присутствии близких и даже дальних родственников. Имущество делили поровну между сыновьями. Если раздел происходил по адату, то сестрам не полагалось доли; братья давали им только в виде подарка несколько голов скота. При дележе по шарияту сестре полагалась половинная доля брата. Старшему сыну давали небольшую добавку - лошадь, ружье или небольшой клочок земли, а младшему — отцовский дом, так как родители оставались на содержании младшего сына.²

Одним из пережитков родового строя был левиратный брак, встречавшийся изредка и в XIX в. После смерти старшего брата на вдове женился один из младших братьев. Пережитки такой формы брака сохранились даже во второй половине XIX в. Так, 97-лётний Тулпаров Крым из аула Карт-Джурт рассказывал, что в молодости он женился на вдове своего старшего брата, имевшей несколько человек детей.³

В недрах семейной общины развилась малая моногамная семья. Малая семья обладала индивидуальной собственностью — скотом, сабаном и биченликом, а также правом пользоваться общинными пастбищами. В моногамной семье уже значительно меньше чувствовались патриархальные отношения. Власть главы семьи была не так велика, хотя уважение к старшим сохранялось и там. «Коренной принцип каждой семьи составляет безусловное уважение и подчинение старшим»,⁴ - писал о карачаевцах Г. Петров. О глубоком уважении к старикам у карачаевцев

¹ Б. Миллер. Ук. соч., С.32.

² Б. Миллер. Ук. соч., С.38-39

³ Полевой материал 1958 г. С. Карт-Джурт.

⁴ Г. Петров. Ук. соч., С. 129.

писали и другие авторы. В очерке В.Я. Тепцова "По истокам Кубани и Терека" сказано: „Уважение старших - это основной закон карачаевского нравственного кодекса. Обычай этот доведен до крайности, которая посторонним может показаться даже смешною. Если в комнату, например, входит старший брат, то младший обязан встать и не имеет права сесть и говорить до тех пор, пока не получит на это разрешения от старшего... В свою очередь, если в комнату входит отец, то встает и старший брат".¹ По мере разложения общинных отношений, менялись и семейные. Наиболее влиятельными лицами в семье и фамилии становились уже не самые старые и умудренные жизненным опытом, а самые богатые. Имущественные споры все чаще стали вносить разлад в семью.

Переход зятя в семью тестя был редким случаем. Так, в списках небогатых владельцев Эльборусского округа 60-х годов против некоторых фамилий, как, например, Крыма Байрамкулова, написано: „живет в зятях", - и прибавлено: „а у тестя много скота".² Существует такая присказка. Одного человека спросили: „Кого больше, живых или умерших?" Он ответил: „Мертвых больше, если считать таковыми и перешедших к тестю".

Положение женщин в Карачае было иным, чем у соседних мусульманских народов. Специфика карачаевского хозяйства делала женщин более самостоятельными и в хозяйственной и в семейной жизни. Женщинам приходилось самим вести домашнее хозяйство, ухаживать за посевами, следить за оросительными каналами, делать множество других работ, которые в иных условиях велись бы мужчинами.

Женщины Карачая отличались исключительным трудолюбием. „Женщины необыкновенно трудолюбивы; они несут на себе решительно всю работу: забота о прокормлении, обшивании всех членов семьи, работа в поле - все это лежит на изнуренных женщинах",³ - писал

¹ СМОСПК, вып. XIV, Тифлис, 1892, С 97.

² ГАКК, Ф. 774, оп. 1, ед. хр. 129, л. 53.

³ С.В. Ваганов, значение охранно-карантинной линии...С.31

С.В. Ваганов. При наследовании женщина или ничего не получала (по адату), или получала половинную долю (по шариату).

Дети обязаны уважать мать так же, как и отца, а муж дорожит женою, как хозяйкой и работницей", - писал В.Я. Тепцов.¹ В Карачае мусульманство не пустило глубоких корней, поэтому и положение женщины было более почетным и свободным. Женщины не прятались от посторонних, не закрывали лица при выходе из дома. Девушкам разрешалось принимать участие в различных празднествах, танцевать с молодыми людьми различные танцы: плавный „тюз тебсеу", „абезек", стремительный „стемей", петь лирические любовные песни - инар. Замужним женщинам считалось неприличным веселиться вместе с молодежью, и они обычно только наблюдали за весельем.

Брак в Карачае был моногамным, многоженство встречалось лишь как редкое исключение. Мать семейства имела право голоса в семейных делах, с ней советовались по разным хозяйственным вопросам, особенно, если это была пожилая женщина. Молодая невестка в течение первого года замужней жизни, а иногда и дольше, вообще не разговаривала со старшими родственниками мужа, пока, по обычаю, они не одаривали ее какими-либо подарками, чтобы заставить говорить. Обычай обязывал мужчину скрывать свои чувства к жене и детям, а жена при людях не могла даже назвать мужа по имени. Эти и другие патриархальные пережитки в быту были очень живучи. Вовлечение карачаевских аулов в общее русло экономического развития России во второй половине XIX в., проникновение в аулы товарно-денежных отношений ломали старинные устои патриархальной семьи. Но отдельные пережитки патриархального быта продолжали существовать.

Рассмотрение социально-экономического развития Карачая в XIX в. показывает, что общественные отношения в нем имели ряд специфических особенностей, главной из

¹ В.Я. Тепцов. Указ, соч., С. 105-106.

которых было причудливое сочетание феодальных отношений с сильными пережитками общинного строя. Прочность общинных связей обуславливалась уровнем развития производительных сил и спецификой хозяйства.

Несмотря на наличие в карачаевском обществе целого ряда пережитков родовых отношений (кровнородственные объединения - тукумы, атаулы, поселение родовыми кварталами - тийре, взаимопомощь, строгая экзогамия и др.), к началу XIX в. на смену родовой общине пришла соседская, в которой, наряду с первобытно-общинным, существовало частно-собственническое начало.

Пашни и сенокосы юридически продолжали считаться общинными, но фактически в течение первой половины века были захвачены феодальными собственниками - биями и уллу узденями. Только лес и летние пастбища оставались в общинном владении. Однако эта феодальная собственность на землю не получила юридического оформления, и процесс ее становления тормозился наличием сильной соседской общины. Кроме того, феодальная собственность выступала не как индивидуальная, а как фамильная собственность, что затрудняло ее отчуждение и смазывало частнособственнический характер. Тем не менее ей были присущи все черты феодальной собственности и прежде всего - иерархическая структура, создававшая вассальные отношения между биями - феодальными собственниками земли и подвластными им узденями.

Образование феодальной собственности на землю путем узурпации общинных земель тяжело отражалось на крестьянском хозяйстве и вело к еще большей имущественной и социальной дифференциации внутри карачаевского общества. Однако процесс феодализации карачаевского общества к середине XIX века не был завершен.

Дальнейшее развитие частнособственнических отношений произошло во второй половине XIX века в значительной степени под влиянием русского права.

Часть II

КАРАЧАЙ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Глава I. ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА В КАРАЧАЕ

1. ЗЕМЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В КАРАЧАЕ В 60-е ГОДЫ XIX ВЕКА

В 1864 году завершилось завоевание царизмом Кавказа. Обширный и прекрасный край с богатейшими недрами и плодородными землями, край, населенный трудолюбивыми и гордыми народами, в течение десятилетий отстаивавшими свою свободу, стал частью Российской империи.

Большая часть кавказских земель, в том числе и Карачай, и расположенные по Кубани и ее правым притокам черкесские, абазинские и ногайские аулы, были присоединены к России раньше, но пока не прекратилась освободительная борьба горцев Западного Кавказа освоение этих земель, включение их в общее русло экономического и политического развития России было крайне затруднено.

Постепенное передвижение кордонных линий с Кубани на Зеленчук, Уруп и затем на Лабу отодвигало фронт от селений Карачая, но частые набеги и столкновения, мобилизация мужчин в отряды местной милиции сохраняли напряженность военного времени.

Царские администраторы-приставы, назначенные правительством обычно из офицеров царской армии, не вмешивались в хозяйственную деятельность народов и их общественный быт, но зато беззастенчиво грабили население, разоряя его произвольными поборами и штрафами. Это был режим военной оккупации со всеми его последствиями.

Царизм, более охотно присоединявший пустые пространства, чем земли населённые "мятежными горами", не препятствовал и такому пагубному шагу, как переселение в Турцию. Мало того, он усугублял недовольство населения хищническим расхищением земельного фонда Закубанья, прямо поощряя выселение: "Оставление этого края остальными ногайцами и абазинами было бы для нас чрезвычайно полезно: все поземельные споры горцев между собою и с казаками прекратились бы сами собой, а нам представилась бы возможность связать наши казачьи станицы вновь устроенными и образовать сплошное казачье народонаселение", - писал в 1860 году командующий войсками правого крыла Кавказской линии.¹

Колониальная экспансия на Кавказе лишала горцев их исконных земель. Цепь укреплений и казачьих станиц отрезала от аулов значительную часть пахотных и пастбищных угодий. Лучшие земли Закубанья были отобраны в казну. Царское самодержавие, выражая интересы российского дворянства, и на вновь присоединенных территориях проводило ту же политику укрепления помещичьего землевладения. Генералы царской армии и сановники кавказской администрации получили огромные латифундии, по несколько тысяч десятин плодороднейших земель, отобранных у согнанного с них горского населения. Так, командующему войсками графу Евдокимову было пожаловано 10660 десятин земли, к тому же в нефтеносном районе. Сумарков-Эльстон, генералы-адъютанты Граббе, Коцебу, Врангель, Филиппсон получили по 6 тысяч десятин.²

Была даже выработана определенная норма земельного пожалования в зависимости от воинского чина: генералам от 800 до 1200 десятин, полковникам от 200 до 1000 десятка и т.д.³

¹ ЦГИА Груз., ф. 1080, оп. 3, ед. хр. 481, л. 9.

² ГАКК, ф. 574, оп. 1, ед. хр. 635, л. 129-130.

³ ЦГИА Груз., ф. 1080, од. 2, ед. хр. 219, л. 1-11.

Такие же большие земельные пожалования давались и тем из представителей местных феодалов, которые усердно помогали царизму, в "деле покорения Кавказа".¹ И наоборот, земли отбирались у тех, кто придерживался турецкой ориентации. Сотни тысяч десятин отданы под казачьи станицы.

Казачье землевладение носило сословный характер. Земли из станичного юрта давались только лицам, приписанным к казачьему сословию, и были связаны с несением воинской службы. Все остальные жители станиц входили в разряд иногородних, не имеющих права на получение земельного надела. Отчуждению казачьи земли не подлежали.

По проекту "О заселении предгорий Западного Кавказа" под казачьи станицы отводилось 1 360 тыс. десятин,² но в дальнейшем количество их значительно возросло. В конце 80-х годов только в одном Баталпашинском уезде, куда вошли наряду с казачьими станицами карачаевские, черкесские, абазинские и ногайские аулы, из 2-х миллионов 400 тысяч десятин земли более миллиона ста тысяч было отдано под казачьи станицы, около 200 тысяч под не войсковые поселения, по сто тысяч десятин русским и горским частным землевладельцам и около девятисот тысяч десятин оставлено в казне.³

Проект 1862 г. „О заселении предгорий Западного Кавказа" был программой узаконенного грабежа горского населения. Коренные жители Закубанья подлежали сгону со своих земель и переселению на специально отведенные для них участки худших земель. „Лучшие, как по богатству природы, так и по красоте местности, земли Закубанского края не вошли в район горских округов и достались большей частью в надел казакам. Земли же, вошедшие в район горских округов, в особенности в район Урупского и Зеленчукского, вследствие истребления в этих округах

¹ ЦГИА Груз., ф. 545, оп. 1, ед. хр. 3230, л. 8.

² ЦГИА Груз., ф. 545, оп. 1, ед. хр. 3216, л. 4.

³ ГАКК, ф. 574, оп. 1, ед. хр. 635, л. 129-130.

лесов, подвержены большей части неблагоприятным условиям, свойственным степным местностям", ¹ - сообщает современник событий И.А. Гаврилов.

Не говоря уже о плодородных речных долинах и тучных пастбищах предгорий, даже каменистые горные кручи Карачая прельстили алчных колонизаторов,

В течение многих лет карачаевцы пасли свой скот от верховьев Эшкакона и Кичи-Малки на востоке до истоков Зеленчука на западе. Но вот в 1859 г. специальная комиссия, рассматривавшая поземельные споры карачаевцев с соседними народами, ограничила карачаевские земли с востока Водораздельным хребтом между системой Кубани и Терека, лишив этим карачаевцев эшкаконских пастбищ. Это было первое вмешательство правительства в поземельные дела карачаевцев и, как и многие последующие распоряжения, оно нанесло карачаевскому хозяйству значительный урон.

В Карачае не было широких речных долин или степных пространств, пригодных для поселения казачьих станиц или для основания крупных поместий - но там было „зеленое золото" - лес. Поэтому и у карачаевцев, которых не переселяли с их каменистых и скудных склонов, отобрали часть земельных владений — огромные лесные массивы по течению рек Теберды и ее притоков, по Маре и между Тебердой и верховьями Зеленчука. Лесные поляны этих мест карачаевцы использовали главным образом для выпаса скота, мелкие - для заготовки сена. Но после 1862 г. карачаевцы лишились этих земель, причем изъятие у них части земель было облечено в форму „монаршей милости" и дарования им их собственных земель.

В феврале 1862 г. карачаевцам была объявлена прокламация графа Евдокимова о даровании им 267 тысяч десятин земли. „Дарованные" карачаевцам земли лежали между течением рек Мары (с севера), водораздельным хребтом бассейна рек Кубани и Малки (с востока), Главным Кавказским хребтом (с юга) и течением р.

¹ А. Гаврилов. *Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа*. // ССКГ, вып. II, Тифлис, 1869, С. 66.

Теберды (с запада),¹ т.е. „дарование“ не только не увеличивало количество земель, которым пользовался карачаевский народ, но даже изъяло из его пользования значительную часть пастбищ и лесных массивов.

Оставленные карачаевцам земли состояли в основном „из отрогов Главного хребта, прорезанных глубокими долинами реки Кубани и ее притоков с правой и левой стороны: самые же долины за редкими исключениями почти наполовину высоты покрыты снегом“, - характеризовал эти земли начальник Эльборусского округа Н. Петрусевиц.² Еще эмоциональнее писал о „дарованных“ карачаевцам землях Г. Чурсин: „Но какая это земля? Громадную площадь захватывают горы, скалы, то есть такие земли, которые скорее составляют бедствие, чем богатство: падающие с гор камни засыпают поля, сенокосы“.³

Земельный голод карачаевцев был настолько вопиющим, что его вынуждены были признать даже царские чиновники. Созданная в 1864 г. временная посредническая комиссия „для окончательного разбора поземельных прав кабардинцев, карачаевцев и абазинцев“⁴ под председательством полковника Ильинского констатировала, что „земель пахотных и покосных в самом Карачае по числу и потребности населения действительно недостаточно“ и „признала справедливым и необходимым прибавить им в надел часть низменных и плоскостных земель“⁵ в размере 50 тысяч десятин.

В 1865 г. было вынесено решение о прирезке карачаевцам 40 тысяч десятин в качестве компенсации за потерю экшаконских пастбищ. Но прошло еще несколько лет, прежде чем карачаевцам действительно выделили эти земли.

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 130, л. 9.

² ГАКК, ф. 574, ед. хр. 507, л. 22-37.

³ Г. Чурсин. *Экономическая жизнь Карачая*. //«Кавказ», 1900, № 322.

⁴ М. В. Орлов. *Возможна ли частная земельная собственность в Карачае*. ИОЛИКО, вып. 3. С. 173.

⁵ Там же.

После окончательного подавления освободительной борьбы кавказских народов, земельная политика царизма несколько изменилась. В условиях мирного времени правительство уже меньше нуждалось в поддержке местных князей и феодалов. Мало того, подданство российскому императору было несовместимым с феодальной вольницей и вассальным подчинением народов феодальным владельцам. Царизм стал ограничивать политическую и административную власть бывших владельцев.

Но не мог царизм обойтись и без опоры в среде горских народов. Этой опорой, проводниками его колониальной политики должны были стать новые землевладельцы из „служивых людей“, то есть из тех горцев, которые получили чины за службу в царской армии или в местной администрации. Получив земельные подачки, они верно служили царизму, помогая ему грабить и угнетать народы, подавлять их справедливое недовольство колониальным гнетом.

„Эти лица, значительно обеспеченные против других в материальном отношении, будут получать в народе все большее и большее значение, и, в случае какого-либо брожения умов в народе, будут первыми деятелями в нашу пользу“, ¹ - откровенно писал о значении новых помещиков-землевладельцев главнокомандующий кавказской армией.

Размер земельных пожалований в конце 60-х годов значительно сократился. В период открытой борьбы народов Кавказа против колониального гнета царизм не жалел никаких средств, чтобы подкупить верхушку народов, и даровал преданным ему владельцам тысячи десятин (например, ногайским князьям полковникам царской армии Мусе Туганову и Аслан-Гирею Капланову-Нечеву по 5 с лишним тысяч десятин, наследникам Султана Адиль-Гирея - 13 тысяч десятин, абазинскому князю Магомет-Гирею Лоову - 5 тысяч десятин и т.д.). После подавления народного движения размер дарованных участков сократился до 150-200 десятин. И только в виде

¹ ЦГИА Груз. ф. 545, оп. 1, ед. хр. 27, л. 27. к стр. 23

исключения отдельным лицам, имевшим особенно большие заслуги перед царизмом, давали большие наделы. Такими верными слугами самодержавия, его помощниками и проводниками колониальной политики в Карачае были прежде всего князья Крымшамхаловы. Они и получили самые большие земельные пожалования: штаб-ротмистр Хаджи-Мурза Крымшамхалов - 1060 десятин, другие члены этой фамилии по 200 десятин.

Наряду с представителями княжеских фамилий в число новых земельных собственников в Карачае вошел целый ряд узденских лиц: поручик Керты Салпагаров, юнкер Ожай Байчоров, Магомет Байрамуков и Исмаил Кочкаров были кадиями словесного суда, Али Бостанов и Джашарбек Байрамуков¹ - депутатами суда и т.д. Однако отмежевание им земель, так же как и выделение дополнительных участков к общекарачаевскому фонду затянулась из-за нерешенности земельного вопроса в целом.

Нерешенность земельного вопроса в Карачае была самым тесным образом связана с нерешенностью крестьянского вопроса, который во второй половине 60-х годов был самым острым и важным вопросом в горских областях Северного Кавказа.

2. ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРОВЕДЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ В КАРАЧАЕ

Накануне отмены крепостного права социальный строй Карачая был феодальным, с элементами патриархальных отношений. Родовая и племенная знать к этому времени захватила в свои руки лучшие земли, и в первую очередь сенокосы и зимние пастбища (кышлыки). Однако процесс становления крупной земельной собственности тормозился в Карачае наличием сильной соседской общины.

В хозяйстве феодалов применялся труд крепостных крестьян - юльгюлюкулов и патриархальных рабов -

¹ ЦГВИА, ф. 400, Азиатская часть, 1871, ед. хр. 1, л. 20.

башсызкулов,¹ а также и юридически свободного сословия - узденей. Феодалная рента, которую несли уздени, часто выступала завуалированной различными патриархальными пережитками в виде помочей — маммата, аталычества - воспитания княжеских детей, подарков, гостеприимства и т.д.

Сам процесс феодализации карачаевского общества к середине XIX в. не был завершен, а основная масса крестьян - уздени юридически продолжали считаться свободными. „Не сумев добиться полной монополии земельной собственности, горские феодалы не могли обеспечить за собой и исключительного права владения людьми”.²

Имущественное расслоение узденства привело к выделению узденской верхушки, обладавшей большим количеством скота и эксплуатировавшей труд крепостных. Это были в основном мелкие владельцы, имевшие одну, редко две семьи крепостных крестьян.³

Кавказская администрация подготавливая реформу, вынуждена была признать „бедственное положение освобождаемых”⁴ крестьян в Карачае. Достаточно привести цифры неимущих крестьян в Карачае, чтобы убедиться в каком тяжелом материальном положении находились крестьяне накануне освобождения. Так на 174 двора крепостных крестьян в Карт-Джурте приходилось 63 „совершенно бедных, без всякого имущества”,⁵ в Учкулане таковых было из 112 - 57, в Хурзуке из 168 — 78.

¹ Юлыюлюкул - дословно - примерный, образцовый раб; в Карачае так назывались крепостные крестьяне, имеющие свое небольшое хозяйство и несущие отработочную и натуральную ренту. Башсызкулы - дословно - люди без головы, так называли патриархальных рабов, не имеющих ни своего хозяйства, ни семьи.

² А. В. Фадеев. О социальном положении незакрепощенных крестьян и кавказских горцев в дореформенный период. // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961.

³ ГАКК, ф. 77, оп. 1, ед. хр. 653, л. 266-268.

⁴ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 653, л. 266-268.

⁵ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 653, л. 485.

Причем, к таблице дано примечание, что „в число неимущих крестьян не помещены одинокие мужского пола, которым внести выкуп весьма легко, малолетние дети, так как они, оставаясь у своих владельцев, выкупа не вносят и девушки, потому что они уплачивают выкуп из калыма". Следовательно, действительное число неимущих крестьян в Карачае было значительно выше, чем официальная цифра - 1302 человека.

Начальник Эльборусского округа Н. Петрусевич в своем рапорте начальнику области писал, что в Карачае „все крестьяне за малым исключением люди бедные".¹

Отдельные разбогатевшие семьи крепостных крестьян, которым удавалось выкупиться на свободу, а также отпущенные своими владельцами за заслуги или из религиозных и других побуждений кулы попадали в разряд вольноотпущенников. Однако выкупиться было не так просто, так как продажные и выкупные цены в Карачае были выше, чем у соседних народов.

Главной причиной ликвидации в Карачае крепостнических и рабских отношений была заинтересованность в том российского капитализма, который нуждался в новых рынках сырья и рынка сбыта для своих изделий. „Крупные фабрики, которые росли так быстро, не могли уже удовлетвориться прежними размерами рынка; они стали искать себе рынки дальше, среди того нового населения, которое колонизовало Новороссию, юго-восточное Заволжье, Северный Кавказ, затем Сибирь и т.д.",² - писал В.И. Ленин в своем труде „Развитие капитализма в России".

Замкнутое натуральное хозяйство тормозило проникновение в карачаевское общество фабричных изделий, мешало развитию в них товарного скотоводства. Таким образом, развитие российского капитализма „вширь", т.е. „распространение сферы господства

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 653, л. 853.

² В. И. Ленин. ПСС. т.3, С. 592.

капитализма на новые территории"¹ требовало ликвидации крепостничества и на Северном Кавказе.

Другой причиной, ускорившей отмену крепостного права в горских округах Кубанской области, было обострение там классовой борьбы. Одним из проявлений недовольства крестьян своим положением были побегі от владельцев. Крестьяне бежали или в соседние области, или в русские укрепления, а еще чаще уходили в горы, становясь абреками.²

Столкновение между владельцами и крестьянами иногда принимали характер кровавых стычек, жертвами которых бывали и сами крестьяне³ и угнетавшие их феодалы.

В 40-е годы XIX в. приставом „карачаевских народов“, как писали в документах тех лет, был войсковой старшина Мистулов. Это был обычный колониальный чиновник, выслуживавшийся перед начальством, заигрывавший со знатью и безжалостно обиравший народ. В 1843 г. за свою ревностную службу он был награжден орденом Станислава 3-й степени.

За малейшее нарушение предписаний начальства на карачаевцев накладывались большие штрафы. Так, в 1844 г. начальником центра Кавказской линии генерал-майором Голицыным с карачаевцев было взыскано 25 пар быков, 95 овец и 5 баранов за то, что „не имеют должного повиновения к начальству“. ⁴ Неприязнь народа к приставу Мистулову окончилась драматическими событиями, разыгравшимися в Хурзуке в ноябре 1851 года. Старшина Мистулов прибыл в Хурзук, и вместе с представителями карачаевской знати подпоручиком Аслан-Мурзою Дудовым, прапорщиком Бадрою Крымшамхаловым, Наны

¹ В. И. Ленин. ПСС. т. 3, С. 595.

² Абрек — человек, порвавший с общиной. В XIX в. абреками называли тех, кто вел одиночную борьбу против феодалов и царской администрации.

³ ГАКК, ф. 774, он. 1, ед. хр. 250, напр., Кипкеев Гургота убил своего крепостного крестьянина Тохтара за то, что тот ослушался его приказания и вступил с ним в препирательство.

⁴ ЦГА КБ, ф. 16, он. 1, ед. хр. 381. л. 1.

Дудовым, Бараком Хубиевым и Эльмурзою Узденовым начали заниматься очередным сбором штрафов с населения. Один из крепостных крестьян Аслан-Мурзы Дудова - Огурлу, доведенный до отчаяния штрафами и поборами, выстрелом из револьвера убил Мистулова. Аслан-Мурза Дудов хотел схватить Огурлу, но был ранен кинжалом в живот и через 15 минут скончался. В завязавшейся свалке были, кроме того, ранены Кучук Карамурзин и Каншау Байрамуков. Сам Огурлу был убит выстрелом из ружья Бадрою Крымшамхаловым.¹ Так, карачаевская знать помогала царской администрации обирать и держать в подчинении свой народ.

Крепостные крестьяне в горских областях так же стали требовать освобождения. Особенно усилилось движение в карачаевских и черкесских обществах после того, как освободили ясырей - крепостных крестьян у ногайцев Ставропольской губернии и начали подготовку реформы в соседней Терской области, в частности в Кабарде.

„Освобождение крестьян у инородцев Ставропольской губернии и, особенно, у черкесов и армян, приписанных к казачьим войскам, сильно встревожило закубанских горцев. И помещикам и крестьянам стало ясно, что крестьянская реформа, охватившая их со всех сторон, коснется и их. Последствия такого сознания не замедлили обнаружиться, крестьяне, рассчитывая на самое близкое освобождение, стали оказывать неповиновение владельцам и не желали исполнять свои прежние повинности”,² - писал в секретном докладе помощник начальника Кубанской области по управлению горцами полковник Дукмасов.

Вместо радикального решения вопроса были приняты меры по некоторому ограничению крепостного права. Так, в 1865 г. главнокомандующий Кавказской армией писал: „В видах ограничения холопов и рабов от произвола их владельцев, я признал справедливым воспретить продажу,

¹ ЦГА КБ, ф. 16, оп. 1, ед. хр. 1128. л. 3.

² ГАКК, ф. 452, оп. 2. ед. хр. 593, л. 6.

дар и отчуждение их всяким иным способом из пределов одной области в другую".¹

В Краснодарском архиве имеются: дело „Переписка с начальником Эльборусского военного округа об агитации среди крестьян об освобождении их от крепостной зависимости”,² рапорты начальника округа капитана Петрусевича, показания крестьян, задержанных за агитацию и т.д.

О „крайне напряженных отношениях между сословиями” указывалось и в журнале заседаний по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа.³

Крестьяне требовали от владельцев и администрации скорейшего освобождения, а феодалы стремились во что бы то ни стало сохранить своих крепостных. Они посылали прошения и депутации к кавказскому командованию с просьбой оставить им их крепостных крестьян.

В прошении „общества деревень Кубанского округа племен карачаевского, абазинского, кабардинского, ногайского и бесленеевского” наместнику Кавказскому, написанному в 1864 г., говорилось: „Просьба наша, чтобы Вы не отнимали от нас (то есть не освободили) наших собственных невольников, которых мы приобрели покупкою за наши деньги и перешедших к нам по наследству от наших отцов и предков, ибо эти невольники суть главнейший и важнейший предмет нашего достояния”.⁴

В ответ на это в особой прокламации владельцам было сообщено, что отмена крепостного права неизбежна, но правительство постарается так провести её, чтобы не ущемить их интересы: „когда наступит время освобождения, дело будет устроено так, чтобы владельцы не потеряли разорения и убытков”.⁵

¹ ГАКК, ф. 774, он. 1, ед. хр. 653, л. 1.

² ГАКК, ф. 774, он. 2, ед. хр. 539.

³ ЦГИА Груз., ф. 416, оп. 3, ед. хр. 318, л. 3.

⁴ ЦГИА Груз., ф. 416, оп. 3, ед. хр. 311, л. 2.

⁵ ГАКК, ф. 452, он. 2, ед. хр. 593, л. 7.

Для того, чтобы несколько ослабить напряженность положения, правительство прибегло к таким полумерам, как некоторое ограничение произвола владельца, в частности ограничения в торговле людьми. Но эта мера почти ничего не давала крестьянам, и они продолжали требовать освобождения. Для разбора споров, возникавших между крестьянами и владельцами, выбирались посредники, по 2 человека с обеих сторон, которым платили за их деятельность 20 рублей в год.¹

В 1866 году был создан специальный Комитет по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа, председателем которого был назначен генерал-адъютант Карцев.² Членами комитета были генерал-майор Богуславский, князь Туманов, полковники Старосельский и Павлов.

Комитет начал свою работу со сбора сведений „О родах и степенях зависимости“,³ существовавших у горцев и выработки примерных условий освобождения. Сбор сведений по округам был поручен чиновникам и офицерам кавказской армии. В Эльборусский округ с этой целью был послан адъютант помощника главнокомандующего кавказской армией штабс-капитан Бильдерлинг,⁴ но фактически всю работу по сбору сведений среди карачаевцев и абазин Эльборусского округа провел начальник округа Н. Петрусевиц, который значительно лучше разбирался в нормах и обычаях карачаевского права, чем приезжий чиновник. В других округах сведения собирали присланные для этого лица и также местная администрация.

Сбор сведений продвигался медленно, возникло много неясных вопросов, так как фактическое положение сословий и земельные отношения отличались от установленных адатом. Комитет предписал закончить сбор сведений к сентябрю 1866 г., но начальник Эльборусского

¹ ГАКК, ф. 774, он. 1, ед. хр. 259, л. 1.

² ГАКК, ф. 774, он. 1, ед. хр. 653, л. 42.

³ Там же, л. 46.

⁴ ГАКК, ф. 774, он. 1, ед. хр. 653, л. 103.

округа сообщил, что по его округу сведения будут собраны не ранее января 1867 г.¹

После завершения сбора сведений началась выработка примерных условий освобождения. Чтобы придать этому обсуждению вид гласного, кавказская администрация предложила избрать депутатов от владельцев и от крестьян, которые займутся обсуждением примерного проекта освобождения, выработанного Комитетом.

Депутаты избирались от сословий „соответственно тому, сколько крестьян было в их руках”.² Всего от владельцев-карачаевцев выбиралось 6 человек: 2 от биев, 3 от узденей и 1 от азатов,³ и 6 человек от крестьян. Кроме этих 12 человек по Эльборусскому округу выбирались по 2-3 депутата от абазинских и черкесских крестьян и владельцев.

Выборы депутатов были проведены 1 октября 1867 г.

Доверенными от крестьян по Эльборусскому округу были выбраны:

1. Джеметты - крестьянин подпоручика Каншаубия Крымшамхалова.

2. Батай - крестьянин поручика Пшемахо Дудова.

3. Кума - крестьянин Таучу Байрамукова.

4. Мусса - крестьянин Бекира Тохчукова.

5. Алча - крестьянин Исмаила Кочкарова.

6. Бархоз - крестьянин Каракета Хубиева.

7. Мульязев - крестьянин Дударука.

8. База Джанашев.

9. Хакяго - крестьянин эфендия Али Абукова.⁴

Депутаты приступили к обсуждению условий, и сразу же начались разногласия. Основываясь на том, что адатные выкупные цены были в Карачае выше, чем у соседних черкесов, карачаевские владельцы требовали установления более высоких цен, чем те, которые были предложены Комитетом. А так как решающим было при отчуждении

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 653, л. 158.

² Там же, л. 266-268.

³ Азат - вольноотпущенник.

⁴ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 653, л. 468-469.

мнение владельцев, а не крестьян, то совещание приняло решение о повышении выкупных сумм.

„В Эльборусском округе вырабатываются депутатами условия для взрослых мужчин и замужних женщин пшителей значительно дороже, а в остальном вообще согласно с указаниями повеления от 17 мая",¹ - доносил начальник Кубанской области наместнику Кавказа.

Вторым спорным вопросом был раздел крестьянского имущества. Владельцы настаивали на том, чтобы получить половину имущества освобождаемых, и совещание согласилось с этим требованием, хотя, как писал начальник Эльборусского округа, „желательно было бы, чтобы имущество крестьян не подвергалось делению пополам между освобождающимися и владельцами".²

После долгих споров и разногласий были выработаны, наконец, окончательные условия освобождения крепостных крестьян, которые основывались на том, что свобода должна быть выкуплена за определенный выкуп, уплачиваемый деньгами или отработываемый.

Бесплатно освобождались только дети до 7 лет и женщины старше 50, мужчины старше 55 лет. Начиная с 7 лет за детей юлгюлюкулов платили 20 рублей и по 5 рублей за каждый год старше 7 лет. С 13 по 15 лет за год прибавляли по 10 рублей, а выше - по 15 рублей. Взрослые юлгюлюкулы платили за свое освобождение по 150 рублей. С 41 года сумма выкупа начинала соответственно уменьшаться, сначала по 5 рублей в год, затем по 10 и 15 рублей.

Женщины вносили выкуп в размере 100 рублей. Выкуп за девушек брался из калыма. Вдовы с малолетними детьми получали отсрочку до тех пор, пока подрастут дети.

Выкуп мог быть уплачен деньгами, скотом, хлебом и другими продуктами сельского хозяйства или отработан в течение нескольких лет (до 6 лет).

Еще тяжелее были условия выкупа башсызкулов. Не только мужчины, но и женщины этого сословия должны

¹ ЦГИА Груз., ф. 416, оп. 3, ед. хр. 317, л. 1.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 653.

были заплатить за свое освобождение от рабства 200 рублей. За 7-летнего ребенка платили 20 рублей, 8-летнего - 30, 9 - 40, а затем набавляли цену на 15-20 рублей за каждый год. С 18 до 35 лет - по 200 рублей, с 36 - каждый год цена снижалась на 15 рублей.¹

Если юлгюлюкулы имели право выбирать способ уплаты выкупной суммы, то башсызкулы должны были в обязательном порядке отработать ее. Причем условия, в которых находились временнообязанные крестьяне, отрабатывающие выкуп, мало отличались от крепостной кабалы. Как крепостные или рабы, временно обязанные крестьяне должны были работать на владельца 6 дней в неделю, а во время покоса или уборки и того больше.

Кроме того, крестьянин отдавал владельцу половину своего имущества: скота, инвентаря и т.д., а у карачаевцев - и половину сабана, в тех редких случаях, когда он имел свою собственную землю.²

Такие тяжелые условия выкупа грозили полным разорением хозяйству освобождаемых крестьян. Даже представители кавказской администрации не могли не отметить этого. Начальник Кубанской области писал, что после освобождения крестьяне „на некоторое время останутся в условиях гораздо более тяжелых, чем в каких они находились до настоящего времени”.³

А владельцам даже такие условия выкупа казались недостаточными. Вначале они старались совершенно избежать реформы, так как по словам начальника округа Н. Петрусевича, „освобождение крестьян есть мера противная желанию владельцев”.⁴

Убедившись же в неизбежности реформы, владельцы стремились к тому, чтобы освобождение прошло на максимально выгодных для них условиях. 4 марта 1867 года Комитет разрешил начальнику Кубанской области допускать добровольные соглашения между владельцами и

¹ ЦГИА Груз., ф. 416, оп. 1, ед. хр. 313, л. 7.

² ГАКК, ф. 452, он. 2, ед. хр. 593, л. 10.

³ ЦГИА Груз., ф. 416, оп. 3, ед. хр. 318, л. 1.

⁴ ГАКК, ф. 774, он. 1, ед. хр. 653, л. 266-268.

крестьянами.¹ При этом комитет предлагал руководствоваться общими основаниями, но допуская отклонения в ту или иную сторону.

Основываясь на том, что адатные цены в Карачае были выше, чем у соседей, владельцы стремились склонить крестьян к добровольным сделкам на более выгодных для себя условиях, чем указанные в общем положении.

Крестьяне мечтали о бесплатном освобождении, требовали, чтобы им дали свободу без высокого выкупа, поэтому первое время отказывались заключать добровольные сделки. Одной из причин, побуждавших карачаевских крестьян требовать скорейшего проведения крестьянской реформы, было то, что она была проведена в 1867 году в соседней Терской области, и таким образом у наиболее родственного карачаевцам народа - балкарцев крепостное право было уже отменено.

Но условия выкупа были и там очень тяжелыми, поэтому карачаевские крестьяне, потеряв надежду на настоящую свободу, стали соглашаться на выкупные сделки на любых условиях.

Заключение добровольных сделок началось в Карачае в конце 1867 г., до 1 января 1868 г. было освобождено по таким сделкам 980 человек. В течение первых 3-х месяцев 1868 г. было освобождено еще 1 381 человек.² 1-го июля в Карачай прибыл посредник, который должен был содействовать мирному урегулированию всех конфликтов и скорейшему заключению сделок по добровольному освобождению крестьян.

В интересах владельцев, чтобы обеспечить их рабочими руками на период посевных, уборочных и сенокосных работ, срок обязательного освобождения, намеченный вначале на 1 мая, был перенесен затем на 1 ноября 1868 г.

Пренебрежение к народу и его интересам, русификаторская политика царизма сказывалась и в том, что текст „Правил об освобождении зависимых сословий в

¹ ЦГИА Груз., ф. 416, оп. 3, ед. хр. 318, л. 1.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 653, л. 653

горских округах Кубанской области" не был переведен местной администрацией на национальные языки и не был разъяснен населению. Поэтому большинство крестьянства не имело ясного представления о том, как будет производиться освобождение.

Объявление об освобождении крестьян 1 ноября 1868 г. было проведено в торжественной обстановке. Муллы совершили намаз, а затем зачитали объявление начальника Кубанской области о том, что с этого дня крестьяне считаются свободными, и вместе с народом совершили молитву.

Однако это торжественное провозглашение свободы и попытка превратить это событие в праздник не соответствовали истинному положению вещей.

Крестьяне не могли не почувствовать разочарования от таких тяжелых условий выкупа. Сама кавказская администрация понимала это и, готовясь к реформе, опасалась народных волнений. Об этом говорит рапорт и.о. начальника Кубанской области генерал-лейтенанта Своева, в котором он пишет, что объявление свободы зависимых сословий 1 ноября прошло и даже без серьезных недоразумений между освобождаемыми и их бывшими владельцами.¹

С первых чисел ноября 1868 г. мировой посредник Эльборусского округа приступил к заключению обязательных сделок об освобождении крестьян. Прежде всего он провел эту работу в северной части Карачая: в Хумаре, в Каменномосте и на Маре. Заключение выкупных сделок было завершено здесь за 9 дней, после чего мировой посредник прибыл в Хурзук,² где было больше всего крепостных, а затем в Учкулан и Карт-Джурт.

В течение ноября месяца в Карачае были освобождены 521 мужчина и 424 женщины, итого 945 человек. Не освобожденными оставались находившиеся на отдаленных кошах.³

¹ ЦГИА Груз., ф. 416, оп. 3, ед. хр. 305, л. 27.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 653, л. 1012.

³ Там же, л. 1008.

Всего же в Карачае было освобождено по одним данным 2462 человека,¹ а по другим 2806 человека.² Расхождение в цифрах начальник Эльборусского округа объяснял тем, что часть крестьян и владельцев, заключившая добровольные сделки, позже расторгла их и заключила новые при помощи мирового посредника, т.к. старые условия не устраивали одну из сторон.

Но это проведение и формальное завершение реформы в течение 1868 года совсем не отражало действительного положения вещей, т.к. фактически реформа только начиналась. Крестьянам предстояло выплатить огромные выкупные суммы или отработать их, прежде чем они получали действительное освобождение от своих владельцев.

Несмотря на то, что максимальным сроком отработки было признано 6 лет, были случаи, когда владельцы заставляли башсызкула отрабатывать выкуп в течение 8 лет и более, фактически продляя этим крепостное состояние еще на 8 лет. Так, жительница Хурзука Джерашхан, 40 лет, с сыном Обай, 7 лет, принадлежавшие эфенди Магомету Байрамукову заключили с владельцем соглашение, по которому она "вместо выкупа поступает к нему в работники на 8 лет, по истечении которых 1 января 1876 г. делается свободной, без всякого долга по выкупу владельцу". Вся плата за 8 лет тяжелейшего труда заключалась в том, что владелец обязывался „по окончании восьмилетнего срока дать ей полное одеяние сообразно времени года".³

Юльгюлюкулы частично так же отрабатывали выкуп, но чаще расплачивались деньгами, скотом и другим имуществом. Уплата выкупа производилась в рассрочку. Так, крепостной крестьянин Нагая Карабашева, Мазан, 30 лет, с женой Ак-Белек, 25 лет, и с сыном Керти Улан, 1 год, отдали владельцу по договору половину своего имущества

¹ ЦКИА Груз., ф. 416, оп. 3, ед. хр. 305, л. 33.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 653, л. 1091.

³ Е.П. Студенцов "К вопросу о феодализме и рабстве в Карачае XIX в." // Советская этнография, 1937, № 2-3, С. 63-64.

(2 головы рогатого скота и 1 лошадь), а кроме того, обязывались выплачивать по 50 рублей в год выкупную сумму, которая составляла 350 рублей.

Крестьянин Мурзакула Дудова из Хурзука, Одумак с женой и дочерью отдали по договору владельцу в счет выкупной суммы, составляющей 500 рублей, весь свой скот „за исключением самого необходимого“, земли на сумму 190 рублей и внесли наличными 14 рублей. Остальной долг они обязывались погасить в течение 3-х лет.

Только самые зажиточные из юльгюлюкулов смогли сразу же уплатить весь выкуп. Крестьянин Наны Дудова из а. Хурзук Машай и двое взрослых братьев, отдав владельцу „все свое движимое и недвижимое имущество“, ¹ сразу же получили свободу. Но таких богатых крестьян были единицы, большинство же в течение долгих лет продолжало выплачивать свой выкуп или отрабатывать его, оставаясь во временнообязанных отношениях.

Положение временнообязанных крестьян мало чем отличалось от крепостного, так как они должны были нести все повинности, которые накладывало на них прежде их зависимое положение.

Для оценки имущества, идущего в уплату выкупа, были избраны особые присяжные оценщики. Они должны были определять стоимость имущества, отдаваемого крестьянами в уплату выкупа своим владельцам. Оплата за труд оценщиками производилась из самого выкупа - в их пользу шло 2% с суммы, в которую оценено имущество. ²

Большинство юльгюлюкулов и все башсызкулы в свою бытность в крепостном и рабском состоянии не имели фамилии, так как не принадлежали к карачаевским тукумам, а имели только имена и клички. При освобождении многие из них получили фамилии своих владельцев. Так, наряду с биями Дудовыми, Темирбулатовыми появились Дудовы и Темирбулатовы из вольноотпущенников, наряду с узденскими фамилиями

¹ Е.П. Студенцов "К вопросу о феодализме и рабстве в Карачае XIX в."//Советская этнография, 1937, № 2-3, С. 65,67.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 653. л. 1103.

Байчоровых, Лайпановых и др. появились такие же фамилии вольноотпущенников.¹ Некоторые из освобожденных получили фамилию по этническому признаку.

3. ОСНОВАНИЕ НОВЫХ СЕЛЕНИЙ И ВЫДЕЛЕНИЕ ЧАСТНОСОБСТВЕННИЧЕСКИХ УЧАСТКОВ

Освободив формально карачаевских крестьян от крепостного права, царизм снова вынужден был вернуться в начале 70-х годов к земельному вопросу. Нерешенность земельного вопроса, при котором значительная часть земельного фонда сохранялась в руках феодалов, а крестьяне по-прежнему оставались в поземельной зависимости, делала отмену крепостного права фикцией, так как крестьяне не имели реальной возможности получить эту свободу.

По словам Г. Чурсина, „карачаевские феодалы взглянули на освобождение крестьян с самой широкой точки зрения и отпустили бывших своих холопов на все четыре стороны, освободив их от рабства и от земли, на которой они сидели“.²

Многие крестьяне не имели даже возможности внести выкупную сумму, не могли уйти со двора своего бывшего владельца, так как не имели клочка земли, чтобы поставить дом.

Чтобы осуществить на деле отмену крепостного права, нужно было поторопиться с выделением дополнительных земель для основания новых поселений. Межевая комиссия приступила к работе в 1868 г. 26 тысяч десятин было отмежевано между Кубанью и Кумой, 14 тысяч - по р. Теберде, где издавна стояли карачаевские коши.

При проведении земельной реформы в Закубанье в основу наделения землей крестьян была положена общинная система землепользования. Община облегчала

¹ ЦГА СО, ф. 262, ед. хр. 23, л. 50-86.

² Г. Ф. Чурсин. *Экономическая жизнь Карачая* // „Кавказ“, 1900, № 322.

проведение фискальной политики, а, кроме того, более всего соответствовала общему духу консервативной, полукрепостнической политики царизма.

Все черкесские, абазинские и ногайские аулы были наделены землей на общинном праве и только в Большом Карачае землевладение и землепользование оставалось по-прежнему смешанным: семейно-индивидуальным на пахотных землях (сабанах) и поливных сенокосах (биченликах) и общинным на летних пастбищах (джайлыках).

Земельная реформа в Карачае не коснулась ни крупного феодального землевладения, ни семейно-индивидуального. Пересмотр земельных отношений в Большом Карачае был отложен из-за „неизученности земельных отношений“¹ и так и остался нерешенным. И только в новых селениях, основанных на дополнительных участках, землепользование строилось на том же основании, что и в черкесских, абазинских и ногайских аулах.

Единственной формой организации населения в новых селениях должна была стать уравнильно-передельная община. Полученные от общины земли нельзя было ни продавать, ни дарить, ни закладывать, ни отчуждать каким-либо другим способом. Однако, как показал дальнейший ход событий, уравнильность в новых общинах была только видимой, переделы - средством захвата лучших земель сельской верхушкой.

С первых же дней существования селений Малого Карачая лучшие земли оказались захваченными нарождавшейся сельской буржуазией.

Первым из новых селений было основано в 1868 г. Тебердинское село. На этих землях поселились Байчоровы, в частности семья Ожая Байчорова. Поэтому, когда правительство дало разрешение карачаевским крестьянам селиться в долине р. Теберды, лучшие участки оказались уже захваченными Байчоровыми и Карабашевыми. Приехавших из Большого Карачая кулов они встречали

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 130, л. 9.

недружелюбно, давали им худшие участки земли, иногда и совсем не принимали в общество. Власть Байчоровых здесь была так велика, что долгое время село так и называли - Ожаевское (Ожай къабакъ).

На новом месте освобожденные крестьяне оставались безземельными.

Чтобы предупредить обострение сословной вражды и хоть в какой-то степени обеспечить землей и бывших кулов, их поселили не в Тебердинском ауле, а несколько ниже по течению реки в новом - Сентинском, по имени первого переселенца Хатиева Каракула.¹

В том же году был основан Каменноостский аул (Ташкёпюр), чуть выше впадения в Кубань р. Теберды, в 1875 г. - Марийский (вначале Нижняя Мара - Тёбен Мара, позже Верхняя - Огары Мара). Последним из новых поселений возник в 1881-1883 гг. Джегутинский, которому отведены были далеко не все карачаевские земли этого района. Часть земель была к этому периоду роздана в частную собственность крупным феодалам (например, земли по Эльтаркачу - Крымшамхаловым), и еще большая часть оставлена в пользование обществ Большого Карачая.

Джегуте были отведены земли по правому и частично по левому берегу р. Джегуты, сабаны и сенокосы располагались на возвышенностях, лежащих на восток от аула. Непосредственно к ним примыкали юртовые земли Усть-Джегутинской станицы. Несмотря на такую стесненность, Джегутинский аул разрастался очень быстро.

Наряду с освобожденными кулами, в Джегуту переселилось много узденских семей, которые пытались перенести в новый аул привычный принцип поселения по родовым кварталам - тийре. Однако это удавалось не всегда, тем более, что переселение происходило не единовременно, а постепенно, растянувшись на 10-15 лет.

Как и во всех новых аулах, первые переселенцы попали в число коренных жителей, членов уравнительно-

¹ Название Сентинского села - Каракул къабакъ дано по имени Хатиева Каракула - ред.

передельной общины. Тех, кто прибыл позже, в общину не принимали и им, как иногородним, земли не давали.

Одновременно с наделением земель на общинном праве части карачаевского крестьянства, кавказская администрация приступила к наделению земель верхушки карачаевского общества на правах частной собственности. Целью этого было создание класса помещиков-землевладельцев, которые были бы проводником политики царского самодержавия и его верными слугами.

Еще в 1867 году главнокомандующий поручил начальнику Кубанской области составить проект наделения землею причисленных к Эльборусскому округу Кумско-Абазинского и Хумаринского аулов, а также так называемых "почетных туземцев". В конце 1870 г. проекты эти были утверждены.

В список "почетных туземцев" вошли лица, заслужившие особое внимание царизма. Они были в прошлом и должны были оставаться и в будущем его опорой. Так, штабс-ротмистру Хаджи-Мурзе Крымшамхалову был выделен надел в 800 десятин, а брату его прапорщику Асламбеку Крымшамхалову - 200 десятин.

В этот же список вошли два представителя узденских фамилий: поручик Керты Салпагаров, получивший 314 десятин, и юнкер Ожай Байчоров - 341 десятину.¹

По течению реки Марухи было выделено 11 частнособственнических участков по 200 десятин.

В отличие от практики земельных пожалований в Черкесии, где феодалы, получив частнособственнические участки, теряли все права на свои прежние феодальные владения, карачаевские феодалы сохранили и прежние владения.

Пожалованные участки поступали в полную и безраздельную собственность владельца, который мог продать землю, подарить ее, заложить, сдать в аренду целиком или по частям.

Владение, отчуждение и наследование этих участков производилось уже не по адату и не по шариаду, а на

¹ ЦГВИА, ф. 400, Азиат, част. 1871 г., ед. хр. 1, л. 4-5.

основании общероссийского законодательства. Это была феодальная, помещичья земельная собственность, не прикрытая никакими патриархальными пережитками.

Наряду с этим, в пореформенную эпоху стала складываться в Карачае и новая форма собственности - бессословной, капиталистической, основанной на применении вольнонаемного труда батраков. Это были земли, купленные карачаевскими кулаками у царских генералов и чиновников, охотно продающих свои пожалованные участки.

Таким образом, земельные преобразования 1870 гг., в Карачае, как и крестьянская реформа, носили половинчатый характер. Они не разрешили основного - земельного вопроса, так как значительная часть земельного фонда карачаевского народа попала в руки царизма и была использована им для создания класса помещиков-землевладельцев, а частично оставлена в казне. Крестьяне же по-прежнему страдали от крайнего малоземелья.

Глава II. АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА

Административно-судебные преобразования 60-70-х годов на Кавказе значительно отличались от реформ этих лет в Центральной России.

Здесь отмена крепостного права и буржуазные преобразования вызывались не внутренним развитием этих народов, а заинтересованностью в этом российского капитализма, который нуждался в Кавказе как в рынке сырья и сбыта. Так и административно-судебные преобразования 60-70-х гг. проводились не столько в интересах горских народов, сколько в интересах русского государства, в интересах колонизаторов.

Административно-судебные преобразования на Кавказе проводились правительством в целях более полного подчинения горских народов, в интересах русификаторской политики царизма. Горцам не давали даже тех минимальных политических прав, даже такой куцей формы местного самоуправления, как земство.

Но даже и в таком виде, несмотря на их крайнюю ограниченность, административно-судебные преобразования на Кавказе имели прогрессивное значение. Они содействовали ломке феодальной замкнутости и феодального права. Замена военно-народного управления гражданским содействовала уничтожению режима военной оккупации, установленного в горских округах в период Кавказской войны.

Первой формой правления на завоеванных территориях Северного Кавказа была система приставств. Подчинив себе тот или иной из горских народов, командование устанавливало там режим военной оккупации. Непосредственным представителем командования на месте был пристав, которому принадлежала вся полнота власти над данным народом.

Вместе с тем, на завоеванных территориях сохранялись сложившиеся устои и классовые взаимоотношения, сохранялся местный суд посредников, основанный на адате

или духовный суд по шариату. Часто во главе народа продолжал стоять феодальный правитель или глава, и население продолжало платить подати в его пользу. Но над всеми этими местными институтами стоял пристав, подчиняющийся военному командованию. Система приставств служила переходной формой правления, пригодной лишь для военного времени. Окончание войны потребовало и изменения форм правления.

Приставы обычно назначались из русских офицеров, иногда из горцев же, но другой национальности (например, приставом карачаевского народа в 50-х годах XIX века был осетин - войсковой старшина Турчиев).¹ И только в виде исключения, за особые заслуги перед самодержавием, тот или иной феодал назначался приставом своего народа, получая за это военные чины и награды (так, например, генерал-майор Султан Менгли-Гирей был в течение 26 лет приставом ногайского народа).²

Полное бесправие завоеванных народов, режим карательных экспедиций, отсутствие контроля, делали власть пристава неограниченной и приводили к частым злоупотреблениям. Постоянным явлением были взятки и незаконные поборы. Так, ногайцы жаловались на своего пристава Калантарова, который вымогал у них деньги, отбирал скот, притеснял их и злоупотреблял своей властью.³ Пристав карачаевского народа есаул Мистулов так озлобил карачаевский народ постоянными поборами и штрафами, что, как уже говорилось, был убит в 1851 г.

Деление на приставства было неустойчивым и неудобным. Число приставств, их названия и границы постоянно менялись. Порою один и тот же народ входил в несколько приставств, или наоборот, в одно приставство входили совершенно не родственные народы. Это объяснялось тем, что приставства создавались по мере завоевания царизмом новых территорий Северного Кавказа.

¹ ЦГА КБ, ф. 16, оп. 1, ед. хр. 1481. л. 17

² ГАСК, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 914.

³ ГАСК, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 915.

О том, как часты были преобразования приставств, видно из следующего перечисления изменений за 15 лет: в 1847 году на правом крыле Кавказской линии существовали 5 приставств: 1) Главное приставство закубанских народов. 2) Приставство бесленеевских народов и закубанских армян. 3) Приставство Тахтамышевских улов. 4) Приставство темиргоевского, егерукаевского, гатукаевского и бжедуховского народов. 5) Приставство карачаевского народа.¹

Уже в следующем 1848 г. к карачаевскому приставу были присоединены абазинские аулы. В 1851 году приставство темиргоевского, егерукаевского, гатукаевского и бжедуховского народов упразднены, а вместо этого в 1852 г. учреждено новое приставство нижекубанских народов.

В 1855 г. было упразднено главное приставство закубанских народов, а вместо него создано приставство карамурзинских и кипчаковских ногайцев. В 1856 г. было основано тебердинское приставство, просуществовавшее всего один год.

В 1857 году приставство бесленеевское и закубанских армян было объединено с приставством карамурзинских и кипчаковских ногайцев в одно приставство закубанских ногайцев; а к карачаевскому приставству присоединено тебердинское.²

В 1861 году карачаевское приставство вместе с присоединенным к нему тохтамышевским были переименованы в Верхне-Кубанское приставство, а приставство закубанских ногайцев - в Нижне-Кубанское. Кроме того, было образовано новое - Лабинское приставства, объединяющее народы, жившие между рр. Белой и Лабой.³

Еще до завершения Кавказской войны, в 1863 году стала совершенно очевидной несостоятельность такой формы управления, как приставства. „Быстро возраставшее

¹ ЦГИА, ф. 1268, оп. 9, 1857, ед. хр. 436, л. 9.

² ЦГИА, ф. 1268, оп. 9, 1857, ед. хр. 436, л. 10.

³ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 868, ед. хр. 24, л. 200-201.

число выходцев из гор и известия о стремлении горцев вообще к выселению на плоскость, привели к убеждению, что существовавшие военно-народные управления, имевшие характер исключительно политический, недостаточны и что необходимо заменить их более обширными управлениями, учредить народные суды и вообще устроить администрацию по возможности на началах, которые бы вели к развитию между туземцами гражданственности",¹ - сказано было в отчете по военно-народному управлению Кубанской области. В качестве временной меры параллельно с приставствами были созданы округа - Абадзехский и Шапсугский.

Осенью 1864 года, после того как отгремели последние выстрелы Кавказской войны, все приставства Кубанской области были упразднены и заменены окружными правлениями. Всего в области было создано первоначально 3 округа: Верхне-Кубанский (с участками: карачаевским, абазинским и армянским), Бжедуховский и Абадзехский.

Однако перемена названия и расширение границ округа мало изменили сущность управления. Округа, как и приставства, не вносили никакой организации в жизнь горских народов и главное не освобождали их от режима военной оккупации. „Вся забота бывших военно-народных управлений была обращена лишь на поддержание внешнего порядка в обществах и на исправное формирование милиции, предоставляя внутренние распоряжения в них старшинам и лицам высших фамилий".²

В 1865 году Верхне-Кубанский округ получил наименование Эльборусского. К 1866 году было выработано детальное „Положение об управлении горцами Кубанской области", которое касалось и административных судебных преобразований.

К этому времени было закончено переселение черкесских и абазинских аулов с гор на плоскость и выселение части горских народов в Турцию. Оставшиеся

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 466, л. 53-112

² ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 466, л. 53-112.

горцы были расселены по левобережью средней Кубани и по ее притокам Зеленчукам, Уруп, Лабе, Белой и Псекупсу. Жившие в верховьях Кубани карачаевцы не переселялись совсем и оставались на своих местах. Ногайские аулы также не подвергались большим перемещениям.

Соответственно этому горские народы были распределены по 5 округам: 1) Эльборусский, в который вошли все карачаевские аулы и абазинские аулы по р. Куме и ее притокам; 2) Зеленчукский - населенный черкесами, абазинцами и ногайцами, жившими по Зеленчукам; 3) Урупский - населенный черкесами, ногайцами, армянами; 4) Лабинский - объединявший аулы западных черкесов, расположенных по рр. Лабе и Белой; 5) Псекупский, в который вошли аулы западных черкесов по среднему течению Кубани и нижнему течению р. Псекупса.

Во главе стоял окружной начальник, по-прежнему назначаемый командованием из русских офицеров. Для делопроизводства по округам создавались окружные управления, состоявшие из окружного начальника, его помощника, медика (обычно фельдшера), 2-х переводчиков: письменного и словесного, делопроизводителя, 2-х депутатов, 2-х кадиев и сторожа.

Для надзора за окружными начальниками и управлениями создавалась новая должность при начальнике Кубанской области - помощник начальника по управлению горцами. Как и окружные начальники, он назначался из представителей царской военщины.

Первым помощником начальника Кубанской области был полковник Дукмасов - типичный колонизатор, меньше всего думавший о нуждах народов Кавказа. Земельные преобразования у черкесов он использовал для получения тысячи десятин (1312 дес.) плодороднейшей земли в свою собственность. Отмену крепостного права стремился провести в интересах русского капитализма и горской знати. На предложения начальника Эльборусского округа Петрусевича о наделении землей карачаевцев, он ответил грубым окриком, запретив Петрусевичу „входить в гласное обсуждение каких бы то ни было общественных вопросов,

прежде, нежели общие основания таковых вопросов будут утверждены начальником области".¹

Между тем, по Положению помощник должен был быть первым заступником горцев и защитником их интересов. Он заботится „о всех нуждах горцев и вообще изыскивает средства к их благосостоянию и принимает меры к поддержанию общего спокойствия в крае".² На деле же этот представитель царской администрации если заботился о „спокойствии в крае", то путем арестов и угроз, военных походов и экзекуций.

Одной из мер к установлению „порядка" в Кубанской области было разоружение горцев, предпринятое в 1866-68 гг. Чтобы не возбуждать умов и не вызвать резкого противодействия, изъятие огнестрельного оружия пытались провести под видом добровольной его сдачи. Однако дело не обошлось без осложнения, т.к. горцы, веками привыкшие ходить вооруженными, считали оскорблением для мужчины обезоруживание его. Карачаевцам, как и другим жителям Эльборусского округа, оружие было оставлено „вследствие особенности их положения, как жителей горных ущелий, имеющих обширное скотоводство".³

В эти же годы, а именно с 1 января 1866 года, горское население Кубанской области было обложено повинностями 3-х видов: государственные платежи, общественные и натуральные повинности. Государственные платежи в 60-90-х гг. состояли прежде всего из подымной подати. Каждый дым - единица обложения, независимо от числа членов и от количества имевшегося у них скота и земли, должен был вносить определенную сумму - от 3 рублей до 4 рублей 50 копеек. Кроме того, каждый дым платил пятирублевый сбор на содержание полицейской милиции, итого в среднем приходилось по 9 рублей 50 копеек на дым.

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 130, л. 15.

² ГАКК, ф. 774, оп. 2; ед. хр. 466, л. 53-112.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 466, л. 53-112.

В отличие от других народов, где каждый дым платил одинаковую сумму, у карачаевцев податное обложение было поставлено в зависимость от имущественного положений. Правда, большой дифференциации населения не делали, но все же всех плательщиков делили на 2 категории; в первую зачисляли людей с большим и средним достатком, во вторую - малообеспеченных и совершенно неимущих. Первая категория платила повышенную сумму подати, от 15 до 30 рублей, вторая - пониженную, от 75 копеек до 4-х рублей.

Замену уравнительного принципа распределения подати подоходным Г. Петров объясняет прочностью общинных связей в Карачае даже в пореформенный период. „Ни в одном из соседних, как у русских, так и горских обществ, интересы общественные не ставятся на такую высокую степень уважения и так ревниво не охраняются как здесь”.

Однако это совсем не означает, что принцип подоходности свято соблюдался, и не было злоупотреблений со стороны выборных лиц. Чем дальше шло расслоение среди карачаевского крестьянства, чем больше распадалось оно на зажиточную верхушку и бедняков, тем слабее становились общинные связи и меньшую роль играли общинные интересы, вытесняемые корыстными, частными.

Разбогатевшие кулаки сами старались попасть в члены выборных, чтобы переложить податной гнет на плечи бедноты, а себя освободить от него совсем. В условиях почти поголовной неграмотности карачаевского народа такие махинации проходили особенно легко.

Начиная с 1887 г. карачаевцы, как и другие народы Кавказа, должны были платить воинский налог. Этот налог вводился вместо воинской повинности, от которой горцы были до поры до времени освобождены. Карачаевцы платили по 1 руб. 33 копейки с дыма.

В 1900 г. была проведена реформа податного обложения на Кавказе, по которой подымная подать

¹ Петров. Верховья Кубани - Карачай.

упразднялась, а вместо нее вводилась государственная оброчная подать. Но это не принесло облегчения населению, т.к. оброчная подать была не меньше подымной.

Кроме государственных платежей, в которые входили подымная, а также оброчная подать и воинский налог, карачаевцы вносили значительные суммы общественных платежей. Общественные денежные сборы шли: 1) на покрытие расходов по содержанию сельских правлений: на жалование старшинам, их помощникам, писарям, сельским казначеям, общественным доверенным, аульным судьям, эфендию, муртазакам (аульным стражникам), на ремонт сельских зданий, жалование сторожам, покупку дров и освещение сельских правлений; 2) на народное образование: жалование учителям и сторожам училищ, ремонт, отопление и освещение училищных зданий, выпуску учебников, письменных принадлежностей и содержание школьной библиотеки; 3) расходы на медицинскую часть: жалование фельдшеру, наем квартир и сторожей для ветеринарных аптек.¹ Натуральные повинности заключались в работе по постройке дорог, мостов, общественных сооружений.

Раскладкой податей и повинностей, сбором средств на общественные расходы, выдачей ссуд из общественных сумм и запасных магазинов, назначением или наймом сторожей, смотрителей канав, рассыльных ведал сельский сход, права и обязанности которого были строго ограничены положением 1868 г.

Сход выбирал и контролировал сельских должностных лиц, распоряжался общественными земельными угодьями, решал судьбы отдельных граждан, выносил приговоры об удалении из общества провинившихся сельчан, назначал сиротам опекунов и попечителей в случае смерти отца, проверял, как выполняли они свои обязанности, давал разрешения на переселения из одного общества в другое и т.д.

¹ Труды комиссии... С. 32-33.

Сельский сход состоял не из всех жителей села, даже не из всех мужчин, а только из домохозяев, считавшихся коренными жителями. Ни иногородние, ни младшие члены семьи, ни тем более наемные работники, не допускались к решению общественных дел села.

Собирал сход сельский старшина, он же занимал на нем первое место, т.к. без его присутствия сход не мог вынести ни одного решения. Сельский старшина заботился об общественном порядке, следил за настроением умов и слухами, задерживал беглых, доносил начальству о беспорядках. Уже одна эта сторона его деятельности превращала старшин в верных слуг царизма.

Чтобы избежать неугодных кандидатур, должность сельского старшины была не выборной, а назначаемой начальником области по представлению начальника округа. Только в виде исключения начальник области мог предоставить благонадежным обществам право избрания старшин, но с последующим утверждением его начальником области. „Общества, оказавшиеся неблагонадежными могут быть лишены этого права”,¹ - сказано в примечании. Так страховала себя правительство от выбора неугодных лиц.

Старшины, как и кулаки „помешаны на богатстве. Жажда наживы легким путем гложет их, и они не брезгают средствами для обогащения”,² - писал В.Я. Тепцов. Избрание на должность старшины для них - путь к богатству. Надувательства, хищения, взятки - средство достижения своей цели. Поэтому так стремились они пробраться в должность, а раз попав туда - всеми силами стремились удержаться на этом посту как можно дольше.

В большинстве случаев старшины чуть ли не пожизненно несли эту обязанность, баллотировавшись в течение многих выборов. Так, в Теберде в течение многих лет старшиной был Ожай Байчоров, в Маре - Блимготов К. и т.д.³

¹ ЦГИА, ф. 1268, оп. 13, 1866, ед. хр. 93, л. 16.

² В. Я. Тепцов. Ук. соч., стр. 100.

³ Полевой материал 1960., с. Н. Мара. Чичханчиев Чонай.

Так выглядела новая администрация, введенная правительством среди горцев Кубанской области. Те же черты - взяточничество и вымогательство, подкупы и обманы царили и в окружных, а позже уездных и отдельных правлениях. Особенно прославился своим взяточничеством атаман Баталпашинского отдела полковник Братков. Как показало расследование его деятельности на этом поприще, он брал взятки всевозможных размеров, „не брезгуя и самыми малыми”,¹ и всевозможных видов: брал деньги, муку, сыр и все, что угодно. Он не стеснялся вымогать их у самых бедных крестьян и богатых подрядчиков, грозил тому, кто отказывался платить ему.

Следуя примеру своего атамана, взяточничеством, подкупами и подлогами занимались все его подчиненные. „У нашего атамана, кто не берет взятку, тот нехороший человек, и служат хорошо те, кто берет взятки”, - показывали свидетели.

Знаменательно, что раскрыв омерзительную картину нравственного падения атамана, кубанская администрация не нашла в этом ничего удивительного и наказала его тем, что устранив от занимаемой должности в Баталпашинском отделе, решила „предоставить должность атамана одного из отделов Кубанской области”.²

Карачаевцы, как и другие народы области, познали на собственном горьком опыте, что представляла собой чиновничье-бюрократическая машина самодержавной России, продажная и враждебная народу с низшей инстанции - сельских правлений, и до самых высших государственных учреждений.

Административные преобразования XIX в. в горских округах имели ту цель, „чтобы горское население Кубанской области было возможно более подготовлено к подчинению общим полицейским и судебным законам империи”.³ К концу 60-х годов правительство считало свою

¹ ЦГИА Груз., ф. 521, оп. 9, ед. хр. 248, л. 15.

² ЦГИА Груз., ф. 521, оп. 9, ед. хр. 248, л. 4.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 466, л. 53-112.

задачу выполненной, и сделало следующий шаг по пути „постепенного объединения“¹ Кавказа. Таким шагом была отмена системы военно-народных правлений, ликвидация горских округов и подчинение горского населения общему для России гражданскому управлению.

С 1 января 1871 г. военно-народные округа Кубанской, как и Терской области, были ликвидированы. Горское население вошло в состав общего населения уездов, на которые была разбита Кубанская область. Карачаевцы и абазины бывшего Эльборусского округа, черкесы, абазины и ногайцы Зеленчукского и Урупского округов вошли в Баталпашинский уезд, западные черкесы (адыгейцы) Лабинского округа - в Майкопский уезд, Псекупского - в Екатеринодарский уезд.

В эти же уезды вошли казачьи станицы, расположенные по соседству с аулами. Кроме того, в Кубанской области было 2 уезда почти исключительно с казачьим и русским населением - Ейский и Темрюкский.

В Баталпашинском уезде в 1871 году из 159 749 человек населения горцев было 44 507,² в Майкопском - 25 620 человек, Екатеринодарском - 16 629, а всего горцев в Кубанской области - 86 756 человек из общего числа населения - 672 224 человека.

Одновременно с введением гражданского управления в горских округах вводились и новые судебные учреждения.

В основу нового судоустройства и судопроизводства был положен судебный устав 1864 г. Сословный княжеский и духовный суд заменялся бессословным гласным судом. „Одновременно с началом введения ныне действующих штатов, только что сформированными окружными управлениями должны были быть упразднены исключительные судебные права высших сословий и духовенства, с формированием постоянных судов из выборных от всех сословий“, - сказано было в отчете по военно-народному управлению Кубанской области.³

¹ ЦГИА, ф. 1268, оп. 14, ед. хр. 11, л. 13.

² ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 1036, л. 411.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 466, л. 53-112.

По Положению 1866 г. для разбирательства спорных и тяжёлых дел жителей горских округов учреждались окружные словесные суды. Они рассматривали гражданские и уголовные дела. Что же касается политических дел, измены, возмущения против правительственных органов и т.д., то такие дела рассматривались комиссией военного суда, по назначению начальника Кубанской области.¹

Окружные словесные суды состояли из 6 человек - председателя суда, 3-х депутатов-представителей от сословий и 2-х кадиев. Председателем суда всегда был окружной начальник. Это одно уже совершенно сводило на нет ту минимальную демократию, которую давали судебные уставы 1864 года.

Нарушен был и принцип бессословности суда. Так как окружные суды вводились до отмены крепостного права в горских округах, то в случае спорных дел крепостных крестьян с их владельцами, представителем крепостных крестьян должны были выступать старшины, которые являлись за них в суд и давали показания. Тем не менее, феодальная знать резко возражала даже против куцых мер по введению элементов судебной реформы.

Выборы депутатов и кадиев происходили в обстановке обостренной борьбы. Принцип тайного голосования создавал видимость демократичности выборов, на деле же в суд редко проходили истинные представители народа. Путём уговоров, подкупов и запугивания, при покровительстве администрации области на общественные должности в суде и в правлении проходили все те же баи и кулаки.

Н.М. Рейнке, изучавший горские и народные суды Кавказского края, так описывал предвыборную кампанию со слов очевидцев: „Желающие попасть в депутаты не жалеют ни обещаний, ни угощений, ни денег; на подкуп выборщиков затрачивается по несколько сот рублей". „Баллотировка, - говорит один очевидец, - походит на

¹ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286. св. 879, ед. хр. 12 б. л. 108-113.

продажу с публичного торга выгодных должностей депутатов горского суда".¹

Окружные суды рассматривали главным образом дела по имущественным искам, кражам, увозу женщин, мошенничеству. Большинство дел (имущественные и др.) решались на основании адата. Семейные дела, наследственные, разводы, споры о калыме и т.д. решались по правилам шариаата.

Рассмотрение дел было гласным и словесным. Судопроизводство велось на русском языке, поэтому все показания переводились специальными переводчиками. Наиболее распространенным видом наказания был штраф. Штрафы брались за кражу, за похищение женщин и незаконные связи с ними, за драки и неисполнение решений суда.

Эльборусский окружной суд собирался в Кумском абазинском ауле, а, кроме того, выезжал по мере надобности на места, туда, где надо было производить судебные разбирательства. „Такой порядок был необходим для того, чтобы не вызывать по некоторым делам свидетелей и вообще прикосновенных к делу лиц, с дальних расстояний, тогда как приезд в известную местность разрешал разом многие дела в самое непродолжительное время, тогда как иначе их пришлось бы откладывать и растягивать на два, на три или более того сроки", - объяснял начальник Эльборусского округа и он же председатель окружного суда Н. Петрусевиц.

Первые годы своего существования горские словесные суды были очень загружены массой мелких тяжб и исков. После создания в 1868 г. аульных судов все мелкие дела были переданы им.

Сельские судьи избирались аульным сходом, а затем утверждались окружным начальником. Их компетенции подлежали маловажные дела: споры и тяжбы между жителями аулов ценою до 50 рублей и маловажные проступки: обиды словом или побои без причинения

¹ Н. М. Рейнке. *Горские и народные суды Кавказского края*//Журнал министерства юстиции. 1912, № 2, С. 17.

увечья, злоумышленная запашка или потрава чужого поля, порча изгороди, употребление при торговле неправильных аршинов и весов, кражи, не превышающие 30 рублей стоимости похищенного и т.д.¹ Соответственно этому не велики были и наказания: общественные работы до 6 дней, денежные взыскания до 3-х рублей и арест до 7 дней.

Сельский суд собирался обычно в дни, свободные от работ. Решения и приговоры аульного суда приводились в исполнение старшиной или помощником.

Горские суды, руководствовались в своих действиях в основном адатами, а кроме того одновременно изданными инструкциями административных властей. И инструкции и адаты не могли явиться основанием для строгой законности, инструкции часто не были согласованы друг с другом, отрывочны, не точно отредактированы, так как „издавались лицами, вовсе не подготовленными к законодательской работе”.² Адаты же „в разнородном населении округов иногда существенно разнятся один от другого”, а, кроме того, изменения общественного быта породили большое количество дел, не имевших прецедента в адатном праве. Все это очень осложняло и порой запутывало судопроизводство.

30 декабря 1869 г. в Кубанской области были введены судебные уставы, изданные 20 ноября 1864 г., но на горские округа судебная реформа не распространилась и на этот раз. Вместо введения общеимперских судов в горских округах создавались „горские словесные суды”, аналогичные существовавшим горским окружным судам. Таких судов было открыто три: Екатеринодарский, Баталпашинский, Майкопский.

Для руководства работой судов 18 декабря 1870 г. были утверждены детальные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей, составленные на основании указа о преобразовании судебной части. Но и это были снова „временные” правила, которые вводились „впредь до полного введения судебных

¹ ЦГИА, ф. 1268, оп. 13, 1868, ед. хр. 93, л. 55.

² Н. М. Рейнке. Ук. соч., с. 13.

уставов 20 ноября 1864 г. в местностях, занимаемых горским населением Кубанской и Терской областей".¹

В целом судебная реформа, растянувшаяся в горских округах на несколько лет, так и не была фактически проведена в жизнь, подменяемая различными инструкциями и временными правилами.

Временные правила для горских судов были попыткой, и притом неудачной, применения к горским и народным судам начал русского судопроизводства.²

Первой судебной инстанцией был горский словесный суд, который, как прежде окружной суд, состоял из председательствующего в нем окружного или уездного начальника, его помощника и депутатов от населения. Второй судебной инстанцией в Кубанской и Терской областях не было, жалобы на решения горских судов можно было приносить мацальству области. Этим еще раз подчеркивалась зависимость суда от администрации, несовместимая с духом судебных уставов 1864 г.

Назначение времени заседания суда, дел, подлежащих рассмотрению, ведение судебного заседания, а часто и вынесение приговора зависело от председателя суда - окружного или уездного начальника. За возражения на суде и „нарушение спокойствия и благопристойности" председатель мог подвергнуть виновных штрафу от 25 коп. до 3-х рублей.³

Выбор судей и кадия также, фактически, зависел от администрации. Сельские общества выбирали доверенных лиц, из числа которых начальник округа, а позже атаман отдела назначал депутатов и кадия. Параграф пятый Временных правил официально подчеркивал зависимость суда от администрации: „Горские словесные суды непосредственно подчинены начальнику области, от которого зависит наложение дисциплинарных взысканий на лиц, служащих в этих судах, и распоряжения о предании

¹ ЦГИА, ф. 1268, оп. 15, 1870 г., ед. хр. 143, л. 9

² Н. М. Рейнке. Ук. соч., с. 10.

³ ЦГИА, ф. 1268, оп. 15, 1870, ед. хр. 143, л. 9.

виновных суду, в случае более важных преступлений по должности".¹

Подсудности горских словесных судов подлежали гражданские дела и часть уголовных: о кражах с оружием и без оружия, если цена похищенного не превышала 300 рублей и если кража совершена в первый или во второй раз, дела о похищении, растлении и изнасиловании женщин и т.д.

Если же цена похищенного превышала 300 руб. или преступник уже был судим за аналогичные действия, дело считалось неподсудным горскому суду и рассматривалось общими судебными учреждениями. Также не мог горский суд рассматривать дел, если истец или ответчик не принадлежали к горскому населению.

Основания для вынесения решений по-прежнему оставались нечеткими и двойственными. Одни дела рассматривались по адату (кражи, умыкание женщин, увечья), другие по шариату (дела о заключении и расторжении брака, о личных и имущественных правах супругов, о законности рождения и наследстве).² Дела же, для решения которых обычай не сложился, рассматривались по законам Российской империи.

Разнородны были и наказания: по адату - вознаграждение пострадавшего, штраф и высылка из общества, по русским законам - тюремное заключение и высылка во внутренние губернии и в Сибирь.

Наряду с элементами русского судопроизводства в горских словесных судах сохранился целый ряд пережиточных судебных норм. Так одним из веских доказательств невиновности обвиняемого была присяга (ант) его самого или родственников-соприсяжников. „Отказ заподозренного от принятия очистительной присяги или неподтверждение его невиновности кем-либо из его соприсяжников служит основанием для обвинения “,³ - писал Н.М. Рейнке.

¹ Там же.

² ЦГИА, ф. 1268, оп. 15, 1870, ед. хр. 143, л. 13.

³ Н. М. Рейнке. Ук. соч., стр. 28.

Свидетельские показания женщин или не принимались совсем, или принимались в том случае, если были подтверждены под присягой мужем или братом.

Горский словесный суд представлял собой как бы временную, переходную ступень от патриархально-феодалного суда дореформенного периода к общеимперским судам, созданным по судебным уставам 1864 г.

Положительная роль его и значение заключались в том, что суд изымался из-под исключительного влияния дворянства и духовенства и становился достоянием более широких масс народа. Однако, изъяв суд из-под произвола князей и духовенства, кавказская администрация подчинила его своей колонизаторской политике.

Под влиянием изменений социально-экономических условий и все более тесного общения с русским населением Кубанской области, у горцев, в том числе и у карачаевцев, менялись понятия о справедливости и праве. Все больше появлялось дел, которые нельзя было подвести под старые, устаревшие нормы. „Само население избегает обращаться в горские и народные суды, предпочитая им общие судебные установления“,¹ - писал Н.М. Рейнке. Однако царизм не торопился с введением единой законности для всех народов империи, и даже когда начальник Кубанской области поставил в 1882 г. вопрос об упразднении горских словесных судов и замене их общеимперскими, наместник Кавказа отверг это предложение.

До самой Октябрьской революции карачаевцы, как и другие народы Кавказа, так и не получили общероссийских судебных учреждений, что было одним из проявлений царской политики колониального угнетения.

¹ Н. М. Рейнке. Ук. соч., стр. 51

Глава III. ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ 80-х годов

Обострение социальной борьбы в горских аулах в конце 70-х годов вызвало большое беспокойство у кавказской администрации.

По Баталпашинскому уезду также прокатилась волна репрессий. В Теберде были арестованы Юсуп Боюнсузов, Магомет Аксабеков и Магомет Казанчиков, обвиненные в государственной измене. Юсуп Боюнсузов был приговорен к 5 годам ссылки, Магомет Аксабеков и Магомет Казанчиков - к 2 годам.¹ Составлялись списки горцев, предназначенных к высылке из края „административным порядком“. Недовольство народов Кавказа колониальным режимом пытались использовать турецкие агенты и мусульманское духовенство, которые вели антирусскую агитацию. Особенно усилилась эта деятельность в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг., когда Кавказ был буквально наводнен агентами. Они распространяли ложные слухи о ходе войны,² подбивали горское население на диверсионные провокационные действия. Так, начальник станции Конаково доносил, что носят слухи по случаю войны с Турцией, якобы „жители соседних аулов намереваются напасть на станцию или вообще на линию железной дороги с целью прекратить движение поездов и действие телеграфа“.³ Однако агентам не удалось сманить жителей на эту провокацию, поэтому страхи администрации оказались напрасными. В эти годы еще более обострился колониальный гнет и русификаторская политика царизма. У горских народов были отобраны даже те небольшие политические права, которые были даны им в 60-70 годы.

Все управление областью было военизировано и подчинено казачьей администрации. Казачество в эти годы

¹ ГАКК, ф. 462, оп. 3, ед. хр. 130.

² ГАКК, ф. 774, оп. 3, ед. хр. 129, л. 1.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 3, ед. хр. 106, л. 12.

было одним из оплотов царизма, поэтому правительство стремилось повысить его роль и значение.

В проекте преобразования административного управления Кубанской и Терской областей и Кубанского и Терского казачьего войска с циничной откровенностью сформулированы задачи, которые возлагало на казачество самодержавие. Правительство „воздвигало из казачьих станиц, живой оплот на своих южных окраинах, оплот, который должен был сперва оградить спокойствие внутренних провинций от хищничества горцев, а затем стеснить и задавить этих горцев в их собственных землях”.¹

В пореформенный период в среде самого казачества далеко пошло имущественное и политическое расслоение. Выделилась казачья верхушка, сосредоточившая в своих руках всю полноту власти и огромные земельные владения. Именно эта казачья верхушка и была тем оплотом самодержавия, который так нужен был ему в годы реакции. Казачья беднота и поселившиеся в большом количестве в станицах иногородние были враждебно настроены к казачьим старшинам.

Эту борьбу внутри казачества правительство рассматривало как упадок казачества и искало срочные меры к поддержанию прежнего "казачьего духа". „Военный министр высказал, что если упадок казачества есть даже следствие естественного хода вещей, а не ошибок законодательства и администрации, то и тогда для поддержания утопающего² духа казачества необходимо принять теперь же исключительные, хотя бы и искусственные меры, удержав их до тех пор, пока казачьи войска будут признаваемы необходимым и важным элементом нашей армии, каким они признаются ныне”,³ - сказано в переписке по поводу преобразований в управлении Кубанской и Терской областей.

Исключительные меры нужны были, чтобы „сохранить казачество как отдельное сословие и поддержать его

¹ ЦГВИА, ф. 400, оп. 260/910, ед. хр. 72, л. 5.

² Сохраняется выражение документа

³ ЦГВИА, ф. 400, оп. 260/910, ед. хр. 72, л. 20.

бытовые особенности", и в угоду этому приносились в жертву интересы всех остальных групп населения области - горцев, горожан и иногородних. „Находящееся на территории Кубанского и Терского казачьих войск местное население, как казачье, так и иногороднее, подчинить в полицейско-административном отношении военному министерству, присоединив к Терскому от Ставропольской губернии Караногайское приставство и оставив округа Терской области с сплошным населением в подчинении министерства внутренних дел".¹ В Кубанской области, где казачьи станицы преднамеренно вклинивались в горские округа, местному населению не оставили никакого самоуправления, отдав всю власть казачьей администрации.

При этом ответственность за свою политику пытались свалить на самих же горцев, которые якобы „продолжают по прежнему коснеть в фанатических заблуждениях и весьма мало подвинулись вперед в своем гражданском развитии".² Авторы проекта нового положения об управлении Кубанской и Терскими областями не скупились на упреки в адрес реформ 60-70 годов, которые дали горцам минимальные политические права: „Недостатки общественного строя горцев во многом даже увеличились, так как сельские общества, обязанные по представленному им сельским положением праву, следить за поступками своих однообщественников оказались в силу бытовых и религиозных своих убеждениях... несостоятельными".³ Критика местного самоуправления нужна была для того, чтобы оправдать военизацию административного управления Кубанской области.

„Что касается политической жизни горских племен, то и в этом отношении дарованные горцам гражданские права не принесли благоприятных результатов". И как выход - необходимость лишения горцев этих гражданских прав и введение военной диктатуры казачьих начальников. Это

¹ ЦГВИА, ф. 400, оп. 260/910, ед. хр. 72, л. 19.

² ЦГВИА, ф. 400, оп. 260/910, ед. хр. 72, л. 27.

³ ЦГВИА, ф. 400, оп. 260/910, ед. хр. 72, л. 27.

якобы более соответствует „бытовым условиям горцев" и „их традиционным взглядам на значение власти", поэтому „является серьезная необходимость усилить значение и права местной власти и строгость надзора за ними".¹

В результате административных преобразований 80-х годов гражданское управление и гражданские органы власти в Кубанской области были упразднены и заменены военно-казачьими.

С 1888 г. Кубанская область делилась на 7 отделов:

1. Ейский с главным городом Ейск.
2. Темрюкский с главным городом Темрюк.
3. Екатеринодарский с главным городом Екатеринодар.
- Майкопский с главным городом Майкоп.
- Кавказский с центром ст. Кавказская.

Лабинский с центром ст. Лабинская (одно время - Армавир).

Баталпашинская с центром ст. Баталпашинская.

Кроме того, в Кубанскую область входил Черноморский округ.

Все население отделов и округа, как казачье, так и горское, было подчинено начальнику области, который был одновременно и командующим войсками и войсковым наказным атаманом. Пределы его власти значительно расширились, особенно в отношении горского населения. Он получил право карать и наказывать горцев без суда и следствия, „подвергать их, по личному своему усмотрению или по представлению начальника округа и атамана отдела, аресту на срок не свыше 6 месяцев, а при укрывательстве и невыдаче аульными обществами виновных в преступлениях, налагать на такие общества денежные штрафы до 500 рублей для вознаграждения потерпевших или за устройство мест заключения".²

По этому же положению от 21 марта 1888 г. горское население отделов ставилось под контроль участковых начальников. Баталпашинский отдел, горское население которого превышало 50 тыс. человек (58 719 чел. по

¹ ЦГВИА, ф. 400, оп. 260/910, ед. хр. 72, л. 27.

² ЦГВИА, ф. 400, ед. хр. 72, л. 47.

данным 1897 г.), был разделен на 2 участка: Бибердовский и Хумаринский. В Бибердовский участок вошли черкесские, абазинские и ногойские аулы, лежащие по долинам Большого и Малого Зеленчуков, а так же по Кубани ниже Хумаринского укрепления. Все населенные пункты верховьев Кубани и ее первых притоков и Кумы (в основном карачаевские, а также несколько абазинских и 1 черкесский аул) вошли в Хумаринский участок.

Во главе участков были поставлены участковые начальники, которым передавалась вся полнота власти. Под их контролем оказывались все должностные лица аулов, финансы, суд. Это были верные стражи самодержавного режима, обязанные „следить за настроением жителей“, вести списки лиц подозрительного поведения¹ и т.д.

Без ведома участкового начальника нельзя было проводить выборы сельских старшин и других представителей сельской администрации. Мало того, даже „правом выбора своих мулл и кадия горского суда общество пользуется только номинально, а не фактически“,² - писал. в своем докладе правителю канцелярии Кубанской области войсковой старшина Султан Аслан-Гирей.

Таким образом, введение института участковых начальников, которые осуществляли контроль над всеми сторонами жизни горского населения, сводило фактически на нет даже те куцые политические права, которые были даны горскому населению Кубанской области в 60-70 годах XIX века.

Реакционную политику царизма на Кавказе в 80-х годах XIX в. бичевал и великий Демократ Кавказа - К.Л. Хетагуров: „С преобразованием Баталпашинского уезда в отдел того же названия, отношение к туземцам администрации, состоящей почти исключительно из казаков, резко изменилось к худшему. У них было отнято право выбора старшин, которые стали вербоваться по рекомендации участковых начальников, атаманов отдела из

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 5299, л. 4, 10.

² ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 5299, л. 15.

кадров лакеев и вестовых, которые и в должности старшины остаются теми же покорными слугами начальников участка, а потому вся их деятельность, руководимая только усердием угодить начальству, идет совершенно в разрез интересам туземного населения".¹

Население аулов было связано круговой порукой и несло ответственность не только за недоимки и другие проступки членов сельского общества, но и за все преступления, которые совершались на аульной земле и прилегающих к нему дорогах. Царизм пытался свалить на горцев вину за любое происшествие в горах, натравливая этим русское население на карачаевцев и черкесов и разжигая между ними вражду. Эти проявления воинствующего великодержавного шовинизма правительства Александра III были теми путями, которыми пыталось оно связать горские народы, затормозить их поступательное движение и сближение с русским и остальными народами империи.

¹ ЦГВИА, ф. 4, оп. 69, ед. хр. 89, л. 8-9.

Глава IV. ВКЛЮЧЕНИЕ КАРАЧАЯ В ОБЩЕЕ РУСЛО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

1. РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ВЕРХОВЬЕВ КУБАНИ И ЗЕЛЕНЧУКОВ, И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ

Русская колонизация верховьев Кубани и Зеленчуков началась в 50-х годах XIX века. В первой половине века казачьи станицы на правобережье Кубани тянулись от Тамани до устья Урупа, а дальше на юг шли лишь редкие укрепления и редуты. Последними опорными пунктами русских войск на Кубани в начале века были редуты Баталпашинский и Усть-Тохтамышевский, основанные в 1804 году.

„Отсель начинается до Каменного моста порожнее место, не занимаемое нашими постами“, - писал в 1805 году генерал-лейтенант Дельпоцо наместнику Цицианову. В этом же рапорте он предлагал основать несколько новых укреплений, чтобы „границу р. Кубань до Каменного моста занять нашими крепостями“.¹

В 1824-25 гг. казачьи станицы Хоперского полка были перенесены ближе к реке. Так возникли станицы: Баталпашинская, Невинномысская, Барсуковская на Кубани, Бекешевская и Карантинная на Куме. Для усиления обороны в станине Баталпашинской было поставлено 2 медных орудия, в Беломечетской и Невинномысской - по одному медному и одному чугунному.² Но и после этого участки границы между Каменным мостом и Прочноокопской крепостью оставались самым слабым пунктом Кубанской границы.

В 30-60-е годы Баталпашинский участок был усилен новыми постами: Усть-Барсуковским и Барсуковским,

¹ АКАК, том 2. Тифлис, 1868, С. 972, 974

² В. Толстов. История Хоперского полка Кубанского войска. Тифлис, 1900, стр. 181.

Преградным, Донским, Невинномысским, Усть-Невинномысским, Осторожным, Беломечетским, Ямал-Джанчинским, Усть-Джегутинским, Учкульским, Ямаловским, Ново-Николаевским, Наблюдательным, Хумаринским, „Под камнем" и башней у Каменного моста.

Кроме этого, кордонная линия шла от поста Усть-Джегутинского по ущелью реки Джегуты и затем на Куму, здесь стояли посты: Таркачинский, Джеганасский, Кладбищенский, Бекешевский и Карантинный.¹

В 1840 году командование решило передвинуть верхнюю кордонную линию с Кубани на Лабу, а пространство между Кубанью и Лабой заселить казачьими станицами.² Этим было положено начало колонизации Закубанья. Это была военная колонизация, преследовавшая прежде всего стратегические цели - опоясать цепью станиц Кавказские горы, закрыть выходы из горных ущелий, держать в своих руках все переправы и перевальные пути. В 1856 году на Урупке была основана станица Попутная, годом позже - Отрадная. В 1858 г. - Удобная. В этом же году на Большом Зеленчуке поставили станицу Исправную, в следующем - Зеленчукскую, а на Кардонике - Кардоникскую.

Основанием в 1860 году станицы Преградной на Урупке и в 1861 г. - Усть-Джегутинской и Верхне-Николаевской на Кубани было завершено создание цепи казачьих поселений в верховьях Кубани, Зеленчуков с притоками и Урупа.

Станицы эти стерегли горные проходы и отрезали черкесские, абазинские и ногайские аулы от нагорных районов. Только карачаевские селения оставались в горах за линией станиц.

Это была в основном военная колонизация. Основание казачьих станиц сопровождалось прежде всего изменением поземельных отношений. Значительная часть земель была объявлена войсковой собственностью и отдана под казачьи станицы. Земли нагорной полосы были взяты в казну.

¹ В. Толстое. Указ, соч., С. 187-188.

² П. П. Королево. *Двухсотлетие Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1896, С. 49.*

Население казачьих станиц в первые годы было в основном казачьим. Душевой надел колебался от 20 до 30 десятин. Так, в станице Баталпашинской в 70-е годы на одну мужскую душу приходилось 27,5 десятины земли, в Усть-Джегутинской - 34,9.¹ Большая часть юртовой земли не делилась, а находилась в эти годы в общем пользовании.

Начало земельному неравенству в казачьих станицах было положено впервые же дни после основания станиц. Так, например, в станице Усть-Джегутинской рядовым казакам было положено около 30 десятин, 5 офицерам по 200 десятин и одному - 100.²

Одновременно с казачьим землевладением в 60-70-е годы складывалось и помещичье, возникшее от раздачи бывших горских земель офицерам и генералам Кавказской армии и представителям администрации и горской знати.

Огромные латифундии по 3-4 и 5 тысяч десятин были отмежеваны в течение 1862-1873 гг. генералам Забудскому (4175 десятин), Граббе (6050 десятин), Коцебу (6069 десятин), Врангелю (6056 десятин), Филипсону (6039 десятин), Грамотину (3012 десятин), внукам генерала Адронникова (3005 десятин), полковникам из горцев Капланову-Нечеву (5371 десятина), Мусе Туганову (5000 десятин), Лоову (3345 десятин),³ сотни десятин давались офицерам и представителям дворянских фамилий.

Основная часть земель, которыми пользовались прежде карачаевцы, черкесы, абазины и ногайцы, была изъята из их пользования и передана войску и казне. Львиную долю, причем лучших земель, роздали частным собственникам. В руках менее чем 300 лиц оказалось больше земли, чем у сорока тысяч горского населения уезда.⁴

Количество населения в уездах Кубанской области росло очень быстро за счет массовой колонизации края. В период с 1872 по 1904 гг. на Кубань переселилось около

¹ ГАКК, ф. 574, оп. 1, ед. хр. 635, л. 114.

² Памятная книжка Кубанской обл. на 1877 г. Екатеринодар, 1877, С. 132-133.

³ ГАКК, ф. 574, оп. 1, ед. хр. 635, л. 129-133.

⁴ ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. хр. 59, л. 237-238.

миллиона человек и население увеличилось с 733 до 2248 тысяч человек.¹

В 1870 году на Кубани немного ниже впадения в нее р. Теберды возникло осетинское селение, названное вначале Шоанинским, по названию реки Шоаны, а затем получившее название Георгиевско-Осетинского.

Заселили его выходцы из Зругского ущелья в Осетии. Там они страдали от малоземелья, скудности почв, при которой даже ячмень едва вызревал, от тяжелых феодальных повинностей в пользу грузинских князей Мачабели. Поэтому, когда им предложили переселиться с предоставлением земли, осетины охотно согласились.

Посланная в 1869 году делегация в Кубанскую область осмотрела местность в верховьях Кубани и высказала согласие на переселение. Вот так описывал переселение жителей Зругского ущелья великий осетинский поэт Коста Хетагуров, отец которого был инициатором переселения: „В семидесятых годах не было железных дорог, переселение совершалось на арбах. Сто пятьдесят семейств плелись длинной вереницей скрипучих арб больше месяца от села Ардон до слияния рек Теберды и Кубани".²

Вместе с жителями Зругского ущелья на место нового поселения на Кубани переселились безземельные крестьяне и из других ущелий. Переселенцам были даны небольшие льготы по уплате государственных податей и повинностей.³

Новый этап колонизации Закубанья начинается после завершения Кавказской войны, когда началось экономическое „завоевание" Кавказа Россией. „В пореформенную эпоху происходила, с одной стороны, сильная колонизация Кавказа, широкая распахка земли колонистами (особенно на Северном Кавказе), производившими на продажу пшеницу, табак и пр. и

¹ М. Л. Бабичев. Массовые волнения крестьян и казаков Кубани в годы первой русской революции // «Наш край» Материалы Краснодарского края, в. 1, Краснодар, 1960, С. 84.

² Д. А. Дзагуров. Заметки о сельском хозяйстве Северной Осетии во второй половине XIX - начале XX века // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. XXII, в. III, 1960, С. 349

³ ГАКК, ф. 454, оп. 2, ед. хр. 162, л. 148.

привлекавшими массы сельских наемных рабочих из России".¹

На Кавказ хлынули самые разнородные элементы: капиталистические предприниматели всех мастей; крупные овцеводы - тавричане, которых гнала на Кубань жажда наживы; массы безземельного разоренного крестьянства России. Крестьяне шли и ехали на Кавказ в поисках свободных земель, работы и хлеба. Но только те из них получили землю, кому удалось поселиться в крестьянских селах. Большинство же оседало в станицах в качестве иногородних, лишенных права на получение земельного надела.

В Баталпащинском уезде на 1 января 1881 г. было 146,503 человека, из них:

коренных - 126520

иногородних, имеющих оседлость - 12249

иногородних, не имеющих оседлости - 7734.

По сословиям эти 146 тысяч распределились следующим образом: казаки - 45,8 %, горцы - 33,5 %, крестьяне - 16,9 %, колонисты - 0,8 %, мещане - 0,7 %, купцы - 0,1 %, итого - 97,8 %. Остальные 2,2 % - дворяне, духовенство, иностранцы.²

Но большинство поденщиков, приехавших на заработки, не возвращалось в Россию. Тучные пастбища и богатые поля, необозримые просторы кубанских степей притягивали к себе изголодавшихся нищих крестьян России. И хоть трудно было русскому мужику попасть на Кубани в число землевладельцев, он оставался здесь, надеясь в конце концов получить хоть клочок земли.

Число иногородних во всех отделах кубанской области росло с каждым годом. Если в 1881 г. в Баталпащинском уезде их было менее 20 тысяч, то к началу XX века эта цифра возросла до 75 тысяч. „В каждой станице, в каждом хуторе вы встретите иногороднего. Нет такого уголка на Кубани, куда не проник этот настойчивый искатель

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 520-521.

² Памятная книжка Кубанской области на 1881 г., С. 97.

„счастья“, - писал автор статьи об иногородних в газете „Терек“.¹

К 1906 г. по горным станицам Баталпашинского отдела иногородних насчитывалось:

	коренных	иногородних
в ст. Зеленчукской	4426	1066
в ст. Красногорской	5072	791
в ст. Кардоникской	987	320
в ст. Преградной	3028	211
в ст. Сторожевой	3571	781
в ст. Исправной	5011	1228
в ст. Усть-Джегутинской	2372	1847

До 1868 г. иногородним запрещалось даже покупать или арендовать землю в пределах казачьих юртов. В 1868 г. это ограничение было снято. Иногородние в большом количестве арендовали и покупали землю, что вело к росту запашек и еще более усиливало крестьянскую колонизацию Кубани. Несмотря на массу ограничений, на политическое бесправие иногородних, усиление нажима на них в 80-е годы,² приток иногородних не прекращался, в связи с чем все более росла и крестьянская запашка.

Наряду с поселением в казачьих станицах, крестьянские переселенцы основали несколько сел в Баталпашинском уезде. В 60-х годах возникло на левом берегу Большого Зеленчука село Ивановское и на верховьях р. Казьмы - село Казьминское. Оба они были заселены выходцами из разных губерний России, Казьминское - главным образом из Воронежской губернии.

В 1864 году между Кубанью и рекою Казьюмою поселились менониты, переселившиеся из Таврической и Екатеринославской губерний.³ Недалеко от станиц Зеленчукской и Сторожевой были основаны крестьянские села Пантелеймоновское и Ермоловское.

¹ Газета «Терек» от 17 июля 1907 г.

² Л. М. Мельников. Иногородние в Кубанской области. // Кубанский сборник, т. VI, Екатеринодар, 1900.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 124.

Неказачьими поселениями были такие села: Богословское, Ольгинское, Великокняжеское, Рождественское, Новомихайловское, Кубанское. Население этих сел занималось, как и местные жители и земледелием, и скотоводством.

В этих селах аграрный капитализм не встречал для своего развития таких препятствий, какие встречал он в центральной России или даже в казачьих станицах.

В них не было ни помещичьего, ни казачьего землевладения, не было никаких пережитков крепостнических отношений, так как возникли они после крепостного права на государственных, а не на частных землях.

Поэтому именно здесь, около этих сел, возникали наиболее крупные в Баталпашинском уезде экономии - фермерские хозяйства капиталистического этапа. Таковы экономии: Мазаевых, Макеевых, Николенко, Штейнгеля, Стоялова и других. Рабочей силой в экономиках были наемные сельскохозяйственные рабочие; широко использовались усовершенствованные орудия труда.

Русский капитализм создал на Кавказе рынок сбыта и рынок сырья для своей заводской промышленности. Московские и ивановские ситцы, тульские и петербургские металлические изделия стали проникать в самые отдаленные глухие станицы и аулы.

Это вело, с одной стороны, к упадку местного ремесла и домашнего производства. Но, с другой стороны, возрастающая потребность в продуктах сельского хозяйства стимулировала развитие на Кавказе таких отраслей хозяйства, как товарное земледелие и товарное скотоводство.

Кубанское зерно, скот и продукты скотоводства получили широкий рынок сбыта в центральных губерниях России и за границей. Спрос на зерно вел к увеличению посевных площадей, к оживлению экономической жизни Кубани.

Казаки, поставленные переселением в горы, в непривычные, тяжелые для них условия, первое время бедствовали. Но вскоре акклиматизировались, переняли от

горцев многие приемы ведения хозяйства, выработанные на основе векового опыта, в свою очередь познакомили их с новыми культурами и породами скота.

Л.В. Македонов, описывая хозяйственное положение и промыслы населения нагорных станиц Кубанской области, подчеркивал факт заимствований жителями станиц приемов горского скотоводства, в частности, в заготовке кормов: „Сена накашивается недостаточно и его часто приходится покупать. Иногда на корм скоту идет дубовый молодой лист - „азиатское сено": при рубке деревьев оставляются высокие пни, которые покрываются весной молодыми побегами - это и называется „азиатским сеном". Казаки заимствовали обычаи пользоваться таким кормом у горцев, которые собирали лист по 2 раза в лето. Вообще от горцев осталось здесь много преданий, характеризующих их порядки землепользования".¹

Горные селения Карачая, оказавшись окруженными станицами и фермерскими экономиями, вступали с ними в торговые, арендные и другие отношения.

Особенно тесными оказались трудовые связи карачаевцев с жителями нагорных станиц Баталпашинского отдела: Преградной, Кардоникской, Сторожевой и Зеленчукской. Как и горцам, приходилось им главное внимание уделять скотоводству, так как хлебопашество в этой высокогорной местности не давало устойчивых доходов, хлеб часто погибал от ранних заморозков и градобитий. Дополнительным источником существования служил лесной промысел. Жители горных станиц, особенно иногородние, поставляли наравне с карачаевцами на базары и ярмарки уезда бревна, строительные материалы: стропильник, доски, шелевки, столбы, колья, турлук, дрань. Изготавливали из дерева предметы хозяйственного инвентаря: телеги, сани, ярма, вилы, грабли и предметы домашнего обихода: корыта, лопаты, скалки, рубели, буки.²

¹ Л. В. Македонов. *Хозяйственное положение и промыслы населения из горных станиц Кубанской области* //Кубанский сборник, том. X, С. 23.

² Л. В. Македонов. *В горах Кубанского края. Быт и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области*. Воронеж. 1908, стр. 90.

Карачаевцы, так страдавшие от малоземелья, арендовали у станиц тысячи десятин покосов и отавы.¹ Бедняки шли в станицы наниматься табунщиками и косарями. Трудовое общение народов вело к взаимным заимствованиям: карачаевцы перенимали у соседей - станичников новые сельскохозяйственные культуры, новую более высокую технику полеводства, новые породы скота и так далее.

Русские в свою очередь учились у карачаевцев горному скотоводству, отгону скота на летние пастбища, перенимали типы надворных построек, плетеные сапетки для хранения кукурузы, форму мужской одежды и многое другое.

Так развивалось хозяйственное сближение народов, крепли экономические и культурные связи.

Тесные связи и взаимное влияние народов были настолько бесспорными, что их была вынуждена признать и кавказская администрация. Начальник Кубанской области генерал Малама писал в своем рапорте командующему войсками Кавказского округа: „Заселение края и особенно земель, освободившихся за выходом горцев в Турцию, переселенцами из внутренней России, в свою очередь совершенно изменило условия быта горцев, превратив их постепенно из кочующих в горах скотоводов в оседлых хлебопашцев, имеющих постоянные соприкосновения с русскими и вступающих с последними в различного рода сделки, подчиняющиеся в этих случаях всем требованиям действующих в империи законов". Генерал Малама считал связи местного населения с русскими настолько значительными, что предполагал даже в дальнейшем возможность слияния народов: „Представители прежнего поколения, фанатически преданные обычаям своих отцов и дедов, частью умерли, частью переселились в Турцию, приняв там турецкое подданство. На смену им являлось новое поколение, воспитанное в духе уважения к русским законам, освоившееся с нравами и обычаями заселивших край русских поселенцев, прошедшие в значительной своей

¹ Отава - трава, выросшая в тот же год на месте скошенной

части школы русской грамоты, и если не окончательно еще слившиеся с коренным русским элементом, то уже близкие к этому слиянию".¹

¹ ГАРК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 5300, л. 1.

2. БАТАЛПАШИНСКИЙ УЕЗД В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Баталпашинский уезд (с 1886 г. отдел), занимал особое положение в Кубанской области. Самый горный из всех уездов: он включал ледники Эльбруса, горные цепи Главного Кавказского и Скалистого хребтов, лесные массивы Кубани и верховьев Зеленчуков, Урупа и Лабы, тучные пастбища предгорий и бескрайние степи предкавказской равнины.

В отличие от других уездов Кубанской области, специализировавшихся на товарном земледелии, в Баталпашинском уезде товарный характер приняло, главным образом, скотоводство. Русские переселенцы привезли с собой из бывшей Херсонской губернии серый украинский скот. Он был значительно крупнее горского скота, отличался большой силой и устойчивостью против инфекционных заболеваний.

На Кубани этот скот попал в значительно лучшие условия, чем у себя на родине. Обилие пастбищ, прекрасное качество их, привели не только к количественному росту стад, но к изменению самого скота. Серая украинская порода фактически переродилась в новую, которую стали называть кубано-черноморским отродьем.¹

С 70-х годов эта порода стала проникать и к горцам, особенно карачаевцам. В овцеводстве преобладающим оставались местные горские породы, более приспособленные к горным условиям, далеким перекочевкам и полуголодной жизни на подножном корму.

В военно-статистическом обозрении Кубанской области подполковник Корольков писал: „Особенно развито овцеводство в верхнем и среднем течении Кубани. Центрами овцеводства являются станицы: Отрадная, Кавказская, село Казьминское, Ивановское, а также имение Хуторок близ с. Кубанского. Здесь разводят в значительном

¹ Т. Г. Суходол. *Карачаевский скот и первые итоги метизации его швицами. Пятигорск, 1940 г., стр. 12.*

количестве тонкорунных овец. Горцы разводят овец для шерсти и мяса, но простых пород".¹

Развивающееся скотоводческое хозяйство требовало большого количества сенокосов, пастбищ и выгонов. В первые годы после заселения Кубанской области русским населением, этих земель было в избытке, поэтому скотоводство было основной отраслью хозяйства, земледелие - приложением к нему.

Но высокое плодородие почв в области, рост спроса на кубанскую пшеницу вели к увеличению посевных площадей и тем самым сокращению пастбищных угодий. „Скотоводство, служившее в прежнее время главнейшим источником благосостояния казака, в последние годы заметно сократилось и видимо идет к упаду. Причина этого прискорбного явления кроется в усиленной разработке земли под сельскохозяйственные культуры, вызвавшей соответствующее сокращение площадей сенокосных и пастбищных угодий",² - сказано в отчете о состоянии Кубанской области за 1898 год. Действительно, за один 1896 год скотоводство по области в целом сократилось на 254560 голов. Это уменьшение шло главным образом за счет овцеводства, т.к. поголовье овец сократилось на 370 тысяч голов.³

И только в Баталпашинском уезде количество скота продолжало расти, хотя скотоводство также очень страдало от недостатка пастбищ и сенокосов, от роста запашки. За 25 лет количество скота возросло почти на 200 тысяч голов. В уезде было:

¹ *Корольков, подполковник Генерального штаба.//Военно-статистическое обозрение Кубанской области. Тифлис, 1900 г., стр. 212-213.*

² *ГАКК, ф. 454, оп. 2, ед. хр. 1111, л. 35.*

³ *Кубанский календарь на 1898 год, стр. 66.*

	В 1871 году	В 1896 году
лошадей	62 680	78 383
крупного рогатого скота	270 975	277 722
овец простых	748 953	1 004 383
тонкорунных	18 879	
Ослов	1 561	40 127
свиней и др. скота	124 804	
всего скота	1 227 852	1 400 615

Если сравнить количество скота, которое приходится на 100 душ населения, то цифры Баталпашинского отдела будут более чем в 2 раза превосходить средние. В этом же 1896 году в Баталпашинском отделе на 100 душ населения приходилось: лошадей - 36, овец и коз - 463, рогатого скота - 130, свиней - 19, а всего - 653 голов.¹

Средние цифры по области - 307 голов скота на 100 душ населения.² В Майкопском отделе, где процент горского населения был также довольно велик, на 100 душ приходилось 224 голов скота.

Но за средними цифрами крылось резкое имущественное неравенство. „Скот распределяется неравномерно, и более половины всего скота - в руках богатых хозяев (у 18% всех хозяйств)“,³ - замечал Л.В. Македонов.

Скотоводство в Баталпашинском уезде прежде всего приняло черты товарного. Денежный доход от продажи скота и продуктов скотоводства составлял в Баталпашинском отделе в начале XX века от 28 до 46 процентов. Наиболее высокие цифры были в нагорных станицах Преградной и Отважной.⁴

Одной из подсобных отраслей хозяйства в Баталпашинском отделе было пчеловодство. Обилие цветущих трав позволяло держать большие пасеки и обеспечивало высокое качество и ароматность меда. Ни в

¹ Отчет начальника Кубанской области за 1896 г.

² Отчет начальника Кубанской области за 1896 г.

³ Л. В. Македонов. В горах Кубанского края, с. 99.

⁴ Л. В. Македонов. Указ, соч., С. 112.

одном отделе Кубанской области не было такого количества пасек и ульев, как в Баталпашинском. Пчеловодство было одной из древних отраслей хозяйств у горцев Кубани.

Важной статьей дохода был мед и на меновых дворах в XIX веке. Жители нагорных станиц также охотно занимались пчеловодством. К началу XX века в Баталпашинском отделе было 137 крупных пасек, насчитывающих 21 тыс. ульев.¹

Но все же основной отраслью хозяйства по-прежнему оставалось скотоводство. Эта специфика хозяйственного развития Баталпашинского уезда объяснялась, с одной стороны, географическими условиями: горным характером рельефа, наличием богатых альпийских лугов, пахотных земель. Другой причиной был значительно больший процент в уезде горского населения, испокон веков занимающегося скотоводством. Если в целом в Кубанской области горское население насчитывало едва 5 % населения, то в Баталпашинском уезде горцы составляли 1/3 часть населения.² Эти 33 % сосредоточили в своих руках 58 % скота, имевшегося в уезде.

В экономическом обзоре Кубанской области за 1892 год подчеркивался скотоводческий характер экономики Баталпашинского отдела: „Горское население Баталпашинского отдела ведет скотоводческое хозяйство; в равнинной части области встречаются отдельные хозяйства, ведущие крупное овцеводство“.³

На территории одного только Карачая к 1894 году было: лошадей - 15299, крупного рогатого скота - 59258, овец - 241262.⁴ Особенно значительным преобладание Баталпашинского отдела было в области коневодства. Из 542 табунов Кубанской области в начале XIX века на Баталпашинский отдел приходилось 342,⁵ т.е. больше половины, причем из всех табунов области только 26 были

¹ Л. В. Македонов. Указ, соч., С. 96.

² ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 1036, л. 411.

³ Кавказский календарь на 1894 г., стр. 91.

⁴ Кубанская справочная книжка 1894 г., Екатеринодар. 1894 г., С. 38-39.

⁵ ГАКК, ф. 545, оп. 2, ед. хр. 1236, л. 324.

в руках казаков, остальные принадлежали большей частью местным горским коневодам и землевладельцам-овцеводам.¹ Крупные капиталистические хозяйства Баталпашинского отдела были также по преимуществу скотоводческими. Овцевод Мазаев имел тысячи голов мериносовых овец, сотни коров и конный завод, насчитывавший 4 производителя и 75 кобылиц. Скотопромышленник и овцевод Штейнгель также разводил мериносовых овец и имел свой конный завод под Армавиrom. Эти капиталистические хозяйства специализировались на товарном скотоводстве, продавая ежегодно большое количество скота. Штейнгель продавал племенных быков по 2000 рублей, бычков по 125 рублей, племенных баранов от 10 до 12 рублей.² В станице Баталпашинской с 1896 года существовал конный завод Барабаша. Матки у него были донской породы, производители - кровные рысистые. Кроме того, Барабаш занимался и овцеводством.³ Крупные скотоводческие хозяйства, как и горцы, на лето отгоняли скот в горы, на горные пастбища, чаще всего на Бийчесын. Скотовод Николенко арендовал землю для летних пастбищ у наследников генерала Андроникова на левобережье р. Теберды. Он хотел использовать эти земли для отгона овец. Но так как овцы в их хозяйстве были мериносовыми, не привыкшими к суровым условиям гор, они переносили перекочки хуже, чем простые, особенно карачаевские овцы. Шерсть у них грубела на этих пастбищах.⁴ Поэтому попытка Николенко использовать для летних пастбищ карачаевские горы не увенчалась успехом.

Скотоводство носило в основном товарный характер. Скот из Кубанской области шел не только на внутренние рынки России, но и за границу: в Турцию, Грецию, Францию, на остров Мальту.⁵

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 2, ед. хр. 1647, л. 633.

² 1 // Кубанские областные ведомости. 1895, № 136.

³ КОВ. 1895 № 109, 143.

⁴ Полевой материал 1961 г. К. Теберда, П. А. Утяков.

⁵ ГАКК, ф. 454, оп. 2, ед. хр. 8%, л. 130.

Из Баталпашинского отдела, в частности, из Карачая, большое количество скота перегонялось для продажи в Закавказье, особенно в Сухуми. Всего из кубанской области в 1896 г. вывезено скота:

крупного рогатого скота 107868 голов

мелкого 343347 голов (из них 2000 овец в Марсель).¹

Крупными торговыми и ярмарочными пунктами были ст. Баталпашинская, Невинномысская, Суворовская, Отрадная, где ежегодно происходили ярмарки и на которые стекалось все местное население. В станице Баталпашинской ежегодно было 2 ярмарки - весенняя - в марте и осенняя - в октябре; в Невинномысской и Отрадной - в феврале и октябре; в Суворовской - в марте и ноябре. Обороты ярмарок были довольно высоки.

На ярмарках шла бойкая торговля мануфактурными и бакалейными товарами, деревянной и металлической посудой, рогатым скотом, овцами и лошадьми. Скот пригоняли больше всего из горских, особенно карачаевских селений.

Хлебопашество в Баталпашинском уезде играло меньшую роль, чем в других уездах, но и там происходил процесс увеличения запашки и от этого сокращение сенокосных и пастбищных угодий.

Обычным севооборотом в станицах Баталпашинского отдела было трехполье и многополье, при котором земля делилась на 7 клиньев. 5/7 юрта или 5 клиньев обычно распахивались, 2/3 оставались под пар. Посевы на клиньях производились в следующем порядке:

1-й клин - пропашные культуры: кукуруза, картофель, бахчевые.

2-й клин - так называемые „сильные" озимые - пшеница.

3-й клин - „сильные" яровые - пшеница, просо, лен.

4-й клин - „слабые" озимые - рожь.

5-й клин - „слабые" яровые - ячмень, овес.

6-й клин - толока. Меняется ежегодно.

7-й клин - сенокос. Остается все 7 лет.

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 2, ед. хр. 896, л. 130.

Каждый клин первые годы отводился под озимые, потом под яровые, а в последнюю очередь забрасывался под толоку. Такой севооборот был, например, в станице Усть-Джегутинской.¹

В горских селениях применялось также трехполье или четырехполье: 1-й и 2-й клины засевали просом, следующий пшеницей, а последний оставляли под паром. К концу пореформенного периода возросли посевы кукурузы.

Казаки и крестьянские переселенцы привезли с собой новые для Кавказа культуры ржи и гречихи. Значительно возросли посевы пшеницы, особенно озимой, тогда как горы сеяли обычно яровую.

В аулах Баталпашинского уезда в 1872 г. было посеяно и собрано:

	Посеяно (четв.)	Снято (четв.)
Озимой пшеницы	1299	7221
Ржи	288	354
Яровой пшеницы	106	222
Овса	15	81
Ячменя	1916	8372
Гречихи	112	5
Проса	1721	7387
Кукурузы	623	1811
Картофеля	502	1811

Наряду с исконными культурами - ячменем у карачаевцев и просом у черкесов, абазин и ногайцев, в аулы также проникали культуры: рожь и гречиха. Пшеница в основном стала высеваться под озимь. Развивалось огородничество, особенно посевы картофеля. Урожайность хлебов в Баталпашинском отделе была несколько ниже, чем в равнинных отделах, например, Темрюкском. Но кукуруза и картофель давали хороший урожай и в предгорных районах.²

¹ Л. В. Македонов. В горах Кубанского края, С. 85

² ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. хр. 6, л. 339-340.

К концу пореформенного периода еще более возросли посевы кукурузы, подсолнуха и гречихи, имевшие большой спрос на рынке. Л.В.Македонов пишет о нагорных станицах Баталпашинского и Лабинского отделов: „Кукуруза и подсолнух сеются повсюду: первая для домашнего обихода, а вторая - с промышленной целью - „дает деньги". Повсюду также практикуется культура картофеля, а в некоторых станицах Баталпашинского района даже с промышленной целью (ст. Исправная)".¹

Несмотря на рост хлебопашества в отделе, все же он оставался и в конце XIX века - начале XX в. единственным отделом, в котором не только не было излишка хлеба, но и в иные годы даже недоставало для прокормления населения.

Количество хлеба, приходящегося на 1 душу населения, было в Баталпашинском отделе (26,7 пудов) значительно ниже среднего по Кубанской области (35 пудов).² В хозяйстве богатых казаков, а особенно в крупных помещичьих экономиях Баталпашинского отдела, широко применялась эксплуатация наемного труда. В качестве батраков нанимались иногородние, приехавшие на сезон крестьяне из центральных губерний России, казачья и горская беднота.

По данным А. Белобородова, в Баталпашинский отдел приезжало ежегодно на уборку до 15 тысяч сельскохозяйственных сезонных рабочих. Часть рабочих оставалась в центре отдела, другие растекались по всем станицам.

Вся забота отдельской администрации о прибывших рабочих заключалась в том, что „в больших станицах на базарных площадях устраивались навесы для рабочих, которым бесплатно доставлялась и кипяченая вода".³ Под этими навесами рабочие жили иногда по целой неделе, пока не находился подводящий наниматель.

¹ Л. В. Македонов. Ук. соч., стр. 85.

² Кавказский календарь на 1886 г., Тифлис, 1887, стр. 88.

³ А. Белобородов. Пришлые рабочие на Кубани // "Северный Вестник", 1896, февраль, № 2, С. 3.

Большие земельные наделы станичных юртов требовали значительного количества рабочих рук при уборке и обуславливали довольно высокую поденную плату в этот период. Косари зарабатывали за день 1 руб. 20 коп. - 1 руб. 50 коп., жнец и вязальщицы - 60-70 коп.¹

Это довольно высокая плата обязывала рабочих к чрезвычайно длинному и изнурительному рабочему дню, который начинался за час до восхода солнца и кончался часом позже захода его, т.е. длился 16-17 часов.

Проникновение капиталистических отношений на Кубань вело к коренным изменениям в технике сельского хозяйства. Примитивная дедовская соха заменялась усовершенствованным, многолемеховым плугом, коса - сенокосилкой, цепь - конной и паровой молотилкой.

На Кубани, где не было развитого помещичьего землевладения, отработков и других пережитков крепостничества, тормозивших развитие производственных сил, внедрение машин происходило особенно интенсивно.

Крупные экономии, основанные на применении вольнонаемного труда, зажиточные казачьи хозяйства обзаводились косилками, американскими и др. плугами, усовершенствованными боронами, сеялками, конными и паровыми молотилками.

В конце XIX века довольно большое распространение получили в Баталпашинском отделе сельскохозяйственные машины с применением конной тяги. Это были конные молотилки, конные мельницы и т.д. Так, в станице Кардоникской в 1895 г. было 6 конных молотилок.² В монастыре против Сентинского аула была конная мельница. Она была особенно удобна для зимних условий, когда реки замерзали, количество воды уменьшалось и водяные мельницы не работали. Позже стали строить более производительные паровые вальцевые мельницы.³

В начале XX века в Баталпашинском отделе было:

¹ Л. В. Македонов. Ук. соч., стр. 87.

² ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. хр. 210, л. 11-12.

³ ГАКК, ф. 460, оп. 2, ед. хр. 4, л. 5.

Сельскохозяйственны е орудия	у коренны х жителей	у иностранни х, имеющих оседлость	у иностранних , не имеющих оседлости
Усовершенствованн ых плугов:			
немецких	5853	1157	162
английских	369	163	2
молдавских	2	3	200
американских	1140	195	37
других систем	1369	245	7
Сенокосных машин	293	174	165
Усовершенствованн ых:			
борон	2827	20	16
веялок	608	221	3
сортировок	154	69	62
Конных граблей	322	198	6
сеялок	86	35	
Молотилок:			
конных	389	128	
паровых	125	39	
и других орудий	1481	575	62
Всего:	15043	3222	724 ¹

Из немецких плугов распространены были одно- и многолемешные плуги заводов Эккерта в Берлине и Руд, Саак - в Лейпциге. Тот же завод Эккерта выпускал молотилки, сеялки рядовые и разборные, конные грабли. Американский завод Мак Кормика поставлял сенокосилки, жатки и жнец-сноповязалки.

Распространенной формой использования сельскохозяйственных машин был своеобразный прокат их на период уборки. Владельцы паровой молотилки ездили со своей молотилкой по станицам и молотили хлеб за часть урожая. Обычно за пользование машиной брали 10-й, 12-й

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 2, ед. хр. 1640, л. 496.

или 15-й сноп. Реже расплачивались зерном и еще реже деньгами. Владелец веялки в свою очередь брал 15-ую или 20-ую меру урожая.

Экономии и кулацкие хозяйства в северной и средней части Баталпашинского отдела были типичными фермерскими хозяйствами, которые основаны на вольнонаемном труде, широком применении машин и вывозе своей продукции не только на ближние, но и на дальние рынки, что облегчалось близостью их к железной дороге.

Земельные пожалования царским сановникам и офицерам из русских и местных народов, а также наличие огромного фонда войсковых казачьих земель создали и на Кубани сословное землевладение, тормозившее развитие капиталистических отношений. В крупных латифундиях и имениях горской знати процветали отработки, издольщина и другие формы аренды.

Тормозом для развития производительных сил была и колониальная политика царизма, которая превращала Кавказ в рынок сырья и сбыта, оставляя неразработанными богатейшие недра его и не используя его ресурсы.

„Ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком обилии учреждения старины, несовместимые с капитализмом, задерживающие его развитие, безмерно ухудшающие положение производителей, которые „страдают и от капитализма и от недостаточного развития капитализма“, ¹ - писал В.И. Ленин, применяя к труженикам России слова К. Маркса о Германии.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 527.

Глава V. ЭКОНОМИКА КАРАЧАЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

1. СКОТОВОДСТВО

Основой экономики Карачая в пореформенный период было сельское хозяйство: скотоводство, которое как и в первой половине XIX века оставалось экстенсивным, полукочевым и малопродуктивным, и земледелие с крайне низким уровнем агрокультуры.

В скотоводстве произошли большие перемены, вызванные связями карачаевцев с русским населением и общим ходом экономического развития России, неизбежно влиявшим даже на самые отдаленные уголки страны.

Капитализм превратил Северный Кавказ в рынок сырья и сбыта для своих заводов и фабрик, и открыл широкий доступ кубанской пшенице и кубанскому скоту на рынки центральной России и на мировой рынок.

Развитие капиталистических отношений в Кубанской области вело к специализации районов: плоскостных - на производстве товарного хлеба, горных и в первую очередь Карачая - на товарном скотоводстве. Эта специализация создавала новые экономические связи, как внутри области, так и с общероссийскими рынками.

Проникновение товарно-денежных отношений в хозяйство Карачая и подчинение его требованиям рынка происходило постепенно.

В 1867 г. в продажу скота: поступало не более двадцатой части скота:

Наименование скота	всего имелось	продано	% проданног о
Крупного рогатого скота	30150	843	2,8
Лошадей	13625	942	6,9
Овец	386	10212	5
Всего	230246	11997	5 ¹

¹ ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 24-26.

Постройка Ростово-Владикавказской железной дороги теснее связала Кубань с Украиной и промышленными губерниями центральной России, содействовала росту торговых связей. Особенно вырос вывоз скота из Кубанской области в 90-е годы, когда были ликвидированы эпизоотии и снят карантинный запрет с вывоза кубанского скота.

Значительную долю в этом вывозе занимал карачаевский экспорт. Большой специалист по скотоводству А. Атманских писал: „Животноводство в Карачае заслуживает особенно серьезного внимания потому, что эта отрасль сельского хозяйства в этом чисто скотоводческом районе служит не только источником существования самого населения, но этот район является солидным поставщиком всех видов сельскохозяйственных животных и может в будущем служить обширным рассадником улучшенных пород”.

Потребность промышленности в шерсти, казачьего войска - в лошадях, городов - в мясе и продуктах скотоводства стимулировала рост карачаевского скотоводства, улучшение породности скота, приспособление хозяйства к потребностям рынка.

Предельно высоких цифр карачаевское скотоводство достигло в первые годы XX века. К тому времени недоставало не только зимних пастбищ - кышлыков, но и летних - джайлыков. Постоянной угрозой висела над скотоводами опасность потери арендованных земель, что буквально парализовало скотоводческое хозяйство.

Рост поголовья скота в XIX в. сопровождался быстро растущей товарностью хозяйства. К началу XX века более четверти карачаевского скота ежегодно продавалось на рынке.

Больше всего продажа скота, а, следовательно, и товарный характер скотоводства были развиты в Большом Карачае, где жили крупнейшие коннозаводчики и скотоводы-предприниматели. Селения Малого Карачая поставляли на базар овец, меньше - рогатый скот и совсем

мизерное количество лошадей, так как товарного коневодства здесь не было совсем.

Сумма доходов от продажи скота и продуктов скотоводства поднялась с 60-х годов до начала XX века более чем в 20 раз, с 150 тысяч до 3.307,369 рублей. Выше всего был доход от торговли опять-таки в Большом Карачае. Жители Хурзука продали за год скота и продуктов скотоводства больше чем на миллион рублей - 1 143 940, жители Учкулана - на 993 800 рублей, Карт-Джурта - на 867 700 рублей.

Так, по данным Абрамовской комиссии, в 1905 г. в Карачае было:

Наименование скота	всего имелось	продано	% проданно го
Крупного рогатого скота	125027	30788	24
Лошадей	33756	9595	28
Овец	487471	107552	22

В том числе по отдельным селениям было продано:

Селение	лошадей	крупного рогатого скота	овец и коз
Карт-Джурт	2200	8000	26000
Хурзук	3700	10000	35000
Учкулан	200	8000	30000
Дууут	335	1000	5000
Джазлык	103	13990	2100
Теберда	5	870	557
Сынты	13	240	1000
Каменномост	23	296	3348
Мара	16	462	2075
Джегута		521	
Итого	9595	30787	107552 ¹

Крупный рогатый скот был главным помощником карачаевца в труде, а также его кормильцем. Быки были основной тягловой силой и на поле, и в пути. Для пахоты быков запрягали в двухпарное ярмо, для перевозки

¹ Труды комиссии. Статистические ведомости, № 1.

тяжестей - в двухколесную арбу. Молочные продукты составляли основу питания карачаевцев.

Не имея крупного рогатого скота, карачаевский крестьянин не мог вести хозяйство. Он мог обойтись, в крайнем случае, без овец, на худой конец - мог не иметь лошади, заменив ее ослом или парой быков, но без быков и коровы он не был хозяином. Поэтому крупный рогатый скот был почти в каждом дворе.

Местный карачаевский скот, который составлял в начале пореформенного периода основную массу стада, отличался небольшими размерами, темной мастью и низкой производительностью. Высота коров в холке не превышала 115-120 см, живой вес 14-18 пудов, убойный 6-9 пудов. Быки были немного выше - 125-135 см с весом 20 пудов, масти - муротигровая, черная и желтая.¹

Даже лучшие коровы давали молока не больше 5-6 литров в вечерний удой и 3-4 литра в утренний. Средние - вдвое меньше. Таким образом, даже лучшие экземпляры карачаевской породы давали в год не более 1000-1400 литров молока.

Большим недостатком местного скота была подверженность его эпидемическим заболеваниям. Каждая эпизоотия, особенно чумная, уносила тысячи голов скота.

В 60-е годы общение карачаевцев с только что населенными станицами было небольшим, поэтому оно не оказывало заметного влияния на карачаевское земледелие и скотоводство. В отчете начальника Эльборусского округа за 1867 год указывалось, что привозной скот встречался в Карачае очень редко.²

Но уже в 70-е годы, посещая станицы, ярмарки и базары, карачаевцы обратили внимание на кубано-черноморскую породу скота и отдельные скотоводы стали приобретать производителей этой породы.

Они хорошо приживались в горных условиях, давали сильное потомство, крупное и менее восприимчивое к чуме, чем местный скот. Старики рассказывали, что быки

¹ А. Атманских. Ук. соч., С. 26.

² ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 18.

были такими высокими, что трудно было достать до ярма. Одна запряжка таких быков поднимала целый стог.

Улучшением породности скота интересовались не только отдельные хозяева, но и общество в целом. По решению схода на общественные суммы выписывали бугаев черноморской породы и распродавали населению.¹

В 80-90 годы скрещивание местных коров с покупными производителями стало в Карачае массовым явлением. Производителей покупали в имении Барабаша под станицей Баталпашинской, и у Николенко, а также на ярмарках в станицах.

„Обладая хозяйственно-полезными признаками, значительно превосходящими местный аборигенный скот, кубано - черноморское отродье стало быстро его вытеснять“, - писал специалист по карачаевскому скотоводству Т.Г. Суходол.² Вытеснение местного карачаевского скота кубано-черноморским отродьем серого украинского скота было настолько значительным, что к концу пореформенного периода местного скота почти не осталось. „Кроме упомянутого настоящего горного карачаевского скота, который в настоящее время можно встретить очень редко, разводится теперь большей частью отродье серого украинского скота“,³ - писал ветеринар Атманских в начале XX века.

Длительное скрещивание серого украинского скота с местным карачаевским дало новую разновидность скота. Суровые горные условия, скудное кормление, отсутствие теплых помещений выработали у скота особую выносливость, большую, чем у украинской породы. Но при этом пострадали молочные качества скота, а также несколько уменьшился размер. И все же этот скот был значительно продуктивнее местных пород и очень хорош в рабочем отношении. Отдельные попытки завести производителей швицкой породы, предпринятые крупными

¹ Г. Петров. *Верховья Кубани - Карачай.* // С. 144.

² Т. Г. Суходол. *Карачаевский скот и первые итоги метизации его швицами.* Пятигорск, 1940, С. 12.

³ А. Атманских. *Указ, соч., стр. 25.*

скотоводами, не оказали заметного влияния на карачаевское скотоводство.

Главными потребителями карачаевского крупного рогатого скота были города Минводской группы: Кисловодск, Пятигорск, Горячеводск, а частично и более далекие рынки Закавказья и России. Н.Иваненко отмечает, что цены на скот на Кисловодском и Пятигорском базарах зависели от того, какое количество скота было пригнано карачаевцами для продажи.¹

В конце XIX века были сделаны попытки организовать на базе карачаевского скотоводства крупное масло-сыродельное производство. Капиталистический предприниматель Бландов открыл два маслосырозавода - под Кисловодском и на Бийчесыне, специально для снабжения курортов молочными продуктами. Над селением Джегутинским на Гошах-Сырты построил завод Губарев, мастер А. Кирш. Поставщиками молока на заводы были карачаевцы, с которыми предприниматели заключили договоры.

Заводы изготавливали масло, голландский и швейцарский сыры и другие молочные продукты. Карачаевцы, кроме молока, поставляли на заводы топливо.

После возникновения Тебердинского курорта Ислам Крымшамхалов хотел открыть опытное молочное хозяйство и сыродельное производство в Теберде. Незадолго до революции маслосыроделием занимались и крупнейшие кулаки Карачая - Байчоровы. Был построен сырозавод недалеко от Кисловодска.

Рост спроса на карачаевских лошадей среди казачества области стимулировал развитие товарного коневодства. Лошади карачаевской породы при сравнительно небольшом росте отличались исключительной выносливостью. Много верст мог пройти карачаевский конь по каменистым горным тропам, переправляясь через бурные реки и поднимаясь на снежные перевалы.

Лошади были невысокие, с небольшой горбоносой и сухой головой, с умеренно выпуклыми глазами, хорошо

¹ Н. Иваненков. Карачаевцы. // ИОЛИКО, вып. 5, с. 63.

развитой грудью и холкой, сухими ногами, хорошо очерченными сухожилиями и очень крепкими копытами. Последние свойства позволяли преодолевать большие расстояния по каменистым дорогам и совсем без дорог. Все эти качества были оценены казаками, охотно покупавшими карачаевских лошадей для походов и войн.

„Известно, что в кубанской области коневодством занимаются преимущественно горцы Баталпашинского, Лабинского и Екатеринодарского отделов, у которых числится 64 % общего количества табунных и заводских лошадей".¹ Коневодством могли заниматься только зажиточные хозяева, так как оно требовало больших просторов (особенно табунное коневодство), крупных средств для аренды земли, найма табунщиков, постройки помещений и т.д.

Лошади разводились не просто для продажи на рынке, а специально для сдачи в воинские части. Так как в Кубанской области больше всего требовалось лошадей для пополнения казачьего войска, карачаевцы-коннозаводчики выращивали определенный тип лошадей - „под казачье седло" или как называли таких лошадей сами карачаевцы - кьазакъ ат - казачья лошадь. Рост ее должен быть 2 аршина и 2 вершка.

Чтобы довести карачаевскую лошадь до таких размеров, приходилось отбирать соответствующие экземпляры среди производителей, а порой производить скрещивание с другими породами, например, с кабардинской лошадей, отличающейся несколько большим ростом, но меньшей выносливостью.

Казачьи лошади находили сбыт не только в Кубанской, но и в Терской областях, где их также охотно покупали для строевой службы. Увеличение спроса вело к росту цен на лошадей. Кобылицы, которые в 80-е годы продавались по 40 рублей, в 90-е годы стоили уже 60-70 рублей. Цена жеребцов доходила до 150 рублей.²

¹ А. Атманских. Ук. соч., С. 21.

² ГАКК. Рапорт Ковалевского... С. 55.

Говоря о развитии коневодства у горцев Баталпашинского, Лабинского и Екатеринодарского отделов, А. Атманских особо подчеркивал роль Карачая: „Карачай в данном случае играет очень значительную роль, снабжая строевыми лошадьми большинство казачьих полков Кубанского войска и сбывая, вообще до 10000 лошадей ежегодно".¹

Тавра крупных коннозаводчиков были утверждены официальными органами, и лошадей с этими таврами особенно охотно приобретали для пополнения казачьих частей.

Довольно значительным был также экспорт лошадей в Закавказье: из Тебердинской долины скот перегоняли через Клухорский перевал, а из Большого Карачая через Махарский.

Уменьшение пастбищных угодий вынуждало карачаевцев перейти от табунного коневодства к косячному. Разбивка табунов на более мелкие подразделения - косяки во главе с одним жеребцом, позволяла ограничиваться меньшими пространствами.

Потребность центральных и украинских предприятий в шерсти способствовали развитию в Карачае товарного овцеводства. Карачаевские овцы, несмотря на то, что были грубошерстными, обладали многими ценными качествами. „Карачаевская порода овец - одна из лучших грубошерстных пород горных районов Северного Кавказа",² - заявляет специалист по овцеводству Г.А. Чеботарев. Об этом же писал (не раз упоминаемый) А. Атманских: „Карачаевская овца по росту и размерам всего тела небольшая, но благодаря очень вкусному мясу, прекрасному жиру в хвосте в довольно большом количестве, а также вследствие мягкой блестящей шерсти, она славится далеко за пределами Карачая".³

¹ А. Атманских. Ук. соч., С. 21.

² Г. А. Чеботарев. Карачаевские овцы и первые шаги метизации их мериносами. Пятигорск, 1939. С. 4.

³ А. Атманских. Ук. соч., с. 33.

При небольшом живом весе (2 пуда у овцы и 2,5-3,5 пуда у барана) карачаевские овцы имели очень хорошие мясные качества и много сала. За счет расходования хвостового жира (до 30 фунтов у откормленных валухов) они теряли значительно меньше в весе, чем скот других пород, в период зимовок.

С улучшением условий содержания карачаевские овцы очень быстро поправлялись не только в своих внешних формах, но и в продуктивности. Эта эластичность карачаевской овцы особенно важна в условиях горного полукочевого характера овцеводства.

Не говоря уже об исключительной выносливости карачаевской овцы, способности ее выдерживать суровые условия высокогорной местности, овца эта имела ряд специфических, очень ценных особенностей. Ни одна из пород овец не имела таких твердых копыт, благодаря которым карачаевские овцы легко переносили перегоны на сотни верст, не боясь ни влаги, ни холода, добывая себе корм из-под снега, находясь круглый год на подножном корму.

Шерсть карачаевских овец, хотя и не тонкорунная, была шелковистой и особенно пригодной для изготовления бурок, войлоков и войлочных изделий. Серые овцы считались шубными, черные с большим количеством пуха и длинной остью - бурочными.

Ценным свойством карачаевской овцы была также её устойчивость против легочных заболеваний. Карачаевские овцы получили в пореформенное время большое распространение и за пределами Карачая. Их охотно приобретали и жители русских станиц и горцы из соседних областей.

Наряду с этим, карачаевцы пытались ввести у себя тонкорунных овец. Однако овцы эти плохо переносили суровые условия и горный климат, шерсть их грубела и теряла свои ценные свойства. Так овцевод-тавричанин Николенко купил у Андроникова большой массив земли по течению р. Теберды попробовал перегонять туда на лето мериносов. Но из этого ничего не получилось, так как овцы плохо переносили эти перегоны, шерсть их грубела и т.д.

Овцеводы Джегутинской покупали овец-шпанок в ст. Баталпашинской и разводили их. Шерсть этих овец шла на башлыки.¹ Для бурок она считалась непригодной.

Кроме овец, в Карачае разводили и коз, но значительно в меньшем количестве. Козы, как и овцы, были грубошерстные, небольшие по размерам. Их использовали как молочных и мясных животных, а также для утилизации шерсти и кож.

Козы нужны также в качестве вожakov отар. Они смелее овец, не боятся проходить по узким мостикам через бурные реки, по карнизам гор и т.д. Без вожакa овец нельзя никакими силами заставить перейти такой мостик, а за вожакoм - козлом вся отара смело шла вперед. Поэтому в каждой овечьей отаре всегда имелось 2-3 козла или козы.

Развитие товарного скотоводства стимулировало рост торгового и ростовщического капитала. Перекупщики скота скупали в карачаевских селениях лошадей, коров или овец, а потом собрав табун или стадо, гнали его в Закавказье или на дальние ярмарки, где цены на скот были значительно выше. Торговля скотом приносила скупщикам большой барыш, за что карачаевцы и прозвали их - хайырчыла или барышчыла - барышники.

В овцеводстве товарный характер хозяйства выражался не только в продаже овец, но и в торговле шерстью и изделиями из нее, находившими сбыт на рынках Украины и Москвы. Скупщики привозили с собой красный товар, сушеные фрукты и меняли все это на шерсть, бурки-черкески и войлоки или покупали на деньги.

Большим спросом пользовались карачаевские овцы и их шерсть на ярмарках и базарах, в городах и станицах Кубанской и Терской областей, Баталпашинске, ст. Отрадной, Пятигорске, Кисловодске, Георгиевске и так далее. Владельцы ресторанов Минводских курортов готовили шашлыки и другие мясные блюда исключительно из карачаевских барашков.

Благодаря своему экстенсивному характеру, при котором отсутствовали теплые помещения для скота и

¹ Полевой материал, 1960 г., с. Джегута. Боташев Хаджибекир.

запасы сена, скотоводство целиком зависело от природных условий и очень страдало от малейших колебаний в них. Длительная, затяжная зима, метели, бураны, гололедица - все это пагубно отражалось на скоте и приводило к массовой гибели его.

Так настоящим бедствием для карачаевского скотоводства была зима 1879-80 гг., прозванная аман кыш - плохая зима. „Необыкновенно суровая, многоснежная продолжительная зима, в связи с некоторыми другими неблагоприятными явлениями природы и климата, вызвала и целый ряд крупных несчастий и в настоящее время отражаются на населении вверенной мне области тяжелыми бедствиями“, - писал в 1880 г. начальник Кубанской области.¹ Старики рассказывают, что весной многие стауты - стоянки скота буквально белели от костей павших животных.²

Только за 3 дня (3-5 апреля) погибло в горах Кубанской области свыше двухсот тысяч голов скота, в том числе в Хурзуке - 1147 голов, в Джегуте - 1103 головы и т.д.³ Бичом скотоводства были постоянные эпизоотии, уносившие тысячи голов скота. Ящур, воспаление легких, а больше всего чума, косили скот почти ежегодно.

В 1876 году в Баталпашинском уезде заболело чумой рогатого скота 6896 голов, пало из них - 3268 голов.⁴

Основным источником чумной заразы было Закавказье. Поэтому борьба с эпизоотиями, начатая в 80-е годы, заключалась прежде всего в установлении строгого карантинного контроля и недопущении в Кубанскую область скота и кож из Закавказья. Для этого вся граница Кубанской области с Закавказьем была разделена на 6 ветеринарных участков с 11 временными постами. Конные стражники на постах строго следили, чтобы скот из Закавказья не переходил в Кубанскую область. Перегон разрешался в крайних случаях, после тщательного

¹ ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. хр. 2693, л. 82.

² Полевой материал, 1961, х. Заречный. Текеев Матгери

³ ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. хр. 93, л. 1.

⁴ ГАКК, ф. 460. оп. 1, ед. хр. 196, л. 208.

ветеринарного осмотра. Совместными усилиями ветеринаров, карантинной охраны и самих крестьян в 90-е годы эпизоотии были локализованы и почти уничтожены.

Но успехи в борьбе с эпизоотиями, улучшение породности скота и отдельные попытки ввести более прогрессивные методы хозяйства не могли изменить экстенсивного характера карачаевского скотоводства, при котором скот был обречен на далекие перекочевки, полуголодное существование в течение всей зимы и весны, высокий падеж, особенно в хозяйствах крестьянской бедноты.

Улучшать породу скота и лошадей могли только крупные скотопромышленники. Крестьяне же поневоле держались дедовских методов ухода за скотом и воспроизводства его. „Благодаря этому высокие когда-то качества туземной породы утериваются, тип исчезает, лошадь мельчает и все менее и менее отвечает требованиям рынка",¹ - сетовал на упадок карачаевского коневодства правитель канцелярии Кубанской области Коваленский.

2. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Крайняя бедность пахотными землями тормозила развитие земледелия.

На таких мизерных участках земли невозможен был никакой севооборот, никакое применение усовершенствованной сельскохозяйственной техники. В особо тяжелом положении находились аулы Большого Карачая: Хурзук, в котором на душу мужского населения приходилось меньше одной десятой части десятины (0,09), Карт-Джурт - 0,11 и Учкулан - 0,12 десятины. Почти в том же положении находились жители Мары (0,15 десятины) и Тебердинского аула (0,2 и 0,28 десятины).

¹ ГАКК. Рапорт Ковалевского и.о. начальника Кубанской области и казачьего атамана Кубанского казачьего войска, с. 55.

Только один аул считался богатым пашнями - Джегутинский, но и в нем душевой надел был меньше одной десятины - 0,76 десятин.

В аулах Большого Карачая в пореформенную эпоху, как и сто и двести лет назад, под посев использовались одни и те же участки-сабаны, засеваемые в основном одной и той же культурой - ячменем. Севооборот отсутствовал совершенно. Карачаевец не мог оставить свой сабан незасеянным, другого участка у него не было; не мог посеять что-либо, кроме ячменя, так как другие культуры в таких условиях не вызревали. Вот и сеял он из года в год одно и то же на каменистом, истощенном участке.

Для того, чтобы в таких условиях получить урожай, требовалась исключительно тщательная обработка земли, удобрение и орошение ее. Перед пахотой с земли убирали все камни, которые нанесло весенними потоками с гор, вывозили на поля собранный за зиму навоз. Удобряли обильно. Н. Иваненков приводит пример, что на сабан в 93 кв. сажени употребляют 2 арбы навоза по 30 пудов.¹ „...Если бы не сильное унавоживание и поливки, то эти земли сами по себе не дали бы никакого урожая, до того они истощены”,² - писал начальник округа Н. Петрусевич.

Орошение полей производилось при помощи оросительных каналов, отводивших воду из Кубани, Учкулана и Хурзука.

Поливка полей производилась по очереди, которая определялась по жребию. Если хозяин не нуждался в воде, он уступал свою очередь, появлялись случаи продажи своей очереди за деньги (за 50 копеек). За пользование водой тоже стали взимать деньги - 40 копеек за сутки. Деньги эти шли на уплату вознаграждения лицу, следившему за исправностью канавы (илипинчи).

Несмотря на рост частнособственнических отношений, в оросительном деле сохранялось много общинных пережитков. Никто не имел права застраивать или загроаживать канаву, запретить проведение по своей земле

¹ Н. Иваненков. Ук. соч., с. 66.

² ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 11.

канавы. Мало того, даже постройка не могла явиться препятствием для проведения общественной канавы, „Если требуется провести новую канаву и нельзя миновать постройку, то проводят и через них, вознаграждая владельцев построек, хотя бы и против их воли“, ¹ - писал Н. Иваненков.

С другой стороны, со времени свободной трудовой заимки остался обычай, что земля, на которую проведена оросительная канава, становится собственностью человека, оросившего ее. Однако во второй половине XIX века в Большом Карачае уже не осталось земель, которые могли быть орошены, но оставались свободными. Этот обычай можно было применить только в новых селениях.

Но в новых селениях основанных в пореформенное время, орошение не получило большого распространения. Только в Тебердинской долине поливали сабаны и биченлики, так как иначе в этой высокогорной местности ничего не произрастало.

Иным было земледелие в Маринском и Дзегутинском. И хлебные злаки, и травы росли там без всякой поливки. Это объяснялось, с одной стороны, тем, что новые селения были основаны на целинных землях, дающих лучший урожай и без орошения. А во-вторых, и не везде можно провести воду. Марийские аулы, например, были расположены значительно выше уровня небольшой и маловодной речушки Мары. Сабаны Дзегутинского села также лежали на плоскогорье значительно выше реки Дзегуты.

Бичом полеводства в горных селениях Карачая, а также в Теберде, были ранние заморозки. Требовались особые скороспелые и морозоустойчивые сорта, т.к. обычные семена не всегда успевали созреть. Бывали случаи, когда уже в начале сентября выпадал снег, и хлеба, не успев достаточно налиться в зерне, погибали от мороза и снега. Гибли посевы также от градобития, частого в горах.

Поэтому самой распространенной культурой в горах был неприхотливый ячмень и в меньшей степени овес.

¹ Н. Иваненков. Ук. соч., с. 66.

Сеяли карачаевцы и пшеницу, которая иногда вызревала, т.к. подбирали более устойчивые сорта.

Зато тем большее распространение получила в пореформенную эпоху культура картофеля, который рос и давал хороший урожай на больших высотах. Н. Иваненков писал, что предельной высотой для ячменя является 1050 сажень над уровнем моря, картофель же вызревал и на высоте 1100 сажень.¹

Как уже говорилось внутри Большого Карачая все пригодные для хлебопашества земли были использованы и превращены в поля уже много лет назад. Поэтому расширять запашку внутри Большого Карачая не было никакой возможности. А так как нужда в хлебе была очень велика, количество населения продолжало расти, то единственным выходом для жителей старых аулов было увеличение распахки за пределами Карачая на арендованных землях.

Говоря о малоземелье, скудности почв в старых селениях, начальник Эльборусского округа Петрусевич писал в 1867 г.: „Такой малый урожай, не вознаграждающий почти труда, заставляет карачаевцев искать пахотные земли в других местах, более удобных к этому, и редкий кош не запахивал двух десятин, причем многие, кроме хлеба засевают картофель”.²

Основание пашен на кошах встречало резкое противодействие тех, кто сдавал в аренду, особенно администрации Терской области.

Они запрещали карачаевцам распахать землю на кошах, считая, что этим снижается ее качество. Карачаевцев штрафовали за это, и все же они продолжали увеличивать распахку. Начальник Эльборусского округа доносил помощнику начальника Кубанской области, что вспашка сделана „людьми, не имеющими в середине Карачая достаточного количества пахотной земли, которые

¹ Н. Иваненков. Ук. соч., с. 64.

² ГАКК, ф. 452, оп. 2, ед. хр. 605, л. 14.

решались вследствие этого лучше заплатить по 5 рублей от десятины в штраф, чем остаться вовсе без хлеба".¹

Несмотря на все старания карачаевцев, на самовольные запашки на кошах и пр., своего хлеба в Карачае хватало на несколько месяцев. Так, в 1867 году карачаевцами было собрано со своих и арендованных земель три с половиной тысячи четвертей² хлеба, следовательно, на каждого человека приходилось по 0,2 четверти, в то время как самой скромной цифрой душевого довольствия считалось 3 четверти в год. Только пятнадцатую часть необходимого для пропитания хлеба получали карачаевцы с своих полей.

После основания новых селений в 70-80-х гг. XIX века положение в земледелии несколько изменилось: расширилась посевная площадь, улучшилась обработка земли, появились новые, более урожайные и продуктивные культуры. Такой совершенно новой культурой для карачаевцев была гречиха. Гречиха быстро завоевала признание. Карачаевцы с удовольствием ели гречневую кашу, или, перемолов зерно на ручной мельнице, пекли гречишный хлеб.

В новых селениях с самого начала распашки полей стали применять примитивный севооборот, который заимствовали у соседних народов, а также новые орудия сельскохозяйственного труда и новые культуры. В Маре, например, на целине сеяли просо на следующий год - ячмень или картофель. Культура картофеля в Маре получила особенно широкое распространение, она давала там очень хорошие урожаи. В отдельных местах, преимущественно по дубовым полосам, ниже аула сеяли в небольшом количестве гречиху и кукурузу. Причем вызревали и здесь не все семена, а определенный сорт скороспелой кукурузы с мелкими желтыми семенами, называемый карачаевским и особенно ценившийся.

В Тебердинской долине, как и в Учкуланской, открытой северным ветрам, охлаждаемой близкими

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 235, л. 36.

² ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 14. Четверть - мера сыпучих тел, равная приблизительно 210 литрам.

ледниками, ранние заморозки и холодные ночи даже летом препятствовали полному вызреванию хлебов. Поэтому основной культурой здесь оставался нетребовательный ячмень, хотя пробовали сеять и пшеницу, и кукурузу, и гречиху.¹ Определенной системы севооборота в Теберде не было, т.к. пахотных участков было очень мало, и все они были поливными.

Влияние русской земледельческой культуры сильнее всего было в Джегуте, расположенной в близости к русской станице Усть-Джегутинской, жители которой познакомили карачаевцев с более усовершенствованными методами полеводства и новыми культурами. Лучшие земли здесь засевали кукурузой, которая давала прекрасный урожай, особенно карачаевский сорт. На хороших землях сеяли и пшеницу, но значительно меньше, чем кукурузу. Цикл севооборота был обычно четырехгодичным. Первый год, особенно по целине, сеяли всегда просо. После проса на следующий год - кукурузу, на третий год - гречиху, четвертый год земле давали отдохнуть, оставляя ее под покос.² Однако севооборот часто нарушался, например, в Кайыны из года в год сеялась кукуруза.

Более высокие и гористые участки использовали под огороды, на которых сажали картофель и кормовую свеклу.

С ростом полеводства менялась и техника обработки полей. Особенно заметным это было на примере того же Джегутинского села. В отличие от большого Карачая, где земля камениста и скудна, плодородный слой неглубок, в долине р. Джегуты и ее окрестностях земля богата и плодородна. Здесь нужна была более глубокая вспашка, особенно первые годы, когда поднимали целину. Легкий горный плуг был менее пригоден для подъема целины, чем тяжелый, в который впрягали несколько пар быков. Первые годы джегутинцы пахали тем же примитивным плугом каладжюк, которым пользовались в большом Карачае их отцы и деды. Но впрягали в него не одну пару быков, как в горах, а 2 и 3 пары.

¹ Кубанская справочная книжка, 1894 г., стр. 84.

² Полевой материал, 1961, с. Учкулан. Боташев Атлы.

Познакомившись с более удобным для равнинных мест черкесским плугом, джегутинцы заимствовали его, заменив им каладжюк. Черкесский плуг был более массивным, а главное более усовершенствованным, так как имел пару колес и отвал. Этот передковый плуг изготовлялся из дерева и назывался "черкес агач" - черкесский деревянный.¹ Крестьяне сами изготовляли деревянные части плуга, а лемех заказывали кузнецу.

От русских соседей джегутинцы заимствовали деревянную борону с железными зубьями, которая заменила хворостяную - сибиртхи. Старики рассказывали, что первую деревянную борону привез в Джегуту старшина Хубиев Наны, научил жителей пользоваться и самим изготовлять ее.

Жители станицы Усть-Джегутинской в свою очередь учились у карачаевцев изготовлению ряда орудий, в том числе и передкового плуга, особенно удобного на предкавказских равнинах.

В 90-е годы XIX века в карачаевских аулах получило довольно большое распространение также применение заводских металлических плугов. По данным Кубанской справочной книжки 1894 г., к этому времени в карачаевских аулах было усовершенствованных плугов: в Дууте - 4; в Джазлыке - 2; в Карт-Джурте - 27; в Маре - 21; в Сынтах - 16; в Хурзуке - 27. Кроме того, в Карт-Джурте было у разных хозяев 10 других усовершенствованных земледельческих орудий.² Переход к тяжелой вспашке в новых аулах породил и новые социальные отношения. Редкая семья имела 8-10 быков, необходимых для пахоты тяжелым плугом, особенно для подъема целины. Поэтому в Джегуте большое распространение получила супруга - объединение 2-3-х дворов для совместной вспашки.³ Так как объединение для пахоты было новым явлением для Карачая, то определенного термина супруга не имела,

¹ Полевой материал, 1960 г., с. Джегута.

² Кубанская справочная книжка 1894. Екатеринодар, 1894, С. 78-81.

³ Полевой материал, 1960, с. Джегута, Боташев Хаджибекир, 1850 г. рождения.

называлось как и всякое объединение - нёгерлик, сабан нёгерлик, джыйын или как помочи - маммат.

Собиралось такое товарищество обычно вокруг владельца плуга черкес агач, т.е. более состоятельного хозяина. Обязанности в супряге распределялись в зависимости от имущественного положения участников. Пахали участникам супряги по очереди, прежде всего владельцу супряги, в последнюю очередь - беднякам, не имевшим своего скота.

Расширение посевной площади, улучшение методов и техники полеводства, освоение новых культур привели к значительному увеличению валового сбора зерна, который за 25 лет возрос более чем в 5 раз. Рост зерновой продукции и значительно большая роль полеводства в экономике Карачая ясно видны из следующей таблицы, показывающей сколько посеяно и убрано хлебов на 1 душу населения в 1893 году.

Название селений	посеяно хлеба четв.	на 1душу посеяно	снято четв.	на 1душу снято
Карт-Джурт	260	0,04	3272	0,5
Учулан	383	0,06	938	0,2
Хурзук	270	0,06	419	0,09
Дуут	63	0,07	239	0,3
Джазлык	50	0,04	777	0,7
Сенты	363	0,05	156	0,2
Теберда	287	0,2	711	0,4
Каменномо- ст	85	0,3	3427	4,5
Мара	1539	0,7	298	2,6
Джегута		0,6	7858	3,8
Итого			18095	1,3 ¹

Но даже при таком значительном увеличении валового сбора зерна, он не мог удовлетворить потребность карачаевского народа в хлебе, который по прежнему приходилось покупать на ярмарках и базарах. Только в одном

¹ Кубанская справочная книжка, 1894. Екатеринодар, 1894, с. 78-81.

Джегутинском селении можно говорить об элементах товарности в земледелии, т.к. часть продукции шла на продажу. Наряду с полеводством в пореформенную эпоху большое развитие получили огородничество и садоводство. В огородах сажали картофель, морковь, свеклу, лук, чеснок и меньше капусту. Появились любители садоводства и в Большом Карачае, где росли яблони и груши с небольшими кисло-сладкими плодами. Инициаторами садоводства выступали школьные учителя, которые разбивали сады при училищах и пропагандировали посадку частных садов. В Хурзуке таким пионером садоводства был учитель Витковский, в Джегуте - Иммолат Хубиев. На территории курорта Теберда сад был разбит на землях Ислама Крымшамхалова, который выписывал саженцы и выводил путем прививки новые более морозостойкие сорта. Развитию садоводства способствовало также наличие в Карачае двух садовых питомников. Один питомник был основан Утяковым, бывшим владельцем Макарьевского рудника. На пожалованных ему 50 десятинах земли он основал питомник, в котором выращивал саженцы яблук, груш и других плодовых деревьев, обеспечивая посадочным материалом жителей близлежащих аулов и станиц. Второй питомник был разбит при Спасо-Преображенском монастыре в Сенты (Сынты).

Появление садов способствовало еще большему развитию пчеловодства. У отдельных хозяев было до 700 сапеток. Но пчеловодство было очень примитивным. Пчел не подкармливали, зиму и лето держали в круглых плетеных сапетках. Мед не качали, а выкуривали пчел подожженной серой, доставали из сапетки вместе с вощиной.¹

Только отдельные пчеловоды перешли к более усовершенствованным методам пчеловодства, строили вместо плетеных сапеток - деревянные ульи, зимой подкармливали пчел, выкачивали мед, не уничтожая пчел.

Таким образом, включение Карачая в общее русло экономического развития Баталпашинского уезда внесло

¹ Полевой материал, 1961. С. Учкеев (Лепшоев Хамзат, 90 лет.)

большие изменения в хозяйство и общественный строй народа.

Экономика аула приспособлялась к требованиям рынка. Это заключалось в специализации Карачая на товарном скотоводстве, в росте поголовья скота и улучшении его породности, в появлении наряду с основным мясо-молочным направлением - молочного скотоводства.

Таблица 2. Количество выделанных и проданных ремесленных изделий в 3-х главных карачаевских аулах в 1867 г.

Наименование изделия		в Карт-Джурте		в Учкулане		в Хурзуке		всего	
		выделано	продано	выделано	продано	выделано	продано	выделано	продано
Шерсти	в	3164	5942	2265	140	27311	4751	9161	1083
рунах		4		7				2	3
Бурок		1186	831	124	73	206	104	1509	1001
Полстей		158	127	46	6	37	20	241	153
Сукна	в	997	400	963	330	972	624	2932	1364
локтях									
Башлыков		17	8	18	3	14	1	49	12
Овчин и		3283	2096	1936	636	2030	14	7249	3446
козьих кож									
Кож от скота		262	26	489	72	117	35	868	133
Лошадиных		115	23	41	12	21	2	177	37
кож									

Глава VI. РЕМЕСЛО И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ОЧАГОВ

Экономическое „завоевание" Кавказа превратило его в сырьевую и топливную базу русской промышленности, в рынок сбыта ее продукции. В станицах, селах и аулах находили легкий сбыт ивановские ситцы, московские и петербургские металлические изделия, тульские ружья и т.д.

Фабричные изделия вытесняли ремесленные, т.к. были дешевле, прочнее, красивее. Появление на Кавказе русских дешевых и удобных кос совершенно вытеснило из употребления местные обоюдоострые косы. Горский мужской костюм проще было сшить из покупного сукна, чем ткать это сукно на примитивном ручном станке. И так во всем.

„Падало старинное производство оружия под конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий, падала кустарная выделка железа под конкуренцией привозного русского продукта, а равно и кустарная обработка меди, золота и серебра, глины, сала и соды, кожи и т.д.; все эти продукты производились дешевле на русских фабриках, посылавших на Кавказ свои изделия. Русский капитализм втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности - остаток старинной патриархальной замкнутости, создавал себе рынок для своих фабрик",¹ - писал В.И. Ленин в своем классическом труде „Развитие капитализма в России".

Упадок коснулся главным образом тех видов домашнего производства, которые не выдержали конкуренции с привозными фабричными изделиями. Так, перестали пользоваться спросом местные металлические изделия: косы, серпы, ружья, т.к. их заменили более дешевые и удобные фабричные.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 521.

То же самое произошло и с другими металлическими изделиями местного производства. Они не выдержали конкуренции с фабричными и перестали пользоваться спросом у населения.

„В древности карачаевцы были народом трудолюбивым: кроме хлебопашества и скотоводства занимались и ремеслами, которые давали им возможность иметь все необходимое у себя дома, - писал В.Я. Тепцов в конце XIX в. - Теперь же о ремеслах нет и помину, и все необходимое приобретается в стороне. Аулы не имеют даже собственных кузнецов и оружейных мастеров".¹

Что же касается выделки бурок и других валяных изделий, которые были монополией горского производства, то эти виды ремесла не только не сократились, а наоборот увеличились.

Повышение спроса на карачаевские бурки, кийизы (войлоки) и войлочные изделия содействовало росту производства и превращению домашнего промысла в ремесло, производящее изделия для рынка.

„Можно смело сказать, что всё казачье население, как и все горцы Кубанской области, одеваются в бурки, ноговицы и черкески, приготовляемые карачаевцами. От них же получают сукна ручной, но прочной и хорошей работы и притом за цену весьма недорогую, золотошвейную тесьму, полсти, чехлы на ружья, сыромятные ремни для вожжей, тяжей, шлей, супоней и пр.",² - писал в 1893 г. Аргус в газете „Казбек".

И. Щукин так же пишет, что „различные промыслы и ремесла имеют в Карачае ничтожное значение", но исключение представляет лесной промысел и изготовление бурок, войлоков (полстей) и сукна.³

По данным Н. Петрусевича, которые, правда, он сам называет не очень полными, в течение 1867 года в 3-х

¹ В.Я. Тепцов. По истокам Кубани и Терека//СМОМПК, вып. 14, Тифлис, 1892. стр. 107.

² Аргус. Карачаевцы//„Казбек", 1896. № 13.

³ И. Щукин. Краткий географический очерк Карачая//Русский антропологический журнал, 1913, № 1-2, стр. 52.

главных карачаевских аулах было выделано и продано следующее количество ремесленных изделий (таблица 2).¹

Как видно из этой таблицы, в конце 60-х годов шерсть вывозилась ещё в небольшом количестве. Большая её часть шла на переработку. Бурки же, напротив, изготавливали больше для продажи, чем для домашнего употребления. То же можно сказать и о полстях. Сукно в одинаковой степени шло на продажу и домашнее употребление.

Но чем больше увеличивался спрос на шерсть, тем выше делались цены на нее и тем большая часть шерсти стала поступать в продажу. Уже в конце 70-х годов среди предметов вывоза из Карачая авторы прежде всего называли скот, кожи и шерсть. По сведениям Г. Петрова в 1887 г. из 3-х старых аулов Карачая было вывезено: кож - 5956, овчин - 34500.²

Поэтому большая часть шерсти, получаемой с карачаевских овец, шла не в переработку, а продавалась в виде сырья. Вывоз шерсти начался со второй половины века и все возрастал к концу XIX-началу XX в. „Шерсть продается главным образом сырцом, причем ловкие торгаша ... надувают простоватого карачаевца самым бессовестным образом. Часть шерсти обрабатывается на месте кустарным образом на сукна, которые известны на ближайших рынках в Георгиевске и Армавире, часть же переделывается на бурки”.³ О повышении спроса на шерсть и поэтому большом вывозе ее за пределы Карачая пишет и Н. Иваненков в начале XX в. „Промыслов у населения почти нет никаких, если не считать, выделку среднего качества бурок на продажу и сукна для домашнего употребления. Шерсть возвысилась в цене, и стало выгоднее продавать её и покупать фабричное сукно”. *

Одновременно с упадком ремесла и проникновением в карачаевские аулы промышленных изделий из Центральной России, начали возникать на карачаевской территории и первые очаги местной промышленности.

¹ ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 24.

² Г. Петров. Указ, соч., стр. 145.

³ В. Колесников. Нужды Карачая // "КОВ". 1898г., №267.

Этому способствовало богатство недр Карачая, в которых имелся и уголь, и рудные месторождения, и глина, и строительный камень, а с другой стороны - лес. Сельское хозяйство, и в первую очередь скотоводство, давало сырье для пищевой промышленности. Однако все эти богатства использовались мало. Российский капитализм не был заинтересован в промышленном развитии Кавказа именно потому, что Кавказ нужен был ему как рынок сырья и рынок сбыта готовых изделий. Этим и объяснялось одностороннее развитие Северного Кавказа, превращенного в фабрику пшеницы и шерсти, источник нефти и другого сырья.

Этим же объяснялось и несоответствие между развитием добывающей и обрабатывающей промышленности. Добыче руд, нефти, угля и других полезных ископаемых придавалось большое значение, т.к. они нужны были как сырье и топливо для промышленности Центральной России. Русский капитализм нуждался в свинце и железе, угле и нефти. Переработка сырья на месте производилась мало. Так, например, на Худесском серебро-свинцовом руднике, добытая руда не перерабатывалась на месте, а отправлялась для дальнейшей обработки в Центральную Россию и даже за границу, во Францию.

Богатство Карачая рудными ископаемыми обратило на себя внимание русского командования еще во второй четверти XIX века. На следующий же год после военного похода в Карачай генерал Емануэль организовал научную экспедицию в горы Карачая для изучения его природных богатств. К участию в экспедиции были привлечены крупные ученые того времени: физик адъюнкт Академии наук Ленц, ботаник адъюнкт Дерптского университета Майер, хранитель зоологического кабинета Менетрие и геолог 8-го класса Вансович.¹

Экспедиция обследовала весь район Эльбруса, источники, камни, руды и т.д. Была даже предпринята попытка восхождения на Эльбрус, но до вершины никто из

¹ Служебная деятельность генерала от кавалерии Емануэля на Кавказе. // «Кавказ», 1851 г., № 90-91.

ученых дойти не смог, туда поднялся только проводник экспедиции Х. Хачиров.

В районе Эльбруса были обнаружены серебряно-свинцовые руды, каменный уголь и другие природные богатства.

В начале 30-х годов XIX в. кавказское командование заинтересовалось залежами каменного угля в северной части карачаевских земель.

Местное население давно уже знало об этих залежах и даже добывало уголь в небольшом количестве для домашних нужд. Они познакомили с этим месторождением и русских, которые попали в этот район с военными отрядами еще в конце XVIII в. Солдаты использовали уголь дляковки и для варки пищи. Однако до окончательного присоединения Карачая к России в 1828 г. о промышленном использовании верхнекубанского угля не могло быть и речи.

В октябре 1839 г. для обследования Кубанского каменноугольного бассейна был отправлен специалист Фолендорф. Он обследовал берега Кубани и обнаружил в разных местах обнаженные пласты каменного угля. Первое месторождение было открыто им на правом берегу Кубани, в 250 саженях выше Хумаринского укрепления. Два других - на левом берегу реки в 6 верстах южнее укрепления. Четвертое - на левом берегу р. Мары, в 8 верстах от укрепления. Пятое - на правом берегу р. Хумары и шестое - в 4-х верстах на северо-восток от укрепления.¹

Кавказское командование заинтересовалось месторождением угля, т.к. он мог заменить лес, который безжалостно истреблялся для отопления и других нужд. Замена же леса углем спасла бы от уничтожения ценные леса в верховьях Кубани и ее первых притоков.

Так же были открыты залежи огнеупорной глины такого хорошего качества, что тигли из нее выдерживали плавление меди. Образцы угля и глины были посланы для исследования, которое подтвердило хорошее качество и того и другого.

¹ ГАСК, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 1510, л. 25.

Наличие дешевого местного топлива сулило большие выгоды и открывало путь к развитию местной промышленности. „Недалекое расстояние всех этих урочищ от Ставрополя и середины степных мест Кавказской области, необходимость со дня на день увеличения оного для могущих устроиться в крае винокуренных, селитряных, квасцовых и других заводов вынудили меня представить как образцы угля, так и глины на благорассмотрение Вашего превосходительства“, - писал в 1834 г. коллежский ассесор Гайворонский, предлагая начальнику Кубанской области привлечь к добыче угля и глины частных предпринимателей. Однако ни в 30-е, ни в 40-е годы не нашлось промышленника, который занялся бы разработкой Хумаринских месторождений.

В 1846 г. начата была добыча угля „за счет казны“, руководил работами начальник VII округа корпуса инженеров военных поселений полковник Лихачев.

Разработки начаты были ниже устья реки Хумары, на 2,5 версты выше Хумаринскогоя укрепления.

В течение 3-х лет, с 1846 по 1848, из этого месторождения было добыто 290268 пудов угля,¹ который расходовался в основном на отопление казенных зданий ближайших городов: Ставрополя, Георгиевска и Пятигорска. Это был единственный потребитель Кубанского угля, так как мелкие примитивные промышленные предприятия Кубанской области не нуждались в угольном топливе, а крупных фабрик и заводов в области не было. Эта узость внутреннего рынка, обусловленная слабым развитием промышленности на Северном Кавказе, препятствовала дальнейшему развитию каменноугольной промышленности. Играли роль и невысокое качество кубанского угля и дороговизна перевозок. Вывозить этот уголь за пределы Кавказа не имело смысла, т.к. он был значительно хуже донецкого антрацита и поэтому не мог конкурировать с ним.

В середине XIX века, кубанские каменноугольные копи, как и нефтяные промыслы, были обращены в

¹ ГАКК. ф. 774, оп. 2, ед. хр. 386, л. 58-79.

казенную оброчную статью и сданы на откуп компании частных лиц, во главе которой стоял пятигорский купец первой гильдии Крутицкий. В 1849 г. он взял на откуп каменноугольные копи, в 1853 г. - добычу и продажу казенной соли по всей Ставропольской губернии.¹ Ему же были отданы на откуп все меновые дворы Кубанской линии.²

Компания Крутицкого эксплуатировала кубанские каменноугольные копи в течение 12 лет, с 1849 по 1860 год. Для того, чтобы обеспечить этой компании верный доход, кавказская администрация вменяла в обязанность и военным и гражданским учреждениям покупать уголь для отопления казенных зданий в Ставрополе, Георгиевске и Пятигорске только у Крутицкого и К°. Однако отпускная цена показалась предпринимателям слишком низкой, и по истечении срока откупа, компания отказалась от возобновления его. За 12 лет было добыто свыше 1 миллиона пудов угля (1080000).³ Отсутствие дорог делало очень дорогой перевозку угля от шахт до городов, в которых он потреблялся. До 60-х годов перевозкой угля занимались главным образом ногайцы. В 1860 г. Хумаринские копи были возвращены правительству, которое объявило новые торги. Но желающих взять откуп в этом году не нашлось, поэтому администрация решила вести разработку копей снова за счет казны для чего было ассигновано более 25 тысяч рублей. Для добычи угля и охраны копей была прислана воинская команда в количестве 90 солдат линейного батальона.

Руководил добычей горный инженер Пиленко. Осенью 1860 г. и весной 1861 г. производились разведочные работы на левом берегу Кубани, где были заложены 4 новых шахты. Однако эти шахты не оправдали надежд и были вскоре заброшены. Вместо этого началась разработка нового пласта угля на левой стороне р. Каракент. За 5 лет казенной добычи угля было выдано на - гора: 802109 пудов.

¹ ГАСК, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 371, л. 1.

² ГА КЧ, ф. 1, оп. ед. хр. 18, л. 1.

³ ГА А, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 386, л. 76.

Добыча уменьшалась из года в год. Настолько непроизводительным был метод казенной добычи с подневольной рабочей силой из солдат, что инженер Пиленко,¹ оказавшийся ловким предпринимателем, решил воспользоваться этим и взять на откуп наиболее богатую часть месторождения - по реке Каракент, прихватив при этом большой участок казенных земель.

Он поставил условие, чтобы ему дали на 10 лет Каракентские копи и, кроме того, сто десятин покосной земли по реке Кумыш, 400 десятин пастбищной земли по Кубани, выше устья реки Каракент, да еще лес на реке Шоне. Он, в свою очередь, брался добывать ежегодно не менее 175 тысяч пудов угля и снабжать им все казенные здания Ставрополя, Пятигорска и Георгиевска первые годы по 26-27 копеек пуд, а затем, когда добыча поднимется до 200 тыс. пудов в год, по 25 копеек за пуд.² Администрация, согласилась на все условия Пиленко, тем более, что кроме него в это время не было желающих взять кубанские копи. При этом в контракте было указано, что по истечении 10 лет Пиленко обязан сдать рудник казне со всеми возведенными им постройками, за исключением машинных устройств для прессования каменно-угольного мусора.

Чтобы ловкий промышленник не спекулировал лесом, отданным ему вместе с шахтами, парубка леса была ограничена только нуждами рудника. Рубить и продавать лес на сторону он не имел права. По просьбе Пиленко ему на первое время была даже оставлена команда солдат, работавших на шахтах. После 1866 г. солдаты были заменены вольнонаемными рабочими.

Масштаб работ был очень невелик. В 1869 г. на Кубанских копиях работало всего 44 человека.³ Одновременно с добычей продолжались разведывательные работы. К этому времени выходы каменноугольного пласта были обнаружены между Верхне-Николаевской станицей и

¹ ГА А. ф. 2, оп. 1, ед. хр. 386, л. 77.

² ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 386, л. 58-79.

³ Кавказский календарь на 1871 г., стр. 149.

башней у Каменного моста в 11 местах на правом берегу Кубани:

на реке Большая Шугора,
между устьем Малой Шугоры и Хумарой,
по ущелью реки Хумары,
в верховьях р. Хумары,
над р. Хумарой,
между реками Большой и Малой Шупшурук,
между реками Малый Шупшурук и Мара,
вдоль р. Мары,

На левом берегу Кубани:

по обеим сторонам р. Каракент при впадении ее в Кубань,

в 200 саженьях от устья р. Каракент, в верховьях р. Каракент.¹

На этих месторождениях были основаны 3 шахты - Каракентская, Хумаринская и Макарьевская. Каракентская и Макарьевская были расположены на казенной земле, Хумаринская - на аульной земле Хумаринского аула.

Кавказская администрация, с одной стороны, поощряя развитие своего каменноугольного бассейна, с другой - регламентировала его, ограничивая годовую добычу 175 тыс. пудов. Но еще больше, чем администрацией, развитие копей тормозилось отсутствием достаточно ёмкого рынка. Кубанский уголь имел очень небольшой сбыт. Промышленности в районе шахт не было никакой, а для отопления требовалось очень немного угля, тем более, что сильная смолистость этого угля требовала особой переделки печей для его использования. В 1875 г. в связи с заказом угля для Ростово-Владикавказской железной дороги спрос резко возрос и добыча увеличилась вдвое.²

Однако этот подъем был недолгим. Очень скоро обнаружили отрицательные качества кубанского угля: низкая калорийность, большая смолистость, дающая при горении очень много копоти, ограниченность применения его, непригодность для паровозных топок.

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 386, л. 78.

² ЦГИА, ф. 1268, оп. 21, 1876, ед. хр. 87, л. 45.

С проведением Ростово-Владикавказской железной дороги на Северный Кавказ стал поступать донецкий уголь с Грушевского месторождения, который значительно лучше по качеству, чем кубанский.

В 70-80-е годы изменились методы эксплуатации каменноугольных месторождений, как и других природных богатств края. Бурное развитие капиталистических отношений, характерное для пореформенной эпохи, было несовместимо с устаревшей откупной системой. Откуп и сопровождавшая его детальная регламентация производства тормозили развитие промышленности. С другой стороны, эксплуатация недр путем сдачи на откуп вела к хищническому истреблению природных богатств.

Нешадно эксплуатировались как недра природы, так и рабочие, вынужденные трудиться в тяжелых условиях. Хищническая добыча приводила обычно к тому, что к концу оброчного срока копи становились негодными для дальнейшей разработки.¹ Казне было выгоднее или сдать шахты в долгосрочную аренду, до полного истощения месторождения, или передать их в частную собственность.

На этом основании в 1878 году, когда истек срок откупа инженера Пиленко, кавказская администрация предпочла Каракентскую и Макарьевскую копи продать губернскому секретарю Утякову,² и только Хумаринскую, которая была расположена не на казенной, а на аульной земле, сдать в аренду. Эта мера способствовала расширению шахт и увеличению добычи угля.

В 1880 году на трех названных шахтах было добыто 300 тыс. пудов угля. К этому времени в шахтах работало больше сотни вольнонаемных рабочих.³

Условия, в которых работали и жили шахтеры, были исключительно тяжелы. Вся техника, которой располагали шахтеры, сводилась к кайлу и клинью.⁴ Некоторые выработки были до того узки, что горный инженер

¹ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 21, 1876, ед. хр. 87, л. 8.

² Кавказский календарь на 1881 г., стр. 70.

³ Кавказский календарь на 1883 г., стр. 195.

⁴ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 386, л. 58-78.

Кошкуль не мог даже проникнуть в них и доносил в своем рапорте: „Выработки в копи, заложенной купцом Крутицким, были до того сдавлены, что взойти в них, для изучения условий залеганий угольного пласта, не было никакой возможности. Рабочим же приходилось в этих выработках находиться много часов подряд, вырубая уголь, и на себе вывозить его на поверхность". В другую шахту фон Кошкуль не рискнул залезть „по причине ветхости деревянных крепей". В большинстве шахт „в видах большой дешевизны работ" высота штолен была так мала (12 вершков - 52 см), что рабочие вынуждены были добывать уголь лежа.

Жили рабочие в ветхих казармах, наскоро сколоченных для них предпринимателями, или в хижинах, которые лепились к скалам по берегам Кубани, Каракента и Мары. Основная масса рабочих вербовалась из пришлого люда, шедшего на Кубань в поисках работы. Местное казачество и горское население, в шахтах работали мало. Только в подсобных работах и в перевозках угля, принимали участие и местные жители.

Утяков, как и в более раннее время Крутицкий, не ограничивал свою деятельность каменноугольными копиями. Он брался за все, что могло принести прибыль.

Зная большую нужду скотоводческого хозяйства Карачая в соли, он решил взять в свои руки добычу соли. В 1870 г. им было подано прошение в войсковое правление Кубанской области „о дозволении ему производить розыски соляных залежей близ станицы Баталпашинской, а также и в других местах, а также о разрешении заниматься вываркой соли из лежащих близ станицы Баталпашинской озер".¹ Сообщая об этом начальнику Кубанской области, начальник Эльборусского округа подчеркивал, какое большое значение имело бы это для жителей Зеленчукского и тем более Эльборусского округа.

Серебро-свинцовые месторождения в верховьях Кубани, при впадении в нее притока Худес, были давно известны местному населению. По словам В. М. Сысоева,

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 188, л. 1.

„В старых рудных отбросах и в старых ходах при теперешних работах нашли несколько больших каменных молотов, которыми когда-то отбивали руды или забивали забой".¹

В начале 60-х годов XIX в. карачаевцы, пасшие недалеко от Кубани, на водоразделе Кубани и Дууута, своих овец, нашли на поверхности почвы куски руды, смешанной с землей. Через некоторое время слух об открытии нового месторождения дошел до пристава верхнекубанских народов подполковника Аглинцева, который, узнав об этом, послал для осмотра рудоносной жилы горного инженера штабс-капитана Пиленко. Осмотрев местность штабс-капитан признал месторождение негодным для разработки.

Вскоре серебросвинцовыми рудами заинтересовались частные лица. Добившись разрешения от штаба войск Кубанской области, они в 1864 г. прибыли на Кубань и приступили к разведке. Но и эти изыскатели через два месяца прекратили работу, считая месторождение небогатым, так как и их исследования велись не при впадении Худеса в Кубань, а несколько западнее и выше, на вершине Дууутского хребта. Прорыв там несколько канав глубиною около 2-х аршин и две шахты, изыскатели не обнаружили в них и „следов руды" и прекратили работу.²

Детальные изыскания и промышленная эксплуатация Худесских серебро-свинцовых месторождений начались лишь с 1891 г. Проведены были новые разведки и исследования, доказавшие богатство этого месторождения и высокое качество руды. Профессор Иностранцев так высказался о худесской руде: „Будучи на Кавказе, осматривал знаменитые, по моему мнению, Кубано-Худесские месторождения серебро-свинцовых руд, отличающихся как обилием, а равно прекрасным качеством самой руды".³ Анализ показал, что в 1 кв. сажени жильной

¹ В. М. Сысоев. *Карачай* ... с. 33-34.

² ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 168, л. 2-3.

³ Г. М. Гречишкин. *Теберда*... С. 134.

массы содержался 281 пуд свинца. Горный инженер А.Д. Кондратьев обнаружил в Худесском месторождении до 30 самостоятельных жил, содержащих свинцовый блеск с очень большим процентом содержания серебра.¹

Недалеко от серебро-свинцового месторождения были также найдены: каменный уголь, огнеупорная глина, графит, сланец, известняки и другие материалы, необходимые для создания рудника. Инженер-технолог Томашевский, убедившись в ценности Худесского месторождения, заключил 9 апреля 1891 г. контракт с представителями карачаевского общества. По этому контракту он получал на 99 лет исключительное право разработки рудных богатств Карачая, уплачивая карачаевскому обществу за аренду земель под рудники 10000 рублей ежегодно. Одному человеку, к тому же не обладающему большими средствами, было не под силу создание рудника, постройка рудообогатительного завода, проведение дороги и т.д. Поэтому в 1898 г. Томашевский и компаньон его статский советник Н. Экк образовали акционерное общество „Эльбрус“ для эксплуатации Кубано-Худесского месторождения серебро-свинцовых руд. Томашевский передал обществу „Эльбрус“ все имущество и все свои права.

На первых порах деятельность акционерного общества развернулась довольно удачно. Учредители собрали акционерный капитал до полумиллиона рублей. На эти средства был построен Индышский серебро-свинцовый рудообогатительный завод, лаборатория и другие сооружения. Начато было строительство электролитического завода для электролиза цинка. Оборудование и машины для рудника выписали из-за границы. Дальнейшую обработку руды предполагали производить за границей - во Франции.

Казалось, что предприятие имеет большие перспективы. Наказной атаман Кубанской области генерал-лейтенант Малама писал в 1893 г. о руднике: „Предприятие общества „Эльбрус“ имеет своею целью развитие в

¹ Карачай (Баталпащинского отдела), // „Северный Кавказ“, 1891, № 39.

Кубанской области на землях горского карачаевского общества горного промысла в самых широких размерах. В распоряжении общества „Эльбрус“ имеется обширный рудоносный округ, многочисленные месторождения которого неисчерпаемы - это доказано обширными разведками и признано нашими представителями науки, природные условия во всех отношениях благоприятствуют осуществлению производства в самых широких размерах”.¹

В самом начале 90-х годов на руднике работало 80² рабочих, к 1892 году их было уже 150.³ Число это с каждым годом быстро возрастало. Условия работы и жизни рабочих рудника были и здесь очень тяжелыми. Все работы велись вручную, на себе возили рабочие руду из штолен, толкая по узким ходам тяжело нагруженные тачки. Для того, чтобы пробить штольню дальше в глубь гор или отвалить часть породы, применяли пороховые работы. Пробив в породе шпур (отверстия около дюйма шириной и несколько дюймов глубины), их начиняли порохом, закладывали фитиль, замазывали, и затем поджигали конец фитиля. Жили рабочие в землянках, вырытых недалеко от места добычи руды. В поселке не было, конечно, ни столовой, ни медицинского пункта, ничего того, без чего невозможно современное производство.

В 1891-92 годах на Эльбрусском руднике жил и работал конторщиком и счетоводом талантливейший поэт, просветитель и демократ Коста Леванович Хетагуров. Коста близко познакомился с условиями жизни рабочих и оставил ряд прекрасных рисунков, освещающих жизнь рудника и быт его рабочих. На одном из рисунков изображен общий вид рудоносной местности, мост через Кубань, за мостом видны жилые строения, кузница, пороховой погреб, сарай. Под сараем виден желоб, по которому спускалась руда.

¹ Г. М. Гречишкин. Указ, соч., С. 134.

² Карачай (Баталпащинского отдела) // "Северный Кавказ", 1891, № 39.

³ Виды Большого Карачая и нарождающийся в Карачае горный промысел // "Север", 1892, №24, С. 1243.

На другом рисунке видны жалкие землянки, в которых жили рабочие рудника. На третьем рисунке изображен рабочий момент - один из рабочих везет из штольни тачку с рудой, пятеро других сидят перед входом, разбивают и сортируют руду на несколько сортов в зависимости от состава руды. Четвертый рисунок - глубокая и темная штольня, в которой 2 рабочих пробивают шпуры. Два последних рисунка - входы в штольни, один в балке Орта-Кулак, другой - в балке Тахтаул-Чалган.¹

В начале 90-х годов был построен завод, который мог переплавить до 10 тысяч пудов (160000 кг) руды в месяц. В дальнейшем намечалось довести мощность завода до 3 тысяч пудов в день или более миллиона пудов в год. Построен был второй мост через Кубань, дорога через хребет к месторождениям, находящимся по другую сторону хребта.

В 1894-95 годах строительство продолжало успешно разворачиваться. Но оно требовало новых и новых средств, а поступлений акционерного капитала больше не было. Начались финансовые затруднения. Большие деньги пришлось истратить на строительство и ремонт дорог, которые были очень плохи в Карачае. Колесная дорога, построенная в 60-е годы, требовала капитального ремонта. Рудник отстоял от железной дороги почти на 120 км. Перевозка продукции рудника от Худеса до станции Невинномысской на лошадях обходилась так дорого, что акционерное общество сочло более выгодным провести новую дорогу до Кисловодской станции, протяженностью 60-70 км. На это строительство истратили еще 50 тыс. рублей. И когда дорога была наполовину готова, выяснилось, что средств у общества больше нет и строительство было законсервировано.

В отличие от Хумаринских угольных копей, на Эльбрусском руднике работали и местные жители - карачаевцы. В.М. Сысоев писал: „Во время работ у общества Эльбрус находили себе занятие до 2000 человек: этот заработок для местных жителей и даже карачаевцев

¹ *Север*, 1892, № 24.

был очень выгоден, так что закрытие завода было тяжелым экономическим ударом для этого горного уголка".¹

После нескольких лет бездействия и запустения Эльбрусский рудник был передан новому акционерному обществу, в котором большое участие принимал иностранный капитал. Ещё в 1892 г. автор статьи о горном промысле в Карачае писал: „Можно пожелать, чтобы это предприятие, начатое русскими людьми, не погибло или не попало в руки иностранцев, чтобы на нем не повторилась история многих других русских предприятий, когда после двух-трех разорившихся русских предпринимателей, за дело берутся иностранцы с большими капиталами и быстро наживаются".² Та же судьба постигла и Эльбрусский рудник.

Новое акционерное общество называлось „Горное общество горы Эльбрус" (Маунт Елборус Майнес Лимитед) и имело основной капитал 250000 фунтов стерлингов. Правление общества находилось в Англии, в России же делами общества руководил ответственный агент общества для России Н.И. Ковалевский.³

Кроме Кубанских угольных копей и Эльбрусского серебро-свинцового рудника, на территории Карачая возникло несколько предприятий, связанных с переработкой древесины и древесной смолы. В Худесском и Тебердинском ущельях были построены дегтярные заводы, в Тебердинском - скипидарносмолокуренные заводы Фитингофа (позже Утякова) и Кондратьева.

Безымянный автор статьи „Карачай" в газете „Северный Кавказ" рассказывает о массовой вырубке лесов для продажи древесины на базарах Кисловодска и Баталпашинской: „Прибавьте к этому волчий аппетит знаменитой „общественной лесопилки подполковника Крымшамхалова" и Вы будете иметь приблизительное представление о площади, ежегодно оголяемой в

¹ В. М. Сысоев. Ук. соч., стр. 36.

² „Север", 1892, № 24.

³ Г. М. Гречишкин. Ук. соч., стр. 135.

карачаевских лесах наперекор каким бы то ни было правилам лесного хозяйства".¹

На лесопилках непосредственно работали карачаевцы. На скипидарно-смолокурных и дегтярных заводах рабочие были в основном русские, но карачаевцы поставляли сырье для заводов, занимались перевозками. „Небольшой заработок доставляют распилка бревен, доставка корчаг на смолокурный завод, перевозка досок в Баталпашинск",² - писал Г. Чурсин.

Карачаевское скотоводство давало большое количество сырья для развития пищевой, суконной и кожевенной промышленности. „Здесь с успехом могли бы существовать небольшие заводы: кожевенный и салотопенный с производством мыла и свечей и заводы эти не могли бы терпеть недостатка в недорогом материале и в выгодном сбыте своих произведений, но к несчастью нет предпринимателей ни из среды карачаевцев, ни из русского населения",³ - писал в 1879 г. Г. Петров.

В конце 60-х годов была сделана попытка организовать обучение молодых карачаевцев промышленному сыроварному делу и фабричным способам промывки и очистки шерсти. В рапорте указывалось, что незнание правильных методов ведения хозяйства и, в частности, обработки шерсти приносит большой ущерб карачаевцам. Так, шерсть правильно очищенная и промытая, изготовленная в казачьих станицах Черномории продавалась по 6 рублей пуд, а пуд шерсти, поступавший из Карачая - по 2 рубля. Помощник начальника ставил перед начальником Кавказского горского управления вопрос об обучении карачаевских юношей сыроделию и способам промывки и очистки шерсти.⁴ Однако эти пожелания так и остались на бумаге.

Крупных сыроварен и маслобоен, принадлежащих карачаевцам, так и не возникло. Наиболее крупный

¹ "Северный Кавказ", 1891, № 39.

² Г. Чурсин. Экономическая жизнь Карачая. Кавказ, 1900 г., № 322.

³ Г. Петров. Ук. соч., стр. 145.

⁴ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 119. л. 2.

сыроваренный завод на территории Карачая был построен русскими предпринимателями Бландовым и Губаревым на арендованной у карачаевского общества земле. Остальные сыроварни были небольшие, местного значения.

Всего в Баталпашинском уезде в 1871 году имелись следующие предприятия:

Название предприятия	Кол-во	Число рабочих	Производили продукции на сумму
Винокуренные заводы	2	100	100000
Кожевенные и овчинные	91	262	68945
Мельницы	427	418	194980
Салотопенные заводы	1	6	2000
Маслобойни	10	19	1100
Кирпичные заводы	3	10	12002 ¹

В 1881 году число салотопенных заводов возросло до 20, маслобойных - до 56, кирпичных - до 3, мельниц стало 320, кожевенных заводов - 34. Кроме того, были открыты: 2 мыловаренных завода, 4 гончарных и 2 известковые, а всего в уезде стало 427 предприятий.²

Большинство перечисленных предприятий находилось в казачьих станицах Баталпашинского уезда.

¹ ГАКК, ф. 452, оп. 1. ед. хр. 1036, л. 422

² Памятная книжка Кубанской области на 1881 г. Екатеринодар, 1881, С. 104.

Глава VII. ДОРОЖНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Одной из причин, осложнявшей экономическое освоение Северо-Западного Кавказа, было почти полное бездорожье Закубанья. Бурные горные реки не имели мостов, аулы были связаны узкими верховыми тропами. Только несколько проселочных дорог, издавна служивших торговыми путями, пересекали Закубанье с запада на восток и с юга на север. Дорога от Черноморского побережья в Кабарду шла параллельно Кубани, затем, отклоняясь на юг, по правому берегу Лабы, вдоль гор до места впадения в Кубань Теберды и дальше по Маре на восток и Терек. Перевальные пути шли из Абхазии и Сванетии через Марухский и Клухорский перевалы. Но это были лишь тропы, по которым можно было проехать верхом, а товары перевозить вьюком.

По мере продвижения русской армии вглубь Закубанья прокладывались дороги к укреплениям, но в новых условиях, когда Закубанье стало частью территории Российской империи, и экономика его стала частью ее хозяйственного организма, этого было недостаточно. Поэтому в пореформенную эпоху строительство дорог было одним из важных моментов хозяйственного развития Северного Кавказа.

Важным был дорожный вопрос и для Карачая. До середины XIX века на территории Карачая не было ни одной колесной дороги, только узкие горные тропы связывали карачаевские аулы с внешним миром. Колесная дорога от станицы Баталпашинской доходила только до Хумаринского укрепления, дальше шли тропинки. С севера, над самой Кубанью, то спускаясь к кипящим водам, то поднимаясь высоко на горы, вилась узкая тропочка, по которой верхом или пешком, навьючив поклажу на лошадь, добирались карачаевцы до казачьих станиц: Баталпашинской и других. Такая же едва заметная тропа вела через верховья Мары и Подкумка к Кисловодской и дальше к Боргустанской станицам. Горные перевалы, проходимые только в летнее и сухое время года, связывали Карачай с Закавказьем: Чипер азау и Чипер карачаевский -

со Сванетией, Махарский - с Абхазией, Марухский - с Кутаисской губернией.

Горные реки приходилось переходить вброд или по временным мостам в виде сваленного бревна, так как мостов не было, кроме единственного моста недалеко от впадения в Кубань р. Теберды, где природа сама создала мощные опоры для мостов в виде огромных глыб, почти перегораживающих Кубань.¹ В горные поселения по Дууту (Джазлык и Дуут) и по Теберде долгое время не было даже вьючной дороги. „Пути сообщения в этих обществах чрезвычайно трудны, а местами и вовсе неудобны" - писал автор статьи „Татарское племя на Кавказе"² в 1859 году. А несколько позже в газете „Кубанские областные ведомости" В. Колесников писал, что до 60-х годов „в Карачае не было ни одной колесной дороги, сообщение же с равнинами происходило посредством горных тропинок, по которым с трудом можно было пробраться только верхом".³

Поэтому одним из первых мероприятий администрации Эльбрусского округа в 60-е годы было создание колесных дорог в Карачае. „Другая неотложная нужда, в сильнейшей степени мешающая экономическому и культурному росту Карачая - отсутствие удобных путей сообщения. Заброшенный в далекие, малодоступные ущелья, Карачай долгое время жил совершенно особой, изолированной жизнью, сохраняя как в хозяйственном быте, так и во всем вообще укладе жизни черты отдаленного культурного прошлого",⁴ - писал Г.Ф. Чурсин.

¹ Этот мост был известен русскому командованию и использовался им еще в самом начале XIX в. Генерал-майор Дельпоц доносил в своем рапорте наместнику Кавказа Цицианову в 1805 г.: „Переправа через Кубань - Каменный мост - названа сим именем по причине устроенных тут природою от воды высоких и между собою узких утесистых берегов, через кои с одного на другой перекидываются ординарные бревна и сверху оных намащиваются доски, по коим имеют безопасную как конные, так и на арбах выгодную переправу". АКАК, т. II. Тифлис, 1868, с. 972.

² „Кавказ", 1859 г., № 86.

³ „Кубанские областные ведомости", 1896 г., № 267.

⁴ Г. Ф. Чурсин. Поездка в Карачай. С. 257.

Прежде всего нужно было проложить дорогу от ст. Баталпашинской до центра Карачая - аула Учкулан. Население Большого Карачая, заинтересованное в строительстве дороги, очень доброжелательно отнеслось к предстоящему строительству, согласилось выделить для него и средства и людей. На всех жителей Большого Карачая была возложена обязательная дорожная повинность - отработать определенное количество дней на строительстве дороги. Бедняки и средние хозяева отработывали сами положенное число дней, феодальные владельцы посылали вместо себя своих кулов¹ или наемных работников. Администрация Кубанской области, со своей стороны, обещала выделить на строительство деньги, мастеров для проведения бурильных и подрывных работ и 6 рот солдат.

Однако с самого начала строительства, оно тормозилось из-за недостатка средств, мастеров, материалов. Солдат вместо 6 рот прислали только 2 роты. Между тем прокладка дороги в тяжелом каменистом грунте оказалась делом сложным и дорогим.

Особенно сложным был участок вдоль Кубанского каньона, прозванный карачаевцами Аман-ныхыт (плохая скалистая дорога). В этом месте скалистые берега Кубани почти сходятся друг с другом, отчего в ущелье всегда царит полумрак. Над головой высоко вверх уходят громады скал, а внизу в узком и тесном ущелье с ревом несется Кубань. Каждый метр дороги приходилось пробивать здесь с огромным трудом, взрывая скалу за скалой.

Для того, чтобы взрывать скалы, перегораживающие трассу, требовалась одновременная работа 150 бурильщиков и 300 чернорабочих. Рабочих, выделенных карачаевским обществом, и присланных администрацией солдат, не хватало. Подрядчикам поручено было нанимать вольнонаемных рабочих.

В годы прокладки дороги это строительство поглощало значительную часть бюджета карачаевского общества. Так,

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 229, л. 6.

в 1867 г. из поступивших в общественные суммы 8 тысяч рублей 6 тысяч было истрачено на дорогу.¹

Работа продвигалась медленно, т.к. была исключительно трудоемкой. За первый год строительства 1866 провели 2 версты 388 сажень (2,93 км) дороги, шириной в 7 аршин (5 метров), чтобы пробить эти 2 версты, потребовалось 82 пуда пороха (1312 кг). В 1867 г. проложили еще меньший путь - 850 сажень (1,78 км), но так как все 1785 метров пролагали в скалах, пороху потребовалось 119 пудов² (1904 кг). Вот так, шаг за шагом вгрызаясь в скалы и горы, работая до изнеможения, вручную, прокладывали карачаевцы бок о бок с русскими эту дорогу в горы Большого Карачая.

„При устройстве дороги пришлось потрудиться порядочно не только работавшим на ней солдатам-саперам, но и населению: в некоторых местах полотно буквально высекалось в плотной скале, камни приходилось рвать порохом, в иных же местах нужно было сооружать дорогу из бревен и камней, так как сыпучесть грунта и напор быстрого течения Кубани не позволяли продолжать путь иначе“, - писал вскоре после окончания сооружения дороги в 1879 г. Г. Петров. Но зато дорога эта по его же словам, „соединяет их с остальным миром, живущим на плоскости“.³

Дальше автор рассказывает, о том, как заскрипели по новым дорогам арбы, груженные лесом, сеном или просом.

В 1868 г. был поднят вопрос о строительстве дорог в ущелье Дуута и Теберды. Помощник начальника Кубанской области по управлению горцами, объезжая горские округа, прибыл в сентябре 1868 г. в Эльборусский округ. Одной из тем его беседы с жителями был именно вопрос о дорожном строительстве. «Общество ему заявило полную готовность принять на себя все издержки по проложению дорог: колесной по ущелью реки Теберды и

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 43, л. 12, 22.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 132, л. 83.

³ Г. Петров. *Верховья Кубани - Карачай*, с. 134.

вьючной по Дууту»,¹ - доносил в октябре того же года начальник области начальнику кавказского горского управления.

Прокладка дорог требовала одновременно большого строительства по сооружению мостов через бурные и капризные горные речки. В 70-е годы были построены мосты через Кубань (около Хумары), Теберду (недалеко от впадения ее в Кубань, у Сентинского аула и Тебердинского) и т.д. Мосты эти были построены на деньги, выделенные для этого из карачаевских общественных сумм.²

Значение дорожного строительства было велико для экономического и культурного развития карачаевского народа. Проведение дорог облегчило поездки карачаевцев в русские станицы, а русских - в Карачай, тем самым усиливая экономические связи и обмен между ними, ускоряя развитие товарно-денежных отношений в аулах. Карачаевцы стали постоянными гостями на осенней и весенней ярмарках в ст. Баталпашинской, на Кисловодском базаре и т.д.

Учитель Тифлисской гимназии К.Ф. Ган описывает в своих путевых заметках, как встретил на Тебердинской дороге карачаевцев, „которые отвозили в Баталпашинск на маленьких арбах бурки и войлоки, домашние изделия их женщин. Некоторые арбы были гружены громадными бревнами“.³

В статье „Карачай (Баталпашинского отдела)“, помещенной в 1891 г. в газете „Северный Кавказ“, рассказывается о десятках тысяч арб леса, которые вывозили карачаевцы ежегодно на базары Кисловодска и Баталпашинска.⁴

Строительство сближало карачаевцев с русскими и другими народами Российской империи. На строительстве дороги работали и карачаевцы, и русские, и украинцы, и

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 132, л. 120.

² Карачай (Баталпашинского отдела) // „Северный Кавказ“, 1891, № 39.

³ К. Ф. Ган. В верховьях Кубани и Теберды // „Кавказ“, 1893, № 334.

⁴ „Северный Кавказ“, 1891 г., № 39.

представители других народов. Так, например, в 1866 г. в дорожных работах участвовали 4050 карачаевцев (чередясь, по определенному количеству дней) и 3513 русских.¹

Дорожными работами вдоль Кубани в 40-х годах XIX в., когда велась дорога к Хумаринскому укреплению (так называемая „мышинная тропа“), руководил один из участников декабристского движения Константин Игельстром.

Инженер по образованию, Игельстром руководил работами по усилению Хумаринского укрепления и строительства дороги к этому укреплению.²

В период русско-турецкой войны 1877-78 гг. начато было строительство Военно-Сухумской дороги через Клухорский перевал. Дорога нужна была в этот период главным образом из стратегических соображений, для переброски отряда генерала Бабича в Сухуми. На строительстве дороги работали шахтеры Кубанских угольных шахт, а в самых высокогорных местах - карачаевцы и сваны, больше всего знакомые с местными условиями.³ Строительство дороги, которая проходила через каменистые горы, затянулось. К середине 90-х годов дорога считалась законченной, но постоянные оползни и обвалы делали ее практически непригодной для колесного транспорта. Проникновение русского капитала на Кавказ и колонизация этого богатейшего края требовали безотлагательного решения вопроса и о железнодорожном строительстве.

Бездорожье затрудняло и приток на кубанские равнины рабочих рук из центральной России. Более 50 тысяч рабочих приходили ежегодно пешком из Курской и Воронежской губерний для заработков в Ставропольскую губернию на покос и жатву.

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 132, л. 83.

² Е. Польская. Декабрист Игельстром в Карачае//*"Ленинское знамя"*, 1960, 10 ноября.

³ Е. Польская. Сухумгъа джол//*"Ленини байрагъы"*. 1963 г. 24 ноября.

В архивном документе „О необходимости соединить Кавказ с центром империи устройством железного пути между оконечностью русской сети в Ростове-на-Дону и Владикавказом с ветвью к Черному морю" постройка железной дороги прямо связывалась с интересами русских капиталистов и русской промышленности. „Но для привлечения их в здешний край необходимо сблизить его не только административно, но и материально; нужно сократить расстояния, отделяющие Кавказ от центра России, а это возможно только посредством сооружения железных путей".¹ При этом автор Записки ссылается на беспрецедентное развитие, которое приняла в последнее время постройка железных дорог в России.

Постройке дороги придавалось большое военное и политическое значение. „Только удобная дорога может прикрепить Кавказский и Закавказский край к России навсегда прочными и неразрывными узами", - говорилось в записке наместника императору. При этом кавказская администрация даже не скрывала своих русификаторских целей, согласно которым Кавказ должен был утратить всю свою самобытность и превратиться в придаток царской империи. В Записке прямо говорится о задаче обрусения Кавказа, о том, что „быть может не в далеком будущем Кавказа не станет, а будет лишь продолжение южной России до Азиатской ее границы".²

Предварительные изыскания для постройки железной дороги были начаты в 1869 году. Планы проведения железной дороги сразу же вызвали бурные отклики и споры, особенно вопрос о маршруте будущей дороги.

Сторонники проведения железной дороги через Ставрополь и Пятигорск доказывали, что дорога превратит горские земли, через которые она пройдет, в цветущие области, будет способствовать развитию хлебопашества в Чечне, Калмыкии и т.д. „Нельзя сомневаться, что умные горские племена, склонные к торговле, немедленно воспользуются этим путем, чтобы превратить в

¹ ЦГИА, ф. 1268, оп. 14, ед. хр. 11, л. 13.

² ЦГИА, ф. 1268, оп. 14, ед. хр. 11, л. 18.

плодоносные поля прекрасные ущелья и долины горных лесистых хребтов".¹

Сторонники проведения железной дороги через ст. Баталпашинскую доказывали свою точку зрения тем, что район этот богат как рудными ископаемыми, так и лесом. Строительство дороги будет облегчено наличием строевого леса в Карачае. Дорога же в свою очередь будет содействовать дальнейшему росту промышленности в этом районе, в частности, Хумаринских каменноугольных копей. Дорога обеспечит сбыт обширному карачаевскому скотоводству, особенно овцеводству, усилит товарный характер его.

После долгих дискуссий был выработан маршрут железной дороги от Ростова через станицы: Тихорецкую, Кавказскую, Невинномысскую, г. Георгиевск, ст. Прохладную, на г. Владикавказ. 13 августа 1875 г. было открыто движение поездов по Ростово-Владикавказской железной дороге, а в последующие годы по веткам: Тихорецкая - Екатеринодар, Екатеринодар - Новороссийск, Павловская - Ейск, Армавир - Туапсе, Беслан - Петровск.

Ростово-Владикавказская железная дорога соединяла Россию с Северным Кавказом, но Закавказье так и оставалось отрезанным, т.к. проведение дороги через Кавказский хребет для тех лет было не простой задачей. Долго спорили о том, как лучше вести дорогу в Закавказье через горные перевалы или по побережью моря.

В 80-е годы возник впервые вариант проведения железнодорожной линии ст. Невинномыск-Теберда-Сухуми, которая должна была пройти по территории Карачая. Для исследования трассы еще в 1879 г. начальник Сухумского округа генерал Аракин послал специальную комиссию. В наиболее высокой точке трассы предполагалось проведение семикилометрового туннеля, соединяющего верхние притоки Кодера и Теберды: Чхальтдзыхи и Хутуй.

Доказывая выгодность проектируемой линии, автор сообщения Ю.П. Проценко перечисляет богатства края,

¹ ЦГИА, ф. 1268, оп. 14, ед. хр. 11, л. 58-59.

через который должна пройти железная дорога: мачтовые сосновые леса по р. Теберде и пихтовые и каштановые по р. Кодеру, „миллионное скотоводство карачаевцев“, фруктовые сады на южных склонах, эвкалипты и чайные насаждения Абхазии. Проведение железной дороги рассматривалось как мера, которая содействовала бы колонизации Баталпашинского и Сухумского отделов, т.к. облегчала проникновение туда русских капиталов. И третьим доводом было военное значение дороги, которая облегчала бы переброску войск из центральной России к южным границам империи.

Автор сообщения вычислил, что проведение железной дороги из долины Кодера в долину Теберды, протяженностью в 305 верст обойдется в 60-80 тыс. рублей, 7-верстного туннеля в 9 млн. 560 тыс. рублей, а всей линии Невинномысск-Теберда-Сухуми-Ново-Сенаки до 40 миллионов рублей (по его подсчетам - 39960000¹ рублей). В 1893 г., в период наибольшего размаха работ на Эльборусском руднике, один из учредителей рудника, инженер Томашевский, подал докладную записку министру финансов о перевальной Сухумской железной дороге от ст. Невинномысской или от ст. Курсавка по ущельям рр. Теберды и Кодера на Сухуми, с веткой „Карачаевской“ к Эльборусским рудникам. Ветка протяженностью в 35 верст, должна была, по мысли Томашевского, обеспечить вывоз продукции рудника, которую рассчитывали довести до 5 млн. пудов в год. Однако рудник вскоре пришел в запустение, и надобность в этой ветке отпала.

Постройка железных дорог была важным фактором в процессе развития капитализма и образования капиталистического рынка. Открытие железнодорожного сообщения Ростов-Владикавказ активизировало не только торговлю, обороты которой резко возросли, но и развитие

¹ О необходимости производства изысканий для железной дороги по третьему направлению - на Сухуми для соединения России с Закавказьем. Сообщение Ю. П. Проценко 22 февраля 1891 г. //Записки Кавказского отделения русского технологического общества, том XX, 1891 г., в. 2, с. 26.

сельского хозяйства Северного Кавказа, превращение этого хозяйства в товарно-денежное.

Связь с черноморскими портами облегчила вывоз кубанской пшеницы, как в русские порты, так и за границу, тем самым значительно повысила и посевы пшеницы.

Ростово-Владикавказская дорога проходила по самым хлебным районам Северного Кавказа. Первые 6 станций были расположены на территории Донской области, следующие 18 - Кубанской и 14 - Терской областей. С 32 станции Северного Кавказа было отправлено в 1885 г. 16 млн. пудов груза, „преимущественно хлебные продукты и др. жизненные припасы”.¹ Причем, „судя по таможенным отчетам, почти весь хлеб, до 9 млн. пудов, полученный с Северного Кавказа в Ростове, отправляется за границу, в числе 18 млн. пудов, отпускаемых этим городом”. Кроме того, более 4 млн. пудов хлеба вывозилось за границу из Ейска и Темрюка. (В числе хлебных продуктов наряду с пшеницей была кукуруза, пшено и др. злаки).

В обратном направлении, из России на Кавказ, шли по железной дороге мануфактурные товары (до 40 тыс. пудов), сахар (203 тыс. пудов), железо (183 тыс. пуд.), холст (38 тыс. пудов) и так далее.

По этой же дороге шли транзитные товары, отправляемые в Персию и другие страны Азии. Туда вывозились также промышленные изделия: ткани и железные изделия, а, кроме того, сахар, чай, соль и др. продукты.

Из всех кавказских станций, самыми оживленными и богатыми хлебом были ст. Кавказская, с которой вывозилось 2321 тыс. пудов, Армавир (2 145 тыс. пудов), Тихорецкая (1740 тыс. пудов) и Малороссийская (1 519 тыс. пудов). Вывоз с остальных станций Кубанской области был менее миллиона пудов (напр. со ст. Невинномысской - 641 тыс. пудов).

Всего в 1885 г. по Ростово-Владикавказской железной дороге было перевезено 22 млн. пудов груза и 227 тысяч пассажиров. Вывоз хлеба с каждым годом увеличивался.

¹ *Кавказский календарь на 1888 г., с. 36.*

С проведением железной дороги особенно быстро пошел тот процесс, который В.И. Ленин назвал „экономическим завоеванием" Кавказа: колонизация его русским населением и русским капиталом, наводнение русскими фабричными изделиями, которое повлекло упадок местного кустарного производства.¹

Вопрос о перевальной железной дороге поднимался не раз и в начале XXвека. В Баталпашинске был образован даже временный комитет по устройству железной дороги Невинномысская-Сухуми-Новосенаки и выработан устав концессии. Вычислена была примерная стоимость дороги 51 млн. рублей, учтены все преимущества этой дороги, которая должна была сократить путь от ст. Невинномысской до Тифлиса на 708 верст.

„Железная дорога через Теберду в Сухуми, являясь кратчайшим путем из Европейской России к южной половине Черноморского побережья, не только оживила бы всю нагорную полосу по р. Кубани и р. Теберде, дала бы возможность использовать, эксплуатировать дары природы этого края, но и захватила бы в свой район Гагры, Гудаут, Сухуми, способствовала бы заселению безлюдной, но богатой строевым лесом, полезными минералами, целебными источниками чрезвычайно здоровой местности, несравнимой в этом отношении с малярийным Черноморским побережьем",² - писал врач Г.М. Гречишкин в 1912 году.

¹ В-Н-Л. (Ардасенов). *Переходное состояние горцев Северного Кавказа.*// "Новое обозрение" № 4258.

² Г. М. Гречишкин. *Ук. соч., С. 141.*

Глава VIII. ТОРГОВЛЯ

К началу пореформенного периода у карачаевцев сложились уже довольно прочные и регулярные торговые связи с Россией. Несмотря на натуральный характер хозяйства, карачаевцы-скотоводы не могли существовать без обмена с земледельческим населением, у которого приобретали хлеб, без покупки железа, металлических изделий и тканей. В обмен за все эти товары расплачивались они скотом и продуктами скотоводства и своего ремесла. Торговые связи Карачая шли главным образом к соседним народам: сванам и грузинам на юге, кабардинцам и балкарцам на востоке, черкесам на западе и русским на севере. Более далекие торговые пути вели в Дагестан и Турцию.

Главными предметами ввоза служили соль, хлеб, металлические изделия, ткани. Вывозили, а точнее перегоняли по горным тропам, для обмена и продажи лошадей, крупный рогатый скот и, больше всего, знаменитых карачаевских овец.

Командующий войсками Правого крыла кавказской линии генерал Филиппсон писал в своих воспоминаниях о высоких качествах карачаевской баранины, которая „вкуснее лучшей телятины и имеет какой-то особенный аромат”,¹ и называл места, где происходил торговый обмен, в том числе пещеры Базардорбун на перевале из Сванетии к верховьям Кубани. В них сваны обменивали на скот сушеные фрукты, соль и привозные ткани.

Пользовались спросом также изделия карачаевского ремесла: горское сукно, бурки, войлоки. В первой четверти XIX века торговые связи карачаевцев с русскими были еще незначительными. Это объяснялось и географической удаленностью карачаевцев от русских населенных пунктов, и замкнутостью их натурального хозяйства и политикой правящей верхушки, которая предпочитала более выгодные для нее связи с турецкими купцами. Работоторговля

¹ Филиппсон. Воспоминания. М., 1885, с. 95.

существовала в Карачае и в начале XIX века. В 20-е годы XIX века положение начало меняться.

Граница по верхней Кубани была укреплена рядом новых постов и станиц, в которые переселились жители глубинных станиц Хоперского полка. Новые станицы: Баталпашинская, Беломечетская, Бекешевская и др. были расположены уже значительно ближе к горам Карачая. Между поселившимися там казаками и местным населением сразу же возник торговый обмен.

Одним из условий принесения карачаевцами покорности России в 1828 г. было открытие менового двора, „на коем они могли бы получать хлеб, соль, железо и другие нужные им товары”.¹ Это был период, когда торговля на Кавказской линии была монополией государства. Правительство пыталось использовать растущие связи горцев с русским населением в интересах своей колониальной политики. Для этого по всей Кавказской линии был открыт ряд меновых дворов и карантинных застав. Торговля на них регламентировалась государством. В горы пропускали далеко не все товары, в которых нуждалось население. Ограничена была торговля железом и другими металлами, и даже соль и хлеб пропускались не в достаточном количестве.

Главным условием допуска к торговле была политическая благонадежность населения, верность правительству. Меновые дворы открывались только на тех землях, жители которых соглашались принести присягу на верность России. Так называемые непокорные горцы к торговле не допускались.

„Никому из горцев, не поступивших в подданство России, не будет дозволено вступать в торговые обороты”,² - указывалось во Временных правилах для меновой торговли, изданных в 1821 г. Но даже и после принесения присяги народом, для права торговли требовалось разрешение пристава, который указывал в специальном билете, какое количество хлеба или соли имел право купить

¹ АКАК, т. VII, С. 881.

² ГАСК, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 728, л. 140.

приехавший на меновой двор горец. В 30-е годы - начале 40-х годов в станицах Боргустанской и Баталпашинской были только карантинные заставы, которые строго проверяли привозимые карачаевцами, черкесами, абазинами и ногайцами товары и пропускали их в русские пределы после карантинного очищения. В 1846 г. на месте застав были открыты и меновые дворы.

Чаще всего для меновых дворов даже не строилось специальных помещений, а использовались пустовавшие сараи или старые лабазы. Так, в ст. Боргустанской меновой двор помещался в заброшенном артиллерийском сарае с протекающей крышей и дырявыми стенами. В ст. Баталпашинской под меновой двор арендовали складское помещение у хорунжего Джемардыдзе.

В 40-е годы XIX века торговля на меновых дворах только продолжала считаться „меновой“. Так, в течение 1847 г. на Баталпашинском меновом дворе было отпущено горцам свыше 6 тыс. пудов соли, из которых продано на деньги 5379 пудов 13 фунтов и выменено на вещи 837 пудов 14 фунтов.¹

Привозимые горцами изделия ремесла и скот также, в основном, продавались на деньги. Одним из наиболее распространенных предметов торговли на Баталпашинском меновом дворе были овчины, которые привозили сотнями и даже тысячами, и продавали по 25 копеек штука, бурки - по 1 рублю штука, черкески - по 2-3 рубля, полсти - по 50 копеек, кожи скота и шкуры диких животных - по различным ценам - от 2 до 15 рублей, горское сукно по 10 копеек аршин. Кроме того, для продажи привозили много сельскохозяйственных продуктов: мед по 3 рубля пуд, воск по 11 рублей пуд, сало по 2 рубля пуд, масло по 4-5 рублей пуд,² пригонялся скот: лошади, оцениваемые в 35 рублей, рогатый скот в 20 рублей за одну голову.³

На Боргустанском меновом дворе в 1848 г. карачаевцам было продано соли: в январе - 70 пудов 20 фунтов, в

¹ ГАКЧ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 16, л. 10.

² ГАКЧ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 16, л. 4-5.

³ ГАСК, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 11, л. 2-22.

феврале - 95 пудов 25 фунтов, в марте - 361 пуд 38 фунтов, в апреле - 159 пудов 25 фунтов и т.д.

Всего за 1849 год продано соли 1961 пуд 13 фунтов.¹ В течение 1851 года на этом же меновом дворе продано на деньги 2599 пудов 25 фунтов, а выменено на вещи - 37 пудов 25 фунтов.²

Еще разительнее цифры, характеризующие упадок безденежного обмена, по всем меновым дворам Кавказской линии. В 1849 г. обороты денежной торговли с горцами превышали полмиллиона. У горцев было куплено изделий на 209 тыс. 96 рублей, продано им на 543 тыс. 990 рублей, а безденежный обмен горских изделий не достигал 2 тыс. рублей (1828 рублей).³ Тайным соперником государства в торговле солью выступало казачество, на землях которого находились соляные озера. Заведующий Баталпашинским меновым двором жаловался в своем рапорте главному попечителю кавказских меновых сношений с горцами, что горцы стали меньше покупать соль на меновом дворе, а вместо этого покупают ее незаконно у казаков пятой бригады Кавказского линейного казачьего войска за более дешевую цену.⁴

Купленную контрабандным путем соль, горцы провозили в Закубанье, минуя карантинные заставы. Причем, заведующий Баталпашинским меновым двором высказывал опасения, что горцы провозили таким образом не только соль, но и порох, и огнестрельное оружие и др. уже запрещенные предметы.⁵

Нарушением государственной монополии и прямой спекуляцией занимались и сами царские чиновники. Среди многочисленных дел о контрабандной торговле солью есть жалоба и на заведующего Баталпашинским меновым двором о том, что он тайком, по ночам, продавал соль

¹ ГАСК, ф. 72, оп. 1, ед. хр. 13, л. 1.

² ГАСК, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 227, л. 128.

³ ГАСК, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 102, л. 473.

⁴ ГАКЧ, ф. 1, оп. 4, ед. хр. 17, л. 2.

⁵ ГАКЧ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 25, л. 10.

горцам без удостоверения от приставов, причем, по цене, почти в 4 раза превышающей казенную цену на соль.¹

По-прежнему процветал произвол администрации, несмотря на указание „не делать горцам никаких обид и притеснений". Иногда без всяких оснований торговля прерывалась или запрещался въезд горцев в ту или иную станицу, где находился меновой двор. Так, в 1853 г. смотритель Боргустанского двора жаловался: „В ст. Боргустанскую запрещен въезд горцам, с какого распоряжения, мне неизвестно, что вредно отражалось на торговле, которая и без того уменьшилась".²

Никакими правилами и предписаниями нельзя было удержать торговлю в узких рамках меновых дворов. Около дворов возникали базары, на которых горцы вели торговлю непосредственно с жителями ближайших станиц. Кроме базарных дней, которые бывали обычно 1-2 раза в неделю, дважды в год происходили большие ярмарки, на которые съезжались горцы и русские из дальних селений и городов. Обороты ярмарок исчислялись тысячами, иногда десятками тысяч рублей.

За счет базаров и ярмарок значительно возрастали общие торговые обороты. В 1847 г. горцами было привезено и продано различных изделий почти на 400 тысяч рублей, а куплено больше, чем на 250 тысяч, в том числе

Наименование менового двора	привезено горцами изделий на сумму (руб.)	отпущено им товаров на сумму (руб.)
Георгиевский	13123	14110
Нальчикский	11778	11676
Пятигорский	2429	14592
Боргустанский	26993	22916
Баталпашинский	30260	22916
Невинномысский	9577	1190 ³

¹ ГАКЧ, ф. 1, оп. 4, ед. хр. 5, л. 2.

² ГАСК, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 361, л. 1.

³ ГАСК, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 435, л. 441-474

Разрешение на посещение ярмарок имело целый ряд ограничений. Простолюдины должны были являться пешком, без оружия, по особому пропуску.

Ярмарка при Баталпашинском меновом дворе устраивалась дважды в год - весенняя 23 апреля и осенняя 1 сентября. На ярмарку съезжались карачаевцы, черкесы, абазины, ногайцы и даже довольно далекие абадзехи, всего более 1500 человек.¹ На ярмарке 23 апреля 1849 г. было продано горцами 1000 овчин, 800 бурок, 578 черкесок, 400 полстей и ноговиц, 1000 налокотников, 18 пудов коровьего масла, 1500 арб дерева и леса, 2000 аршин горского сукна, 300 голов скота, 500 лошадей и т.д., всего на 19044 руб. 80 коп. На вырученные деньги горцами куплено 15000 аршин ситца, 3200 аршин миткаля, 18000 аршин кумача, 1000 покрывал, 10000 аршин холста, 320 сундуков, 280 зеркальных стекол.²

По словам главного попечителя кавказских меновых сношений с горцами, „Баталпашинский меновой двор приобретает несомненные успехи в торговой промышленности и по существующим там 23 апреля и 1 сентября ярмаркам, куда с того времени, как горцы узнали о дарованной им свободной меновой торговле, начинает усиливаться народостечение со стороны закубанских кабардинцев, бесленеевцев, абазинцев и даже абадзех, с прилегающими по правой и левой стороне Кубани татарами".³

Кроме Баталпашинской ярмарки карачаевцы посещали ярмарки в Георгиевске, Пятигорске и Ставрополе. В 1847 г. ярмарки в этих городах посетило 4445 человек - черкесов, карачаевцев, абазин и ногайцев. Они привезли товаров на 41106 руб. 31 коп., а купили на 28702 руб. 45 коп. В 1848 г. привезли на 52327 руб. 30 коп., купили на 52327 руб.⁴

Самая оживленная ярмарка в Георгиевске бывала осенью с 1 по 8 октября („Покровская")- На нее съезжались

¹ ГАСК, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 435, л. 417.

² ГАКЧ, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 4, л. 43.

³ ГАСК, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 435, л. 417.

⁴ Военно-статистическое обозрение Ставропольской губернии, стр., 226.

жители городов, станиц и аулов почти всего Северного Кавказа, а купцы приезжали из всей Ставропольской и многих центральных губерний Российской империи. Иногда прибывали и иностранные купцы со своими товарами.

Мориц Вагнер, посетивший Кавказ в середине 40-х годов XIX в., описывает удивительное разнообразие народов, языков и костюмов, которое царило на Георгиевской ярмарке. Рядом со стройными кабардинцами бродили цыгане, среди множества монголоидных лиц выделялись своей красотой карачаевцы, которых он называет „эльбрусскими татарами". Здесь же торговали у горцев скот светловолосые колонисты, одетые в экзотические костюмы полугорского, полуказацкого образца.

Сотнями голов исчислялся пригнанный на ярмарку скот, десятками тысяч аршин - привезенные ткани.

Общая сумма привезенных товаров на Покровскую ярмарку в 1833 г. доходила до 600027 рублей.¹ Оборот ярмарок с каждым годом увеличивался.

Кавказская администрация, убедившись в упадке меновой торговли, попыталась найти еще какой-нибудь выход, чтобы продлить существование меновых дворов. Такой соломиной, за которую ухватились царские чиновники, была откупная система. Сдача отдельных меновых дворов на откуп частным лицам практиковалась, в виде исключения, с первых же лет существования меновых дворов. В конце 40-х годов начале 50-х годов правительство снова вернулось к откупной системе, но уже в более широких размерах. В Ставропольской губернии продажа соли была отдана в 1853 г. на откуп пятигорскому купцу 1-й гильдии Крутицкому.² Он же получил монополию на добычу соли. Все имущество меновых дворов и остатки соли передавались в ведение Крутицкого,

¹ ГАСК, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 1429. Л. 31-33.

² ГАСК, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 371, л. 1.

а вырученные за проданную соль деньги отсылались в уездное казначейство.¹

Однако и откупная система оказалась несовместимой с поступательным развитием капиталистических отношений в России, и вскоре, в 1854 г., меновые дворы были закрыты, а меновое управление упразднено.² Карантинные заставы сохранились несколько дольше, чем меновые дворы. Они контролировали ввоз и вывоз товаров, производили карантинное очищение их.

В 1857 г. карантинная линия была упразднена, как потерявшая всякий смысл, так как большинство застав оказались внутри военных линий.

Усиленная колонизация Кубанской области, происходившая в конце 50-х - начале 60-х годов, значительно расширила торговые связи горского населения. Недалеко от карачаевских аулов возникли новые станицы: Кардоникская, Красногорская и др.

Еще ближе к станицам были поселены новые карачаевские селения: Джегутинский, Каменномоостский, Марийский и др.

Отмена крепостного права содействовала ломке замкнутого натурального хозяйства.

Развитие капитализма на Кубани и втягивание Карачая в общероссийское товарное обращение вело пореформенную эпоху к росту торговых связей, как с плоскостными районами Кавказа, так и с центральной Россией, промышленность которой поставляла на Кавказ фабрично-заводские изделия и потребляла местное сырье: шерсть, руду, продукты сельского хозяйства.

Еще в период существования Баталпашинского менового двора и карантинной заставы, в станице Баталпашинской было множество лавок и постоянно действующий базар, а дважды в год, весной и осенью, собирались большие ярмарки, главными предметами торговли на которых были: скот, хлеб, красный товар, железо, бакалея, кожи, лесные изделия.

¹ ГАКЧ, ф. 1, оп. 4, ед. хр. 18, л. 1.

² АКАК, т. XII, ч. 1, с. 486.

В пореформенный период, наряду с ростом оборотов ярмарки, еще более расширялась постоянная торговля - лавки, базары. К началу XX века в станице Баталпашинской было 47 постоянных лавок, в станице Зеленчукской - 16, в Кардоникской - 12, Сторожевой - 9 и т.д.¹ А всего в Баталпашинском уезде в 1882 г. было 295 частных и общественных лавок.²

Развитие товарного скотоводства сделало станицу крупным центром по торговле скотом и лошадьми. И на обычных, и, особенно, на специальных ярмарках продавалось большое количество крупного и мелкого скота. Лошади же, кроме того, скупались в большом количестве подрядчиками, которые брали их для ремонта кавалерии. Одними из основных поставщиков скота и, особенно, лошадей были карачаевцы.

Большим препятствием развитию интенсивных торговых связей Карачая с соседними народами долгое время было отсутствие колесных дорог. В 40-е годы Кавказское командование проложило дорогу вдоль Кубани, примерно до впадения в нее Теберды. Она связала центр Хоперского полка, ст. Баталпашинскую с военными укреплениями, вплоть до Хумаринского. Но дальше, за Каменным мостом, по-прежнему вилась лишь узкая тропа среди отвесных скал над бушующими волнами реки. Много ли товаров можно было перевести вьюком по узкой, карабкающейся вверх тропе?

И лишь в конце 60-х годов была впервые проложена колесная дорога вверх по Кубанскому ущелью, которая связала Карачай с ярмарочными центрами Баталпашинского отдела, главными из которых были станицы Баталпашинская, Отрадная, Невынномысская, Суворовская, Зеленчукская, Кардоникская и др. Оборот Отрадненской ярмарки достигал 68 тысяч рублей, Баталпашинской - 60 тысяч, Суворовской - 51 тысяча, Невынномысской - 15 тысяч.³

¹ Л. В. Македонов. *В горах Кубанского края*. //с. 213.

² ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. хр. 153, л. 356.

³ ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. хр. 41, л. 39.

На ярмарки съезжалось население казачьих станиц, крестьянских сел, горских аулов. Жители горных аулов пригоняли на ярмарки скот и лошадей, привозили произведения своего ремесла и сельского хозяйства, станичники возили хлеб; купцы из центральной России привозили на ярмарки мануфактуру, бакалейные товары, железные и деревянные изделия, посуду.

Карачаевцы были постоянными посетителями горячеводской, георгиевской и других ярмарок Терской области, а также снабжали скотом, продуктами скотоводства и ремесла, лесом базары городов Минводской группы, особенно базар Кисловодска.

По-прежнему крупным рынком сбыта карачаевского скота, особенно овец, оставалось Закавказье. По данным ветеринара С.В. Ваганова в 90-е годы через карантинные заставы Клухорского перевала за год перегоняли в Кутаисскую губернию: лошадей 200, крупного рогатого скота - 740, овец - 1585, коз - 580.¹

Для торговли лошадьми, которыми славились карачаевские и другие горские аулы, устраивались особые конские ярмарки. Так, в 1903 г. на 8 конских ярмарках Баталпашинского отдела было продано 1009 лошадей, средней ценою по 120 рублей.² Значительная часть лошадей продавалась непосредственно в казачьи лагеря, минуя ярмарки.

Большое значение для развития торговли на Северном Кавказе и для общего подъема экономики сыграла постройка Ростово-Владикавказской железной дороги. Уже при проектировании дороги представители кавказской администрации выдвигали, как одну из важнейших задач будущей дороги, необходимость сближения Кавказа с Россией „посредством торговли и постоянных сношений". В „Записке о Кавказской железной дороге" говорилось: „Нельзя сомневаться, что умные горские племена, склонные к торговле, немедленно воспользуются этим

¹ //ИОЛИКО, вып. 1, с. 27.

² ГАКК, ф. 454, оп. 2, ед. хр. 1647, л. 679.

путем, чтобы превратить в плодоносные поля прекрасные ущелья и долины горных, лесистых хребтов".¹

Дорога прошла лишь через северную часть отдела и на территории его было всего 4 железнодорожных станции. Но и этого было достаточно, чтобы наводнить станицы и села металлическими плугами, боронами, сеялками, веялками и другими предметами сельскохозяйственного инвентаря, тканями и галантереей. В 1894 г. в Баталпашинском отделе было 2200 плугов и более тысячи других орудий: жатвенных машин, сенокосилок, борон, веялок, сортировок и конных грабель, к 1899 г. число усовершенствованных орудий превысило уже 8 тысяч,² а к 1903 г. дошло до 18 тысяч.³

С другой стороны, продукты скотоводства, которыми был богат отдел, получили доступ на дальние рынки Украины и центральной России. Шерсть карачаевских овец нашла дорогу на рынки Харькова и Москвы и стала важной статьей вывоза. В столичных ресторанах появились шашлыки из „карачаевского барашка", которые очень скоро были оценены московскими и петербургскими гурманами.

По данным Абрамовской комиссии, из Карачая ежегодно вывозилось: лошадей - 9595, крупного рогатого скота - 30787 и овец - 107552. А общая сумма торгового оборота возросла с 74602 рублей⁴ до 3307369 рублей.⁵

Кроме скота, на вывоз шли и продукты скотоводства и ремесленные изделия: шерсть, кожи, овчины, бурки, полсти и т.д. „Из Эльборусского округа ежегодно выходит значительное количество шерсти, бурок, полстей, кож, овчин и других предметов, получаемых от скотоводства. Все это продается на деньги или меняется на хлеб в станицах и красный товар, торгующих в Карачае армян и евреев",⁶ - писал начальник Эльборусского округа Н.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 14, ед. хр. 11, л. 15.

² Кубанский календарь на 1899. Екатеринодар, 1899, с. 118.

³ Извлечение из отчета начальника Кубанской области за 1903 г., с. 100.

⁴ ГАКК, ф. 452, оп. 4, ед. хр. 605, л. 26.

⁵ Труды комиссии по исследованию... с. 29.

⁶ ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 26.

Петрусеви́ч. В начале пореформенного периода большая часть шерсти шла на переработку. Так, в 1867 г. карачаевцами было собрано 91612 рун, а продано – 10833, т.е. немногим более 10 %.

По данным этого же отчета начальника Эльборусского округа Н. Петрусеви́ча за 1867 г. бурок было изготовлено 1509, продано - 1001, полстей изготовлено - 241, продано - 153, шуб изготовлено - 1085, продано - 433, сукна (в локтях) - 1932, продано - 1364.¹ Цифры эти, очевидно, занижены. Сам Петрусеви́ч, приводя их в своем отчете, сомневается в их достоверности. Но, тем не менее, они дают некоторое представление о соотношении производства и вывоза продукции. К концу 70-х годов вывоз резко возрос. В 1878 году из 3-х главных карачаевских селений было вывезено: бурок - 16075, кож - 5956, полстей - 3470, овчин - 34500.

Главными покупателями шерсти в эти годы Г. Петров называет армян и евреев.²

По мере роста спроса на шерсть на общероссийском и кубанском рынках, выгоднее стало продавать шерсть в необработанном виде. Цены на нее быстро росли. Коваленский в своем рапорте отмечает, что за последние годы (т.е. в 90-х годах) цены на шерсть выросли в 2 раза, с 4 рублей пуд до 8-9 рублей.³

Уже в конце пореформенного периода только треть шерсти, получаемой с карачаевских овец, шла на собственное потребление. Две трети ее продавалось за пределы Карачая, а по подсчетам А. Атманских в начале XX в. карачаевцы вывозили ежегодно шерсти на 300000 рублей, из чего он делал вывод, что „Карачай является довольно солидным поставщиком шерсти и на рынки”.⁴

Причем, если скот вывозился главным образом на местные рынки - в города и станицы Кубанской и Терской областей, то шерсть шла на такие отдаленные рынки, как

¹ ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 24.

² Г. Петров. Ук. соч., с. 145-146.

³ ГАКК. Рапорт Коваленского, С. 55.

⁴ А. Атманских. Ук. соч., с. 147.

Полтава, Харьков, Москва и другие города. В рапорте Коваленского сказано, что „шерсть идет преимущественно в Москву на выделку войлока и скупается периодически наезжающими агентами”.

Скупщики шерсти приезжали обычно осенью, в период осенней стрижки, когда снималась лучшая шерсть. Обосновавшись в станице, установив весы для приема шерсти, скупщики открывали приемный пункт и спешили оповестить об этом по всем кошам. Наиболее предприимчивые сами ездили по кошам, рассчитывая на месте купить шерсть подешевле. Часто скупщик шерсти был одновременно и купцом. Он привозил с собой наиболее ходкие товары - ситцы, дешевый шелк, каракулевые шкурки, которые карачаевцы охотно брали на мужские шапки, и выменивали эти товары на шерсть. Но в основном в пореформенный период торговля шла на деньги.

Скупщики строго браковали шерсть, отбирая только первосортную.

Придираясь к тому, что шерсть карачаевских овец недостаточно чистая, плохо отсортированная и так далее, скупщики нередко занижали цены.

Шерсть, купленную в Карачае, везли к ближайшей станции и по железной дороге - Невинномысской - отправляли дальше на север. Чтобы улучшить качество шерсти и повысить цену ее, шерсть стали промывать в Зеленчукской воде. Эта вода не только промывала шерсть, но придавала ей особую мягкость и шелковистость. Узнав эти свойства Зеленчукской воды, предприниматели построили на Большом Зеленчуке при впадении его в Кубань у станицы Невинномысской шерстомойную фабрику.

На нее свозили шерсть не только из Карачая, но и со всех отделов Кубанской области.

Кроме шерсти, которая, как указывалось, шла на дальние рынки, из Карачая вывозили много леса и древесных изделий. Потребителями дерева было казачье население отдела. Кадушки, корыга, брусья, жерди и дрань

вывозились на ярмарки и базары в ст. Баталпашинскую.¹ Жители Мары снабжали дровами Кисловодский базар и другие города Минводской группы.

Карачаевские скотоводы не могли существовать без обмена с земледельческим населением, так как производимого в Карачае хлеба не хватало для прокормления. „Редкая семья не покупает в соседних станицах и в плоскостных аулах просо и пшено“, - писал в 70-х г. Г. Петров.² По сообщению начальника Эльборусского округа, в течение 1867 г. карачаевцы вывезли из близлежащих станиц 247 арб и 2483 выюка хлеба.³ А к началу XX в. затраты на покупку хлеба достигли полумиллиона рублей (503533 рублей).⁴

Только Джегутинское село производило достаточное для потребления количество хлеба и даже небольшой излишек, который шел в продажу. Джегутинцы вывозили свой хлеб на Учкуланский базар и Теберду.

Возрос ввоз тканей. Хлопчатобумажные ткани: бязь, ситец и миткаль шли на белье и будничную одежду, шелк и бархат - на костюмы богатых женщин и праздничные платья. Наряду с этим, стали ввозиться и шерстяные ткани, которые в дореформенный период почти целиком производились на месте. Женщины охотно носили привозные платки, заменявшие молодым карачаевкам пальто, которое одевали только старухи.

Появление керосиновых ламп сделало предметом первой необходимости в лавках керосин. Стол обогатился привозными сладостями, в первую очередь сахаром.

В Карачай стали проникать новые товары: заводские плуги и бороны, серпы и косы, металлическая посуда. По-прежнему, большим спросом пользовались ремесленные тазы и кумганы, серебряные украшения: пояса, нагрудники.

¹ И. Щукин. Указ, соч., с. 52.

² Г. Петров. Указ, соч., с. 138.

³ ГАКК, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 605, л. 17.

⁴ Труды комиссии... С. 32.

В самом конце XIX в. в Карачае появились первые швейные машины. Их продавали ездившие по аулам агенты фирмы „Зингер“.

Торговым центром внутри Большого Карачая долгое время был Учкулан. Там происходили еженедельные базары, на которые съезжалось население близлежащих селений и станиц. Базар собирался раз в неделю, по четвергам, у слияния рек Учкулана и Хурзука, где берет начало Кубань. „На базар съезжаются до десятка казачьих подвод („мажар“), доставлявших из Баталпашинска и др. станиц картофель, капусту, огурцы, арбузы“,¹ - писал Г. Чурсин. Большой сбыт находили на учкуланском базаре пшеница и кукуруза, которые поставляли на базар карачаевцы. Сваны привозили сушеные фрукты, кумыки - медные котлы, кумганы, серебряные пояса и другие украшения. Местные и приезжие лавочники торговали мануфактурой и мелочным товаром: иголками, нитками, мылом, керосином и т.д.

Жизнь карачаевского крестьянина все теснее связывалась с рынком, на котором покупал он хлеб и орудия труда, металлические изделия и мануфактуру, а чтобы иметь возможность приобрести все это и рассчитаться с налогами и поборами, продавал скот, шерсть, сало и ремесленные изделия. Ярмарки в станицах поражали простодушных скотоводов обилием невиданных прежде товаров, лавки соблазняли заманчивыми тканями, городской обувью, сладостями.

Первые лавки, открытые в Карачае (Учкулане) приезжими грузинскими и еврейскими торговцами, носили сезонный характер. Купцы, которые привозили к горцам свои товары, временно арендовали у кого-нибудь из жителей помещение и открывали лавочку, как правило, она функционировала 2-3 месяца, пока не был распродан привезенный товар. Наряду с денежной торговлей, в этих лавках широко практиковался натуральный обмен, так как купец был одновременно и скупщиком горских изделий, а часто и ростовщиком.

¹ Г. Ф. Чурсин. Поездка в Карачай, // С. 452.

„Меновая торговля представляет в высшей степени интересную черту быта“, - писал о карачаевцах Коваленский. И дальше рассказывает, как действовали торговцы, которые одновременно являлись и скупщиками горских изделий. Они снабжали свои лавки наиболее ходовым товаром, „на какой больше всего имеется спрос“: мануфактурой, табаком и т.д. В обмен они брали бурки, сукна, кожи и овчины. Коробку спичек выменивали на пару яиц, осьмушку табаку на курицу. За 3 локтя (1,32 м) хорошего сукна давали ситца на 75 коп. - 1 рубль.¹

Купцы, как говорилось, занимались одновременно со скупкой горских изделий и продажей фабричных товаров еще и ростовщиством. Они давали в долг деньги за очень высокий процент, чем вызывали неприязнь и ненависть населения.

В Учкулане, Карт-Джурте, Хурзуке, а в конце века и в Джегуте существовали уже постоянные лавки, в которых мануфактурой и табаком торговали преимущественно грузины (братья Рехвиашвили, Лобженидзе и др.), а иголками, нитками, керосином, спичками и другими мелочными товарами - горские евреи. К 1876 г. в Карачае было 42 лавки, в Хурзуке - 12 лавок,² в Учкулане - 14 лавок, в Карт-Джурте - 14 лавок, в Джазлыке - 1 лавка, в Дууте - 1 лавка, в Теберде не было, в Марийском не было, в Каменномостском не было.

В отличие от некоторых других горских народов, жители которых интенсивно занимались торговлей, имели торговую Памятную книжку Кубанской области на 1876 г. (Екатеринодар, 1876), свидетельства купцов 2 и 3-й гильдии, открывали большие магазины, карачаевцы до конца XIX в. продолжали считать торговлю предосудительным занятием. „Карачаевцы до последнего времени вовсе не занимались торговлей, и теперь они ведут лишь мелкую торговлю, большая же часть лавок в Карачае принадлежит горским евреям из Грозненского округа, Терской области и, частью, из некоторых мест Кубанской

¹ ГАКК. *Рапорт Коваленского*, с. 58

² к 1894 г. было 19 лавок, из них 13 мануфактурных и 5-6 мелочных.

области. Есть, кроме того, торговцы грузины и русские", - писал Г.Ф. Чурсин.¹

Но если мелкая торговля и содержание лавок считались недостойным занятием, то к скупке и торговле скотом относились совершенно иначе, и многие богатые карачаевцы умножили свои состояния торговыми операциями.

¹ Г. Ф. Чурсин. *Поездка в Карачай.* // С. 251.

Глава IX. ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ

1. СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Основой общественной жизни карачаевского народа и в пореформенную эпоху была сельская община. Она объединяла всех полноправных членов села, считавшихся коренными жителями. В ведении общины находились важнейшие вопросы общественной жизни - распределение земель, общественное управление, раскладка податей и повинностей, постройка дорог и мостов, создание и содержание школ и многое другое.

Община пореформенного периода считалась бессословной, она объединяла лиц всех сословий. Но зато появилось новое деление - на коренных и иногородних. Иногородние не входили в число общинников и не имели никаких имущественных и политических прав, присущих членам общин.

Иным стало и общественное управление общин, взятое под контроль кавказской администрации. Развитие товарно-денежных отношений вело к имущественному расслоению и разложению горской общины. Кавказская администрация принимала все меры к тому, чтобы упрочить общину и даже насадить ее там, где прежде общинные связи были невелики.

Важнейшей функцией сельской общины было распределение земли. Половинчатость земельной реформы в Карачае привела к тому, что основной земельный фонд оказался в руках казны и помещиков. Они владели наиболее важными в экономическом отношении угодьями - сенокосами и зимними пастбищами - кышлыками. Община распоряжалась фактически только летними пастбищами - джайлыками, выгонами и лесом. Пахотные земли - сабаны и поливные сенокосы - биченлики находились в подворно-участковом владении, хотя в виде пережитков остались обычаи, указывающие на то, что и эти земли прежде были общинными. Так, сохранилось право общины на

вымороченные участки, в случае отсутствия наследников, или на землю, владельцы которой уехали из Карачая, в частности, на участки лиц, выселившихся в Турцию.¹

Всех этих веками установленных правил землепользования в старых карачаевских аулах, земельная реформа не коснулась. Но в новых аулах, созданных в конце 60-70-х годов, по примеру русских селений, было введено кавказской администрацией уравнительно-пердельное общинное землевладение, отличавшееся от смешанного: общинного и подворно-наследственного землевладения Большого Карачая.

Общинное землевладение, введенное в новых карачаевских селениях, строилось на принципе уравнительности. Земля поровну распределялась по податным единицам - дымам и подвергалась регулярным переделам. Однако право на получение земельного надела имели не все жители села, а только коренные, т.е. члены сельских общин, образовавшихся из первых переселенцев и их потомков. Все переселившиеся после того, как село было образовано, а земли поделены, попадали в разряд иногородних, так как в общину не входили.

Деление населения на коренных и иногородних было совершенно новым явлением для Карачая. Оно было введено в 70-х годах XIX века, после отмены крепостного права, когда старые сословные деления на биев, узденей и кулов формально были отменены.

Деление на коренных и иногородних было введено кавказской администрацией по аналогии с существовавшим делением русского населения станиц на казаков и иногородних. Коренные жители, как и казаки, получали право на получение земельного надела из общинных (юртовых, как их называли в станицах) земель. Иногородние были лишены этого права.

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 5508, л. 7. Так, учкуланское общество приговором своим в 1889 г. отобрало земли 22 семейств, переселившихся в Турцию, которые частично перешли к родственникам, а частично были распроданы. Все земли были объявлены общественными и сдавались обществом в аренду. Вырученные за аренду деньги шли на управленческие расходы. М. В. Орлов. Ук. соч., с. 187.

В Джегутинском иногородние были лишены даже прав на получение приусадебного участка и должны были покупать или арендовать землю под дом и огород. В Маре и Каменномосте приусадебные участки давались, но ни пахотных, ни сенокосных земель иногородние не получали.

Получалась странная картина. В новых селениях иногородние не получали земли, так не входили в состав сельских общин, а в старых селах они продолжали числиться членами общины, но тоже не получали земли, так как не было паевых наделов, в связи с особенностями земельных отношений.

Тем не менее, налоги с них аккуратно собирались специальными сборщиками, которые ежегодно приезжали из Большого Карачая для сбора налогов с лиц, приписанных к Большому Карачаю.

Ограничены были иногородние и в общественных правах. Они не имели голоса на сельских сходах, не принимали участия в выборах сельского правления и других должностных лиц.

Образование селений длилось несколько лет. Бывшие крепостные, получившие свободу по крестьянской реформе 1868 г., не всегда могли переселиться в первые годы. Прежде всего, бывшие крепостные, а особенно патриархальные рабы - башсызкулы, должны были в течение 4-6 лет отрабатывать свой выкуп. Иногда отработка затягивалась и на более длительные сроки - на 8-10¹ лет и более.

Да и просто, нелегко было беднякам бросить свою халупу и дворовые постройки и переезжать в новые аулы, расположенные на довольно далеком для тех времен расстоянии от Большого Карачая (так, от Учкулана до Джегутинского села около 100 километров). Поэтому многие из освобожденных крепостных, которые не смогли переселиться в первые годы, попали в разряд иногородних.

„Участь безземельных семейств, бывших подвластных, осталась неизменной - они как были без земли, так и на

¹ Е. Н. Студенецкая. К вопросу о феодализме и рабстве в Карачае XIX, С.64.

новом месте остались без нее и, за неимением другого выхода, водворились в этих новых селениях в качестве временно проживающих, арендуя за плату свободные участки у односельчан или казенные земли",¹ - писали члены Абрамовской комиссии.

Паевые наделы в карачаевских селениях давались не по количеству человек мужского пола, как в русских селах и казачьих станицах, а по количеству семей, ведущих единое хозяйство - дымов.

В сравнительно узком Марийском ущелье трудно было разместить большое поселение. Поэтому, едва набралось в Нижней Маре, которая возникла раньше Верхней, до сотни семейств, как запись в коренные жители прекратилась. Но поток переселенцев продолжался. Вскоре облюбовано было новое место для поселения, выше по течению р. Мары. Там основали новое селение - Верхнюю Мару. И многие из жителей Нижней Мары, записанные там в иногородние, поспешили переселиться в новое село, где они стали коренными жителями, но вскоре и там набралось достаточно жителей, так как земельный фонд Мары был очень невелик. И опять новые переселенцы попадали в разряд иногородних.

Прежде всего запись в число коренных жителей прекратилась в Теберде. Уже по данным 1881 года, там появились первые иногородние. Во всех других селениях Малого Карачая к этому времени все жители считались коренными.² К 1891 году иногородние появились во всех новых селах, кроме Джегутинского, которое возникло позже остальных.

В Маре к тому времени было коренных жителей - 1021 человек, иногородних - 550 человек. В Тебердинском: коренных - 1500 человек, иногородних - 298 человек. В Сентинском: коренных - 648 человек, иногородних - 74

¹ Труды комиссии..., с. 12.

² Памятная книжка Кубанской области на 1881 г., Екатеринодар, 1881, С. 42-43.

человека. В Джегутинском в 1891 году жило 2099 человек коренных и 3 человека иногородних.¹

Наибольший процент коренных жителей был в селениях Большого Карачая (Джазлыке, Хурзуке, Карт-Джурте и Учкулане) и в Джегутинском, образование которого только что завершилось.

Иногородние в свою очередь делились на 2 группы: имеющие оседлость и не имеющие оседлости. К имеющим оседлость относились лица, которым удалось каким-либо путем приобрести земельный участок и вести на нем свое хозяйство. Иногородними без оседлости были обычно ремесленники, торговцы и другие лица, совсем не имевшие земли и своего хозяйства. Деление населения на коренных и иногородних тяжелым бременем ложилось на плечи беднейшего крестьянства, оно усиливало раскол карачаевского общества, имущественную дифференциацию населения, выделение кулацкой верхушки и обнищание бедноты. С другой стороны, деление населения на коренных и иногородних содействовало еще большему развитию арендных отношений, так как иногородние вынуждены были, чтобы не погибнуть с голоду самим и не погубить свой скот, арендовать землю на любых, самых кабальных условиях.

Исследование Е.Д. Фелицина о племенном составе жителей Кубанской области² показывает, что основную массу населения новых селений к 1885 году составляли карачаевцы, но наряду с этим жили в них и представители соседних народов, которые обычно так же попадали в разряд иногородних. Так, например, в Маре в 1885 году наряду с 168 семьями карачаевцев (981 человек) проживало 6 семей абазин (35 человек), 2 семьи кумыков (10 человек), 4 семьи ногайцев (22 человека), 5 семей сванов (названы эбзейцы - 32 человека) и т.д., всего не карачаевцев 36 семей (196 человек). В Хурзуке в 1891 году было только 16

¹ Кубанская справочная книжка 1891 г. Екатеринодар, 1891, С. 176-180.

² Е.Д. Фелицин. Числовые данные о горском и прочем мусульманском населении Кубанской области. // Сборник сведений о Кавказе, т. IX, Тифлис, 1885, С. 57-65.

иногородних, не имеющих оседлости, т.е. не постоянных жителей, в Карт-Джурте - 7 иногородних, имеющих оседлость, и 28 - не имеющих оседлости и т.д.¹

Никаких земельных переделов в селениях Старого Карачая не производилось, так как важнейшие в экономическом отношении земли находились уже не в общинном, а в частном владении.

По материалам Н. Петрусевича, уже в конце 60-х годов землевладение в Большом Карачае выглядело так:

54 наиболее богатым фамилиям принадлежало 26000 десятин самой лучшей земли,

73 средним фамилиям - 3300 десятин,

294 двора имели незначительные пахотные участки - сабаны,

451 семейство и 150 несемейных лиц совсем не имели земли.²

В дальнейшем, по мере развития товарно-денежных отношений в Карачае, земельное неравенство, а, следовательно, и расслоение крестьянства еще более возрастали. Происходило дробление и без того мизерных участков. Подворные участки - сабаны и биченлики - уменьшались при каждом разделе семей, при наследовании, в случае залога земли - бегенды и продажи ее в чужие руки.

В середине 90-х годов XIX века распределение земель в Карт-Джурте было следующим:

15 дворов Крымшамхаловых имели в среднем по 200 десятин,

4 двора Голаевых - по 150 десятин,

10 дворов Алиевых - по 80 десятин,

30 дворов Боташевых - по 50 десятин,

60 дворов Хубиевых - по 30 десятин,

150 дворов средних крестьян имели по 0,5 десятины,

около 400 дворов - жалкие клочки в несколько сотен, а иногда и десятков квадратных сажень.

В Учкулане „более 100 дымов, ничего, кроме крошечного плана, не имеющих, и около полусотни семей,

¹ Кубанская справочная книжка 1891 г., С. 176-180.

² М.В. Орлов. Ук. соч., с. 179.

у которых и сажень даже нет, так как их не на чем построить", - пишет Коваленский.¹

Уменьшились паевые наделы и в Малом Карачае. Так, если в момент образования Джегутинского села размер сабанов в нем был 3-4 десятины, а сенокосных наделных участков - 6-7 десятин на дым, то через пару десятков лет он уменьшился до 1-1,5 десятины пахотной земли и 3-4 десятины сенокоса.

Параллельно с обезземеливанием крестьянства шел процесс концентрации земельной собственности в руках зажиточной верхушки. Чтобы увеличить свои наделы, они прибегали к различным формам аренды, к покупке земли и насильственным захватам.

Так, лучшие земли в Маре принадлежали старшине Блимготову, в Тебердинской долине - Ожаю Байчорову и Бостанову, в Джегуте - Наны Хубиеву и т.д.

В руках этих лиц уравнительность переделов стала фикцией, так как облюбованные ими участки обычно исключались из переделов и фактически закреплялись за ними на много лет.

Единицей наделения землей была, как уже говорилось, семья, ведущая самостоятельное хозяйство или, как говорили тогда, дым. С дыма взимались и подати.

Для передела земли, как и для других важных и ответственных общественных дел, выбирали обычно старцев. Однако в пореформенный период все чаще решающим фактором на выборах были не нравственные качества человека, а его богатство. Захватив при переделе или каким-либо иным способом лишнюю землю, зажиточные крестьяне стремились удержать ее за собой длительное время, поэтому были заинтересованы в том, чтобы переделы земли производились как можно реже. Если первое время переделы производились через год или два, потом через 3-4, то в конце века землю делили обычно один раз в 9-17 лет и даже реже.

В Старом Карачае наделных земель не было. В общинной собственности оставались только летние

¹ ГАКК. Рапорт Коваленского, с. 46.

пастбища и леса. Эти земли и стали предметом захвата со стороны отдельных лиц. Мало того, что богатые скотоводы ежегодно захватывали в свои руки лучшую часть пастбищ, во второй половине XIX века они стремились уже закрепить за собой эти земли в постоянное пользование.

Н.Иваненков приводит случаи, когда самовольно захваченные общинные земли не только использовались для собственных надобностей, но и сдавались в аренду, давая захватчику большой барыш. „Захватчики не стесняются в проявлении своего произвола в отношении увеличения захватов и постоянно расширяют свои незаконные владения”, - пишет он.¹

Объектом постоянных поземельных споров были так же зимние пастбища и сенокосы, расположенные между течением рек Мары и Джегуты. По приговору карачаевского общества от 20 июля 1887 г. эти общественные земли были поделены на 80 участков, 34 из которых были представлены в пользование жителей Карт-Джурта (6991 десятина), 22 - Учкулана (5521 десятина), 17 - Хурзука (5212 десятин) и 7 участков жителям Дуута и Джазлыка (247 и 880 десятин).² Это были лучшие зимние пастбища Карачая: Тамчи, Гум-Баши, Тамгалы-Сырты, Батага Айры, Гошаях-Сырты, Джёгетей-Баши и другие.

Несмотря на то, что эти земли были даны обществам Большого Карачая в целом, они находились не в общинном пользовании всех аулов, а были предназначены для сдачи в аренду. Причем, чтобы не дробить участков, их сдавали с торгов целиком, так что арендовать их могли только богатые скотоводы. Преимущество давалось жителям Большого Карачая. Марийские и джегутинские скотоводы на торги допускались неохотно и, чтобы снять участки земли, должны были прибегать к субаренде. Это неравноправие во владении землями вызвало острое недовольство, которое доходило часто до открытых столкновений. Так, в статье „Карачай” Люсина говорилось, что „между центром, с одной стороны, и периферией, с

¹ Н. Иваненков. Ук. соч., с. 37-38.

² Письменные заявления карачаевского народа.

другой, установились антагонистические отношения, вытекающие из неравномерного распределения между ними земли и леса..."¹ А подполковник Корольков писал об „открытой вражде между селениями”,² вызванной несправедливым распределением земли. Таким образом, уравнильно-передельная община оказалась небольшим препятствием к неравномерному распределению земли, концентрации ее в руках сельской верхушки и обезземеливанию основной массы крестьянства.

Одним из моментов, разлагающим общинные отношения и сводящим на нет ее землераспределительные функции, была аренда земли.

2. АРЕНДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Вряд ли была на Кавказе еще одна область, где арендные отношения играли такую большую роль, как в Карачае.

Крохотные участки надельной земли не могли обеспечить крестьянского хозяйства ни пашней, ни сенокосом. Даже средние по своей зажиточности хозяйства, не говоря уже о богатых скотоводах, вынуждены были прибегать к аренде земли, чтобы обеспечить свой скот кормами. Роль надельного землевладения в общем земельном бюджете Карачая с каждым годом все уменьшалась, и действительное землепользование все менее соответствовало надельному.

Острое малоземелье и неравенство в распределении земельных угодий вынуждали карачаевцев арендовать земли под зимние пастбища и сенокосы и у казны, и у соседних казачьих станиц, и у отдельных жителей этих станиц, и у своих соаульчан, владевших сотнями десятин, и, наконец, общественные земли, сдаваемые с торгов в аренду.

¹ Люсин. Карачай. // *Северный Кавказ*, 1888, № 43.

² Корольков. *Военно-статистическое обозрение Кубанской области*. Тифлис, 1900, С. 193.

Достаточно сказать, что в конце XIX-начале XX века карачаевцы уплачивали за аренду казенных и частных земель колоссальную по тому времени сумму - 791781 рубль в год,¹ в том числе: жители Карт-Джурта - 156154 рубля, Хурзука - 289130 рублей, Учкулана - 221.930 рублей, Дуута - 18000 рублей, Джазлыка - 17000 рублей, Теберды - 21420 рублей, Каменноостского - 7683 рубля, Мары - 15238 рублей, Джегуты - 39270 рублей.

По данным Г. Чурсина, на своих землях карачаевцы едва могли прокормить одну десятую часть своего скота. Почти все карачаевцы-скотоводы арендовали земли под зимние пастбища, многие и под летние, а некоторые хозяйства снимали, кроме того, участки отавы на осенний период, куда перегоняли скот с летних пастбищ на сентябрь-октябрь. Зимние пастбища - кышлыки приберегали для более холодного времени года.² Эта тройная аренда земли буквально разоряла карачаевских крестьян.

Наиболее распространенным видом аренды была аренда казенных земель. Карачаевский народ, замкнутый царским командованием среди высоких гор, безжизненных ледников и скал, не мог существовать без аренды земли на стороне.

По данным Петрусевича, уже в 60-е годы XIX века у карачаевцев на арендованных землях находилось до 300 кошей.³

Пользуясь нуждой карачаевцев, казачье правление, у которого арендовали карачаевцы землю, ставило им самые жесткие условия, превышая в 2-3, а иногда и в 5 раз установленные арендные цены. В арендных отношениях царила неразбериха. Часто один и тот же участок сдавался нескольким лицам или за один участок взимали плату и в правлении и объездчик на месте.

Очень неудобна была существовавшая краткосрочность аренды - земли сдавались только на один

¹ Труды комиссии... С. 32.

² ГАКК. Рапорт Коваленского, с. 56.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 235, л. 43.

год. Карачаевцы не раз просили об удлинении сроков аренды. Сняв землю на несколько лет, арендатор мог бы построить на ней постоянное помещение для скота и пастухов, произвести различные хозяйственные улучшения и постройки. Но „в условиях отдачи в наем казенных земель именно сказано, что земля отдается в аренду только на один год".¹ Причем, у арендатора было очень мало шансов снять эту землю и на следующий год. Недаром карачаевцы просили „об отдаче им в арендное содержание на продолжительное время (лет на 10 или более) казенных земель кабардинского округа", чтобы они могли надеяться, „что их с нанимаемых участков не будут ежегодно снимать, как это может случиться при отдаче земли с торгов".²

Мало того, сняв участок земли, карачаевцы лишены были права пользоваться не только лесом, но даже кустарником, растущим на этой земле. Им не из чего было строить кош и нечем топить очаг. А те, кто все же строил кош, должны были после окончания срока аренды передать их в казну без всякого вознаграждения.³

Естественно, что при таких условиях аренда казенных земель была тормозом прогресса хозяйства, она допускала только экстенсивное скотоводство без малейших хозяйственных улучшений.

Казенные и общественные земли сдавались в аренду, как правило, с торгов. Торги были устные. Заранее объявляли, когда и где состоятся торги, какое количество земли сдается в аренду, каковы условия аренды и первоначальная цена, с которой начнутся торги. Торги карачаевских общественных земель производились обычно в Учкулане.

В торгах могли принимать участие только крупные скотоводы, так как земля сдавалась большими участками, стоившими сотни, иногда даже тысячи рублей. Естественно, что бедноте не под силу была такая аренда. А если иногда беднякам и удавалось участвовать в торгах, то

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 130, л. 1.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 235, л. 39.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 235, л. 50.

все равно более зажиточные перебивали у них сдаваемые в аренду участки, так как они могли предложить более высокую плату.¹ Поэтому такое большое распространение получила в Карачае субаренда - пересдача арендованных земель мелкими участками или аренда земли товариществами.

Так, участок казенных земель был взят с торгов в аренду за 1245 рублей Магометом Наурузовым, который пересдал затем этот участок товариществу карачаевцев. Участники этого товарищества Ожай и Джамбулат Байчоровы и Кутча Айбазов, сняв землю у Магомета Наурузова, не стали использовать ее для своего хозяйства, а в свою очередь стали сдавать в аренду мелким арендаторам,² разделив его предварительно на небольшие участки.

Каждый из переарендаторов повышал плату на землю, чтобы извлечь для себя выгоду из этих земельных спекуляций. Поэтому мелким арендаторам приходилось платить двойную или даже тройную плату за свои кусочки земли.

Земельные спекуляции получили в горских округах Кубанской области такое широкое распространение, что даже кавказская администрация вынуждена была обратить на это внимание. Помощник начальника Кубанской области полковник Дукмасов доносил начальнику области: „Многие частные лица арендуют казенные земли по установленной начальством цене не для собственной надобности, а для прибыльного торга ими, причем цены весьма сильно повышают. Горцы, жалуясь на это, говорят, что с них многие требовали в три и даже более раза дороже, нежели почем нанимали эти земли от правительства".³ Однако, осудив эти земельные спекуляции на словах, Кавказская администрация на деле не принимала никаких мер борьбы против них.

¹ Н. Иваненков. Ук. соч., с. 40.

² ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 235, л. 43.

³ ГА А, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 115, л. 1.

Широко арендовали карачаевцы также земли у соседних казачьих станиц. Пожалуй не было ни одной станицы в окружности Карачая, где бы они не арендовали землю. Причем, по словам Петрусевича, карачаевцы вынуждены „ежегодно идти далее и далее для найма свободных земель“.¹ Уже в 60-е годы карачаевцы арендовали землю у станиц: Боргустанской, Ессентукской, Бекешевской, Суворовской, Баталпашинской, Усть-Джегутинской, Верхне-Николаевской, Кардоникской, Зеленчукской и Исправной.²

Кроме юртовых земель снимали землю и у отдельных богатых казаков, владевших большими участками. Так, например, Джамбулат, Чубур, Бачай и Ожай Байчоровы вместе с Исхаком и Магометом Салпагаровыми арендовали землю в 60-е годы XIX века у казака ст. Боргустанской Сергея Пискина.³ Старик Узденов Абул-Керим рассказывал, что он в течение ряда лет арендовал сенокосы у казака Усть-Джегутинской станицы Власа Третьяченкова, который имел такие тесные связи с карачаевцами, что выучил карачаевский язык.⁴

По р. Теберде большой земельный участок принадлежал русскому землевладельцу Николенко, купившему его у наследников князя Андроникова. Николенко охотно сдавал земли в аренду жителям Нижней и Верхней Теберды. Но так как он предпочитал сдавать большими участками, то снимали у него обычно богатые люди, а потом пересдавали в аренду мелкими участками бедным крестьянам за повышенную плату.

При аренде, как у казаков, так и у своих односельчан, богатые снимали за денежную плату, а бедные - за отработки или плату натурой. Так, джегутинцы брали у станичников землю за половину урожая гречихи или кукурузы.

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, ед. хр. 235, л. 43.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 194, л. 43.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 206, л. 1.

⁴ Полевой материал 1960 г. с. Джегута.

Денежная форма аренды была значительно выгоднее, чем *испольщина*. Поэтому всякий сколько-нибудь обеспеченный крестьянин старался арендовать землю за денежную плату, и только самые бедные были вынуждены идти на *испольщину*. Но чем дальше шло в Карачае расслоение, тем больше было бедняков, вынужденных прибегать к *испольщине*.

Аренда земли *исполу* называлась по-карачаевски *ортак*, тем же термином, как *испольный* выпас скота. В работах Абрамовской комиссии указано, что аренда земли под видом „*ортак*“ началась в Карачае с эпохи отмены крепостного права на Кавказе и продолжает прогрессировать и в начале XX века. Арендовав на условиях *испольщины* или *ортака* участок земли, крестьянин должен был сам обработать его, засеять своими семенами, убрать хлеб, обмолотить и после этого поделить урожай пополам, отдав владельцу участка половину зерна и соломы.

При аренде сенокосных участков сено делили или пополам (один стог владельцу, второй - арендатору) или на 3 части. Арендатор получал только треть собранного сена, владелец земли 2/3. Иногда в такой же пропорции делили и хлеб,¹ но такие тяжелые условия аренды были исключением. Пахотные земли обычно сдавались *исполу*.

Особенно охотно сдавали землю на условиях *испольщины* бывшие владельцы, которые после реформы лишились даровых рабочих рук, но сохранили свои *латифундии*. Для них аренда, особенно *испольная*, была удобной формой продолжения обработок.

Этим кабальным видом аренды особенно широко пользовались Крымшамхаловы. Так наследники Хаджи Мурзы Крымшамхалова имели по р. Эльтаркачу больше тысячи десятин земель, годных и для посевов и для сенокоса. Многие бедняки Джегутинского села работали на этих землях, получая в лучшем случае половину урожая и сена с арендованных участков, а иногда и одну треть.

¹ Полевой материал, 1960, с. В Мара, Турклиев Мусса.

Сохранился подлинный документ - арендный договор между Мурзакулом Крымшамхаловым и жителем Учкулана Аубекиром Кубаевым. Кубаев арендовал кышлыки Индиш-Баши и Герий Ельген, принадлежащие Мурзакулу и Басхануку Крымшамхаловым, за 400 рублей в год. Так как речь шла о фамильных землях „ата джер", а не о пожалованных в индивидуальную собственность, в договоре содержится специальный пункт, по которому М. Крымшамхалов обязуется „устранить причины, именно претензии со стороны брата Басханука Крымшамхалова и со стороны карачаевского общества, могущие препятствовать Аубекиру Кубаеву использовать вышеуказанные кышлыки".¹

Старшина Учкулана Султан Алботов арендовал до 90 десятин земли в Терской области, платя в год до 1000 рублей арендной платы. Давлет Гирей Байрамкулов арендовал казенные земли по Марухе.² Арендованную землю они использовали или для субаренды или для заготовки на ней сена для своего многочисленного скота при помощи наемных батраков. Это была уже предпринимательская аренда.

Наряду с арендой земли, новые богачи - кулачество все шире прибегало к покупке земли. Так, когда-то небогатые уздени Байчоровы, почти не имевшие наследственных сенокосов и кышлыков, к концу XIX века собрали в своих руках огромные массивы земель - от Мары до Кисловодска.³ Значительная часть этих земель эксплуатировалась путем сдачи в аренду, преимущественно натуральную. „Арендную плату кулак получает редко деньгами: арендуемый обыкновенно дает ему 1/5 или 1/4 жатвы и обязуется пасти его скот, причем получает в виде подарка десятую часть приплода от рогатого скота. Весь труд карачаевского кулака состоит только в контроле

¹ Документ подарен автору сыном арендатора Кубаевым Магомедом. (с. Учкулан)

² ГАКК. Рапорт Коваленского. С. 46.

³ Полевой материал, 1960, с. Джезгута, Узденов Абул-Керим.

работающих на него и в продаже лишнего скота",¹ - писал В.Я. Тепцов.

Таким образом, карачаевские кулаки, с одной стороны, сами арендовали землю, чтобы расширить свое хозяйство, а, с другой стороны, сдавали небольшие участки земли безземельным крестьянам.

Сдача в аренду надельной земли была в Карачае нечастым явлением. Размер наделов был очень невелик, а скотоводство требовало значительно большего количества земли, чем земледельческое хозяйство. Крестьянам редко хватало пая для своего небольшого хозяйства.

Но были и такие случаи, когда совсем бедный крестьянин, не имея скота, семян и денег, а иногда вдова или старец, не имеющие в семье рабочих рук, отдавали свой земельный пай в аренду. Надельные земли сдавали в аренду обычно не за деньги, а за часть урожая. Сенокосы сдавали за часть сена, пахотные земли - за часть собранного хлеба. Сдача в аренду пахотных участков практиковалась иногда в Джегуте, имевшем больше пахотных земель, чем горные селения.

Аренда надельной земли была очень выгодна для кулаков, и они всячески стремились принудить крестьян к сдаче своих паевых наделов. Так, если бедняк приходил к богатому соседу с просьбой одолжить денег, тот ссужал ему требуемую сумму, но при этом кулаки „выговаривали себе гарантию в виде аренды будущего паевого надела, в чем брали с бедняков расписку".²

Цены на землю, продажные и арендные, не оставались неизменными. В 60-е годы, когда казачья колонизация Закубанья не была еще завершена, а крестьянская и капиталистическая колонизация только началась, масса земель оставалась свободной. Экспроприированные горские земли раздавались царской военщине и администрации, а также представителям горской знати. Казенные земли сдавались в аренду всем желающим. В этот период и продажа и арендные цены были невысоки.

¹ В. Я. Тепцов. Ук. соч., С. 98-99.

² ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 943, л. 79-81.

Казенные земли сдавались по 10 копеек за десятину или по количеству голов скота, который пастся на ней.

Но чем больше распространял российский капитализм сферу своего господства на новые территории, т.е. чем больше развивался вширь, тем больше втягивались в товарный оборот земли Кавказа. Наряду с крупными фермерскими земельными хозяйствами в Кубанской области все больше развивалось товарное скотоводство, а, следовательно, возрастала нужда и в сенокосах и горных пастбищах. Все это приводило к тому, что цены на землю резко возросли.

Процесс этот коснулся и Карачая. Если в 60-е годы все свободные земли Эльберусского округа (а их до основания новых поселений было значительно больше, чем в конце века), сдавались в аренду за 5600 рублей,¹ то в конце XIX века одни Джегутинские сенокосы приносили арендной платы более 9 тысяч рублей в год.² Еще быстрее возрастали цены на частные участки и арендная плата за них.

Еще дороже была земля внутри селений Большого Карачая. Средняя цена пахотных земель к концу XIX века - началу XX века была от 1200 до 2400 рублей десятина, пойменных лугов - от 1400 до 3000 рублей.³

Дороговизна земли и тяжелые условия аренды способствовали тому, что в пореформенный период еще большее распространение получили кошевые товарищества - кош-нёгерлик - объединения для совместного выпаса скота.

Заметим также, что в связи с распространением краткосрочной, денежной аренды в пореформенный период бегенда - бессрочный залог земли - играла уже меньшую роль. Малоземелье делало землю самым дорогим залогом в Карачае. Богатые люди охотно давали крестьянам в долг и скот и деньги под залог земли. Вместо процентов на данную в залог сумму кредитор получал право пользоваться урожаем или сеном с заложенного участка до

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 143, л. 2

² Н. Иваненков. Ук. соч., С. 35.

³ Труды комиссии... С. 20-21.

тех пор, пока должник не вернет долга. Если же долг во время не был возвращен, то заимодавец, мог оставить себе землю навсегда. Таким образом, бегенда была одним из средств, при помощи которого богачи могли за грошовую цену присвоить себе земли бедноты. Заимодавец имел право запретить покупку заложенного участка и этим лишить бедняка возможности вернуть долг из денег, полученных от продажи. Закладывали же землю значительно ниже ее стоимости. Так, И. Иваненков приводит примеры бегенды, которая изредка встречалась и в конце XIX века. Например, Керты Биджиев имел 3 участка покоса за отданные кому-то 200 рублей; Локман Коркмазов заложил один сабан Джумарыку Хубиеву; Хаджи-Хусейн Семенов заложил за 70 рублей сабан мерою в одну меру. Но Н. Иваненков тут подчеркивает, что со слов доверенных „такого рода сделки в настоящее время не существуют, вытесненные, под влиянием русских понятий, простою срочною арендою земли, так как хозяева пахотных и сенокосных земель имеют возможность при нужде добыть денежные средства и не рисковать потерять навсегда землю”.¹

Разнообразие форм арендных отношений в Карачае - крепостническая испольщина, бегенда, продовольственная аренда и сдача наделных участков, предпринимательская капиталистическая аренда и субаренда - было отражением тех сложных и пестрых социальных отношений, которые сложились в Карачае в пореформенную эпоху.

¹ Н. Иваненков. Ук. соч., С. 44.

Глава X. ПРОНИКНОВЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ КАРАЧАЯ

Еще ярче, чем в земельном неравенстве, расслоение крестьянства проявлялось в распределении скота. Исследователи Карачая Г. Чурсин, Н. Иваненков, В.Я. Сысоев и др. неоднократно подчеркивали, „что количество скота распределяется между населением крайне неравномерно“, „очень и очень неравномерно“¹ и т.д. Н. Иваненков приводит в качестве примера материал по Учкулану. В нем 9 % владели свыше 500 голов, 27 % - до 100 голов, 11 % - от 1 до 10 голов, а 12 % не имели совсем никакого скота. Последние две группы не могли прокормить своих семей, и вынуждены были продавать свой труд - идти батрачить к богачам.

Резкое имущественное неравенство карачаевского крестьянства вынуждена была признать и правительственная Абрамовская комиссия: „Количество скота между дворовыми хозяйствами, как это выяснилось из подворных записей, распределяется крайне неравномерно: встречаюся дворы, имеющие от 2500 до 20 овец, но в общем 40 % дворов не имеют овец; рогатого скота - от 500 до 1 голов, а 3 % дворов не имеют вовсе рогатого скота; лошадей - от 350 до 1 лошади, а 20 % дворов безлошадных.“²

Расслоение карачаевского крестьянства и выделение кулацкой верхушки было подмечено и ярко охарактеризовано В.Я. Тепцовым еще в начале 90-х годов XIX века. „Общество уже раскололось на два враждебных лагеря“, - пишет он. Выделившуюся новую верхушку он называет „новаками“, тяготеющими „к тому течению, которое, как язва, проникло и у нас, на святой Руси, в деревню, разлагая своей заразою все лучшее, что оставила

¹ Н. Иваненков. Ук. соч., С. 61.

² Труды Абрамовской комиссии... С. 30.

нам старина, „новаки“, словом, напоминают наших деревенских пиявок - кулаков”.¹

Люсин в статье, помещенной в газете „Северный Кавказ“ в 1888 г. безапелляционно утверждал, что буржуазного элемента в Карачае не существует. Сословные отношения патриархальны и выражаются в одеревенелых формах и приемах восточного, своеобразного этикета.²

Такая характеристика карачаевского общества пореформенного периода совершенно не отражает тех сложных и мучительных для народа процессов имущественного расслоения, распада общины, выделения сельской буржуазии, объединения и угнетения масс, которые происходили в Карачае.

Вот почему так ценно для нас описание В.Я. Тепцовым карачаевских кулаков: „Новак“ оставил пастушество, обратил большую половину своего имущества в капитал и живет на проценты с него. С обществом он еще не потерял связи, напротив, он присосался к нему подобно пиявке и сосет бедняка”.

Дальше В.Я. Тепцов перечисляет источники обогащения кулака: аренда, субаренда и другие земельные спекуляции, ростовщичество, эксплуатация арендаторов путем испольщины, торговля скотом. „Живет он барином, помещиком, у которого в кабале несколько бедняков”.³

Хозяйство кулаков носило товарный характер. Аренда и покупка земли были нужны им и для земельных спекуляций и для выпаса на ней многочисленных стад скота, выращиваемых специально для продажи. Лошади шли на ремонт кавалерии, крупный и мелкий рогатый скот - на ярмарки и базары Кубанской и Терской областей, а, частично, и в более отдаленные места, например, в Грузию и Абхазию.

Крупнейший скотовод Карачая Джамбулат Байчоров снабжал молоком и мясом все курорты Минводской группы. Но главным рынком сбыта его продукции служил

¹ В. Я. Тепцов. Указ, соч., С. 98.

² „Северный Кавказ“, 1888, № 43.

³ В. Я. Тепцов. Ук. соч., С. 99.

Кисловодск. Многие карачаевские богачи имели в Кисловодске свои дома и проводили там большую часть года. Байчоров снабжал курорт не только молоком и мясом, но и кумысом, который охотно пили приезжавшие больные. В хозяйстве Байчоровых имелись специально отобранные молочные кобылицы, которые систематически доились, и молоко их шло на приготовление кумыса.

Товарный характер скотоводства, связь хозяйства с рынком, широкое развитие арендных отношений были ростками новых, капиталистических отношений. В результате отмены крепостного права и в хозяйствах феодальных собственников земли, а еще больше кулаков, стали использоваться наемные рабочие - батраки.

Организация фермерского хозяйства с вольнонаемным трудом была менее выгодной для кулаков, чем использование старинных патриархальных пережитков в качестве формы эксплуатации. По официальным данным переписи 1897 года, только ничтожный процент хозяйств в карачаевских селах пользовался наемной рабочей силой и еще меньшее число хозяйств выделяло батраков. Так, в самом многочисленном селе Учкулане из 852 семей (5825 чел.) только 12 семей ¹имели наемных рабочих, из них 6 семей коренных и 6 иногородних, очевидно, ремесленников или торговцев.

В Карт-Джурте 5 семей пользовались наемной рабочей силой (2 семьи коренные и 3 иногородние, названные в таблице посторонними). В Дууте - указана только одна семья, в Джазлыке - ни одной, в Сентинском - 2. Еще меньше семей названо в графе „из скольких семей нанимаются в батраки": в Учкулане из 7, Карт-Джурте - 8, Сектах - 1.

Подытоживая материалы переписи, Л.В. Македонов установил, что у казаков 12,5 % семей имели наемных рабочих, а у горцев только 2,4 %.²

Но эти официальные цифры не отражали реального положения вещей. Дело в том, что перепись отнесла к

¹ *Население Кубанской области...* С. 344-367.

² *Там же*, С. 551.

батракам только тех крестьян, которые совершенно лишены были своего хозяйства и жили продажей рабочей силы. Она не учла многочисленных случаев батрачества малоземельных и бедных скотом крестьян, которые хоть и имели свое небольшое хозяйство, но не могли прожить без постоянной или сезонной подработки на стороне. Архивные документы упоминают наемных работников и у биев Крымшамхаловых и у кулаков Блимготовых.¹

Отношения найма часто были завуалированы тем, что бедняки нанимались не к посторонним лицам, а к близким и дальним родственникам,² и не заключали никаких, даже словесных, договоров, т.к. это считалось родственной помощью.

Но даже работая у посторонних людей, карачаевские крестьяне в большинстве случаев получали плату не деньгами, а натурой - частью продуктами или правом пасти свой скот на земле хозяина, обрабатывать исполу участок его земли.³ Большинство наемных работников имело еще свое небольшое хозяйство, которое создавало видимость экономической самостоятельности. Найм прикрывался различными старинными институтами, которые, сохранив прежнюю форму, изменили свое содержание. Такими прикрытыми формами эксплуатации была испольщина - ортакъ, кошевые товарищества - кьош-нёгерлик, усыновление - аталычество, работа у родственников и т.д.

Натуральная оплата труда батраков маскировала нищенскую оценку его. Овечьего пастуха - кьой-джалчы - нанимали обычно на 5 лет, расплачиваясь по истечению этого срока частью скота, за которым ухаживал пастух. Айтек Батчаев к своей статье „Карачай за 15 лет пролетарской диктатуры" приводит конкретные примеры того, на каких условиях в прошлом нанимались овечьи пастухи. Некий Харун Акманов работал батраком 15 лет „без единого выходного дня и при длине рабочего дня 18 и более часов" и получил в качестве платы 14 овец, то есть

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 3308.

² Н. Иваненков. Ук. соч., стр. 60.

³ В. Я. Тепцов. Ук. соч., стр. 99.

менее одной овцы за годовой труд (овца стоила 3-4 рубля), батрак Хаджиумар заработал за 5 лет 7 овец, Алисултан за 3 года - 5 овец.¹

Еще более низкой была оплата труда тех бедняков, которые вынуждены были наниматься в къарын-джалчы - батраки желудка, работавшие только „за харчи“. Денежную оплату получали только табунщики. За крупным рогатым скотом и овцами ухаживали, как правило, не нанятые батраки, а кошевые товарищи или лица, взявшие скот в ортак.

Использование ортака в Карачае в конце XIX - начале XX в. детально исследовано Е.Н. Студенецкой. Она рассматривает 3 основные формы ортака - кьошхан-ортакъ - ортак с прибавкой, кьошмаган-ортакъ - ортак без прибавки и чегем-ортак.

При первой форме ортака человек, берущий скот, должен был сам владеть некоторым количеством скота, который он добавлял к владельческому. Взяв в ортак скот, обычно овец, крестьянин должен был в течение 5 лет ухаживать за ним, кормить, перегонять весной на летние, а осенью на зимние пастбища, стричь и т.д. Он нес все связанные с этим труды и расходы и целиком отвечал за сохранность стада.

И за эти 5 лет непрерывного труда без отдыха и праздничных дней крестьянин получал при расчете половину скота, а при стрижке - половину шерсти овец. Фактически это была оплата труда не одного человека, а всей семьи, так как такие работы как покос, стрижка и уход за скотом выполняла вся семья крестьянина.²

Еще тяжелее были условия у тех крестьян, которые не имели своего скота и пасли только чужой. В этом случае крестьянин получал через 5 лет только третью часть скота (кьошмаган-ортакъ) или один приплод (чегем-ортакъ). Последняя форма ортака в Карачае в пореформенный период была менее распространенной.

¹ *Революция и горец*, 1932, № 10-12.

² Е. Н. Студенецкая. *Ортак - одна из форм эксплуатации в Карачае и Балкарий*. С. 211.

В ортак давали и коров, в виде исключения и лошадей, но наиболее частой формой ортака была отдача овец. Причем крупные хозяева старались раздавать свой скот как можно большему числу крестьян небольшими партиями. Это давало большую гарантию сохранности стада от падежа и других убытков.¹

Таким же завуалированным видом батрачества было участие в кошевых товариществах - кьош-негерлик. Как правило, такое товарищество было объединением не равноправных хозяев-скотоводов, а группировкой бедных мелких скотоводов вокруг богатого хозяина, который или имел свою землю или арендовал ее у казны и станичников. Бедняки, которых казак подбирал себе в кошевые товарищи, должны были за право участия в товариществе и пользование арендованной землей платить своим трудом.

Самый тяжелый вид батрачества - эксплуатация детского труда - прикрывалась обычаем усыновления - аталычеством. Богатая семья, имевшая много скота и недостаточно рабочих рук, брала в аталыки мальчика лет 6-7, который считался уже пригодным для пастьбы овец. Он жил в этой семье на правах аталыка, а фактически — батрака до 20 лет. После этого хозяин отпускал его назад к отцу и давал в качестве аталыкского подарка - аталыкь саугъа - телку и 2-х бычков. Это была плата за 13-14 лет работы подростка.

Отдавали детей в аталыки обычно многодетные крестьяне, у которых не было возможности самим вырастить своих сыновей, а тем более собрать калым для невесты.

Низкий процент распространения наемного труда у коренного населения Л.В. Македонов объясняет сравнительной устойчивостью хозяйства населения.² Но в данном случае это не соответствует действительности. Не устойчивостью хозяйства, а устойчивостью патриархально-родовых пережитков в быту карачаевцев объяснялись

¹ Е. Н. Студенецкая. Указ, соч., С. 211.

² Население Кубанской области... С. 553.

низкие цифры батрачества, завуалированностью отношений найма рабочей силы.

Фактически именно в батрачек превратились после отмены крепостного права все карауш - рабыни, не имевшие семьи и жившие при доме владельца. Так как в большинстве случаев это были не карачаевки, у них не было родственников, к которым они могли бы уйти после освобождения. Да и платить за свое освобождение им было нечем.

Не учитывала официальная статистика и такого распространенного в Карачае вида батрачества, как сезонное отходничество в станицы. Сфера применения наемного труда в самом Карачае была ограниченной, а количество бедняков, которых не могло прокормить их жалкое хозяйство, довольно велико. Поэтому летом, в горячую пору сенокоса, растекались карачаевцы по всем ближайшим, а иногда и дальним станицам в качестве косарей.

Не говоря уже о ближайших к Карачаю станицах - Кардоникской, Усть-Джегутинской, Верхне-Николаевской и др., не было буквально ни одного селения в Баталпашинском отделе, где бы ни работали во время сенокоса карачаевцы. Нанимались косари обычно не по одному, а целой артелью - джыйыном, со своим инвентарем, к зажиточным казакам или владельцам экономии. Условия найма в станицах были значительно более выгодными, чем в самом Карачае. В хороший год косарь мог заработать до 3 рублей за десятину, а при дружной работе опытных косарей на человека приходилось до десятины покоса.

Кроме денежной оплаты, косари получали и натуральное довольствие: муку, молоко, мясо. (Мясо выдавали из расчета 1 барана на питание 1 косаря в течение 10 дней). Больше всего косарей-поденщиков выделяли Мара, Каменноостское и Сенты. Жители этих селений постоянно нанимались на покос в станицах Зеленчукской, Кардоникской, Бекешевской.

Постоянными наемными работниками в станицах были карачаевские табунщики и, иногда, пастухи. Карачаевцы

считались очень хорошими табунщиками, так как многовековой опыт ухода за лошадьми выработал у них большую сноровку. Поэтому их особенно охотно брали табунщиками и в частные хозяйства и в общественные табуны. Из карачаевцев же пополнялись обычно кадры ямщиков общественных троек. В архивных документах пореформенного периода упоминаются многие случаи найма карачаевцев в станицы: Мусоса Каракотова и Батыра Лайпанова табунщиками в ст. Красногорской,¹ Лайпанова ямщиком в ст. Усть-Джегутинской и т.д.

Профессия табунщика была, пожалуй, единственным видом работы по найму в сельском хозяйстве, которая оплачивалась не натурой, а деньгами и составляла главное занятие работника. Нанимаясь табунщиком, карачаевский крестьянин порывал постоянно или временно со своим хозяйством и жил только продажей своей рабочей силы.

Отходничество в города центральной России в Карачае не получило большого распространения. Карачаевцы уходили на заработки на промышленные предприятия в Карачае и около его пределов: на Эльбрусский рудник, смоло-скипидарные, лесопильные и сыроваренные заводы, Хумаринские угольные шахты, где работали возчиками по транспортировке сырья и продукции, лесорубами и подсобными и, реже, основными рабочими. Многие из них не порвали окончательно с сельским хозяйством и рассматривали работу на производстве, как дополнительный источник дохода.

Наряду с этим в Карачае широко процветали кабальные формы эксплуатации, основанные на испольщине, отработках, ростовщичестве. В.Я.Тепцов писал о кулаках, эксплуатировавших бедноту: „Главное же его внимание обращено на капитал. Он ссужает нуждающихся деньгами за очень большие проценты и нередко натурой: скотом, хлебом и т.д.“²

Счет процентов до 70-х годов XIX в. велся исходя из приплода скота. Это давало кредитору возможность в

¹ ГАКК, ф. 454, оп. I, ед. хр. 265, л. 101.

² В. Я. Тепцов. Ук. соч., С. 99.

течение нескольких лет не только удвоить или утроить сумму данного долга, но получить с должника благодаря нарастающим процентам буквально удесятиренную сумму. Н. Петрусевиц в своем небольшом, но интересном исследовании „Заметка о карачаевских адатах по долговым обязательствам" приводит такие примеры: Исали Эркенов задолжал Хаджимат Долаевой тридцать копеек, а через 7 лет вынужден был заплатить ей по суду 3 коровы с телками, одну телушку-двухлетку и 2-х баранов с барашками.¹

Попыткой освободиться от гнета ростовщиков было решение общего схода карачаевского общества от 27 ноября 1869 г. Для борьбы с ростовщицеством сход постановил учредить ссудную кассу, „где всякий нуждающийся будет иметь возможность занять необходимую сумму под меньшие проценты".²

Условия получения денег из кассы были тоже нелегкими — займодавец должен был платить в кассу 9 % в год, а, в случае, если не сможет вернуть денег в срок, аульный суд мог продать часть его имущества и т.д. Но и эти условия казались льготными по сравнению с алчностью ростовщиков. Заведующим кассой был назначен эфенди Учкулана Токмак Акбаев.

Однако касса не могла удовлетворить всех желающих. Капитал ее едва достигал 3-х тысяч рублей, ссуды давались мелкими суммами: лично заведующим кассой до 10 рублей, по решению аульного суда - до 30 рублей и, в самом крайнем случае, по решению окружного суда - до 50 рублей.³ Между тем развитие товарно-денежных отношений и медленное мучительное превращение натурального хозяйства карачаевских крестьян в мелкотоварное требовали денег, которых у крестьян не было. Деньгами надо было платить государственные налоги и общественные подати, за деньги арендовать недостающие земли, покупать рыночные изделия и т.д. Все

¹ Н. Петрусевиц. Заметка о карачаевских адатах... С. 51.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 182, л. 9.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 182, л. 10.

это вынуждало карачаевских крестьян все чаще обращаться к ростовщику. Поэтому безрезультатными были попытки общества бороться с ростовщичеством путем сельских приговоров и жалкой ссудой кассы.

Ростовщичество продолжало процветать. Оно приняло такие большие размеры, что даже кавказская администрация вынуждена была обратить на это внимание.¹ Однако местная администрация не только не преследовала ростовщиков, но даже защищала их, тем более, что сельские кулаки и ростовщики в большинстве случаев сами входили в состав администрации.

В этом отношении очень показательным делом старшины с. Хурзук Ахмата Байрамукова, возбужденное в 1895-96 гг. Будучи старшиной, Байрамуков провел в жизнь целый ряд прогрессивных преобразований, ввел подходящее распределение налогов, построил школу и новое здание правления. Но и такой казался бы прогрессивный деятель не брезговал ростовщичеством. Он открыто объявил на сходе перед обществом, „что может давать в кредит деньги, но лишь под процент, в месяц на 10 рублей - 1 рубль, т.е. на 100 рублей - 120 рублей в год".² Ростовщические спекуляции старшины были так велики, что он нанял специального человека, который за 15 рублей занимался финансовыми делами Байрамукова и ведал раздачей в долг денег.

В течение сравнительно небольшого срока Байрамуков „успел уже запутать в свои сети почти весь наш мало-мальский небогатый аул", - писали жители села атаману отдела. „Давая им под такие проценты деньги, он закабляет их в неоплатные должники или же заставляет в конец разоряться небогатого обывателя". Так, Бага Бутаева заняла 40 руб., долго не могла вернуть долга. Проценты выросли так, что только за них Байрамуков отобрал у нее лошадь, купленную за 70 рублей.³

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 4, ед. хр. 116, л. 9.

² ГАКК, ф. 454, оп. 4, ед. хр. 116, л. 9-10.

³ Там же.

Но напрасно ждали жители Хурзука помощи от атамана отдела Браткова. Он целиком и полностью взял старшину под свою защиту. Ростовщичество даже с таким необычайно высоким процентом, как 120 % годовых, он считал обычным явлением и ссылался на то, что „так поступают все состоятельные горцы в Карачае“, что 120 % годовых „не тяжелые сравнительно условия“.¹ Вот так велась „борьба“ в Карачае с ростовщичеством. В том же Хурзуке ростовщичеством занимался Кази Магомет Кубанов и др.

А в Дууте были свои ростовщики - Абайхановы. Они сконцентрировали в своих руках значительную часть земель, имели огромные стада, за которыми ухаживали бедные односельчане, нанятые в батраки, или опутанные ростовщическими процентами. Абайхановы широко практиковали ростовщические операции, заставляя должников работать на себя. Батракам, особенно косарям в период покоса, платили натурой,² т.к. такая плата была значительно ниже денежной.

Сочетание в одном лице сельского старшины, кулака и ростовщика было обычным для Карачая явлением. В старшины избирали обычно наиболее богатых людей, а став старшиной, они использовали свое положение для дальнейшего обогащения.

Первые годы после реформ, когда кулачество только зарождалось, в администрацию избирали обычно представителей старой феодальной знати. Так, в Карт-Джурте старшинами были Абдурзак Крымшамхалов, после него брат его Асланбек. Но чем дальше шло расслоение карачаевского крестьянства, чем больше богатств скапливалось в руках новой верхушки, тем большей становилась их роль и в политической жизни.

К концу пореформенного периода не только среди бывших узденей, но и среди кулов появились лица, не уступавшие по своему богатству биям. Не говоря уже о Байчоровых - первых богачах Карачая, богаче многих биев

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 4, ед. хр. 116, л. 91.

² Полевой материал 1960 С. Дуут (Кипкеева Х.)

стали Боташевы, Текеевы и др. Из среды простого народа вышли такие крупные богачи и скотоводы, как Динаевы, Блимготовы и др.

Положение человека в обществе все более определялось не тем, в какое сословие он прежде входил, а тем, каково было его экономическое положение. Разрушалась былая замкнутость сословий. Разбогатевшие уздени и кулы роднились не только между собой, но и с представителями бийских фамилий, которые прежде считали такие браки унижительными для себя.

В пореформенную эпоху часть биев старалась перестроить свое хозяйство на капиталистический путь. Ислам Крымшамхалов решил организовать на территории Тебердинского курорта образцовое молочное хозяйство. Для того, чтобы организовать ферму по последнему слову экономической науки конца XIX в. Крымшамхалов ознакомился со специальной литературой и лично посетил несколько образцовых молочных хозяйств центральной России: образцовую ферму А. Герпа в Смоленской губернии, молочную школу Верещагина в с. Ефимовка Тверской губернии, отдел молочного хозяйства и скотоводства Нижегородской выставки.¹

В январе 1895 г. он подал прошение в Управление государственными имуществами на предмет предоставления ему на льготных условиях участка казенной земли под ферму. Купив племенных производителей, Крымшамхалов рассчитывал улучшить этим породность скота, увеличить удойность коров и организовать на ферме маслодельное и сыроваренное производство.

„Варю 2 года, хотя в небольшом размере, бакштейн и расходуется нарасхват, умею готовить разных сортов масло; имею сепаратор Альфа беби, большого калибра; один год держал сыровара из школы Н. Верещагина - С. Морозова. Имею сочинения по отрасли молочного хозяйства и

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 946, л. 7-12.

скотоводства д-ра фон Кранца, Бусса, Зеттегаста и Флейшмана"¹ - писал он в своем прошении.

Несколькими годами позже братья Ислама Крымшамхалова построили там же, в районе Тебердинских дач, лесопилку, работавшую на водяной турбине и небольшую электростанцию - первую в Карачае.²

Этот процесс стирания старых сословных граней и замены их новым классовым делением общества тормозился консервативно-охранительной политикой царизма. Главным из мероприятий правительства по консервации феодальных отношений было сохранение феодального землевладения. Так как преимущественные права на землю оставались у лиц княжеских фамилий, сословный вопрос в Карачае, как и в других местах Северного Кавказа, сохранил свою остроту не только в XIX, но и в начале XX века.

В течение многих лет работала созданная в 1869 г. Комиссия для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей. Целью ее было установление того, какие горские сословия могли быть причислены к дворянству.

На основании опроса населения, комиссия пришла к выводу, что в Карачае высшим сословием были бии, к которым относились члены 3-х фамилий: Крымшамхаловых, Карабашевых и Дудовых - всего в 1874 году 93 человека, и разновидность этого сословия - чанка - 40 человек.³

Материалы Комиссии были представлены начальнику Кубанской области, который не согласился с ее доводами. Департамент главного управления наместника не принял в свою очередь, заключения начальника области. И много лет до самой Октябрьской революции, тянулась бюрократическая переписка по поводу феодальных сословий, в то время как ход исторического развития все более властно ломал старые сословные перегородки,

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 946, л. 7-12.

² Полевой материал 1961 г. К. Теберда.

³ Записка Канцелярии главноначальствующего гражданского частую на Кавказе "О правах высших горских сословий в Кубанской и Терской областях" С. 84.

требовал разрушения феодальных пут, мешавших
дальнейшему прогрессу общества.

Глава XI. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КАРАЧАЕВЦЕВ В ТУРЦИЮ

Русско-турецкая война 1877-78 гг. заметно ухудшила положение народа. Несмотря на то, что карачаевцы, как и другие народы Кавказа, были освобождены от воинской повинности, часть мужчин была мобилизована в армию под видом добровольцев и отправлена на фронт. Последовавшая за этим необычайно суровая зима и бураны разорили хозяйство.

Колониальная политика царизма накладывала новые цепи на горские народы, разоряла их налогами и поборами, опутывала круговой порукой, ставила в неравноправное положение, тормозила их развитие.

Крестьяне, недовольные и колониальным гнетом кавказской администрации и кабальными формами эксплуатации своих феодальных владельцев и кулаков, уходили в горы и становились абреками. Прячась в горных трущобах, они мстили своим обидчикам. Население относилось к абрекам сочувственно, снабжало их пищей, прятало от властей. Чаще всего абреками становились молодые люди, не обремененные семьей, более отважные и выносливые. Но бывали и такие случаи, что в горы уходили целые семьи, вместе с престарелыми родителями и малолетними детьми.

Кавказская администрация посылала на борьбу с абречеством большие военные силы. Карательные экспедиции прочесывали горные леса и ущелья, запугивали население аулов, помогавших абрекам, облагали их штрафами и поборами. Как ни старалось командование готовить операции против абреков в глубокой тайне, ловкие лазутчики-горцы всегда узнавали о них и предупреждали своих товарищей, скрывавшихся в глухих лесистых ущельях, среди огромных скал и нехоженных троп.

В неприступных горах Карачая находили приют беглецы не только из карачаевского общества, но и из соседних округов Кубанской области. Там скрывались в конце 60-х годов абазины и кабардинцы Кувинского аула Зеленчукского округа: Юсуф Шоов, Кучук Боташев, Д.

Агба и др.¹ Полковник Дукмасов, помощник начальника Кубанской области, сам неоднократно приезжал в Карачай, чтобы руководить „делом о поимке абреков“.²

Наряду с карательными экспедициями, кавказская администрация часто прибегала к переговорам с абреками. Изредка переговоры приводили к мирному решению конфликтов. Так, после переговоров с начальником Эльборусского округа Петрусевичем вышли из гор и поселились в Джегутинском селе абреки братья Суюнчевы.

В 80-е годы абречество уже не носило такого массового характера, как в 60-е гг. Так, уход в абреки Канамата, ссылка его в Сибирь, бегство и убийство Г. Чурсин датирует серединой 80-х годов XIX века.³

О наиболее смелых и справедливых абреках сложены песни, воспевавшие их удаль и клеймящие предателей и несправедливый царский суд. Таковы песни о Канамате, Бараке, Наурузе Лепшокове и других.

В этих песнях нашло отражение недовольство народа тяжелым экономическим положением и политическим бесправием, мечты о лучшей свободной жизни:

„Ах, увидеть бы жизнь свободную,

Вырвавшись из-под насилия царя.

Ах, увидеть бы нам жизнь с законом,

Либо с правым судом“,

мечтал герой народной песни Канамат.⁴

Мечты народа найти счастливую жизнь за морем также казались неосуществимыми. Переселение части кавказских народов в единовенную Турцию принесло тогда народу только новые страдания и тяжкую жизнь на чужбине.

Кампанию в Карачае за переселение в Турцию в 70-х годах XIX века возглавил эфенди Магомет Хубиев, связанный еще в 50-х годах с наибом Шамиля Магомет-Амином. Тогда карачаевцам пришлось заплатить 20 тысяч

¹ ГАКК. ф. 452, оп. 2, ед. хр. 49, л. 79-80.

² ГАКК. ф. 452, оп. 2, ед. хр. 49, л. 21.

³ „Кавказ“, 1901. № 270.

⁴ А. И. Караева „О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа“, Черкесск, 1961 г. С. 37.

рублей контрибуции.¹ Сам эфенди был долгое время в опале, жил в Абхазии, но потом получил прощение. Вернувшись на родину, он продолжал свою антирусскую деятельность, подбивая народ к переселению в Турцию.

Постоянные разговоры о переселении, петиции, сходы, сборы нарушали нормальную хозяйственную жизнь горцев. „В числе причин, вызывающих обеднение горцев, после малоземелья первое место занимает, по моему мнению, постоянное брожение мысли о переселении в Стамбул и неуверенность, вследствие этого, даже у наиболее склонных к труду горцев, в своем будущем и в том, не придется ли рано или поздно бросить все нажитое и идти вслед за своими односельчанами в Турцию”,² - писал в своем докладе правителю канцелярии начальника Кубанской области подъяесаул Филимонов, который в течение 5 лет занимал должность председательствующего в Баталпашинском горском суде и поэтому хорошо был знаком с условиями жизни карачаевцев, черкесов, абазин и ногайцев.

Население запугивалось солдатчиной и крещением. В 80-е годы у карачаевцев, черкесов и других народов Северного Кавказа было отобрано даже то куцее самоуправление и политические права, которые они получили в 60-70-х годах. Все управление Кубанской областью было военизировано и подчинено казачьей администрации. В этих условиях одно селение за другим подавало в 1887 году прошение о разрешении переселиться в Турцию. Сильнее всего провокационная деятельность подстрекателей была в Тебердинском ауле. В этот тревожный год кипели страсти и велись оживленные разговоры о переселении. Этому способствовала политика царской администрации, которая поставила условием переселения поголовное согласие всех жителей аула или, в крайнем случае, двух третей его. „Вследствие этого многие горцы, помимо личного своего желания, находились под давлением влиятельных фамилий или большинства и дабы

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 195, л. 8.

² ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 5299, л. 17.

не препятствовать остальным одноаульцам, вносят свои имена в списки изъявивших намерение переселиться в Турцию, тогда как при иных условиях они, вероятно, навсегда остались бы подданными России".¹

Правда, официально царская администрация в этот период не была заинтересована в выселении карачаевцев. Начальник области был очень обеспокоен тем, что с выселением карачаевцев, „занимаемая ими ныне горная местность может сделаться безлюдной ввиду того, что русское население едва ли будет в состоянии водвориться там по невозможности, вследствие неблагоприятных условий местности, обеспечивать себя материальными средствами существования".² Поэтому решено было всеми силами удержать „карачаевцев на ныне занимаемых ими местах".

После того, как в 1887 г. часть карачаевцев успела переселиться в Турцию, выселение было приостановлено в административном порядке.

Новая волна переселенческого движения охватила Карачай в первые годы XX века. Это было связано с обострением аграрного движения, борьбой за справедливый передел земли.

Главными приверженцами переселенческого движения 1902-1905 гг. были жители Тебердинского селения Рамазан Кипкеев, Туган Карабашев и Хаджи Осман Голаев. Все они были связаны с турецким правительством, неоднократно бывали в Стамбуле и получали оттуда не только директивы, но и средства. В секретном рапорте атамана Баталпашинского отдела указывалось: „Для большего же успеха Кипкеев, как побывавший несколько раз в Турции, тайно занялся сбором с населения денег на разъезды и наем адвоката по переселенческому делу, завербовав, таким образом, в свои руки около 340 дворов".³

Но в XIX веке агитация за переселение в Турцию не встречала уже такого горячего отклика, как в 80-е годы.

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 4, ед. хр. 330, л. 71.

² ГАКК, ф. 454, оп. 4, ед. хр. 330, л. 71.

³ ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 5302, л. 1.

Даже из тех трехсот семейств, которых удалось провокаторам склонить к переезду, многие вскоре раскаялись в своем согласии покинуть родину. Посыпались заявления и прошения с просьбой вычеркнуть их из списков переселенцев. „Это переселение даст мне и моей семье одно только разорение“,¹ - писал Башчи Эсеккуев. Еще подробнее излагал свою просьбу Токмак Айдаруков: „В 1902 г. в числе многих карачаевцев, мною был возбужден вопрос о переселении в пределы Турецкой империи. Мною ничто не руководило, а лишь не пожелал отстать от своих родственников, которые ехали туда. Между тем агитаторы Карабашев и Голаев, тогда же, внушили переселенцам распродать свои имущества и вследствие этого, многие, в том числе и я, совершенно лишились и не имеют даже куска хлеба и средства на переселение.

Поняв всю бесполезность и разорительность, а главное, любовь к родине и своим горам, я прошу Ваше превосходительство от переселения в Турцию отставить меня, ибо я в этом раскаиваюсь“.²

Многие из уехавших ходатайствовали о разрешении вернуться на родину. Тем, у кого были средства и оставались родственники на Кавказе, удалось это, и они принесли в Карачай правду о совсем не райской жизни в Турции: „Стамбул не здесь, а там“, призывая их не повторять ошибки. Так, вернулись из Турции в Карачай Зекерья Джаубаев с женой и сыном Али, Гаджи Исмаил Алчаков с семьей, Токмак Джаубаев с женой и сыновьями, Токмак Гаджаев с семьей, Мырземек Байрамкулов с семьей, Адильгерий Эсеккуев³ и многие другие. Переселение разорило их хозяйства, лишило их родины. Потребовалось длительное ходатайство, вплоть до поездки в Петербург для того, чтобы получить разрешение поселиться в родных краях.

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 5302, л. 183.

² Полевой материал 1958 г. А. Джага, Эбзеев Касбот, 114 лет.

³ ГАКК, ф. 583, оп. 1, ед. хр 1882, л. 11-12.

Глава XII. ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ НА КУЛЬТУРУ КАРАЧАЕВСКОГО НАРОДА

Кавказом и его народами еще в первой половине XIX в. интересовались лучшие люди России, классики русской литературы А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.С. Грибоедов, Л.Н. Толстой, ссыльные декабристы А. Бестужев-Марлинский, А.К. Якубович и др.

„...С легкой руки Пушкина, Кавказ сделался для русских заветною страню не только широкой, раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, страню кипучей жизни и смелых мечтаний! Муза Пушкина как бы освятила давно уже на деле существовавшее родство России с этим краем, купленным драгоценной кровью сынов ее и подвигами ее героев“, ¹ - писал В.Г. Белинский.

Один из ссыльных декабристов Константин Густавович Игельстром жил и трудился в ст. Баталпашинской, руководил постройкой Хумаринского укрепления и колесной дороги в Карачай. В течение многих лет после этого горцы называли эту дорогу „Игельстромовской“.²

В 50-х годах Кавказ посетил Л.Н. Толстой, который оставил в своем дневнике теплый отзыв о карачаевцах: „Карачай - нейтральный народ, живущий у подошвы Эльбруса, отличается своей верностью, красотой и храбростью“.³

Русские историки и археологи проявляли глубокий интерес к прошлому Карачая, обследовали уникальные памятники в верховьях Кубани и первых ее притоков, записывали старинные сказания и легенды. Так началось знакомство карачаевцев с представителями передовой русской культуры.

Но эти связи не касались широких масс карачаевского народа, пока рядом с карачаевцами не возникли русские

¹ В. Г. Белинский. *Собрание сочинений*. Том III. М., 1948, С. 438-439.

² *Декабристы. 86 портретов*. Изд. М. М. Зекзинова, Москва, 1906.

³ А. Прохоров. *На Кавказе. "Ленинское знамя"*, 1960, № 170.

станции и села. Между горцами и русскими завязались тысячи разнообразных связей: производственных и поземельных, торговых и политических, родственных и культурных. С этих пор, с конца 50-х годов XIX века, усилилось взаимодействие и взаимообогащение культур, начался исторический процесс сближения народов Карачая с русским народом.

1. ИЗМЕНЕНИЯ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Усиление экономических и культурно-бытовых связей карачаевцев с соседними народами внесло большие изменения в материальную культуру карачаевцев, обогатив ее новыми орудиями труда и культурами, более удобными постройками и мебелью, фабричной посудой, тканями и одеждой, большим разнообразием пищи. Музыкальная культура обогатилась новыми инструментами, быт - швейными машинками и т.д.

Выше уже рассказывалось о проникновении в горские селения русских фабричных орудий труда - усовершенствованных плугов, молотилок и других орудий. Заводские косы совершенно вытеснили обоюдоострую косу. Поселившиеся на равнине джегутинцы заменили горный плуг - каладжук - черкесским передковым плугом - черкес-агач.

Изменился и характер построек. В Джегуте дома строили уже не из сосновых бревен, как в Большом Карачае, а из камня, которого кругом было в избытке, а также турлучные дома,¹ аналогичные черкесским постройкам. Изменилась и форма крыши - вместо плоских, засыпанных землей поверхностей, стали строить покатые крыши, покрытые дранкой, а в богатых домах - жостью.

Наряду с этим в пореформенную эпоху появились дома русского типа, с печным отоплением, большими застекленными окнами, деревянным полом и потолком. По фасаду дома строили галерею, что было типичным для жилища кавказских горцев.

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 718, л. 1.

Первые дома русского типа возникли в Карачае в конце 60-х годов. Это были в основном общественные здания: правления, школы, фельдшерские пункты. В 1869 г. в Карт-Джурте было 4 дома русского типа, с печью, в Учкулане и в Хурзуке по 2 дома, в Дууте - 1. Всего в Эльборусском округе в этом году было 30 русских домов.

В 80-90-е годы такие дома стали строить и частные лица. В.Я. Тепцов так описывал в 90-е годы XIX в. дом карачаевского кулака: „Живет он уже не в сакле, а в доме русского стиля: с деревянной крышей, окаймленной резьбой, с расписными ставнями, с русской печью, выбеленными стенами и проч., - и дальше добавляет, - у него русский дом, но семейство его не покидает прилепившейся к дому старой темной сакли".¹

Старые традиции и привязанность пожилых людей и, особенно, женщин к очагу приводили к тому, что и в новых домах, построенных по русскому образцу, в одной комнате клали печь, а в другой сохранялся очаг. Комната с печкой так и называлась „печ", а с очагом по-прежнему - уллу юй. В старых аулах и сейчас можно видеть такие дома переходного типа, где над железной крышей высится с одной стороны дома труба, а с другой - дымарь.

Печи в домах клали из кирпича, с тремя оборотами, плитой и духовкой. В комнату с печью обычно помещали молодых и топили печь лишь изредка, а в уллу юй жили старики и ежедневно топили очаг. „Первобытный камин местами уступил место русской печке", - писал Ган в газете „Кавказ" за 1893 г., отмечая наличие к этому времени значительного количества домов с высокой крышей, крытой соломой, а „иногда даже железом".²

Строили дома и клали печи в Карачае мастера не только из ближайших станиц,³ но и плотники из

¹ В. Я. Тепцов. Ук. соч., С. 99.

² "Кавказ", 1893, № 344.

³ Так, в Учкулане дом Чотчаевых под железной крышей, с галереей, большими окнами, с трубами, украшенными резьбой, строил в 90-х годах XIX в. русский мастер из ст. Невинномысской Михаил Селиванов. Им построены в Учкулане и многие другие дома. Полевой материал 1961 г., с. Учкулан.

Тамбовской и Пензенской губерний, приезжавшие на Кавказ на заработки.¹ Но постепенно строительством нового типа домов стали заниматься и сами крачаевцы. Убедившись в преимуществе печей над очагом, многие крачаевцы стали на зиму обкладывать очаг камнем и обмазывать глиной, закладывать трубу, и таким образом превращать очаг в печь. К лету же камни разбирали и печи, снова становилась очагом.

С начала XX века в Карачае стали строить дома также из досок, оштукатуренные с 2-х сторон, под тесовыми или железными крышами, иногда даже двухэтажные с галереей по 2 или всем 4 сторонам.²

Изменилась в новых поселениях и планировка. В них не было родовых кварталов - тийре, хотя родственники и старались селиться поблизости, не было родовых кладбищ. В домах стала появляться русская мебель, привозились из станиц столы, диваны, шифоньеры. Учкуланское ремесленное училище готовило столяров, которые умели делать хорошую мебель.

Наряду с местной деревянной посудой с конца XIX в. употреблялась и городская, покупная. Первое время ее покупали больше для украшения, а пищу по-прежнему ели из деревянных чашек. Распространились медные чайники и самовары. Старушка Хачирова Даум, 80 лет (а. Н.Мара), рассказывала, что в дни ее детства в их семье впервые появилась городская металлическая посуда. Дед отказывался есть из нее и доить коров в жестяные ведра, т.к. это, по его словам, придавало пище и молоку неприятный привкус.³

Менялось и освещение в домах. Сосновая лучина вытеснялась керосиновыми лампами.

В богатых домах с конца XIX в. появилась новинка - швейная машина.⁴ Байрамукова Джандет, 80 лет (с. Джегута), рассказывала, что брат ее Айбазов Якуб работал

¹ Б. Миллер. В Карачае. С. 393.

² Народы Кавказа. Том I. С. 254.

³ Полевой материал, 1960. С. Н.Мара.

⁴ ГАКК, ф. 454, оп. I, ед. хр. 3273, л. 41.

агентом фирмы Зингер по продаже в селениях швейных машин, ножных и ручных. Чтобы обеспечить сбыт продукции, фирма практиковала продажу в рассрочку.¹

В пище карачаевцев наряду с традиционными молочными и мясными продуктами во второй половине XIX в. стали больше употребляться и растительные - картофель, который стал самой распространенной начинкой пирогов (хычына), капуста и другие овощи. К чаю покупали в местных лавочках сахар. Кроме пшеничной и кукурузной муки использовали гречневую, а также варили кашу из ядрицы.

Одежда как мужчин, так и женщин сохранила и в пореформенное время тот же покрой, что и прежде, у мужчин - черкеска (чебкен), бешмет (кьабдал), штаны (шалбар), в холод и дождь - бурка (джамчы) и войлочное пальто у пастухов - гебенек. Женщины носили платья (чебген), кафтанчик (кюбе тьюб), рубашки (кёлек) и шаровары (кёнчек).²

Но если мужская одежда изготовлялась в основном из домотканых материалов, то женская, особенно праздничная, шилась из покупных тканей: у бедных из хлопчатобумажных, у зажиточных из шелка или бархата. К концу века и для мужского костюма все чаще материал покупался в лавке.

Местные щеголи охотно покупали одежду городского покроя: „русские базарные рубахи, русские сапоги и брюки на выпуск“,³ шинели, галоши. Девушки, особенно старшие дочери на выданы, по праздникам одевали городскую обувь с фабричными чулками, а в будни по-прежнему ходили в сафьяновых чувяках - чарык.

Русское влияние проникало и в музыкальное искусство карачаевцев. В начале XIX века главными музыкальными инструментами в Карачае были кьыл кьобуз и сыбызгы. Кьыл кьобуз - это род скрипки с двумя струнами из конского волоса и корпусом, вытянутым снизу в острие.

¹ Полевой материал, 1958, с. Джегутта.

² Народы Кавказа. Т. 1, с. 257-258.

³ В. Я. Тепцов. Ук. соч., стр. 99.

Играли на ней смычком наподобие лука. Струнным щипковым инструментом был къакъгъан-къобуз, похожий на трехструнную балалайку.

Сыбызгы напоминала флейту. Прежде ее делали из ствола тростника или другого аналогичного растения, а позже - из старого ружейного ствола. Кроме того, на праздниках широко пользовались особой трещоткой - харс - сделанной из 4-5 дощечек.

Но после того как горцы познакомились с русской гармошкой, она так прочно вошла в быт народов, что постепенно вытеснила все остальные инструменты.¹ Все танцы стали производиться исключительно под гармошку.

Интересно и другое, гармошка стала исключительно женским инструментом, и карачаевки достигли в игре на ней большого совершенства. Умение играть на гармошке считалось одним из достоинств девушки-невесты.

В свою очередь и местное русское население заимствовало у соседних горских народов многие черты их быта и материальной культуры. Поселившись в верховьях Кубани, русские переняли приемы скотоводческого хозяйства. Как и карачаевцы, многие станичники перегоняли на лето скот на коши, причем в крупных хозяйствах коши устраивались не на станичной юрте, а на арендованных землях далеко в горах. От горцев переняли станичники использование на корм скоту молодых побегов и листьев деревьев. Во дворах ставили плетеные сапетки для кукурузы и других хозяйственных нужд.

Общеизвестно заимствование мужского костюма: черкески с газырями, бурки, папахи и т.д., который стал официальной формой кубанского и терского казачьих войск.

Внутреннее убранство казачьего дома с коврами на стенах и развешанном на них оружием также свидетельствовало о тесных связях местного населения с горским.

В питании русского населения Кубани преобладали те же блюда, что у горцев - любимым мясом была баранина,

¹ Г. Чурсин. *Музыка и танцы карачаевцев.* // "Кавказ", 1091, № 270.

широко использовали кислое молоко, заквашенное закваской, взятой из желудка теленка. Местное название кислого молока "арьян" - это искаженное карачаевское слово „айран". Летом в степи кислое молоко пили разбавив водой (карачаевский сусаб). Пенку с молока называли, как и карачаевцы, каймак.

2. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

До 70-х годов XIX в. в Карачае не было ни одной светской школы. Единственным типом учебных заведений были мусульманские школы медресе. Обучение в медресе сводилось к заучиванию текстов из Корана. Никаким другим наукам, кроме закона божия, детей в медресе не учили.

Обучение в медресе было платным, по окончании курса родители ученика должны были одарить муллу или деньгами (обычно не менее 10 рублей) или скотом - лошастью или бычком.

Открытие первых светских школ среди горцев Баталпашинского отдела относится к концу 70-х годов XIX века - к периоду деятельности наиболее прогрессивного начальника Эльборуского округа и Баталпашинского уезда Н. Петрусевича. В сентябре 1877 г. было открыто училище в Мансуровском ауле, а через год, в сентябре 1878 г., в Учкулане. В 1879 г. были дополнительно открыты 2 школы - в Бибердовском и Тебердинском.

Открывая горские школы, кубанская администрация преследовала прежде всего политические цели. Школы нужны были ей как орудие русификаторской политики. Правитель канцелярии Кубанской области Коваленский писал в своем рапорте: „Никто не станет отрицать серьезного и плодотворного значения русской школы в среде туземного инородческого селения: русские школы -

это самый короткий и самый верный путь в целях ассимиляции горских племен".¹

Администрация тем более охотно шла на открытие школ, что это ей ничего не стоило. Строительство и ремонт школ, содержание учителей и учеников производилось целиком за счет сельских обществ. Так, в Учкуланском обществе половина бюджета уходила на содержание школы (например, в 1893 г. - 3089 рублей);² там было востребовано для школы 3 дома: большое двухэтажное здание, в котором помещались классные комнаты и квартиры учителей, четырехкомнатное одноэтажное здание, в котором жили ученики, и третье - столовая и кухня. При Учкуланской школе был открыт пансионат, т.к. ученикам из Хурзука и Карт-Джурта приходилось каждый день проходить большие расстояния, по 5-7 верст, чтобы попасть в школу. А для детей из Дуута и Джазлыка ежедневное посещение школы было совсем невозможным. Поэтому Учкуланская школа сразу же создавалась как интернат. Под спальни были отведены 2 большие комнаты, в которых поставлены кровати. Больше ученикам никаких постельных принадлежностей не давали, матрацы, подушки и одеяла они привозили с собой из дома. Питание учеников производилось за счет общества. Утром и в полдень им давали чай с хлебом, в обед и ужин - мясные блюда.³

Обучение в горской школе ставило себе задачей научить учеников правильно и бегло читать, писать, считать и знать 4 действия арифметики. Пособиями служили учебники Вольперта „Русская речь", Букалова „В школе и дома", по арифметике - учебник Евтушевского.

Однако значение школ на деле было значительно большим, чем это предусматривалось кавказской администрацией. Школы не только учили карачаевских детей письму и счету, они знакомили их с русской культурой, с литературой, прививали ученикам более прогрессивное мировоззрение, любовь и жажду к знаниям.

¹ ГАКК. *Рапорт Коваленского*. С. 25.

² *Рапорт Коваленского*. С. 36.

³ Там же.

Русские и карачаевские учителя впервые начали изучение богатейшего народного творчества и тем помогли карачаевцам лучше осмыслить и свою национальную культуру.

Вот почему настороженность, с которой первое время встретили открытие школ сельчане, вскоре сменилась страстным желанием учить своих детей не только в сельских школах, но и дать им более высокое образование.

Только первое время в начале 80-х годов желающих учить своих детей было мало, и запись в училище производилась в принудительном порядке, по раскладке общественного сбора. Но уже „года через 2-3 народ уже с охотой начал приводить своих детей в училище”,¹ - писал М. Алейников, первый светский учитель Карачая. Число учеников Учкуланской школы быстро росло: в конце 75-х годов их было 20-30, в 80-е годы до 80 человек, в конце 90-х - 166.²

Желающих учить своих детей в 90-е годы было уже так много, что приходилось ограничивать прием и посылать определенное число детей из каждого села. Критерием для определения числа учеников служила сумма налога на школу, собираемая сельским обществом. Так, Карт-Джурт, Учкулан и Хурзук могли посылать по 14-15 мальчиков, Мара и Джегута - по 3, Каменноостский, Дуутский и Джазлыкский - по 2, Сентинский - 5.

Ясно, что в число избранных попадали в первую очередь дети сельских богачей и сельской администрации. Коваленский признавал в своем рапорте, что при посылке детей в школу „сила связей, влияния и т.п. имеют решающее значение. А вывод отсюда далеко не утешителен, следовательно, бедняки, серый народ, на свои гроши дают средства обучаться сынкам состоятельных горцев...”³

¹ М. Алейников. Горские училища Баталпашинского отдела. // КОВ, 1901, №47.

² ГАКК, ф. 454, оп. 5, ед. хр. 103, л. 14.

³ Рапорт Коваленского. С. 32.

Сельские общества согласны были взять на себя все затраты по организации русских школ, только бы иметь возможность учить детей, т.к. спрос значительно превышал предложение.

По настоящему ходатайству жителей Тебердинского селения „иметь у себя школу с преподаванием на русском языке“, в 1894 г. такая школа была открыта.

В 1895 г. были открыты школы в Карт-Джурте и Хурзуке, в связи с чем интернат при Учкуланской школе потерял свое значение и был упразднен. Через несколько месяцев были открыты школы в Маре и Джегуте. Но и при этих условиях школы не могли вместить всех желающих учиться.¹

В 1896 г. в горских училищах Баталпашинского отдела обучалось следующее количество учеников:

Учкуланском	66
Кувинском	40
Тебердинском	54
Бибердовском	55
Мансуровском	40
Карт-Джуртском	72
Хурзукском	66
Карамурзинском	35
Урупском	37
Лоовско-Зеленчукском	30
Тохтамышевском	67
Докшуковском	30
Марийском	50
Хумаринском	17
Лоовско-Кубанском	57
Атажукинском	30 ²

Учебный год продолжался с 1 октября по 25 июня. Учитель делил учеников на 4 отделения по принципу их успехов в учебе. Занятия велись по программе начальных

¹ КОВ, 1898, № 259.

² ГАКК, ф. 454, оп. 5, ед. хр. 103, л. 14.

училищ. В небольших школах все предметы, кроме закона божьего, вел один учитель. В больших же школах, как, например, в Учкуланской, учебный персонал состоял из 3-8 человек: 1) старший учитель, он же заведующий школой, 2) младший учитель, 3) законоучитель. Так, в начале 90-х годов старшим учителем Учкуланского училища был И. Субханкулов, окончивший Закавказскую учительскую семинарию в Тифлисе. Младшим учителем с 1894 г. был Халилов Хызыр, окончивший курс в Баталпашинском городском училище. Законоучителем - Хамзат Кубанов, эфенди Хурзукского аула.¹

В 1897 г. Учкуланское одноклассное училище было преобразовано в 2-х классное нормальное училище и при нем открыто ремесленное отделение - на первых порах столярная мастерская, позже и токарная. Ученики ремесленного отделения под руководством опытного столяра делали табуретки, столы, кровати, диваны. Работы их отличались прочностью и вместе с тем изяществом. Колесников описывает, какое огромное удовлетворение испытывали ученики от своей работы: „нужно видеть радость мальчика, когда он в первый раз несет домой табуретку своего собственного изготовления, для него это целый праздник, и товарищи его, разделяя эту радость, сопровождают гурьбой до самой его сакли, как настоящего триумфатора”.²

С открытием ремесленного отделения учкуланское училище насчитывало уже до трехсот учеников.³

Способности карачаевских детей в учении удивляли ревизоров из кавказской администрации. Отмечая, как хорошо читают, считают и пишут ученики карачаевских школ, правитель канцелярии Кубанской области Коваленский добавлял: „Но главное, что поражает - это прекрасная осмысленная русская речь, бойкость и

¹ КОВ, 1898, № 265.

² Там же.

³ Б. Миллер. Ук. соч., с. 394.

разумность ответов на недавно еще совсем чужом языке. С такими способными мальчиками грешно не иметь успеха".¹

В конце 90-х годов была даже сделана попытка начать обучение девочек. При Карт-Джуртском и Хурзукском училищах были организованы отделения для занятий с девочками.²

Многие мальчики, окончив начальное училище, стремились продолжить свое образование, но возможности для этого были очень невелики. Число горских вакансий в средних учебных заведениях было ничтожно. Всего одного-двух человек могли послать карачаевцы в Кубанскую учительскую семинарию, Майкопское промышленное училище, Екатеринодарскую военно-фельдшерскую школу, в Ставропольскую или Кубанскую гимназию и в кадетские корпуса.³

Поступление в средние учебные заведения затруднялось для карачаевских мальчиков также тем, что начальные училища не давали для этого должных знаний.

Стремление карачаевцев к образованию было так велико, а возможность для них его получения так мизерна, что уполномоченные карачаевского народа в прошении на имя наместника Кавказа Воронцова-Дашкова, написанном совместно с жителями черкесских, абазинских и ногайских аулов в 1905 г. среди „неотложных нужд населения" называют и вопрос о школах. Причем их интересовало не только начальное, но и среднее и, даже, высшее образование. Для этого они просили пересмотреть программы начальных училищ, чтобы выпускники имели возможность поступить в среднее учебное заведение, а также „увеличить число горских стипендий в Ставропольской гимназии вместо 13 до 30, во Владикавказском кадетском корпусе - до 20 и в высших учебных заведениях - до 10".

Житель Сентинского аула Зекерия Джаубаев пишет атаману Баталпашинского отдела: „Желая дать образование

¹ *Рапорт Коваленского, с. 34.*

² *Г.Ф. Чурсин. Поездка в Карачай, с. 258.*

³ *КОВ, 1899, № 266.*

своему родному сыну Али-Султану, имеющему от роду 9 лет, покорнейше прошу ходатайствовать ... о зачислении его в Ставропольскую классическую гимназию казеннокоштным воспитанником".¹ Хаджи Гилястан Крымшамхалов из Карт-Джурта, Пшенуса Дешоков из Хумары, Хаджи-Бекир Кмузов и другие ходатайствовали о зачислении их сыновей в Тифлисский кадетский корпус.²

При выборе кандидатов на горские вакансии в гимназии и кадетском корпусе, кавказская администрация исходила из узко кастовых интересов. В то время, как детям князей давались льготы и привилегии, крестьянским мальчикам чинились всяческие препятствия. Магомет-Гирея Крымшамхалова, как „происходящего от одной из наиболее влиятельных фамилий Карачая" без всяких проволочек приняли в Тифлисский кадетский корпус, так же как и сына ногойского князя Мусы Ахлова. Остальным же претендентам было отказано, так как они принадлежат к крестьянскому сословию и „права на воспитание своих детей на казенный счет в таком привилегированном учебном заведении, как кадетский корпус, не имеют".³

Результатом обучения карачаевских юношей в Кубанской учительской семинарии было появление национальных учительских кадров. В конце 90-х годов в школах Карачая работали учителями Ильяс Байрамуков, Иммолат Хубиев, Хызыр Халилов, Алибек Боташев и др. Вместе с ними преподавали русские учителя Л.А. Гриневич, В.А. Витковский, В.А. Басонцев, осетин Иорам Хурумов, татарин И. Субханкулов.⁴

Результатом деятельности русских школ в аулах Карачая было некоторое повышение грамотности населения, появление первых грамотных не только на арабском, но и на русском языке.

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 5, ед. хр. 138, л. 31.

² Там же л. 23, 33, 64, 78.

³ ГАКК, ф. 454, оп. 5, ед. хр. 138, л. 83.

⁴ Кубанский календарь на 1899 г. Екатеринодар, 1899. С. 93-95.

По данным всероссийской переписи 1897 г., количество грамотных в карачаевских селениях показано в таблице 3.¹

Значение русских школ было не только в том, что дети обучались в них письму и счету. Русские школы приобщали карачаевцев к русской культуре, к демократическим общественно-политическим взглядам.

Небольшие библиотеки при школах и личные библиотеки учителей содержали произведения русской классической литературы. Один из первых просветителей карачаевского народа, учитель Хызыр Магометович Халилов имел большую библиотеку, которую перевозил с собой по месту работы то в Адыгею, то в Карачай (Карт-Джурт, Джегуту и Мару). В Мару книги везли на 15 подводах.

Таблица 3. Количество грамотных в карачаевских селениях по данным всероссийской переписи 1897 г.

Название аула	Число жителей			Число грамотных			Процент грамотных		
	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего
Дуут	433	390	823	43	7	50	9,8	1,8	6
Джазлык	211	217	428	10	—	10	4,7	0	2,6
Карт-Джурт	1087	974	2061	93	12	105	8,5	1,2	5
Сенты	464	494	948	10	2	12	2,1	0,4	1,2
Учкулан	2902	2923	5825	282	76	358	9,7	2,6	6,1
Мара	406	408	814	нет сведений					
Хурзук	2284	2777	5061						

3. ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

В шестидесятые годы XIX века произошло первое знакомство карачаевцев с научной медициной. До этого знахари и муллы лечили, как правило, не столько

¹ Население Кубанской области..., 1907. с. 344-367.

лекарствами, сколько заговорами. Умея лечить переломы и ранения, народные лекари оказывались почти всегда бессильными против внутренних болезней.

Часто бывали опустошительные эпидемии, уносившие сотни и тысячи жизней. Таким страшным мором была чума, посещавшая Карачай неоднократно. Полностью вымерло Урусбиевское селение на Теберде. Память об этом событии сохранилась в народной песне „Эмина“ („Чума“).

Огромный урон хозяйству карачаевцев наносили эпизоотии чумы, ящура и других болезней. С конца 60-х годов XIX в. в борьбу против эпидемий и эпизоотии вступили русские врачи и ветеринары.

В 70-е годы была построена первая в Карачае больница. Средства для постройки были взяты из народных денег. Карачаевское общество потратило на больницу более 15 тысяч рублей. Больница состояла из большого зала для приема больных, двух квартир для работников больницы, кухни и вспомогательных помещений. В дальнейшем намечено было открыть стационар на 10 коек и пригласить еще одного фельдшера.

Однако эти планы не удалось провести в жизнь. Военно-народные округа были ликвидированы, карачаевцы подчинены атаману отдела, который мало заботился об их нуждах. Вместо больницы в Учкулане был открыт фельдшерский пункт и аптека при нем. Такая же аптека с фельдшером при ней была открыта при Бибердовском участке. Таким образом, на все горское население Баталпашинского отдела, жившее в 35 селениях, было 2 фельдшера и 2 аптеки. (Учкуланская аптека одно время была закрыта, а вместо нее открыт фельдшерский пункт в Хумаринском укреплении, с 1896 г. восстановлен и Учкуланский пункт).

В содержании аптек и фельдшерских пунктов участвовали все селения, горские округа, внося определенную плату на их содержание. Прием больных фельдшеры вели бесплатно.

За неполный год (с 1 февраля по 1 декабря 1897) в Хумаринскую аптеку обращалось за помощью 2719 человек, которые посетили аптеку 7491 раз. В

Бибердовской аптеке было зарегистрировано 1721 посещение 521 больным.¹

Несмотря на очень ограниченные возможности, фельдшерские пункты и работавшие на них фельдшеры принимали все меры, чтобы помочь населению Карачая в борьбе с болезнями. Карачаевцы, особенно женщины с детьми, охотно обращались за медицинской помощью, буквально осаждая аптеку. „В медицину верят и за помощью обращаются к фельдшерам охотно“, - говорится в отчете о ревизии Хумаринского участка.²

А вот как описывает прием больных в Учкуланском фельдшерском пункте В. Колесников: „Вы только еще встаете утром, а уже видите нескольких карачаевков, ожидающих фельдшера“. Аптека „всегда наполнена посетителями“.³

Карачаевские юноши охотно поступали учиться в фельдшерские школы, поэтому Учкуланская аптека уже с 70-х годов была обеспечена фельдшерами-карачаевцами. Одним из первых фельдшеров, пользовавшихся у больных большим авторитетом, был Халид Эркенов, окончивший с похвальным листом Екатеринодарскую военно-фельдшерскую школу и ряд лет работавший в Учкуланском фельдшерском пункте.

Большую помощь оказывали карачаевцы также ветеринарам, борющимся с эпизоотиями скота, помогали в организации карантинных застав на горных перевалах. Число эпизоотии резко уменьшилось, и с конца XIX в. Карачай был фактически избавлен от тяжелых потерь скота, который прежде погибал от чумы и других болезней.

4. ИЗУЧЕНИЕ ФОЛЬКЛОРА, ЯЗЫКА И ИСТОРИИ КАРАЧАЕВЦЕВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 5, ед. хр. 120, л. 17.

² ГАКК, ф. 454, оп. 4, ед. хр. 159, л. 30-45

³ В. Колесников. Нужды Карачая.//КОВ, 1898. № 257.

Богатая лексика карачаевского языка, самобытное народное творчество карачаевцев до 80-х годов XIX века были практически не изучены. В официальной переписке: прошениях, приговорах аульных обществ использовался арабский алфавит.

Творчество народа: героический эпос о нартских богатырях (нартла), сказки (таурухла), различные по жанру песни (джыр): сатирические, исторические, любовные (инар) передавались от дедов и отцов к детям и внукам.

Первая запись на русском языке нартских сказаний, бытовавших у карачаевцев и балкарцев, была произведена учеником Владикавказского реального училища С. Урусбиевым. Он записал 4 нартских сказания о славных борцах с чудовищами - эмегенами, свободолюбивых нартах Ерюзмеке, Шауае, Рачикау и Сосруке.

Среди русских учителей горских школ также немало было энтузиастов, изучавших язык народа и его культуру, собиравших песни и сказки, легенды и пословицы. Много текстов карачаевского фольклора записал учитель М. Алейников. Он опубликовал „Карачаевские сказания" - „Ачemez и Хубун", „Эмегены", „Карча" и др.

Кроме того, он изучал этнографию карачаевцев и других горцев Баталпашинского отдела. В газете „Кубанские областные ведомости" были опубликованы его статьи: „Обряды и обычаи карачаевцев при свадьбах и похоронах",¹ „Хурлакел",² в Сборнике материалов - „Поверья ногайцев Мансуровского селения Баталпашинского отдела Кубанской области".³

В конце 90-х годов записи карачаевского фольклора в Карт-Джурте и публикация его были произведены учителем Кубанской гимназии А.Н.Дьячковым-Тарасовым, неоднократно приезжавшим в Карачай. Это были сказания о подвигах нартов, о славной смерти в бою нарта Ерюзмека, о мудрой и прекрасной княгине Сатанай; „Сосурка и эмеген пятиголовый", „Алауган",

¹ КОВ, 1880, № 7-9.

² КОВ, 1882, № 14.

³ СМОМПК, в. 17, Тифлис, 1893.

„Генджакешауай“, „Смерть Ерюзмека“, „Чюерди“, „Княгиня Сатанай“.

Обработкой и публикацией фольклора занимался и заведующий Карт-Джуртским одноклассным училищем Н. Кириченко - составитель первого русско-карачаевского словаря. Он опубликовал в „Кубанских областных ведомостях“ за 1897 г. „Песню об Аймуше и его брате Магуле“.¹

„Предание о Карче, родоначальнике Карачая“ записал в Дууте со слов стариков Ислама Алиева и А. Хубиева воспитанник Екатеринодарской военно-фельдшерской школы Бекир Чеккуев.²

Но это все еще были ничтожные крохи, выхваченные отрывки из богатейшего фольклора карачаевцев, никем не изученного и не записанного. Вне поля зрения исследователей остались интереснейшие старинные песни, рассказывающие о важных событиях жизни народа, о его борьбе с самовластием князей („Кара-Мусса“), об антиколониальных выступлениях („Хасаука“, „Умар“), о битвах с князьями соседних народов, нападающих на Карачай („Татархан“).

Пореформенный период породил целый ряд новых песен, повествующих о тяжелой доле батраков („Барак“), о борьбе с царской администрацией („Канамат“). Нашли в песнях отражение и такие политические события, как русско-турецкая и русско-японская войны,³ в которых принимали участие карачаевские добровольцы, как переселение в Турцию, воспринятое народом как большая трагедия.

Все эти песни никем не были записаны, а лишь пелись сказителями и певцами народа, такими как победитель в соревновании певцов Касбот Кочкаров, прозванный народом Багъыр улу (сын меди), или его соперник, автор сатирических песен, высмеивающих богачей и

¹ ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. хр. 188, л. 35-37.

² КОВ, 1899, № 266.

³ А. И. Караева. О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа. Черкесск, 1961. С. 46.

эксплуататоров Аппа Джанибеков с прозвищем Къалай улу (сын жести) и многими другими певцами-джырчы - выразителями дум и чаяний народа (Меккяев Ерюзмек, Семенов Калтур, Баттыев Кайсын, Байчоров Шеке и др.).

Первая безуспешная попытка создать письменность на карачаево-балкарском языке, приспособив для этого русскую азбуку, была предпринята в начале 80-х годов С. Урусбиевым. „В настоящее время один из туземцев, Сафар-Али Урусбиев, занимается составлением грамматики родного языка, применив русскую азбуку к выражению его звуков", - писали В. Миллер и М. Ковалевский.¹ Изучая осетинский язык, В. Миллер касался и карачаево-балкарского языка, сравнивая лексический состав и показывая заимствования.

В 90-х годах изучением карачаевского языка и фольклора, созданием основ грамматики русско-карачаевского словаря занимался заведующий Карт-Джуртским училищем, действительный член Кубанского областного статистического комитета Н.И. Кириченко (позже переведенный заведующим Мансуровским училищем). Автор впервые применил к записи карачаевских слов русский алфавит и рекомендовал карачаевцам составить на своем языке азбуку и не увлекаться заимствованиями из арабского языка.²

В конце 90-х годов XIX в. Н.И. Кириченко предлагал рукопись своего русско-карачаевского словаря редакции „Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа" и „Кубанскому областному статистическому комитету", но ни в том, ни в другом издании словарь напечатан не был. В 1908 г. рукопись была приобретена библиотекой „Общества любителей изучения Кубанской области",³ а позже передана Грузинскому

¹ В. Миллер. М. Ковалевский. В горских обществах Кабарды. // "Вестник Европы", 1884, оп. 4, стр. 56.

² С. Джикия. Об одном рукописном русско-карачаевском словаре. // Сборник трудов Карачаево-Черкесского государственного педагогического института. Вып. 2, 1959.

³ П. Талицкий. Рукопись Н. И. Кириченко "Заметки о Карачае и карачаевцах". // ИОЛИКО, вьш. IV, Екатеринодар, 1909, с. 143.

лингвистическому обществу. Секретарь этого общества В.Г. Топурия отдал ее в 30-х годах XX в. профессору С. Джикия.

„Главной целью автора было привести в систему данные карачаевского языка, начиная с перечисления звуков, грамматических форм и кончая словарем. Помимо лингвистической ценности, заметки Кириченко интересны и массой сообщений о Карачае, карачаевцах, их мирозерцании, обычаях, поэзии”,¹ - писал о рукописи Н. Кириченко Н. Талицкий. Подробные сведения о словаре и его разделах содержатся в собственноручном письме Н.И. Кириченко.

Рукопись состояла из следующих разделов:

Краткие сведения о прошлом и настоящем Карачая.

Важнейшие грамматические правила и особенности карачаевского наречия.

Словарь, который имел разделы:

Пространство - Фарагмоугул²

Время - Заман

Земля - Джер

Растения - Ёскен затла

Рыбы и др. земноводные - Чабакъла

Птицы - Къанатлыла

Животные - Джаныуарла

Человек - Адам

Родство – Эт-джен

Поселение - Элле

Язык - Тил

Платье - Кийим

Меры - Ёлчеле

Мебель

Инструменты - Керекле

Примеры склонений

Имена прилагательные

Имена числительные

Местоимения

¹ Там же.

² Видимо искаженное *фадакъун* (араб.).

Глаголы и образы спряжений

Наречия, союзы, предложения и междометия

Разговоры (практика)

Песни, рассказы, пословицы, поговорки, загадки

Народный гимн.¹

К 1897 г. Кириченко закончил все разделы, кроме сведений о прошлом Карачая, чтобы собрать их не только со слов стариков, но и по имевшейся литературе. Русско-карачаевский словарь, составленный Кириченко, насчитывал около 5 тыс. слов.²

Более серьезная разработка вопросов карачаево-балкарской грамматики началась в XX веке. Венгерский ученый В. Прёле написал исследование о карачаевском и балкарском языках, составил словарь и собрал ряд текстов, опубликовав все это на немецком языке. Прёле, как и Н.А. Караулов, считал карачаевский и балкарский диалекты самостоятельными языками. Н.А. Караулов занимался изучением этнографии и языка балкарцев, опубликовав „Краткий очерк грамматики горского языка „балкар“³ и этнографический очерк „Балкары на Кавказе“.⁴

Один из наиболее образованных карачаевцев, художник и поэт Ислам Крымшамхалов в первые годы XX века работал над созданием карачаевской азбуки на основе русской графики. Он же переводил на карачаевский язык басни Крылова и другие произведения русской литературы.

Исмаил Акбаев стремился усовершенствовать карачаевский алфавит на основе арабской графики и на ее базе составил учебник „Ана тил“ (Родная речь) и русско-карачаевский словарь „Тылмач“.

Тесное соприкосновение карачаевцев с русскими, экономические и культурные связи привели к взаимным заимствованиям и в области языка. В карачаевском языке появилось много русских слов из различных областей, как производственной жизни, так и культуры и быта.

¹ ГАКК, ф. 460, оп. 1, ед. хр. 188, л. 36.

² Там же, л. 35

³ СМОМПК. В. 42, Тифлис, 1912.

⁴ СМОМПК. В. 38, Тифлис. 1908.

Научившись от русских возделывать картофель и сажать гречиху, карачаевцы так и называли эти культуры русскими словами: „гардош" и „иречка". Карачаевское название картофеля - джер-мандалак - почти не употреблялось. По-русски называли капусту - „кьобуста", огурцы - „агурча" (вместо своего названия „наша").

Купленную в станице, а затем изготавливаемую в селениях по русским образцам мебель называли русскими словами: стол, диван, шкаф, посуда, стакан, самовар и т.д.

Вместе с вещами были заимствованы русские названия одежды: галоши, костюм, палтон (пальто), шинель и т.д.

Первые биографические описания быта карачаевцев,¹ а также исследования археологических памятников в верховьях Кубани² были произведены еще в начале XIX в., но, как первое знакомство с народом и его историей, эти описания не могли быть полными.

Более серьезное обследование памятников Прикубанья, необходимое для изучения прошлого народов Кавказа, было произведено в 70-е годы первым секретарем Кубанского областного статистического комитета редактором „Кубанских областных ведомостей", энтузиастом-краеведом Е.Д. Фелициным.

Он составил первую археологическую карту Кубанской области, обозначив на ней курганы по Кубани, укрепления и городища севернее Хумары, каменные гробницы близ Эльтютю (Карт-Джурта), каменную башню над Хурзуком. Им же составлены лучшие военно-исторические карты Северо-Западного Кавказа, опубликован ряд архивных материалов и масса статистических данных, написаны исследования о социальном строе горских народов и т.д.

В 90-е годы XIX в. изучением памятников старины, как и всей истории карачаевского народа заинтересовался

¹ *Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей, сочиненное подполковником Буцковским. 1812. ЦГВИА, ф. 414, ед. хр. 300.*

² *Экспедиция Бернардацци, 1829, для изучения Хумаринского и Сентинского храмов. // Т. М. Минаева. Из истории археологических обследований верховьев реки Кубани. Ученые записки Ставропольского государственного педагогического института, т. VII, 1951.*

серьезный исследователь В.М. Сысоев. Он составил подробные описания произведенных раскопок, с фотографиями и чертежами.¹ В следующие годы (1896, 1898 и др.) В.М. Сысоев повторил поездки в Карачай по поручению Московского археологического общества совместно с преподавателем Екатеринодарской гимназии А.М. Дьячковым-Тарасовым, который также стал крупным исследователем истории карачаевцев.

Итоговая работа В.М. Сысоева „Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении" явилась обобщением его многолетних исследований археологии, этнографии и истории Карачая.

Разработкой отдельных вопросов истории Карачая, описанием быта народа, его обычаев и семейных отношений, одежды и пищи занимались многие этнографы и историки Г. Петров, В. Тепцов, И. Щукин, Г. Чурсин, Б. Миллер и др. Социально-экономическое развитие Карачая и, в частности, земельные отношения полнее всего описаны Н. Иваненковым² и В.М. Орловым.³

Большой интерес к прошлому карачаевского народа проявляли и учителя горских школ. Они публиковали данные о промысловых занятиях в аулах (И. Хурумов о Теберде, Учкулане, Карт-Джурте и Хурзуке), о старинных памятниках на р. Индыш и т.д. Некоторые учителя, как, например, Хызыр Халилов, делали попытку написать историю карачаевского народа, но материалы эти не увидели свет.

Глубоким уважением к Карачаю проникнуто творчество великого сына Осетии Коста Хетагурова. В 1891 г. Коста Леванович был выслан за свою просветительскую деятельность за пределы Терской области и поселился в Георгиевско-Осетинском селении, где жили с 1870 г. его родители.

¹ В.М. Сысоев. Поездка на рр. Зеленчук. Кубань и Теберду летом 1895 г. // *Материалы по археологии Кавказа*, вып. VII, М., 1898.

² Н. Иваненков. Карачаевцы. // *ИОЛИКО*, вып. 5, Екатеринодар, 1912.

³ В.М. Орлов. Возможна ли частная земельная собственность в Карачае // *ИОЛИКО*, вып. 3, Екатеринодар, 1902.

Весной 1892 г. он поступил работать конторщиком на Эльбрусский рудник, часто бывал в карачаевских селах, дружил со многими карачаевцами. Одним из близких его друзей был поэт и художник Ислам Крымшамхалов, товарищ Коста по Ставропольской гимназии, упоминания о котором имеются в нескольких стихотворениях К Хетагурова („Е.Е.Н.", „Сане и Милле Б.").¹

С обостренным чувством достоинства горца воспринимал Коста Леванович малейшие проявления шовинизма и пренебрежительного отношения к труженикам Кавказских гор. В фельетоне „Тартарен", напечатанном впервые в газете „Северный Кавказ" в 1901 г., он резко критикует А.Н. Дьякова-Тарасова, допустившего в своем описании путешествия учеников Екатеринодарской гимназии в горах Карачая² несколько неуважительных фраз о местных народах. С большой теплотой пишет о духовном мире горцев, их гостеприимстве и других положительных качествах, призывая изучать жизнь народа, а не черпать сведения о нем „из уст приставов, старшин и писарей, которые к людям относятся только как к номерам исходящих и входящих журналов".³

Очень высокую оценку дал К. Хетагуров деятельности Н. Петрусевича: „При полковнике Петрусевице всем туземцам уезда жилось хорошо. При нем были проложены широкие дороги, выстроены прочные мосты, школьные и правленческие здания. Превосходно владея карачаевским и кабардинским языками, он без всякого переводчика беседовал с народом на его родном языке, он с удивительной энергией, идеальным бескорыстием и братской любовью проводил в туземную жизнь все лучшие формы общественности и административных мер. Любовь туземцев к Петрусевицу была настолько сильна и искренна,

¹ В. Парфененко. *Хетагуров и Крымшамхалов*. // "Ставропольская правда", 1962 г., № 42.

² А.Н. Дьяков-Тарасов. *В горах Большого и Малого Карачая*. // СМОМПК, вып. 28.

³ Коста Хетагуров. *Тартарен*. // *Собрание сочинений в 3-х т., т. 1, стр. 166.*

что после безвременной его кончины на поле брани, туземцы Баталпашинского уезда ... на свои средства перевезли прах своего любимца в Баталпашинск и похоронили его в ограде церкви, увенчав могилу надгробным мраморным памятником и устраивая ежегодно в его память скачки».¹

Зарисовки К. Хетагурова, опубликованные в журнале „Север“ за 1892 г., отражают тяжелый труд рабочих рудника, примитивную технику и нищенский быт. Вместе с тем, на этих картинах видна величественная природа Карачая, панорама далеких гор, могучие сосны, суровые скалы и бурные реки.²

Природа Карачая пленила не одного Коста Хетагурова. Ею увлекался и замечательный русский художник Н.А. Ярошенко, создатель таких известных полотен, как „Кочегар“, „Заключенный“, „Всюду жизнь“. Н.А. Ярошенко не только сам рисовал виды кавказских гор, но оказал большую поддержку и помощь первому профессиональному художнику-карачаевцу И. Крымшамхалову. „Однажды в Теберде он увидел пейзаж, написанный карачаевцем Крымшамхаловым. Художник привез юношу в Кисловодск, стал учить его рисованию и приглашал вместе писать этюды с натуры“, - пишет искусствовед Е. Польская.³

Таким образом, общение горцев с русским народом и представителями русской культуры в пореформенную эпоху наложило глубокий отпечаток на их материальную и духовную культуру.

В последней четверти XIX века в Карачае были открыты гражданские школы, в которых дети обучались не только языку, счету, ремеслу, но и приобщались к русской культуре.

Представители передовой интеллигенции, как карачаевской, так и русской, записывали фольклор,

¹ ЦГВИА, ф. 4, оп. 69, ед. хр. 89, л. 8-9.

² Виды Большого Карачая и нарождающийся в Карачае горный промысел. // „Север“, 1892, № 24.

³ Н. Я. Ярошенко в Кисловодске. // „Ставропольская правда“, 1962 г., № 8.

создавали первые словари и грамматики карачаевского языка. Памятники древности в верховьях Кубани обратили на себя внимание археологов и историков.

Более углубленному развитию общественно-политической мысли в XIX и начале XX вв. препятствовала колониальная политика царского самодержавия, двойной гнет, с одной стороны, своих князей и кулаков, а, с другой, казачьей администрации и русских землевладельцев и промышленников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение социально-экономического развития Карачая в XIX в. показывает, что общественные отношения в нем имели ряд специфических особенностей, главной из которых было причудливое сочетание феодальных отношений с сильными пережитками общинного строя. Прочность общинных связей обуславливалась уровнем развития производительных сил и спецификой хозяйства.

Несмотря на наличие в карачаевском обществе целого ряда пережитков родовых отношений (кровнородственные объединения - тукумы, атаулы, поселение родовыми кварталами - тийре, взаимопомощь, строгая экзогамия и др.), в начале XIX в. на смену родовой общине пришла соседская, в которой, наряду с первобытно-общинным, существовало частнособственническое начало.

Пашни и сенокосы юридически продолжали считаться общинными, но фактически в течение первой половины XIX века были захвачены феодальными собственниками - биями и уллу узденями. Только лес и летние пастбища оставались в общинном владении. Однако эта феодальная собственность на землю не получила юридического оформления, и процесс её становления тормозился наличием сильной соседской общины. Кроме того, феодальная собственность выступала не как индивидуальная, а как фамильная собственность, что затрудняло её отчуждение и смазывало частнособственнический характер. Тем не менее, си были присущи все черты феодальной собственности и прежде

всего - иерархическая структура, создавшая вассальные отношения между биями - феодальными собственниками земли и подвластными им узденями.

Образование феодальной собственности на землю путем узурпации общинных земель тяжело отражалось на крестьянском хозяйстве и вело к еще большей имущественной и социальной дифференциации внутри карачаевского общества. Однако процесс феодализации карачаевского общества к середине XIX в. не был завершен. Дальнейшее развитие частнособственнических отношений произошло во второй половине XIX в. в значительной степени под влиянием русского права.

Развитие капитализма в России стало решающим фактором в истории народов Кавказа во второй половине XIX века. Объективный ход исторического развития новых капиталистических отношений потребовал проведения в горских округах Кавказа отмены крепостного права, земельных и судебно-административных реформ. Это облегчало капиталу проникновение в горские селения, втягивание их в товарное обращение, превращение Кавказа в рынок сырья и сбыта для заводской промышленности центральной России.

Отмена крепостного права была проведена в Карачае и других горских округах кубанской области так, что выгоды от нее достались в первую очередь царской казне, захватившей сотни тысяч десятин земли, феодальной знати, получившей огромный выкуп с крестьян, присвоившей себе половину крестьянской земли и имущества, много лет продолжавшей эксплуатировать временнообязанных крестьян. Земельные преобразования 60-х - 70-х гг. лишили горцев многих исконно принадлежавших им земель, которые были отобраны в казну или пожалованы чинам царской армии и администрации из русских и горских офицеров.

Административно-судебные преобразования, которые проводились в интересах более полного подчинения горских народов правительству, содействовали ломке феодальной замкнутости и феодального права, устанавливали выборность сельской администрации и суда.

Но даже это куцее самоуправление, ограниченные политические и общественные права были отняты у горских народов в период контрреформ конца 80-х годов. По положению 1888 г. все управление Кубанской области было подчинено казачьей администрации, горское население ставилось под контроль участковых начальников, без ведома которых нельзя было проводить ни выборов, ни сходов по жизненно важным делам.

Реформы 60-х-70-х гг. в Карачае не разрешили основного - земельного вопроса, не освободили крестьян от поземельной зависимости, сословной неполноправности, круговой поруки и других пут, лежавших на горском крестьянстве.

Экономическое завоевание Кавказа началось с колонизации Северного Кавказа выходцами из центральной России, главную массу которых составляло безземельное и разоренное крестьянство, ищущее земель, работы, хлеба. Эта крестьянская колонизация, последовавшая вслед казачьей, способствовала быстрому росту производительных сил Кубани, подъему ее богатых целинных земель, разработке ее недр, оживлению торговых связей.

Близкое соседство и трудовое обращение карачаевцев с русским населением привело к коренным изменениям в хозяйстве и социальных отношениях.

В пореформенный период начата была разработка богатых недр Карачая, созданы первые промышленные очаги: Хумаринские угольные копи и Эльбрусский серебро-свинцовый рудник. На месте производилась только добыча руды и первичная обработка, т.к. русский капитализм нуждался в сырье и не был заинтересован в развитии в колониях обрабатывающей промышленности.

Вывоз сырья и сельскохозяйственной продукции затруднялся из-за отсутствия дорог. В конце 60-х годов XIX века была построена первая колесная дорога вдоль Кубанского ущелья, соединившая центр Большого Карачая с Хумарой, и тем самым способствовавшая усилению экономических связей карачаевских аулов с жителями

русских станиц и городов. Жизнь карачаевского крестьянства все теснее связывалась с российским рынком.

Большое значение для усиления торговых связей Северного Кавказа с центральной Россией имела постройка Ростово-Владикавказской железной дороги. Она облегчала русскому капитализму экономическое „завоевание" Кавказа, стимулировала развитие товарности сельского хозяйства и его специализации.

Проникновение товарно-денежных отношений в карачаевскую среду приводило к имущественному расслоению.

Особенностью развития элементов капиталистических отношений в Карачае была их завуалированность обилием феодальных и даже дофеодальных пережитков. Так, главное проявление „земледельческого капитализма" - применение вольнонаемного труда часто выступало, как добровольная взаимопомощь, усыновление, кошевое товарищество и т.д. Кулаки использовали всевозможные пережитки общинных отношений, трудовые объединения, для прикрытия ими безудержной эксплуатации крестьян. Им было выгоднее отдать свой скот на испольный выпас маломощному хозяину, собрать вокруг себя бедных кошевиков для ухода за скотом, под видом усыновления использовать детский труд для пастьбы мелкого скота, чем организовать фермерское хозяйство с нанятыми за деньги батраками.

Кроме таких „полупатриархальных и полукабальных" форм работы по найму, внутри Карачая большое распространение в пореформенный период получило отходничество на покос, в пастухи и табунщики в казачьи станицы, обслуживание рудника и других предприятий, так как сфера применения наемного труда в самом Карачае была ограниченной, а количество бедняков, вынужденных продавать свои руки - довольно велико.

Сословные деления населения к концу пореформенного периода утрачивали свое значение, так как положение человека в обществе стало определяться его богатством, а не сословием. Многие богачи вышли из бывших кулов. И хотя консервативно-охранительная

политика царизма, поддерживавшая старую феодальную знать, тормозила этот процесс стирания сословных граней и замены их классовым делением общества.

Борьба карачаевских крестьян против феодального землевладения переплеталась с национально-освободительным движением кавказских народов против колониальной политики царизма.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты Кавказской археографической комиссии. Архив главного управления наместника Кавказского. Тифлис, 1866-1904.

2. Алейников М. Карачаевские сказания. // СМОМПК, вып. 3, Тифлис, 1883.

3. Алиев У.Д. Карачай. Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Черкесск, 1991.

4. Алиев У.Д. Кара-халк. Очерк исторического развития горцев Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1927.

5. Атманских. Животноводство в Карачае Кубанской области (Зооигиенический очерк)// Юго-Восточный хозяин, 1913, вып. 2.

6. Братков И.Н. Погром Батал-паши на берегах Кубани. Екатеринодар, 1896.

7. Ваганов С.В. Значение охранно-карантинной линии на границе Кубанской области с Закавказьем в связи с условиями животноводства в нагорной полосе. // ИОЛИКО, вып. 1, Екатеринодар, 1899.

8. Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. XVI, ч. 1, Ставропольская губерния, СПб, 1851.

9. Ган К.Ф. Кавказские географические названия. // Кавказ, 1907, № 118, 123, 124-126.

10. Гильденштедт. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на академика И.А. Гильденштедта через Россию и по кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб, 1809.

11. Голицын Н.Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Емануэля. СПб, 1851.

12. Грове. Холодный Кавказ. // Природа и люди, СПб, 1879.

13. Гречишкин Г.М. Теберда. Горная климатическая станция и лачная местность. Ст. Лабинская, 1912.
14. Даль А.В. Проект военно-сухумской дороги. // ЗКОРГО, 1881-1882, т. 14.
15. Динник Н.Я. Горы и ушья Кубанской области. ЗКОРГО, кн. 13, вып. 1, Тифлис, 1884.
16. Долина Зеленчука (Старое жилище на Кубани). ПР, 1917.
17. Дьячков-Тарасов А.Н. В горах Большого и Малого Карачая. // СМОМПК, вып. 28, 1900.
18. Дьячков-Тарасов А.Н. Заметки о Карачае и карачаевцах. // СМОМПК, вып. 25, 1898.
19. Дьячков-Тарасов А.Н. О задачах этнографии в деле изучения горских племен Кубанской области. // ИОЛИКО, вып. 1, Екатеринбург, 1899.
20. Дьячков-Тарасов А.Н. Социальные формации Карачая и их современная экономическая мощьность. // Записки Северо-Кавказского горского научно-исследовательского института, т. 1, Ростов-на-Дону, 1928.
21. Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель, ч. 3, СПб, 1835.
22. Иваненков Н. Карачаевцы. // ИОЛИКО, вып. 5, Екатеринбург, 1912.
23. История народов Северного Кавказа (конец XVIII-1917 г.). М., 1988
24. Исторические записки о странах, лежащих между морем Черным и Каспийским. СПб, 1810.
25. Карачаевцы, историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978.
26. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 1-2, М., 1890.
27. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. М., 1886.
28. Ковалевский М.М. Кавказ, т. 1. Народы Кавказа. СПб, 1914.
29. Лайпанов Х.О. К истории карачаевцев и балкарцев. Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1957.
30. Ламберти. Описание Колхиды и Мингрелии. ЗООИД, т. 10, Одесса, 1877.
31. Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Т. 1-2, Одесса, 1882-1883.
32. Миллер Б.В. Карачае. // Этнографическое обозрение, 1899, № 1-2, М., 1899.

33. Миллер Б. Из области обычного права карачаевцев // Этнографическое обозрение, 1902, № 1-2, М., 1902.
34. Маркграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882.
35. Народы Карачаево-Черкесии (историко-этнографические очерки). Ставропольское книжное издательство, 1957.
36. Народы Кавказа. М., 1960, т. 1.
37. Невская В.П. Пережитки родовой общины и семейная община у карачаевцев в XIX в. // Из истории Карачаево-Черкесии. Труды КЧНИИ, вып. 6, серия историческая. Ставропольское книжное издательство, 1970.
38. Невская В.П. Аграрный вопрос в Карачаево-Черкесии в эпоху империализма. Черкесск, 1972.
39. Невская В.П. Проблемы сельской общины у горских народов Северного Кавказа в советском кавказоведении. // Изв. СКНЦВШ. Общественные науки, 1985, № 1.
40. Невская В.П. Связи народов Карачая и Черкесии с русским народом и сближение их материальной культуры (XIX-начало XX вв.) // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1980.
41. Новицкий В.Ф. Три поездки в окрестностях Эльбруса летом 1896 г. // В горах Кавказа. ИРГО, т. 39, вып. 2, 1903.
42. Орлов В.М. Возможна ли частная земельная собственность в Кубанской области. // ИОЛИКО, вып. 3, Екатеринодар, 1902.
43. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1. Ставропольское книжное издательство, 1967.
44. Первая экскурсия преподавателей средних учебных заведений Кавказского округа в Большой и Малый Карачай летом 1908 г., Тифлис, 1909.
45. Петров Г.С. Верховья Кубани - Карачай. // Памятная книжка Кубанской области на 1880 г., Екатеринодар.
46. Петрусеви́ч Н. Заметки о карачаевских адатах по долговым обязательствам. // Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 4, 1870.
47. Письменное заявление карачаевского народа и объяснение комиссии. Екатеринодар, 1911.
48. Студенецкая Е.Н. К вопросу о феодализме и рабстве в Карачае XIX века. // Советская этнография, 1937, № 2-3.
49. Студенецкая Е.Н. Орта́к - одна из форм эксплуатации в Карачае и Балкарии (конец XIX-начало XX вв.) // Сборник трудов института. Карачаево-Черкесский педагогический институт, вып. 1, Нальчик, 1958.

50. Студенечкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII-XX в. М., 1989.
51. Сысоев В.М. Археологические экскурсии по Закубанью (1896). МАК, IX, М., 1904.
52. Сысоев В.М. Карачай. // СМОМПК, вып. 43, Тифлис, 1913.
53. Сысоев В.М. Отчет о раскопках в Карачае, Карт-Джурте и на Индыше в 1898 г. // ОАК, 1898. Архив ЛО-ИМК ФАК, 1898.
54. Сысоев В.М. Поездка к верховьям Большого Зеленчука и Теберды. // Археологические известия и заметки, издаваемые Московским археологическим обществом, т. 4, М., 1896.
55. Талицкий Н.Е. Очерки Карачая. // СМОМПК, вып. 40, Тифлис, 1909.
56. Тамбиев И. Карачай прежде и теперь. Ростов-на-Дону, 1931.
57. Тамбиев И. Рабство и феодализм в дореволюционном Карачае. // Революция и горец, 1932, № 4.
58. Тамбиев И. О родах и сословно-феодальных отношениях в дореволюционном Карачае и об их фальсификации. // Революция и горец, 1931, № 12.
59. Тарасов А. Через Большой Карачай к подножию Эльбруса. // Советский Северный Кавказ, 1930, июль.
60. Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы. Традиционная система жизнеобеспечения. М., 1989.
61. Тепцов В. По истокам Кубани и Терека. // СМОМПК, вып. 14, Тифлис, 1892.
62. Терентьев А. Артачное право в Карачае. // Революционный Восток, 1929, № 7.
63. Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения карачаевского народа Кубанской области. Екатеринодар, 1911.
64. Фелицин Е.Д. Краткий очерк заселения Кубанской области. // ИКОИРГО, 1883-1885, т. 8, № 2.
65. Фелицин Е.Д. К вопросу о сословиях у горских племен Кубанской области. // КОВ, 1837, № 20-22, 26-29, 32-33.
66. Хан-Гирей. Князь Пшъской Аходягоко. Из сочинения под заглавием „Биографии знаменитых черкесов и очерки черкесских нравов.“ // СМОМПК, вып. 17, Тифлис, 1898.
67. Чурсин Г.Ф. Поездка в Карачай. // ИКОИРГО, т. XXIII, 1915, № 3.
68. Чурсин Г.Ф. Экономическая жизнь Карачая. // Кавказ, 1900, № 322.

69. Чурсин Г.Ф. Этнографические заметки о Карачае. // Кавказ, 1900, № 305-306.
70. Шаманов И.М. Скотоводство и хозяйственный быт карачаевцев в XIX - начале XX в. //Кавказский этнографический сборник, М., 1972, вып. 5.
71. Шаманов И.М. Обработка дерева и лесной промысел. //Из истории Карачаево-Черкесии. Труды КЧНИИ, вып. VII, серия историческая, Черкесск, 1974.
72. Шаманов И.М. Народный календарь карачаевцев // Там же.
73. Шаманов И.М. Обряды и поверья карачаевцев, связанные с рождением ребенка (XIX-начало XX в.) // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии, Черкесск, 1980.
74. Щукин И. Материалы для изучения карачаевцев // Русский антропологический журнал, 1913, № 1-2, М., 1913.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИИ

- АКАК - Акты Кавказской Археографической Комиссии
 ГАА - Государственный архив Адыгеи
 ГАКК - Государственный архив Краснодарского края
 ГАКЧ - Государственный архив Карачаево-Черкесии
 ГАСК - Государственный архив Ставропольского края
 Записка - Записка канцелярии главноначальствующего гражданской части о правах высших сословий Кубанской и Терской областях
 ЗКОРГО - Записки Кавказского отдела Русского географического общества
 ЗООИД - Записки Одесского общества истории и древностей
 ИКОИРГО - Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества
 ИОЛИКО - Известия Общества любителей изучения Кубанской области
 ИРГО - Известия Русского географического общества
 КОВ - Кубанские областные ведомости
 КС - Кавказский сборник
 Куб. сб. - Кубанский сборник
 КЧНИИ - Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
 ЛОИМК - Ленинградское отделение Института материальной культуры
 МАК - Материалы по археологии Кавказа
 ОАК - Отчеты археологической комиссии

СМОМПК - Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа

СКНЦ ВШ - Северо-Кавказский научный центр высшей школы

ССКГ - Сборник сведений о кавказских горцах

Труды комиссии - Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения карачаевского народа Кубанской области

ЦГА КБ - Центральный государственный архив Кабардино-Балкарии

ЦГИА Гр. - Центральный государственный исторический архив Грузии

ЦГА СО - Центральный государственный архив Северной Осетии

ЦГВИА - Центральный государственный Военно-исторический архив

ЦГИА - Центральный государственный исторический архив.

КРАТКИЙ ОЧЕРК НАУЧНОЙ, ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ, ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.П.НЕВСКОЙ

Валентина Павловна Невская родилась в 1919 г. в г. Самаре. Детство провела с родителями, переезжавшими по месту работы отца, работавшего во внешторге, в Персии, на Дальнем Востоке, в Германии, а затем в Москве. Там окончила среднюю школу и поступила в институт. В 1941 году эвакуировалась с ребенком в Ташкент.

После войны, в 1947 году окончила Московский государственный педагогический институт и поступила в аспирантуру к профессору В.Н. Дьякову, заведовавшему кафедрой истории древнего мира в Московском педагогическом институте. В годы учебы была опубликована первая небольшая статья о Боспорском царстве в Малой Советской энциклопедии. Принимала участие в археологической экспедиции в Ольвийском заповеднике под руководством профессора Л.М. Славина.

В аспирантуре работала над темой: „Византии в классический и эллинистический периоды" под руководством В.Н. Дьякова. В срок защитила диссертацию и была направлена на работу в Учительский институт г. Муром. Продолжала заниматься античной историей, подготовила к печати монографию по теме диссертации. Книга „Византии в классическую и эллинистическую эпохи" была издана в 1953 г. в

издательстве Академии наук СССР в серии „Причерноморье в античную эпоху“ под редакцией профессора В.Н. Дьякова, как 4-й выпуск этой серии.

Книга вызвала большой интерес в антиковедении. Она была переведена на немецкий язык и издана в Лейпциге в издательстве Колер и Амелянг. Сокращенный перевод ее был помещен в японском историческом журнале „Шихо“ (Journ. of History), - 1955. - № 55. -С.36-51. Отзыв на книгу был опубликован также в австрийском историческом журнале.

Однако жизнь сложилась так, что В.П. Невской, дочери незаконно репрессированного так называемого „врага народа“, пришлось уехать из Москвы на Северный Кавказ и прекратить исследования по древней истории. В г. Черкесске, где Валентина Павловна преподавала древнюю историю в Учительском институте, а затем заведовала сектором истории в Черкесском научно-исследовательском институте, она занялась историей народов области: черкесов, абазин и ногайцев. Это определило всю ее дальнейшую жизнь. Результатом была монография „Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия“, а также ряд статей.

История народов области была к этому времени изучена очень мало. Не подняты были архивные материалы, не выработана концепция истории народов, только начиналось археологическое изучение края. Все надо было начинать сначала. Статьи дореволюционных русских исследователей содержали богатый фактический материал, но не решали основных вопросов об уровне развития социально-экономических отношений, степени феодализации, классовом составе населения и т.д. Многие из работ принижали уровень развития горских народов, считая их чуть ли не первобытными. Даже первые советские авторы утверждали, что горцы до самой революции жили родовым строем.

Для изучения древней и средневековой истории народов Северного Кавказа важны были труды и археологические исследования Евгении Павловны Алексеевой. Вместе с нею в тесной научной и личной дружбе прошли все последующие годы жизни В.П. Невской. Вместе создавали они основы научного изучения истории народов, воссоздавали картину материальной и духовной культуры народов, их общественного строя. Особое внимание обращала Невская на проблему сельской общины.

Когда в 1957 г. были возвращены на родину депортированные в Среднюю Азию карачаевцы, В. П. Невская стала изучать историю и этнографию карачаевского народа и

отдала этому все свои силы и всю свою жизнь. Чтобы решить поставленные жизнью вопросы, необходимо было собрать большой архивный, литературный и полевой материал. В течение четверти века разыскивала Невская архивные документы: рапорты и донесения офицеров и чиновников, жалобы крестьян, отчеты приставов и начальника Кубанской области, переписку должностных лиц и статистические отчеты в архивах Москвы и Ленинграда, Тбилиси и Владикавказа, Нальчика и Майкопа и более всего в Краснодарском и Ставропольском архиве.

Там же работала в библиотеках над периодической печатью и литературой. А в Карачаево-Черкесской области ездила по аулам, где записывала рассказы мудрых горских стариков. Среди них были такие долгожители, как более чем столетние Эбзеев Локман и Эбзеев Камбот, немного моложе их - Коркмазов Эза и Урусов Магомет и многие другие. В экспедициях принимали также участие ленинградский этнограф, зав. отделом Кавказа Музея этнографии народов СССР Е.Н. Студенецкая и сотрудники научно-исследовательского института Карачаево-Черкесии Х.И. Суюнчев и Р.Т. Алиев.

Собранный в архивах, библиотеках и в аулах материал помог решить ряд важных проблем истории карачаевского народа и лег в основу монографий „Карачай в XIX в. (дореформенный период)" и „Карачай в пореформенный период", „Аграрный вопрос в Карачаево-Черкесии в эпоху империализма", статей, а также докторской диссертации В. П. Невской «Карачай в XIX в», «Эволюция аграрного строя и сельской общины», защищенной в 1966 г. в Ростовском университете. Коллективом авторов были написаны двухтомные „Очерки истории Карачаево-Черкесии". В первом томе В.П. Невская выступала и как автор ряда глав и ответственный редактор.

В.П. Невская принимала участие во многих региональных, всесоюзных и международных конгрессах и совещаниях историков и этнографов (XXV Международный конгресс востоковедов в августе 1960 г., XV Международный конгресс антропологических и этнографических наук в августе 1964 г., XIII Международный конгресс историков, 1970 г. и др.).

В 1971 г. Невская В.П. вернулась к преподавательской работе, перейдя на кафедру истории Ставропольского государственного педагогического института. В 1976 г. В.П. Невская стала заведовать кафедрой всеобщей истории. Она читала лекции и вела семинарские занятия по истории Древнего мира. Но оставить изучение истории народов Северного Кавказа она не могла и продолжала писать труды по

проблеме сельской общины, развития феодальных отношений у горских народов, истории крестьянства и по историографии. Вместе с тем она стала заниматься и историей Ставрополья, принимая участие в написании и редактировании „Очерков истории Ставропольского края", историко-этнографического очерка „Карачаевцы".

Много сил вложила В.П. Невская в работу над многотомной „Историей народов Северного Кавказа". В подготовке этого издания принимали участие научно-исследовательские институты автономий Северного Кавказа, а также Институт Истории АН СССР. В.П. Невская входила в число авторов и кураторов глав, была заместителем ответственного редактора второго тома академика А.Л. Нарочницкого, готовила карты к этому тому и провела большую работу по редактированию глав второго тома „История народов Северного Кавказа (конец XVIII-1917г.)".

С конца 80-х гг. В.П. Невская приняла участие в работе над „Историей городов и сел Ставропольского края", а также в подготовке „Истории крестьянства Северного Кавказа" и „Историографии истории Северного Кавказа".

В.П. Невская награждена Орденом Трудового Красного Знамени и медалями „За трудовую доблесть", „За доблестный труд", „За долголетний добросовестный труд", значком „Отличник просвещения СССР" и другими знаками отличия.

Её деятельность получила и международное признание. В.П. Невская - единственная в Российской Федерации женщина-исследователь, удостоенная „Серебрянной медали века", дважды (!) по решению Международного Кембриджского Библиографического Центра признанная „Женщиной года" (также единственная на всю Россию).

ТРУДЫ В.П. НЕВСКОЙ

1953

Невская В.П. Византии в классическую и эллинистическую эпохи / Под ред. В.Н. Дьякова. - М.: Изд-во АН СССР, 1953. - 159 с, с карт., 2 л. ил. - (АН СССР. Ин-т истории; Вып. 4).

Рец. Yasuda K. Buzantij v Klassichekyu i Ellenistichskyu Epokhi // Shicho (The Journal of History). Токио, 1955. - № 55. - С. 36-51.

Невская В.П. Из истории Черкесии: (Из истории русско-черкесских связей) // Сов. Черкесия. - 1953. - 6 дек.; 8 дек.; 9 дек.

1955

Newskaja W.P. Buzanz in der klassischen und hellenistischen Epoche. - Leipzig: Koehler Amelang, 1955. - 170 с.

1956

Невская В.П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия / Под ред. П.А. Брюханова. - Черкесск: Кн. изд-во, 1956. - 168 с.; 2 л. карт.

1957

Алексеева Е.П., Калмыков И.Х., Невская В.П. Добровольное присоединение Черкесии к России (к 400-летию юбилею) / Под ред. Э.А. Джанибекова. - Черкесск: Кн. изд-во, 1957. - 91 с.

Невская В.П. Карачаевцы // Народы Карачаево-Черкесии (Историко-этнографические очерки). - Ставрополь, 1957. - С.15-53.

1958

Невская В.П. Колониальная политика царизма в Черкесии и Карачае в аграрном вопросе // Сб. тр. / Карачаево-Черкес. гос. пед. ин-т. - Нальчик, 1958. - Вып. I. - С.225-247.

1959

Невская В.П. Земельная реформа и отмена крепостного права в Черкесии // Тр. / Карачаево-Черкес. НИИ. - 1959. - Вып. 3. Сер. ист. - С.84-207.

Невская В.П. О нем слагают песни // Ставроп. правда. - 1959. - 15 нояб. О Т.Д. Алиеве.

Невская В.П. Умар Алиев - историк и этнограф Карачая // По ленинскому пути (Карачаевский район). - 1959. - 6 мая.

1960

Невская В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке (дореформенный период) / Под ред. Х.О. Лайпанова. - Черкесск: Карачаево-Черкес. кн. изд-во, 1960. - 159 с.; ил.; 1 л. карт.

Невская В.П. История оживает: Говорят ученые // Ленинское знамя (Черкесск). - 1960. - 6 июля.

1962

Невская В.П. Природа и население: Страницы истории // 40 лет автономии Карачаево-Черкесии. - Черкесск, 1962. - С.19-41.

Невская В.П. Страницы истории // 40 лет автономии Карачаево-Черкесии. - Черкесск, 1962. - С.84-208.

1964

Невская В.П. Земельные отношения в Карачае во 2-й половине XIX в. // Тр. / Карачаево-Черкес. НИИ. - Ставрополь, 1964. - Вып. IV. Сер. ист. - С.76-137.

Невская В.П. Карачай в пореформенный период / Под ред. А.В. Фадеева. - Ставрополь: Кн. изд-во, 1964. - 224 с. - (Карачаево-Черкес. НИИ экон., ист., яз. и лит.).

Невская В. Зукку пристоп // Ленини Байрагъы. -1964. - 4 январны.

Невская В., Сидакова Л. Сестра поэта // Ленинское знамя (Черкесск). - 1964. - 9 февр.

Об О.Л. Хетагуровой, сестре К.Л. Хетагурова, учительнице школы селения Георгиевско-Осетинское.

Невская В.П. Форум ученых мира: Наши делегаты в Москве // Ленинское знамя (Черкесск). - 1964. - 21 авг.

С VII Международного конгресса антропологов и этнографов; Москва, 1964 г.

1965

Невская В. Карачаевцы и балкарцы - древний народ Кавказа // Ленинское знамя (Черкесск). - 1965. - 6 янв. - Рец. на кн.: Алексеева Е.П. Карачаевцы и балкарцы - древний народ Кавказа. - Черкесск: Карачаево-Черкес. кн. изд-во, 1963. - 54 с.: ил.

Невская В., Кубанов Г. Могучий поток. - Ставрополь: Кн. изд-во, 1965. - 56 с.

1966

Невская В.П. Карачаево-Черкесия в советской исторической науке: Критико-библиогр. обзор // Тр. / Карачаево-Черкес. НИИ. - 1966. - Вып. 5. - С.275-309.

Невская В.П. Карачай в XIX веке: Эволюция аграр. строя и сел. общины: Автореф. дис. на соискание учен. степени д-ра ист. наук. - Черкесск, 1966. - 54 с. - (Рост. ун-т).

1967

Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. I. С древнейших времен и до Великой Октябрьской социалистической революции / Редкол.: В.П. Невская, З.А. Романовский (отв. редакторы) и др. - Ставрополь: Кн. изд-во, 1967. - 600 с.

1969

Невская В.П. Международное значение опыта СССР в решении национального вопроса // Под ленинским знаменем национальной политики. - Черкесск, 1969. - С. 137-149.

Невская В. По полям и станицам: Репортаж из далекого прошлого и комментарии к нему, сделанные сегодня. // Ленинское знамя (Черкесск). - 1969. - 26 нояб.

Невская В.П. Снова в пути // Ленинское знамя (Черкесск). 1969. - 7 окт. Об этнографе, исследовательнице Кавказа Е.Н. Студенечкой.

1970

Невская В.П. На пути к Октябрю // По ленинским заветам: Сб. ст. - Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отделение, 1970. - С.7-55.

Невская В.П. Пережитки родовой общины и семейная община у карачаевцев в XIX веке // Тр. / Карачаево-Черкес. НИИ экон., ист., яз. и лит. - 1970. - Вып. 6. Сер. ист. - С. 174-225.

Невская В. Крепкая рука дружбы // Ленинское знамя (Черкесск). - 1970. - 15 янв.

Невская В.П. Сквозь трудности и невзгоды // Ленинское знамя (Черкесск). - 1970. - 15 янв.

Невская В.П. Ценный труд // Ленинское знамя (Черкесск). - 1970. - 24 сент. О книге „Некоторые вопросы социально-экономического развития Юго-Восточной России“, выпущенной Ставропольским книжным издательством.

1971

Невская В.П. Казачьи станицы Баталпашинского отдела // Ленинское знамя (Черкесск). — 1971. — 10 марта.

1972

Невская В.П. Аграрный вопрос в Карачае и Черкесии в эпоху империализма. — Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отделение, 1972. - 216 с.

Невская В.П. Преображенная деревня Карачаево-Черкесии за полвека. - Черкесск: Кн. изд-во, 1972. - 48 с.

Невская В.П. Преображенное село // Карачаево-Черкесия за полвека. - Черкесок, 1972. - С.43-81.

1973

Карачаево-Черкесская Автономная область / Сост.: Е.П. Алексеева, В.П. Невская, Р.А. Бураев и др. // БСЭ. - 3-е изд. - М., 1973. - Т. II. - С.398-401.

Невская В. Черты эпохи: Ставрополье за годы Советской власти // Ставроп. правда. - 1973. - 6 нояб.

1974

Невская В.П. Истоки дружбы, экономических и культурных связей России и народов Карачаево-Черкесии // Использование памятников истории и культуры в интернациональном воспитании трудящихся. - Черкесск, 1974. - С. 16-25.

Алексеева Е.П., Невская В.П. Татьяна Максимовна Минаева: (Археолог. 1896-1973. Некролог) // Тр. / Карачаево-Черкес. НИИ экон., ист., яз. и лит. - 1974. - Вып. 7. - С.343-345.

Невская В.П. Къарачайны биринчи историклери — марксистлери // Ленини Байрагы. - 1974. - 20 июнну.

Невская В.П. (Рецензия) // Сов. этнография. - 1977. - № 3. - С.168-170. - Рец. на кн.: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. - Нальчик, 1974. - 634 с.

1975

История горских и кочевых народов Северного Кавказа / Редкол.: В.П. Невская (отв. ред.) и др. - Ставрополь, 1975. - 138 с. (Ставроп. гос. пед. ин-т; Вып. 1).

1976

Невская В.П. Материалы Абрамовской земельной комиссии как источник по аграрной истории Карачая // История горских и кочевых народов Северного Кавказа. - Ставрополь, 1976. - Вып. 2. - С.50-69.

1977

Невская В. Подвиг, который продолжается всю жизнь: (О Н.В. Василенко) // За педагога-ленинца. - 1977. - 30 апр.

1978

История горских и кочевых народов Северного Кавказа / Редкол.: В.П. Невская (отв. ред.) и др. - Ставрополь, 1978. - 114с. - (Ставроп. гос. пед. ин-т, Вып. 3).

Карачаевцы: Историко-этнографический очерк / Редкол.: Л.И. Лавров (отв. ред.), В.П. Невская, А.И. Караева. - Черкесск: Ставроп, кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отд-ние, 1978. - 338с.: ил.

Невская В.П., Невская Т.А. Сельская община у карачаевцев в XIX веке // Социальные отношения у народов Северного Кавказа. - Орджоникидзе, 1978. - С.21-46.

Невская В.П. Умар Алиев и Ислам Тамбиев - первые историки-марксисты Карачая // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. - Грозный, 1978. - С.31-40.

Невская В. Молодость сердца // Ставроп. правда. - 1978. - 2 дек. О П.А. Шацком.

1979

Невская В. Конференция в Грозном // Ставроп. правда. 1979.
- 13 нояб.

1980

История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX-начале XX вв. (проблемы социально-экономического развития) / Редкол.: В.П. Невская (отв. ред.) и др. - Ставрополь, 1980. - 128 с.

1981

Проблемы аграрной истории народов Северного Кавказа в дореволюционный период: [Сб. науч.тр.] / Редкол.: В.П. Невская (отв. ред.) и др. - Ставрополь, 1981. - 122 с. - (Ставроп. гос. пед. ин-т).

1982

Невская В.П. Перемены в общественном строе горских народов Северного Кавказа во второй половине XIX в. // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI-70-е годы XX века): (Материалы Всерос. науч. конф., 2-3 окт., г. Грозный). - Грозный, 1982. - С.323-330.

1983

Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа: Сб. науч. тр. /Ставроп. гос. пед. ин-т; Редкол.: В.П. Невская (отв. ред.) и др. - Ставрополь: Изд-во СГПИ, 1983. -161 с.

1984

Очерки истории Ставропольского края. Т. I. С древнейших времен до 1917 года / Редкол.: А.А. Коробейников (отв. ред.) и др., науч. ред. В.П. Невская. - Ставрополь: Кн. изд-во, 1984. - 379 с.

1985

Проблемы общественной жизни и быта народов Северного Кавказа в дореволюционный период: Сб. науч. тр./ Ставроп. гос. пед. ин-т; Редкол.: В.П.Невская (отв. ред.) и др. - Ставрополь, 1985. — 184 с.

Невская В.П. Проблемы сельской общины у горских народов Северного Кавказа в советском кавказоведении // Изв. Сев.-Кавк. науч. центра высш. шк. Обществ. науки. - 1985. -№ 1. - С.41-47.

Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790-1917): Сб. док. / Сост.: В.П. Невская, И.М. Шаманов, С.П. Несмачная. — Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1985. - 288 с.

1986

Очерки истории Ставропольского края. Т. 2., С 1917 года до наших дней / Редкол!: А.А. Коробейников (отв. ред.), В.П. Невская и др. - Ставрополь: Кн. изд-во, 1986. - 607 с.

1987

Невская В.П., Авксентьев А. Легенда и быль // Ставроп. правда. - 1987. - 19 апр.

1988

История народов Северного Кавказа (конец XVIII в.-1917 г.) / А.Л. Нарочницкий (отв. ред.), В.П. Невская (зам. отв. ред.); Редкол.: Ю.И. Серый и др. - М.: Наука, 1988. - 659 с.: ил.

Невская В.П. Кавказовед, аграрник П.А. Шацкий (1906-1983) // Материалы по изучению Ставропольского края. - Ставрополь, 1988. - Вып. 15-16. - С.405-413.

Невская В.П. Сельская община и процесс феодализации горских обществ Северного Кавказа // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. - Махачкала, 1988. - С.53-60.

1989

Невская В.П., Алексеева Е.П. Историография истории Карачаево-Черкесии // Вопросы археологии и средневековой истории Карачаево-Черкесии: Сб. науч. тр. - Черкесск, 1989. - С.138-166.

Методические рекомендации по написанию „Истории городов и сел Ставропольского края” / Сост.: В.П. Невская, Н.Д. Судавцов. - Ставрополь, 1989. - 38 с. - (Ставропольский гос. пед. ин-т).

Невская В., Байрамуков И., Шаманов И. У истоков просвещения // Ленинское знамя (Черкесск). - 1989. - 25 авг.

К 100-летию со дня рождения первого карачаевского педагога и просветителя И.М. Байрамукова, так же в „Ставроп. Правде”

1990

Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма / Редкол.: А.М. Анфимов (отв. ред.), Б.М. Джимов, В.П. Невская и др. - Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1990. - 256 с. ил.

Проблемы социально-экономического и политического развития Северного Кавказа перед Октябрем: Межвуз. сб. науч. тр. / Редкол.: В.П. Невская (отв. ред.) и др. - Ставрополь: СГПИ, 1990. - 112 с.

Письмо Брата

/Лирические размышления современника/

Необходимое предисловие:

В поисках каких-то рукописей как-то недавно я рылся в своем писательском архиве - немало по объему, ибо прошло уже 47 лет, как я впервые выступил в печати как поэт с первым своим стихотворением,- правда, как начинающий поэт, но уже - я это помню хорошо - с чувством ответственности перед Словом. И, естественно, за столь долгий срок накопилось много рукописей, дневниковых записей, множество неопубликованных стихотворений, написанных в годы моего «диссидентства», в мои "опальные" годы, которые, кажется, длились десятилетия - так долго, что мне вся моя жизнь видится в опале и одиночестве... И вдруг наткнулся на папку с этим "Письмом". Я, конечно, знал, что "Письмо брата" лежит у меня где-то, но как-то руки не доходили до него. Вспоминал о нем и в тревожные для нашей республики дни - в дни противостояния на главной площади Черкесска. Но я тогда, в те дни, выступал по республиканскому телевидению с обращением к абазинскому народу, выступил неоднократно и по республиканскому радио - говорил только одно: ни в коем случае нельзя никогда, ни при каких обстоятельствах, настраивать народ против другого народа! Это совершенно неверно! Это абсолютно ошибочно - с любой точки зрения! Мы живем на одной земле; мы давно стали братьями! Мы и должны жить на этой земле как братья - это нам определено самой жизнью! И забывать об этом - преступление! Будущее нам не простит подобную забывчивость!.. И после этих выступлений «Письмо брата» как-то отодвинулось, будто спряталось. Сейчас, найдя его в архиве своем, я заново перечел его и решил предложить редакции.

Почему мне вдруг захотелось написать это письмо? Скажу откровенно: меня к этому побудил рассказ Азрета

Урусова, Исмаила Алиева и Кази Лайпанова о неформальном обществе карачаевского народа с прекрасным названием "Джамагат". Вы помните, рассказ этот был совсем недавно опубликован в нашей областной газете "Ленинское знамя", выходящей у нас на русском языке. Всё, что говорится в этом рассказе, мне как человеку, горцу, представителю небольшого кавказского народа очень близко и дорого. Я душой и сердцем понимаю человеческие задачи, которые перед собой ставит общество "Джамагат", особенно такие, которые мне очень близки и которые я считаю важными для нас - малочисленных народов Северного Кавказа: 1.»Воссоздание исконно национальной духовной культуры, лучших традиций народа в новых условиях. Изучение фольклора, борьба за коренное изменение отношения к родному языку, литературе, искусству»; 2.»Всемерное содействие количественному и качественному росту интеллигенции, активная моральная и материальная поддержка талантливых представителей творческой и научной интеллигенции". Почему именно эти два пункта из задач, поставленных членами общества "Джамагат", я считаю наиболее важными? Потому что убеждён: только истинное возрождение исконно национальной горской культуры /карачаевской, черкесской, ногайской, абазинской - в данном случае речь веду о них/ в современных условиях спасет наши народы от исчезновения. Вопрос стоит только так, ибо не может народ считаться народом, когда он теряет истинно народные традиции, обычаи народа, язык, литературу, песни свои, без которых, как бы экономически богато ни жил народ, - нет народа как такового. К сожалению, многие наши деятели культуры, писатели, учёные мало задумываются над этой очень главной, очень важной проблемой для нас. Нелишне повторить ещё раз: без языка нет народа, ведь язык - основа национальной культуры, и всем нам - в первую очередь - необходимо бороться за экологическую чистоту наших языков, бороться за это всеми имеющимися у нас возможностями: газетами, учебниками, литературными произведениями, искусством самодеятельных и профессиональных театров.

И при этом - помогать друг другу, чувствовать близость братского плеча. Ведь земля у нас одна, обычаи у нас одни...

Вдруг я остановил себя на полуслове – и спросил себя: а кому пишу это Письмо? Обычно такие письма,- задушевные, откровенные,- пишут самым близким людям, чтобы поделиться с ними братскими чувствами... Так разве мало у меня среди карачаевцев таких близких людей, с которыми я могу говорить по-братски, ничего не утаивая в сердце своём?! Вот им и хочется мне адресовать своё Письмо. Людям, с которыми я работал долгие годы, с которыми я дружил, делился и словом, и хлебом по-братски. Если некоторых из них нет уже с нами, то я позволю себе включить их в число живых - и адресовать свои слова их Незабвенной Памяти...Вспомню несколько случаев из моей жизни.

В 1961 году я окончил Литературный институт им. А.М.Горького и, как говорится, вернулся на родину с дипломом литератора. До этого я редко встречался с людьми карачаевской национальности. Правда, в Литературном институте судьба меня свела с Кайсыном Кулиевым: в 1956 году я поступил в этот писательский вуз, а он поступил на ВЛК /высшие литературные курсы/ при нашем институте - были такие двухгодичные итературные курсы для уже известных писателей, членов Союза писателей СССР. И, как-то так случилось, мы с ним по-человечески, очень близко подружились, и всю свою жизнь Кайсын опекал меня, как младшего брата, старался оберегать меня от возможных неприятностей, которых, к сожалению, немало бывает в жизни поэта. Помню, когда некоторые должностные лица в области, узнав себя в образах-типах бюрократов в моей поэме "Загадка" из книги "Абазинские всадники", используя силу своих мягких кресел, начали жестоко преследовать меня, Кайсын Кулиев приехал вместе с переводчиком Наумом Гребневым и мужественно защищал меня, защищал справедливость. Это было в 1969 году...

Кайсына Кулиева я, как уже говорил об этом, впервые увидел в сентябре 1956 года в подмосковном городке

писателей - Переделкино, где мы, студенты Литинститута, жили тогда,- общежитие в Москве Литфонд СП СССР нам построил позже - в 1958 году... Вот тогда впервые я узнал от него „что карачаевцы и балкарцы говорят на одном языке. Видимо, поэтому до 1961 года - до моего окончания института и возвращения домой - совершенно произвольно в душе моей слились в один свет, эти два понятия: Кайсын Кулиев и карачаевцы, или: карачаевцы и Кайсын Кулиев. И - пусть меня извинят балкарцы - мне даже казалось, что Кайсын Кулиев родом из Учкулана. Вот с этим чувством я и вернулся домой. А тут меня направили в г. Карачаевск, в пединститут: некому,- сказали мне в обкоме партии,- читать лекции по абазинской литературе. И вот тогда, в Карачаевске, в 1961 году началось моё настоящее открытие карачаевцев. Конечно, многого я ещё не знал тогда - и в силу молодости своей, и в силу своего кратковременного пребывания в Карачаевске. Но уже тогда я, кажется, сумел разглядеть в своих товарищах по работе самую основную суть характера карачаевцев: подлинная человеческая доброта, высокая открытость души, совершенно исключаящую всякую фальшь, всякое лицемерие и двуличие в отношениях между людьми. Это меня поразило. После лекций, когда был свободен от многочисленных педсоветов и всяких собраний /из-за чего, кстати сказать, через год убежал из пединститута!/, я бродил по чистеньким приятным улицам Карачаевска, ходил по горам и лесам и старался найти объяснение тому, что меня приятно поражало в карачаевцах: столько лет народ был в ссылке, столько лет страдал, столько горя увидел, столько мук перенес!.. А его сыны – мои товарищи по работе - также как и мы, трудятся спокойно,. весело, потоварищески относясь ко всем нам: черкесам,. ногайцам, абазинам, русским, кабардинцам, абхазам - ко всем, кто с ними рядом работает. Ни единого слова упрёка, ни единого злого слова, которое так легко могло бы ранить душу. Ни одного подобного срыва я не помню со стороны карачаевцев, с которыми мы плечом к плечу работали. Конечно, они прекрасно знали, что из нас никто не был виноват в этой трагедии карачаевского народа, но — "всё

же, всё же, всё же!" — как сказал Твардовский, кто-то неводержанный, вспыльчивый, мог бросить несправедливое, злое слово в нашу сторону, как-то задеть со зла!.. Нет! Эти духовно прекрасные люди, эти сильные люди никогда не позволяли себе ничего подобного! За это я ещё больше полюбил их. И я начал изучать карачаевский язык. И моим учителем стал прекрасный человек и прекрасный педагог /в этом я убеждался не раз - мы вместе работали/ Ибрагим Урусбиев. Начали прямо с букваря. До сих пор помню первое предложение, которому мой незабвенный учитель, светлея душой и лицом, учил меня: «Анам бла атам колхозда ишлейдиле...» Я адресую это Письмо Светлой Памяти Умара Баблашевича Алиева - первого в Карачаево-Черкесии профессора-лингвиста, тонкого поэта-лирика, с которым мы были очень близки духовной и душевной близостью, работали вместе в пединституте. Помню, его 60-летие отмечалось в конференц-зале пединститута. Было очень много гостей из Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Калмыкии, Краснодар, Ставрополя, Абхазии, Адыгеи, Ростова-на Дону. Было очень весело и по-особенному светло. И я /тогда я уже работал в Черкесске, в Союзе писателей/ поздравил его от имени областной писательской организации. Почему-то надолго запомнились слова, сказанные Умаром Баблашевичем: "60 лет - это немало для человека, - сказал он с улыбкой.- Но жаль, что сегодня вы поздравляете меня не с 40-летием. И хорошо, что — не с 70-летием!.." Кажется, он не дожил до 70 лет... В этом Письме хочется вспомнить прекрасного товарища, очень душевного человека Шакмана Акбаева. Это был человек, которого хотелось видеть всегда: в институте, в городе, просто на улице. Есть такие люди на земле, встречу с которым ждешь как настоящий праздник жизни. Именно к таким людям относился мой друг Шакман Акбаев... Да, много хорошего,- и в человеческом, и в литературном отношении,- связано у меня с городом Карачаевском. Здесь, в Карачаевске /пусть меня извинят старшие горцы за такую дерзкую откровенность!/ у нас в семье родился первенец, которому мои карачаевские

товарищи по работе дружно дали такое имя: Азамат! «Это общекавказское! Это горское! Это наше!»—сказал тогда Магомед Хубиев, высоко поднимая свой бокал. И мне казалось: не шампанское в его бокале, а - утренние лучи солнца! Здесь, в Карачаевске, ещё тогда я начал и закончил поэму "Акмарал". Я так переживал эту трагедию вместе с моими карачаевскими товарищами, что не мог не написать эту поэму. Она – о выселении карачаевцев. Я знал, что её не опубликуют, но – к счастью! – сердце поэта никогда боязливо не озирается по сторонам! Сердце поэта - как полёт орла: свободно парит над землёй и никогда никому неподвластно! И я не думал: опубликуют или не опубликуют? Сердце приказало: пиши! И я писал. Правда, тему эту я облёк в романтическую форму: Хозяин гор - красавец Акмарал живет в горах, и всё вокруг цветёт - леса, луга, ущелья; дивная разноголосица птиц наполняет и леса, и горы, и ущелья веселым звоном жизни; олени, туры, зубры, лоси, разные лесные звери богато и счастливо живут в родных горах; но вот - внезапно куда-то исчез Хозяин гор - красавец Акмарал - и всё обеднело вокруг: перестали цвести леса, луга, птицы перестали петь, куда-то исчезли веселые звери лесов и гор; всё вокруг опустело, чёрными тучами, и туманом за-волокло всё; ни Бога, ни ангелов, ни людей - одни шайтаны свободно разгуливают по горным тропам, где когда-то гордо ходил красавец Акмарал. И вот - в одно светлое утро майского дня на высокой скале появился красавец Акмарал - и - всё вокруг призвал к жизни!.. И снова Прекрасная Жизнь воцарилась в родных горах... Вот очень короткое изложение поэмы,- если вообще поэзию можно изложить в прозе...

Не могу не вспомнить в своём "Письме" моего друга Муссу Батчаева - прекрасного писателя. Известная советская поэтесса Халимат Байрамукова /кстати, тоже мой большой друг и единомышленник, глубокий и тонкий лирик/ своё слово по поводу трагической гибели Муссы назвала так: "Сверкнувшая молния" - прекрасная характеристика творчества этого блистательного писателя - так безвременно и трагично ушедшего из жизни, к величайшему сожалению. Тут мне хочется сказать

следующее: к нашему огорчению, настоящего писателя мы не умеем ценить при его жизни, и это привносит немало вреда в правильное развитие нашей литературы. Ибо мы боимся сказать - что есть что, боимся белое называть белым, чёрное называть чёрным, и тем самым стараемся уравнивать всех пишущих, и в литературе стараемся вывести что-то среднеписательское, __среднелитературное. Это наносит, повторяю, огромный ущерб всему процессу развития литературы – и в особенности наших малых литератур... Мы с Муссой Батчаевым, кажется, навсегда стали друзьями поздней осенью 1969 года, когда некоторые должностные лица в области всеми имеющимися у них силами пытались обвинить мою книгу маленьких поэм "Абазинские Всадники" - ни больше, ни меньше! - в антисоветизме... К сожалению, чёрная зависть бездарных людей никогда не знала границ и пределов. Кажется, Шекспир сказал:

**Бездари себе пробьют дорогу,
Ты помоги гению, мой друг...**

Но есть в жизни люди с чистой человеческой душой, рыцари настоящей человеческой доброты, которые, как некоторые, ради того, чтобы быть хоть чуточку приближенными к "верхушке", никогда не позволят себе отступить от Правды. Именно таким Человеком с большой буквы показал себя тогда Мусса Батчаев. Помню, у него было сильное растяжение ноги, долгое время хромал, ходил, опираясь на палочку. И вот в таком состоянии он шел то к секретарю обкома партии Кемалу Аскеровичу Деккушеву, то к редактору газеты "Ленинни Байрагъы" Лубекиру Джумуковичу Баучиеву, то ко второму секретарю Черкесского горкома партии Рему Шамсудиновичу Татаршаю, - и мне говорил, что они люди справедливые, что "они сумеют защитить Правду твоей книги", что - «вот увидишь: всё хорошо кончится!» Мне трудно было верить в это, ибо, группу против меня и против моей книги возглавлял второй секретарь обкома КПСС, человек несправедливый и злонравный, себялюбец и позёр, в чьих руках были "длинный кнут, и крепкие ножжи" власти. Но – на самом деле! - случилось так, как

говорил Мусса: правда победила, и 17 сентября 1971 года на заседании бюро обкома партии, в отсутствие второго секретаря, книгу мою оправдали... Я не знаю, сколько буду жить на земле, но сколько бы ни жил - никогда не смогу забыть эту прекрасную человеческую поддержку, это кристально чистое равнодушие Человека к чужой беде, к чужой судьбе. Убеждён: именно таким и должен быть истинный писатель - борцом за Правду, защитником добра на земле, иначе - ничего не стоит то, что, без оглядки, ради какого-то гонорара и дешевой славы, малюет человек, назвавший себя писателем.... Моё сердце всегда будет помнить это светлое, это прекрасное имя - Мусса Батчаев...

Вспоминается такой случай: в конце декабря 1965 года я возвращался из Красного Востока /в скобках напишем историческое название этого древнего абазинского села: Кумско-Лоовское/ в город Черкесск... Была лютая зима. Свистело, пуржило, всё буквально вертелось в белом аду, плясало и звенело. Молодой парень из Красного Востока довез меня на своём стареньком самосвале до карачаевского аула Эльтаркач, высадил, сказав, что ровно через два часа подойдёт автобус из Черкесска, поскорее уехал. Я носил на руке небольшие кругленькие часики "Заря" с светящимся циферблатом, - называл я их так: студенческие, купил в Москве, будучи пятикурсником, как память о Москве, о студенческих годах; и они показывали пятнадцать минут третьего, т.е. почти два часа дня. Парнишка, который оставил меня здесь, сказал: «Тут остановка автобуса. Ждите». Но ничего здесь не напоминало остановку: было совершенно голое, открытое всем ветрам и метелям, место. Метрах в двадцати отсюда сквозь метель виднелся какой-то казенный дом с какими-то вывесками, залепленными снежной пылью. Я подумал почему-то, что это почта, отделение связи. А может быть, какой-то "смешанный магазин", каких в то время было немало в наших аулах. Здание наглухо закрыто - воскресенье, выходной день. А может быть, перерыв. Или просто закрыли и ушли домой - кто придёт на сельскую почту или даже в магазин в такой час?!.. А я уже замерзать начинал: был одет в легкое демисезонное пальтишко, ибо

когда уезжал из Черкесска,- месяц тому назад,- стояла чудесная осенняя погода, ничего не предвещало такой снежной бури... И вдруг кто-то тронул меня за рукав. Оглянувшись - стоит парнишка лет 15-16-ти и на хорошем русском языке говорит: »Пойдёмте к нам... Папа зовет... Во-он он стоит у ворот...» Я посмотрел туда, куда рукой показывал юноша, и сквозь пургу разглядел стоявшего человека в высокой горской папахе, державшего вилы на плече. И мы пошли. Я с радостью в душе заметил, что юноша, дав мне как старшему правую сторону, шагает слева от меня. "Салам алейкум, кьарнаш!- приветствовал меня отец юноши, когда подошли, и протянул руку. Это был высокий карачаевец средних лет, с короткой белой бородой и небольшими белыми усами,- видимо, от пурги, румяный, розовощекий - будто только что вышел из русской бани. "Джууукь бол!»-весело пригласил он, как-то ловко и быстро взяв меня под руку. И мы пошли в дом. На пороге дома я пропустил его первым и только вслед за ним, за хозяином, переступил порог его дома. Это очень понравилось ему. "О братишка!- воскликнул он по-русски.- Маладец!.." В комнате было жарко. На печке,- на которую я сразу же при входе обратил внимание,- стояли два чугунок, средних размеров и большой горский казан, и все три, будто соревнуясь, шипели и охали. Хозяйка дома, невысокая женщина сорока лет, очень приветливо улыбнулась и продолжала хлопотать у печки. Детей, как я успел сосчитать, было семеро - и старшим был тот юноша, который привел меня; младшему исполнилось недавно два года... Хозяин дома увел меня через внутреннюю дверь в другую комнату... Не хочу более утомлять вас своим прозаическим рассказом, скажу только: наверное, и пяти минут не прошло, как стол наш был накрыт; на столе дымилась горячая баранина,- кажется, она была главной на столе, ибо заняла в большой, деревянной чаше, центр стола, а вокруг нее появились и горячий горский хлеб, и знаменитый карачаевский тузлук, и айран, чуть позже - как второе блюдо - принесли сохту и джёрме... "Аша, аша, джаш!- говорил мне улыбчивый хозяин Магомет Чомаев,- перекладывая на мою сторону лучшие куски вкусно

пахнушей баранины.-Кушай, кушай! Ты, братишка, дома!
Не стесняйся... До автобуса /он так произносил это слово/
заман ест, чесни слова...»

Была у меня в жизни вот такая встреча в прекрасном
карачаевском ауле Эльтаркач. И разве можно забыть такое?
Такое не забывается никогда. Помнится всё: и веселые
озорные улыбки детей, и сияние их светлых детских глаз, и
радостное хлопотание хозяйки дома, и этот ни с чем не
сравнимый уют гостеприимного горского дома. И,
естественно, в моем сердце зародились стихи, которые я
так и назвал: "В Эльтаркаче". Заканчиваются они таким
четверостишием:

**И если вам сама судьба сулвла
Попасть в метель, в морозный свист и плач -
Вы пожелайте, чтобы это было
Всегда вблизи аула Эльтаркач!**

Спасибо ставропольскому поэту Владимиру Гнеушеву,
который, при переводе на русский язык, совершенно точно
и близко сумел передать содержание и форму оригинала. И,
что удивительно, это маленькое стихотворение так
звучало, что эльтаркачовцы называли меня своим поэтом,
чем я особенно горжусь!- а я нашел, после родного Инжич-
Чукуна, второй родной аул, который как бы стал моей
второй матерью. И я об этом говорил в апреле 1987 года в
Эльтаркаче, выступая на юбилейных торжествах,
посвященных шестидесятипятилетию аула. Повторю это и
сейчас: помните, раньше мы, горцы, имели по две матери –
та, которая родила нас, и та, которая приняла при
рождении; абазины так и называют: Поднявшая
/принявшая/ мать; раньше ведь горянки не знали больниц и
родильных домов, детей рожали дома в присутствии
женщины, принимавшей ребенка... Эльтаркач - моя
Поднявшая мать...

Вспоминается другой декабрь - декабрь 1972 года...
Я задержался в Карачаевске. Уже одиннадцать часов ночи.
Ночь морозная и очень-очень ясная. Звезды на таком
низком зимнем небе все такие крупные и такие близкие -
хоть хватай их руками! И так светло и ясно улыбаются тебе
- хочется не расставаться с ними долго, хочется шагать и

шагать под ними весело и звонко! И я решил из Карачаевска отправиться в Осетиновку, где жил и ныне живет мой односельчанин, художник, друг детства - Мухамед Агачев... Ах, как хорошо шагать по земле! Машин уж почти нет на улицах, ничто тебя не тревожит, и ты, прекрасно чувствуя себя, являясь властелином всей этой красоты прелестной зимней ночи, свободно шагаешь по земле!.. Иду и слышу где-то впереди холодный плеск рассыпающихся волн ночной Теберды. Теберда не замерзла - она никогда не подчиняется зиме! Говор свой не прекращает ни зимой, ни летом!.. Еще некоторые окна домов светятся — не спят еще люди. Во-он, по левую сторону улицы дом братьев Хубиевых — Магомета и Назира; преподаватель института, прекрасный знаток карачаевских народных песен, искусный мастер игры на мандолине /сколько раз я слушал с великой радостью!/, певец и собиратель фольклора - это старший брат Магомет; и Назир - известный карачаевский поэт; светятся все окна их большого красивого дома,- наверное, братья слушают вновь найденную где-то в ауле карачаевскую песню, или живо обсуждают новые стихи Назира... Звонко похрустывая в ночи снегом, я прошел мост через неспящую Теберду. Мне казалось, я смогу так же легко и свободно шагать по этой звонкой дороге, под мерцающими звездами аж до самого Черкесска,- подумаешь, 50 километров?! И когда ты — здоров, и когда тебе - всего 34 года, и когда у тебя за плечами - такие крылья растут!.. Не заметил,, как я дошел до Осетиновки. И тут между небольшим ровным полем аэродрома и первыми домами осетинского села я увидел освещенную лунным светом группу людей, суетившихся вокруг какого-то черного объекта,— и почему-то подумалось: чья-то корова, и с ней что-то случилось... Я сам до корней волос своих крестьянин — и как я могу пройти мимо такой беды!. Подошел. "Салам алейкум!" "Алейкум салам!" "Что с коровой случилось,ребята?" — и тут только я увидел что это — мотоцикл с коляской! "А я посмотрел оттуда—подумал, что корова",-говорю, виновато улыбаясь. "Значит, ты хороший человек, если так спешишь помочь человеческой

беде!—говорит один из них, выпрямившись.—Давай познакомимся, брат: меня зовут Магомет Эльканов, я — из Нового Карачая, живу там, работаю электриком. А ты?" Я назвал себя. Остальные двое тоже назвали себя — это были осетинские ребята. Дело как-то быстро пошло, и *мотоцикл* уже был готов мчаться куда угодно. И тут Магомет сказал, обращаясь ко мне: "Смотри: окна дома твоего друга, я заметил, давно уже погасли /а дом моего друга был в первом ряду домов прямо от аэродрома/, они все уже давно спят, скоро двенадцать часов ночи... Лучше — поедем ко мне в Новый Карачай. Тут совсем близко! Через мост - и мы там. А?.." "Твои тоже спят, Магомет,—сказал я.— Давай лучше так сделаем: поедем в Черкесск! Ты у меня заночуешь, вернешься утром..." "Эх, была-не-была! Хотя когда -нибудь вспомню: в светлую звёздную зимнюю ночь на своем "Орлике" вез из Карачаевска в Черкесск нашего поэта! Поехали!"—сказал он так решительно, что я не смог не сесть в коляску мотоцикла. Постойте!"— крикнул нам осетинский парень Сослан, который, знакомясь, назвал свою запоминающуюся фамилию: Хетагуров.—Возьмите мою шубу ,а то наш поэт замерзнет - это же все-таки не "Жигули", а мотоцикл!"—и он накинул мне на плечи шубу, от которой как-то сразу веселее стало на душе. И мы помчались. В селе Важном мотоцикл наш замедлил, задергался и заглох. "Всё! — отрешенно сказал Магомет.— Бензин кончился! Но не унывай, братишка! Аллах айтса, кто-нибудь придет на помощь! Так не бывает на земле, чтобы человек остался один на дороге..." И, честное благородное слово!—как по заказу, со стороны Черкесска, далеко перед собой протягивая густые, длинные лучи своих осветительных фар, будто нам на помощь, мчалась грузовая машина. И Магомет, как-то легко остановил ее. "Слушай, братишка!—сказал Магомет, вплотную подойдя к кабине остановившейся машины.—Бензин кончился! Дай ведро бензина и, снизив голос, добавил: я, понимаешь, везу в Черкесск Народного Поэта... Помогите. А ты, братишка, куда едешь?.." "Я домой еду,— был ответ,—в Сторожевую..." "Напоили" мотоцикл наш —и мы продолжили свой путь. Магомет не захотел остаться в Черкесске. Бензин есть,

через час я буду дома... Мама не уснет до утра! Выехал на мотоцикле. Сам понимаешь... Ну, что, братишка, гора с горой не сходится — человек с человеком обязательно сойдется!.. И мы встретимся когда-нибудь, и весело посмеемся, как в зимнюю ночь на мотоцикле мчались из Карачаевска в Черкесск!" — как-то тепло сказал он. Мы по-братски обнялись, и он уехал... Так получилось, что после того случая мы с Магомедом Элькановым ни разу не встретились. И сейчас мне очень хочется этим своим "Письмом" напомнить ему тот случай в нашей жизни и сказать ему, что такое не забывается...

Письмо свое хочу адресовать еще одному человеку... Случилось это в самом начале января 1984 года в Москве. Когда мой переводчик Валерий Черкашин узнал, что я остановился в "Доме приезжих писателей", он быстро приехал за мной, выговорил мне, что я прямо к нему не появился в дом, схватил мой чемодан дорожный, дипломат с рукописями — и я, таким образом, оказался у него дома. Но ночью я внезапно заболел. Они — и он, и его жена Алёна — всполошились, встревожились. Вызвали "скорую помощь". Сделали мне укол. И мне стало как-то сразу лучше, и "Скорая" уехала. Было уже четыре часа утра. Я уже не смог уснуть. Что-то опять меня тревожило, какая-то непонятная, откуда-то взявшаяся боязнь угнетала меня... Утром, когда Валерий с женой ушли на работу, я оставил им записку и вернулся в писательскую гостиницу. Но там свободного номера уже не было: администратор сказала, что номер занял известный писатель, лауреат из Бурятии. И я, недолго думая, пошел в общежитие Литинститута — благо, в том же здании, но только с другого подъезда. Я знал, что в общежитии имеются номера для приезжающих в Москву выпускников института. "Если и таковых не окажется, — рассуждал я, направляясь к дверям общежития, — тут живут наши ребята, студенты Литинститута, у кого-нибудь остановлюсь..." Тем более, что я здесь часто останавливался: все здесь очень живо напоминало студенческие годы, нашу юность. Всегда приятно было возвращаться в юность... Вот и сегодня меня с радостью

встретила тетя Дуся — она дежурила на вахте. Рассказала новости института, общежития. И, будто спохватившись, объявила мне: "А ты знаешь, как раз я сейчас видела своего земляка — Билала Лайпанова, он только-только прошел здесь! Кажется, он был в душе. Наверное, поднялся к себе..." В это время подошла комендант общежития Лидия Ивановна, радостно поздоровалась со мной. "Если к нам - то пошли, оформим документы,"—сказала она... Так, мне дали комнату на втором этаже... Но боязнь болезни меня преследовала. Наверно, многие испытали это чувство: когда болеешь — оглядываешься по сторонам, душа твоя просит, чтобы рядом с тобой был близкий, родной человек. И я пошел по этажам—искать в общежитии Литинститута единственного человека, который в это время был для меня ближе всех, моего земляка, человека моей земли Билала Лайпанова, хотя никогда до этого я не видел, не встречал его. Я узнал, что он учится уже на пятом курсе. "И живет, видимо, на пятом этаже",- рассуждал я, медленно выходя из лифта... Билал был в комнате один. Он очень обрадовался мне. Невысокого роста, легкий, быстрый, очень живой, ему можно было дать, совершенно не усомнившись, лет 18-19, не больше, если бы небольшая рыжая борода, которая, конечно же, делала его гораздо старше. Он заворожил меня очень искренней, очень человеческой, братской преданностью. Когда я сказал ему о своей болезни и когда попросил его, чтобы ночью, где-то часам к 12, он пришел ко мне,—"Ну, кто его знает, всякое может случиться!"—он так искренно, так неподдельно заволновался, засуетился возле меня,, что я где-то жалел, что сказал ему о болезни. Клянусь Аллахом, он так стал бы ухаживать только за родным братом! До сих пор передо мной его по-детски чистые, светлые и искренно опечалившиеся глаза!.. И ночью он приходил ко мне дважды: в двенадцать и в два часа ночи, посмотрел, поправил одеяло на мне, посидел немного возле меня и тихо-тихо ушел. Я конечно, не спал, но притворился спящим, чтобы, разговорившись с ним, не задержать его,—он и так, из-за меня, долго не спит. А в четыре часа утра меня увезли на "Скорой помощи" в больницу — в 81-ую Московскую клиническую и

положили в Третьем — кардиологическом корпусе, где я пролежал больше двух месяцев. И все это время, почти через день, меня навещал Билал Лайпанов. То придет и положит на мой стол /а я лежал в отдельной палате — благодаря заведующему отделением Якову Семеновичу Мусину, прекрасному человеку и врачу/ марокканские апельсины, то принесет красные кабардинские яблоки, то какую-то румынскую воду. А однажды принес настоящую карачаевскую сохту — точно такую, какой меня угощали когда-то в Эльтаркаче Чомаевы!.. Мне этот случай запомнился на всю жизнь...

Я с душевной теплотой вывожу на бумаге это имя: Альберт Турклиев. Это был талантливый поэт и замечательный товарищ. Моё незнание карачаевского и его незнание абазинского языка—поверьте мне!—совершенно не отдаляли нас друг от друга! Воистину, великий могучий русский язык давал нам полную возможность общения друг с другом. И я каждый раз убеждался: не единоязычие главное в жизни людей, а единомыслие, доброта и искренность в отношениях, детская чистота в помыслах. Можно быть единоязычным — и совершенно не понимать друг друга!.. Вспоминается такой случай из моей литературной жизни; в одно, далеко не прекрасное утро, меня вызвал к себе в кабинет директор издательства Рашид Лайпанов и объявил: "Поверь, мне больно сказать тебе это: ты должен уйти из издательства... Я понимаю: здесь ты проработал около двадцати лет старшим редактором по учебникам, и я должен—просто обязан!—сказать: работал ты все эти годы прекрасно! Лучшего редактора, наверное, невозможно найти... Но абазинские авторы не хотят тебя: говорят, что ты слишком бескомпромиссен, что с тобой невозможно найти общий язык, что "планку литературную" ты поднимаешь слишком высоко... Сам подумай, как я должен поступить, что я могу сделать... Это не один и не два человека, а их — целая группа обиженных людей!.." Короче: в издательстве меня сократили. И я просидел дома почти четыре месяца: с 13 марта по 4 июля 1987 года; А 4 июля меня пригласил на работу директор КЧНИИ /научно-исследовательский институт - тогда он так именовался/

профессор Мухтар Магометович Бекижев. «Мы тут вынуждены были, в буквальном смысле этого слова, разогнать весь абазинский сектор,— объявил он мне.— Никого не оставили! Моя просьба такова: чтобы ты работал у нас." "В каком качестве?" — спросил я. "Разумеется, в качестве исследователя абазинской литературы так сказать, литературоведом... Ты сам литератор, поэт, и, наверное, уже у тебя немало статей-исследований по абазинской литературе. Дело для тебя, я должен сказать, не новое..." И я начал работать в НИИ... Наступил февраль 1988 года. 11 февраля меня вызвал писатель Осман Хубиев, который возглавлял тогда нашу писательскую организацию, и, открыв свой высокий сейф, стоя прямо за дверцей открытого сейфа, сказал, обращаясь оттуда ко мне: "Вот поступило на имя бюро писательской организации такое, можно сказать, коллективное заявление шестерых абазинских писателей, в котором требуют от нас не отмечать предстоящий пятидесятилетний юбилей Микаэля Чикатуева". Причины указаны такие: Микаэль Чикатуев зазнался, перестал посещать писательские собрания, заседания абазинской литературной секции; став членом Союза писателей СССР в мае 1962 года перестал писать и т.д. и т.п. Мы не имеем права не прислушаться к мнению большинства,"- заключил глава писательской организации, пряча обратно в сейф это коллективное заявление... Вернувшись в НИИ, я пошел прямо к профессору Бекижеву и рассказал ему все. "Это, конечно, предательский удар!—с возмущением сказал Бекижев.—Я, кажется, знаю, откуда этот зловонный ветер дует! Но мы не дадим съесть нашего поэта!" — в сердцах воскликнул он. И он добился, чтобы мой юбилей отметили в зале заседаний облисполкома... И тут я подхожу к очень благородному поступку Альберта Турклиева: он тогда работал заведующим "Бюро пропаганды художественной литературы" при Союзе писателей Карачаево-Черкесии; и, вопреки решению бюро писательской организации, Альберт Турклиев заказал в типографии приветственный адрес от имени писателей области и пришел в Дом Советов, в зал заседаний облисполкома на юбилейный вечер! И

выступил! Но — как он выступил?! Это была не просто песня, а — былина, вдохновеннейшая Песнь! Сравнил меня с Кайсыном Кулиевым, с Коста Хетагуровым, с Николо Бараташвили!.. Я был горд и счастлив,- и это изумительное ощущение дал мне почувствовать незабвенный, мужественный, очень чистый душой и сердцем замечательный поэт Альберт Турклиев...

О народе,- в данном случае я говорю о карачаевском народе, - надо судить по высшим человеческим поступкам его сыновей. И такие поступки я видел, встречал всю свою жизнь у моих карачаевских братьев,- иначе я не могу назвать их. И, наверное, поэтому когда-то я написал поэму "Легенда о Высокой Скале", конечно, ничего из фольклора там не было; просто однажды в Тебердинском ущелье, недалеко от Джингирика - аула другого моего хорошего товарища, талантливого карачаевского поэта Азрета Семенова - я увидел вдруг высокую скалу, напоминавшую форму седла,- и фантазия моя заиграла! Но фантазия поэта не является из ничего - она рождается из увиденного и услышанного, из фактов жизни, из характеров, которых поэт встречает в быту повседневном,- является как высшее, окрыленное, что ли, обобщение этих фактов, этих характеров. И в поэме "Легенда о Высокой Скале" мгновенно родились два образа - Урусбия и Балтабаша. Два храбрых карачаевца—Урусбий и Балтабаш—задумали подняться на вершину Высокой Скалы. Первым встал Балтабаш и сказал: "Я поднимусь на Высокую Скалу и докажу, что я, Балтабаш, самый сильный из всего джамагата. И Балтабаш, действительно, поднялся на самую верхушку Высокой Скалы. Сил у него хватило на то, чтобы подняться, но и мгновенья не смог удержаться на ней — тут одной силы стало мало: ветер высоты сорвал Балтабаша — и он маленьким, беспомощным камнем слетел вниз... Встал Урусбий и сказал: «Я поднимусь на Высокую Скалу — и докажу, что я, Урусбий, посланец джамагата, что любой его сын так же может подняться на эту вершину!» Трудно было Урусбию,—срывался, падал, всё тело ободрал до крови, но — поднялся на самую вершину Высокой Скалы! И ветер высоты ничего не смог с

ним сделать — он просто дул в лицо Урусбию как освежающий легкий утренний ветерок, потому что в эту минуту весь джамагат смотрел на него снизу, смотрел и бурно ликовал: смотрите, наш посланец, наш сын стоит на вершине! И в эту минуту Урусбий был не один — с ним была Великая Сила джамагата. И когда Урусбий сел отдохнуть — от его тяжести-силы вершина Высокой Скалы раздвоилась! Так образовалась эта скала-седло...

На моем человеческом и литературном пути я встречал много карачаевцев - истинных горцев с высокой душой, искренних, настоящих людей, которые готовы были стать товарищем для товарища, другом для друга, братом для брата. Говоря по-мужски: они никогда не предадут и не продадут. Это люди высокой чести — я это заявляю всему доброму миру со всей человеческой ответственностью. На своем, очень нелегком литературном пути я много спотыкался, вернее сказать — меня "спотыкали", если можно так выразиться. И всякий раз на помощь приходили именно карачаевские товарищи. Хозяйка моего дома, полушутя-полусерьезно, говорила: "Знаешь, в твоей жизни так происходит: другие топят тебя, а карачаевцы спасают!" Это была истина...

Я адресую свое Письмо многим карачаевским друзьям, которые искренней добротой души своей освещали мне мои дни: Аубекиру Джумуковичу Баучиеву - прекрасному человеку; Ахмату Кубанову - истинному писателю, настоящему таланту, в чем я убеждался, работая бок о бок с ним в одном кабинете в издательстве в течение восемнадцати лет; Рашиду Лайпанову - высокообразованному, истинному интеллигенту, художнику, от общения с которым я рос, как говорится, душой и сердцем; Сослану Байчорову — поэту, историку, лингвисту, настоящему горцу, всем сердцем преданному нашей древней земле; Альберту Узденову — прекрасному певцу и моему младшему брату — иначе не могу говорить о нем! Маджиду Ногайлиеву — очень близкому моему другу, композитору, который стал первым в Карачаево-Черкесии профессиональным музыкантом, блестяще

закончив Саратовскую консерваторию. Кстати сказать, и ко мне иногда мелодии "приходят в гости"— и в те минуты я бегу в Музыкальное училище к Маджиду Ногайлиеву, чтобы он записал эти мелодии на ноты, и он это делает, как мне кажется, с великой радостью; не могу не адресовать свое Письмо и Юсуфу Созарукову — поэту и другу, при встрече с которым человеку становится теплее и светлее на душе; радость встречи с этим поэтом долго остается в твоём сердце; с большой радостью я адресую свое Письмо Маджиру Канаматову — прекрасному человеку и прекрасному хирургу, моему близкому другу; когда, просто встретившись с тобой на улице Черкесска, он спрашивает, с чарующей улыбкой, присущей только ему: «Ну, как здоровье? Как дела? Как жизнь?» — просто спрашивает! — тебе становится хорошо и радостно, ты чувствуешь: это спрашивает хороший человек и хороший врач, равнодушный, искренний, замечательный человек,— ах как это очень немало для тебя!.. Я адресую это Письмо еще многим и многим сынам карачаевского народа, по человеческим поступкам которых судим обо всем народе...

Микаэль Чикату-Чкотуа,
Народный поэт Карачаево-
Черкесии. *(Отныне поэт,*
восстанавливая древнюю,
историческую фамилию
предков, свои произведения
будет подписывать так :
Микаэль Чикату-Чкотуа)

ОТ АВТОРА

Меня с давних пор интересуют тюркские языки (!) и произведения, созданные на этих языках. Помню, на последнем курсе университета я увлеченно читал труды отечественных и зарубежных ученых-тюркологов. Особый интерес у меня вызывала книга С.Е.Малова «Памятники древнетюркской письменности. Тексты и переводы», изданная в 1952 г. Давно, ох, давно все это было, но до сих пор не могу забыть счастливых часов, когда благодаря моему земляку С.Е.Малову передо мной открывался древний, неведомый мир... Последствия этого увлечения были таковы: я стал переводить поэзию тюркских народов (в том числе и турецкую) на русский язык, с пристрастием углублялся в необъятную тюркологию.

Накануне XXI в. я задался целью проследить пути развития одной из крупных тюркских литератур – татарской, моей родной – на протяжении всего минувшего столетия, чтобы «закрепить» ее основные события и имена. Что из этого получилось, судить не мне. Во всяком случае, себе отдаю отчет в том, что это только эскизы, и потому прошу снисхождения у читателей.

В дальнейших моих планах – снова обратиться к XX веку, но в ином ракурсе: это, скорее всего, будет исследование (пусть робкое!) того, как прошел свой путь в этом большом временном отрезке поэзия тюркских народов. Получится ли? Бог весть. Но ведь надо дерзать во имя любви к тюркским языкам и литературам.

Да, кстати, сами памятники орхон-енисейской письменности увидел, спустя многие десятилетия – в сентябре 2001 г., когда приехал на конференцию тюркологов в Хакасию. Так что временной фактор весьма важен и существен...

Виль Ганиев
Москва,
01.01.2002

Татарская литература. XX век.

Начало XX века для судеб татарской литературы было определяющим и самоценным периодом. Культура обрела новые цивилизационные формы; её восточная парадигма поменялась на европейскую. Приобщение к европейским литературным формам шло через русский язык и русскую культуру (в Турции, например, - через французский язык и французскую культуру). Те татарские писатели, которые получали образование в турецких учебных заведениях или, реже, в Сорбонне, осваивали также и французский язык.

Существовало в начале XX века и единое культурное пространство тюркских (мусульманских) народов. У татарских писателей особенно тесные связи складывались с литературой Турции; журналы и газеты этой страны, книги турецких авторов и французских писателей в переводе на турецкий язык находили себе читателей в Казани, Уфе, Астрахани, Оренбурге и других культурных центрах. Газета "Терджиман", выходившая с 1883 года в Бахчисарае, в Крыму, являлась трибуной для всех тюрков; издателями были Исмаил бек Гаспринский (1851-1914) и его жена Зухра Акчурина (1862 - 1903), из семьи купцов Акчуриных, татар Поволжья. Взаимопониманию тюрков способствовали и языковое родство, и единая для них арабская графика. Языком науки на рубеже столетий традиционно ещё оставался арабский язык. Именно на этом языке создавал свои труды выдающийся историк и богослов Шигабутдин Марджани (1813 - 1889). Но уже Каюм Насыри (1825 - 1902), его современник, для своих сочинений и научно-популярных изданий (в виде

ежегодных календарей) избрал живой, повседневный язык родного народа (а не арабский и не тюркский). "Его труды убедительно доказывают, что татарский язык способен быть языком науки",- писал в 1912 г. в газете "Юлдуз" писатель и историк Габдельбари Баттал (1883 - 1969), поддерживая новации Каюма Насыри.

Передовые мыслители своего времени, в большинстве своем вышедшие из среды духовенства, ясно осознали, что путь нации к прогрессу и европеизации лежит через преодоление мусульманского мистицизма и религиозной схоластики, через светское образование и науку. На этой почве между "отцами и детьми" возникали острые конфликты. Один из ярких примеров такого противостояния описал в своих "Воспоминаниях" Заки Валиди (1890-1970). Кстати, его карьера ученого начиналась в Казани: он учился в этом городе, здесь же преподавал; в 1915 г. и повторно в 1917 г. выпустил здесь свой первый крупный научный труд "Краткая история тюрко-татар".

Выдающийся татарский писатель, один из лидеров национального движения к прогрессу Гаяз Исхаки (1878 - 1954) в своей статье "Мусульмане России" (1915), отмечая динамичность и масштабность происходивших в татарском обществе перемен, писал: "На пороге 20-го века мы выступаем как компактная национально-культурная единица, а на арене общественных разрушительно-созидательных стремлений начала века явились уже как нация со всеми моральными и материальными атрибутами и с глубоким национальным самосознанием. Те реформы, какие пришлось нам совершить в течение последних пятнадцать лет, являются поистине историческим подвигом".

Современник Гаяза Исхаки, известный педагог и журналист Ш.Сюнчелей на страницах парижского русскоязычного журнала "Мусульманин" следующим образом разъяснял суть перемен и реформ: "Русские мусульмане шагнули вперед гораздо больше, чем можно было ожидать. Тьма, окутывавшая мусульман столько времени, наконец, стала падать, и они с жаром

принялись наверстывать упущенное время. Повсеместное открытие новометодных школ-мектебов для девочек и мальчиков, библиотек, читален и типографий, наплыв молодежи в русские средние и высшие учебные заведения, устройство спектаклей, литературных и музыкальных вечеров, издание новых и новых оригинальных и переводных произведений - вот это показывает, как мусульмане стремятся к знанию, насколько велика их жажда встать в один ряд с просвещенными народами".

С сочувствием следили за подъемом национального самосознания у татар, видя в них лидеров мусульманского мира, крупнейшие востоковеды Агатангел Крымский и Владимир Гордлевский. Последний, высоко оценивая газетную публицистику видного татарского общественного деятеля и писателя Садри Максуди (1880 - 1957), его аргументированные и яркие выступления как депутата Государственной Думы, подчеркивал справедливость и законность требований татар и мусульман России. По мысли В.Гордлевского эти требования - ничуть не завышенные: "Ведь мусульмане только просят, чтобы были отменены ограничения, установленные для них".

Примечательно, что в феврале 1913 года, когда в Петербурге и Москве шли торжества по случаю 300-летнего юбилея Дома Романовых, татарский поэт Габдулла Тукай (1886-1913) написал стихотворение "Великий юбилей и связанные с ним чаяния народа", в котором бросил в лицо самодержцу такую смелую инвективу (а смелость была от чувства своей справедливости): "Един наш дом родной! Так можно ли, поправ //Такой народ, лишать его законных прав?!

А.М.Горький, знавший непонаслышке жизнь волжских татар, проходивший в Казани свои "университеты", писал после революции: "Травля "инородцев" - это особенно позорные страницы русской истории XIXвека и начала XX". Царское правительство, собиравшее в казну все виды налогов со всех татар и мусульман, не считало себя обязанным субсидировать

хотя бы систему народного образования у "инородцев", развивать их культуру; таким образом оно лишало их будущего.

В свете всех этих данных многократно возрастает значение того подвига, о котором писал в 1915 году Гаяз Исхаки ("поистине исторический"); нация, решившая возродить свою духовность и культуру, стать передовой, просвещенной (с веком наравне), делала все это вполне самостоятельно и вопреки официальной политике правительства, без его материальной поддержки, опираясь на свои собственные ресурсы и возможности. Ресурсы эти нашлись у формировавшейся тогда молодой татарской буржуазии. В частности, она, видя необходимость и перспективность новой системы образования, предложенной джадидистами, способствовала открытию так называемых новометодных школ, где особое внимание уделялось положительным наукам, русскому языку, истории всех тюркских народов; в результате джадидизм, зародившийся в рамках школьных реформ, перерос в широкое общественное движение. Благодаря поддержке меценатов, имена которых до сих пор пользуются уважением татарского народа, издавались книги, газеты, журналы, проводились в жизнь новые культурные начинания; писатели получили возможность оказывать свое влияние на рост самосознания своего народа, защищать его интересы. В стороне от этого движения не остались и представители духовенства; так, например, Гильман-ахун - отец писателя Фатиха Карими - сложил с себя духовный сан и занялся книгоизданием, для чего в г. Оренбурге в 1900 году приобрел типографию (при содействии мецената Гани Хусаинова).

Мощный всплеск татарского национального самосознания, светлые надежды, порожденные первой русской революцией и не погасшие даже в годы черной реакции, вызвали необычайно высокий подъем в духовной культуре народа. Зачинавшийся век для татарской литературы стал эпохой р о ж д а ю щ е й и в результате она сделала громадный сдвиг в своем

развитии - сдвиг, напоминающий те процессы преобразования в русской литературе, которые происходили сто лет назад, в пушкинскую пору, названную позднее золотым веком. Татарские литературоведы сегодня также рассматривают рождающую эпоху своей литературы как её "золотую пору" (Резеда Ганиева) или как "ренессанс" (Мансур Хасанов).

Основу этой новой литературы составили выдающиеся, поистине ключевые достижения, не потерявшие и по сей день своей эстетической значимости, определившие "лик" культуры на весь XX век. Это творчество поэтов: Габдуллы Тукая (1886-1913), Дердмэнда (1859-1921), Мажита Гафури (1880-1934), Сагита Рамиева (1880-1926), Шайхзаде Бабича (1895-1919), прозаиков: Гаяза Исхаки (1878-1954), Фатыха Амирхана (1886-1938), Шарифа Камала (1884-1942), Фатыха Карими (1870-1937), Закира Хади (1863-1933), Шакира Мухаммедова (1865-1923), драматургов: Гафура Кулахметова (1881-1918), Мирхайдара Файзи (1891-1928), Карима Тинчурина (1887-1947), Фатхи Бурнаша (1898-1946).

Среди писателей "второго ряда" наиболее известными были поэты: Наджиб Думави (1883-1933), Сагит Сунчелей (1889-1941), Миргазиз Укмаси (1883-1946), Зариф Башири (1888-1962), Зыя Ярмаки (1887-1965), Ибрагим Башмаков (1893-1913), Габдулла Харис (1893-1931), Гадрахман Сунгати (1893-1917), Фазыл Туйкин (1888-1939), прозаики: Риза Фахретдинов (1859-1936), Мухаммед Гали (1893-1952), Садри Джалал (1891-1943), Файзи Валиев (1882-1914), Шагит Ахмадиев (1888-1930), Султан Рахманкулов (1888-1916), он же прославленный мастер прозаического перевода, и др.

Заметное место в литературе начала века занимало творчество поэтесс: Махруй Музаффарии (1887-1945), Захиды Бурнашевой (1895-1977), Махмуды Музаффарии (1893-1969), Галимательбанат Биктимеровой (1876-1906), Галимы Рахматуллиной (годы жизни неизвестны)

и др. Наиболее заметной среди поэтесс была Захида Бурнашева (она часто пользовалась литературным псевдонимом "Гиффат-туташ" - "Девница Гиффат"). Захида родилась в староукладной купеческой семье в Рязанской губернии, с детских лет писала стихи, переводила на родной язык стихи Пушкина и Лермонтова, публиковалась в Москве в газете "Иль" (издатель - Гаяз Исхаки). Но родители запретили ей заниматься творчеством. Тогда юная поэтесса, покинув родительский дом, переселилась в Москву; в 1915-1917 гг. там появились в свет три стихотворных сборника Гиффаш-туташ.

В контексте стремительно формировавшейся новой литературы своей масштабностью и художественной значимостью отличалось творчество двух самых ярких её представителей - Габдуллы Тукая и Гаяза Исхаки.

Сцементируя в своем творчестве достижения всей предшествующей татарской поэзии, Габдулла Тукай создал новый поэтический стиль, которому стало доступно реалистическое отображение окружающей национальной действительности и национального характера во всех их разнообразных проявлениях. Стихи, поэмы и сказки поэта, востребованные всем татарским обществом, приобрели такую популярность, какой ещё не пользовался ни один татарский писатель. Габдулла Тукай выработал новый литературный язык, понятный всей нации, взамен "тюрки", опять-таки опираясь на достижения предшественников, и дал прекрасные образцы этого нового языка, свидетельствующие о его больших возможностях. Поэт принадлежал к демократическому крылу литературы и возглавлял его. Благодаря Тукаю и под его влиянием резко возросла демократическая направленность всей татарской культуры; жизнь простого человека - мужика, крестьянина - стала объектом художественного изображения (сам Тукай в своих стихах многократно употреблял слово "мужик" по-русски, т.е. в русском - колоритном - варианте). Великий поэт не устал

восхищаться шедеврами "народной литературы", - так он называл произведения фольклора.

Творчество Гаяза Исхаки также было вызвано к жизни эпохой бурных перемен в татарском национальном мире. Как "обвинительный акт" прежнему царскому правительству (выражение Фатыха Амирхана) была воспринята его пьеса "Зулейха", поставленная в Казани в марте 1917 года (произведение о насильственной христианизации татарского населения в Российской империи). В своих романах, повестях, рассказах, пьесах тех лет писатель отразил острые психологические коллизии своего времени, коснулся самых разных сторон национальной действительности, как бы в срезе показал свое общество снизу доверху. Писателя волновало все: и проблемы национального возрождения, и вопросы женской эмансипации, и религиозная рознь, и будущее своего народа. Стремление заглянуть в ту эпоху, которой ещё нет, но которая должна родиться, и проследить в этой далекой эпохе судьбу татарского народа привело Гаяза Исхаки к написанию повести - антиутопии "Исчезновение двести лет спустя" (опубликована в 1904 году). Ужаснувшись этой, пусть фантастической, возможности распада и исчезновения родной нации (через 200 лет), писатель решил предупредить об этом своих современников. В своем творчестве Г.Исхаки вышел и за пределы своего национального мира: так, например, в повести "Острог" (1907) и в романе "Галлюцинации заключенного" (1912) он ведет своего читателя в камеры царских тюрем (оба произведения основаны на личном опыте писателя).

В начале творческого пути Гаяз Исхаки ещё шел в колее традиций татарского просветительского реализма XIX века; эта литература учила различать светлые и темные стороны действительности, прославляла людей честных, благородных, порядочных, развенчивала подлых, алчных, погрязших во лжи и при этом была весьма назидательна и дидактична, но свою положительную роль все-таки выполняла. Но в дальнейшем в художественном мышлении и

писательской манере Гаяза Исхаки происходят заметные качественные изменения: в его произведениях появляются сложные характеры, изображение диалектики чувств, глубокий лиризм, образ повествователя, блестяще выполненные пейзажи и т. д. Художественные завоевания Гаяза Исхаки подняли на новую ступень всю татарскую прозу. Немалое влияние он оказал и на развитие драматургии. Теперь кредо его творчества - критическое отношение к действительности, беспощадный реализм.

Разумеется, все эти литературные феномены начала XX века, как бы они ни были неожиданны, возникали не вдруг и не на пустом месте: они стали реальностью на благодатной почве, подготовленной долгими веками развития, в особенности литературой XIX века (в русской литературе такую же роль сыграл XVIII век). Поэтому необходимо хотя бы вкратце охарактеризовать значение этого подготовительного периода, предварившего "золотой век" татарской литературы.

Татарский культурный мир в XIX веке приобщился к печатному станку; литература обрела новый модус - модус книгопечатающей и тем самым сделала серьезный шаг к европеизации. Но рукописная книга ещё долго имела хождение; процветало и искусство переписчиков-каллиграфов (хаддатов), столь ценимое на Востоке, в мире арабской графики.

Несмотря на все препоны, чинимые царским правительством и "сверхбдительными" цензорами, татарское книгоиздание добилось в XIX веке значительных успехов. По данным, которые приводит исследователь Абрар Каримуллин, в середине века ежегодно издавалось около 40-60 книг, а на исходе века уже до 170 книг в год; одну треть как правило составляли произведения художественной литературы и народного творчества. "Первой ласточкой" татарского книгоиздания стала типография Габдель-газиза Бурашева, приступившая к работе в 1801 году в Казани.

В 1804 году был основан Казанский университет (торжественное и "полное" открытие его состоялось

десять лет спустя). Университет стал форпостом русской культуры и науки на Востоке. Ученые этого учебного заведения успешно вели комплексное изучение истории, этнографии, культуры и религиозных верований народов Волжско-Камского региона, сотрудничали с культурными силами этих народов. Многие сделали для изучения языков и культуры Востока знаменитый Восточный разряд университета (в 1854 году он был переведен в Санкт-Петербург); уже к середине XIX века университетская библиотека имела богатейшее собрание древних рукописей и литературных памятников. Но следует заметить, что официальная политика властей, направленная на сдерживание культурно-исторического развития "инородцев", почти лишала татар возможности учиться в этом славном вузе (вплоть до Октябрьской революции 1917 года).

Как это ни парадоксально, самую большую и полезную службу татарской культуре XIX в. Казанский университет сослужил прежде всего своей типографией, получившей название Азиатской: здесь по заказу издателей и самих авторов, за определенную плату, на основе арабской графики печатались произведения татарской литературы (да и не только татарской; например, здесь же в 1897 году увидели свет стихотворения Абая Кунанбаева; в разные годы - многие памятники тюркоязычной поэзии средних веков и т.д.). Почти ежегодно издавалась знаменитая поэма "Кысса-и Йусуф" ("Сказание о Йусуфе"), принадлежащая перу поэта конца XII - начала XIII вв. Кол Гали (годы его жизни не известны, но известен год, когда произведение было завершено автором - 1223-й).

К концу XIX века у татар уже существовала разветвленная книгоиздательская сеть - со множеством типографий, с традициями в подборе шрифтов и художественном оформлении, в организации торговли книжной продукцией. В частности, ежегодно татарские издатели везли свой товар на знаменитую Макарьевскую ярмарку. Книжки на татарском языке (в том числе - учебники) находили сбыт у тюркоязычных народов

Средней Азии и других регионов. Заметные успехи татарского книгоиздания не могли пройти мимо внимания других "инородцев" России, в частности, народов Волжско-Камского края. Великий чувашский просветитель Н.Я.Яковлев (1848-1930), учившийся в Казанском университете и окончивший его в 1875 г., следуя примеру татарского книгоиздания и просветительства, решил дать своим землякам книги на родном языке, для чего создал новую чувашскую азбуку на основе русской графики. Остается добавить, что в XIX в. Казань была центром книгоиздания для многих восточных народов России.

Среди художественных книг, изданных на татарском языке в XIX веке (преимущественно в Казани и Санкт-Петербурге) преобладали сборники стихов; сказывалась в этом древняя поэтическая традиция культуры народа. У Габдерахима Утыз-Имэни (1756-1834) в 1840-1900 гг., уже после смерти автора, были изданы 5 книг. Такого количества изданий удостоился в прошлом веке и другой поэт, Гали Чокрый. Начиная с 1882 г., "Сказание о Тахире и Зухре" Ахмеда Курмаши (1855-1883) выходило многократно и пользовалось большим успехом. Отдельные издания (или публикации в сборниках) имели многие поэты того периода, в том числе Яков Емельянов (1848-1893, крещеный татарин, был дьяконом), Ибатулла Салихов (1794-1867), Габдельджаббар Кандалий (1797-1860), Акмулла (1831-1895) и др.

Для поэзии XIX в., особенно в начале века, было характерно противоборство между религиозными (суфийскими) настроениями и светским началом. Открытая проповедь, религиозный дидактизм еще сохраняются у многих поэтов, порой причудливо переплетаясь с изображением живой действительности. Однако творческие поиски Г.Кандалыя, Акмуллы, Я.Емельянова и других поэтов привели к окончательному утверждению в татарской поэзии светского направления и нового художественного

мышления, поставили литературу на службу общественным целям.

Во второй половине века возникли предпосылки и для успешного развития прозы. Муса Акъегет (1864-1923) в типографии Казанского университета издал в 1886 г. (а через год переиздал) свой роман "Хисаметдин менла". Это произведение принято считать первым в истории татарской литературы опытом в этом жанре. Сам же автор своему детищу дал подзаголовок "милли роман" (т.е. национальный роман), стремясь подчеркнуть, что пользуется европейской формой, формой романа, для изображения своей родной татарской действительности. Автору романа удалось отразить в нем острейшие конфликты татарского общества, стремившегося сбросить с себя пути феодализма и тупой религиозной схоластики. Устами главного героя, муллы Хисметдина, писатель заявлял: "Самое ценное в жизни человека и самое благодатное - это свобода!" Для своего времени это было смело и неожиданно, недаром роман "Хисаметдин Менла" уже через год был переиздан.

Другой видный представитель татарской прозы, Захир Бигиев (1870-1902), углубляя поиски М.Акъегета, дал реалистические картины татарской жизни конца века в своих романах "Тысячи, или Красавица Хадича" и "Великие грехи". Созданные им образы поражали современников своей жизненной достоверностью. Благодаря творческим достижениям М.Акъегета, З.Бигиева, а в самом конце века - Гаяза Исхаки, татарская литература все убедительней демонстрировала свои возможности в области освоения крупных повествовательных форм, присущих европейским литературам.

В эти же годы было положено начало успешному развитию драматургии. Габдрахман Ильяси (1856-1895) опубликовал в Казани в 1887 г. свою пьесу "Несчастная девушка", которая вскоре приобрела широкую популярность. Впервые пьеса была разыграна на сцене

домашнего театра (1888), позднее вошла в репертуар профессиональных театральных трупп.

В результате "удельный вес" прозы в татарской литературе на взлёте века оказался весьма значительным. Тому способствовали, в частности, повести Ш.Мухаммедова ("Невежественность, или Галиакбар-агай", 1901; "Под кроной, или Макарьевская ярмарка", 1902; "Новый бадавам", 1903), повесть З.Хади "Несчастливая девушка", 1904, рассказ Г.Камала "Сабир-хазрет", 1903, первые опыты М.Гафури в прозе ("Жизнь, пройденная в нищете", 1903) и другие произведения, написанные в самом начале столетия. У прозы появился свой читатель, высоко ценивший её за правдивое отражение национальной действительности, за серьёзность авторов в общении с ним, читателем. Литература стала учебником жизни, призывала осмыслить место своей нации среди других народов, была беспощадна к недостаткам бытия нации. Многие критические стрелы были тогда нацелены на косное и фанатическое духовенство.

Ещё одно интересное явление того периода. В среде молодой татарской интеллигенции возникло новое общественно-литературное течение - тюркизм ("Торкичелек"). Для него было характерно стремление к "удревлению" своей истории за счет общетюркской истории, к возрождению культуры доисламского периода, который исламистами оценивался как период варварства. Проповедники тюркизма выступали за тесное культурное общение тюркских народов, за усиление тюркских элементов в своих языках (предлагался отказ от арабских и персидских заимствований, использование внутренних возможностей тюркской речи для создания неологизмов, переосмысление старых значений слов и т.д.). Одним из наиболее активных деятелей тюркизма был татарский писатель, общественный деятель и ученый Юсуф Акчура (1876-1935). Были близки к этому течению и внесли в него свою лепту Заки Валиди, Садри Максуди и другие. Однако тюркизм, возникший из стремления

интеллигенции (прежде всего - татарской) к единению тюркских культур и литератур, впоследствии стал пониматься и оцениваться как политическое течение (пантюркизм, пантуранизм); нашлись и такие силы, которые попытались подчинить идеи тюркизма своим корыстным целям. Тем не менее движение к тюркским корням сыграло и свою положительную историческую роль: оно инициировало изучение древнетюркских памятников письменности и древнейшей истории, "чистку" в лексиконе тюркских языков, словотворчество на основе тюркских корней и т.п.

Как момент торжества тюркского начала (а заодно - и эстетических принципов тюркизма) можно рассматривать восстановление в правах в начале XX века исконно-тюркской системы стихосложения - силлабики, природно свойственной тюркским языкам, возникшей ещё в доисламский период, но затем сильно потесненной арабским арузом. После принятия Ислама, аруз стал основной системой татарского стиха (впрочем, как во многих литературах Востока).

Письменная поэзия татарского народа, взяв на вооружение аруз (квантитативный размер), многое сделала для того, чтобы приспособить его к особенностям своего языка, отличного от арабского, создала немало шедевров на основе заимствованной системы стихосложения. Однако, начиная с конца XIX в., силлабический стих в татарской поэзии стал возвращать себе прежние позиции, вытеснять аруз, так как время требовало обновления стиха, создания большего многообразия поэтических форм. Строфические формы аруза, требовавшие определенной комбинации рифм и порою сковывавшие стихотворца (иногда железная дисциплина стиха выглядела как самоцель, как жертва в пользу голой формы) были заменены новыми, свойственными тюркской речи. Таким образом, татарская поэзия обрела большую свободу выражения, большую естественность звучания (кстати, народная поэзия всегда оставалась верной своему природному ладу). Но прежние метрические и

строфические формы аруза тем не менее не выпали из арсенала татарской поэзии: они в дальнейшем применялись и применяются с целевой установкой (например, для стилизации под архаику).

В первые десятилетия XX века закладывались краеугольные камни национальной школы перевода. В связи со столетием со дня рождения Пушкина (1899) переводами его произведений занялись такие опытные мастера, как С. Рахманкулов (1888-1916) и М. Уметбаев (1841-1907); их переводы вышли в свет уже в начале века. Высокие образцы переводческого искусства дали поэты Г. Тукай, С. Сунчелей, С. Рамиев, прозаик Г. Исхаки, драматурги Г. Камал и Ш. Камал.

События Октября 1917 года направили развитие татарской литературы в новое русло; начался советский период её истории.

Следует заметить, что каждая из трех революций в России оказывала самое непосредственное влияние на судьбу татарского народа и его духовной культуры. Большой подъем пережила татарская литература на волне революции 1905-1907 гг.; поэзия Г. Тукая и М. Гафури, проза и публицистика Г. Ибрагимова, Г. Исхаки. Ф. Амирхана были вдохновлены перспективами свободного развития культуры, которые открылись благодаря революции. Наконец-то был снят запрет на национальные периодические издания; появилось множество газет и журналов на татарском языке.

Вторая русская революция ещё больше укрепила стремление татарской интеллигенции кардинально решить судьбу своей нации, добиться национальной самостоятельности и независимости. В Москве с 1 по 11 мая 1917 года прошел I всероссийский мусульманский съезд, на котором представители татар, башкир и других мусульманских народов России (всего около 800 человек депутатов) поставили себе целью выработать единую программу действий в национальном вопросе. Однако произошел раскол. "Федералисты" (Г. Исхаки, М. Бигиев и др.) предложили создание национально-

культурных автономий в рамках всей России; при этом татары учитывали и необыкновенную разбросанность своего населения по всей территории страны, множественность татарских культурных центров. Другая часть делегатов во главе с З.Валиди (группа “автономистов”) настаивала на идее национально-территориального размежевания, на создании автономий (для татар, башкир и других народов). Материалы этого съезда, отражающие полярные позиции, были изданы летом 1917 года отдельной книгой в Санкт-Петербурге (на татарском языке).

Нельзя не отметить, что все дальнейшие повороты в личных судьбах Г.Исхаки и З.Валиди (сначала борьба за осуществление своих идей и планов на Родине, затем крушение иллюзий и уход в добровольные изгнание; смерть на чужбине, в Турции) хорошо прослеживаются в контексте этого курултая, начиная с момента размежевания. Во взаимоотношениях этих двух великих людей возникли серьезные трения, отдалившие их друг от друга, сделавшие их по существу политическими противниками.

Наконец, третья русская революция в корне и круто изменила судьбу татарского народа, наделила его в 1920 году автономией, стала событием исключительной важности для всех наций России. Однако с годами выяснилось, что автономии для успешного развития татарской культуры вовсе недостаточно; статус автономной республики давал лишь ограниченные возможности в сравнении со статусом союзной республики. Будучи автономией нельзя было рассчитывать на создание своего национального кинематографа, сети издательств (полагалось одно, для всех отраслей). Тюркские народы России (казахи, туркмены, узбеки, киргизы), ранее ориентировавшиеся на татарскую культуру, будучи в статусе союзных республик, получили большие шансы и сумели добиться более серьезных успехов в развитии книгоиздания, кинематографии и т.д.

Развитие татарской литературы после Октября 1917 года определялось её внутренними закономерностями (язык, традиции, образная система, национальные и эстетические особенности понимания мира) и теми объективными условиями, в рамках которых она существовала в этот период (идеологическая ангажированность культуры, классовая предопределенность ее содержания и тенденций и т.д.).

Литературный процесс послеоктябрьского периода совершенно уникален в том отношении, что крупнейший деятель татарской культуры Г.Исхаки оказался за рамками этого процесса. Будучи в добровольном изгнании с 1918 г., он лишился возможности влиять на дальнейшую эволюцию своей отечественной словесности. В школах и вузах творчество Г.Исхаки не изучалось, его имя по существу было вычеркнуто из истории татарской культуры XX века. Такая же судьба постигла и других “классово-чуждых пролетариату” писателей и деятелей культуры (Р.Фахретдинов, Ф.Карими, Г.Баруди, М.Бигиев, Ю.Акчура, З.Валиди и др.). Игнорировалось и принижалось творчество великолепного мастера прозы и драматургии Ф.Амирхана. Классовый подход к явлениям литературы и эстетики стал доминировать; главным мерилом творчества того или иного представителя литературы теперь выступал момент его полезности и необходимости делу пролетариату. Однако узда, накинута на литературу, не могла сдерживать природной и нормальной жизни организма. Идеологические установки, как бы ни были стеснительны, не меняли естественной художественной природы творчества. Любопытно, что в 20-е годы широкую известность приобрело творчество Дердмэнда, поэта для поэтов, мастера изящных стихотворных миниатюр, представителя династии золотопромышленников Рамеевых (здесь уместна была бы аналогия с популярностью С.Есенина в 20-е годы в России). В 1928 году произведения Дердмэнда впервые

были изданы отдельным сборником (на татарском языке) и мгновенно разошлись среди любителей поэзии.

До Октября 1917 года татарские писатели, составлявшие элитную часть национальной интеллигенции и активно влиявшие на решение судеб своего народа, в целом придерживались демократического направления, которое в свою очередь имело правое и левое крыла. Движимые целью обеспечить своему народу достойное место среди просвещенных европейских наций, писатели оставались верными принципам джадидизма, социального и общественного прогресса, достигаемого через просвещение; не отвергали Ислама, но критиковали служителей культа. И так – вплоть до октябрьских дней 1917 года. После смерти Г.Тукая (1913) признанным и авторитетным лидером левого писательского крыла стал М.Гафури. Интересно отметить, что симпатии к большевикам, к новой власти не помешали поэту в 1918 году открыть одой Исламу первый номер нового религиозного журнала “Дин ве эдэб” (“Религия и нравственность”), так как, по мысли маститого автора, религиозные устои нравственности совершенно необходимы для успешного развития нации.

Большинство татарских писателей приняло революцию как начало новой эры, уповая на духовное возрождение нации, которая долго была под гнетом. В своих стихах приветствовали Октябрь Г. Камал, М. Гафури, С. Рамиев, Ш.Бабич и др. Видным государственным и общественным деятелем стал в эти годы Г.Ибрагимов (кстати, он единственный татарский писатель. Имевший беседу с Лениным в его кабинете). В 1919 г., в дни второй годовщины октября, Г.Ибрагимов писал: “мы вырвались из капиталистического рабства <...>. Мы получили все возможности для небывалого расцвета национальной литературы, национального языка; мы получили для этого свободу и материальные средства”.

Лояльность к новой власти сохраняли все татарские писатели (за исключением тех, кто ушел в

эмиграцию). Фатих Карими, переехав в Москву, стал преподавателем Коммунистического университета трудящихся Востока (знаменитый КУТВ). Р.Фахретдинов продолжал карьеру писателя и ученого, будучи главой Духовного управления мусульман России (г.Уфа). В уединении провел свои последние дни в Орске поэт Дердмэнд. Возможно, это было формой “внутренней эмиграции”. В послереволюционный период два прежде знаменитых поэта С.Рамиев и Н.Думаи перестали играть активную роль в родной поэзии: первый увлекся переводами прозы, работой в учреждениях советской власти на Урале, второй принял сан муллы, а в 1926 году издал книгу “Татарское духовенство”. Поистине неисповедимы писательские судьбы на трудных дорогах истории.

В литературе периода гражданской войны отчетливо просматривается взаимодействие разных писательских поколений. С одной стороны, продолжалось творчество тех, кто закладывал краеугольные камни татарской литературы XX века. Это прозаики Ф.Амирхан, Ш.Камал, Г.Ибрагимов, М.Гали, Г.Газиз, Ш.Ахмадиев, С.Джалал, Г.Рахим, Я.Карим, поэты М.Гафури, Ф.Бурнаш, С.Сунчелей, Д.Губайди, С.Рамиев, М.Укмаси, драматург М.Файзи, Г.Камал (он же и поэт), К.Тинчурин и другие. А с другой стороны, была заметной активность молодых и начинающих литераторов, которые вскоре станут кадрами собственно советской литературы. Это поэты Муса Джалиль (1906-1944), М.Максуд (1900-1962), Ш.Фидаи (1902-1920), И.Юсфи (1896-1921), Б.Рахмат (1897-1957), К.Амири (1893-1962; он же драматург), Н.Исанбет (1899-1993), Т.Ченекей (1893-1959), А.Сагиди (1895-1939), прозаики К.Наджми (1901-1957), А.Шамов (1901-1990), Д.Юлтый (1893-1938), А.Тагиров (1890-1938), драматурги Ш.Усманов (1898-1937; он же прозаик). Многие молодые и начинающие литераторы сражались на полях гражданской войны, и жизнь некоторых из них оказалась исключительно короткой.

В январе 1918 года своей первой публикацией (в газете “Олуг Туркестан”, Ташкент) заявил о себе будущий великий поэт и новатор Хади Такташ (1901-1931). Через год после переезда молодого поэта в Казань, выходит в свет его первая книга (1923), в которую вошла его знаменитая богоборческая трагедия в стихах “Сыны земли” и его литературный манифест, в котором была выдвинута поэтом весьма позитивная программа обновления и осовременивания татарского стиха. Эта программа, состоявшая из шести конкретных пунктов, теоретически обосновывала практические шаги татарских поэтов того времени, в том числе и самого Х.Такташа, в области поэтические новаторства. Любопытен и другой пример. Молодой поэт Адель Кутуй (1903-1945) в 20-х годах объявил себя татарским футуристом; его первый сборник, названный “Бег дней” (1924), состоял из стихов, написанных в подражание футуристам. Эта книга стала наглядным и убедительным свидетельством бесплодности голого экспериментирования; сам поэт в дальнейшем отказался от этого направления.

В литературе 20-х годов, при отсутствии Гаяза Исхаки (эмигрировал в 1918 году), лидерство от него перешло к другому метру - Г.Ибрагимову. В этот период, а затем в тридцатых годах творчество Г.Ибрагимова играло огромную роль в литературной и общественной жизни. Одним из первых он поставил во главу угла проблему формирования нового человека, а следовательно, и нового героя литературы (пьеса “Новые люди”, 1920). Роман Г.Ибрагимова “Наши дни”, изданный в 1920 году, был яркой революционной эпопеей, художественным исследованием корней и причин той ситуации, которая рождает революционеров и бунт. Критика оценивала творческие поиски Г.Ибрагимова как новаторские, отвечающие требованиям времени; например, Фатих Сайфи-Казанлы (1888-1937) писал, что в пьесе “Новые люди” автор сумел показать “политический рост своего героя на глазах у зрителей”. Такая оценка весьма симптоматична:

в этих словах выражен новый, политизированный и социологизированный подход к явлениям литературы, который все больше стал доминировать, начиная с двадцатых годов, при оценке произведений литературы.

Итоги века

а). Татарская литература вступила в XX век, будучи единственной трибуной, пользуясь которой передовые люди нации определяли и выражали интересы нации (подчеркну: была действительно единственной до тех пор, пока татары не отвоевали себе право иметь периодические издания). Писатель как творческая и общественная личность самой жизнью был тогда призван существовать как выразитель и одновременно защитник интересов своей нации. Эта функция в начале века была главной у литературы.

После Октябрьской революции 1917 года и создания своей национальной автономии (1920) произошло некоторое распределение ролей: автономная республика взяла на себя заботу о национальной культуре, о печатных органах и т.д.; писателя странным образом освободили от его прежней функциональной нагрузки и отчасти отстранили от тех главных забот. Литературе на новом этапе полагалось выражать интересы не нации, а народа. Недаром, публикуя стихотворение Г.Тукая “К нации” (“Миллэтэ”) в русских изданиях, его заглавие переименовывали – “К народу”; стихотворение этого же поэта “Великий юбилей и связанные с ним чаяния народа” (1913) русскому читателю “показывали” в усеченном виде (из 38 строк 12), убрав те строки, в которых Г.Тукай ставил, обращаясь к самому царю, вопрос о равноправии наций России.

Набиравшая с годами тенденция к стиранию национального и забвению национальных интересов “аукнулась” в 70-80 гг. в виде национальной беды: во многих городах Татарстане не осталось школ с обучением на татарском языке; в условиях национально-русского двуязычия произошло вытеснение татарского языка из многих сфер. Официальные власти, испытывая страх перед

возникновением “национализма” в среде татарской творческой интеллигенции, стремясь пресекать проявления “националистических” настроений, создали ситуацию абсурда: с одной стороны им надлежало проявлять заботы о том, чтобы национальная татарская культура (литература развивались и ширились, а с другой стороны, все делалось для того, чтобы почва уходила из-под ног у писателей, чтобы они в конце концов лишились читательской аудитории.

“Миг сознания” (термин Б.Эйхенбаума) наступил в 1991 году: татарская писательская общественность решительно взялась сама отстаивать национальные интересы татар, добилась восстановления татарского языка в качестве одного из двух государственных языков в Татарстане и т.д. Ситуация в результате стала меняться к лучшему, появилась обнадеживающая перспектива.

90-е годы – годы подъема татарской литературы, и этот подъем обусловлен (инициирован новой фазой национального самосознания. Татарская литература к концу XX века вернула себе прежнюю функцию. Т.е. снова встала на защиту национальных интересов, стала лидером в нынешнем национальном движении. Отсюда её сегодняшний настрой, имя которому – национальный ренессанс.

б) к порогу XX века татарская литература в свое время подошла как одна из заметных и развитых литератур Востока, будучи в достаточной степени подготовленной к художественным обретениям и преобразованиям, которыми характеризуется развитие культур в XX веке. Поэтому она так или иначе реагировала на многие новации (символизм, футуризм, верлибр, “поток сознания” и т.д.).

Как известно, в начале века парадигма татарской литературы поменялась на европейскую. Но к концу XX столетия наступило некоторое равновесие. Ныне в своем развитии татарская литература ориентируется и на Запад, и на Восток. Сама же она и не западная и не восточная; имеет свое незаемное, необщее, а особое лицо, будучи по происхождению и языку восточной.

в) К концу XX века произошло ещё одно знаменательное явление: воссоединились литературы метрополии и зарубежья (эмиграции). Татарская литература сумела не только вернуть к себе, в метрополию, художественные ценности и утраченную часть наследия прошлого, но и воздать должное всему возвращенному. Известно, что катарсисы истории на целых 75 лет оставили татар без великого деятеля их национальной культуры, родоначальника современной татарской прозы и драматургии Гаяза Исхаки. Ныне литературное наследие писателя широко публикуется, изучается; тем самым восстанавливаются утраченные звенья литературного процесса XX века, создается правдивая, неискаженная картина татарской литературы.

г) К концу XX века изменилось самосознание и “самоощущение” татарских писателей. Они сумели сбросить с себя возникшее прежде ощущение своей провинциальности, неполноценности, так как увидели свою литературу как самодостаточную, как метрополию, живущую независимо от посторонних оценок, мнений и выводов. Теперь владеет умами одно стремление: вывести свою литературу, её достижения на мировую арену, обрести свое место под солнцем, как выразился Р.Файзуллин. Кстати, в начале века об этом мечтал Г.Исхаки, надеясь “продвинуть” свою литературу в ряды передовых литератур Европы, и был уверен в успехе, имея свои аргументы.

д) В XX веке татарская литература в известной мере сумела заявить о себе на международной арене, предъявила миру лучшие произведения своих писателей и наиболее яркие литературные явления. И тут, прежде всего следует вспомнить феномен Мусы Джалиля и его знаменитые “Моабитские тетради” – поэтические шедевры, созданные в неволе, накануне казни. Это был и гражданский, и творческий подвиг, не имеющий равных в целом мире. Поэтому любая литература мира может только мечтать иметь такой феномен, хотя и с трагической окраской. Важно то, что в XX веке на литературной карте мира появилась ещё литература – татарская.

Эркенов Ибрагим Рамазанович*

Родился 20 января 1938 года в г. Кисловодске в семье простых тружеников. Отец — Рамазан Хомаевич, участник Великой Отечественной войны, умер в 1991 г. Мать - Казиева Кара Хаджимурзовна, умерла в 1946 году в Средней Азии. После окончания Луговской средней школы Луговского района Джамбульской области Казахской ССР вернулся на

родину, окончил естественно-географический факультет Ставропольского педагогического института в 1962 году.

Трудовую деятельность начал учителем географии и биологии школы-интерната в с. Учкеекен, откуда был призван в ряды Советской Армии. После службы в армии работал инструктором Малокарачаевского райкома КПСС, но призвание учителя потянуло в школу. На протяжении четырнадцати лет работал учителем, военруком, заместителем директора, директором Первомайской средней школы. Четыре года был инспектором школ Малокарачаевского районного отдела народного образования.

В 1983 году был назначен директором Учкеекенской средней школы-интерната, преобразованной в 1989 году в общеобразовательную среднюю школу № 7, где и работает по настоящее время. Эта школа является самой крупной в районе и пользуется заслуженным признанием благодарных учеников и их родителей. В ее стенах обучают и воспитывают подрастающее поколение 16 учителей высшей категории, 35 учителей первой и второй категорий.

За добросовестный труд в деле обучения и воспитания подрастающего поколения удостоен званий: «ОТЛИЧНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР» «ЗАСЛУЖЕННЫЙ УЧИТЕЛЬ

**КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКИ»
«ЗАСЛУЖЕННЫЙ УЧИТЕЛЬ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ» «УЧИТЕЛЬ ВЫСШЕЙ КАТЕГОРИИ»**

Неоднократно избирался депутатом Первомайского и Учкеекеновского сельских советов, в настоящее время депутат Учкеекеновского муниципального образования. Длительное время активно работал в профсоюзных органах, был председателем Малокарачаевского райкома профсоюза работников просвещения, членом обкома профсоюзов, семь лет являлся членом Президиума Карачаево-Черкесского Ресовпрофа.

Семейный. Жена - Тамбиева Аминат Нурмагометовна, по образованию инженер, ныне пенсионерка. Дочь — Фатима, учитель химии и биологии. Сын - Азамат, окончил экономический факультет Московской Тимирязевской академии, предприниматель. Дочь — Халимат, окончила экономический факультет Московской Тимирязевской академии.

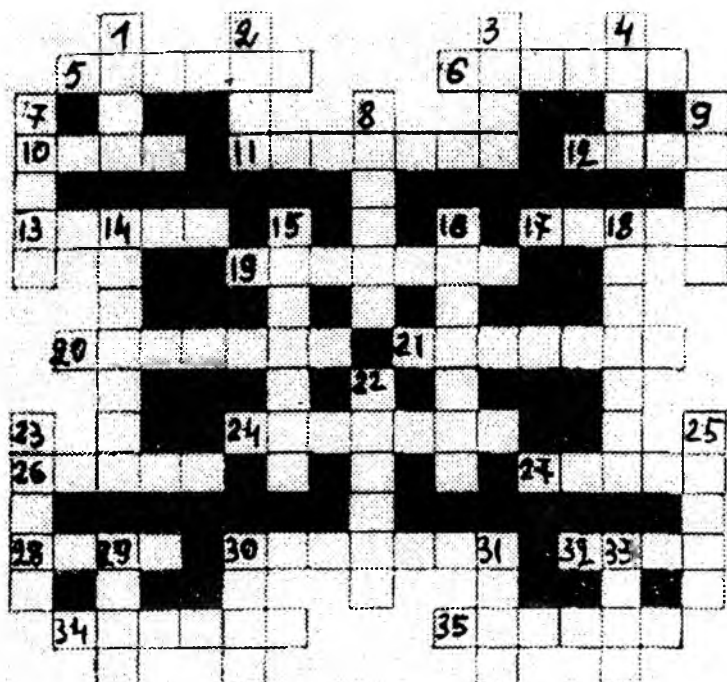
**Есть люди, которые не кричат о любви к своему народу, родине, родному языку, обычаям. Они просто живут этим, находя разные пути служения своему народу. Прекрасный педагог Ибрагим Рамазанович Эркенов решил просветить нас и через свои кроссворды. Решая их, мы шагаем по родной земле, поднимаемся в горы, спускаемся в ущелья, знакомимся с фауной и флорой, говорим на родном языке, путешествуем во времени и пространстве. Прекрасная возможность вспомнить все: и откуда мы родом, какие у нас знаменитости, личности и т.д.*

Сотни кроссвордов подготовлены Ибрагимом Рамазановичем. «Ас-Алан» будет выискивать возможность издания их отдельной книгой.

География Карачаево-Черкесии

По горизонтали:

5. Горная порода в КЧР, используемая как облицовочный

материал 6. Горная страна между Черным и Каспийским морями 10. Растение рода капусты, возделываемое в Карачаево-Черкесии как масличная культура 11. Гора в Карачае, где происходило сражение карачаевцев с войсками генерала Эмануеля в 1828 году 12. Хмельной напиток горцев 13. Соединение химического элемента с кислородом 17. Каменная гора с острыми выступами 19. Гора в Архызе 20. И один из древнейших карачаевских аулов, и одноименная река 21. Продолговатая яма, вымытая паводковыми водами в днище балки 24. Один из ученых, занимавшихся исследованием пещер Карачаево-Черкесии 26. Предки карачаевцев и осетин 27. Крупная красивая птица в Карачаево-Черкесии 28. Река в

Карачаево-Черкессии, относящаяся к бассейну Каспийского моря 30. Крупный населенный пункт, административный центр одного из районов Карачаево-Черкесской Республики 32. Река, перевал, аулы на правом берегу реки Кубань 34. Крупный довоенный карачаевский аул 35. Государство, с которым граничит Карачаево-Черкесия

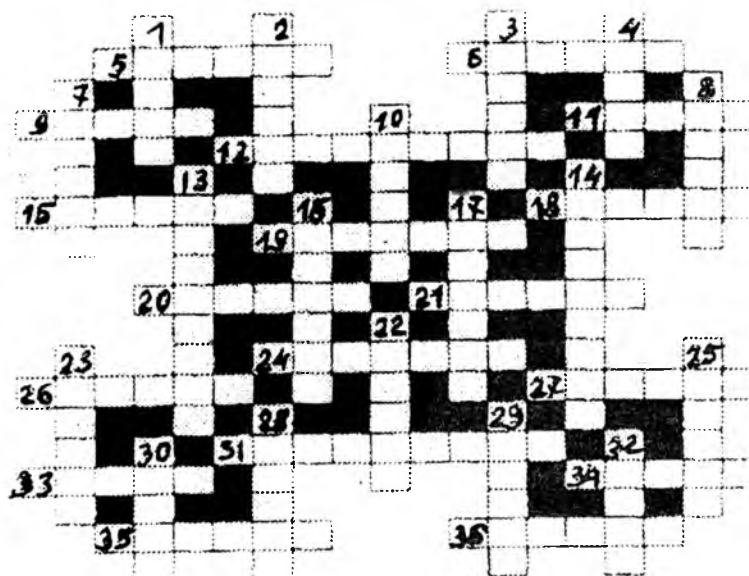
По вертикали:

1. Крупная река на юго-западе Карачаево-Черкессии, приток Кубани 2. Карачаевское название Марухи 3. Река на юго-западе республики, приток Кубани 4. Правый приток реки Малый Зеленчук; аул в Хабезском районе 7. 3876 метров одна из горных вершин Карачаево-Черкессии 8. Столица государства в Юго-Западной Азии, где проживают много выходцев из Кавказа 9. И гора, и перевал на Главном Кавказском хребте, и приток реки Кубань 14. Приток реки Большая Лаба; перевал 15. Крупный населенный пункт в Адыге-Хабльском районе 16. Выдающийся ученый, акклиматизировавший жень-шень в Тебердинском заповеднике 18. Река в верховьях Теберды 22. Приток Большой Лабы; центр лесоразработок 23. Река на юго-востоке республики, приток Терека 25. Ядовитое дерево (кустарник), упоминание о котором можно найти в поэзии А. С. Пушкина 29. Приток Теберды в верхнем течении 30. Горная индейка, обитающая на Кавказе 31. Герой, богатырь в эпосе горцев 33. Русский академик, изучавший геологическое строение Карачаево-Черкессии в 19 веке

Ответы по горизонтали: 5. Мрамор 6. Кавказ 10. Рапс 11. Хасаука 12. Боза 13. Оксид 17. Скала 19. Красная 20. Учкулан 21. Выймоина 24. Долечек 26. Аланы 27. Фазан 28. Кума 30. Учкеекен 32. Мара 34. Схауат 35. Грузия

Ответы по вертикали: 1. Уруп 2. Морх. 3. Лаба 4. Жако 7. Эрцог 8. Дамаск 9. Махар 14. Санчара 15. Эрсакон 16. Малышев 18. Аманауз 22. Бескес 23. Малка 25. Анчар 29. Муху 30. Улар 31. Нарт 33. Абих

Карачаевские названия животных

По горизонтали:

5. Карачаево — балкарское название шакала 6. Карачаевцы и балкарцы называют антилопу...

9. Короткое название домашней птицы, которую ещё называют «къырым тауукъ» 11. Карачаево-балкарский перевод названия кашалота 12. Млекопитающее из семейства куньих, перевязку карачаевцы называют... 15. Перелетная птица турухтан называется 18. Русское название этого животного вепрь, а карачаевское? 19. Эту птицу из рода соколов балобан таулула называют ...

20. Карачаевское название кролика 21. Животное африканских саванн зебру карачаевцы называют... 24. Карачаевское название мерзкого животного, питающегося падалью — гиены 26. Сосун (ягненок, жеребёнок) 27. Карачаевское название лесной промысловой птицы — глухаря 31. Как называется по карачаевски жук — усач? 33. И африканский, и азиатский носорог по-карачаевски 34. Бугорок, нарытый кротом, сам крот по-карачаевски называется... 35. Кобылица 36. Крупная ящерица варан по-карачаевски...

По вертикали:

1. Это животное имеет ещё названия самыр, дидиу, маске 2. Южноазиатское и центральноамериканское животное тапир карачаевцы называют... 3. Представителя круглоротых рыб - миногу карачаевцы называют ... 4. Карачаевское название благородного оленя. 7. За характерный звук при полете майский жук получил у карачаевцев название... 8. А дельфина за прыжки в воде называют... 10. Одно из тюркских названий петуха 13. Млекопитающее отряда оленей - кабарга по-карачаевски называется 14. Животное из рода кошек, похожее на рысь каракал по-карачаевски называется 16. Рыба из семейства шемая у карачаевцев получило мужское имя... 17. Волчонка, медвежонка карачаевцы называют... 22. Кривая турецкая сабля 23. Карачаевское название буйвола 25. Карачаевское название рыбы с уплощенным телом — ската... 28. Щенок, собачонок 29. Карачаевское название ценнейшей промысловой рыбы — осетра 30. Название хищного млекопитающего из семейства куньих - ласки 32. Одно из карачаевских названий кавказской овчарки.

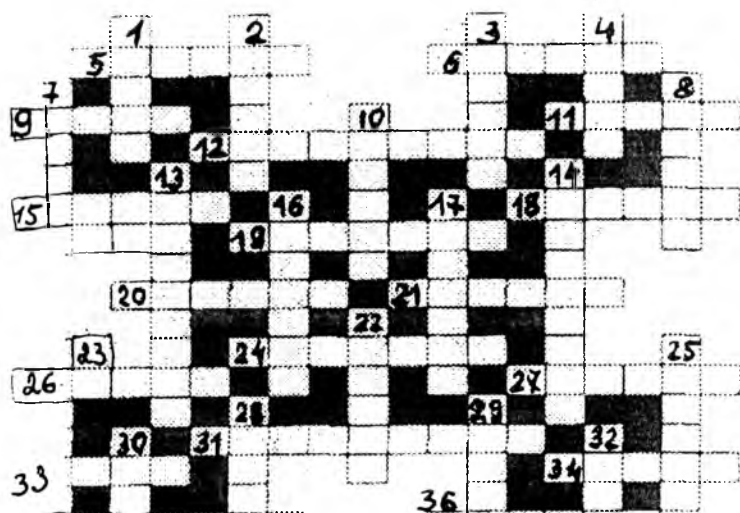
Ответы по горизонтали: 5. Чакъл 6. Тайтал 9. Гурий 11. Гаяуз 12. Былгырай 15. Туркью 18. Къабан 19. Палапан 20. Таушан 21. Гурхан 24. Сыртлан 26. Маркъа 27. Палпуч 31. Баджанакъ 33. Кепге 34. Лобан 35. Байтал 36. Самсар

Ответы по вертикали: 1.Парий 2.Таппыр 3.Ташман
4.Марал 7.Дуудуу 8.Суучар 10.Къораз 13. Къабаргъа
14.Къаракъал 16.Шамайыл 17.Мамучар 22.Ятаган
23.Геммеш 25.Турпан 28.Калкай 29. Окълан 30.Агъаз
32.Добар

Карачаевские названия растений.

По горизонтали:

5.Лишайник — низшее растение, растущее в тундре и на
камнях 6.Бахчевое растение с большими круглыми плодами

9.Карачаевское название подземной части растений

11. Название миндаля - южного дерева с удлинненными
орехами 12.Южное дерево из тутовых — инжир
(смоковница) по-карачаевски 15.Травянистое растение
лебеда по-карачаевски 18.Карачаевское название картофеля
19.Карачаевское название лекарственного растения -
ромашки 20.Чебрец(чабрец) по-карачаевски 21.Клен -

дерево, широко используемое в озеленении 24. Сорное ядовитое и лекарственное растение белена по-карачаевски 26. Карачаевский перевод названия сорного растения пырей или дикое просо 27. Из муки этой зерновой культуры карачаевцы делают блюдо под названием «какь» 31. Карачаевское название льна — кудряша 33. Тюркское название пашни 34. Карачаевское название важнейшей продовольственной культуры — пшеницы 35. Название австралийского дерева эвкалипт по-карачаевски 36. Плод фруктового растения.

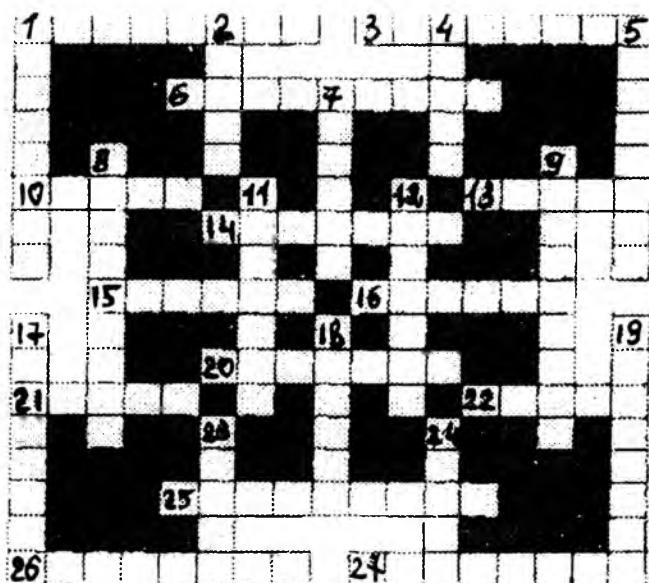
По вертикали:

1. Хвойное вечнозелёное растение туя. 2. Южное плодовое растение, дающее сочные плоды с крупной косточкой 3. Полукустарниковое ягодное растение, а также его плоды - малина 4. Дерево с красивой декоративной древесиной чинара (восточный платан) по-карачаевски 7. Садовое луковичное растение с белыми цветками нарцисс по-карачаевски 8. Морковник, молодые побеги которого карачаевцы ранее употребляли в пищу 10. Многолетнее растение рода полынь, молодые побеги которого используют для салатов и как пряность; прохладительный напиток 13. Карачаевское название знаменитого африканского дерева баобаб. 14. Южное травянистое луковичное растение шафран, употребляемое как пряность и красящее вещество, по-карачаевски 16. Высушенная кора ветвей лавровых деревьев, называемая корицей, в переводе на карачаевский язык 17. Карачаевское название ядовитого растения дурман с пахучими цветами 22. Дикий (медвежий) лук 23. Карачаевское название канны 25. Чайная роза 28. Лобия, которую на Кавказе называют фасолью или коровьим горохом, по-карачаевски 29. Растение с золотой головкой, дающее семена, богатые маслом 30. Карачаевское название гречихи (гречки). 32. Редиска, редис.

Ответы по горизонтали: 5. Лайчан 6. Харбыз 9. Тамыр 11. Лаууз 12. Ханпачакь 15. Лыбыта 18. Гардош 19. Бабунач

20. Чапхын 21. Тыкьыр 24. Мыгылан 26. Тарлау 27. Нартюх
 31. Гюрбечлен 33. Сабан 34. Будаи 35. Ёкелип 36. Кертме
 Ответы по вертикали: 1. Назыл 2. Шаптал 3. Наныкь 4.
 Чынар 7. Нангьыз 8. Мухот 10. Тархун 13. Атсылгач 14.
 Загьыфран 16. Дарышын 17. Батыран 22. Тыхтен 23. Мандал
 25. Гюлчай 28. Люббий 29. Чёблеу 30. Рачка 32. Турма

Кроссворд «Карачаевский».

По горизонтали:

1. Карачаевец, доктор исторических наук, изучающий
 наскальные могильники в Карачаево — Черкесии
 3. Декабрист, автор слов «Карачаевцы народ свободный,
 мирный, трудолюбивый» 6. Поклонение древними
 карачаевцами различным животным, духам 10. Приток реки

Терек в Карачаево-Черкесии 13.Время уборки сена 14. Кабардинизированная фамилия карачаевца, проводника экспедиции генерала Эмануэля и первого покорителя Эльбруса в 1828 году. 15.Аул в Карачае, получивший название «памятник природы» 16.Интерес к чему-нибудь, восхищение в переводе на карачаевский язык 20.Один из хребтов Кавказа, на котором возвышается вершина Эльбрус 21.Небольшое старинное торговое заведение 22.Самоназвание кабардинцев и черкесов 25.Плодородные почвы в Карачаево-Черкесии 26.Известный исследователь конца 19 века, оставивший подробное описание аула Схауат и его жителей 27. Лейтенант, уроженец Схауата, совершивший подвиг в 1943 году в районе Новороссийска и представленный посмертно к званию Героя Советского Союза .

По вертикали: 1.Гора в Карачаево-Черкесии, с вершины которой любил обозревать панораму Главного Кавказского хребта А. П. Чехов 2.Советский ученый-археолог, исследователь юго-восточных районов Карачаево-Черкесии 4.Простонародное название автомобиля, самого удобного для езды по горным дорогам Карачаево-Черкесии 5.Столица Карачаево-Черкесии 7.Государство на современной территории Карачаево-Черкесии в давние времена 8.Женщина-археолог, проведшая большую работу по изучению исторического прошлого Карачаево-Черкесии в 20 веке 9.Один из хребтов Кавказа, протянувшийся через территорию Карачаево-Черкесии 11.Карачаевец, доктор исторических наук, автор очерка «Долина Хасаут» 12. Генерал, в кавалерийском корпусе которого воевало много карачаевцев под Москвой в 1941 году 17.Русский географ, посетивший Схауат в 1836 году, и оставивший интересные воспоминания о великолепии природы данных мест 18.Продукт животного происхождения 19.Русский исследователь, вместе с Танеевым побывавший в 1886 году в Хасауте 23.Небольшое литературное произведение, краткое описание события 24.Горское название нормы поведения .

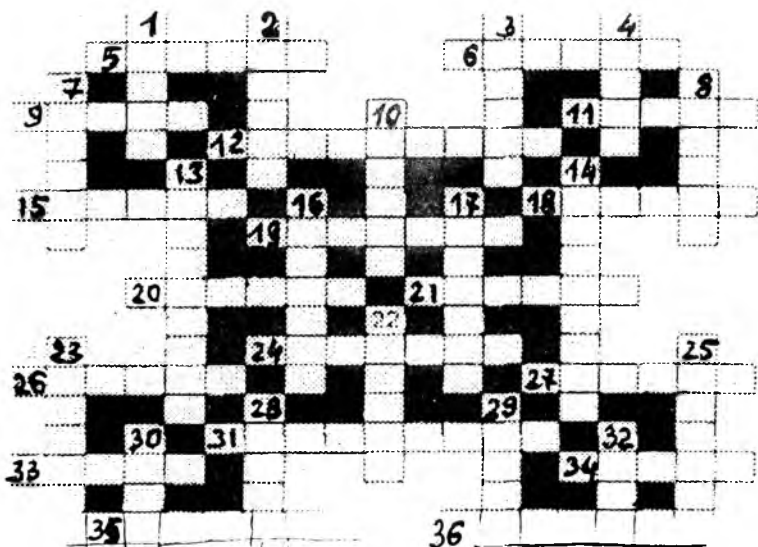
Ответы по горизонтали: 1.Байчоров 3.Якубович 6.Анимализм 10.Малка 13.Покос 14.Хаширов 15.Схауат 16.Тамаша 20.Боковой 21.Лавка 22.Адыга 25.Чернозёмы 26.Новицкий 27.Гусейнов

Ответы по вертикали: 1.Бермамыт 2.Рунич 4.Уазик 5.Черкесск 7.Алания 8.Алексеева 9.Скалистый 11.Шаманов 12.Доватор 17.Филипсон 18.Молоко 19.Иванюков 23.Очерк 24.Намыс

Кроссворд «Карачаевский».

По горизонтали:

7.Проклятие. 8.Потусторонний загробный мир 9. Рабочая

мужская обувь у карачаевцев в прошлом 11.Редкое карачаевское название осла 12. Общеизвестные искусные плакальщицы и причитальщицы в доме покойника

15. Известный русский исследователь культуры и быта карачаевцев в 19 веке 18. Южная сторона горизонта у карачаевцев 19. Пояс, предмет украшения туалета женщин и мужчин 20. Сырьё для изготовления шапки у карачаевцев в прошлом 21. Суконный тёплый головной убор 24. Обычай, когда вдова выходила замуж за брата умершего мужа 26. Карачаевский таган для котлов 27. Один из ледников в Домбайской долине 31. Аул в Усть-Джегутинском районе 33. Льняная или конопляная ткань у карачаевцев 34. Грудная кость птиц, которую ломают двое и играют подавая друг другу. Проигрывает тот, кто, принимая косточку забыл сказать «помню» 35. Карачаевское восклицание в значении «господи» 36. Один из ближайших сподвижников родоначальника Карачая – Карчи.

По вертикали:

1. Выкуп за невесту 2. Предмет одежды у карачаевцев, название которого произошло от грузинского «цинда» 3. Название промышленного сукна у карачаевцев 4. Злой дух, причиняющий зло во время сна 7. Верхняя распашная, обычно стеганная одежда карачаевцев 8. Воспитанный человек 10. Нужда, бедствие, лишения по- карачаевски 13. Обычай подношения соседям ритуальной и другой еды 14. Карачаевская обувь с застёжками. 16. Пастушья одежда из войлока 17. Домашняя рабыня, служанка, холоп в прежние времена 22. Свод религиозных и юридических правил, основанных на Коране. 23. Сын Ачея, один из нартских героев 25. Домотканное карачаевское сукно. 28. Государство в пределах современного Карачая, существовавшее в давние времена 29. Лента для скрывания волос 30. Верховное божество у язычников карачаево-балкарцев 32. Покровитель домашних животных в образе козла или оленя, который перестал быть таковым после женитьбы.

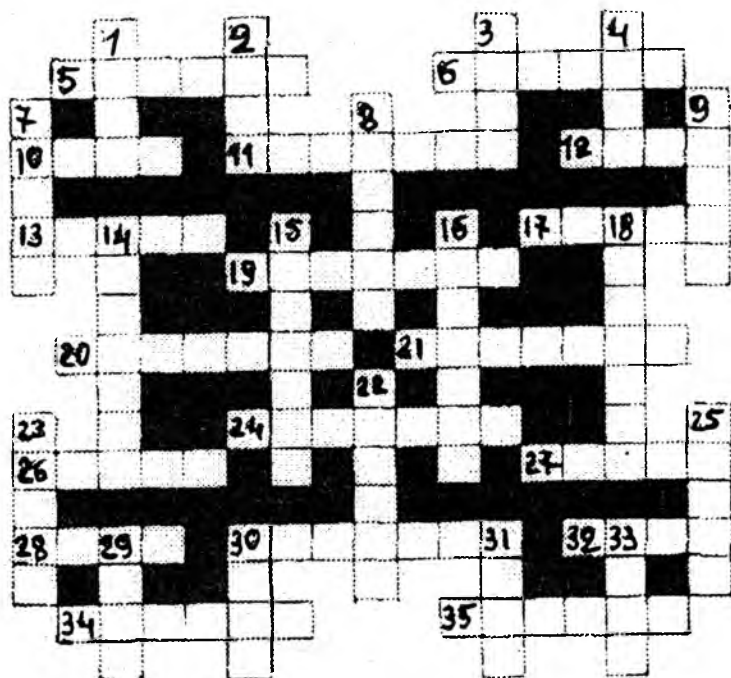
Ответы по горизонтали: 5.Каргыш 6.Ахырат 9. Чабыр
 11.Ачада 12.Сарынчыла 15.Лавров 18.Кыбыла 19. Белибау
 20.Курпей 21.Башлык 24.Левират 26.Ючаякъ 27. Алибек
 35.Эльтаркач 33.Гетен 34.Айдес 35.Арабий 36.Нау- руз

Ответы по вертикали: 1.Калым 2.Чындай 3.Схарла
 4.Байчи 7.Каптал 8.Адебли 10.Инжиу 13.Хоншулукъ 14.
 Чыкьыртлы 16.Гебенек 17. Карауаш 22.Шариат 23.Ачемез
 25.Чепкен 28.Алания 29.Чачбау 30.Тейри 32.Аймуш

Кроссворд «Карачаевский».

По горизонтали:

5.Земледельческое божество у древних карачаевцев

6. Карачаевское название гранита 10. Волчи... носились карачаевцами в качестве талисмана и оберега 11. Отец нартского войска, в детстве оказавшийся без родителей и вскормленный волчицей 12. Богиня у древних карачаевцев и балкарцев — покровительница детей, материнства и плодородия 13. Семейный род, обособившийся от каума (родственного объединения) 17. Знаменитое карачаевское блюдо из внутренностей животного 19. Презрительное прозвище предателя Дудова, указавшего генералу Эмануэлю окружную дорогу при покорении Карачая 20. Грузинское наименование Балкарии 21. Одна из старинных карачаевских героических песен 24. Войсковой старшина — осетин, пристав Карачая в 19 веке 26. Известный карачаевский художник последепортационного периода 27. Воинственный народ царя Атиллы, оказавший заметное влияние на формирование карачаевцев 28. Древний обычай, традиция, обряд 30. Слоенная карачаевская лепёшка в масле 32. Древнейшее карачаевское селение 34. Обычай родовой взаимопомощи у карачаевцев 35. Название народа, упоминаемое арабским автором Ибн-Русте, пожалуй, древнейшее упоминание о карачаевцах и балкарцах (10 век).

По вертикали:

1. Бревенчатый дом 2. Представительный и исполнительный орган власти Карачая в 15-17 веках 3. По представлению древних тюрков, прародитель всего тюркского племени 4. Наиболее крупное родственное объединение у карачаевцев 7. Давно освобожденные от крепостной зависимости крестьяне у дореволюционных карачаевцев. 8. Ангел смерти у карачаевцев 9. Знаменитый карачаевский молочный продукт 14. Историческая область на Кавказе, у которой карачаевцы издавна арендовали земли 15. Одна из картин поэта, художника и первого карачаевского просветителя Ислама Крымшамхалова 16. Представитель первого поколения карачаевской интеллигенции, просветитель 18. Поэма Касбота Кочкарова — народного поэта Карачая 22. Знаменитая комедия Шахарбия Эбзеева

23.Карачаевская суббота, название которой передано древним карачаевцам через хазар 25. Карачаевское название Нижней Теберды 29.Представитель народа, считающегося предками карачаевцев 30.Род, родовая община 31.Первый человек на Земле 33.Народная песня, где описаны драматические сцены сражения при Хасауке.

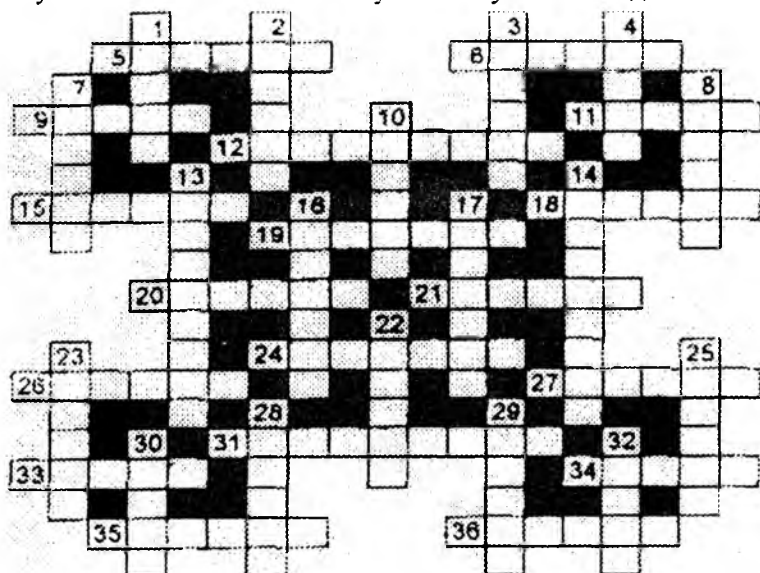
Ответы по горизонтали: 5.Эрирей 6.Состар 10.Зубы 11.Ёрюзмек. 12.Умай 13.Тукум 17.Сохта 19. Амантиш 20.Басиани 21.Джандар 24.Тургиев 26.Атаев 27.Гунны 28.Адат 30.Катлама 32.Дуут 34. Маммат 35.Таулас

Ответы по вертикали: 1.Сруб 2.Тёре 3.Волк 4.Каум 7.Азаты 8.Азраил 9.Айран 14.Кабарда 15. «Аманауз» 16.Биджиев 18.Хорасан. 22.»Огурлу» 23.Шабат 25.Сынты 29.Алан 30.Клан 31.Адам 33. «Умар»

Кроссворд «Карачаевский».

По горизонтали:

5. Советский археолог, проводивший большую работу по изучению могильников аула Схауат 6. Выдающийся

кавказовед 19 века, автор слов: «Вообще карачаевцы отличаются опрятностью одежды, чистотой домашней жизни, верностью данному слову» 9. Военное звание авиаконструктора и военного инженера М. Гаджаева, уроженца аула Схауат 11. Дикая свинья, обитающая в горах Карачая 12. Довоенная профессия Героя России Т. Голаева-уроженца аула Схауат 15. Страна, куда переселились многие жители Карачая в 19-20 веках 18. Древний карачаевский аул 19. Глава правительства СССР, имя которого носила дача недалеко от аула Схауат 20. Карачаевское название церкви 21. Выдающийся русский композитор, посетивший Схауат в 1886 году 24. Уроженец Схауата, доктор экономических наук 26. Целебная минеральная вода — природное богатство Карачая 27. Молочный продукт 31. Страна в Западной Европе, с которой сравнивают природу Карачая 33. Перевал по пути

из Схауата в Кисловодск 34.Разновидность оленя, обитающая в Карачае 35.Кавалер двух орденов Ленина — уроженец аула Схауат 36.Горная куропатка .

По вертикали:

1.Русский исследователь района Схауата в конце 19 века
2.Разновидность орла 3.Коннозаводчик, выведший разновидность карачаевской породы лошадей «Бурул» 4. Старинная обрядовая карачаевская песня при сбивании масла 7.Приток реки Малка, впадающей в Терек 8.Один из героев Карачая, под влиянием которого карачаевцы в 1901 году названы этнографом Г Рукавишниковым честнейшим из всех горских народов 10.Национальное блюдо карачаевцев для угощения гостей 13.Схауатский жеребец, получивший в 1940-1941 годах золотую медаль ВДНХ в Москве 14.Советский археолог, исследователь хасаутских памятников 16.Автор слов «Карачаевцы — нейтральный народ, отличающийся своей верностью, красотой и храбростью» - великий писатель 17.Советский поэт — лирик, посетивший до войны аул Схауат и посвятивший ему своё стихотворение 22.Зверь — плутовка, представительница фауны Карачая 23.Как называли жителей Карачая (Хасаута) И.Иванюков и М. Ковалевский в статье «У подошвы Эльбруса»(1886 год) 25.Впадина реки 28. Тяжёлый металл, имеющийся в недрах Карачая 29.Русский славист, относивший, найденные при раскопках вещи в Карачае к аланам и булгарам 30.И дерево по — карачаевски, и буйная кавказская река 30.Основатель советского государства .

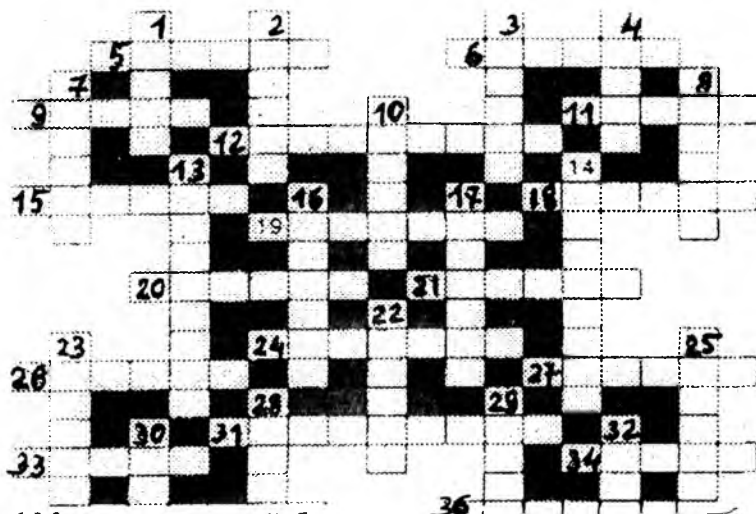
Ответы по горизонтали: 5.Мизиев 6.Шевцов 9.Майор 11.Кабан 12.Бухгалтер 15.Турция 18.Хурзук 19.Косыгин 20. Килиса 21.Танеев 24.Гочияев 26.Нарзан 27.Творог. 31. Швейцария 33.Урлеш 34.Серна 35.Текуев 36.Кеклик
Ответы по вертикали: 1.Сизов 2.Беркут 3. Текеев(Хабачу) 4. «Долай» 7. Хасаут 8.Камгут 10.Шашлык 13.«Чингисхан» 14.Кузнецова 16.Толстой

17.Щипачёв 22. Лисица 23.Татары 25.Долина 28.Свинец
29.Миллер 30. Терек 32.Ленин

Кроссворд «Карачай».

По горизонтали:

5. Волшебный морской крылатый конь в эпосе нартов

6. Мясо карачаевской барашки, приготовленное на вертеле
9. Место в карачаевском ауле, где собирались для совета, решения каких-то вопросов 11. Раскулаченный лиходец по-карачаевски 12. Перевал в Карачае, где были остановлены фашистские войска в годы войны 15. Нарзанный источник 18. Кисель по-карачаевски 19. Главная героиня нартского эпоса, жена Ёрюзмека 20. Благопожелание 21. Карачаевское название «Лезгинки» 24. Свирель, флейта по-карачаевски 26. Русский исследователь карачаевского быта 27. Забой скота для приготовления запаса мяса на зиму 31. Ведунья, теща Алаугана в нартском эпосе. 33. Серебряный пояс в

национальном женском костюме 34. Мера длины у карачаевцев, равная ширине ладони 35. Карачаевское национальное кушанье 36. Направление в сторону Мекки .

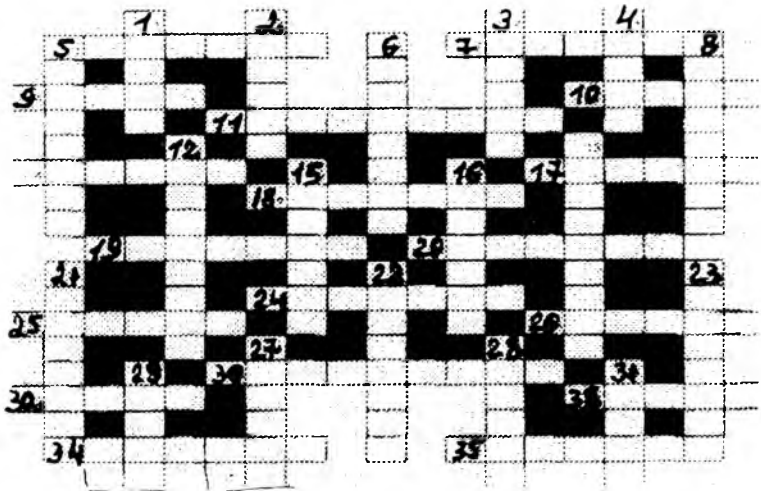
По вертикали:

1. Мера длины, равная расстоянию между вытянутыми большим пальцем и мизинцем 2. Карачаево- балкарское название горы Казбек 3. Предсказатель, ясновидящий, знахарь 4. Плотный толстый материал, карачаевский ковёр. 7. Один из эпизодических нартских героев 8. Ведунья страны нартов, воспитательница Сатанай 10. Крупное довоенное карачаевское селение. 13. Карачаевское название одного из сборников Муссы Батчаева, выдающегося карачаевского писателя 14. Ущелье в Кабардино-Балкарии 16. Карачаевская мера расстояния, равная слышимости крика (верста, километр) 17. Карачаевское название города Кисловодска 22. Шашка, волшебный меч нартов 23. Сподвижник - Карчи, родоначальник многих карачаевских фамилий 24. Старинное карачаевское селение 28. Старшая дочь Апсаты в облике трехногого оленя, якобы обладавшая той же силой, что и Апсаты 29. Беспокойный, озорной ребенок 30. Свояк по-карачаевски 32. Озеро в Карачае, где Сосрука утопил змегена Чолак Юнуса .

Ответы по горизонтали: 5. Тарпан. 6. Тишлик 9. Ныгыш 11. Лишон 12. Марухский 15. Гаралы 18. Бегене 19. Сатанай 20. Алгыш 21. Истеме 24. Сырыйна 26. Чурсин 27. Согум 31. Байрымкыз 33. Кямар 34. Тутум 35. Джёрме 36. Кыбыла

Ответы по вертикали: 1. Карыш. 2. Казман 3. Билгич 4. Кийиз 7. Шырдан 8. Тохана 10. Схауат 13. «Элчилерим» 14. Чегемское 16. Чакырым 17. Нарсана 22. Сырпын 23. Будиян 25. Хурзук 28. Фатима 29. Сыркыу 30. Баджа 32. Хурла

Кроссворд.

По горизонтали:

5. Отец центрального героя нартского эпоса — Ёрюзмека
 7. Второй по значительности герой эпоса 9. Огромный сказочно-мифологический орел 10. Благопожелание, тост, здравица по-карачаевски 11. Пир торжество, угощение
 14. Дорожная сума 17. Старший по возрасту, распорядитель пиршества 18. Тюркское женское имя 20. Мать нартского героя Чюерди 24. Царьград, Константинополь... крупнейший город в Турции 25. Служанка, которую отправляли вместе с невестой в дом жениха для прислуживания 6. Шкурка молодой барашки, идущая для изготовления воротников, головных уборов 30. Кровник Ачемеца - нартского героя 31. Очаг, дымоходное отверстие в жилище 33. Река на Северном Кавказе получившая за свой нрав прозвище «буйный» 34. Нартский герой — исполин 35. Один из нартских родов, в доме которых проходили собрания и пиры нартов

По вертикали:

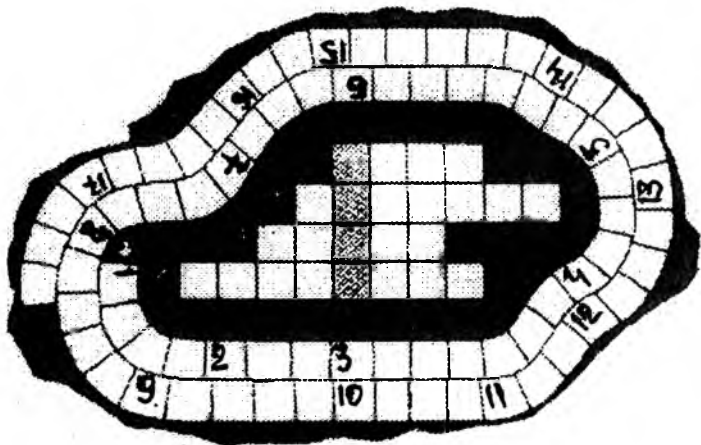
1. Олененок. Этим именем прежде называли мальчика родившегося в семье, где часто умирали дети — мальчики
2. Карачаевское название солювья 3. Карачаевское название утренней звезды, о которой говорят как о предвестнице наступающего утра 4. Озеро в Карачае, в котором Ёрюзмек утопил эмегена 5. Известная знахарка в нартском эпосе 6. Герой нартского эпоса. 8. Дядя нартского героя Ачемеза 12. Распространенное тюркское мужское имя 13. Карачаевское название дерева — кустарника, используемого для закрепления песков в пустынях и полупустынях 15. Демоническое существо в образе уродливой женщины с длинными косами 16. Топоним, упоминаемый в нартском эпосе 21. Презрительное обращение нартвов к эмегенам 22. Многоголовые великаны - людоеды, враги нартвов 23. Один из нартских родов 27. Карачаевское название чайного куста 28. Карачаевское название молодняка крупного рогатого скота 29. Холодное оружие в руках наездника-горца 31. Как назывались копыя у нартвов? (Современное значение этого слова - «понос у животных»).

Ответы по горизонтали: 5. Схуртук 7. Сосрука 9. Анкар 10. Алгыш 11. Курманлык 14. Артмак 17. Тамата 18. Алтынай 19. Иммолат 20. Сарасан 24. Стамбул. 25. Дигиза 26. Курпей 30. Тюклесхан 32. Оджак 33. Терек 34. Рачикау 35. Алиговы

Ответы по вертикали: 1. Бучар 2. Булбул 3. Чолпан 4. Хурла 5. Сандарак 6. Ногайчик 8. Ачыбатыр 12. Карамурза 13. Сакъсауул. 15. Алмасты 16. Карамур 21. Чийбыдыр 22. Эмегены 23. Джетеевы 27. Гюлчай 28. Танала 29. Камчи 31. Гебох

Чайнворд «Карачаевский»

1. Гора в окрестностях аула Хасаут с отвесными с трех сторон стенами, в которых вырублены пещерки (могилы)
2. И предок карачаевцев, и карачаевская форма обращения к

- человеку 3. Горский фольклор 4. Профессиональный певец, первый киноактер из числа карачаевцев 5. Крупное государство, оказавшее сильное влияние на христианизацию древних карачаевцев 6. Распространённое карачаевское мужское имя 7. «Жилище» карачаевца вне дома в любую погоду 8. Воспитатель, отец семейства, куда был принят для воспитания приемный сын 9. Небольшой хищный зверек с ценным светло-коричневым пушистым мехом в лесах Карачая 10. Известный в Карачае коннозаводчик - уроженец Схаута 11. Хищный зверь, согласно преданиям — прародитель тюрков 12. Женский пояс из серебра, отделанный чернью или филигранью — украшение горянки. 13. Известный советский археолог, внёсший большой вклад в расшифровку наскальных надписей на территории Карачая. 14. Карачаевская верста — расстояние, равное слышимости крика 15. Приток реки Хасаут, на берегу которого обнаружены куски слитков меди 16. Карачаевец, депутат Государственной Думы, основатель газеты «Горские ведомости» 17. Устаревшее

название правителя Карачая до включения его в состав России

Ответы на вопросы чайнворда: 1. Къала 2.Алан 3.Нартиада 4.Алиев(Чотай 5.Византия 6.Якъуб 7.Бурка 8.Аталык 9.Куница 10.Алиев(Теммот) 11.Волк 12.Кямар 13.Рунич 14.Чакырым 15.Мушт 16.Текеев 17.Вали .

Кроссворд: правильно ответив на вопросы, выделите слово «алан».

1.Карачаевское селение 2.Двуглавая гора, получившая еще название «Шат гора» 3.Карачаевская сплочённая родственная группа 4.Вид карачаевской пищи, обладающей, по словам известных людей, лучшими вкусовыми качествами .

Ответы: 1.Аул 2.Эльбрус 3.Атаул 4. Баранина.

Къарачай тукъум тамгъала. Тамги Карачаевских кланов, родов, фамилий*

Abay Абай		Abay(Malkar) Абай	
Abayhan Абайхан		Asi Аджи	
Adurhay Адурхай		Axtaw Ахтаў	
Aqzek Акъзек Aydamır Айдамыр		Aliy Алий	
Aybaz Айбаз		Aydebol Айдебол	

Aysandır Айсандыр		Bağatır Бағатыр	
Batça Батча		Bauçora Байчора	
Bayramqul Байрамкъл		Bayramuq Байрамукъ	
Bitta Бытта		Bici Биджи	
Biwtuwğan Бийтуўған		Borlaq Борлакъ	

Bostan Бостан		Botaş Ботащ	
Budıyan Будыйан		Sanxot ДЖанхот	
Saraştı Д Ж ара щт ы		Caşe ДЖаще	
Catto ДЖатто		Caza ДЖаза	
Dına Дина		Dekkuş Д е кку щ	
Duda Дуда		Elqan Елкъан	

Gappo Гаппо		Gola Гола	
Goguy Гогуй			
Xabiç Хабич		Xaçir Хачир	
Xalkeç Халкеч		Xapa Хапа	
Xasan Хасан		Xotulu Хотулу	
Xubiy Хубий		Xustos Хустос	
Kelemet Келемет		Keçerıq Кечерукъ	

Kipke Кипке	𐌕	Qarabaş Къарабаш	𐌆𐌖𐌕
Qaraköt Къаракёт	𐌕𐌕𐌕	Qayıt Къайыт	𐌕
Qırmşawxal Къырмшаўхал	𐌕𐌕𐌕	Qoba Къоба	𐌕
Qoban Къобан	𐌕	Qosaq Къоджакъ	𐌕
Qoçxar Къочхар	𐌕	Qululu Къулулу	𐌕𐌕
Qutıqulu Къумукъулу	𐌕	Laupan Лайпан	𐌕𐌕𐌕
Laupan – Boran Лайпан – Боран	𐌕	Liy Лий	𐌕

Mağaya Мағһайа		Mamaş Мамаш	
Meker Мекер		Nawruz Наўруз	
Orus Орус		Orusbiy Орусбий	
Özden Ёзден			
Sılpağar Салпағар		Sarı Сары	
Semen Семен		Süyünç Сюйюнч	
Şaxman Щахан		Şaxan Щахан	

Şaman Щаман			
Tambiy Тамбий		Tebu Тебу	
Teke Теке		Temirbolat Темирболат	
Tezaq Тезакъ		Toxçıq Тохчукъ	
Toturqul Тотуркъул		Gram Грам	
Tulpar Тулпар		Tuwğan Туўған	

*Тамги собраны профессором Казием Лайпановым. Компьютерная обработка
профессора Наси- Murat Hubey

СНЕЖНЫЙ БРЕД

Пелены полновесной
Нескончаемый бег,
Из прорехи небесной
Манной сыплется снег.

Белый саван ложится
На затерянный след,
Наважденьем кружится
В стылой мгле снежный бред.

Ветер стужей простужен,
Хлещет вьюжная плеть,
Белый демон разбужен,
Мрачных туч круговерть.

Белый призрак несётся,
Небо ширя плечом,
Над забытым колодезём,
Над застывшим ручьём.

И не надо стремиться,
И не стоит гореть —
Белоглазою птицей
Подбирается смерть.

Пелены вьюжных кружев
Опуская вуаль,
Время смертью закружит
Вечно снежную даль.

У ОКНА

Мелодия скрипки далекой тиха,
В мерцающем пламени свечи,
Ведет в полночь дыханьем греха
Прозрачный заснеженный вечер.

Наброшенный мех шелковистый, густой
Не греет озябшие плечи,
И скрипка поет с безысходной тоской
О прошлой и будущей встрече.

На синем стекле оживает узор,
Морозным стежком серебрится,
Рисуя страну у ледовых озер,
И бледные, смутные лица.

Театр теней, нарисованных лиц,
И ряженных белые маски...
Ах, ты - ты король, а не Маленький Принц
Из грустной, несбывшейся сказки.

Зовет за окном снеговая страна,
Пронзает звезда бесконечность,
У лунных озер золотая волна
Вернет мне былую беспечность.

И скрипка звенит с неугасшей тоской,
И в омуте грешном нет брода.
Мне нужен не ты, а забытый покой,
Беспечность, полёт и - свобода.

СОСНА

Как каменный зверь, заблудившийся в буковой чаще,
Застыл динозавром утес на поляне лесной,
С сосной на вершине, высокое небо разящей,
Гирляндю шишек обвешанной, стройной сосной.

Взлетев, об уступ разбивался неистовый ветер —
Гранитной броней закована прочно скала,
Заря обливала медовой росой на рассвете,
Парящий орел прикасался изгибом крыла.

Целебным из недр земли напоенная соком,
Сосна на скале зеленела с весны до весны,
Всегда устремленная в небо, всегда одинока —
Лишь камни нехоженой кручи — опора сосны.

НЕЖДАННОЕ ПРИГРЕЗИЛОСЬ ВО СНЕ...

Нежданное пригрезилось во сне,
Лишив обыкновенного покоя –
Что некто на танцующем коне
Мне меч вручил с насечкой золотою.

И, не жалея восхищенных слов,
Набросив звездный плащ рукой небрежной,
Так разъяснил мне толкователь снов —
Подарок этот - к встрече неизбежной.

Отточенный, в чеканных ножнах меч!
К чему мне звездочета заклинанья?
Я сберегла себя для боли встреч,
Не защитив от боли расставанья.

СЕНТЯБРЬ

В шумном, тенистом лесу птицы радостно пели.
Эхом далеким им такт отбивал лесоруб,
В бальных нарядах кружились пушистые ели,
Топал в фонариках-желудях кряжистый дуб.

Лес многозвучно тянулся в прозрачную просинь,
Летом и ветром натянутой звонкой струной –
Вдруг подобралась внезапно нежданная осень,
Охру вокруг разливая воздушной волной.

Осень-кудесница, нет её кисти предела –
Легким прыжком облетев зеленеющий бор,
Лес позолотой, играющей солнцем, одела,
Феи наряд заменив на жар-птицы убор.

Северный ветер последние трели уносит,
В струях кипящих каскадно летит водопад,
Ветру шаманит в экстазе и в жертву приносит
Лес на алтарь сентября золотой листопад...

ЛЕС ГОРИТ

Зловещей, утрюмою птицей
Зависла тяжелая тень,
И мрачная туча клубится
Над лесом уже третий день.

И облако дышит угаром,
Закрыв обозримость небес,
Безудержным, диким пожаром
Пылает нетронутый лес.

Пожара кровавые очи
Мерцают свеченьем углей;
Ползёт в темноте душевной ночи
Прожорливый огненный змей.

Струятся червленые реки,
Взрываясь в расщелинах гор.
Шутихи! Салют! Фейерверки?
Увы - погребальный костер...

ИЗЛОМ

Сумасшедший надежды разбитой, разрушенной тлен,
Боль сочится из раны зубами прокушенных вен,
Кровь, пульсируя змейкой, окрасила ало ладонь — Замурован
золой на заре полуночный огонь.

Сжала душу тоска холодком ледяного кольца,
С неминуемой встречей пришла неизбежность конца.
В огнедышащем зное июля бросает в мороз
Ледянистая корка внутри похоронных слёз.

Осязаемой вдруг показалась мечта впереди,
Сердце, то замирало, то бешено билось в груди,
Но порыв нежно-трепетный властно отбросил назад
Отчужденных драконовых глаз немигающий взгляд.

Разъедает, сжигает, томит слёз не пролитых соль,
Крик безмолвный до звезд донесет беспощадная боль, Боль
каленой стрелою, боль молнией в тело вошла.
Проклинаю века, что тебя безоглядно ждала.

СОЗВЕЗДИЕ ОРИОНА

Хорхе Каррера Андраде

Астральный предсказатель,
утверждающий свое незабвенье,
Стрелки высших часов, измеряющие нездешнее время,
Небесный соглядатай, проверивший земное сокровенье,
Раскинутые весы, взвалившие тысячелетий бремя.

Стеклярусный бисер в чернеющем бархате ночи морозной,
Недремлющий Аргус,
страж зимнего неба, и тьмы, и покоя,
Компас путнику, затерявшемуся ночью в дороге поздней,
Светлый циркуль,
очерчивающий вокруг заклинанье святое.

Многоглазый паук,
плетущий заговор звезд в немом отчуждении,
Далекый магнит навсегда отдаю тебе сердце, ликуя,
И молю о счастье полета, о свободе и вдохновении,
В час, когда ты выводишь
в густеющем мраке ярко букву «Я».

АПРЕЛЬ

Огонек свечи смятенный
Отражают зеркала,
Я влетела с южным ветром,
я сегодня весела,

За окном апрель тревожный,
Высоко плывет луна,

Я из грез неосторожных,
Из несбыточного сна.

И упрямо не сдаются
Первый лист, последний лед,
Я взовьюсь с вороньей стаей,
Ведьмой в призрачный полет,

И в магическом полете
Облечу дремотный луг,
Посмотрю глазами зайца,
Пробудившегося вдруг,

Я коснусь крылом зеркальных,
Засыпающих озёр,
Поднимусь в бесследном вихре
Выше леса, выше гор,

Ах, зачем так властно манит
В небо чарами луна!
Это шабаш в полнолуние,
Это шалая весна.

Но когда неотвратимо,
Зарумянится восток,
И от утреннего ветра
Встрепенется лепесток -

Я смирю в себе мятежный
И блуждающий огонь,
И росой прозрачной лягу
На зеленую ладонь.

ВЕДЬМА

Я северный ветер взнуздаю,
Я южный могу укрощать.
Из молний огонь высекаю,
Из солнца - слепящую прядь.

Зову заклинаньями грозы -
И тянутся тучи к руке,
И никнут тяжелые розы,
И волны темнеют в реке.

И ливню беспечному рада,
Иду танцевать под дождем,
И такт кастаньетами града
Чеканит рокочущий гром.

И утро мне светится ясно,
И луг, заискрится в росе,
Все ваши упреки напрасны -
Не буду такою, как все!

МОЛИТВА

Я древнему горному краю
Все песни свои посвящу,
Я новые оды слагаю,
Я чуткие краски ищу.

Палитру оттенков тасую -
Дивлюсь и восторг не таю,
Знакомый портрет нарисую,
Забывтый мотив напою.

Звнящей щемящей свирелью
Пронзительный чистый пассаж,
На светлом холсте акварелью
Задумчивый горный пейзаж

Нехоженность диких ущелий,
Туман ледниковых озер,
Крутых водопадов капли,
Цветистый альпийский ковер,

Медовых покосов дыханье -
Хмельной, многотравный купаж,
Сосновых вершин колыханье —
Вспохнувшего ветра кураж.

О родине песни слагаю,
Восторгам моим нет конца,
И голову низко склоняю
Пред мудростью щедрой Творца.

Немыслимых высях и далях
Отмерил всевластный Творец
В таинственных вечных скрижалях
Начало всего и конец.

Создателя мудрость и сила —
В гармонии весен и лет,
В немеркнущем блеске светила,
В полетах далеких комет,

В бессонной волне океана,
В согласном движении планет,
В пугающем взрыве вулкана,
В заре, выдыхающей свет.

С молитвой к Тебе обращаюсь,
Во мраке, прошу, не оставь,
В грехах и незнании каюсь —
Спаси, пожалей и наставь.

Мольбу не оставь без ответа,
К Тебе путь был найден с трудом.
Где грань между тьмою и светом,
Черта между злом и добром?

Открой откровения двери,
В беде и в тщете не покинь.
С Тобой я сильна в своей вере,
На все Твоя воля. Аминь.

ХИМЕРА

Я ростком терпеливым разрушу гранит,
Я хитра, как Далила, мудра, как Давид,
В послезавтра лечу из пустого вчера,
И не я, а ко мне устремится гора

Я разбила устои рутинных оков,
Я — дыхание тепла для застывших цветов,
Я слепая стихия, нечаянный стих,
Я сжигаю себя, но горю для других.

Как порывистый парус, я ветра полна,
Я звезды отраженье в озерах без дна,
Я несбыточность смутных бредовых идей,
Я потухший костер, полный жарких углей.

Ежедневности тень, путь мой быстрый тернист,
Я оторванный с дерева памяти лист,
Я свой ум пережила, как фрукты — свой сок,
Сокровенность вбирая, как влагу песок.

Я в прерывистом вздохе, в глухой тишине,
Все, в чем я нахожусь, существует во мне,
И я беспечный полет над тщетой бытия —
Отрешенность, свобода — природа моя.

ПРЕВРАЩЕНИЕ

Я гусеница. Сонно и уныло
Недвижно в хрупком панцире застыла.
Загадку мне эту не разгадать:
Летать иль ползать, ползать иль летать?

И таинству природы не мешает
Мой панцирь-саван. В долгой тишине
Таинственная сила совершает
Метаморфоз, определенный мне.

Заботливо природа подбирает
Мне радужные краски и узор,
Пусть жизни — день, пусть миг меня ласкает
Случайный, восхищенный, быстрый взор.

Как исстари за звездными ночами
Заря на небе — розовый топаз.
Расправив крылья, следом за лучами
Взлетаю. Бабочка павлиний глаз.

РАССТАВАНИЕ

Безумие затмило все на свете,
Неволя добровольная невмочь,
О воле мне шептал свободный ветер,
И многозвездностью роилась ночь.

Взвивался ветер и не знал смиренья,
И месяц в звездной гавани качал,
Земли, воды и воздуха творенье -
Отмечен знаком трёх родоначал.

Вспорхнул розовокрытый эльф рассвета
На небо, утонувшее в слезах.
Я на вопросы не даю ответа,
Я промолчу — ответ всегда в глазах.

Рассвета парусник подхвачен ветром,
Пажом, несущим мантию зари,
Я молнией взорвусь, прозрею светом,
И жертвы принесу на алтари.

Мне уходить сейчас — как в пропасть падать.
Фатальный вектор сделал поворот.
Не слезы это — брызги водопада,
Грядущее паденье — это взлет.

Я, нарушая высшие законы,
Во власти магии тигровых глаз,
Жила под знаком черного дракона —
Тотемным символом забытых рас.

Я совершала жрицей Пантеона
Самозабвенно культовый обряд,
Меня венчал, как лавры, как корона,
Пронзительный драконий желтый взгляд.

Душа в оковах жертвенной свободы —
У памяти капризный, легкий нрав.
Меня забвеньем обласкают воды
И зелье из настоя сонных трав.

Соблазнами заманчиво играя,
Судьба даст неожиданный ответ.
Забывтый след потерянного рая,
Потерянной души забывтый свет.

ЛЕТНЕЕ СОЛНЦЕСТОЯНИЕ

Солнце пролило янтарь горячий
Жаром в ледяную бирюзу,
Око раскаленное незряче
Размывает яркую лазурь.

Амулет, оживший из эбена,-
Чертит ястреб в небе хищный круг,
Рдеет мак из травяного плена,
Увенчав рубином пестрый луг.

Рвутся струны скрипки из самшита,
Рвутся нити суетных оков,
Грусть из дней невозвратимых свита,
Как венок из скошенных цветов.

На обрывках звездного билета,
Отряхнув минувшей славы грусть,
В безмятежность солнечного лета –
В океан забвенья окунись.

АПРЕЛЬСКИЙ БЕНЕФИС

Готовый разразиться бушующим дождём,
Туч занавес опущен, в них молнии и гром,
Вздываясь и меняясь, клокочут облака,
И небо беспокойно, как горная река.

Ах, действие это надо смотреть во все глаза:
Весенняя премьера – апрельская гроза!
Открытие сезона, репертуар на «бис»,
Первовесенний ливень устроил бенефис.

Озера потемнели, растрачивая цвет,-
Немедленно начнется обещанный концерт,
Настроил инструменты оркестр в вышине,
Готово представление – все внимлет тишине.

В партере торопливо листвою захлопал клён,
В софитах быстрых молний запел далекий гром,
Он показал бельканто, как истово он пел,
Тянул гремучим басом, раскатами звенел,

И, бухая в литавры, трубил он марш-парад,
Из-за кулис туманных вбежал на сцену град,
Сплясал задорно-дробный канкан кордебалет,
Под гулкий грохот грома, под молний яркий свет.

Шаманя, бубен неба потряхнул гром – жрец и вождь,
На авансцену вышел солист – апрельский дождь,
Изящно поклонился, по кругу побежал,
Припал к земле, с размаху травую зашуршал,

И зачастил в каскадных, неистовых прыжках.
И утонул в озерах, и спрятался в песках.
Восторженные слезы роняли лес и луг,
Но радуга сияньем затмила все вокруг.

Ах, действие это надо смотреть во все глаза –
Открытие сезона – апрельская гроза!

ФЕНИКС

Я – мифический Феникс. Предчувствуя смерть,
Выбираю свою – я умею гореть,
Погребенье в земле – это тленье и страх,
В очищении огнем возродится мой прах.

Оперенье мое – драгоценный наряд,
От горячего золота искры летят,
Пламя вкрут обвивается, жарко дыша,
Плоти плен покидая, взмывает душа.

Яркий отсвет и блеск, разливая кругом,
Я – на крыльях огня, я – в венце золотом,
Поднимается ввысь колесница огня,
Элемент первозданный уносит меня.

Но из пепла и праха воскресну опять,
Смерть сжигает дотла, чтобы жизнь вновь давать,
Я сгорю на земле, Я развеюсь в эфир,
Умирая – и вновь обновляясь, как мир.

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕР

Ветер качает гамак паутины,
Трепетно гнутся покорные ивы,
В млеющем воздухе – горечь полыни,
В небе закатном – зари переливы.

Сумерки метят бесшумные птицы,
Кипенный сад в кружевном одеянии,
Рой лепестков бесконечный кружится,
Землю задобрив весеннею данью.

В гаснущем зареве тают туманы,
Горы окутали мягкие тени,
Болью пронзив незажившие раны,
Амброй готовы пролиться сирени.
Ветер свернулся в истоме и лени,
Вечер безгрешные веет обманы.

МАЙ

Май взорвался в долгожданной трели,
Высадив десант зеленый вдруг,
Вальс цветов поля опять запели,
В изумрудном покрывале луг.

Синева на небе обновленном
Тешит от зимы уставший взор,
Важно и влюбленно смотрят клены
В перламутр фиалковых озер.

Стрекоза, ловя ручья течение,
Ищет отражение в воде,
Тонкое прозрачное свечение
Разливая в крытышке-слюде.

Улечу от суетного света
И себе навеку чары-сны
За орбитой хоженной планеты,
На обратной стороне Луны.

"...в вашем товарище нет одержимости. Поистине, он - только увещатель для вас пред жестким наказанием".

Звездой сверкая, восток благовестно светился,
Под утро свернул Млечный путь
свой сверкающий плед,
Болидом, пылающим ярко, эфир озарился,
Сияюще выплыл солнечный ветер в рассвет.

«Постичь дух небес и земли — это путь к совершенству,
Просите о милости высшей в молитвенный час —
Познать сокровенную мудрость, изведать блаженство —
О лучшей награде для самых достойных из вас.

570

Как вы очарованы брэнностью этого мира!
Вливаете в суетность жизни языческий страх!
Вам станут надгробьями идола — ваши кумиры,
Колосс суетверий на глиняных древних ногах.

Проклятьем нависло упрямство слепых заблуждений,
Как мало в вас неба, как каменно много земли!
Омойте иссохшие русла души просветленьем —
В прозреньи дороги из истины в вечность легли.

Но выбор ваш сделан, и с вами не Бог, а невежды,
 Опутала мысль паутиною вязкая лень,
 Услышьте душою, раскройте сомкнутые вежды —
 За смертью грядет день отчета за жизнь — Судный День.

Огнем всемогущего разума космос пылает,
Незримые — мощны божественной силы столпы,
Вглядитесь: бесцветный душевный пигмент отличает
Бездумность глухой, управляемой, вздорной толпы.

Без веры душе неподвижной наносят увечья... "
Но злобно и яростно сборище взвыло в ответ:
"До Судного Дня своего береги красноречье,
Для Бога, в которого веришь, безумный поэт!"

А ночью погасли планеты в чернеющей дали,
И млечно окутался звездно-пылающий сон.
"Знамение свыше..." в испуге одни прошептали,
"Туманность диффузная!" — важно изрек астроном.

...Тех дней безвозвратность
безжалостным временем смыта,
События канувших в Лету, исчезнувших лет
Пластами истории, все поглощающей, скрыты —
Но вечно остался в преданьях безумный поэт.

ВЫПИСКА ИЗ РЕШЕНИЯ

**Ученого Совета КЧГПУ от 3.07.01 г. (протокол 13)
о присвоении звания «Почетный доктор КЧГПУ»**

СЛУШАЛИ: Ходатайства редколлегии журнала «Ас-Алан» и межрегиональной общественно-политической демократической организации «Джамагъат» о рассмотрении вопроса на предмет присвоения звания «Почетный доктор КЧГПУ» следующим ученым:

Светлане Червонной, Барбаре Келльнер-Хайнкеле, Хаджи-Мурату Хубию, Энверу Токаеву. Заслушав и обсудив справки-представления о научно-педагогической и общественной деятельности перечисленных кандидатур.

РЕШИЛИ: Присвоить звание «Почетный доктор Карачаево-Черкесского государственного педагогического университета» следующим известным ученым:

1. Доктору искусствоведения, проф. **Червонной Светлане Михайловне**, ведущему научному сотруднику Института этнологии и антропологии РАН, автору более 400 научных публикаций по проблемам национальных культур и межэтнических отношений народов России, автору книг «Карачаево-Черкесия - 1999 г. Выборы главы республики», «Тюркский Мир Юго-Восточной Европы» и др.;

2. Доктору филологии, проф. **Барбаре Келльнер-Хайнкеле**, директору института тюркологии Свободного Берлинского Университета, соиздателю «Тюркологического ежегодника», члену консультативного комитета Института Востока Немецкого Восточного общества, заведующей секцией тюркологии журнала «Востоковедческая литературная газета», члену немецкого Восточного общества, Американского Восточного общества, Ассоциации тюркологических исследований и других обществ, издателю многих научных трудов, в том числе книги «Тюркский мир Юго-Восточной Европы»;

3. Доктору физико-математических наук, профессору факультета информатики колледжа естественных и

математических наук Государственного университета Монт-Клер (Нью-Джерси), Хаджи-Мурату Хубию, лауреату награды «Сокол», автору многих книг и статей, в том числе «Математическая и компьютерная лингвистика», «Карачаево-балкарский словарь и прототурецкий язык», «Карачаевцы и балкарцы» (глава в кавказской серии «Тюркские народы Северного Кавказа» и др.;

4. Доктору технических наук, профессору Энверу Саидовичу Токаеву, лауреату Государственных премий СССР (1989 г.) и РФ (1999г.), руководителю лаборатории Университета биотехнологии (Москва).

**Председатель Ученого Совета
Секретарь Ученого Совета**

**Тамбиев Б.Н.
Алиева Т. К.**

ИСЛАМ ЭЛЬСАНОВ ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ ИМ. С. КУЛИША

10-17 декабря 2001 года в Москве проходил 7. Международный Правозащитный кинофестиваль «Сталкер», в конкурсном показе которого приняли участие более 40 документальных и художественных фильмов из разных стран мира.

Организаторы фестиваля: УВК ООН по делам беженцев, Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса) – Россия, Международная детская организация ЮНИСЕФ ЮНЕСКО, Гильдия кинорежиссеров России. Президентом Фестиваля был Марлен Хуциев, председателем жюри конкурса Алексей Симонов.

Фильм чеченского писателя и кинорежиссера Ислама Эльсанова »В чаще» получил премию им. С.Кулиша «За развитие идей толерантности».

Ислам Эльсанов выпускник Литературного института им. А.М.Горького (1985) и Высших курсов сценаристов и режиссеров (2001).

Желаем чеченскому брату, как и всему героическому вайнахскому народу, мира и благополучия.

ЛАЙПАНОВ БОРИС КАЗИЕВИЧ

Любому ясно, что ему – сыну депортированного карачаевского народа – для его развития парниковых условий никто не создавал. Добился всего Борис Лайпанов сам: только благодаря своей крестьянской хватке, природной смекалке и упорству. Его путь в науку: Университет прикладной биотехнологии (куда он поступил после армии через подготовительное отделение), потом аспирантура...

И вот теперь, блестяще защитив докторскую диссертацию, он стал доктором ветеринарных наук.

ЭБЗЕЕВА ЕЛИЗАВЕТА ЮРЬЕВНА

стала кандидатом медицинских наук. Новое Слово в в науке сказать нелегко, тем более в медицине. Мы Тобой гордимся, землячка, и желаем дальнейших успехов и благополучия в жизни.

БОТАШЕВА ЗИНХАРА БИЛЯЛОВНА

успешно защитилась и удостоилась ученой степени кандидата искусствоведения. В наше тяжелое время преданно служить Культуре родного народа – это выше всяких похвал. Ишингден, Халкынгдан да кьууан, Зинхара!

*»Ас-Алан» будет продолжать знакомить читателей с теми людьми, которые делают честь своему народу. В этом, как и во всем остальном, надеемся на твою помощь, на твоё сотрудничество, дорогой читатель.

Содержание

Приветствие Руслана Аушева.....	3
Письмо проф. Кибрика А.Е. гл. редактору «Ас-Алан».....	4
Ответ гл. редактора «Ас-Алан» проф. Кибрику А.Е.	7
Ингушетия. Мемориал жертвам репрессий.....	20
Якуб Патиев. Республика Ингушетия: Начало пути.....	21
Исропил Сампиев. Социологический опрос жителей Республики Ингушетия о возможности объединения Ингушетии и Чечни в Чечено-Ингушскую или Вайнахскую Республику.....	39
Марьям Яндиева. Ингуши во Второй мировой войне.....	45
Уважаемый читатель.....	83
Профессор Walter Comins-Richmond.....	84
Walter Comins-Richmond. The Karachay Struggle After the Deportation.....	85
Сыспагъарланы Йылмаз. Къарачай-Малкъар халкъда «бий-ёзден-къул» къауумла болгъанмыдыла?.....	110
Валентина Невская. Карачай в 19 веке.....	130
Микаэль Чикатуев. Письмо Брата.....	485
Виль Ганиев. От автора.....	504
Татарская литература. 20 век.....	505
Эркенов Ибрагим Рамазанович (биография).....	527
Кроссворды.....	529
Къарачай тукъум тамгала.....	550
Шахриза Богатырёва. Стихи.....	557
Поздравления.....	572

Ответственные за выпуск:

**Б.Лайпанов,
А.Тоторкулов**

Оригинал-макет подготовлен
культурно-просветительским центром
«Ас-Алаю»

Издание осуществлено при поддержке:
Демократической организации «Джамагъат»,
Союза карачаевских писателей и
Карачаево-балкарской общины г. Москвы

Компьютерный набор М.Лайпанова
Компьютерная графика А.Кустов
Компьютерная верстка Б. Дмитриев

Подписано в печать с оригинал-макета 20.01.2002г.

Формат 60х88 1/16. Бумага газетная. Печать офсетная
Усл. печ. л.36. Уч. - изд. л.30,75. Тираж 5000 экз.
Заказ № 126. Цена договорная

Лицензия ЛРН 062945
от 26 августа 1998 г.
Свидетельство ПИ №77-1101
от 15 ноября 1999г.

ISBN 5-87553-034-0

Книжное издательство "Мир дому твоему".
г. Люберцы, 115-й квартал, Юбилейная- 5а

Отпечатано в Орехово-Зуевской типографии.
г. Орехово-Зуево, Московской обл.,
ул. Дзержинского, д. 1.

AS-ALAN

Kültür, Sanat, Bilim ve Araştırma Dergisi

Sahibi ve Yazı İşleri Müdürü

Bilal Laypan

Yazı kurulu

**Rasul Cappu, Aslan Atabiy, Aliy Totorkul, Yılmaz Nevruz,
Enver Toka, Hacı-Murat Hubey, Maryam Yandieva,
Adam Malsagov**

Danışma Kurulu

**Mustafa Dommayçı, Atilla Şimşek, Abdullah Yücesan, Yaşar
Kalafat, Sema Çotça, Murat Botaş, Rıza Dağlı, Eza Laypan,
Öztekin Korkmaz, Cengiz Çagar, Abat Ali, Azret-Aliy
Keçeruk, Ramazan Cukka, Zubeiyr Korkmaz, Bahautdin
Etez, Nür-Magomet Laypan, Rades Kuli, Boris Korkmaz,
Kazbek Bostan, Soltan Hubiy, Boris Laypan, Aliy Şidak,
Alan Laypan**

Haberleşme Adresi:

**109518, Russia, Moscow,
Grayvoronovskaya, 21-110
E-mail: bilallaypan@mtu-net.ru
Tel/fax (095)177-99-20**

